Артур Конан Дойль

Собрание сочинений в восьми томах. Том 2

Артур Конан Дойль

Собрание сочинений в восьми томах

Том 2

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЁК»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА 1966

Записки
о
Шерлоке
Холмсе

Серебряный

(Перевод Ю.Жуковой)

— Боюсь, Уотсон, что мне придется ехать, — сказал как-то за завтраком Холмс.

— Ехать? Куда?

— В Дартмур, в Кингс-Пайленд.

Я не удивился. Меня куда больше удивляло, что Холмс до сих пор не принимает участия в расследовании этого из ряда вон выходящего дела, о котором говорили вся Англия. Весь вчерашний день мой приятель ходил по комнате из угла в угол, сдвинув брови и низко опустив голову, то и дело набивая трубку крепчайшим черным табаком и оставаясь абсолютно глухим ко всем моим вопросам и замечаниям. Свежие номера газет, присылаемые нашим почтовым агентом, Холмс бегло просматривал и бросал в угол. И все-таки, несмотря на его молчание, я знал, чтó занимает его. В настоящее время в центре внимания публики, было только одно, что могло бы дать достаточно пищи его аналитическому уму, — таинственное исчезновение фаворита, который должен был участвовать в скачках на кубок Уэссекса, и трагическое убийство его тренера. И когда Холмс вдруг объявил мне о своем намерении ехать в Кингс-Пайленд, то есть туда, где разыгралась трагедия, то я ничуть не удивился — я ждал этого.

— Я был бы счастлив поехать с вами, если, конечно, не буду помехой, — сказал я.

— Мой дорогой Уотсон, вы сослужите мне большую службу, если поедете. И я уверен, что вы не даром потратите время, ибо случай этот, судя по тому, что уже известно, обещает быть исключительно интересным. Едем сейчас в Паддингтон, мы еще успеем на ближайший поезд. По дороге я расскажу вам подробности. Да, захватите, пожалуйста, ваш превосходный полевой бинокль, он может пригодиться.

Вот так и случилось, что спустя час после нашего разговора мы уже сидели в купе первого класса, и поезд мчал нас в направлении Эксетера. Худое сосредоточенное лицо моего друга в надвинутом на лоб дорожном картузе склонилось над пачкой свежих газет, которыми он запасся в киоске на Паддингтонском вокзале. Наконец — Рединг к тому времени остался уже далеко позади — он сунул последнюю газету под сиденье и протянул мне портсигар.

— А мы хорошо едем, — заметил он, взглядывая то на часы, то в окно. — Делаем пятьдесят три с половиной мили в час.

— Я не заметил ни одного дистанционного столбика.

— И я тоже. Но расстояние между телеграфными столбами по этой дороге шестьдесят ярдов, так что высчитать скорость ничего не стоит. Вам, конечно, известны подробности об убийстве Джона Стрэкера и исчезновении Серебряного?

— Только те, о которых сообщалось в «Телеграф» и в «Кроникл».

— Это один из случаев, когда искусство логически мыслить должно быть использовано для тщательного анализа и отбора уже известных фактов, а не для поисков новых. Трагедия, с которой мы столкнулись, так загадочна и необычна и связана с судьбами стольких людей, что полиция буквально погибает от обилия версий, догадок и предположений. Трудность в том, чтобы выделить из массы измышлений и домыслов досужих толкователей и репортеров несомненные, непреложные факты. Установив исходные факты, мы начнем строить, основываясь на них, нашу теорию и попытаемся определить, какие моменты в данном деле можно считать узловыми. Во вторник вечером я получил две телеграммы — от хозяина Серебряного полковника Росса и от инспектора Грегори, которому поручено дело. Оба просят моей помощи.

— Во вторник вечером! — воскликнул я. — А сейчас уже четверг. Почему вы не поехали туда вчера?

— Я допустил ошибку, милый Уотсон. Боюсь, со мной это случается гораздо чаще, чем думают люди, знающие меня только по вашим запискам. Я просто не мог поверить, что лучшего скакуна Англии можно скрывать так долго, да еще в таком пустынном краю, как Северный Дартмур. Вчера я с часу на час ждал сообщения, что лошадь нашли и что ее похититель — убийца Джона Стрэкера. Но прошел день, прошла ночь, и единственное, что прибавилось к

делу, — это арест молодого Фицроя Симпсона. Я понял, что пора действовать. И все-таки у меня такое ощущение, что вчерашний день не прошел зря.

— У вас уже есть версия?

— Нет, но я выделил самые существенные факты. Сейчас я вам изложу их. Ведь лучший способ добраться до сути дела — рассказать все его обстоятельства кому-то другому. К тому же вы вряд ли сможете мне помочь, если не будете знать, чем мы сейчас располагаем.

Я откинулся на подушки, дымя сигарой, а Холмс, подавшись вперед и чертя для наглядности по ладони тонким длинным пальцем, стал излагать мне события, заставившие нас предпринять это путешествие.

— Серебряный, — начал он, — сын Самоцвета и Отрады и ничем не уступает своему знаменитому отцу. Сейчас ему пять лет. Вот уже три года, как его счастливому обладателю, полковнику Россу, достаются на скачках все призы. Когда произошло несчастье. Серебряный считался первым фаворитом скачек на кубок Уэссекса; ставки на него заключались три к одному. Он был любимец публики и еще ни разу не подводил своих почитателей. Даже если с ним бежали лучшие лошади Англии, на него всегда ставили огромные суммы. Понятно поэтому, что есть много людей, в интересах которых не допустить появления Серебряного у флага и в будущий вторник. Это, конечно, прекрасно понимали в Кингс-Пайленде, где находится тренировочная конюшня полковника Росса. Фаворита строжайше охраняли. Его тренером был Джон Стрэкер, прослуживший у полковника двенадцать лет, из которых пять лет он был жокеем, пока не стал слишком тяжел для положенного веса. Обязанности свои он всегда выполнял образцово и был преданным слугой. У него было трое помощников, потому что конюшня маленькая — всего четыре лошади. Ночью один конюх дежурил в конюшне, а другие спали на сеновале. Все трое — абсолютно надежные парни. Джон Стрэкер жил с женой в небольшом коттедже, ярдах в двухстах от конюшни. Платил ему полковник хорошо, детей у них нет, убирает в доме и стирает служанка. Местность вокруг Кингс-Пайленда пустынная, только к северу на расстоянии полумили каким-то подрядчиком из Тавистока выстроено несколько вилл для больных и вообще желающих подышать целебным дартмурским воздухом. Сам Тависток находится на западе, до него две мили, а по другую сторону равнины, тоже на расстоянии двух миль, расположен Кейплтон — усадьба лорда Бэкуотера, где также имеется конюшня. Лошадей там больше, чем в Кингс-Пайленде; управляющим служит Сайлес Браун. Вокруг на много миль тянутся поросшие кустарником пустоши, совершенно необитаемые, если не считать цыган, которые время от времени забредают сюда. Вот обстановка, в которой в ночь с понедельника на вторник разыгралась драма.

Накануне вечером, как обычно, лошадей тренировали и купали, а в девять часов конюшню заперли. Двое конюхов пошли в домик тренера, где их в кухне накормили ужином, а третий — Нэд Хантер — остался дежурить в конюшне. В начале десятого служанка — ее зовут Эдит Бакстер — понесла ему ужин — баранину с чесночным соусом. Никакого питья она не взяла, потому что в конюшне имеется кран, а пить что-нибудь, кроме воды, ночному сторожу не разрешается. Девушка зажгла фонарь, — уже совсем стемнело, а тропинка к конюшне шла сквозь заросли дрока. Ярдах в тридцати от конюшни перед Эдит Бакстер возник из темноты человек и крикнул, чтобы она подождала. В желтом свете фонаря она увидела мужчину — по виду явно джентльмена — в сером твидовом костюме и фуражке, в гетрах и с тяжелой тростью в руках. Он был очень бледен и сильно нервничал. Лет ему, она решила, тридцать — тридцать пять.

— Вы не скажете мне, где я нахожусь? — спросил он девушку. — Я уж решил, что придется ночевать в поле, и вдруг увидел свет вашего фонаря.

— Вы в Кингс-Пайленде, возле конюшни полковника Росса, — отвечала ему девушка.

— Неужели? Какая удача! — воскликнул он. — Один из конюхов, кажется, всегда ночует в конюшне, да? А вы, наверное, несете ему ужин? Вы ведь не такая гордая, правда, и не откажетесь от нового платья?

Он вынул из кармана сложенный листок бумаги.

— Передайте это сейчас конюху, и у вас будет самое нарядное платье, какое только можно купить за деньги.

Волнение незнакомца испугало девушку, она бросилась к оконцу, через которое всегда подавала конюху ужин. Оно было уже открыто, Хантер сидел возле за столиком. Только служанка открыла рот, чтобы рассказать ему о случившемся, как незнакомец снова оказался рядом.

— Добрый вечер, — проговорил он, заглядывая в окошко. — У меня к вам дело.

Девушка клянется, что, произнося эти слова, он сжимал в руке какую-то бумажку.

— Какое у вас ко мне может быть дело? — сердито спросил конюх.

— Дело, от которого и вам может кое-что перепасть. Две ваши лошади, Серебряный и Баярд, участвуют в скачках на кубок Уэссекса. Ответьте мне на несколько вопросов, и я не останусь в долгу. Правда, что вес, который несет Баярд, позволяет ему обойти Серебряного на сто ярдов в забеге на пять ферлонгов и что вы сами ставите на него?

— Ах, вот вы кто! — закричал конюх. — Сейчас я покажу вам, как мы встречаем шпионов!

Он побежал спустить собаку. Служанка бесилась к дому, но на бегу оглянулась и увидела, что незнакомец просунул голову в окошко. Когда через минуту Хантер выскочил из конюшни с собакой, то его уже не было, и хотя они обежали все здания и пристройки, никаких следов не обнаружили.

— Стойте! — перебил я Холмса. — Когда конюх выбежал с собакой во двор, он оставил дверь конюшни открытой?

— Прекрасно, Уотсон, прекрасно! — улыбнулся мой друг. — Это обстоятельство показалось мне столь существенным, что я вчера даже запросил об этом Дартмур телеграммой. Так вот, дверь конюх запер. А окошко, оказывается, очень узкое, человек сквозь него не пролезет. Когда другие конюхи вернулись после ужина, Хантер послал одного рассказать обо всем тренеру. Стрэкер встревожился, но большого значения случившемуся как будто не придал. Впрочем, смутная тревога все-таки не оставляла его, потому что, проснувшись в час ночи, миссис Стрэкер увидела, что муж одевается. Он объяснил ей, что беспокоится за лошадей и хочет посмотреть, все ли в порядке. Она умоляла его не ходить, потому что начался дождь, — она слышала, как он стучит в окно, — но Стрэкер накинул плащ и ушел. Миссис Стрэкер проснулась снова в семь утра. Муж еще не возвращался. Она поспешно оделась, кликнула служанку и пошла в конюшню. Дверь была отворена, Хантер сидел, уронив голову на стол, в состоянии полного беспамятства, денник фаворита был пуст, нигде никаких следов тренера. Немедленно разбудили ночевавших на сеновале конюхов. Ребята они молодые, спят крепко, ночью никто ничего не слыхал. Хантер был, по всей видимости, под действием какого-то очень сильного наркотика. Так как толку от него добиться было нельзя, обе женщины оставили его отсыпаться, а сами побежали искать пропавших. Они все еще надеялись, что тренер из каких-то соображений вывел жеребца на раннюю прогулку. Поднявшись на бугор за коттеджем, откуда было хорошо видно кругом, они не заметили никаких следов фаворита, зато в глаза им бросилась одна вещь, от которой у них сжалось сердце в предчувствии беды.

Примерно в четверти мили от конюшни на куст дрока был брошен плащ Стрэкера, и ветерок трепал его полы. Подбежав к кусту, женщины увидели за ним небольшой овражек и на дне его труп несчастного тренера. Голова была размозжена каким-то тяжелым предметом, на бедре рана — длинный тонкий порез, нанесенный, без сомнения, чем-то чрезвычайно острым. Все говорило о том, что Стрэкер отчаянно защищался, потому что его правая рука сжимала маленький нож, по самую рукоятку в крови, а левая — красный с черным шелковый галстук, тот самый галстук, который, по словам служанки, был на незнакомце, появившемся накануне вечером у конюшни. Очнувшись, Хантер подтвердил, что это галстук незнакомца. Он также не сомневался, что незнакомец подсыпал ему что-то в баранину, когда стоял у окна, и в результате конюшня осталась без сторожа. Что касается пропавшего Серебряного, то многочисленные следы в грязи, покрывавшей дно роковой впадины, указывали на то, что он был тут во время борьбы. Но затем он исчез. И хотя за сведения о нем полковник Росс предлагает огромное вознаграждение, и все кочующие по Дартмуру цыгане допрошены, до сих пор о Серебряном нет ни слуху ни духу. И наконец вот еще что: анализ остатков ужина Хантера показал, что в еду была подсыпана большая доза опиума, между тем все остальные обитатели Кингс-Пайленда ели в тот вечер то же самое блюдо, и ничего дурного с ними не произошло. Вот основные факты, очищенные от наслоения домыслов и догадок, которыми обросло дело. Теперь я расскажу вам, какие шаги предприняла полиция. Инспектор Грегори, которому поручено дело, — человек энергичный. Одари его природа еще и воображением, он мог бы достичь вершин сыскного искусства. Прибыв на место происшествия, он очень быстро нашел и арестовал человека, на которого, естественно, падало подозрение. Найти его не составило большого труда, потому что он был хорошо известен в округе. Имя его — Фицрой Симпсон. Он хорошего рода, получил прекрасное образование, но все свое состояние проиграл на скачках. Последнее время жил тем, что мирно занимался букмекерством в спортивных лондонских клубах. В его записной книжке обнаружили несколько пари до пяти тысяч фунтов против фаворита. Когда его арестовали, он признался, что приехал в Дартмур в надежде

раздобыть сведения о лошадях Кингс-Пайленда и о втором фаворите, жеребце Бронзовом, находящемся на попечении Сайлеса Брауна в кейплтонской конюшне. Он и не пытался отрицать, что в понедельник вечером был в Кингс-Пайленде, однако уверяет, что ничего дурного не замышлял, хотел только получить сведения из первых рук. Когда ему показали галстук, он сильно побледнел и совершенно не мог объяснить, как галстук оказался в руке убитого. Мокрая одежда Симпсона доказывала, что ночью он попал под дождь, а его суковатая трость со свинцовым набалдашником вполне могла быть тем самым оружием, которым тренеру были нанесены эти ужасные раны. С другой стороны, на нем самом нет ни царапины, а ведь окровавленный нож Стрэкера — неопровержимое доказательство, что по крайней мере один из нападавших на него бандитов пострадал. Вот, собственно, и все, и если вы сможете мне помочь, Уотсон, я буду вам очень признателен.

Я с огромным интересом слушал Холмса, изложившего мне обстоятельства этого дела со свойственной ему ясностью и последовательностью. Хотя все факты были мне уже известны, я не мог установить между ними ни связи, ни зависимости.

— А не может ли быть, — предположил я, — что Стрэкер сам нанес себе рану во время конвульсий, которыми сопровождается повреждение лобных долей головного мозга.

— Вполне возможно, — сказал Холмс. — Если так, то обвиняемый лишается одной из главных улик, свидетельствующих в его пользу.

— И все-таки, — продолжал я, — я никак не могу понять гипотезу полиции.

— Боюсь, в этом случае против любой гипотезы можно найти очень веские возражения. Насколько я понимаю, полиция считает, что Фицрой Симпсон подсыпал опиум в ужин Хантера, отпер конюшню ключом, который он где-то раздобыл, и увел жеребца, намереваясь, по всей видимости, похитить его. Уздечки в конюшне не нашли — Симпсон, вероятно, надел ее на лошадь. Оставив дверь незапертой, он повел ее по тропинке через пустошь, и тут его встретил или догнал тренер. Началась драка, Симпсон проломил тренеру череп тростью, сам же не получил и царапины от ножичка Стрэкера, которым тот пытался защищаться. Потом вор увел лошадь и где-то спрятал ее, или, может быть, лошадь убежала, пока они дрались, и теперь бродит где-то по пустоши. Вот как представляет происшедшее полиция, и, как ни маловероятна эта версия, все остальные кажутся мне еще менее вероятными. Как только мы прибудем в Дартмур, я проверю ее, — иного способа сдвинуться с мертвой точки я не вижу.

Начинало вечереть, когда мы подъехали к Тавистоку — маленькому городку, торчащему, как яблоко на щите, в самом центре обширного Дартмурского плоскогорья. На платформе нас встретили высокий блондин с львиной гривой, пышной бородой и острым взглядом голубых глаз и невысокий элегантно одетый джентльмен, энергичный, с небольшими холеными баками и моноклем. Это были инспектор Грегори, чье имя приобретало все большую известность в Англии, и знаменитый спортсмен и охотник полковник Росс.

— Я очень рад, что вы приехали, мистер Холмс, — сказал полковник, здороваясь. — Инспектор сделал все возможное, но, чтобы отомстить за гибель несчастного Стрэкера и найти Серебряного, я хочу сделать и невозможное.

— Есть какие-нибудь новости? — спросил Холмс.

— Увы, результаты расследования пока оставляют желать лучшего, — сказал инспектор. — Вы, конечно, хотите поскорее увидеть место происшествия. Поэтому едем, пока не стемнело, поговорим по дороге. Коляска нас ждет.

Через минуту удобное, изящное ландо катило нас по улицам старинного живописного городка. Инспектор Грегори с увлечением делился с Холмсом своими мыслями и соображениями; Холмс молчал, время от времени задавая ему вопросы. Полковник Росс в разговоре участия не принимал, он сидел, откинувшись на спинку сиденья, скрестив руки на груди и надвинув шляпу на лоб. Я с интересом прислушивался к разговору двух детективов: версию, которую излагал сейчас Грегори, я уже слышал от Холмса в поезде.

— Петля вот-вот затянется вокруг шеи Фицроя Симпсона, — заключил Грегори. — Я лично считаю, что преступник он. С другой стороны, нельзя не признать, что все улики против него косвенные и что новые факты могут опровергнуть наши выводы.

— А нож Стрэкера?

— Мы склонились к выводу, что Стрэкер сам себя ранил, падая.

— Мой друг Уотсон высказал такое же предположение по пути сюда. Если так, это обстоятельство оборачивается против Симпсона.

— Разумеется. У него не нашли ни ножа, ни хотя бы самой пустяковой царапины на теле. Но улики против него, конечно, очень сильные. Он был в высшей степени заинтересован в исчезновении фаворита; никто, кроме него, не мог отравить конюха, ночью он попал где-то под сильный дождь, он был вооружен тяжелой тростью, и, наконец, его галстук был зажат в руке покойного. Улик, по-моему, достаточно, чтобы начать процесс.

Холмс покачал головой.

— Неглупый защитник не оставит от доводов обвинения камня на камне, — заметил он. — Зачем Симпсону нужно было выводить лошадь из конюшни? Если он хотел что-то с ней сделать, почему не сделал этого там? А ключ — разве у него нашли ключ? В какой аптеке продали ему порошок опиума? И наконец, где Симпсон, человек, впервые попавший в Дартмур, мог спрятать лошадь, да еще такую, как Серебряный? Кстати, что он говорит о бумажке, которую просил служанку передать конюху?

— Говорит, это была банкнота в десять фунтов. В его кошельке действительно такую банкноту нашли. Что касается всех остальных ваших вопросов, ответить на них вовсе не так сложно, как вам кажется. Симпсон в этих краях не впервые, — летом он дважды приезжал в Тависток. Опиум он скорее всего привез из Лондона. Ключ, отперев конюшню, выкинул. А лошадь, возможно, лежит мертвая в одной из заброшенных шахт.

— Что он сказал о галстуке?

— Признался, что галстук его, но твердит, что потерял его где-то в тот вечер. Но тут выяснилось еще одно обстоятельство, которое как раз и может объяснить, почему он увел лошадь из конюшни.

Холмс насторожился.

— Мы установили, что примерно в миле от места убийства ночевал в ночь с понедельника на вторник табор цыган. Утром они снялись и ушли. Так вот, если предположить, что у Симпсона с цыганами был сговор, то напрашивается вывод, что именно к ним он и вел коня, когда его повстречал тренер, и что сейчас Серебряный у них, не так ли?

— Вполне вероятно.

— Плоскогорье сейчас прочесывается в поисках этих цыган. Кроме того, я осмотрел все конюшни и сараи в радиусе десяти миль от Тавистока.

— Тут ведь поблизости есть еще одна конюшня, где содержат скаковых лошадей?

— Совершенно верно, и это обстоятельство ни в коем случае не следует упускать из виду. Поскольку их жеребец Беспечный — второй претендент на кубок Уэссекса, исчезновение фаворита было его владельцу тоже очень выгодно. Известно, что, во-первых, кейплтонский тренер Сайлес Браун заключил несколько крупных пари на этот забег и что, во-вторых, дружбы с беднягой Стрэкером он никогда не водил. Мы, конечно, осмотрели его конюшню, но не обнаружили ничего, указывающего на причастность кейплтонского тренера к преступлению.

— И ничего, указывающего на связь Симпсона с кейплтонской конюшней?

— Абсолютно ничего.

Холмс уселся поглубже, и разговор прервался. Через несколько минут экипаж наш остановился возле стоящего у дороги хорошенького домика из красного кирпича, с широким выступающим карнизом. За ним, по ту сторону загона, виднелось строение под серой черепичной крышей. Вокруг до самого горизонта тянулась волнистая равнина, буро-золотая от желтеющего папоротника, только далеко на юге подымались островерхие крыши Тавистока да к западу от нас стояло рядом несколько домиков кейплтонской конюшни. Мы все выпрыгнули из коляски, а Холмс так и остался сидеть, глядя прямо перед собой, поглощенный какими-то своими мыслями. Только когда я тронул его за локоть, он вздрогнул и стал вылезать.

— Простите меня, — обратился он к полковнику Россу, который глядел на моего друга с недоумением, — простите меня, я задумался.

По блеску его глаз и волнению, которое он старался скрыть, я догадался, что он близок к

разгадке, хотя и не представлял себе хода его мыслей.

— Вы, наверное, хотите первым делом осмотреть место происшествия, мистер Холмс? — предположил Грегори.

— Мне хочется побыть сначала здесь и уточнить несколько деталей. Стрэкера потом принесли сюда, не так ли?

— Да, он лежит сейчас наверху.

— Он служил у вас несколько лет, полковник?

— Я всегда был им очень доволен.

— Карманы убитого, вероятно, осмотрели, инспектор?

— Все вещи в гостиной. Если хотите, можете взглянуть.

— Да, благодарю вас.

В гостиной мы сели вокруг стоящего посреди комнаты стола. Инспектор отпер сейф и разложил перед нами его содержимое: коробка восковых спичек, огарок свечи длиной в два дюйма, трубка из корня вереска, кожаный кисет и в нем пол-унции плиточного табаку, серебряные часы на золотой цепочке, пять золотых соверенов, алюминиевый наконечник для карандаша, какие-то бумаги, нож с ручкой из слоновой кости и очень тонким негнущимся лезвием, на котором стояла марка «Вайс и Кº, Лондон».

— Очень интересный нож, — сказал Холмс, внимательно разглядывая его. — Судя по засохшей крови, это и есть тот самый нож, который нашли в руке убитого. Что вы о нем скажете, Уотсон? Такие ножи по вашей части.

— Это хирургический инструмент, так называемый катарактальный нож.

— Так я и думал. Тончайшее лезвие, предназначенное для тончайших операций. Не странно ли, что человек, отправляющийся защищаться от воров, захватил его с собой, — особенно если учесть, что нож не складывается?

— На кончик был надет кусочек пробки, мы его нашли возле трупа, — объяснил инспектор. — Жена Стрэкера говорит, нож лежал у них несколько дней на комоде, и, уходя ночью, Стрэкер взял его с собой. Оружие не ахти какое, но, вероятно, ничего другого у него под рукой в тот момент не было.

— Вполне возможно. Что это за бумаги?

— Три оплаченных счета за сено. Письмо полковника Росса с распоряжениями. А это счет на тридцать семь фунтов пятнадцать шиллингов от портнихи, мадам Лезерье с Бонд-стрит, на имя Уильяма Дербишира. Миссис Стрэкер говорит, что Дербишир — приятель ее мужа и что время от времени письма для него приходили на их адрес.

— У миссис Дербишир весьма дорогие вкусы, — заметил Холмс, просматривая счет. — Двадцать две гинеи за один туалет многовато. Ну что ж, тут как будто все, теперь отправимся на место преступления.

Мы вышли из гостиной, и в этот момент стоящая в коридоре женщина шагнула вперед и тронула инспектора за рукав. На ее бледном, худом лице лежал отпечаток пережитого ужаса.

— Нашли вы их? Поймали? — Голос ее сорвался.

— Пока нет, миссис Стрэкер. Но вот только что из Лондона приехал мистер Холмс, и мы надеемся с его помощью найти преступников.

— По-моему, мы с вами не так давно встречались, миссис Стрэкер, — помните, в Плимуте, на банкете? — спросил Холмс.

— Нет, сэр, вы ошибаетесь.

— В самом деле? А мне показалось, это были вы. На вас было стального цвета шелковое платье, отделанное страусовыми перьями.

— У меня никогда не было такого платья, сэр!

— А-а, значит, я обознался. — И, извинившись, Холмс последовал за инспектором во двор.

Несколько минут ходьбы по тропинке среди кустов привели нас к оврагу, в котором нашли труп. У края его рос куст дрока, на котором в то утро миссис Стрэкер и служанка заметили плащ убитого.

— Ветра в понедельник ночью как-будто не было, — сказал Холмс.

— Ветра — нет, но шел сильный дождь.

— В таком случае плащ не был заброшен ветром на куст, его кто-то положил туда.

— Да, он был аккуратно сложен.

— А знаете, это очень интересно! На земле много следов. Я вижу, в понедельник здесь побывало немало народу.

— Мы вставали только на рогожу. Она лежала вот здесь, сбоку.

— Превосходно.

— В этой сумке ботинок, который был в ту ночь на Стрэкере, ботинок Фицроя Симпсона и подкова Серебряного.

— Дорогой мой инспектор, вы превзошли самого себя!

Холмс взял сумку, спустился в яму и подвинул рогожу ближе к середине. Потом улегся на нее и, подперев руками подбородок, принялся внимательно изучать истоптанную глину.

— Ага! — вдруг воскликнул он. — Это что?

Холмс держал в руках восковую спичку, покрытую таким слоем грязи, что с первого взгляда ее можно было принять за сучок.

— Не представляю, как я проглядел ее, — с досадой сказал инспектор.

— Ничего удивительного! Спичка была втоптана в землю. Я заметил ее только потому, что искал.

— Как! Вы знали, что найдете здесь спичку?

— Я не исключал такой возможности.

Холмс вытащил ботинки из сумки и стал сравнивать подошвы со следами на земле. Потом он выбрался из ямы и пополз, раздвигая кусты.

— Боюсь, больше никаких следов нет, — сказал инспектор. — Я все здесь осмотрел самым тщательным образом. В радиусе ста ярдов.

— Ну что ж, — сказал Холмс, — я не хочу быть невежливым и не стану еще раз все осматривать. Но мне бы хотелось, пока не стемнело, побродить немного по долине, чтобы лучше ориентироваться здесь завтра. Подкову я возьму себе в карман на счастье.

Полковник Росс, с некоторым нетерпением следивший за спокойными и методичными действиями Холмса, взглянул на часы.

— А вы, инспектор, пожалуйста, пойдемте со мной. Я хочу с вами посоветоваться. Меня сейчас волнует, как быть со списками участников забега. По-моему, наш долг перед публикой — вычеркнуть оттуда имя Серебряного.

— Ни в коем случае! — решительно возразил Холмс. — Пусть остается.

Полковник поклонился.

— Я чрезвычайно благодарен вам за совет, сэр. Когда закончите свою прогулку, найдете нас в домике несчастного Стрэкера, и мы вместе вернемся в Тависток.

Они направились к дому, а мы с Холмсом медленно пошли вперед. Солнце стояло над самыми крышами кейплтонской конюшни; перед нами полого спускалась к западу равнина, то золотистая, то красновато-бурая от осенней ежевики и папоротника. Но Холмс, погруженный

в глубокую задумчивость, не замечал прелести пейзажа.

— Вот что, Уотсон, — промолвил он наконец, — мы пока оставим вопрос, кто убил Стрэкера, и будем думать, что произошло с лошадью. Предположим, Серебряный в момент преступления или немного позже ускакал. Но куда? Лошадь очень привязана к человеку. Предоставленный самому себе, Серебряный мог вернуться в Кингс-Пайленд или убежать в Кейплтон. Что ему делать одному в поле? И уж, конечно, кто-нибудь да увидел бы его там. Теперь цыгане, — зачем им было красть его? Они чуть что прослышат — спешат улизнуть: полиции они боятся хуже чумы. Надежды продать такую лошадь, как Серебряный, у них нет. Украсть ее — большой риск, а выгоды — никакой. Это вне всякого сомнения.

— Где же тогда Серебряный?

— Я уже сказал, что он или вернулся в Кингс-Пайленд, или поскакал в Кейплтон. В Кингс-Пайленде его нет. Значит, он в Кейплтоне. Примем это за рабочую гипотезу и посмотрим, куда она нас приведет. Земля здесь, как заметил инспектор, высохла и стала тверже камня, но местность слегка понижается к Кейплтону, и в той лощине ночью в понедельник, наверное, было очень сыро. Если наше предположение правильно, Серебряный скакал в этом направлении, и нам нужно искать его следы.

Беседуя, мы быстро шли вперед и через несколько минут спустились в лощину. Холмс попросил меня обойти ее справа, а сам взял левее, но не успел я сделать и пятидесяти шагов, как он закричал мне и замахал рукой. На мягкой глине у его ног виднелся отчетливый конский след. Холмс вынул из кармана подкову, которая как раз пришлась к отпечатку.

— Вот что значит воображение, — улыбнулся Холмс. — Единственное качество, которого недостает Грегори. Мы представили себе, что могло бы произойти, стали проверять предположение, и оно подтвердилось. Идем дальше.

Мы перешли хлюпающее под ногами дно лощинки и с четверть мили шагали по сухому жесткому дерну. Снова начался небольшой уклон, и снова мы увидели следы, потом они исчезли и появились только через полмили, совсем близко от Кейплтона. Увидел их первым Холмс — он остановился и с торжеством указал на них рукой. Рядом с отпечатками копыт на земле виднелись следы человека.

— Сначала лошадь была одна! — вырвалось у меня.

— Совершенно верно, сначала лошадь была одна. Стойте! А это что?

Двойные следы человека и лошади резко повернули в сторону Кингс-Пайленда. Холмс свистнул. Мы пошли по следам. Он не поднимал глаз от земли, но я повернул голову вправо и с изумлением увидел, что эти же следы шли в обратном направлении.

— Один ноль в вашу пользу, Уотсон, — сказал Холмс, когда я указал ему на них, — теперь нам не придется делать крюк, который привел бы нас туда, где мы стоим. Пойдемте по обратному следу.

Нам не пришлось идти долго. Следы кончились у асфальтовой дорожки, ведущей к воротам Кейплтона. Когда мы подошли к ним, нам навстречу выбежал конюх.

— Идите отсюда! — закричал он. — Нечего вам тут делать.

— Позвольте только задать вам один вопрос, — сказал Холмс, засовывая указательный и большой пальцы в карман жилета. — Если я приду завтра в пять часов утра повидать вашего хозяина мистера Сайлеса Брауна, это будет не слишком рано?

— Скажете тоже «рано», сэр. Мой хозяин подымается ни свет ни заря. Да вот и он сам, поговорите с ним. Нет-нет, сэр, он прогонит меня, если увидит, что я беру у вас деньги. Лучше потом.

Только Шерлок Холмс опустил в карман полкроны, как из калитки выскочил немолодой мужчина свирепого вида с хлыстом в руке и закричал:

— Это что такое, Даусон? Сплетничаете, да? У вас дела, что ли нет? А вы какого черта здесь шляетесь?

— Чтобы побеседовать с вами, дорогой мой сэр. Всего десять минут, — нежнейшим голосом проговорил Холмс.

— Некогда мне беседовать со всякими проходимцами! Здесь не место посторонним? Убирайтесь, а то я сейчас спущу на вас собаку.

Холмс нагнулся к его уху и что-то прошептал. Мистер Браун вздрогнул и покраснел до корней волос.

— Ложь! — закричал он. — Гнусная, наглая ложь!

— Отлично! Ну что же, будем обсуждать это прямо здесь, при всех, или вы предпочитаете пройти в дом?

— Ладно, идемте, если хотите.

Холмс улыбнулся.

— Я вернусь через пять минут, Уотсон. К вашим услугам, мистер Браун.

Вернулся он, положим, через двадцать пять минут, и, пока я его ждал, теплые краски вечера погасли. Тренер тоже вышел с Холмсом, и меня поразила происшедшая с ним перемена: лицо у него стало пепельно-серым, лоб покрылся каплями пота, хлыст прыгал в трясущихся руках. Куда девалась наглая самоуверенность этого человека! Он семенил за Холмсом, как побитая собака.

— Я все сделаю, как вы сказали, сэр. Все ваши указания будут выполнены, — повторял он.

— Вы знаете, чем грозит ослушание. — Холмс повернул к нему голову, и тот съежился под его взглядом.

— Что вы, что вы, сэр! Доставлю к сроку. Сделать все, как было раньше?

Холмс на минуту задумался, потом рассмеялся:

— Не надо, оставьте, как есть. Я вам напишу. И смотрите, без плутовства, иначе…

— О, верьте мне, сэр, верьте!

— Берегите как зеницу ока.

— Да, сэр, можете на меня положиться, сэр.

— Думаю, что могу. Завтра получите от меня указания.

И Холмс отвернулся, не замечая протянутой ему дрожащей руки. Мы зашагали к Кингс-Пайленду.

— Такой великолепной смеси наглости, трусости и подлости, как у мистера Сайлеса Брайна, я давно не встречал, — сказал Холмс, устало шагая рядом со мной по склону.

— Значит, лошадь у него?

— Он сначала на дыбы взвился, отрицая все. Но я так подробно описал ему утро вторника, шаг за шагом, что он поверил, будто я все видел собственными глазами. Вы, конечно, обратили внимание на необычные, как будто обрубленные носки у следов и на то, что на нем были именно такие ботинки. Кроме того, для простого слуги это был бы слишком дерзкий поступок… Я рассказал ему, как он, встав по обыкновению первым и войдя в загон, увидел в поле незнакомую лошадь, как он подошел к ней и, не веря собственным глазам, увидел у нее на лбу белую отметину, из-за которой она и получила свою кличку — Серебряный, и как сообразил, что судьба отдает в его руки единственного соперника той лошади, на которую он поставил большую сумму. Потом я рассказал ему, что первым его побуждением было отвести Серебряного в Кингс-Пайленд, но тут дьявол стал нашептывать ему, что так легко увести лошадь и спрятать, пока не кончатся скачки, и тогда он повернул к Кейплтону и укрыл ее там. Когда он все это услышал, он стал думать только о том, как спасти собственную шкуру.

— Да ведь конюшню осматривали!

— Ну, этот старый барышник обведет вокруг пальца кого угодно.

— А вы не боитесь оставлять лошадь в его руках? Он же с ней может что-нибудь сделать, ведь это в его интересах.

— Нет, мой друг, он в самом деле будет беречь ее как зеницу ока. В его интересах вернуть ее целой и невредимой. Это единственное, чем он может заслужить прощение.

— Полковник Росс не произвел на меня впечатления человека, склонного прощать врагам!

— Дело не в полковнике Россе. У меня свои методы, и я рассказываю ровно столько, сколько считаю нужным, — в этом преимущество моего неофициального положения. Не знаю, заметили ли вы или нет, Уотсон, но полковник держался со мной немного свысока, и мне хочется слегка позабавиться. Не говорите ему ничего о Серебряном.

— Конечно, не скажу, раз вы не хотите.

— Но все это пустяки по сравнению с вопросом, кто убил Джона Стрэкера.

— Вы сейчас им займетесь?

— Напротив, мой друг, мы с вами вернемся сегодня ночным поездом в Лондон.

Слова Холмса удивили меня. Мы пробыли в Дартмуре всего несколько часов, он так успешно начал распутывать клубок и вдруг хочет все бросить. Я ничего не понимал. До самого дома тренера мне не удалось вытянуть из Холмса ни слова. Полковник с инспектором дожидались нас в гостиной.

— Мой друг и я возвращаемся ночным поездом в Лондон, — заявил Холмс. — Приятно было подышать прекрасным воздухом Дартмура.

Инспектор широко раскрыл глаза, а полковник скривил губы в презрительной усмешке

— Значит, вы сложили оружие. Считаете, что убийцу несчастного Стрэкера арестовать невозможно, — сказал он.

— Боюсь, что это сопряжено с очень большими трудностями. — Холмс пожал плечами. — Но я совершенно убежден, что во вторник ваша лошадь будет бежать, и прошу вас предупредить жокея, чтобы он был готов. Могу я взглянуть на фотографию мистера Джона Стрэкера?

Инспектор извлек из кармана конверт и вынул оттуда фотографию.

— Дорогой Грегори, вы предупреждаете все мои желания! Если позволите, господа, я оставлю вас на минуту, мне нужно задать вопрос служанке Стрэкеров.

— Должен признаться, ваш лондонский советчик меня разочаровал, — с прямолинейной резкостью сказал полковник Росс, как только Холмс вышел из комнаты. — Не вижу, чтобы с его приезда дело подвинулось хоть на шаг.

— По крайней мере вам дали слово, что ваша лошадь будет бежать, — вмешался я.

— Слово-то мне дали, — пожал плечами полковник. — Я предпочел бы лошадь, а не слово.

Я открыл было рот, чтобы защитить своего друга, но в эту минуту он вернулся.

— Ну вот, господа, — заявил он. — Я готов ехать.

Один из конюхов отворил дверцу коляски. Холмс сел рядом со мной, но вдруг перегнулся через борт и тронул конюха за рукав.

— У вас есть овцы, я вижу, — сказал он. — Кто за ними ходит?

— Я, сэр.

— Вы не замечали, с ними в последнее время ничего не случилось?

— Да нет, сэр, как будто ничего, только вот три начали хромать, сэр.

Холмс засмеялся, потирая руки, чем-то очень довольный.

— Неплохо придумано, Уотсон, очень неплохо! — Он не заметно подтолкнул меня локтем. — Грегори, позвольте рекомендовать вашему вниманию странную эпидемию, поразившую овец. Поехали.

Лицо полковника Росса по-прежнему выражало, какое невысокое мнение составил он о

талантах моего друга, зато инспектор так и встрепенулся.

— Вы считаете это обстоятельство важным? — спросил он.

— Чрезвычайно важным.

— Есть еще какие-то моменты, на которые вы посоветовали бы мне обратить внимание?

— На странное поведение собаки в ночь преступления.

— Собаки? Но она никак себя не вела!

— Это-то и странно, — сказал Холмс.

Четыре дня спустя мы с Холмсом снова сидели в поезде, мчащемся в Винчестер, где должен был разыгрываться кубок Уэссекса. Полковник Росс ждал нас, как и было условлено, в своем экипаже четверкой у вокзала на площади. Мы поехали за город, где был беговой круг. Полковник был мрачен, держался в высшей степени холодно.

— Никаких известий о моей лошади до сих пор нет, — заявил он.

— Надеюсь, вы ее узнаете, когда увидите?

Полковник вспылил:

— Я могу вам описать одну за другой всех лошадей, участвовавших в скачках за последние двадцать лет. Моего фаворита, с его отметиной на лбу и белым пятном на правой передней бабке, узнает каждый ребенок!

— А как ставки?

— Происходит что-то непонятное. Вчера ставили пятнадцать к одному, утром разрыв начал быстро сокращаться, не знаю, удержатся ли сейчас на трех к одному.

— Хм, — сказал Холмс, — сомнений нет, кто-то что-то пронюхал.

Коляска подъехала к ограде, окружающей главную трибуну. Я взял афишу и стал читать:

«ПРИЗ УЭССЕКСА

Жеребцы четырех и пяти лет. Дистанция 1 миля 5 ферлонгов. 50 фунтов подписных. Первый приз — 1000 фунтов. Второй приз — 300 фунтов. Третий приз — 200 фунтов.

1. Негр — владелец Хит Ньютон; наездник — красный шлем, песочный камзол.

2. Боксер — владелец полковник Уордлоу; наездник — оранжевый шлем, камзол васильковый, рукава черные.

3. Беспечный — владелец лорд Бэкуотер; наездник — шлем и рукава камзола желтые.

4. Серебряный — владелец полковник Росс; наездник — шлем черный, камзол красный.

5. Хрусталь — владелец герцог Балморал; наездник — шлем желтый, камзол черный с желтыми полосами.

6. Озорник — владелец лорд Синглфорд; наездник — шлем фиолетовый, рукава камзола черные».

— Мы вычеркнули Баярда, нашу вторую лошадь, которая должна была бежать, полагаясь на ваш совет, — сказал полковник. — Но что это? Фаворит сегодня Серебряный?

— Серебряный — пять к четырем! — неслось с трибун. — Серебряный — пять к четырем! Беспечный — пятнадцать к пяти! Все остальные — пять к четырем!

— Лошади на старте! — закричал я. — Смотрите, все шесть!

— Все шесть! Значит, Серебряный бежит! — воскликнул полковник в сильнейшем волнении. —

Но я не вижу его. Моих цветов пока нет.

— Вышло только пятеро. Вот, наверное, он, — сказал я, и в эту минуту из падока крупной рысью выбежал великолепный гнедой жеребец и пронесся мимо нас. На наезднике были цвета полковника, известные всей Англии.

— Это не моя лошадь! — закричал полковник Росс. — На ней нет ни единого белого пятнышка! Объясните, что происходит, мистер Холмс!

— Посмотрим, как он возьмет, — невозмутимо сказал Холмс. Несколько минут он не отводил бинокля от глаз... — Прекрасно! Превосходный старт! — вдруг воскликнул он. — Вот они, смотрите, поворачивают!

Из коляски нам было хорошо видно, как лошади вышли на прямой участок круга. Они шли так кучно, что всех их, казалось, можно накрыть одной попоной, но вот на половине прямой желтый цвет лорда Бэкуотера вырвался вперед. Однако ярдах в тридцати от того места, где стояли мы, жеребец полковника обошел Беспечного и оказался у финиша на целых шесть корпусов впереди. Хрусталь герцога Балморала с большим отрывом пришел третьим.

— Как бы там ни было, кубок мой, — прошептал полковник, проводя ладонью по глазам. — Убейте меня, если я хоть что-нибудь понимаю. Вам не кажется, мистер Холмс, что вы уже достаточно долго мистифицируете меня?

— Вы правы, полковник. Сейчас вы все узнаете. Пойдемте поглядим на лошадь все вместе. Вот он, — продолжал Холмс, входя в падок, куда впускали только владельцев лошадей и их друзей. — Стоит лишь потереть ему лоб и бабку спиртом, — и вы узнаете Серебряного.

— Что!

— Ваша лошадь попала в руки мошенника, я нашел ее и взял на себя смелость выпустить на поле в том виде, как ее сюда доставили.

— Дорогой сэр, вы совершили чудо! Лошадь в великолепной форме. Никогда в жизни она не шла так хорошо, как сегодня. Приношу вам тысячу извинений за то, что усомнился в вас. Вы оказали мне величайшую услугу, вернув жеребца. Еще большую услугу вы мне окажете, если найдете убийцу Джона Стрэкера.

— Я его нашел, — спокойно сказал Холмс.

Полковник и я в изумлении раскрыли глаза.

— Нашли убийцу! Так где же он?

— Он здесь.

— Здесь! Где же?!

— В настоящую минуту я имею честь находиться в его обществе.

Полковник вспыхнул.

— Я понимаю, мистер Холмс, что многим обязан вам, но эти слова я могу воспринять только как чрезвычайно неудачную шутку или как оскорбление.

Холмс расхохотался.

— Ну что вы, полковник, у меня и в мыслях не было, что вы причастны к преступлению! Убийца собственной персоной стоит у вас за спиной.

Он шагнул вперед и положил руку на лоснящуюся холку скакуна.

— Убийца — лошадь! — в один голос вырвалось у нас с полковником.

— Да, лошадь. Но вину Серебряного смягчает то, что он совершил убийство из самозащиты и что Джон Стрэкер был совершенно недостоин вашего доверия… Но я слышу звонок. Отложим подробный рассказ до более подходящего момента. В следующем забеге я надеюсь немного выиграть.

Возвращаясь вечером того дня домой в купе пульмановского вагона, мы не заметили, как поезд привез нас в Лондон, — с таким интересом слушали мы с полковником рассказ о том, что произошло в дартмурских конюшнях в понедельник ночью и как Холмс разгадал тайну.

— Должен признаться, — говорил Холмс, — что все версии, которые я составил на основании газетных сообщений, оказались ошибочными. А ведь можно было даже исходя из них нащупать вехи, если бы не ворох подробностей, которые газеты спешили обрушить на головы читателей. Я приехал в Девоншир с уверенностью, что преступник — Фицрой Симпсон, хоть и понимал, что улики против него очень неубедительны. Только когда мы подъехали к домику Стрэкера, я осознал важность того обстоятельства, что на ужин в тот вечер была баранина под чесночным соусом. Вы, вероятно, помните мою рассеянность — все вышли из коляски, а я продолжал сидеть, ничего не замечая. Так я был поражен, что чуть было не прошел мимо столь очевидной улики.

— Признаться, — прервал его полковник, — я и сейчас не понимаю, при чем здесь эта баранина.

— Она была первым звеном в цепочке моих рассуждений. Порошок опиума вовсе не безвкусен, а запах его не то чтобы неприятен, но достаточно силен. Если его подсыпать в пищу, человек сразу почувствует и скорее всего есть не станет. Чесночный соус — именно то, что может заглушить запах опиума. Вряд ли можно найти какую-нибудь зависимость между появлением Фицроя Симпсона в тех краях именно в тот вечер с бараниной под чесночным соусом на ужин в семействе Стрэкеров. Остается предположить, что он случайно захватил с собой в тот вечер порошок опиума. Но такая случайность относится уже к области чудес. Так что этот вариант исключен. Значит, Симпсон оказывается вне подозрений, но зато в центр внимания попадают Стрэкер и его жена — единственные люди, кто мог выбрать на ужин баранину с чесноком. Опиум подсыпали конюху прямо в тарелку, потому что все остальные обитатели Кингс-Пайленда ели то же самое блюдо без всяких последствий. Кто-то всыпал опиум, пока служанка не видела. Кто же? Тогда я вспомнил, что собака молчала в ту ночь. Как вы догадываетесь, эти два обстоятельства теснейшим образом связаны. Из рассказа о появлении Фицроя Симпсона в Кингс-Пайленде явствовало, что в конюшне есть собака, но она почему-то не залаяла и не разбудила спящих на сеновале конюхов, когда в конюшню кто-то вошел и увел лошадь. Несомненно, собака хорошо знала ночного гостя. Я уже был уверен — или, если хотите, почти уверен, — что ночью в конюшню вошел и увел Серебряного Джон Стрэкер. Но какая у него была цель? Явно бесчестная, иначе зачем ему было усыплять собственного помощника? Однако что он задумал? Этого я еще не понимал. Известно немало случаев, когда тренеры ставят большие суммы против своих же лошадей через подставных лиц и с помощью какого-нибудь мошенничества не дают им выиграть. Иногда они подкупают жокея, и тот придерживает лошадь, иногда прибегают к более хитрым и верным приемам. Что хотел сделать Стрэкер? Я надеялся, что содержимое его карманов поможет в этом разобраться. Так и случилось. Вы помните, конечно, тот странный нож, который нашли в руке убитого, нож, которым человек, находясь в здравом уме, никогда бы не воспользовался в качестве оружия, будь то для защиты или для нападения. Это был, как подтвердил наш доктор Уотсон, хирургический инструмент для очень тонких операций. Вы, разумеется, полковник, знаете, — ведь вы опытный лошадник, — что можно проколоть сухожилие на ноге лошади так искусно, что на коже не останется никаких следов. Лошадь после такой операции будет слегка хромать, а все припишут хромоту ревматизму или чрезмерным тренировкам, но никому и в голову не придет заподозрить здесь чей-то злой умысел.

— Негодяй! Мерзавец! — вскричал полковник.

— Почувствовав укол ножа, такой горячий жеребец, как Серебряный, взвился бы и разбудил своим криком и мертвого. Нужно было проделать операцию подальше от людей, вот почему Джон Стрэкер и увел Серебряного в поле.

— Я был слеп, как крот! — горячился полковник. — Ну, конечно, для того-то ему и понадобилась свеча, для того-то он и зажигал спичку.

— Несомненно. А осмотр его вещей помог мне установить не только способ, который он намеревался совершить преступление, но и причины, толкнувшие его на это. Вы, полковник, как человек, хорошо знающий жизнь, согласитесь со мной, что довольно странно носить у себя в бумажнике чужие счета. У всех нас хватает собственных забот. Из этого я заключил, что Стрэкер вел двойную жизнь. Счет показал, что в деле замешена женщина, вкусы которой требуют денег. Как ни щедро вы платите своим слугам, полковник, трудно представить, чтобы они могли платить по двадцать гиней за туалет своей любовницы. Я незаметно расспросил миссис Стрэкер об этом платье и, удостоверившись, что она его в глаза не видела, записал адрес портнихи. Я был уверен, что, когда покажу ей фотографию Стрэкера, таинственный

Дербишир развеется, как дым. Теперь уже клубок стал разматываться легко. Стрэкер завел лошадь в овраг, чтобы огня свечи не было видно. Симпсон, убегая потерял галстук, Стрэкер увидел его и для чего-то подобрал, может быть, хотел завязать лошади ногу. Спустившись в овраг, он чиркнул спичкой за крупом лошади, но, испуганное внезапной вспышкой, животное, почувствовавшее к тому же опасность, рванулось прочь и случайно ударило Стрэкера копытом в лоб. Стрэкер, несмотря на дождь, уже успел снять плащ — операция ведь предстояла тонкая. Падая от удара, он поранил себе бедро. Мой рассказ убедителен?

— Невероятно! — воскликнул полковник. — Просто невероятно! Вы как будто все видели собственными глазами!

— И последнее, чтобы поставить все точки над i. Мне пришло в голову, что такой осторожный человек, как Стрэкер, не взялся бы за столь сложную операцию, как прокол сухожилия, не попрактиковавшись предварительно. На ком он мог практиковаться в Кингс-Пайленде? Я увидел овец в загоне, спросил конюха, не случалось ли с ними чего в последнее время. Его ответ в точности подтвердил мое предположение. Я даже сам удивился.

— Теперь я понял все до конца, мистер Холмс!

— В Лондоне я зашел к портнихе и показал ей фотографию Стрэкера. Она сразу же узнала его, сказала, что это один из ее постоянных клиентов и зовут его мистер Дербишир. Жена у него большая модница и обожает дорогие туалеты. Не сомневаюсь, что он влез по уши в долги и решился на преступление именно из-за этой женщины.

— Вы не объяснили только одного, — сказал полковник, — где была лошадь?

— Ах, лошадь… Она убежала, и ее приютил один из ваших соседей. Думаю, мы должны проявить к нему снисхождение. Мы сейчас проезжаем Клэпем, не так ли? Значит, до вокзала Виктории минут десять. Если вы зайдете к нам выкурить сигару, полковник, я с удовольствием дополню свой рассказ интересующими вас подробностями.

Желтое лицо

(Перевод Н.Вольпин)

Вполне естественно, что я, готовя к изданию эти короткие очерки, в основу которых легли те многочисленные случаи, когда своеобразный талант моего друга побуждал меня жадно выслушивать его отчет о какой-нибудь необычной драме, а порой и самому становиться ее участником, что я при этом чаще останавливаюсь на его успехах, чем на неудачах. Я поступаю так не в заботе о его репутации, нет: ведь именно тогда, когда задача ставила его в тупик, он особенно удивлял меня своей энергией и многогранностью дарования. Я поступаю так по той причине, что там, где Холмс терпел неудачу, слишком часто оказывалось, что и никто другой не достиг успеха, и тогда рассказ оставался без развязки. Временами, однако, случалось и так, что мой друг заблуждался, а истина все же бывала раскрыта. У меня записано пять-шесть случаев этого рода, и среди них наиболее яркими и занимательными представляются два — дело о втором пятне и та история, которую я собираюсь сейчас рассказать.

Шерлок Холмс редко занимался тренировкой ради тренировки. Немного найдется людей, в большей мере способных к напряжению всей своей мускульной силы, и в своем весе он был бесспорно одним из лучших боксеров, каких я только знал; но в бесцельном напряжении телесной силы он видел напрасную трату энергии, и его, бывало, с места не сдвинешь, кроме тех случаев, когда дело касалось его профессии. Вот тогда он бывал совершенно неутомим и неотступен, хотя, казалось бы, для этого требовалось постоянная и неослабная тренировка; но, правда, он всегда соблюдал крайнюю умеренность в еде и в своих привычках, был до строгости прост. Он не был привержен ни к каким порокам, а если изредка и прибегал к кокаину то разве что в порядке протеста против однообразия жизни, когда загадочные случаи становились редки и газеты не предлагали ничего интересного.

Как-то ранней весной он был в такой расслабленности, что пошел со мной днем прогуляться в парк. На вязах только еще пробивались хрупкие зеленые побеги, а клейкие копьевидные почки каштанов уже начали развертываться в пятиперстные листики. Два часа мы прохаживались вдвоем, большей частью молча, как и пристало двум мужчинам, превосходно знающим друг друга. Было около пяти, когда мы вернулись на Бейкер-стрит.

— Разрешите доложить, сэр, — сказал наш мальчик-лакей, открывая нам дверь. — Тут приходил один джентльмен, спрашивал вас, сэр.

Холмс посмотрел на меня с упреком.

— Вот вам и погуляли среди дня! — сказал он. — Так он ушел, этот джентльмен?

— Да, сэр.

— Ты не предлагал ему зайти?

— Предлагал, сэр, он заходил и ждал.

— Долго он ждал?

— Полчаса, сэр. Очень был беспокойный джентльмен, сэр, он все расхаживал, пока тут был, притоптывал ногой. Я ждал за дверью, сэр, и мне все было слышно. Наконец он вышел в коридор и крикнул: «Что же он так никогда и не придет, этот человек?» Это его точные слова, сэр. А я ему: «Вам только надо подождать еще немного». «Так я, — говорит, — подожду на свежем воздухе, а то я просто задыхаюсь! Немного погодя зайду еще раз», — с этим он встал и ушел, и, что я ему ни говорил, его никак было не удержать.

— Хорошо, хорошо, ты сделал что мог, — сказал Холмс, проходя со мной в нашу общую гостиную. — Как все-таки досадно получилось, Уотсон! Мне позарез нужно какое-нибудь интересное дело, а это, видно, такое и есть, судя по нетерпению джентльмена. Эге! Трубка на столе не ваша! Значит, это он оставил свою. Добрая старая трубка из корня вереска с длинным чубуком, какой в табачных магазинах именуется янтарным. Хотел бы я знать, сколько в Лондоне найдется чубуков из настоящего янтаря! Иные думают, что признаком служит муха. Возникла, знаете, целая отрасль промышленности — вводить поддельную муху в поддельный янтарь. Он был, однако, в сильном расстройстве, если забыл здесь свою трубку, которой явно очень дорожит.

— Откуда вы знаете, что он очень ею дорожит? — спросил я.

— Такая трубка стоит новая семь с половиной шиллингов. А между тем она, как видите, дважды побывала в починке: один раз чинилась деревянная часть, другой — янтарная. Починка, заметьте, оба раза стоила дороже самой трубки — здесь в двух местах перехвачено серебряным кольцом. Человек должен очень дорожить трубкой, если предпочитает дважды чинить ее, вместо того, чтобы купить за те же деньги новую.

— Что-нибудь еще? — спросил я, видя, что Холмс вертит трубку в руке и задумчиво, как-то по-своему ее разглядывает. Он высоко поднял ее и постукивал по ней длинным и тонким указательным пальцем, как мог бы профессор, читая лекцию, постукивать по кости.

— Трубки бывают обычно очень интересны, — сказал он. — Ничто другое не заключает в себе столько индивидуального, кроме, может быть, часов да шнурков на ботинках. Здесь, впрочем, указания не очень выраженные и не очень значительные. Владелец, очевидно, крепкий человек с отличными зубами, левша, неаккуратный и не склонен наводить экономию.

Мой друг бросал эти сведения небрежно, как бы вскользь, но я видел, что он скосил на меня взгляд, проверяя, слежу ли я за его рассуждением.

— Вы думаете, человек не стеснен в деньгах, если он курит трубку за семь шиллингов? — спросил я.

— Он курит гросвенорскую смесь по восемь пенсов унция, — ответил Холмс, побарабанив по голове трубки и выбив на ладонь немного табаку. — А ведь можно и за половину этой цены купить отличный табак — значит, ему не приходится наводить экономию.

— А прочие пункты?

— Он имеет привычку прикуривать от лампы и газовой горелки. Вы видите, что трубка с одного боку сильно обуглилась. Спичка этого, конечно, не наделала бы. С какой стати станет человек, разжигая трубку, держать спичку сбоку? А вот прикурить от лампы вы не сможете, не опалив головки. И опалена она с правой стороны. Отсюда я вывожу, что ее владелец левша. Попробуйте сами прикурить от лампы и посмотрите, как, естественно, будучи правшой, вы поднесете трубку к огню левой ее стороной. Иногда вы, может быть, сделаете и наоборот, но не будете так поступать из раза в раз. Эту трубку постоянно подносили правой стороной. Далее, смотрите, он прогрыз янтарь насквозь. Это может сделать только крепкий, энергичный человек да еще с отличными зубами. Но, кажется, я слышу на лестнице его шаги, так что нам будет что рассмотреть поинтересней трубки.

Не прошло и минуты, как дверь отворилась, и в комнату вошел высокий молодой человек. На нем был отличный, но не броский темно-серый костюм, и в руках он держал коричневую фетровую шляпу с широкими полями. Выглядел он лет на тридцать, хотя на самом деле был, должно быть, старше.

— Извините, — начал он в некотором смущении. — Полагаю, мне бы следовало постучать. Да, конечно, следовало… Понимаете, я несколько расстроен, тем и объясняется… — Он провел рукой по лбу, как делает человек, когда он сильно не в себе, и затем не сел, а скорей упал на стул.

— Я вижу вы ночи две не спали, — сказал Холмс в спокойном, сердечном тоне. — Это изматывает человека больше, чем работа, и даже больше, чем наслаждение. Разрешите спросить, чем могу вам помочь?

— Мне нужен ваш совет, сэр. Я не знаю, что мне делать, все в моей жизни пошло прахом.

— Вы хотели бы воспользоваться моими услугами сыщика-консультанта?

— Не только. Я хочу услышать от вас мнение рассудительного человека… и человека, знающего свет. Я хочу понять, что мне теперь делать дальше. Я так надеюсь, что вы мне что-то посоветуете.

Он не говорил, а выпаливал резкие, отрывочные фразы, и мне казалось, что говорить для него мучительно и что он все время должен превозмогать себя усилием воли.

— Дело это очень щепетильное, — продолжал он. — Никто не любит говорить с посторонними о своих семейных делах. Ужасно, знаете, обсуждать поведение своей жены с людьми, которых ты видишь в первый раз. Мне противно, что я вынужден это делать! Но я больше не в силах терпеть, и мне нужен совет.

— Мой милый мистер Грэнт Манро… — начал Холмс.

Наш гость вскочил со стула.

— Как! — вскричал он. — Вы знаете мое имя?

— Если вам желательно сохранять инкогнито, — сказал с улыбкой Холмс, — я бы посоветовал отказаться от обыкновения проставлять свое имя на подкладке шляпы или уж держать ее тульей к собеседнику. Я как раз собирался объяснить вам, что мы с моим другом выслушали в этой комнате немало странных тайн и что мы имели счастье внести мир во многие встревоженные души. Надеюсь, нам удастся сделать то же и для вас. Я попрошу вас, поскольку время может оказаться дорого, не тянуть и сразу изложить факты.

Наш гость опять провел рукой по лбу, как будто исполнить эту просьбу ему было до боли тяжело. По выражению его лица и по каждому жесту я видел, что он сдержанный, замкнутый человек, склонный скорее прятать свои раны, нежели чванливо выставлять их напоказ. Потом он вдруг взмахнул стиснутым кулаком, как бы отметая прочь всю сдержанность, и начал.

— Факты эти таковы, мистер Холмс. Я женатый человек, и женат я три года. Все это время мы с женой искренне любили друг друга, и были очень счастливы в нашей брачной жизни. Никогда у нас не было ни в чем разлада — ни в мыслях, ни в словах, ни на деле. И вот в этот понедельник между нами вдруг возник барьер: я открываю, что в ее жизни и в ее мыслях есть что-то, о чем я знаю так мало, как если б это была не она, а та женщина, что метет улицу перед нашим домом. Мы сделались чужими, и я хочу знать, почему.

Прежде, чем рассказывать дальше, я хочу, чтобы вы твердо знали одно, мистер Холмс: Эффи любит меня. На этот счет пусть не будет у вас никаких сомнений. Она любит меня всем сердцем, всей душой и никогда не любила сильней, чем теперь. Я это знаю, чувствую. Этого я не желаю обсуждать. Мужчина может легко различить, любит ли его женщина. Но между нами легла тайна, и не пойдет у нас по-прежнему, пока она не разъяснится.

— Будьте любезны, мистер Манро, излагайте факты, — сказал Холмс с некоторым нетерпением.

— Я сообщу вам, что мне известно о прошлой жизни Эффи. Она была вдовой, когда мы с нею встретились, хотя и совсем молодою — ей было двадцать пять. Звали ее тогда миссис Хеброн. В юности она уехала в Америку, и жила одна там в городе Атланте, где и вышла замуж за этого Хеброна, адвоката с хорошей практикой. У них был ребенок, но потом там вспыхнула эпидемия желтой лихорадки, которая и унесла обоих — мужа и ребенка. Я видел сам свидетельство о смерти мужа. После этого Америка ей опротивела, она вернулась на родину и стала жить с теткой, старой девой, в Мидлсексе, в городе Пиннере. Пожалуй, следует упомянуть, что муж не оставил ее без средств: у нее был небольшой капитал — четыре с половиной тысячи фунтов, которые он так удачно поместил, что она получала в среднем семь процентов. Она прожила в Пиннере всего полгода, когда я встретился с ней. Мы полюбили друг друга и через несколько недель поженились.

Сам я веду торговлю хмелем, и, так как мой доход составляет семь-восемь сотен в год, мы живем не нуждаясь, снимаем виллу в Норбери за восемьдесят фунтов в год. У нас там совсем по-дачному, хоть это и близко от города. Рядом с нами, немного дальше по шоссе, гостиница и еще два дома, прямо перед нами — поле, а по ту сторону его — одинокий коттедж; и, помимо этих домов, никакого жилья ближе, чем на полпути до станции. Выпадают такие месяцы в году, когда дела держат меня в городе, но летом я бываю более или менее свободен, и тогда мы с женою в нашем загородном домике так счастливы, что лучше и желать нельзя. Говорю вам, между нами никогда не было никаких размолвок, пока не началась эта проклятая история.

Одну вещь я вам должен сообщить, прежде чем стану рассказывать дальше. Когда мы поженились, моя жена перевела на меня все свое состояние — в сущности, вопреки моей воле, потому что я понимаю, как неудобно это может обернуться, если мои дела пойдут под уклон. Но она так захотела, и так было сделано. И вот шесть недель тому назад она вдруг говорит мне:

— Джек, когда ты брал мои деньги, ты сказал, что когда бы они мне ни понадобились, мне довольно будет просто попросить.

— Конечно, — сказал я, — они твои.

— Хорошо, — сказала она, — мне нужно сто фунтов.

Я опешил — я думал, ей понадобилось на новое платье или что-нибудь в этом роде.

— Зачем тебе вдруг? — спросил я.

— Ах, — сказала она шаловливо, — ты же говорил, что ты только мой банкир, а банкиры, знаешь, никогда не спрашивают.

— Если тебе в самом деле нужны эти деньги, ты их, конечно, получишь, — сказал я.

— Да, в самом деле нужны.

— И ты мне не скажешь, на что?

— Может быть, когда-нибудь и скажу, но только, Джек, не сейчас.

Пришлось мне этим удовлетвориться, хотя до сих пор у нас никогда не было друг от друга никаких секретов. Я выписал ей чек и больше об этом деле не думал. Может быть, оно и не имеет никакого отношения к тому, что произошло потом, но я посчитал правильным рассказать вам о нем.

Так вот, как я уже упоминал, неподалеку от нас стоит коттедж. Нас от него отделяет только поле, но, чтобы добраться до него, надо сперва пройти по шоссе, а потом свернуть по проселку. Сразу за коттеджем славный сосновый борок, я люблю там гулять, потому что среди деревьев всегда так приятно. Коттедж последние восемь месяцев стоял пустой, и было очень жаль, потому что это премилый двухэтажный домик с крыльцом на старинный манер и жимолостью вокруг. Я, бывало, остановлюсь перед этим коттеджем и думаю, как мило было бы в нем устроиться.

Так вот в этот понедельник вечером я пошел погулять в свой любимый борок, когда на проселке мне встретился возвращающийся пустой фургон, а на лужайке возле крыльца я увидел груду ковров и разных вещей. Было ясно, что коттедж наконец кто-то снял. Я прохаживался мимо, останавливался, как будто от нечего делать, — стою, оглядываю дом, любопытствуя, что за люди поселились так близко от нас. И вдруг вижу в одном из окон второго этажа чье-то лицо, уставившееся прямо на меня.

Не знаю, что в нем было такого, мистер Холмс, только у меня мороз пробежал по спине. Я стоял в отдалении, так что не мог разглядеть черты, но было в этом лице что-то неестественное, нечеловеческое. Такое создалось у меня впечатление. Я быстро подошел поближе, чтобы лучше разглядеть следившего за мной. Но едва я приблизился, лицо вдруг скрылось — и так внезапно, что оно, показалось мне, нырнуло во мрак комнаты. Я постоял минут пять, думая об этой истории и стараясь разобраться в своих впечатлениях. Я не мог даже сказать, мужское это было лицо или женское. Больше всего меня поразил его цвет. Оно было мертвенно-желтое с лиловыми тенями и какое-то застывшее, отчего и казалось таким жутко неестественным. Я до того расстроился, что решил узнать немного больше о новых жильцах. Я подошел и постучался в дверь, и мне тут же открыла худая высокая женщина с неприветливым лицом.

— Чего вам надо? — спросила она с шотландским акцентом.

— Я ваш сосед, вон из того дома, — ответил я, кивнув на нашу виллу. — Вы, я вижу, только что приехали, я и подумал, не могу ли я быть вам чем-нибудь полезен.

— Эге! Когда понадобитесь, мы сами вас попросим, — сказала она и хлопнула дверью у меня перед носом.

Рассердясь на такую грубость, я повернулся и пошел домой. Весь вечер, как ни старался я думать о другом, я не мог забыть призрака в окне и ту грубую женщину. Я решил ничего жене не рассказывать — она нервная, впечатлительная женщина, и я не хотел делиться с нею неприятным переживанием. Все же перед сном я как бы невзначай сказал ей, что в коттедже появились жильцы, на что она ничего не ответила.

Я вообще сплю очень крепко. В семье у нас постоянно шутили, что ночью меня пушкой не разбудишь; но почему-то как раз в эту ночь — потому ли, что я был немного возбужден своим маленьким приключением, или по другой причине, не знаю, — только спал я не так крепко, как обычно. Я смутно сознавал сквозь сон, что в комнате что-то происходит, и понемногу до меня дошло, что жена стоит уже в платье и потихоньку надевает пальто и шляпу. Мои губы шевельнулись, чтобы пробормотать сквозь сон какие-то слова недоумения или упрека за эти несвоевременные сборы, когда, вдруг приоткрыв глаза, я посмотрел на озаренное свечой лицо,

и у меня отнялся язык от изумления. Никогда раньше я не видел у нее такого выражения лица — я даже не думал, что ее лицо может быть таким. Она была мертвенно-бледна, дышала учащенно и, застегивая пальто, украдкой косилась на кровать, чтобы проверить, не разбудила ли меня. Потом, решив, что я все-таки сплю, она бесшумно выскользнула из комнаты, и секундой позже раздался резкий скрип, какой могли произвести только петли парадных дверей. Я приподнялся в постели, потер кулаком о железный край кровати, чтобы увериться, что это не сон. Потом я достал часы из-под подушки. Они показывали три пополуночи. Что на свете могло понадобиться моей жене в тот час на шоссейной дороге?

Я просидел так минут двадцать, перебирая это все в уме и стараясь подыскать объяснение. Чем больше я думал, тем это дело представлялось мне необычайней и необъяснимей. Я еще ломал над ним голову, когда опять послышался скрип петель внизу, и затем по лестнице раздались ее шаги.

— Господи, Эффи, где это ты была? — спросил я, как только она вошла.

Она задрожала и вскрикнула, когда я заговорил, и этот сдавленный крик и дрожь напугали меня больше, чем все остальное, потому что в них было что-то невыразимо виноватое. Моя жена всегда была женщиной прямого и открытого нрава, но я похолодел, когда увидел, как она украдкой пробирается к себе же в спальню и дрожит оттого, что муж заговорил с ней.

— Ты не спишь, Джек? — вскрикнула она с нервным смешком. — Смотри, а я-то думала, тебя ничем не разбудишь.

— Где ты была? — спросил я строже.

— Так понятно, что это тебя удивляет, — сказала она, и я увидел, что пальцы ее дрожат, расстегивая пальто. — Я и сама не припомню, чтобы когда-нибудь прежде делала такую вещь. Понимаешь, мне вдруг стало душно, и меня прямо-таки неодолимо потянуло подышать свежим воздухом. Право, мне кажется, у меня был бы обморок, если бы я не вышла на воздух. Я постояла несколько минут в дверях, и теперь я совсем отдышалась.

Рассказывая мне эту историю, она ни разу не поглядела в мою сторону, и голос у нее был точно не свой. Мне стало ясно, что она говорит неправду. Я ничего не сказал в ответ и уткнулся лицом в стенку с чувством дурноты и с тысячью ядовитых подозрений и сомнений в голове. Что скрывает от меня жена? Где она побывала во время своей странной прогулки? Я чувствовал, что не найду покоя, пока этого не узнаю, и все-таки мне претило расспрашивать дальше после того, как она уже раз солгала. До конца ночи я кашлял и ворочался с боку на бок, строя догадку за догадкой, одна другой невероятнее. Назавтра мне нужно было ехать в город, но я был слишком взбудоражен и даже думать не мог о делах. Моя жена была, казалось, расстроена не меньше, чем я, и по ее быстрым вопросительным взглядам, которые она то и дело бросала на меня, я видел: она поняла, что я не поверил ее объяснению, и прикидывает, как ей теперь быть. За первым завтраком мы едва обменялись с ней двумя-тремя словами, затем я сразу вышел погулять, чтобы собраться с мыслями на свежем утреннем воздухе.

Я дошел до Хрустального дворца, просидел там целый час в парке и вернулся в Норбери в начале второго. Случилось так, что на обратном пути мне нужно было пройти мимо коттеджа, и я остановился на минутку посмотреть, не покажется ли опять в окошке то странное лицо, что глядело на меня накануне. Я стою и смотрю, и вдруг — вообразите себе мое удивление, мистер Холмс, — дверь открывается, и выходит моя жена!

Я онемел при виде ее, но мое волнение было ничто перед тем, что отразилось на ее лице, когда глаза наши встретились. В первую секунду она как будто хотела шмыгнуть обратно в дом; потом, поняв, что всякая попытка спрятаться будет бесполезна, она подошла ко мне с побелевшим лицом и с испугом в глазах, не вязавшимся с ее улыбкой.

— Ах, Джек, — сказала она, — я заходила сейчас туда спросить, не могу ли я чем-нибудь помочь нашим новым соседям. Что ты так смотришь на меня, Джек? Ты на меня сердишься?

— Так! — сказал я. — Значит, вот куда ты ходила ночью?

— Что ты говоришь? — закричала она.

— Ты ходила туда. Я уверен. Кто эти люди, что ты должна навещать их в такой час?

— Я не бывала там раньше.

— Как ты можешь утверждать вот так заведомую ложь? — закричал я. — У тебя и голос

меняется, когда ты это говоришь. Когда у меня бывали от тебя секреты? Я сейчас же войду в дом и узнаю, в чем дело.

— Нет, нет, Джек, ради Бога! — У нее осекся голос, она была сама не своя от волнения. Когда же я подошел к дверям, она судорожно схватила меня за рукав и с неожиданной силой оттащила прочь.

— Умоляю тебя, Джек, не делай этого, — кричала она. — Клянусь, я все тебе расскажу когда-нибудь, но если ты сейчас войдешь в коттедж, ничего из этого не выйдет кроме горя. — А потом, когда я попробовал ее отпихнуть, она прижалась ко мне с исступленной мольбой.

— Верь мне, Джек! — кричала она. — Поверь мне на этот только раз! Я никогда не дам тебе повода пожалеть об этом. Ты знаешь, я не стала б ничего от тебя скрывать иначе, как ради тебя самого. Дело идет о всей нашей жизни. Если ты сейчас пойдешь со мной домой, все будет хорошо. Если ты вломишься в этот коттедж, у нас с тобой все будет испорчено.

Она говорила так убежденно, такое отчаяние чувствовалось в ее голосе и во всей манере, что я остановился в нерешительности перед дверью.

— Я поверю тебе на одном условии — и только на одном, — сказал я наконец, — с этой минуты между нами никаких больше тайн! Ты вольна сохранить при себе свой секрет, но ты пообещаешь мне, что больше не будет ночных хождений в гости, ничего такого, что нужно от меня скрывать. Я согласен простить то, что уже в прошлом, если ты дашь мне слово, что в будущем ничего похожего не повторится.

— Я знала, что ты мне поверишь, — сказала она и вздохнула с облегчением. — Все будет, как ты пожелаешь. Уйдем же, ах, уйдем от этого дома! — Все еще цепко держась за мой рукав, она увела меня прочь от коттеджа.

Я оглянулся на ходу — из окна на втором этаже за нами следило то желтое, мертвенное лицо. Что могло быть общего у этой твари и моей жены? И какая могла быть связь между Эффи и той простой и грубой женщиной, которую я видел накануне? Даже странно было спрашивать, и все-таки я знал, что у меня не будет спокойно на душе, покуда я не разрешу загадку.

Два дня спустя я сидел дома и моя жена как будто честно соблюдала наш уговор; во всяком случае, насколько мне было известно, она даже не выходила из дому. Но на третий день я получил прямое доказательство, что ее торжественного обещания было недостаточно, чтобы пересилить то тайное воздействие, которое отвлекало ее от мужа и долга.

В тот день я поехал в город, но вернулся поездом не три тридцать шесть, как обычно, а пораньше — поездом два сорок. Когда я вошел в дом, наша служанка вбежала в переднюю с перепуганным лицом.

— Где хозяйка? — спросил я.

— А она, наверно, вышла погулять, — ответила девушка.

В моей голове сейчас же зародились подозрения. Я побежал наверх удостовериться, что ее в самом деле нет дома. Наверху я случайно посмотрел в окно и увидел, что служанка, с которой я только что разговаривал, бежит через поле прямиком к коттеджу. Я, конечно, сразу понял, что это все означает: моя жена пошла туда и попросила служанку вызвать ее, если я вернусь. Дрожа от бешенства, я сбежал вниз и помчался туда же, решив раз и навсегда положить конец этой истории. Я видел, как жена со служанкой бежали вдвоем по проселку, но я не стал их останавливать. То темное, что омрачало мою жизнь, затаилось в коттедже. Я дал себе слово: что бы ни случилось потом, но тайна не будет больше тайной. Подойдя к дверям, я даже не постучался, а прямо повернул ручку и ворвался в коридор.

На первом этаже было тихо и мирно. В кухне посвистывал на огне котелок, и большая черная кошка лежала, свернувшись клубком, в корзинке; но нигде и следа той женщины, которую я видел в прошлый раз. Я кидаюсь из кухни в комнату — и там никого. Тогда я взбежал по лестнице и убедился, что в верхних двух комнатах пусто и нет никого. Во всем доме ни души! Мебель и картины были самого пошлого, грубого пошиба, кроме как в одной-единственной комнате — той, в окне которой я видел то странное лицо. Здесь было уютно и изящно, и мои подозрения разгорелись яростным, злым огнем, когда я увидел, что там стоит на камине карточка моей жены: всего три месяца тому назад она по моему настоянию снялась во весь рост, и это была та самая фотография! Я пробыл в доме довольно долго, пока не убедился, что там и в самом деле нет никого. Потом я ушел, и у меня было так тяжело на сердце, как никогда в жизни. Жена встретила меня в передней, когда я вернулся домой, но я был так

оскорблен и рассержен, что не мог с ней говорить, и пронесся мимо нее прямо к себе в кабинет.

Она, однако, вошла следом за мной, не дав мне даже времени закрыть дверь.

— Мне очень жаль, что я нарушила обещание, Джек, — сказала она, — но если бы ты знал все обстоятельства, ты, я уверена, простил бы меня.

— Так расскажи мне все, — говорю я.

— Я не могу, Джек, не могу! — закричала она.

— Пока ты мне не скажешь, кто живет в коттедже и кому это ты подарила свою фотографию, между нами больше не может быть никакого доверия, — ответил я и, вырвавшись от нее, ушел из дому. Это было вчера, мистер Холмс, и с того часа я ее не видел и не знаю больше ничего об этом странном деле. В первый раз легла между нами тень, и я так потрясен, что не знаю, как мне теперь вернее всего поступить. Вдруг сегодня утром меня осенило, что если есть на свете человек, который может дать мне совет, так это вы, и вот я поспешил к вам и безоговорочно отдаюсь в ваши руки. Если я что-нибудь изложил неясно, пожалуйста, спрашивайте. Но только скажите скорей, что мне делать, потому что я больше не в силах терпеть эту муку.

Мы с Холмсом с неослабным вниманием слушали эту необыкновенную историю, которую он нам рассказывал отрывисто, надломленным голосом, как говорят в минуту сильного волнения. Мой товарищ сидел некоторое время молча, подперев подбородок рукой и весь уйдя в свои мысли.

— Скажите, — спросил он наконец, — вы могли бы сказать под присягой, что лицо, которое вы видели в окне, было лицом человека?

— Оба раза, что я его видел, я смотрел на него издалека, так что сказать это наверное никак не могу.

— И, однако же, оно явно произвело на вас неприятное впечатление.

— Его цвет казался неестественным, и в его чертах была странная неподвижность. Когда я подходил ближе, оно как-то рывком исчезало.

— Сколько времени прошло с тех пор, как жена попросила у вас сто фунтов?

— Почти два месяца.

— Вы когда-нибудь видели фотографию ее первого мужа?

— Нет, в Атланте вскоре после его смерти произошел большой пожар, и все ее бумаги сгорели.

— Но все-таки у нее оказалось свидетельство о его смерти. Вы сказали, что вы его видели?

— Да, она после пожара выправила дубликат.

— Вы хоть раз встречались с кем-нибудь, кто был с ней знаком в Америке?

— Нет.

— Она когда-нибудь заговаривала о том, чтобы съездить туда?

— Нет.

— Не получала оттуда писем?

— Насколько мне известно, — нет.

— Благодарю вас. Теперь я хотел бы немножко подумать об этом деле. Если коттедж оставлен навсегда, у нас могут возникнуть некоторые трудности; если только на время, что мне представляется более вероятным, то это значит, что жильцов вчера предупредили о вашем приходе, и они успели скрыться, — тогда, возможно, они уже вернулись, и мы все это легко выясним. Я вам посоветую: возвращайтесь в Норбери и еще раз осмотрите снаружи коттедж. Если вы убедитесь, что он обитаем, не врывайтесь сами в дом, а только дайте телеграмму мне и моему другу. Получив ее, мы через час будем у вас, а там мы очень скоро дознаемся, в чем

дело.

— Ну, а если в доме все еще никого нет?

— В этом случае я приеду завтра, и мы с вами обсудим, как быть. До свидания, и главное — не волнуйтесь, пока вы не узнали, что вам в самом деле есть из-за чего волноваться.

— Боюсь, дело тут скверное, Уотсон, — сказал мой товарищ, когда, проводив мистера Грэнт Манро до дверей, он вернулся в наш кабинет. — Как оно вам представляется?

— Грязная история, — сказал я.

— Да. И подоплекой здесь шантаж, или я жестоко ошибаюсь.

— А кто шантажист?

— Не иначе, как та тварь, что живет в единственной уютной комнате коттеджа и держит у себя эту фотографию на камине. Честное слово, Уотсон, есть что-то очень завлекательное в этом мертвенном лице за окном, и я бы никак не хотел прохлопать этот случай.

— Есть у вас своя гипотеза?

— Пока только первая наметка. Но я буду очень удивлен, если она окажется неверной. В коттедже — первый муж этой женщины.

— Почему вы так думаете?

— Чем еще можно объяснить ее безумное беспокойство, как бы туда не вошел второй? Факты, как я считаю, складываются примерно так. Женщина выходит в Америке замуж. У ее мужа обнаруживаются какие-то нестерпимые свойства, или, скажем, его поражает какая-нибудь скверная болезнь — он оказывается прокаженным или душевнобольным. В конце концов она сбегает от него, возвращается в Англию, меняет имя и начинает, как ей думается, строить жизнь сызнова. Она уже три года замужем за другим и полагает себя в полной безопасности — мужу она показала свидетельство о смерти какого-то другого человека, чье имя она и приняла, — как вдруг ее местопребывание становится известно ее первому мужу или, скажем, какой-нибудь не слишком разборчивой женщине, связавшейся с больным. Они пишут жене и грозятся приехать и вывести ее на чистую воду. Она просит сто фунтов и пробует откупиться от них. Они все-таки приезжают, и когда муж в разговоре с женой случайно упоминает, что в коттедже поселились новые жильцы, она по каким-то признакам догадывается, что это ее преследователи. Она ждет, пока муж заснет, и затем кидается их уговаривать, чтоб они уехали. Ничего не добившись, она на другой день с утра отправляется к ним опять, и муж, как он сам это рассказал, встречает ее в ту минуту, когда она выходит от них. Тогда она обещает ему больше туда не ходить, но через два дня, не устояв перед надеждой навсегда избавиться от страшных соседей, она предпринимает новую попытку, прихватив с собой фотографию, которую, возможно, они вытребовали у нее. В середине переговоров прибегает служанка с сообщением, что хозяин уже дома, и тут жена, понимая, что он пойдет сейчас прямо в коттедж, выпроваживает его обитателей через черный ход — вероятно, в тот сосновый борок, о котором здесь упоминалось. Муж приходит — и застает жилище пустым. Я, однако ж, буду крайне удивлен, если он и сегодня найдет его пустым, когда выйдет вечером в рекогносцировку. Что вы скажете об этой гипотезе?

— В ней все предположительно.

— Зато она увязывает все факты. Когда нам станут известны новые факты, которые не уложатся в наше построение, тогда мы успеем ее пересмотреть. В ближайшее время мы ничего не можем начать, пока не получим новых известий из Норбери.

Долго нам ждать не пришлось. Телеграмму принесли, едва мы отпили чай. «В коттедже еще живут, — гласила она, — Опять видел в окне лицо. Приду встречать поезду семь ноль-ноль и до вашего прибытия ничего предпринимать не стану».

Когда мы вышли из вагона, Грэнт Манро ждал нас на платформе, и при свете станционных фонарей нам было видно, что он очень бледен и дрожит от волнения.

— Они еще там, мистер Холмс, — сказал он, ухватив моего друга за рукав. — Я, когда шел сюда, видел в коттедже свет. Теперь мы с этим покончим раз и навсегда.

— Какой же у вас план? — спросил мой друг, когда мы пошли по темной, обсаженной деревьями дороге.

— Я силой вломлюсь в дом и увижу сам, кто там есть. Вас двоих я попросил бы быть при этом свидетелями.

— Вы твердо решились так поступить, несмотря на предостережения вашей жены, что для вас же лучше не раскрывать ее тайну?

— Да, решился.

— Что ж, вы, пожалуй, правы. Правда, какова бы она ни была, лучше неопределенности и подозрений. Предлагаю отправиться сразу же. Конечно, перед лицом закона мы этим поставим себя в положение виновных, но я думаю, стоит пойти на риск.

Ночь была очень темная, и начал сеять мелкий дождик, когда мы свернули с шоссейной дороги на узкий, в глубоких колеях проселок, пролегший между двух рядов живой изгороди. Мистер Грэнт Манро в нетерпении чуть не бежал, и мы, хоть и спотыкаясь, старались не отстать от него.

— Это огни моего дома, — сказал он угрюмо, указывая на мерцающий сквозь деревья свет, — а вот коттедж, и сейчас я в него войду.

Проселок в этом месте сворачивал. У самого поворота стоял домик. Желтая полоса света на черной земле перед нами показывала, что дверь приоткрыта, и одно окно на втором этаже было ярко освещено. Мы поглядели и увидели движущееся по шторе темное пятно.

— Она там, эта тварь! — закричал Грэнт Манро. — Вы видите сами, что там кто-то есть. За мной, и сейчас мы все узнаем!

Мы подошли к двери, но вдруг из черноты выступила женщина и встала в золотой полосе света, падавшего от лампы. В темноте я не различал ее лица, но ее протянутые руки выражали мольбу.

— Ради Бога, Джек, остановись! — закричала она. — У меня было предчувствие, что ты придешь сегодня вечером. Не думай ничего дурного, дорогой! Поверь мне еще раз, и тебе никогда не придется пожалеть об этом.

— Я слишком долго верил тебе, Эффи! — сказал он строго. — Пусти! Я все равно войду. Я и мои друзья, мы решили покончить с этим раз и навсегда.

Он отстранил ее, и мы, не отставая, последовали за ним. Едва он распахнул дверь, прямо на него выбежала пожилая женщина и попыталась заступить ему дорогу, но он оттолкнул ее, и мгновением позже мы все трое уже поднимались по лестнице. Грэнт Манро влетел в освещенную комнату второго этажа, а за ним и мы.

Комната была уютная, хорошо обставленная, на столе горели две свечи и еще две на камине. В углу, согнувшись над письменным столом, сидела маленькая девочка. Ее лицо, когда мы вошли, было повернуто в другую сторону, мы разглядели только, что она в красном платьице и длинных белых перчатках. Когда она живо кинулась к нам, я вскрикнул от ужаса и неожиданности. Она обратила к нам лицо самого странного мертвенного цвета, и его черты были лишены всякого выражения. Мгновением позже загадка разрешилась. Холмс со смехом провел рукой за ухом девочки, маска соскочила, и угольно-черная негритяночка засверкала всеми своими белыми зубками, весело смеясь над нашим удивленным видом. Разделяя ее веселье, громко засмеялся и я, но Грэнт Манро стоял, выкатив глаза и схватившись рукой за горло.

— Боже! — закричал он, — что это значит?

— Я скажу тебе, что это значит, — объявила женщина, вступая в комнату с гордой решимостью на лице. — Ты вынуждаешь меня открыть тебе мою тайну, хоть это и кажется мне неразумным. Теперь давай вместе решать, как нам с этим быть. Мой муж в Атланте умер. Мой ребенок остался жив.

— Твой ребенок!

Она достала спрятанный на груди серебряный медальон.

— Ты никогда не заглядывал внутрь.

— Я думал, что он не открывается.

Она нажала пружину, и передняя створка медальона отскочила. Под ней был портрет мужчины с поразительно красивым и тонким лицом, хотя его черты являли безошибочные признаки африканского происхождения.

— Это Джон Хеброн из Атланты, — сказала женщина, — и не было на земле человека благородней его. Выйдя за него, я оторвалась от своего народа, но, пока он был жив, я ни разу ни на минуту не пожалела о том. Нам не посчастливилось — наш единственный ребенок пошел не в мой род, а больше в его. Это нередко бывает при смешанных браках, и маленькая Люси куда черней, чем был ее отец. Но черная или белая, она моя родная, моя дорогая маленькая девочка, и мама очень любит ее! — Девочка при этих словах подбежала к ней и зарылась личиком в ее платье.

— Я оставила ее тогда в Америке, — продолжала женщина, — только по той причине, что она еще не совсем поправилась и перемена климата могла повредить ее здоровью. Я отдала ее на попечение преданной шотландки, нашей бывшей служанки. У меня и в мыслях не было отступаться от своего ребенка. Но когда я встретила тебя на своем пути, когда я тебя полюбила, Джек, я не решилась рассказать тебе про своего ребенка. Да простит мне бог, я побоялась, что потеряю тебя, и у меня недостало мужества все рассказать. Мне пришлось выбирать между вами, и по слабости своей я отвернулась от родной моей девочки. Три года я скрывала от тебя ее существование, но я переписывалась с няней и знала, что с девочкой все хорошо. Однако в последнее время у меня появилось неодолимое желание увидеть своего ребенка. Я боролась с ним, но напрасно. И хотя я знала, что это рискованно, я решилась на то, чтоб девочку привезли сюда — пусть хоть на несколько недель. Я послала няне сто фунтов и дала ей указания, как вести себя здесь в коттедже, чтобы она могла сойти просто за соседку, к которой я не имею никакого отношения. Я очень боялась и поэтому не велела выводить ребенка из дому в дневные часы. Дома мы всегда прикрываем ей личико и руки: вдруг кто-нибудь увидит ее в окно, и пойдет слух, что по соседству появился черный ребенок. Если бы я меньше остерегалась, было бы куда разумней, но я сходила с ума от страха, как бы не дошла до тебя правда.

Ты первый и сказал мне, что в коттедже кто-то поселился. Мне бы подождать до утра, но я не могла уснуть от волнения, и наконец я вышла потихоньку, зная, как крепко ты спишь. Но ты увидел, что я выходила, и с этого начались все мои беды. На другой день мне пришлось отдаться на твою милость, и ты из благородства не стал допытываться. Но на третий день, когда ты ворвался в коттедж с парадного, няня с ребенком едва успели убежать через черный ход. И вот сегодня ты все узнал, и я спрашиваю тебя: что с нами будет теперь — со мной и с моим ребенком? — Она сжала руки и ждала ответа.

Две долгих минуты Грэнт Манро не нарушал молчания, и когда он ответил, это был такой ответ, что мне и сейчас приятно его вспомнить. Он поднял девочку, поцеловал и затем, держа ее на одной руке, протянул другую жене и повернулся к двери.

— Нам будет удобней поговорить обо всем дома, — казал он. — Я не очень хороший человек, Эффи, но, кажется мне, все же не такой дурной, каким ты меня считала.

Мы с Холмсом проводили их до поворота, и, когда мы вышли на проселок, мой друг дернул меня за рукав.

— Полагаю, — сказал он, — в Лондоне от нас будет больше пользы, чем в Норбери.

Больше он ни слова не сказал об этом случае вплоть до поздней ночи, когда, взяв зажженную свечу, он повернулся к двери, чтобы идти в свою спальню.

— Уотсон, — сказал он, — если вам когда-нибудь покажется, что я слишком полагаюсь на свои способности или уделяю случаю меньше старания, чем он того заслуживает, пожалуйста, шепните мне на ухо: «Норбери» — и вы меня чрезвычайно этим обяжете.

Приключения клерка

(Перевод Н.Колпакова)

Вскоре после женитьбы я купил в Паддингтоне практику у доктора Фаркера. Старый доктор некогда имел множество пациентов, но потом вследствие болезни — он страдал чем-то вроде пляски святого Витта, — а также преклонных лет их число заметно поуменьшилось. Ведь люди, и это понятно, предпочитают лечиться у того, кто сам здоров, и мало доверяют медицинским познаниям человека, который не может исцелить даже самого себя. И чем хуже становилось здоровье моего предшественника, тем в больший упадок приходила его практика, и к тому моменту, когда я купил ее, она приносила вместо прежних тысячи двухсот немногим больше трехсот фунтов в год. Но я положился на свою молодость и энергию и не сомневался, что через год-другой от пациентов не будет отбою.

Первые три месяца, как я поселился в Паддингтоне, я был очень занят и совсем не виделся со своим другом Шерлоком Холмсом. Зайти к нему на Бейкер-стрит у меня не было времени, а сам он если и выходил куда, то только по делу. Поэтому я очень обрадовался, когда однажды июньским утром, читая после завтрака «Британский медицинский вестник», услыхал в передней звонок и вслед за тем резкий голос моего старого друга.

— А, мой дорогой Уотсон, — сказал он, войдя в комнату, — рад вас видеть! Надеюсь, миссис Уотсон уже оправилась после тех потрясений, что пришлось нам пережить в деле со «Знаком четырех».

— Благодарю вас, она чувствует себя превосходно, — ответил я, горячо пожимая ему руку.

— Надеюсь также, — продолжал Шерлок Холмс, усаживаясь в качалку, — занятия медициной еще не совсем отбили у вас интерес к нашим маленьким загадкам?

— Напротив! — воскликнул я. — Не далее, как вчера вечером, я разбирал свои старые заметки, а некоторые даже перечитал.

— Надеюсь, вы не считаете свою коллекцию завершенной?

— Разумеется, нет! Я бы очень хотел еще пополнить ее.

— Скажем, сегодня?

— Пусть даже сегодня.

— Даже если придется ехать в Бирмингем?

— Куда хотите.

— А практика?

— Что практика? Попрошу соседа, он примет моих пациентов. Я ведь подменяю его, когда он уезжает.

— Ну и прекрасно, — сказал Шерлок Холмс, откидываясь в качалке и бросая на меня проницательный взгляд из-под полуопущенных век. — Эге, да вы, я вижу, были больны. Простуда летом — вещь довольно противная.

— Вы правы. На той неделе я сильно простудился и целых три дня сидел дома. Но мне казалось, от болезни теперь уже не осталось и следа.

— Это верно, вид у вас вполне здоровый.

— Как же вы догадались, что я болел?

— Мой дорогой Уотсон, вы же знаете мой метод.

— Метод логических умозаключений?

— Разумеется.

— С чего же вы начали?

— С ваших домашних туфель.

Я взглянул на новые кожаные туфли, которые были на моих ногах.

— Но что по этим туфлям… — начал было я, но Холмс ответил на вопрос прежде, чем я успел его закончить.

— Туфли ваши новые, — разъяснил он. — Вы их носите не больше двух недель, а подошвы, которые вы сейчас выставили напоказ, уже подгорели. Вначале я подумал, что вы их промочили, а затем, когда сушили, сожгли. Но потом я заметил у самых каблуков бумажные ярлычки с клеймом магазина. От воды они наверняка бы отсырели. Значит, вы сидели у камина, вытянув ноги к самому огню, что вряд ли кто, будь он здоров, стал бы делать даже в такое сырое и холодное лето, какое выдалось в этом году.

Как всегда, после объяснений Шерлока Холмса, все оказалось очень просто. Холмс, прочтя эту мысль на моем лице, грустно улыбнулся.

— Боюсь, что мои объяснения приносят мне только вред, — заметил он. — Одни следствия без причины действуют на воображении гораздо сильнее… Ну, вы готовы со мной в Бирмингем?

— Конечно. А что там за дело?

— Все узнаете по дороге. Внизу нас ждет экипаж и клиент. Едемте.

— Одну минуту.

Я черкнул записку своему соседу, забежал наверх к жене, чтобы предупредить ее об отъезде, и догнал Холмса на крыльце.

— Ваш сосед тоже врач? — спросил он, кивнув на медную дощечку на соседней двери.

— Да, он купил практику одновременно со мной.

— И давно она существует?

— Столько же, сколько моя. С тех пор, как построили эти дома.

— Вы купили лучшую.

— Да. Но как вы об этом узнали?

— По ступенькам, мой дорогой Уотсон. Ваши ступеньки сильно стерты подошвами, так, что каждая на три дюйма ниже, чем у соседа. А вот и наш клиент. Мистер Холл Пикрофт, позвольте мне представить вам моего друга, доктора Уотсона, — сказал Холмс. — Эй, кэбмен, — добавил он, — подстегните-ка лошадей, мы опаздываем на поезд.

Я уселся напротив Пикрофта.

Это был высокий, хорошо сложенный молодой человек с открытым, добродушным лицом и светлыми закрученными усиками. На нем был блестящий цилиндр и аккуратный черный костюм, придавший ему вид щеголеватого клерка из Сити, как оно и было на самом деле. Он принадлежал к тому сорту людей, которых у нас называют «кокни», но которые дают нам столько прекрасных солдат-волонтеров, а также отличных спортсменов, как ни одно сословие английского королевства. Его круглое румяное лицо было от природы веселым, но сейчас уголки его губ опустились, и это придало ему слегка комический вид. Какая беда привела его к Шерлоку Холмсу, я узнал, только когда мы уселись в вагон первого класса и поезд тронулся.

— Итак, — сказал Холмс, — у нас впереди больше часа свободного времени. Мистер Пикрофт, расскажите, пожалуйста, моему другу о своем приключении, как вы его рассказывали мне, а если можно, то и подробнее. Мне тоже будет полезно проследить еще раз ход событий. Дело, Уотсон, может оказаться пустяковым, но в нем есть некоторые довольно интересные обстоятельства, которые вы, как и я, так любите. Итак, мистер Пикрофт, начинайте. Я не буду прерывать вас больше.

Наш спутник взглянул на меня, и глаза его загорелись.

— Самое неприятное в этой истории то, — начал он, — что я в ней выгляжу полнейшим дураком. Правда, может, все еще обойдется. Да, признаться, я и не мог поступить иначе. Но если я и этого места лишусь, не получив ничего взамен, то и выйдет, что нет на свете другого

такого дурака, как я. Хотя я и не мастер рассказывать, но послушайте, что произошло.

Служил я в маклерской фирме «Коксон и Вудхаус» в Дрейпер-Гарденсе, но весной этого года лопнул венесуэлский займ, — вы, конечно, об этом слышали, — и фирма обанкротилась. Всех служащих, двадцать семь человек, разумеется, уволили. Работал я у них пять лет, и, когда разразилась гроза, старик Коксон дал мне блестящую характеристику. Я начал искать новое место, сунулся туда, сюда, но таких горемык, как я, везде было полно.

Положение было отчаянное. У Коксона я получал в неделю три фунта стерлингов и за пять лет накопил семьдесят фунтов, но эти деньги, как и все на свете, подошли к концу. И вот я дошел до того, что не осталось денег даже на марки и конверты, чтобы писать по объявлениям. Я истрепал всю обувь, обивая пороги различных фирм, но найти работы не мог.

Когда я уже совсем потерял надежду, то услышал о вакантной должности в большом банкирском доме «Мейсон и Уильямсы» на Ломбард-стрит. Смею предположить, что вы мало знакомы с деловой частью Лондона, но можете мне поверить, что это один из самых богатых и солидных банков. Обращаться с предложением своих услуг следовало только почтой. Я послал им заявление вместе с характеристикой безо всякой надежды на успех. И вдруг обратной почтой получаю ответ, что в ближайший понедельник могу приступить к исполнению своих новых обязанностей. Как это случилось, никто не мог объяснить. Говорят, что в таких случаях управляющий просто сует руку в кучу заявлений и вытаскивает наугад первое попавшееся, вот и все. Но, так или иначе, мне повезло, и я никогда так не радовался, как на сей раз. Жалованье у них в неделю было даже больше на один фунт, а обязанности мало чем отличались от тех, что я исполнял у Коксона.

Теперь я подхожу к самой удивительной части моей истории. Надо вам сказать, что я снимаю квартиру за Хемпстедом: Поттерс-стрит, 17. В тот самый вечер, когда пришло это приятное письмо, я сидел дома и курил трубку. Вдруг входит квартирная хозяйка и подает визитную карточку, на которой напечатано: «Артур Пиннер, финансовый агент». Я никогда прежде о таком не слыхал и не представлял, зачем я ему понадобился, однако попросил хозяйку пригласить его наверх. Вошел среднего роста темноглазый брюнет, с черной бородой и лоснящимся носом. Походка у него была быстрая, речь отрывистая, как у человека, привыкшего дорожить временем.

— Мистер Пикрофт, если не ошибаюсь? — спросил он.

— Да, сэр, — ответил я, предлагая стул.

— Раньше служили у Коксона?

— Да, сэр.

— А сейчас поступили в банкирский дом Мейсонов?

— Совершенно верно.

— Так-с, — произнес он. — Видите ли, я слыхал, что вы обладаете незаурядными деловыми способностями. Вас очень хвалил мне Паркер, бывший управляющий у Коксона.

Я, разумеется, был весьма польщен, услышав столь лестный о себе отзыв. Я всегда хорошо справлялся со своими обязанностями у Коксона, но мне и в голову не приходило, что в Сити идут обо мне такие разговоры.

— У вас хорошая память? — спросил затем Пиннер.

— Неплохая, — ответил я скромно.

— Вы следили за курсом бумаг последнее время?

— Безусловно! Я каждое утро просматриваю «Биржевые ведомости».

— Удивительное прилежание! — воскликнул он. — Вот где источник всякого успеха! Если не возражаете, я вас немного поэкзаменую. Скажите, каков курс Эйширских акций?

— От ста пяти до ста пяти с четвертью.

— А Объединенных новозеландских?

— Сто четыре.

— Хорошо, а Брокенхиллских английских?

— От ста семи до ста семи с половиной.

— Великолепно! — вскричал он. — Просто замечательно. Таким я вас и представлял себе. Мальчик мой, вы созданы для большего, чем быть простым клерком у Мейсонов!

Его восторг, как вы понимаете, меня, конечно, несколько смутил.

— Так-то оно так, мистер Пиннер, — сказал я, — но не все обо мне такого высокого мнения. Я не один день побегал, пока нашел эту вакансию. И я очень рад ей.

— Ах, Господи, что это вы говорите! Разве ваше место там? Вот послушайте, что я вам скажу. Правда, я не могу предложить вам уже сейчас место, которое вы заслуживаете, но в сравнении с Мейсонами это небо и земля. Когда вы начинаете работать у Мейсонов?

— В понедельник.

— Хм-м, готов биться об заклад, что вы туда не пойдете.

— Что, не пойду к Мейсонам?!

— Вот именно, мой дорогой. К этому времени вы уже будете работать коммерческим директором Франко-Мидландской компании скобяных изделий, имеющей сто тридцать четыре отделения в различных городах и селах Франции, не считая Брюсселя и Сан-Ремо.

У меня даже дыхание перехватило.

— Но я никогда не слышал об этой компании, — пробормотал я.

— Очень может быть. Мы не кричим о себе на каждом углу, капитал фирмы целиком составляют частные вклады, а дела идут так хорошо, что реклама просто ни к чему. Генеральный директор фирмы — мой брат Гарри Пиннер, он же и основал ее. Зная, что я еду в Лондон, он попросил меня подыскать ему расторопного помощника — молодого человека, способного и делового, с хорошими рекомендациями. Паркер рассказал мне о вас, и вот я здесь. Для начала мы можем предложить вам всего каких-то пятьсот фунтов в год, но в дальнейшем…

— Пятьсот фунтов!? — вскричал я, пораженный.

— Это для начала. Кроме того, вы будете получать один процент комиссионных с каждого нового контракта, и, можете поверить мне, ваше жалованье удвоится.

— Но я ничего не смыслю в скобяных изделиях.

— Зато вы смыслите в бухгалтерии.

Голова моя закружилась, и я едва усидел на месте. Но вдруг в душу мою закралось сомнение.

— Я буду откровенен с вами, сэр, — сказал я. — Мейсоны положили мне двести фунтов в год, но фирма «Мейсон и Уильямсы» — дело верное. А о вас я ровно ничего…

— Вы просто прелесть! — вскричал мой гость в восторге. — Именно такой человек нам и нужен. Вас не проведешь. И это очень хорошо. Вот вам сто фунтов, и если считаете, что дело сделано, смело кладите их в свой карман в качестве аванса.

— Это очень большая сумма, — сказал я. — Когда я должен приступить к работе?

— Поезжайте завтра утром в Бирмингем, — ответил он. — И в час приходите во временную контору фирмы на Корпорейшн-стрит, дом 126. Я дам вам письмо моему брату. Нужно его согласие. Но, между нами говоря, я считаю ваше назначение решенным.

— Не знаю, как и благодарить вас, мистер Пиннер, — сказал я.

— Пустое, мой мальчик. Вы должны благодарить только самого себя. А теперь еще один-два пункта, — так, чистая формальность, но это необходимо уладить. Есть у вас бумага? Будьте добры, напишите на ней: «Согласен поступить на должность коммерческого директора во Франко-Мидландскую компанию скобяных изделий с годовым жалованьем 500 фунтов».

Я написал то, что мистер Пиннер продиктовал мне, и он положил бумагу в карман.

— И еще один вопрос, — сказал он. — Как вы думаете поступить с Мейсонами?

На радостях я совсем было о них забыл.

— Напишу им о своем отказе от места, — ответил я.

— По-моему, этого делать не надо. Я был у Мейсона и поссорился из-за вас с его управляющим. Я зашел к нему навести о вас справки, а он стал кричать, что я сманиваю его людей и тому подобное. Ну я и не выдержал. «Если вы хотите держать хороших работников, платите им как следует», — сказал я в сердцах. А он мне ответил, что вы предпочитаете служить у них на маленьком жалованье, чем у нас на большом.

«Ставлю пять фунтов, — сказал я, — что, когда я предложу ему место коммерческого директора у нас, он даже не напишет вам о своем отказе». «Идет! — воскликнул он. — Мы его, можно сказать, из петли вытащили, и он от нас не откажется!» Это точные его слова.

— Каков нахал! — возмутился я. — Я его и в глаза не видел, а он смеет говорить обо мне такие вещи… Да я теперь ни за что не напишу им, хоть умоляйте меня!

— Ну и прекрасно. Так, значит, по рукам, — сказал он, поднимаясь со стула. — Я рад, что нашел брату хорошего помощника. Вот вам сто фунтов, а вот и письмо. Запомните адрес: Корпорейшн-стрит, 126; не забудьте: завтра в час. Спокойной ночи, и пусть счастье всегда сопутствует вам, как вы того заслужили.

Вот, насколько я помню, какой у нас произошел разговор. Можете себе представить, доктор Уотсон, как я обрадовался этому предложению. Я не спал до полуночи, взволнованный блестящей перспективой, и на следующий день выехал в Бирмингем самым ранним поездом. По приезде я оставил вещи в гостинице на Нью-стрит, а сам отправился пешком по данному адресу.

До назначенного срока оставалось около четверти часа, но я подумал, что ничего не случится, если я приду раньше. Дом 126 оказался большим пассажем, в конце которого по обе стороны располагались два больших магазина, за одним виднелась лестница, наподобие винтовой, куда выходили двери различных контор и отделений местных фирм.

Внизу, в начале лестницы, висел на стене большой указатель с названием фирм, но как я ни искал, а «Франко-Мидландской» там не оказалось. Сердце мое упало, и я несколько минут стоял возле указателя, тупо разглядывая его и спрашивая себя, кто и зачем вздумал разыграть меня таким нелепым образом, как вдруг ко мне подошел незнакомец — точная копия моего вчерашнего посетителя, только этот был чисто выбрит, и волосы у него были чуть посветлее.

— Мистер Пикрофт? — спросил он меня.

— Да, — ответил я.

— Я ждал вас, но вы пришли немного раньше. Сегодня утром мне передали письмо от моего брата. Он очень вас хвалит.

— Я искал на указателе мою будущую фирму, когда вы подошли.

— У нас пока еще нет вывески, мы только на прошлой неделе сняли это помещение. Ну что же, идемте наверх, там и переговорим.

Мы поднялись по лестнице чуть не под самую крышу и очутились в пустой и грязной комнатке, ободранной и обшарпанной, из которой вела дверь в другую, такую же. Надеясь увидеть большую контору с рядами сверкающих столов и кучей клерков, я оторопело оглядел голое окно без штор или занавесок, две сосновые табуретки и маленький стол, которые вместе со счетами и корзиной для бумаг составляли всю обстановку.

— Мистер Пикрофт, пусть вас не смущает наше скромное помещение, — подбодрил меня мой новый начальник, заметив мое вытянувшееся лицо, — Рим не сразу строился. Наша фирма достаточно богата, но мы не швыряем деньги на ветер. Прошу вас, садитесь и давайте ваше письмо.

Я протянул ему письмо, которое он внимательно прочел.

— О, да вы произвели сильное впечатление на моего брата Артура, — заметил он. — А брат мой, — человек проницательный. Правда, он меряет людей по лондонской мерке, а я — по

своей, бирмингемской. Но на этот раз я последую его совету. Считайте себя с сегодняшнего дня принятым на службу в нашу контору.

— Каковы будут мои обязанности? — спросил я.

— Вы будете скоро заведовать большим филиалом нашей компании в Париже, который имеет во Франции сто тридцать четыре отделения и будет распространять английскую керамику по всей стране. Оформление торговых заказов заканчивается в ближайшие дни. А пока вы останетесь в Бирмингеме и будете делать свое дело здесь.

— Что именно? — спросил я.

Вместо ответа он достал из ящика стола большую книгу в красном переплете.

— Это справочник города Парижа, — сказал он, — с указанием рода занятий его жителей. Возьмите его домой и выпишите всех торговцев железоскобяными изделиями с их адресами. Это нам крайне необходимо.

— Но ведь, наверное, есть специальные справочники по профессиям, — заметил я.

— Они очень неудобны. Французская система отличается от нашей. Словом, берите этот справочник и в следующий понедельник к двенадцати часам принесите мне готовый список. До свидания, мистер Пикрофт. Я уверен, что вам понравится у нас, если, конечно, вы и впредь будете усердны и сообразительны.

С книгой в руках я вернулся в отель; душу мою обуревали самые противоречивые чувства. С одной стороны, меня окончательно приняли на работу, и в моем кармане лежало сто фунтов. С другой — жалкий вид конторы, отсутствие вывески на стене и другие мелочи, сразу бросающиеся в глаза человеку, опытному в банковских делах, заставляли меня призадуматься о финансовом положении моих новых хозяев. Но будь что будет — аванс я получил, надо приниматься за работу. Все воскресенье я усердно трудился, и тем не менее к понедельнику я дошел только до буквы «Н». Я отправился к своему новому шефу и застал его все в той же ободранной комнате; он велел мне продолжать списывать парижских жестянщиков и прийти с готовой работой в среду. Но и в среду работа все еще не была окончена. Я корпел над списком вплоть до пятницы, то есть до вчерашнего дня. Вчера я наконец принес Пиннеру готовый список.

— Благодарю вас, — сказал он. — Боюсь, что я недооценил трудностей задачи. Этот список мне будет очень полезен.

— Да, над этим пришлось изрядно попотеть, — заметил я.

— А теперь, — заявил он, — я попрошу вас составить список мебельных магазинов, они также занимаются продажей керамики.

— Хорошо.

— Приходите в контору завтра к семи часам вечера, чтобы я знал, как идут дела. Но не переутомляйтесь. Пойдите вечером в мюзик-холл. Я думаю, это не повредит ни вам, ни вашей работе.

Сказав это, он рассмеялся, и я, к своему ужасу, вдруг заметил на его нижнем втором слева зубе плохо наложенную золотую пломбу.

Шерлок Холмс даже руки потер от удовольствия, я же слушал нашего клиента, недоумевая.

— Ваше недоумение понятно, доктор Уотсон, — сказал Пикрофт. — Вы просто не знаете всех обстоятельств дела. Помните, в Лондоне я разговаривал с братом моего хозяина? Так вот, у него во рту была точно такая же золотая пломба. Я обратил на нее внимание, когда он рассмеялся, рассказывая мне о своем разговоре с управляющим Мейсонов.

Тогда я сравнил мысленно обоих братьев и увидел, что голос и фигура у них абсолютно одинаковы и что отличаются они только тем, что можно легко изменить с помощью бритвы или же парика. Сомнений не было: передо мной был тот же самый человек, который приходил ко мне в Лондоне. Конечно, бывает, что два брата похожи друг на друга, как две капли воды, но чтобы у них был одинаково запломбирован один и тот же зуб — этого быть не могло.

Шеф мой с поклоном проводил меня до двери, и я очутился на улице, едва соображая, где я и что со мной происходит.

Кое-как я добрался до гостиницы, сунул голову в таз с холодной водой, чтобы прийти в себя, и стал думать, зачем он послал меня из Лондона в Бирмингем к самому себе, зачем написал это идиотское письмо? Как ни ломал я голову, ответа на эти вопросы не находил. И тут меня осенило: поеду к Шерлоку Холмсу; только он может понять, в чем тут дело. В тот же день вечерним поездом я выехал в Лондон, чтобы еще утром увидеться с Шерлоком Холмсом и привезти его в Бирмингем.

Клерк закончил рассказ о своем удивительном приключении. Наступило молчание. Шерлок Холмс многозначительно взглянул на меня и откинулся на подушки. Выражение его лица было довольное и вместе с тем критическое, как у знатока, только что отведавшего глоток превосходного вина.

— Ну что, Уотсон, ловко придумано, а? — заметил он. — В этом есть что-то заманчивое для меня. Надеюсь, вы согласитесь, что интервью с Гарри-Артуром Пиннером во временной конторе Франко-Мидландской компании скобяных изделий было бы для нас небезынтересно.

— Да, но как это сделать? — спросил я.

— Очень просто, — вмешался в разговор Холл Пикрофт. — Вы оба — мои друзья, ищете работу, и я, естественно, решил рекомендовать вас моему хозяину.

— Отлично, так и сделаем! — воскликнул Холмс. — Я хочу повидать этого господина и, если удастся, выяснить, какую игру он затеял. Что особенного он нашел в вас? Почему дал такой большой аванс? Быть может…

Он принялся грызть ногти, уставившись отсутствующим взглядом в окно, и до самого Нью-стрита нам больше не удалось вытянуть из него ни слова.

В тот же день в семь часов вечера мы втроем шагали по Корпорейшн-стрит, направляясь в контору Франко-Мидландской компании.

— Приходить раньше нет надобности, — заметил клерк. — Он там бывает, по-видимому, только за тем, чтобы повидаться со мной. Так что до назначенного часа в конторе все равно никого не будет.

— Это интересно, — сказал Холмс.

— Ну, что я вам говорил, — воскликнул Пикрофт. — Вон он идет впереди нас.

Он указал на невысокого, белокурого, хорошо одетого мужчину, спешившего по другой стороне улицы. Пока мы его разглядывали, Пиннер, заметив напротив газетчика, размахивающего свежими номерами вечерней газеты, кинулся к нему через улицу, огибая пролетки и омнибусы, и купил одну. Затем с газетой в руках он скрылся в дверях пассажа.

— Он уже в конторе! — воскликнул Пикрофт. — Идемте со мной, я сейчас вас представлю.

Вслед за нашим спутником мы взобрались на пятый этаж и очутились перед незапертой дверью. Пикрофт постучал. Из-за двери послышалось: «Войдите». Мы зашли в пустую, почти не меблированную комнату, вид которой полностью совпадал с описанием Пикрофта. За единственным столом с развернутой газетой в руках сидел человек, только что виденный нами на улице. Он поднял голову и я увидел лицо, искаженное таким страданием, вернее, даже не страданием, а безысходным отчаянием, как бывает, когда с человеком стряслось непоправимая беда. Лоб его блестел от испарины, щеки приняли мертвенно-бледный оттенок, напоминавший брюхо вспоротой рыбы, остекленевший взгляд был взглядом сумасшедшего. Он уставился на своего клерка, точно видел его впервые, и по лицу Пикрофта я понял, что таким он видит хозяина в первый раз.

— Мистер Пиннер, что с вами, вы больны? — воскликнул он.

— Да, я что-то неважно себя чувствую, — выдавил из себя мистер Пиннер. — Что это за джентльмены, которые пришли с вами? — добавил он, облизывая пересохшие губы.

— Это мистер Гаррис из Бэрмендси, а это мистер Прайс — он здешний житель, — словоохотливо ответил наш клерк. — Мои друзья. Они хорошо знают конторское дело. Но оба сейчас без работы. И я подумал, может, у вас найдется для них местечко.

— Конечно, почему бы нет! — вскричал Пиннер, через силу улыбаясь. — Я даже уверен, что

найдется. Вы по какой части, мистер Гаррис?

— Я бухгалтер, — ответил Холмс.

— Так-так, бухгалтеры нам нужны. А ваша специальность, мистер Прайс?

— Я клерк, — ответил я.

— Полагаю, что и для вас дело найдется. Как только мы примем решение, я тотчас дам вам знать. А сейчас я попрошу вас уйти. Ради Бога, оставьте меня одного!

Последние слова вырвались у него помимо воли. Точно у него больше не было сил сдерживаться. Мы с Холмсом переглянулись, а Пикрофт шагнул к столу.

— Мистер Пиннер, вы, наверное, забыли, что я пришел сюда за дальнейшими инструкциями, — сказал он.

— Да-да, конечно, мистер Пикрофт, — ответил хозяин конторы неожиданно бесстрастным тоном. — Подождите меня здесь минутку. Да и ваши друзья пусть подождут. Я буду к вашим услугам через пять минут, если позволите мне злоупотребить вашим терпением в такой степени.

Он встал, учтиво поклонился, вышел в соседнюю комнату и затворил за собой дверь.

— Что там такое? — зашептал Холмс. — Он не ускользнет от нас?

— Нет! — уверенно ответил Пикрофт. — Эта дверь ведет только во вторую комнату.

— А из нее нет другого выхода?

— Нет.

— Там тоже пусто?

— Вчера по крайней мере там ничего не было.

— Зачем он туда пошел? Мне здесь не все ясно. Такое впечатление, что Пиннер внезапно повредился в уме. Что-то испугало его до потери сознания. Но что?

— Возможно, он решил, что мы из полиции, — предположил я.

— Возможно, — согласился Пикрофт.

Холмс покачал головой.

— Нет, он уже был бледен, как смерть, когда мы вошли, — возразил он. — Разве только…

Его слова были прерваны резким стуком, раздавшимся из соседней комнаты.

— Какого черта он стучится в собственную дверь! — вскричал Пикрофт.

Стук не прекращался. Мы все в ожидании уставились на закрытую дверь. Лицо у Холмса стало жестким. Он в сильном возбуждении наклонился вперед.

Потом из соседней комнаты вдруг донесся тихий булькающий звук, словно кто-то полоскал горло, и чем-то часто забарабанили по деревянной перегородке. Холмс, как бешеный, прыгнул через всю комнату к двери и толкнул ее. Дверь оказалась на запоре. Мы с Пикрофтом тоже бросились к двери, и все втроем навалились на нее. Сорвалась одна петля, потом вторая, и дверь с треском рухнула на пол. Мы ворвались внутрь. Комната была пуста.

Наша растерянность длилась не больше минуты. В ближайшем углу комнаты виднелась еще одна дверь. Холмс подскочил к ней и отворил ее рывком. За дверью на полу лежали пиджак и жилетка, а на крюке на собственных подтяжках, затянутых вокруг шеи, висел управляющий Франко-Мидландской компании скобяных изделий. Колени его подогнулись, голова неестественно свесилась на грудь, пятки, ударяя по двери, издавали тот самый непонятный стук, который заставил нас насторожиться. В мгновение ока я обхватил и приподнял его бесчувственное тело, а Холмс и Пикрофт стали развязывать резиновую петлю, которая почти исчезла под багрово-синими складками кожи. Затем мы перенесли Пиннера в другую комнату и положили на пол. Лицо у него стало свинцово-серым, но он был жив, и его фиолетово-синие губы с каждым вдохом и выдохом выпячивались и опадали. Это было жалкое подобие того

здорового, цветущего человека, которого мы видели на улице всего полчаса назад.

— Как его состояние, Уотсон? — спросил меня Холмс.

Я наклонился над распростертым телом и начал осмотр. Пульс по-прежнему оставался слабым, но дыхание постепенно выравнивалось, веки слегка дрожали, приоткрыв тонкую белую полоску глазных яблок.

— Чуть было не отправился к праотцам, — заметил я, — но, кажется, все обошлось. Откройте-ка окно и дайте сюда графин с водой.

Я расстегнул ему рубашку на груди, смочил холодной водой лицо и принялся поднимать и опускать его руки, делая искусственное дыхание, пока он не вздохнул наконец всей грудью.

— Теперь все остальное — только вопрос времени, — заметил я, отходя от него.

Холмс стоял у стола, засунув руки в карманы брюк и опустив голову на грудь.

— Ну что же, — сказал он, пора вызывать полицию. Должен признаться, что мне будет приятно посвятить их в подробности этого дела.

— Я все-таки ничего не понимаю, — признался Пикрофт, почесав затылок. — Черт возьми! Для чего, спрашивается, я был им здесь нужен?

— Все очень просто, — махнул рукой Холмс, — мне непонятна только заключительная сцена. — Холмс указал на подтяжки.

— А все остальное понятно?

— Думаю, что да. А вы, Уотсон, что скажете?

Я пожал плечами.

— Ровным счетом ничего не понимаю.

— А ведь если внимательно проследить ход событий, то вывод напрашивается сам собой.

— Какой же?

— Одну минутку. Вначале вернемся к двум исходным точкам: первое — заявление Пикрофта с просьбой принять его на работу в эту нелепую компанию. Надеюсь, вы догадываетесь, зачем его заставили написать это заявление?

— Боюсь, что нет.

— И все-таки оно зачем-то понадобилось! Ведь, как правило, чтобы принять человека на службу, достаточно устного соглашения, и на сей раз не было никаких причин, чтобы делать исключение. Отсюда вывод: им дозарезу нужен был образец вашего почерка.

— Но зачем?

— В самом деле, зачем? Ответив на этот вопрос, мы с вами решим и всю задачу. Так, значит, зачем же им стал нужен ваш почерк? А затем, что кому-то понадобилось написать что-то, подделываясь под вашу руку. Теперь второй момент. Как вы сейчас увидите, одно дополняет другое. Помните, как у мистера Пикрофта было взято обещание не посылать Мейсонам письменного отказа от места, а отсюда следует, что управляющий названного банка и по сей день пребывает в уверенности, что в понедельник к нему на службу явился не кто иной, как мистер Пикрофт.

— Боже мой! — вскричал бедняга Пикрофт. — Каким же я оказался идиотом!

— Сейчас вы окончательно поймете, зачем им понадобился ваш почерк. Вообразите себе, что человек, проникший под вашим именем к Мейсонам, не знает вашего почерка. Ясно, его тут же поймают, и он проиграет игру, еще не начав ее. Но если мошенник знаком с вашей рукой, то бояться ему нечего. Ибо, насколько я понял, у Мейсона вас никто никогда в глаза не видел.

— В том-то и дело, что никто! — простонал Пикрофт.

— Прекрасно. Далее, мошенникам было крайне важно, чтобы вы не передумали или случайно не узнали, что у Мейсонов работает ваш двойник. Поэтому вам дали солидный аванс и увезли

в Бирмингем, где поручили вам такую работу, которая удержала бы вас вдали от Лондона хотя бы с неделю. Все очень просто, как видите.

— Да, но зачем ему понадобилось выдавать себя за собственного брата?

— И это понятно. Их, очевидно, двое. Один должен был заменить вас у Мейсонов, второй — отправить вас в Бирмингем. Приглашать третьего, на роль управляющего фирмой, им не хотелось. Поэтому второй изменил, сколько мог, свою внешность и выдал себя за собственного брата, так что даже разительное сходство не могло бы вызвать подозрений. И если бы не золотая пломба, вам бы и в голову никогда не пришло, что ваш лондонский посетитель и управляющий бирмингемской конторы — одно и то же лицо.

Холл Пикрофт затряс сжатыми кулаками.

— Боже мой! — вскричал он. — И чем же занимался мой двойник в конторе Мейсонов, пока я тут позволил водить себя за нос? Что же теперь нам делать, мистер Холмс? Что?

— Во-первых, без промедления телеграфировать Мейсонам.

— Сегодня суббота, банк закрывается в двенадцать.

— Это неважно, там наверняка есть сторож или швейцар…

— Да, они держат специального сторожа. Об этом как-то говорили в Сити. У них в банке хранятся большие ценности.

— Прекрасно. Мы сейчас позвоним и узнаем у него, все ли там в порядке и работает ли клерк с вашей фамилией. В общем, дело ясное. Не ясно одно, почему, увидев нас, один из мошенников тотчас ушел в другую комнату и повесился.

— Газета!.. — послышался хриплый голос позади нас.

Самоубийца сидел на полу бледный и страшный, в глазах его появились проблески сознания, руки нервно растирали широкую красную полосу, оставленную петлей на шее.

— Газета! Ну конечно! — вскричал Холмс возбужденно. — Какой же я идиот! Я все хотел связать самоубийство с нашим визитом и совсем забыл про газету. Разгадка, безусловно, в ней. — Он развернул газету на столе, и крик торжества сорвался с его уст.

— Посмотрите, Уотсон! — вскричал он. — Это лондонская «Ивнинг стандард». Какие заголовки! «Ограбление в Сити! Убийство в банке Мейсонов! Грандиозная попытка ограбления! Преступник пойман!» Вот здесь, Уотсон. Читайте. Я просто сгораю от нетерпения.

Это неудавшееся ограбление, судя по тому, сколько места отвела ему газета, было главным происшествием дня. Вот что я прочитал:

«Сегодня днем в Сити была совершена дерзкая попытка ограбления банка. Убит один человек. Преступник пойман. Несколько дней назад известный банкирский дом «Мейсон и Уильямсы» получил на хранение ценные бумаги на сумму, значительно превышающую миллион фунтов стерлингов. Управляющий банком, сознавая ответственность, легшую на его плечи, и понимая всю опасность хранения такой огромной суммы, установил в банке круглосуточное дежурство вооруженного сторожа. Полученные ценности были помещены в сейфы самой последней конструкции. В это время в банк на службу был принят новый клерк, по имени Холл Пикрофт, оказавшийся не кем иным, как знаменитым взломщиком и грабителем Беддингтоном, который со своим братом вышел на днях на свободу, отсидев пять лет в каторжной тюрьме. Каким-то образом, каким, еще не установлено, этому Беддингтону удалось устроиться в банк клерком. Проработав несколько дней, он изучил расположение кладовой и сейфов, а также снял слепки с нужных ему ключей.

Обычно в субботу служащие Мейсонов покидают банк ровно в двенадцать часов дня. Вот почему Тьюсон, сержант полиции, дежуривший в Сити, был слегка удивлен, когда увидел какого-то господина с саквояжем в руках, выходящего из банка в двенадцать минут второго. Заподозрив неладное, он последовал за неизвестным и после отчаянного сопротивления задержал его с помощью подоспевшего констебля Поллока. Сразу стало ясно, что совершено дерзкое и грандиозное ограбление. Саквояж оказался битком набит ценными бумагами, американскими железнодорожными акциями и акциями других компаний. Стоимость бумаг превышала сто тысяч фунтов стерлингов.

При осмотре здания обнаружили труп несчастного сторожа, засунутый в один из самых больших сейфов, где он пролежал бы до понедельника, если бы не расторопность и находчивость сержанта Тьюсона. Череп бедняги был размозжен ударом кочерги, нанесенным сзади. Очевидно, Беддингтон вернулся назад в контору, сделав вид, что забыл там что-то. Убив сторожа и быстро очистив самый большой сейф, он попытался скрыться со своей добычей. Его брат, обычно работающий вместе с ним, на этот раз, как пока известно, в деле не участвовал. Однако полиция принимает энергичные меры, чтобы установить его местопребывание».

— Мы можем, пожалуй, избавить полицию от лишних хлопот, — сказал Холмс, бросив взгляд на поникшую фигуру, скорчившуюся у окна. — Человеческая натура — странная вещь, Уотсон. Этот человек так любит своего брата, убийцу и злодея, что готов был руки на себя наложить, узнав, что тому грозит виселица. Но делать нечего, мы с доктором побудем здесь, а вы, мистер Пикрофт, будьте добры, сходите за полицией.

«Глория Скотт»

(Перевод Г.Любимовой)

— У меня здесь кое-какие бумаги, — сказал мой друг Шерлок Холмс, когда мы зимним вечером сидели у огня. — Вам не мешало бы их просмотреть, Уотсон. Это документы, касающиеся одного необыкновенного дела — дела «Глории Скотт». Когда мировой судья Тревор прочитал вот эту записку, с ним случился удар, и он, не приходя в себя, умер.

Шерлок Холмс достал из ящика письменного стола потемневшую от времени коробочку, вынул оттуда и протянул мне записку, нацарапанную на клочке серой бумаги. Записка заключала в себе следующее:

«С дичью дело, мы полагаем, закончено. Глава предприятия Хадсон, по сведениям, рассказал о мухобойках все. Фазаньих курочек берегитесь».

Когда я оторвался от этого загадочного письма, то увидел, что Холмс удовлетворен выражением моего лица.

— Вид у вас довольно-таки озадаченный, — сказал он.

— Я не понимаю, как подобная записка может внушить кому-нибудь ужас. Мне она представляется нелепой.

— Возможно. И все-таки факт остается фактом, что вполне еще крепкий пожилой человек, прочитав ее, упал, как от пистолетного выстрела.

— Вы возбуждаете мое любопытство, — сказал я. — Но почему вы утверждаете, что мне необходимо ознакомиться с этим делом?

— Потому что это — мое первое дело.

Я часто пытался выяснить у своего приятеля, что толкнуло его в область расследования уголовных дел, но до сих пор он ни разу не пускался со мной в откровенности. Сейчас он сел в кресло и разложил бумаги на коленях. Потом закурил трубку, некоторое время попыхивал ею и переворачивал страницы.

— Вы никогда не слышали от меня о Викторе Треворе? — спросил Шерлок Холмс. — Он был моим единственным другом в течение двух лет, которые я провел в колледже. Я не был общителен, Уотсон, я часами оставался один в своей комнате, размышляя надо всем, что замечал и слышал вокруг, — тогда как раз я и начал создавать свой метод. Потому-то я и не сходился в колледже с моими сверстниками. Не такой уж я любитель спорта, если не считать бокса и фехтования, словом, занимался я вовсе не тем, чем мои сверстники, так что точек соприкосновения у нас было маловато. Тревор был единственным моим другом, да и подружились-то мы случайно, по милости его терьера, который однажды утром вцепился мне в лодыжку, когда я шел в церковь. Начало дружбы прозаическое, но эффективное. Я пролежал десять дней, и Тревор ежедневно приходил справляться о моем здоровье. На первых порах наша беседа длилась не более минуты, потом Тревор стал засиживаться, и к концу семестра мы с ним были уже близкими друзьями. Сердечный и мужественный, жизнерадостный и энергичный, Тревор представлял собой полную противоположность мне, и все же у нас было много общего. Когда же я узнал, что у него, как и у меня, нет друзей, мы сошлись с ним еще короче.

В конце концов он предложил мне провести каникулы в имении его отца в Донифорпе, в Норфолке, и я решил на этот месяц воспользоваться его гостеприимством…

У старика Тревора, человека, по-видимому, состоятельного и почтенного, было имение. Донифорп — это деревушка к северу от Лангмера, недалеко от Бродз. Кирпичный дом Тревора, большой, старомодный, стоял на дубовых сваях. В тех местах можно было отлично поохотиться на уток, половить рыбу. У Треворов была небольшая, но хорошо подобранная библиотека. Как я понял, ее купили у бывшего владельца вместе с домом. Кроме того, старик Тревор держал сносного повара, так что только уж очень привередливый человек не провел бы здесь приятно время.

Тревор давно овдовел. Кроме моего друга, детей у него не было. Я слышал, что у него была еще дочь, но она умерла от дифтерита в Бирмингеме, куда ездила погостить. Старик, мировой

судья, заинтересовал меня. Человек он был малообразованный, но с недюжинным умом и очень сильный физически. Едва ли он читал книги, зато много путешествовал, много видел и все запоминал.

С виду это был коренастый, плотный человек с копной седых волос, с загорелым, обветренным лицом и голубыми глазами. Взгляд этих глаз казался колючим, почти свирепым, и все-таки в округе он пользовался репутацией человека доброго и щедрого, был хорошо известен как снисходительный судья.

Как-то вскоре после моего приезда, мы сидели после обеда за стаканом портвейна. Молодой Тревор заговорил о моей наблюдательности и моем методе дедукции, который мне уже удалось привести в систему, хотя тогда я еще не представлял себе точно, какое он найдет применение в дальнейшем. Старик, по-видимому, считал, что его сын преувеличивает мое искусство.

— Попробуйте ваш метод на мне, мистер Холмс, — со смехом сказал он: в тот день он был в отличном расположении духа, — я прекрасный объект для выводов и заключений.

— Боюсь, что о вас я немногое могу рассказать, — заметил я. — Я лишь могу предположить, что весь последний год вы кого-то опасались.

Смех замер на устах старика, и он уставился на меня в полном недоумении.

— Да, это правда, — подтвердил он и обратился к сыну: — Знаешь, Виктор, когда мы разогнали шайку браконьеров, они поклялись, что зарежут нас. И они в самом деле напали на сэра Эдвара Хоби. С тех пор я все время настороже, хотя, как ты знаешь, я не из пугливых.

— У вас очень красивая палка, — продолжал я. — По надписи я определил, что она у вас не больше года. Но вам пришлось просверлить отверстие в набалдашнике и налить туда расплавленный свинец, чтобы превратить палку в грозное оружие. Если б вам нечего было бояться, вы бы не прибегали к таким предосторожностям.

— Что еще? — улыбаясь, спросил старик Тревор.

— В юности вы часто дрались.

— Тоже верно. А это как вы узнали? По носу, который у меня глядит в сторону?

— Нет, — ответил я, — по форме ушей, они у вас прижаты к голове. Такие уши бывают у людей, занимающихся боксом.

— А еще что?

— Вы часто копали землю — об этом свидетельствуют мозоли.

— Все, что у меня есть, я заработал на золотых приисках.

— Вы были в Новой Зеландии.

— Опять угадали.

— Вы были в Японии.

— Совершенно верно.

— Вы были связаны с человеком, инициалы которого Д. А., а потом вы постарались забыть его.

Мистер Тревор медленно поднялся, устремил на меня непреклонный, странный, дикий взгляд больших голубых глаз и вдруг упал в обморок — прямо на скатерть, на которой была разбросана ореховая скорлупа. Можете себе представить, Уотсон, как мы оба, его сын и я, были потрясены. Обморок длился недолго. Мы расстегнули мистеру Тревору воротник и сбрызнули ему лицо водой. Мистер Тревор вздохнул и поднял голову.

— Ах, мальчики! — силясь улыбнуться, сказал он. — Надеюсь, я не испугал вас? На вид я человек сильный, а сердце у меня слабое, и оно меня иногда подводит. Не знаю, как вам это удается, мистер Холмс, но, по-моему, все сыщики по сравнению с вами младенцы. Это — ваше призвание, можете поверить человеку, который кое-что повидал в жизни.

И, знаете, Уотсон, именно преувеличенная оценка моих способностей навела меня на мысль,

что это могло бы быть моей профессией, а до того дня это было увлечение, не больше. Впрочем, тогда я не мог думать ни о чем, кроме как о внезапном обмороке моего хозяина.

— Надеюсь, я ничего не сказал такого, что причинило вам боль? — спросил я.

— Вы дотронулись до больного места… Позвольте задать вам вопрос: как вы все узнаете, и что вам известно?

Задал он этот вопрос полушутливым тоном, но в глубине его глаз по-прежнему таился страх.

— Все очень просто объясняется, — ответил я. — Когда вы засучили рукав, чтобы втащить рыбу в лодку, я увидел у вас на сгибе локтя буквы Д. А. Буквы были все еще видны, но размазаны, вокруг них на коже расплылось пятно — очевидно, их пытались уничтожить. Еще мне стало совершенно ясно, что эти инициалы были вам когда-то дороги, но впоследствии вы пожелали забыть их.

— Какая наблюдательность! — со вздохом облегчения воскликнул мистер Тревор. — Все так, как вы говорите. Ну, довольно об этом. Худшие из всех призраков — это призраки наших былых привязанностей. Пойдемте покурим в бильярдной.

С этого дня к радушию, которое неизменно оказывал мне мистер Тревор, примешалась подозрительность. Даже его сын обратил на это внимание.

— Задали вы моему отцу задачу, — сказал мой друг. — Он все еще не в состоянии понять, что вам известно, а что неизвестно.

Мистер Тревор не подавал вида, но это, должно быть, засело у него в голове, и он часто поглядывал на меня украдкой.

Наконец я убедился, что нервирую его и что мне лучше уехать.

Накануне моего отъезда произошел случай, доказавший всю важность моих наблюдений.

Мы, все трое, разлеглись на шезлонгах, расставленных перед домой на лужайке, грелись на солнышке и восхищались видом на Бродз, как вдруг появилась служанка и сказала, что какой-то мужчина хочет видеть мистера Тревора.

— Кто он такой? — спросил мистер Тревор.

— Он не назвал себя.

— Что ему нужно?

— Он уверяет, что вы его знаете и что ему нужно с вами поговорить.

— Проведите его сюда.

Немного погодя мы увидели сморщенного человечка с заискивающим видом и косолапой походкой. Рукав его распахнутой куртки был выпачкан в смоле. На незнакомце была рубашка в красную и черную клетку, брюки из грубой бумажной ткани и стоптанные тяжелые башмаки. Лицо у него было худое, загорелое, глазки хитренькие. Он все время улыбался; улыбка обнажала желтые кривые зубы. Его морщинистые руки словно хотели что-то зажать в горсти — привычка, характерная для моряка. Когда он своей развинченной походкой шел по лужайке, у мистера Тревора вырвался какой-то сдавленный звук; он вскочил и побежал к дому. Вернулся он очень скоро, и когда проходил мимо меня, я почувствовал сильный запах бренди.

— Ну, мой друг, чем я могу быть вам полезен? — осведомился он.

Моряк смотрел на него, прищурившись и нагло улыбаясь.

— Узнаете? — спросил он.

— Как же, как же, дорогой мой! Вне всякого сомнения, вы — Хадсон? — не очень уверенно спросил Тревор.

— Да, я — Хадсон, — ответил моряк. — Тридцать с лишним лет прошло с тех пор, как мы виделись в последний раз. И вот у вас собственный дом, а я все еще питаюсь солониной из бочек.

— Сейчас ты убедишься, что я старых друзей не забываю! — воскликнул мистер Тревор и, подойдя к моряку, что-то сказал ему на ухо. — Поди на кухню, — продолжал он уже громко, — там тебе дадут и выпить и закусить. И работа для тебя найдется.

— Спасибо, — теребя прядь волос, сказал моряк. — Я долго бродяжничал, пора и отдохнуть. Я надеялся, что найду пристанище у мистера Бедоза или у вас.

— А разве ты знаешь, где живет мистер Бедоз? — с удивлением спросил мистер Тревор.

— Будьте спокойны, сэр: я знаю, где живут все мои старые друзья, — со зловещей улыбкой ответил моряк и вразвалку пошел за служанкой в кухню.

Мистер Тревор пробормотал, что он сдружился с этим человеком на корабле, когда они ехали на прииски, а затем пошел к дому. Когда мы через час вошли в столовую, то увидели, что он, мертвецки пьяный, валяется на диване.

Этот случай произвел на меня неприятное впечатление, и на другой день я уже не жалел о том, что уезжаю из Донифорпа, я чувствовал, что мое присутствие стесняет моего друга.

Все эти события произошли в первый месяц наших каникул. Я вернулся в Лондон и там около двух месяцев делал опыты по органической химии.

Осень уже вступила в свои права, и каникулы подходили к концу, когда я неожиданно получил телеграмму от моего друга — он вызывал меня в Донифорп, так как нуждался, по его словам, в моей помощи и совете. Разумеется, я все бросил и поехал на север.

Мой друг встретил меня в экипаже на станции, и я с первого взгляда понял, что последние два месяца были для него очень тяжелыми. Он похудел, у него был измученный вид, и он уже не так громко и оживленно разговаривал.

— Отец умирает. — Это было первое, что я от него услышал.

— Не может быть! — воскликнул я. — Что с ним?

— Удар. Нервное потрясение. Он на волоске от смерти. Не знаю, застанем ли мы его в живых.

Можете себе представить, Уотсон, как я был ошеломлен этой новостью.

— Что случилось? — спросил я.

— В том-то все и дело… Садитесь, дорогой поговорим… Помните того субъекта, который явился к нам накануне вашего отъезда?

— Отлично помню.

— Знаете, кого мы впустили в дом?

— Понятия не имею.

— Это был сущий дьявол, Холмс! — воскликнул мой друг.

Я с удивлением посмотрел на него.

— Да, это был сам дьявол. С тех пор у нас не было ни одного спокойного часа — ни одного! С того вечера отец не поднимал головы, жизнь его была разбита, в конце концов сердце не выдержало — и все из-за этого проклятого Хадсона!

— Как же Хадсон этого добился?

— Ах, я бы много дал, чтобы это выяснить! Мой отец — добрый, сердечный, отзывчивый старик! Как он мог попасть в лапы к этому головорезу? Я так рад, что вы приехали, Холмс! Я верю в вашу рассудительность и осторожность, я знаю, что вы мне дадите самый разумный совет.

Мы мчались по гладкой, белой деревенской дороге. Перед нами открывался вид на Бродз, освещенный красными лучами заходящего солнца. Дом стоял на открытом месте; слева от рощи еще издали можно было разглядеть высокие трубы и флагшток.

— Отец взял к себе этого человека в качестве садовника, — продолжал мой друг, — но Хадсону этого было мало, и отец присвоил ему чин дворецкого. Можно было подумать, что это его

собственный дом, — он слонялся по всем комнатам и делал, что хотел. Служанки пожаловались на его грубые выходки и мерзкий язык. Отец, чтобы вознаградить их, увеличил им жалованье. Этот тип брал лучшее ружье отца, брал лодку и уезжал на охоту. С лица его не сходила насмешливая, злобная и наглая улыбка, так что, будь мы с ним однолетки, я бы уже раз двадцать сшиб его с ног. Скажу, положа руку на сердце, Холмс: все это время я должен был держать себя в руках, а теперь я говорю себе: я дурак, дурак, зачем только я сдерживался?.. Ну, а дела шли все хуже и хуже. Эта скотина Хадсон становился все нахальнее, и наконец за один его наглый ответ отцу я схватил его за плечи и выпроводил из комнаты. Он удалился медленно, с мертвенно-бледным лицом; его злые глаза выражали угрозу явственнее, чем ее мог бы выразить его язык. Я не знаю, что произошло между моим бедным отцом и этим человеком, но на следующий день отец пришел ко мне и попросил меня извиниться перед Хадсоном. Вы, конечно, догадываетесь, что я отказался и спросил отца, как он мог дать этому негодяю такую волю, как смеет Хадсон всеми командовать в доме.

— Ах, мой мальчик! — воскликнул отец. — Тебе хорошо говорить, ты не знаешь, в каком я положении. Но ты узнаешь все. Я чувствую, что ты узнаешь, а там будь что будет! Ты не поверишь, если тебе скажут дурное о твоем бедном старом отце, ведь правда, мой мальчик?..

Отец был очень расстроен. На целый день он заперся у себя в кабинете. В окно мне было видно, что он писал. Вечер, казалось, принес нам большое облегчение, так как Хадсон сказал, что намерен покинуть нас. Он вошел в столовую, где мы с отцом сидели после обеда, и объявил о своем решении тем развязным тоном, каким говорят в подпитии.

— Хватит с меня Норфолка, — сказал он, — я отправляюсь к мистеру Бедозу в Хампшир. Наверно, он будет так же рад меня видеть, как и вы.

— Надеюсь, вы не будете поминать нас лихом? — сказал мой отец с кротостью, от которой у меня кровь закипела в жилах.

— Со мной здесь дурно обошлись, — сказал он и мрачно поглядел в мою сторону.

— Виктор! Ты не считаешь, что обошелся с этим достойным человеком довольно грубо? — обернувшись ко мне, спросил отец.

— Напротив! Я полагаю, что по отношению к нему мы оба выказали необыкновенное терпение, — ответил я.

— Ах, вот как вы думаете? — зарычал Хадсон. — Ладно, дружище, мы еще посмотрим!..

Сгорбившись, он вышел из комнаты, а через полчаса уехал, оставив моего отца в самом плачевном состоянии. По ночам я слышал шаги у него в комнате. Я был уверен, что катастрофа вот-вот разразиться.

— И как же она разразилась? — с нетерпением в голосе спросил я.

— Чрезвычайно просто. На письме, которое мой отец получил вчера вечером, был штамп Фордингбриджа. Отец прочитав его, схватился за голову и начал бегать по комнате, как сумасшедший. Когда я наконец уложил его на диван, его рот и глаза были перекошены — с ним случился удар. По первому зову пришел доктор Фордем. Мы перенесли отца на кровать. Потом его всего парализовало, сознание к нему уже не возвращается, и я боюсь, что мы не застанем его в живых.

— Какой ужас! — воскликнул я. — Что же могло быть в этом роковом письме?

— Ничего особенного. Все это необъяснимо. Письмо нелепое, бессмысленное… Ах, Боже мой, этого-то я и боялся!

Как раз в это время мы обогнули аллею. При меркнущем солнечном свете было видно, что все шторы в доме спущены. Когда мы подъехали к дому, лицо моего друга исказилось от душевной боли. Из дома вышел господин в черном.

— Когда это произошло, доктор? — спросил Тревор.

— Почти тотчас после вашего отъезда.

— Он приходил в сознание?

— На одну минуту, перед самым концом.

— Что-нибудь просил мне передать?

— Только одно: бумаги находятся в потайном отделении японского шкафчика.

Мой друг вместе с доктором прошел в комнату умершего, а я остался в кабинете. Я перебирал в памяти все события. Кажется никогда в жизни я не был так подавлен, как сейчас… Кем был прежде Тревор? Боксером, искателем приключений, золотоискателем? И как он очутился в лапах у этого моряка с недобрым лицом? Почему он упал в обморок при одном упоминании о полустертых инициалах на руке и почему это письмо из Фордингбриджа послужило причиной его смерти.

Потом я вспомнил, что Фордингбридж находится в Хампшире и что мистер Бедоз, к которому моряк поехал прямо от Тревора и которого он, по-видимому, тоже шантажировал, жил в Хампшире. Письмо, следовательно, могло быть или от Хадсона, угрожавшего тем, что он выдаст некую тайну, или от Бедоза, предупреждающего своего бывшего сообщника, что над ним нависла угроза разоблачения. Казалось бы, все ясно. Но могло ли письмо быть таким тривиальным и бессмысленным, как охарактеризовал его сын? Возможно, он неправильно истолковал его. Если так, то, по всей вероятности, это искусный шифр: вы пишете об одном, а имеется в виду совсем другое. Я решил ознакомиться с этим письмом. Я был уверен, что если в нем есть скрытый смысл, то мне удастся его разгадать.

Я долго думал. Наконец заплаканная служанка принесла лампу, а следом за ней вошел мой друг, бледный, но спокойный, держа в руках те самые документы, которые сейчас лежат у меня на коленях.

Он сел напротив меня, подвинул лампу к краю стола и протянул мне короткую записку — как видите, написанную второпях на клочке серой бумаги:

«С дичью дело, мы полагаем, закончено. Глава предприятия Хадсон, по сведениям, рассказал о мухобойках все. Фазаньих курочек берегитесь».

Должен заметить, что, когда я впервые прочел это письмо, на моем лице выразилось такое же замешательство, как сейчас на вашем. Потом я внимательно перечитал его.

Как я и предвидел, смысл письма был скрыт в загадочном наборе слов. Быть может, он кроется именно в «мухобойках» или в «фазаньих курочках»? Но такое толкование произвольно и вряд ли к чему-нибудь привело бы. И все же я склонялся к мысли, что все дело в расстановке слов. Фамилия Хадсон как будто указывала на то, что, как я и предполагал, он является действующим лицом этого письма, а письмо скорее всего от Бедоза. Я попытался прочитать его с конца, но сочетание слов: «Берегитесь курочек фазаньих» — меня не вдохновило. Тогда я решил переставить слова, но ни «дичь», ни «с» тоже света не пролили. Внезапно ключ к загадке оказался у меня в руках.

Я обнаружил, что если взять каждое третье слово, то вместе они составят то самое письмо, которое довело старика Тревора до такого отчаяния.

Письмо оказалось коротким, выразительным, и теперь, когда я прочел его моему другу, в нем явственно прозвучала угроза:

«Дело закончено. Хадсон рассказал все. Берегитесь».

Виктор Тревор дрожащими руками закрыл лицо.

— Наверное, вы правы, — заметил он. — Но это еще хуже смерти — это бесчестье! А при чем же тут «глава предприятия» «фазаньи курочки»?

— К содержанию записки они ничего не прибавляют, но если у нас с вами не окажется иных средств, чтобы раскрыть отправителя, они могут иметь большое значение. Смотрите, что он пишет: «Дело… закончено…», — и так далее. После того как он расположил шифр, ему нужно было заполнить пустые места любыми двумя словами. Естественно, он брал первое попавшееся. Можете быть уверены, что он охотник или занимается разведением домашней птицы. Вы что-нибудь знаете об этом Бедозе?

— Когда вы заговорили о нем, я вспомнил, что мой несчастный отец каждую осень получал от него приглашение поохотиться в его заповедниках, — ответил мой друг.

— В таком случае не подлежит сомнению, что записка от Бедоза, — сказал я. — Остается выяснить, как моряку Хадсону удавалось держать в страхе состоятельных и почтенных людей.

— Увы, Холмс! Боюсь, что их всех связывало преступление и позор! — воскликнул мой друг. — Но от вас у меня секретов нет. Вот исповедь, написанная моим отцом, когда он узнал, что над ним нависла опасность. Как мне доктор и говорил, я нашел ее в японском шкафчике. Прочтите вы — у меня для этого недостанет ни душевных сил, ни смелости.

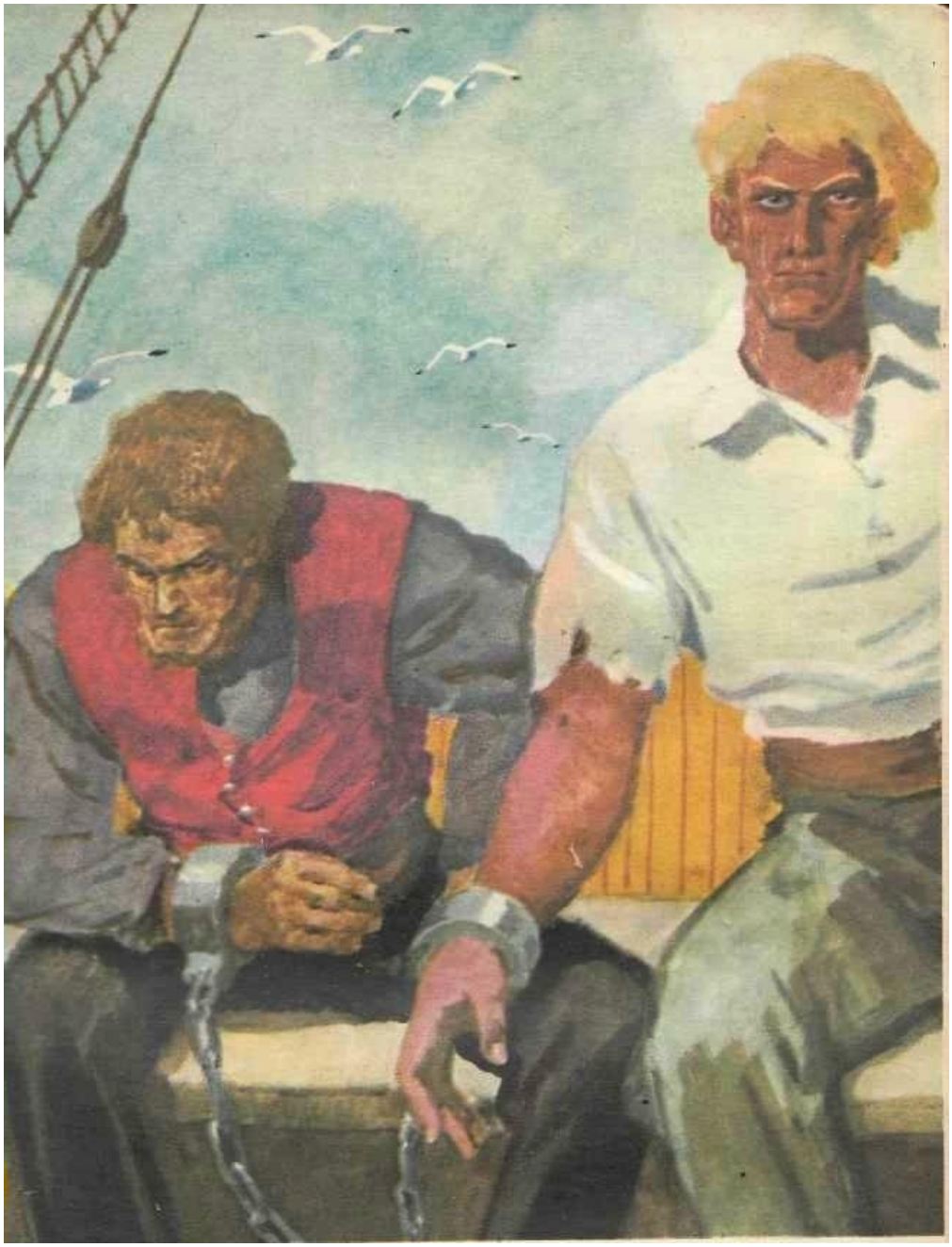
Вот эта исповедь, Уотсон. Сейчас я вам ее прочитаю, так же как в ту ночь, в старом кабинете, прочел ему. Видите? Она написана на обороте документа, озаглавленного: «Некоторые подробности рейса «Глории Скотт», отплывшей из Фалмута 8 октября 1855 года и разбившейся 6 ноября под 15°20′ северной широты и 25°14′ западной долготы». Написана исповедь в форме письма и заключает в себе следующее:

«Мой дорогой, любимый сын! Угроза бесчестья омрачила последние годы моей жизни. Со всей откровенностью могу сказать, что не страх перед законом, не утрата положения, которое я здесь себе создал, не мое падение в глазах всех, кто знал меня, надрывает мне душу. Мне не дает покоя мысль, что ты меня так любишь, а тебе придется краснеть за меня. Между тем до сих пор я мог льстить себя надеждой, что тебе не за что презирать меня. Но если удар, которого я ждал каждую минуту, все-таки разразится, то я хочу, чтобы ты все узнал непосредственно от меня и мог судить, насколько я виноват. Если же все будет хорошо, если милосердный Господь этому не попустит, я заклинаю тебя всем святым, памятью твоей дорогой матери и нашей взаимной привязанностью: когда это письмо попадет к тебе в руки, брось его в огонь и никогда не вспоминай о нем. Если же ты когда-нибудь прочтешь эти строки, то это будет значить, что я разоблачен и меня уже нет в этом доме или, вернее всего (ты же знаешь: сердце у меня плохое), что я мертв. И в том и в другом случае запрет снимается. Все, о чем я здесь пишу, я пишу тебе с полной откровенностью, так как надеюсь на твою снисходительность.

Моя фамилия, милый мальчик, не Тревор. Раньше меня звали Джеймс Армитедж. Теперь ты понимаешь, как меня потрясло открытие, сделанное твоим другом, — мне показалось, что он разгадал мою тайну. Под фамилией Армитедж я поступил в лондонский банк и под той же фамилией я был осужден за нарушение законов страны и приговорен к ссылке. Не думай обо мне дурно, мой мальчик. Это был так называемый долг чести: чтобы уплатить его, я воспользовался чужими деньгами, будучи уверен, что верну, прежде чем их хватятся. Но злой рок преследовал меня.

Деньги, на которые я рассчитывал, я не получил, а внезапная ревизия обнаружила у меня недостачу. На это могли бы посмотреть сквозь пальцы, но тридцать лет тому назад законы соблюдались строже, чем теперь. И вот, когда мне было всего двадцать три года, я, в кандалах, как уголовный преступник, вместе с тридцатью семью другими осужденными, очутился на палубе «Глории Скотт», отправляющейся в Австралию.

Это со мной случилось в пятьдесят пятом году, когда Крымская война была в разгаре и суда, предназначенные для переправки осужденных, в большинстве случаев играли роль транспортных судов в Черном море. Вот почему правительство было вынуждено воспользоваться для отправки в ссылку заключенных маленькими и не очень подходящими для этой цели судами. «Глория Скотт» возила чай из Китая. Это было старомодное, неповоротливое судно, новые клипера легко обгоняли ее. Водоизмещение ее равнялось пятистам тоннам. Кроме тридцати восьми заключенных, на борту ее находилось двадцать шесть человек, составлявших судовую команду, восемнадцать солдат, капитан, три помощника капитана доктор, священник и четверо караульных. Словом когда мы отошли от Фалмута, на борту «Глории Скотт» находилось около ста человек. Перегородки между камерами были не из дуба, как полагалось на кораблях для заключенных, — они были тонкими и непрочными. Еще когда нас привели на набережную, один человек обратил на себя мое внимание, и теперь он оказался рядом со мной на корме «Глории». Это был молодой человек с гладким, лишенным растительности лицом, с длинным, тонким носом и тяжелыми челюстями. Держался он независимо, походка у него была важная, благодаря огромному росту он возвышался над всеми. Я не видел, чтобы кто-нибудь доставал ему до плеча. Я убежден, что росту он был не менее шести с половиной футов. Среди печальных и усталых лиц энергичное лицо этого человека, выражавшее непреклонную решимость, выделялось особенно резко. Для меня это был как бы маячный огонь во время шторма. Я обрадовался, узнав, что он мой сосед; когда же глубокой ночью, я услышал чей-то шепот, а затем обнаружил, что он ухитрился проделать отверстие в разделявшей нас перегородке, то это меня еще больше обрадовало.



— Эй, приятель! — прошептал он. — Как тебя зовут и за что ты здесь?

Я ответил ему и, в свою очередь, поинтересовался, с кем я разговариваю.

— Я Джек Прендергаст, — ответил он. — Клянусь богом, ты слышал обо мне еще до нашего знакомства!

Тут я вспомнил его нашумевшее дело, — я узнал о нем незадолго до моего ареста. Это был человек из хорошей семьи, очень способный, но с неискоренимыми пороками. Благодаря сложной системе обмана он сумел выудить у лондонских купцов огромную сумму денег.

— Ах, так вы помните мое дело? — с гордостью спросил он.

— Отлично помню.

— В таком случае вам, быть может, запомнилась и одна особенность этого дела?

— Какая именно?

— У меня было почти четверть миллиона, верно?

— Говорят.

— И этих денег так и не нашли, правильно?

— Не нашли.

— Ну, а как вы думаете, где они? — спросил он.

— Не знаю, — ответил я.

— Деньги у меня, — громким шепотом проговорил он. — Клянусь богом, у меня больше фунтов стерлингов, чем у тебя волос на голове. А если у тебя есть деньги, сын мой, и ты знаешь, как с ними надо обращаться, то с их помощью ты сумеешь кое-чего добиться! Уж не думаешь ли ты, что такой человек, как я, до того запуган, что намерен просиживать штаны в этом вонючем трюме, в этом ветхом, прогнившем гробу, на этом утлом суденышке? Нет, милостивый государь, такой человек прежде всего позаботиться о себе и о своих товарищах. Можешь положиться на этого человека. Держись за него и возблагодари судьбу, что он берет тебя на буксир.

Такова была его манера выражаться. Поначалу я не придал его словам никакого значения, но немного погодя, после того как он подверг меня испытанию и заставил принести торжественную клятву, он дал мне понять, что на «Глории» существует заговор: решено подкупить команду и переманить ее на нашу сторону. Человек десять заключенных вступило в заговор еще до того, как нас погрузили на «Глорию». Прендергаст стоял во главе этого заговора, а его деньги служили движущей силой.

— У меня есть друг, — сказал он, — превосходный, честнейший человек, он-то и должен подкупить команду. Деньги у него. А как ты думаешь, где он сейчас? Он священник на «Глории» — ни больше, ни меньше! Он явился на корабль в черном костюме, с поддельными документами и с такой крупной суммой, на которую здесь все что угодно можно купить. Команда за него в огонь и в воду. Он купил их всех оптом за наличный расчет, когда они только нанимались. Еще он подкупил двух караульных, Мерсера, второго помощника капитана, а если понадобится, подкупит и самого капитана.

— Что же мы должны делать? — спросил я,

— Как что делать? Мы сделаем то, что красные мундиры солдат станут еще красней.

— Но они вооружены! — возразил я.

— У нас тоже будет оружие, мой мальчик. На каждого маменькиного сынка придется по паре пистолетов. И вот, если при таких условиях мы не сумеем захватить это суденышко вместе со всей командой, то нам ничего иного не останется, как поступить в институт для благородных девиц. Поговори со своим товарищем слева и реши, можно ли ему доверять.

Я выяснил, что мой сосед слева — молодой человек, который, как и я, совершил подлог. Фамилия его был Иванс, но впоследствии, как и я, он переменил ее. Теперь это богатый и преуспевающий человек; живет он на юге Англии. Он выразил готовность примкнуть к заговору, — он видел в этом единственное средство спасения. Мы еще не успели проехать залив, а уже заговор охватил всех заключенных — только двое не участвовали в нем. Один из них был слабоумный, и мы ему не доверяли, другой страдал желтухой, и от него не было никакого толка. Вначале ничто не препятствовало нам овладеть кораблем. Команда представляла собой шайку головорезов, как будто нарочно подобранную для такого дела. Мнимый священник посещал наши камеры, дабы наставить нас на путь истинный. Приходил он к нам с черным портфелем, в котором якобы лежали брошюры духовно-нравственного содержания. Посещения эти были столь часты, что на третий день у каждого из нас оказались под кроватью напильник, пара пистолетов, фунт пороха и двадцать пуль. Двое караульных были прямыми агентами Прендергаста, а второй помощник капитана — его правой рукой. Противную сторону составляли капитан, два его помощника, двое караульных, лейтенант Мартин, восемнадцать солдат и доктор. Так как мы не навлекли на себя ни малейших подозрений, то решено было, не принимая никаких мер предосторожности, совершить внезапное нападение ночью. Однако все произошло гораздо скорее, чем мы предполагали.

Мы находились в плавании уже более двух недель. И вот однажды вечером доктор спустился в трюм осмотреть заболевшего заключенного и, положив руку на койку, наткнулся на пистолеты. Если бы он не показал виду, то дело наше было бы проиграно, но доктор был человек нервный. Он вскрикнул от удивления и помертвел. Больной понял, что доктор обо всем догадался, и бросился на него. Тревогу тот поднять не успел — заключенный заткнул ему рот и привязал к кровати. Спускаясь к нам, он отворил дверь, ведшую на палубу, и мы все

ринулись туда. Застрелили двоих караульных, а также капрала, который выбежал посмотреть, в чем дело. У дверей кают-компании стояли два солдата, но их мушкеты, видимо, не были заряжены, потому что они в нас ни разу не выстрелили, а пока они собирались броситься в штыки, мы их прикончили. Затем мы подбежали к каюте капитана, но когда отворили дверь, в каюте раздался выстрел. Капитан сидел за столом, уронив голову на карту Атлантического океана, а рядом стоял священник с дымящимся пистолетом в руке. Двух помощников капитана схватила команда. Казалось, все было кончено.

Мы все собрались в кают-компании, находившейся рядом с каютой капитана, расселись на диванах и заговорили все сразу — хмель свободы ударил нам в голову. В каюте стояли ящики, и мнимый священник Уилсон достал из одного ящика дюжину бутылок темного хереса. Мы отбили у бутылок горлышки, разлили вино по бокалам и только успели поставить бокалы на стол, как раздался треск ружейных выстрелов и кают-компания наполнилась таким густым дымом, что не видно было стола. Когда же дым рассеялся, то глазам нашим открылось побоище. Уилсон и еще восемь человек валялись на полу друг на друге, а на столе кровь смешалась с хересом. Воспоминание об этом до сих пор приводит меня в ужас. Мы были так напуганы, что, наверное, не смогли бы оказать сопротивление, если бы не Прендергаст. Наклонив голову, как бык, он бросился к двери вместе со всеми, кто остался в живых. Выбежав, мы увидели лейтенанта и десять солдат. В кают-компании над столом был приоткрыт люк, и они стреляли в нас через эту щель.

Однако, прежде чем они успели перезарядить ружья, мы на них набросились. Они героически сопротивлялись, но у нас было численное превосходство, и через пять минут все было кончено. Боже мой! Происходило ли еще такое побоище на другом каком-нибудь корабле? Прендергаст, словно рассвирепевший дьявол, поднимал солдат, как малых детей, и — живых и мертвых — швырял за борт. Один тяжело раненый сержант долго держался на воде, пока кто-то из сострадания не выстрелил ему в голову. Когда схватка кончилась, из наших врагов остались в живых только караульные, помощники капитана и доктор.

Схватка кончилась, но затем вспыхнула ссора. Все мы были рады отвоеванной свободе, но кое-кому не хотелось брать на душу грех. Одно дело — сражение с вооруженными людьми, и совсем другое — убийство безоружных. Восемь человек — пятеро заключенных и три моряка — заявили, что они против убийства. Но на Прендергаста и его сторонников это не произвело впечатления. Он сказал, что мы должны на это решиться, что это единственный выход — свидетелей оставлять нельзя. Все это едва не привело к тому, что и мы разделили бы участь арестованных, но потом Прендергаст все-таки предложил желающим сесть в лодку. Мы согласились — нам претила его кровожадность, а кроме того, мы опасались, что дело может обернуться совсем худо для нас. Каждому из нас выдали по робе и на всех — бочонок воды, бочонок с солониной, бочонок с сухарями и компас. Прендергаст бросил в лодку карту и крикнул на прощание, что мы — потерпевшие кораблекрушение, что наш корабль затонул под 15° северной широты и 25° западной долготы. И перерубил фалинь.

Теперь, мой милый сын, я подхожу к самой удивительной части моего рассказа. Во время свалки «Глория Скотт» стояла носом к ветру. Как только мы сели в лодку, судно изменило курс и начало медленно удаляться. С северо-востока дул легкий ветер, наша лодка то поднималась, то опускалась на волнах. Иванс и я, как наиболее грамотные сидели над картой, пытаясь определить, где мы находимся, я выбрать, к какому берегу лучше пристать. Задача оказалась не из легких: на севере, в пятистах милях от нас, находились острова Зеленого мыса, а на востоке, примерно милях в семистах, — берег Африки. В конце концов, так как ветер дул с юга, мы выбрали Сьерра-Леоне и поплыли по направлению к ней. «Глория» была уже сейчас так далеко, что по правому борту видны были только ее мачты. Внезапно над «Глорией» взвилось густое черное облако дыма, похожее на какое-то чудовищное дерево. Несколько минут спустя раздался взрыв, а когда дым рассеялся, «Глория Скотт» исчезла. Мы немедленно направили лодку туда, где над водой все еще поднимался легкий туман, как бы указывая место катастрофы.

Плыли мы томительно долго, и сперва нам показалось, что уже поздно, что никого не удастся спасти. Разбитая лодка, масса плетеных корзин и обломки, колыхавшиеся на волнах, указывали место, где судно пошло ко дну, но людей не было видно, и мы, потеряв надежду, хотели было повернуть обратно, как вдруг послышался крик: «На помощь!» — и мы увидели вдали доску, а на ней человека. Это был молодой матрос Хадсон. Когда мы втащили его в лодку, он был до того измучен и весь покрыт ожогами, что мы ничего не могли у него узнать.

Наутро он рассказал нам, что, как только мы отплыли, Прендергаст и его шайка приступили к совершению казни над пятерыми уцелевшими после свалки: двух караульных они расстреляли и бросили за борт, не избег этой участи и третий помощник капитана. Прендергаст своими руками перерезал горло несчастному доктору. Только первый помощник капитана,

мужественный и храбрый человек, не дал себя прикончить. Когда он увидел, что арестант с окровавленным ножом в руке направляется к нему, он сбросил оковы, которые как-то ухитрился ослабить, и побежал на корму.

Человек десять арестантов, вооруженных пистолетами, бросились за ним и увидели, что он стоит около открытой пороховой бочки, а в руке у него коробка спичек. На корабле находилось сто человек, и он поклялся, что если только до него пальцем дотронутся, все до одного взлетят на воздух. И в эту секунду произошел взрыв. Хадсон полагал, что взрыв вернее всего вызвала шальная пуля, выпущенная кем-либо из арестантов, а не спичка помощника капитана. Какова бы ни была причина, «Глории Скотт» и захватившему ее сброду пришел конец.

Вот, мой дорогой, краткая история этого страшного преступления, в которое я был вовлечен. На другой день нас подобрал бриг «Хотспур», шедший в Австралию. Капитана нетрудно было убедить в том, что мы спаслись с затонувшего пассажирского корабля. В Адмиралтействе транспортное судно «Глория Скотт» сочли пропавшим; его истинная судьба так и осталась неизвестной. «Хотспур» благополучно доставил нас в Сидней. Мы с Ивансом переменили фамилии и отправились на прииски. На приисках нам обоим легко было затеряться в той многонациональной среде, которая нас окружала.

Остальное нет нужды досказывать. Мы разбогатели, много путешествовали, а когда вернулись в Англию как богатые колонисты, то приобрели имения. Более двадцати лет мы вели мирный и плодотворный образ жизни и все надеялись, что наше прошлое забыто навеки. Можешь себе представить мое состояние, когда в моряке, который пришел к нам, я узнал человека, подобранного в море! Каким-то образом он разыскал меня и Бедоза и решил шантажировать нас. Теперь ты догадываешься, почему я старался сохранить с ним мирные отношения, и отчасти поймешь мой ужас, который еще усилился после того, как он, угрожая мне, отправился к другой жертве».

Под этим неразборчиво, дрожащей рукой было написано:

«Бедоз написал мне шифром, что Хадсон рассказал все. Боже милосердный, спаси нас!»

Вот что я прочитал в ту ночь Тревору-сыну. На мои взгляд Уотсон, эта история полна драматизма. Мой друг был убит горем. Он отправился на чайные плантации в Терай и там, как я слышал, преуспел. Что касается моряка и мистера Бедоза, то со дня получения предостерегающего письма ни о том, ни о другом не было ни слуху ни духу. Оба исчезли бесследно. В полицию никаких донесений не поступало, следовательно, Бедоз ошибся, полагая, что угроза будет приведена в исполнение. Кто-то как будто видел Хадсона мельком. Полиция решила на этом основании, что он прикончил Бедоза и скрылся. Я же думаю, что все вышло как раз наоборот: Бедоз, доведенный до отчаяния, полагая, что все раскрыто, рассчитался наконец с Хадсоном и скрылся, не забыв захватить с собой изрядную сумму денег. Таковы факты, доктор, и если они когда-нибудь понадобятся вам для пополнения вашей коллекции, то я с радостью предоставлю их в ваше распоряжение.

Обряд дома Месгрейвов

(Перевод Д.Лившиц)

В характере моего друга Холмса меня часто поражала одна странная особенность: хотя в своей умственной работе он был точнейшим и аккуратнейшим из людей, а его одежда всегда отличалась не только опрятностью, но даже изысканностью, во всем остальном это было самое беспорядочное существо в мире, и его привычки могли свести с ума любого человека, живущего с ним под одной крышей.

Не то чтобы я сам был безупречен в этом отношении. Сумбурная работа в Афганистане, еще усилившая мое врожденное пристрастие к кочевой жизни, сделала меня более безалаберным, чем это позволительно для врача. Но все же моя неаккуратность имеет известные границы, и когда я вижу, что человек держит свои сигары в ведерке для угля, табак — в носке персидской туфли, а письма, которые ждут ответа, прикалывает перочинным ножом к деревянной доске над камином, мне, право же, начинает казаться, будто я образец всех добродетелей. Кроме того, я всегда считал, что стрельба из пистолета, бесспорно, относится к такого рода развлечениям, которыми можно заниматься только под открытым небом. Поэтому, когда у Холмса появлялась охота стрелять и он, усевшись в кресло с револьвером и патронташем, начинал украшать противоположную стену патриотическим вензелем «V. R.» выводя его при помощи пуль, я особенно остро чувствовал, что это занятие отнюдь не улучшает ни воздух, ни внешний вид нашей квартиры.

Комнаты наши вечно были полны странных предметов, связанных с химией или с какой-нибудь уголовщиной, и эти реликвии постоянно оказывались в самых неожиданных местах, например, в масленке, а то и в еще менее подходящем месте. Однако больше всего мучили меня бумаги Холмса. Он терпеть не мог уничтожать документы, особенно если они были связаны с делами, в которых он когда-либо принимал участие, но вот разобрать свои бумаги и привести их в порядок — на это у него хватало мужества не чаще одного или двух раз в год. Где-то в своих бессвязных записках я, кажется, уже говорил, что приливы кипучей энергии, которые помогали Холмсу в замечательных расследованиях, прославивших его имя, сменялись у него периодами безразличия, полного упадка сил. И тогда он по целым дням лежал на диване со своими любимыми книгами, лишь изредка поднимаясь, чтобы поиграть на скрипке. Таким образом, из месяца в месяц бумаг накапливалось все больше и больше, и все углы были загромождены пачками рукописей. Жечь эти рукописи ни в коем случае не разрешалось, и никто, кроме их владельца, не имел права распоряжаться ими.

В один зимний вечер, когда мы сидели вдвоем у камина, я отважился намекнуть Холмсу, что, поскольку он кончил вносить записи в свою памятную книжку, пожалуй, не грех бы ему потратить часок-другой на то, чтобы придать нашей квартире более жилой вид. Он не мог не признать справедливости моей просьбы и с довольно унылой физиономией поплелся к себе в спальню. Вскоре он вышел оттуда, волоча за собой большой жестяной ящик. Поставив его посреди комнаты и усевшись перед ним на стул, он откинул крышку. Я увидел, что ящик был уже на одну треть заполнен пачками бумаг, перевязанных красной тесьмой.

— Здесь немало интересных дел, Уотсон, — сказал он, лукаво посматривая на меня. — Если бы вы знали, что лежит в этом ящике, то, пожалуй, попросили бы меня извлечь из него кое-какие бумаги, а не укладывать туда новые.

— Так это отчеты о ваших прежних делах? — спросил я. — Я не раз жалел, что у меня нет записей об этих давних случаях.

— Да, мой дорогой Уотсон. Все они происходили еще до того, как у меня появился собственный биограф, вздумавший прославить мое имя.

Мягкими, ласкающими движениями он вынимал одну пачку за другой.

— Не все дела кончились удачей, Уотсон, — сказал он, — но среди них есть несколько прелюбопытных головоломок. Вот, например, отчет об убийстве Тарлтона. Вот дело Вамбери, виноторговца, и происшествие с одной русской старухой. Вот странная история алюминиевого костыля. Вот подробный отчет о кривоногом Риколетти и его ужасной жене. А это… вот это действительно прелестно.

Он сунул руку на самое дно ящика и вытащил деревянную коробочку с выдвижной крышкой, похожую на те, в каких продаются детские игрушки. Оттуда он вынул измятый листок бумаги,

медный ключ старинного фасона, деревянный колышек с привязанным к нему мотком бечевки и три старых, заржавленных металлических кружка.

— Ну что, друг мой, как вам нравятся эти сокровища? — спросил он, улыбаясь недоумению, написанному на моем лице.

— Любопытная коллекция.

— Очень любопытная. А история, которая с ней связана, покажется вам еще любопытнее.

— Так у этих реликвий есть своя история?

— Больше того, — они сами — история.

— Что вы хотите этим сказать?

Шерлок Холмс разложил все эти предметы на краю стола, уселся в свое кресло и стал разглядывать их блестевшими от удовольствия глазами.

— Это все, — сказал он, — что я оставил себе на память об одном деле, связанном с «Обрядом дома Месгрейвов».

Холмс не раз упоминал и прежде об этом деле, но мне все не удавалось добиться от него подробностей.

— Как бы мне хотелось, чтобы вы рассказали об этом случае! — попросил я.

— И оставил весь этот хлам неубранным? — насмешливо возразил он. — А как же ваша любовь к порядку? Впрочем, я и сам хочу, чтобы вы приобщили к своим летописям это дело, потому что в нем есть такие детали, которые делают его уникальным в хронике уголовных преступлений не только в Англии, но и других стран. Коллекция моих маленьких подвигов была бы не полной без описания этой весьма оригинальной истории…

Вы, должно быть, помните, как происшествие с «Глорией Скотт» и мой разговор с тем несчастным стариком, о судьбе которого я вам рассказывал, впервые натолкнули меня на мысль о профессии, ставшей потом делом всей моей жизни. Сейчас мое имя стало широко известно. Не только публика, но и официальные круги считают меня последней инстанцией для разрешения спорных вопросов. Но даже и тогда, когда мы только что познакомились с вами — в то время я занимался делом, которое вы увековечили под названием «Этюд в багровых тонах», — у меня уже была довольно значительная, хотя и не очень прибыльная практика. И вы не можете себе представить, Уотсон, как трудно мне приходилось вначале, и как долго я ждал успеха.

Когда я впервые приехал в Лондон, я поселился на Монтегю-стрит, совсем рядом с Британским музеем, и там я жил, заполняя свой досуг — а его у меня было даже чересчур много — изучением всех тех отраслей знания, какие могли бы мне пригодиться в моей профессии. Время от времени ко мне обращались за советом — преимущественно по рекомендации бывших товарищей студентов, потому что в последние годы моего пребывания в университете там немало говорили обо мне и моем методе. Третье дело, по которому ко мне обратились, было дело «Дома Месгрейвов», и тот интерес, который привлекла к себе эта цепь странных событий, а также те важные последствия, какие имело мое вмешательство, и явились первым шагом на пути к моему нынешнему положению.

Реджинальд Месгрейв учился в одном колледже со мной, и мы были с ним в более или менее дружеских отношениях. Он не пользовался особенной популярностью в нашей среде, хотя мне всегда казалось, что высокомерие, в котором его обвиняли, было лишь попыткой прикрыть крайнюю застенчивость. По наружности это был типичный аристократ: тонкое лицо, нос с горбинкой, большие глаза, небрежные, но изысканные манеры. Это и в самом деле был отпрыск одного из древнейших родов королевства, хотя и младший его ветви, которая еще в шестнадцатом веке отделилась от северных Месгрейвов и обосновалась в Западном Суссексе, а замок Харлстон — резиденция Месгрейвов — является, пожалуй, одним из самых старинных зданий графства. Казалось, дом, где он родился, оставил свой отпечаток на внешности этого человека, и когда я смотрел на его бледное, с резкими чертами лицо и горделивую осанку, мне всегда невольно представлялись серые башенные своды, решетчатые окна и все эти благородные остатки феодальной архитектуры. Время от времени нам случалось беседовать, и, помнится, всякий раз он живо интересовался моими методами наблюдений и выводов.

Мы не виделись года четыре, и вот однажды утром он явился ко мне на Монтегю-стрит.

Изменился он мало, одет был прекрасно — он всегда был немного франтоват — и сохранил спокойное изящество, отличавшее его и прежде.

— Как поживаете, Месгрейв? — спросил я после того, как мы обменялись дружеским рукопожатием.

— Вы, вероятно, слышали о смерти моего бедного отца, — сказал он. — Это случилось около двух лет назад. разумеется, мне пришлось тогда взять на себя управление Харлстонским поместьем. Кроме того, я депутат от своего округа, так что человек я занятый. А вы. Холмс, говорят, решили применить на практике те выдающиеся способности, которыми так удивляли нас в былые времена?

— Да, — ответил я, — теперь я пытаюсь зарабатывать на хлеб с помощью собственной смекалки.

— Очень рад это слышать, потому что ваш совет был бы сейчас просто драгоценен для меня. У нас в Харлстоне произошли странные вещи, и полиции не удалось ничего выяснить. Это настоящая головоломка.

Можете себе представить, с каким чувством я слушал его, Уотсон. Ведь случай, тот самый случай, которого я с таким жгучим нетерпением ждал в течение этих месяцев бездейственности, наконец-то, казалось мне, был передо мной. В глубине души я всегда был уверен, что могу добиться успеха там, где другие потерпели неудачу, и теперь мне представлялась возможность испытать самого себя.

— Расскажите мне все подробности! — вскричал я.

Реджинальд Месгрейв сел против меня и закурил папиросу.

— Надо вам сказать, — начал он, — что хоть я и не женат, мне приходится держать в Харлстоне целый штат прислуги. Замок очень велик, выстроен он крайне бестолково и потому нуждается в постоянном присмотре. Кроме того, у меня есть заповедник, и в сезон охоты на фазанов в доме обычно собирается большое общество, что тоже требует немало слуг. Всего у меня восемь горничных, повар, дворецкий, два лакея и мальчуган на посылках. В саду и при конюшне имеются, конечно, свои рабочие.

Из этих людей дольше всех прослужил в нашей семье Брантон, дворецкий. Когда отец взял его к себе, он был молодым школьным учителем без места, и вскоре благодаря своему сильному характеру и энергии он сделался незаменимым в нашем доме. Это рослый, красивый мужчина с великолепным лбом, и хотя он прожил у нас лет около двадцати, ему и сейчас на вид не больше сорока. Может показаться странным, что при такой привлекательной наружности и необычайных способностях — он говорит на нескольких языках и играет чуть ли не на всех музыкальных инструментах — он так долго удовлетворялся своим скоромным положением, но, видимо, ему жилось хорошо, и он не стремился ни к каким переменам. Харлстонский дворецкий всегда обращал на себя внимание всех наших гостей.

Но у этого совершенства есть один недостаток: он немного донжуан и, как вы понимаете, в нашей глуши ему не слишком трудно играть эту роль.

Все шло хорошо, пока он был женат, но когда его жена умерла, он стал доставлять нам немало хлопот. Правда, несколько месяцев назад мы уже успокоились и решили, что все опять наладится: Брантон обручился с Рэчел Хауэлз, нашей младшей горничной. Однако вскоре он бросил ее ради Дженет Треджелис, дочери старшего егеря. Рэчел — славная девушка, но очень горячая и неуравновешенная, как все вообще уроженки Уэльса. У нее началось воспаление мозга, и она слегла, но потом выздоровела и теперь ходит — вернее, ходила до вчерашнего дня как тень; у нее остались одни глаза.

Такова была наша первая драма в Харлстоне, но вторая быстро изгладила ее из нашей памяти, тем более, что этой второй предшествовало еще одно большое событие: дворецкий Брантон был с позором изгнан из нашего дома.

Вот как это произошло. Я уже говорил вам, что Брантон очень умен, и, как видно, именно ум стал причиной его гибели, ибо в нем проснулось жадное любопытство к вещам, не имевшим к нему никакого отношения. Мне и в голову не приходило, что оно может завести его так далеко, но случай открыл мне глаза.

Как я уже говорил, наш дом выстроен очень бестолково: в нем множество всяких ходов и переходов. На прошлой неделе — точнее, в прошлый четверг ночью — я никак не мог уснуть,

потому что по глупости выпил после обеда чашку крепкого черного кофе. Промучившись до двух часов ночи и почувствовав, что все равно не засну, я наконец встал и зажег свечу, чтобы продолжить чтение начатого романа. Но оказалось, что книгу я забыл в бильярдной, поэтому, накинув халат, я отправился за нею.

Чтобы добраться до бильярдной, мне надо было спуститься на один лестничный пролет и пересечь коридор, ведущий в библиотеку и в оружейную. Можете вообразить себе мое удивление, когда, войдя в этот коридор, я увидел слабый свет, падавший из открытой двери библиотеки! Перед тем как лечь в постель, я сам погасил там лампу и закрыл дверь. Разумеется, первой моей мыслью было, что к нам забрались воры. Стены всех коридоров в Харлстоне украшены старинным оружием — это военные трофеи моих предков. Схватив с одной из стен алебарду, я поставил свечу на пол, прокрался на цыпочках по коридору и заглянул в открытую дверь библиотеки.

Дворецкий Брантон, совершенно одетый, сидел в кресле. На коленях у него был разложен лист бумаги, похожий на географическую карту, и он смотрел на него в глубокой задумчивости. Остолбенев от изумления, я не шевелился и наблюдал за ним из темноты. Комната была слабо освещена огарком свечи. Вдруг Брантон встал, подошел к бюро, стоявшему у стены, отпер его и выдвинул один из ящиков. Вынув оттуда какую-то бумагу, он

снова сел на прежнее место, положил ее на стол возле свечи, разгладил и стал внимательно рассматривать. Это спокойное изучение наших фамильных документов привело меня в такую ярость, что я не выдержал, шагнул вперед, и Брантон увидел, что я стою в дверях. Он вскочил, лицо его позеленело от страха, и он поспешно сунул в карман похожий на карту лист бумаги, который только что изучал.

«Отлично! — сказал я. — Вот как вы оправдываете наше доверие! С завтрашнего дня вы уволены».

Он поклонился с совершенно подавленным видом и проскользнул мимо меня, не сказав ни слова. Огарок остался на столе, и при его свете я разглядел бумагу, которую Брантон вынул из бюро. К моему изумлению, оказалось, что это не какой-нибудь важный документ, а всего лишь копия с вопросов и ответов, произносимых при выполнении одного оригинального старинного обряда, который называется у нас «Обряд дома Месгрейвов». Вот уже несколько веков каждый мужчина из нашего рода, достигнув совершеннолетия, выполняет известный церемониал, который представляет интерес только для членов нашей семьи или, может быть, для какого-нибудь археолога — как вообще вся наша геральдика, — но никакого практического применения иметь не может.

— К этой бумаге мы еще вернемся, — сказал я Месгрейву.

— Если вы полагаете, что это действительно необходимо… — с некоторым колебанием ответил мой собеседник. — Итак, я продолжаю изложение фактов. Замкнув бюро ключом, который оставил Брантон, я уже собирался было уходить, как вдруг с удивлением увидел, что дворецкий вернулся и стоит передо мной.

«Мистер Месгрейв, — вскричал он голосом, хриплым от волнения, — я не вынесу бесчестья! Я человек маленький, но гордость у меня есть, и бесчестье убьет меня. Смерть моя будет на вашей совести, сэр, если вы доведете меня до отчаяния! Умоляю вас, если после того, что случилось, вы считаете невозможным оставить меня в доме, дайте мне месяц сроку, чтобы я мог сказать, будто ухожу добровольно. А быть изгнанным на глазах у всей прислуги, которая так хорошо меня знает, — нет, это выше моих сил!»

«Вы не стоите того, чтобы с вами особенно церемонились, Брантон, — ответил я. — Ваш поступок просто возмутителен. Но так как вы столько времени прослужили в нашей семье, я не стану подвергать вас публичному позору. Однако месяц — это слишком долго. Можете уйти через неделю и под каким хотите предлогом».

«Через неделю, сэр? — вскричал он с отчаянием. — О, дайте мне хотя бы две недели!»

«Через неделю, — повторил я, — и считайте, что с вами обошлись очень мягко».

Низко опустив голову, он медленно побрел прочь, совершенно уничтоженный, а я погасил свечу и пошел к себе.

В течение двух следующих дней Брантон самым тщательным образом выполнял свои обязанности. Я не напоминал ему о случившемся и с любопытством ждал, что он придумает, чтобы скрыть свой позор. Но на третий день он, вопреки обыкновению, не явился ко мне за приказаниями. После завтрака, выходя из столовой, я случайно увидел горничную Рэчел Хауэлз. Как я уже говорил вам, она только недавно оправилась после болезни и сейчас была так бледна, у нее был такой изнуренный вид, что я даже пожурил ее за то, что она начала работать.

«Напрасно вы встали с постели, — сказал я. — Приметесь за работу, когда немного окрепнете».

Она взглянула на меня с таким странным выражением, что я подумал, уж не подействовала ли болезнь на ее рассудок.

«Я уже окрепла, мистер Месгрейв», — ответила она.

«Посмотрим, что скажет врач, — возразил я. — А пока что бросьте работу и идите вниз. Кстати, скажите Брантону, чтобы он зашел ко мне».

«Дворецкий пропал», — сказала она.

«Пропал?! То есть как пропал?»

«Пропал. Никто не видел его. В комнате его нет. Он пропал, да-да, пропал!»

Она прислонилась к стене и начала истерически хохотать, а я, напуганный этим внезапным припадком, подбежал к колокольчику и позвал на помощь. Девушку увели в ее комнату, причем она все еще продолжала хохотать и рыдать, я же стал расспрашивать о Брантоне. Сомнения не было: он исчез. Постель оказалась нетронутой, и никто не видел его с тех пор, как он ушел к себе накануне вечером. Однако трудно было бы себе представить, каким образом он мог выйти из дому, потому что утром и окна и двери оказались запертыми изнутри. Одежда, часы, даже деньги Брантона — все было в его комнате, все, кроме черной пары, которую он обыкновенно носил. Не хватало также комнатных туфель, но сапоги были налицо. Куда же мог уйти ночью дворецкий Брантон, и что с ним сталось?

Разумеется, мы обыскали дом и все службы, но нигде не обнаружили его следов. Повторяю, наш дом — это настоящий лабиринт, особенно самое старое крыло, теперь уже необитаемое, но все же мы обыскали каждую комнату и даже чердаки. Все наши поиски оказались безрезультатными. Мне просто не верилось, чтобы Брантон мог уйти из дому, оставив все свое имущество, но ведь все-таки он ушел, и с этим приходилось считаться. Я вызвал местную полицию, но ей не удалось что-либо обнаружить. Накануне шел дождь, и осмотр лужаек и дорожек вокруг дома ни к чему не привел. Так обстояло дело, когда новое событие отвлекло наше внимание от этой загадки.

Двое суток Рэчел Хауэлз переходила от бредового состояния к истерическим припадкам. Она была так плоха, что приходилось на ночь приглашать к ней сиделку. На третью ночь после исчезновения Брантона сиделка, увидев, что больная спокойно заснула, тоже задремала в своем кресле. Проснувшись рано утром, она увидела, что кровать пуста, окно открыто, а пациентка исчезла. Меня тотчас разбудили, я взял с собой двух лакеев и отправился на поиски пропавшей. Мы легко определили, в какую сторону она убежала: начинаясь от окна, по газону шли следы, которые кончались у пруда рядом с посыпанной гравием дорожкой, выводившей из наших владений. Пруд в этом месте имеет восемь футов глубины; вы можете себе представить, какое чувство охватило нас, когда мы увидели, что отпечатки ног бедной безумной девушки обрывались у самой воды. Разумеется, мы немедленно вооружились баграми и принялись разыскивать тело утопленницы, но не нашли его. Зато мы извлекли на поверхность другой, совершенно неожиданный предмет. Это был полотняный мешок, набитый обломками старого, заржавленного, потерявшего цвет металла и какими-то тусклыми осколками не то гальки, не то стекла. Кроме этой странной добычи, мы не нашли в пруду решительно ничего и, несмотря на все наши вчерашние поиски и расспросы, так ничего и не узнали ни о Рэчел Хауэлз, ни о Ричарде Брантоне. Местная полиция совершено растерялась, и теперь последняя моя надежда на вас.

Можете себе представить, Уотсон, с каким интересом выслушал я рассказ об этих необыкновенных событиях, как хотелось мне связать их в единое целое и отыскать путеводную нить, которая привела бы к разгадке!

Дворецкий исчез. Горничная исчезла. Прежде горничная любила дворецкого, но потом имела основания возненавидеть его. Она была уроженка Уэльса, натура необузданная и страстная. После исчезновения дворецкого она была крайне возбуждена. Она бросила в пруд мешок с весьма странным содержимым. Каждый из этих фактов заслуживал внимания, но ни один из них не объяснял сути дела. Где я должен был искать начало этой запутанной цепи событий? Ведь предо мной было лишь последнее ее звено...

— Месгрейв, — сказал я, — мне необходимо видеть документ, изучение которого ваш дворецкий считал настолько важным, что даже пошел ради него на риск потерять место.

— В сущности, этот наш обряд — чистейший вздор, — ответил он, — и единственное, что его оправдывает, — это его древность. Я захватил с собой копию вопросов и ответов на случай, если бы вам вздумалось взглянуть на них.

Он протянул мне тот самый листок, который вы видите у меня в руках, Уотсон. Этот обряд нечто вроде экзамена, которому должен был подвергнутых каждый мужчина из рода Месгрейвов, достигший совершеннолетия. Сейчас я прочитаю вам вопросы и ответы в том порядке, в каком они записаны здесь:

«Кому это принадлежит?

Тому, кто ушел.

Кому это будет принадлежать?

Тому, кто придет.

В каком месяце это было?

В шестом, начиная с первого.

Где было солнце?

Над дубом.

Где была тень?

Под вязом.

Сколько надо сделать шагов?

На север — десять и десять, на восток — пять и пять, на юг — два и два, на запад — один и один и потом вниз.

Что мы отдадим за это?

Все, что у нас есть.

Ради чего отдадим мы это?

Во имя долга».

— В подлиннике нет даты, — заметил Месгрейв, — но, судя по его орфографии, он относится к середине семнадцатого века. Боюсь, впрочем, что он мало поможет нам в раскрытии нашей тайны.

— Зато он ставит перед нами вторую загадку, — ответил я, — еще более любопытную. И возможно, что, разгадав ее, мы тем самым разгадаем и первую. Надеюсь, что не обидитесь на меня, Месгрейв, если я скажу, что ваш дворецкий, по-видимому, очень умный человек и обладает большой проницательностью и чутьем, чем десять поколений его господ.

— Признаться, я вас не понимаю, — ответил Месгрейв. — Мне кажется, что эта бумажка не имеет никакого практического значения.

— А мне она кажется чрезвычайно важной именно в практическом отношении, и, как видно, Брантон был того же мнения. По всей вероятности, он видел ее и до той ночи, когда вы застали его в библиотеке.

— Вполне возможно. Мы никогда не прятали ее.

— По-видимому, на этот раз он просто хотел освежить в памяти ее содержание. Насколько я понял, он держал в руках какую-то карту или план, который сравнивал с манускриптом и немедленно сунула карман, как только увидел вас?

— Совершенно верно. Но зачем ему мог понадобиться наш старый семейный обряд, и что означает весь этот вздор?

— Полагаю, что мы можем выяснить это без особого труда, — ответил я. — С вашего позволения, мы первым же поездом отправимся с вами в Суссекс и разберемся в деле уже на месте.

Мы прибыли в Харлстон в тот же день. Вам, наверно, случалось, Уотсон, видеть изображение этого знаменитого древнего замка или читать его описания, поэтому я скажу лишь, что он имеет форму буквы «L», причем длинное крыло его является более современным, а короткое — более древним, так сказать, зародышем, из которого и выросло все остальное. Над низкой массивной дверью в центре старинной части высечена дата «1607», но знатоки единодушно утверждают, что деревянные балки и каменная кладка значительно старше. В прошлом веке чудовищно толстые стены и крошечные окна этой части здания побудили наконец владельцев выстроить новое крыло, и старое теперь служит лишь кладовой и погребом, а то и вовсе пустует. Вокруг здания великолепный парк с прекрасными старыми деревьями. Озеро же или пруд, о котором упоминал мой клиент, находится в конце аллеи, в двухстах ярдах от дома.

К этому времени у меня уже сложилось твердое убеждение, Уотсон, что тут не было трех отдельных загадок, а была только одна и что если бы мне удалось вникнуть в смысл обряда Месгрейвов, это дало бы мне ключ к тайне исчезновения обоих — и дворецкого Брантона, и горничной Хауэлз. На это я и направил все силы своего ума. Почему Брантон так стремился

проникнуть в суть этой старинной формулы? Очевидно, потому, что он увидел в ней нечто ускользнувшее от внимания всех поколений родовитых владельцев замка — нечто такое, из чего он надеялся извлечь какую-то личную выгоду. Что же это было, и как это могло отразиться на дальнейшей судьбе дворецкого?

Когда я прочитал бумагу, мне стало совершенно ясно, что все цифры относятся к какому-то определенному месту, где спрятано то, о чем говорится в первой части документа, и что если бы мы нашли это место, мы оказались бы на верном пути к раскрытию тайны — той самой тайны, которую предки Месгрейвов сочли нужным облечь в столь своеобразную форму. Для начала поисков нам даны были два ориентира: дуб и вяз. Что касается дуба, то тут не могло быль никаких сомнений. Прямо перед домом, слева от дороги, стоял дуб, дуб-патриарх, одно из великолепнейших деревьев, какие мне когда-либо приходилось видеть.

— Он уже существовал, когда был записан ваш «обряд»? — спросил я у Месгрейва.

— По всей вероятности, этот дуб стоял здесь еще во времена завоевания Англии норманнами, — ответил он. — Он имеет двадцать три фута в обхвате.

Таким образом, один из нужных мне пунктов был выяснен.

— Есть у вас здесь старые вязы? — спросил я.

— Был один очень старый, недалеко отсюда, но десять лет назад в него ударила молния, и пришлось срубить его под корень.

— Но вы знаете то место, где он рос прежде?

— Ну, конечно, знаю.

— А других вязов поблизости нет?

— Старых нет, а молодых очень много.

— Мне бы хотелось взглянуть, где он рос.

Мы приехали в двуколке, и мой клиент сразу, не заходя в дом, повез меня к тому месту на лужайке, где когда-то рос вяз. Это было почти на полпути между дубом и домом.

Пока что мои поиски шли успешно.

— По всей вероятности, сейчас уже невозможно определись высоту этого вяза? — спросил я.

— Могу вам ответить сию же минуту: в нем было шестьдесят четыре фута.

— Как вам удалось узнать это? — воскликнул я с удивлением.

— Когда мой домашний учитель задавал мне задачи по тригонометрии, они всегда были построены на измерениях высоты. Поэтому я еще мальчиком измерил каждое дерево и каждое строение в нашем поместье.

Вот это была неожиданная удача! Нужные мне сведения пришли ко мне быстрее, чем я мог рассчитывать.

— А скажите, пожалуйста, ваш дворецкий никогда не задавал вам такого же вопроса? — спросил я.

Реджинальд Месгрейв взглянул на меня с большим удивлением.

— Теперь я припоминаю, — сказал он, — что несколько месяцев назад Брантон действительно спрашивал меня о высоте этого дерева. Кажется, у него вышел какой-то спор с грумом.

Это было превосходное известие, Уотсон. Значит, я был на верном пути. Я взглянул на солнце. Оно уже заходило, и я рассчитал, что меньше чем через час оно окажется как раз над ветвями старого дуба. Итак, одно условие, упомянутое в документе, будет выполнено. Что касается тени от вяза, то речь шла, очевидно, о самой дальней ее точке — в противном случае указателем направления избрали бы не тень, а ствол. И, следовательно, теперь мне нужно было определить, куда падал конец тени от вяза в тот момент, когда солнце оказывалось прямо над дубом…

— Это, как видно, было нелегким делом, Холмс? Ведь вяза-то уже не существовало.

— Конечно. Но я знал, что если Брантон мог это сделать, то смогу и я. А кроме того, это было не так уж трудно. Я пошел вместе с Месгрейвом в его кабинет и вырезал себе вот этот колышек, к которому привязал длинную веревку сделав не ней узелки, отмечающие каждый ярд. Затем я связал вместе два удилища, что дало мне шесть футов, и мы с моим клиентом отправились обратно к тому месту, где когда-то рос вяз. Солнце как раз касалось в эту минуту вершины дуба. Я воткнул свой шест в землю, отметил направление тени и измерил ее. В ней было девять футов.

Дальнейшие мои вычисления были совсем уж несложны. Если палка высотой в шесть футов отбрасывает тень в девять футов, то дерево высотой в шестьдесят четыре фута отбросит тень в девяносто шесть футов, и направление той и другой, разумеется, будет совпадать. Я отмерил это расстояние. Оно привело меня почти к самой стене дома, и я воткнул там колышек. Вообразите мое торжество, Уотсон, когда в двух дюймах от колышка я увидел в земле конусообразное углубление! Я понял, что это была отметина, сделанная Брантоном при его измерении, и что я продолжаю идти по его следам.

От этой исходной точки я начал отсчитывать шаги, предварительно определив с помощью карманного компаса, где север, где юг. Десять шагов и еще десять шагов (очевидно имелось в виду, что каждая нога делает поочередно по десять шагов) в северном направлении повели меня параллельно стене дома, и, отсчитав их, я снова отметил место своим колышком. Затем я тщательно отсчитал пять и пять шагов на восток, потом два и два — к югу, и они привели меня к самому порогу старой двери. Оставалось сделать один и один шаг на запад, но тогда мне пришлось бы пройти эти шаги по выложенному каменными плитами коридору. Неужто это и было место, указанное в документе?

Никогда в жизни я не испытывал такого горького разочарования, Уотсон. На минуту мне показалось, что в мои вычисления вкралась какая-то существенная ошибка. Заходящее солнце ярко освещало своими лучами пол коридора, и я видел, что эти старые, избитые серые плиты были плотно спаяны цементом и, уж конечно, не сдвигались с места в течение многих и многих лет. Нет, Брантон не прикасался к ним, это было ясно. Я постучал по полу в нескольких местах, но звук получался одинаковый повсюду, и не было никаких признаков трещины или щели. К счастью, Месгрейв, который начал вникать в смысл моих действий и был теперь не менее взволнован, чем я, вынул документ, чтобы проверить мои расчеты

— И вниз! — вскричал он. — Вы забыли об этих словах: «и вниз».

Я думал, это означало, что в указанном месте надо будет копать землю, но теперь мне сразу стало ясно, что я ошибся.

— Так, значит, у вас внизу есть подвал? — воскликнул я.

— Да, и он ровесник этому дому. Скорее вниз, через эту дверь!

По винтовой каменной лестнице мы спустились вниз, и мой спутник, чиркнув спичкой, зажег большой фонарь, стоявший на бочке в углу. В то же мгновение мы убедились, что попали туда, куда нужно, и что кто-то недавно побывал здесь до нас.

В этом подвале хранились дрова, но поленья, которые, как видно, покрывали прежде весь пол, теперь были отодвинуты к стенкам, освободив пространство посередине. Здесь лежала широкая и тяжелая каменная плита с заржавленным железным кольцом в центре, а к кольцу был привязан плотный клетчатый шарф.

— Черт возьми, это шарф Брантона! — вскричал Месгрейв. — Я не раз видел этот шарф у него шее. Но что он мог здесь делать, этот негодяй?

По моей просьбе были вызваны два местных полисмена, и в их присутствии я сделал попытку приподнять плиту, ухватившись за шарф. Однако я лишь слегка пошевелил ее, и только с помощью одного из констеблей мне удалось немного сдвинуть ее в сторону. Под плитой была черная яма, и все мы заглянули в нее. Месгрейв, стоя на коленях, опустил свой фонарь вниз.

Мы увидели узкую квадратную каморку глубиной около семи футов, шириной и длиной около четырех. У стены стоял низкий, окованный медью деревянный сундук с откинутой крышкой; в замочной скважине торчал вот этот самый ключ — забавный и старомодный. Снаружи сундук был покрыт толстым слоем пыли. Сырость и черви до того изъели дерево, что оно поросло плесенью даже изнутри. Несколько металлических кружков, таких же, какие вы видите здесь, — должно быть, старинные монеты — валялись на дне. Больше в нем ничего не было.

Однако в первую минуту мы не смотрели на старый сундук — глаза наши были прикованы к

тому, что находилось рядом. Какой-то мужчина в черном костюме сидел на корточках, опустив голову на край сундука и обхватив его обеими руками. Лицо этого человека посинело и было искажено до неузнаваемости, но, когда мы приподняли его, Реджинальд Месгрейв по росту, одежде и волосам сразу узнал в нем своего пропавшего дворецкого. Брантон умер уже несколько дней назад, но на теле у него не было ни ран, ни кровоподтеков, которые могли бы объяснить его страшный конец. И когда мы вытащили труп из подвала, то оказались перед загадкой, пожалуй, не менее головоломной, чем та, которую мы только что разрешили…

Признаюсь, Уотсон, пока что я был обескуражен результатами своих поисков. Я предполагал, что стоит мне найти место, указанное в древнем документе, как все станет ясно само собой, но вот я стоял здесь, на этом месте, и разгадка тайны, так тщательно скрываемой семейством Месгрейвов была, по-видимому, столь же далека от меня, как и раньше. Правда, я пролил свет на участь Брантона, но теперь мне предстояло еще выяснить, каким образом постигла его эта участь и какую роль сыграла во всем этом исчезнувшая женщина. Я присел на бочонок в углу и стал еще раз перебирать в уме все подробности случившегося…

Вы знаете мой метод в подобных случаях, Уотсон: я ставлю себя на место действующего лица и, прежде всего уяснив для себя его умственный уровень, пытаюсь вообразить, как бы я сам поступил при аналогичных обстоятельствах. В этом случае дело упрощалось: Брантон был человек незаурядного ума, так что мне не приходилось принимать в расчет разницу между уровнем его и моего мышления. Брантон знал, что где-то было спрятано нечто ценное. Он определил это место. Он убедился, что камень, закрывающий вход в подземелье, слишком тяжел для одного человека. Что он сделал потом? Он не мог прибегнуть к помощи людей посторонних. Ведь даже если бы нашелся человек, которому он мог бы довериться, пришлось бы отпирать ему наружные двери, а это было сопряжено со значительным риском. Удобнее было бы найти помощника внутри дома. Но к кому мог обратиться Брантон? Та девушка была когда-то преданна ему. Мужчина, как бы скверно не поступил он с женщиной, никогда не верит, что ее любовь окончательно потеряна для него. Очевидно, оказывая Рэчел мелкие знаки внимания Брантон попытался помириться с ней, а потом уговорил ее сделаться его сообщницей. Ночью они вместе спустились в подвал, и объединенными усилиями им удалось сдвинуть камень. До этой минуты их действия были мне так ясны, как будто я наблюдал их собственными глазами.

Но и для двух человек, особенно если один из них женщина, вероятно, это была нелегкая работа. Даже нам — мне и здоровенному полисмену из Суссекса — стоило немалых трудов сдвинуть эту плиту. Что же они сделали, чтобы облегчить свою задачу? Да, по-видимому, то же, что сделал бы и я на их месте. Тут я встал, внимательно осмотрел валявшиеся на полу дрова и почти сейчас же нашел то, что ожидал найти. Одно полено длиной около трех футов было обломано на конце, а несколько других сплющены: видимо, они испытали на себе действие значительной тяжести. Должно быть, приподнимая плиту, Брантон и его помощница вводили эти поленья в щель, пока отверстие не расширилось настолько, что в него уже можно было проникнуть, а потом подперли плиту еще одним поленом, поставив его вертикально, так что оно вполне могло обломаться на нижнем конце — ведь плита давила на него всем своим весом. Пока что все мои предположения были как будто вполне обоснованы.

Как же должен был я рассуждать дальше, чтобы полностью восстановить картину ночной драмы? Ясно, что в яму мог забраться только один человек, и, конечно, это был Брантон. Девушка, должно быть, ждала наверху. Брантон отпер сундук и передал ей его содержимое (это было очевидно, так как ящик оказался пустым), а потом… что же произошло потом?

Быть может, жажда мести, тлевшая в душе этой пылкой женщины, разгорелась ярким пламенем, когда она увидела, что ее обидчик — а обида, возможно, была гораздо сильнее, чем мы могли подозревать, — находится теперь в ее власти. Случайно ли упало полено и каменная плита замуровала Брантона в этом каменном гробу? Если так, Рэчел виновна лишь в том, что умолчала о случившемся. Или она намеренно вышибла подпорку, и сама захлопнула ловушку? Так или иначе, но я словно видел перед собой эту женщину: прижимая к груди найденное сокровище, она летела вверх по ступенькам винтовой лестницы, убегая от настигавших ее заглушенных стонов и отчаянного стука в каменную плиту, под которой задыхался ее неверный возлюбленный.

Вот в чем была разгадка ее бледности, ее возбуждения, приступов истерического смеха на следующее утро. Но что же все-таки было в сундуке? Что сделала девушка с его содержимым? Несомненно, это были те самые обломки старого металла и осколки камней, которые она при первой же возможности бросила в пруд, чтобы скрыть следы своего преступления…

Минут двадцать я сидел неподвижно, в глубоком раздумье. Мейсгрев, очень бледный, все еще стоял, раскачивая фонарь, и глядел вниз, в яму.

— Это монеты Карла Первого, — сказал он, протягивая мне несколько кружочков, вынутых из сундука. — Видите, мы правильно определили время возникновения нашего «обряда».

— Пожалуй, мы найдем еще кое-что, оставшееся от Карла Первого! — вскричал я, вспомнив вдруг первые два вопроса документа. — Покажите-ка мне содержимое мешка, который вам удалось выудить в пруду.

Мы поднялись в кабинет Месгрейва, и он разложил передо мной обломки. Взглянув на них, я понял, почему Месгрейв не придал им никакого значения: металл был почти черен, а камешки бесцветны и тусклы. Но я потер один из них о рукав, и он засверкал, как искра, у меня на ладони. Металлические части имели вид двойного обруча, но они были погнуты, перекручены и почти потеряли свою первоначальную форму.

— Вы, конечно, помните, — сказал я Месгрейву, — что партия короля главенствовала в Англии даже и после его смерти. Очень может быть, что перед тем, как бежать, ее члены спрятали где-нибудь самые ценные вещи, намереваясь вернуться за ними в более спокойные времена.

— Мой предок, сэр Ральф Месгрейв, занимал видное положение при дворе и был правой рукой Карла Второго во время его скитаний.

— Ах, вот что! — ответил я. — Прекрасно. Это дает нам последнее, недостающее звено. Поздравляю вас, Месгрейв! Вы стали обладателем — правда, при весьма трагических обстоятельствах — одной реликвии, которая представляет собой огромную ценность и сама по себе и как историческая редкость.

— Что же это такое? — спросил он, страшно взволнованный.

— Не более не менее, как древняя корона английских королей.

— Корона?!

— Да, корона. Вспомните, что говорится в документе: «Кому это принадлежит?» «Тому, кто ушел». Это было написано после казни Карла Первого. «Кому это будет принадлежать?» «Тому, кто придет». Речь шла о Карле Втором, чье восшествие на престол уже предвиделось в то время. Итак, вне всяких сомнений, эта измятая и бесформенная диадема венчала головы королей из династии Стюартов.

— Но как же она попала в пруд?

— А вот на этот вопрос не ответишь в одну минуту.

И я последовательно изложил Месгрейву весь ход моих предположений и доказательств. Сумерки сгустились, и луна уже ярко сияла в небе, когда я кончил свой рассказ.

— Но интересно почему же Карл Второй не получил обратно свою корону, когда вернулся? — спросил Месгрейв, снова засовывая в полотняный мешок свою реликвию.

— О, тут вы поднимаете вопрос, который мы с вами вряд ли сможем когда-либо разрешить. Должно быть, тот Месгрейв, который был посвящен в тайну, оставил перед смертью своему преемнику этот документ в качестве руководства, но совершил ошибку, не объяснив ему его смысла. И с этого дня вплоть до нашего времени документ переходил от отца к сыну, пока наконец не попал в руки человека, который сумел вырвать его тайну, но поплатился за это жизнью…

Такова история «Обряда дома Месгрейвов», Уотсон. Корона и сейчас находится в Харлстоне, хотя владельцам замка пришлось немало похлопотать и заплатить порядочную сумму денег, пока они не получили официального разрешения оставить ее у себя. Если вам вздумается взглянуть на нее, они, конечно, с удовольствием ее покажут стоит вам только назвать мое имя.

Что касается той женщины, она бесследно исчезла. По всей вероятности, она покинула Англию и унесла в заморские края память о своем преступлении.

Рейгетские сквайры

(Перевод Т.Рузской)

В то время мой друг Шерлок Холмс еще не оправился после нервного переутомления, полученного в результате крайне напряженной работы весной тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года. Нашумевшая история с Нидерландско-Суматрской компанией и грандиозным мошенничеством барона Мопэртуиса слишком свежа в памяти публики и слишком тесно связана с политикой и финансами, чтобы о ней можно было рассказать в этих записках. Однако косвенным путем она явилась причиной одного редкостного и головоломного дела, которое дало возможность моему другу продемонстрировать еще одно оружие среди множества других, служивших ему в его нескончаемой войне с преступлениями.

Четырнадцатого апреля, как помечено в моих записях, я получил телеграмму из Лиона с известием о том, что Холмс лежит больной в отеле Дюлонж. Не прошло и суток, как я уже был у него в номере и с облегчением убедился, что ничего страшного ему не грозит. Однако тянувшееся больше двух месяцев расследование, в течение которого он работал по пятнадцати часов в день, а случалось и несколько суток подряд, подорвало железный организм Холмса. Блистательная победа, увенчавшая его труды, не спасла его от упадка сил после такого предельного нервного напряжения, и в то время как его имя гремело по всей Европе, а комната была буквально по колено завалена поздравительными телеграммами, я нашел его здесь во власти жесточайшей хандры. Даже сознание, что он одержал успех там, где не справилась полиция трех стран, и обвел вокруг пальца самого искушенного мошенника в Европе, не могло победить овладевшего им безразличия.

Три дня спустя мы вернулись вместе на Бейкер-стрит, но мой друг явно нуждался в перемене обстановки, да и меня соблазняла мысль выбраться в эту весеннюю пору на недельку в деревню. Мой старинный приятель, полковник Хэйтер, который был моим пациентом в Афганистане, а теперь снял дом поблизости от городка Рейгет в графстве Суррей, часто приглашал меня к себе погостить. В последний раз он сказал, что был бы рад оказать гостеприимство и моему другу. Я повел речь издали, но, когда Холмс узнал, что нас приглашают в дом с холостяцкими порядками и что ему будет предоставлена полная свобода, он согласился с моим планом, и через неделю после нашего возвращения из Лиона полковник уже принимал нас у себя. Хэйтер был человек очень приятный и бывалый, объездивший чуть ли не весь свет, и скоро обнаружилось — как я и ожидал, — что у них с Холмсом много общего.

В день нашего приезда, вечером, мы, отобедав, сидели в оружейной полковника; Холмс растянулся на диване, а мы с Хэйтером рассматривали небольшую коллекцию огнестрельного оружия.

— Да, кстати, — вдруг сказал наш хозяин, — я возьму с собой наверх один из этих пистолетов на случай тревоги.

— Тревоги? — воскликнул я.

— Тут у нас недавно случилось происшествие, перепугавшее всю округу. В прошлый понедельник ограбили дом старого Эктона, одного из самых богатых здешних сквайров. Убыток причинен небольшой, но воры до сих пор на свободе.

— И никаких следов? — спросил Холмс, насторожив слух.

— Пока никаких. Но это — мелкое дело. Обычное местное преступление, слишком незначительное, чтобы заинтересовать вас, мистер Холмс, после того громкого международного дела.

Холмс ответил на комплимент небрежным жестом, но по его улыбке было заметно, что он польщен.

— Ничего примечательного?

— По-моему, ничего. Воры обыскали библиотеку, и, право же, добыча не стоила затраченных ими трудов. Все в комнате было перевернуто вверх дном, ящики столов взломаны, книжные шкафы перерыты, а вся-то пропажа — томик переводов Гомера, два золоченых подсвечника, пресс-папье из слоновой кости, маленький дубовый барометр да клубок бечевки.

— Что за удивительный набор! — воскликнул я.

— О, воры, видимо, схватили все, что им попалось под руку.

Холмс хмыкнул со своего дивана.

— Полиция графства должна бы кое-что извлечь из этого, — сказал он. — Ведь совершенно очевидно, что…

Но я предостерегающе поднял палец.

— Вы приехали сюда отдыхать, друг мой. Ради Бога, не принимайтесь за новую задачу, пока не окрепли нервы.

Холмс посмотрел на полковника с комическим смирением и пожал плечами, после чего беседа повернула в более спокойное русло.

Однако судьбе было угодно, чтобы все мои старания оберечь друга пропали даром, ибо на следующее утро это дело вторглось в нашу жизнь таким образом, что было невозможно остаться в стороне, и наше пребывание в деревне приняло неожиданный для всех нас оборот. Мы сидели за завтраком, когда к нам ворвался дворецкий, забыв о всякой пристойности, и выпалил, задыхаясь:

— Вы слышали новость, сэр? У Каннингемов, сэр?

— Опять ограбление? — вскричал полковник, и его рука с чашкой кофе застыла в воздухе.

— Убийство!

Полковник присвистнул.

— Бог мой! — промолвил он. — Кто убит? Мировой судья или его сын?

— Ни тот, ни другой, сэр. Убит Уильям, кучер. Пуля угодила прямо в сердце.

— Кто в него стрелял?

— Вор, сэр. Убил кучера наповал и был таков. Он успел добраться только до окна кладовой, Тут Уильям и бросился на него и нашел свою смерть, спасая добро хозяина.

— Когда это случилось?

— Вчера, сэр, около полуночи.

— А-а, в таком случае мы заглянем туда попозже, — сказал полковник, невозмутимо принимаясь за прерванный завтрак.

— Скверное дело, — добавил он, когда дворецкий ушел. — Старый Каннингем — самый влиятельный сквайр в наших местах и очень почтенный человек. Это его сразит. Уильям служил ему много лет и был хороший работник. Очевидно, это те же негодяи, что побывали у Эктона.

— И похитили ту чрезвычайно любопытную коллекцию?

— Именно.

— Гм! Возможно окажется, что дело не стоит выеденного яйца. И тем не менее на первый взгляд это немного странно, не так ли? Следовало бы ожидать, что шайка грабителей, действующая в провинции, будет менять места своих налетов, а не совершать две кражи со взломом в соседних усадьбах в течение нескольких дней. Когда вчера вечером вы говорили о мерах предосторожности, помнится, мне пришло в голову, что вор или воры выбрали бы эту округу самой последней во всей Англии, из чего следует, что мне надо еще многому учиться.

— Я думаю, это был кто-то из местных. Понятно, что его привлекли именно эти усадьбы. В здешних краях они самые крупные.

— И самые богатые?

— Должны были быть. Но Эктон и Каннингемы уже несколько лет ведут тяжбу, которая высосала кровь из обоих, мне думается. Старый Эктон возбудил иск на половину имения Каннингемов, и адвокаты изрядно нажились на этом деле.

— Если это местный вор, изловить его не составит большого труда, — сказал Холмс, зевнув. — Не волнуйтесь, Уотсон, я не собираюсь вмешиваться.

— Инспектор Форрестер, сэр, — возвестил дворецкий, распахивая двери.

В комнату вошел полицейский сыщик, быстрый молодой человек с живым, энергичным лицом.

— Доброе утро, полковник, — сказал он. — Надеюсь, я не помешал, но нам стало известно, что мистер Холмс с Бейкер-стрит находится у вас.

Полковник жестом руки показал на моего друга, и инспектор поклонился.

— Мы думали, что, возможно, вы пожелаете принять участие, мистер Холмс.

— Судьба против вас, Уотсон, — сказал Холмс, смеясь. — Мы как раз беседовали об этом деле, инспектор, когда вы пришли. Может быть, вы познакомите нас с некоторыми подробностями?

Когда он откинулся на стуле в знакомой мне позе, я понял, что все мои надежды рухнули.

— Нам не за что было ухватиться в деле с ограблением Эктона. Но здесь достаточно материала, чтобы начать расследование, и мы не сомневаемся, что в обоих случаях действовало одно и то же лицо. Взломщика видели.

— А-а!

— Да, сэр. Но он умчался быстрей оленя, как только прогремел выстрел, убивший несчастного Уильяма Кервана. Мистер Каннигем видел его из окна своей спальни, а мистер Алек Каннингем видел его с черной лестницы. Тревога поднялась без четверти двенадцать. Мистер Каннингем только что лег спать, а мистер Алек в халате курил трубку. Они оба слышали, как Уильям, кучер, звал на помощь, и мистер Алек бросился вниз посмотреть, что случилось. Входная дверь была раскрыта, и когда он сбежал по черной лестнице, то увидел перед домом двух мужчин, схватившихся друг с другом. Один из них выстрелил, другой упал, и убийца кинулся прочь прямо по саду, пролез через живую изгородь и исчез. Мистер Каннингем из окна своей спальни видел, как он выскочил на дорогу, но тут же потерял его из виду. Мистер Алек задержался посмотреть, нельзя ли помочь умирающему, и, таким образом, злодей успел скрыться. Нам известно только, что это был человек среднего роста, в чем-то темном. Другими приметами мы не располагаем, но мы ведем усиленные розыски, и если преступник — человек нездешний, он скоро будет найден.

— А что там делал этот Уильям? Он что-нибудь сказал перед смертью?

— Ни слова. Уильям жил в сторожке со своей матерью. Он был преданный слуга, и мы предполагаем, что он подошел к дому с намерением проверить, все ли благополучно. Это и понятно: кража у Эктона заставила всех быть начеку. Грабитель, видимо, только что открыл дверь — замок был взломан, — как Уильям набросился на него.

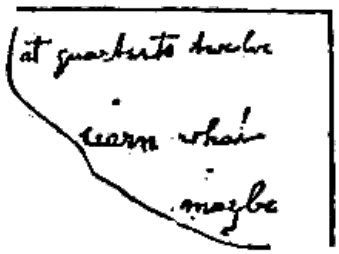
— А Уильям ничего не сказал своей матери перед уходом?

— Она очень стара и глуха, и ничего не удалось узнать от нее. Горе почти лишило ее рассудка, но я подозреваю, что она всегда была туповата. Однако есть одна очень важная улика. Взгляните!

Он вынул из своего блокнота клочок бумаги и расправил его на колене.

— Это было найдено у мертвого Уильяма в руке. Зажат между большим и указательным пальцами. По-видимому, это краешек какой-то записки. Обратите внимание, что указанное здесь время в точности совпадает со временем, когда бедняга встретил свою судьбу. Не то убийца вырывал у него записку, не то он у убийцы. Написанное наводит на мысль, что кого-то приглашали на свидание.

Холмс взял обрывок бумаги, факсимиле которого я здесь привожу.



— Если это действительно так, — продолжал инспектор, — то напрашивается весьма вероятное предположение, что этот Уильям Керван, несмотря на свою репутацию честного человека, мог быть заодно с вором. Они могли встретиться в условленном месте, вдвоем взломать дверь, после чего между ними вспыхнула ссора.

— Этот документ представляет чрезвычайный интерес, — сказал Холмс, изучая обрывок с самым сосредоточенным вниманием, — дело куда тоньше, чем я думал.

Он обхватил руками голову, а инспектор с улыбкой наблюдал, какое действие произвел его рассказ на прославленного лондонского специалиста.

— Ваше последнее замечание, — сказал Холмс немного погодя, — о том, что взломщик, возможно, был в сговоре со слугой и что это была записка одного к другому, в которой назначалась встреча, остроумно и не лишено правдоподобия. Однако этот документ раскрывает…

Он опять обхватил голову руками и несколько минут просидел молча, весь уйдя в свои мысли. Когда он поднял лицо, я с удивлением увидел, что щеки его порозовели, а глаза блестят как до болезни. Он вскочил на ноги с прежней энергией.

— Вот что, — заявил он, — я хотел бы бегло осмотреть место, где было совершено убийство. С вашего разрешения, полковник, я покину моего друга Уотсона и вас и прогуляюсь вместе с инспектором, чтобы проверить правильность моих догадок. Я буду обратно через полчаса.

Прошло полтора часа, инспектор вернулся один.

— Мистер Холмс ходит взад и вперед по полю, — сказал он. — Он хочет, чтобы мы вчетвером отправились в усадьбу.

— К мистеру Каннингему?

— Да, сэр.

— Зачем?

Инспектор пожал плечами.

— Это мне не совсем ясно, сэр. Между нами говоря, мне кажется, что мистер Холмс еще не совсем выздоровел после болезни. Он ведет себя очень странно. Я бы сказал, он немного не в себе.

— Думаю, что не стоит беспокоиться, — заметил я. — Я не раз убеждался, что в его безумии есть метод.

— Скорее в его методе есть безумие, — пробормотал инспектор. — Но он горит нетерпением, и если вы готовы, полковник, то лучше пойдемте.

Холмс расхаживал взад и вперед по полю, низко опустив голову и засунув руки в карманы.

— Дело становится все интересней, — сказал он. — Уотсон, наша поездка в деревню определенно удалась. Я провел восхитительное утро.

— Вы были на месте преступления, как я догадываюсь? — спросил полковник.

— Да, мы с инспектором сделали небольшую разведку.

— И с успехом?

— Да, мы видели интересные вещи. По дороге я обо всем вам расскажу. Прежде всего мы осмотрели тело бедняги. Он действительно умер от револьверной раны, как сообщалось.

— А вы в этом сомневались?

— Все надо проверить. Мы не зря совершили свой обход. Потом мы беседовали с мистером Каннингемом и его сыном, и они смогли точно указать место, где преступник, убегая, пролез сквозь изгородь. Это было в высшей степени любопытно.

— Несомненно.

— Потом мы заглянули к матери несчастного Уильяма. От нее, однако, мы не могли добиться толку: она очень стара и слаба.

— И к какому результату привело вас ваше обследование?

— К убеждению в том, что это — весьма необычное преступление. Может быть, наш теперешний визит прольет на него немного света. Я полагаю, инспектор, мы с вами единодушны в том, что этот клочок бумаги в руке убитого, на котором записано точное время его смерти, имеет огромнейшее значение.

— Он должен дать ключ, мистер Холмс.

— Он *дает* ключ. Кто бы ни писал записку, это был человек, поднявший Уильяма Кервана с постели в этот час. Но где же она?

— Я тщательно обыскал землю и не нашел, — сказал инспектор.

— Записку из руки Уильяма вырвали. Почему она была так нужна кому-то? Потому что она его уличала. И что он должен был с ней сделать? Сунуть в карман, по всей вероятности, не заметив, что уголок остался зажатым в пальцах у трупа. Если бы мы нашли недостающую часть, мы бы очень легко распутали дело.

— Да, но как нам залезть в карман к преступнику, если мы не поймали самого преступника?

— Н-да, над этим стоит поломать голову. Затем вот еще что. Эту записку кто-то принес Уильяму. Конечно, не тот, кто ее писал: ему проще было бы тогда все передать на словах. Кто же принес записку? Или она пришла по почте?

— Я навел справки, — сказал инспектор. — Вчера вечерней почтой Уильям получил письмо. Конверт он уничтожил.

— Отлично! — воскликнул Холмс, похлопывая инспектора по плечу. — Вы уже повидали почтальона. Работать с вами одно удовольствие. Однако вот и сторожка, и, если вы последуете за нами, полковник, я покажу вам место преступления.

Мы прошли мимо хорошенького домика, где жил убитый кучер, и вступили в дубовую аллею, которая привела нас к прекрасному старому зданию времен королевы Анны, с датой битвы при Мальплаке, высеченной над дверями. Следуя за Холмсом и инспектором, мы обогнули дом и подошли к боковому входу, отделенному цветником от живой изгороди, окаймлявшей дорогу. У двери на кухню дежурил полицейский.

— Распахните дверь, сержант, — приказал Холмс. — Вон на той лестнице стоял молодой Каннингем, и оттуда он видел двух мужчин, дерущихся как раз здесь, где мы стоим. Старый Каннингем смотрел из того окна — второго налево. Он говорит, что убийца побежал вон туда. За тот куст. То же самое видел и сын. Оба показывают одно направление. Затем мистер Алек выбежал из дома и склонился над раненым. Земля очень твердая, как видите, и не осталось никаких следов, которые могли бы помочь нам.

Пока он говорил, из-за угла дома показались двое мужчин; они шли к нам по садовой дорожке. Один был джентльмен почтенной наружности, с волевым лицом, изрезанным глубокими морщинами, и удрученным взглядом; другой — щеголеватый молодой человек, чья нарядная одежда и веселый, беззаботный вид никак не вязались с делом, которое привело нас сюда.

— Ну как, все на том же месте? — спросил он Холмса. — Я думал, вы, столичные специалисты, шутя решаете любую головоломку. Вы не так уж проворны, как я погляжу.

— О, дайте нам немного времени, — сказал Холмс добродушно.

— Оно вам понадобится, — ответил молодой Алек Каннингем. — У вас пока еще нет в руках ни одной нити.

— Одна есть, — вмешался инспектор, — Мы думаем, что если бы нам только удалось найти… Боже! Мистер Холмс, что с вами?

Мой бедный друг ужасно изменился в лице. Глаза закатились, все черты свело судорогой, и, глухо застонав, он упал ничком на землю. Потрясенные внезапностью и силой припадка, мы перенесли несчастного в кухню, и там, полулежа на большом стуле, он несколько минут тяжело дышал. Наконец он поднялся, сконфуженно извиняясь за свою слабость.

— Уотсон вам объяснит, что я только что поправился после тяжелой болезни. Но я до сих пор подвержен этим внезапным нервным приступам.

— Хотите, я отправлю вас домой в своей двуколке? — спросил старый Каннингем.

— Ну, раз уж я здесь, я хотел бы уточнить один не совсем ясный мне пункт. Нам будет очень легко это сделать.

— Какой именно?

— Мне кажется вполне вероятным, что бедняга Уильям пришел после того, как взломщик побывал в доме. Вы, видимо, считаете само собой разумеющимся, что грабитель не входил в помещение, хотя дверь и была взломана.

— По-моему, это вполне очевидно, — сказал мистер Каннингем внушительно. — Мой сын Алек тогда еще не лег спать, и он, конечно, услышал бы, что кто-то ходит по дому.

— Где он сидел?

— Я сидел в моей туалетной и курил.

— Какое это окно?

— Последнее налево, рядом с окном отца.

— И у вас и у него, конечно, горели лампы?

— Разумеется.

— Как странно, — улыбнулся Холмс. — Не удивительно ли, что взломщик — при этом взломщик, который недавно совершил одну кражу, — умышленно вторгается в дом в такое время, когда он видит по освещенным окнам, что два члена семьи еще бодрствуют?

— Должно быть, это был дерзкий вор.

— Не будь это дело таким необычным, мы, конечно, не обратились бы к вам за разгадкой, — сказал мистер Алек. — Но ваше предположение, что вор успел ограбить дом, по-моему, величайшая нелепость. Мы наверняка заметили бы беспорядок в доме и хватились бы похищенных вещей.

— Это зависит от того, какие были украдены вещи, — сказал Холмс. — Не забывайте, что наш взломщик — большой причудник, и у него своя собственная линия в работе. Чего стоит, например, тот любопытнейший набор, который он унес из дома Эктонов. Позвольте, что там было?.. Клубок бечевки, пресс-папье и бог знает какая еще чепуха!

— Мы в ваших руках, мистер Холмс, — сказал старый Каннингем. — Все, что предложите вы или инспектор, будет выполнено беспрекословно.

— Прежде всего, — сказал Холмс, — я хотел бы, чтобы вы назначили награду за обнаружение преступника от своего имени, потому что пока в полиции договорятся о сумме, пройдет время, а в таких делах чем скорее, тем лучше. Я набросал текст, подпишите, если вы не возражаете. Пятидесяти фунтов, по-моему, вполне достаточно.

— Я бы с радостью дал пятьсот, — сказал мировой судья, беря из рук Холмса бумагу и карандаш. — Только здесь не совсем правильно написано, — добавил он, пробегая глазами документ.

— Я немного торопился, когда писал.

— Смотрите, вот тут, в начале: «Поскольку во вторник, без четверти час ночи, была совершена попытка…» и т. д. В действительности это случилось без четверти двенадцать.

Меня огорчила эта ошибка, потому что я знал, как болезненно должен переживать Холмс любой подобный промах. Точность во всем, что касалось фактов, была его коньком, но недавняя болезнь подорвала его силы, и один этот маленький случай убедительно показал мне, что мой друг еще далеко не в форме. В первую минуту Холмс заметно смутился, инспектор же поднял брови, а Алек Каннингем расхохотался. Старый джентльмен, однако, исправил ошибку и вручил бумагу Холмсу.

— Отдайте это в газету как можно скорее, — сказал он, — прекрасная мысль, я нахожу.

Холмс бережно вложил листок в свою записную книжку.

— А теперь, — сказал он, — было бы неплохо пройтись всем вместе по дому и посмотреть, не унес ли чего с собой этот оригинальный грабитель.

До того как войти в дом, Холмс осмотрел взломанную дверь. Очевидно, ее открыли с помощью прочного ножа или стамески, с силой отведя назад язычок замка. В том месте, куда просовывали острие, на дереве остались следы.

— А вы не запираетесь изнутри на засов? — спросил он.

— Мы никогда не видели в этом необходимости.

— Вы держите собаку?

— Да, но она сидит на цепи с другой стороны дома.

— Когда слуги ложатся спать?

— Часов в десять.

— Как я понимаю, Уильям тоже в это время обычно был в постели?

— Да.

— Странно, что именно в эту ночь ему вздумалось не спать. Теперь, мистер Каннингем, я буду вам очень признателен, если вы согласитесь провести нас по дому.

Из выложенной каменными плитами передней, от которой в обе стороны отходили кухни, прямо на второй этаж вела деревянная лестница. Она выходила на площадку напротив другой, парадной лестницы, ведущей наверх из холла. От этой площадки тянулся коридор с дверями в гостиную и в спальни, в том числе в спальни мистера Каннингема и его сына. Холмс шел медленно, внимательно изучая планировку дома. Весь его вид говорил о том, что он идет по горячему следу, хотя я не мог представить себе даже отдаленно, чей это след.

— Любезный мистер Холмс, — сказал старший Каннингем с ноткой нетерпения в голосе. — Уверяю вас, это совершенно лишнее. Вон моя комната, первая от лестницы, а за ней комната сына. Судите сами: возможно ли, чтобы вор поднялся наверх, не потревожив нас?

— Вам бы походить вокруг дома да поискать там свежих следов, — сказал сын с недоброй улыбкой.

— И все же разрешите мне еще немного злоупотребить вашим терпением. Я хотел бы, например, посмотреть, как далеко обозревается из окон спален пространство перед домом. Это, насколько я понимаю, комната вашего сына, — он толкнул дверь, — а там, вероятно, туалетная, в которой он сидел и курил, когда поднялась тревога. Куда выходит ее окно?

Холмс прошел через спальню, раскрыл дверь в туалетную и обвел комнату взглядом.

— Надеюсь, теперь вы удовлетворены? — спросил мистер Каннингем раздраженно.

— Благодарю вас. Кажется, я видел все, что хотел.

— Ну, если это действительно необходимо, мы можем пройти и в мою комнату.

— Если это вас не слишком затруднит.

Мировой судья пожал плечами и повел нас в свою спальню, ничем не примечательную комнату с простой мебелью. Когда мы направились к окну, Холмс отстал, и мы с ним оказались позади всех. В ногах кровати стоял квадратный столик с блюдом апельсинов и графином с водой. Проходя мимо, Холмс, к моему несказанному удивлению, вдруг наклонился

и прямо перед моим носом нарочно опрокинул все это на пол. Стекло разбилось вдребезги, а фрукты раскатились по всем углам.

— Ну и натворили вы дел, Уотсон, — сказал он, нимало не смутившись, — во что вы превратили ковер!

Я в растерянности наклонился и стал собирать фрукты, догадываясь, что по какой-то причине мой друг пожелал, чтобы я взял вину на себя. Остальные присоединились ко мне, и столик снова поставили на ножки.

— Вот те на! — вскричал инспектор. — Куда же он делся?

Холмс исчез.

— Подождите здесь одну минутку, — сказал Алек Каннингем, — по-моему, ваш приятель свихнулся. Пойдемте со мной, отец, посмотрим, куда он в самом деле делся!

Они ринулись вон из комнаты, а мы остались втроем с полковником и инспектором, в недоумении глядя друга на друга.

— Честное слово, я склонен согласиться с мистером Алеком, — сказал сыщик. — Возможно, это — следствие болезни, но мне кажется…

Внезапные громкие вопли: «На помощь! На помощь! Убивают!» — не дали ему договорить. Я с содроганием узнал голос своего друга. Не помня себя, я кинулся из комнаты на площадку. Вопли перешли в хриплые, сдавленные стоны, которые неслись из той комнаты, куда мы заходили сначала. Я ворвался в нее, а оттуда в туалетную. Два Каннингема склонились над распростертым телом Шерлока Холмса; молодой обеими руками душил его за горло, а старый выкручивал ему кисть. В следующее мгновение мы втроем оторвали от него обоих, и Холмс, шатаясь, встал, очень бледный и, видимо, крайне обессиленный.

— Арестуйте этих людей, инспектор, — сказал он, задыхаясь.

— На каком основании?

— По обвинению в убийстве их кучера, Уильяма Кервана.

Инспектор уставился на Холмса широко раскрытыми глазами.

— О, помилуйте, мистер Холмс, — промолвил он наконец, — я уверен, что вы, конечно, не думаете в самом деле…

— Довольно, посмотрите на их лица! — приказал Холмс сердито.

Ручаюсь, что никогда мне не приходилось видеть на человеческих физиономиях такого явного признания вины. Старший был ошеломлен и раздавлен. Его суровые, резкие черты выражали угрюмую безнадежность. А сын сбросил с себя развязность и нарочитую беспечность, злобное бешенство опасного зверя вспыхнуло в его черных глазах и исказило красивые черты. Инспектор ничего не сказал, но пошел к двери и дал свисток. Немедленно явились два полицейских.

— У меня нет выбора, мистер Каннингем, — сказал он, — Надеюсь, все это окажется, нелепой ошибкой, но вы же сами видите, что… А-а, вот вы как? Бросьте сейчас же!

Он ударил по руке молодого Каннингема, и револьвер со взведенным курком упал на пол.

— Спрячьте его, — сказал Холмс, проворно наступив на револьвер ногой, — он вам пригодится на суде. Но вот что действительно нам необходимо… — Он показал маленький скомканный листок бумаги.

— Записка! — вскричал инспектор.

— Вы угадали.

— Где она была?

— Там, где она должна была быть, по моим соображениям. Я все объясню вам позже. Я думаю, полковник, что вы с Уотсоном можете вернуться, я же приду самое большее через час. Нам с инспектором надо поговорить с арестованными, но я непременно буду ко второму завтраку.

Шерлок Холмс сдержал свое слово — около часу дня он присоединился к нам в курительной полковника. Его сопровождал невысокий пожилой джентльмен. Холмс представил его мне. Это был мистер Эктон, дом которого первым подвергся нападению.

— Я хотел, чтобы мистер Эктон присутствовал, когда я буду рассказывать вам о своем расследовании этого пустячного дела, — сказал Холмс, — понятно, что ему будут очень интересны подробности. Боюсь, полковник, что вы жалеете о той минуте, когда приняли под свой кров такого буревестника, как я.

— Напротив, — ответил полковник горячо, — я считаю великой честью познакомиться с вашим методом. Признаюсь, что он далеко превзошел мои ожидания и что я просто не в состоянии постичь, как вам удалось разрешить эту загадку. Я до сих пор ничего не понимаю.

— Боюсь, что мое объяснение вас разочарует, но я никогда ничего не скрываю от моего друга Уотсона, ни от любого другого человека, всерьез интересующегося моим методом. Но прежде всего, полковник, я позволю себе выпить глоток вашего бренди: эта схватка в туалетной у Каннингемов меня порядком обессилила.

— Надеюсь, больше у вас не было этих нервных приступов?

Шерлок Холмс рассмеялся от всей души.

— Об этом в свою очередь. Я расскажу вам все по порядку, задерживаясь на разных пунктах, которые вели меня к решению. Пожалуйста, остановите меня, если какой-нибудь вывод покажется вам не совсем ясным.

В искусстве раскрытия преступлений первостепенное значение имеет способность выделить из огромного количества фактов существенные и отбросить случайные. Иначе ваша энергия и внимание непременно распылятся вместо того, чтобы сосредоточиться на главном. Ну, а в этом деле у меня с самого начала не было ни малейшего сомнения в том, что ключ следует искать в клочке бумаги, найденном в руке убитого.

Прежде чем заняться им, я хотел бы обратить ваше внимание на тот факт, что если рассказ Алека Каннингема верен и если убийца, застрелив Уильяма Кервана, бросился бежать мгновенно, то он, очевидно, не мог вырвать листок из руки мертвеца. Но если это сделал не он, тогда это сделал не кто иной, как Алек Каннингем, так как к тому времени, когда отец спустился вниз, на место происшествия уже сбежались слуги. Соображение очень простое, но инспектору оно не пришло в голову. Он и в мыслях не допускал, что эти почтенные сквайры имеют какое-то отношение к убийству. Ну, а в моих правилах — не иметь предвзятых мнений, а послушно идти за фактами, и поэтому еще на самой первой стадии расследования мистер Алек Каннингем был у меня на подозрении.

Итак, я очень внимательно исследовал тот оторванный уголок листка, который предъявил нам инспектор. Мне сразу стало ясно, что он представляет собой часть интереснейшего документа. Вот он, перед вами. Вы не замечаете в нем ничего подозрительного?

— Слова написаны как-то неровно и беспорядочно, — сказал инспектор.

— Милейший полковник! — вскричал Холмс. — Не может быть ни малейшего сомнения в том, что этот документ писали два человека, по очереди, через слово. Если я обращу ваше внимание на энергичное «t» в словах «at» и «to» и попрошу вас сравнить его с вялым «t» в словах «guarter» и «twelve», вы тотчас же признаете этот факт. Самый простой анализ этих четырех слов даст вам возможность сказать с полнейшей уверенностью, что «learn» и «maybe» написаны более сильной рукой, а «what» — более слабой.

— Боже правый! Да это ясно как день! — воскликнул полковник. — Но с какой стати два человека будут писать письмо подобным образом?

— Очевидно, дело было скверное, и один из них, не доверявший другому, решил, что каждый должен принять равное участие. Далее, ясно, что один из двух — тот, кто писал «at» и «to», — был главарем.

— А это откуда вы взяли?

— Мы можем вывести это из простого сравнения одной руки с другой по их характеру. Но у нас есть более веские основания для такого предположения. Если вы внимательно изучите этот клочок, вы придете к выводу, что обладатель более твердой руки писал все свои слова первым, оставляя пропуски, которые должен был заполнить второй. Эти пропуски не всегда

было достаточно большими, и вы можете видеть, что второму было трудно уместить свое «guarter» между «at» и «to», из чего следует, что эти слова были уже написаны. Человек, который написал все свои слова первым, был, безусловно, тем человеком, который планировал это преступление.

— Блестяще! — воскликнул мистер Эктон.

— Но все это очевидные вещи, — сказал Холмс. — Теперь, однако, мы подходим к одному важному пункту. Возможно, вам неизвестно, что эксперты относительно точно определяют возраст человека по его почерку. В нормальных случаях они ошибаются не больше чем на три-четыре года. Я говорю, в нормальных случаях, потому что болезнь или физическая слабость порождают признаки старости даже у юноши. В данном случае, глядя на четкое, энергичное письмо одного и на нетвердое, но все еще вполне разборчивое письмо второго, однако уже теряющее поперечные черточки, мы можем сказать, что один из них — молодой человек, а другой — уже в годах, хотя еще не дряхлый.

— Блестяще! — еще раз воскликнул мистер Эктон.

— И есть еще один момент, не такой явный и более интересный. Оба почерка имеют в себе нечто общее. Они принадлежат людям, состоящим в кровном родстве. Для нас это наиболее очевидно проявляется в том, что «а» они пишут как греческое «α», но я вижу много более мелких признаков, говорящих о том же. Для меня нет никакого сомнения в том, что в обоих образцах письма прослеживается фамильное сходство. Разумеется, вам я сообщаю только основные результаты исследования этого документа. Я сделал еще двадцать три заключения, которые интереснее экспертам, чем вам. И все они усиливали мое впечатление, что это письмо написали Каннингемы — отец и сын.

Когда я дошел до этого вывода, моим следующим шагом было изучить подробности преступления и посмотреть, не могут ли они нам помочь. Я отправился в усадьбу Каннингемов с инспектором и увидел все, что требовалось. Рана на теле убитого, как я мог установить с абсолютной уверенностью, была получена в результате револьверного выстрела, сделанного с расстояния примерно около четырех ярдов. На одежде не было никаких следов пороха. Поэтому Алек Каннингем явно солгал, сказав, что двое мужчин боролись друг с другом, когда прогремел выстрел. Далее, отец и сын одинаково показали место, где преступник выскочил на дорогу. Но в этом месте как раз проходит довольно широкая сырая канава. Поскольку в канаве не оказалось никаких следов, я твердо убедился не только в том, что Каннингемы опять солгали, но и в том, что на месте происшествия вообще не было никакого неизвестного человека.

Теперь мне надо было выяснить мотив этого редкостного преступления. Чтобы добраться до него, я решил прежде всего попробовать узнать, с какой целью была совершена первая кража со взломом у мистера Эктона. Как я понял со слов полковника, между вами, мистер Эктон, и Каннингемами велась тяжба. Разумеется, мне сразу же пришло на ум, что они проникли в вашу библиотеку, чтобы заполучить какой-то документ, который играет важную роль в деле.

— Совершенно верно, — сказал мистер Эктон, — насчет их намерений не может быть никаких сомнений. У меня есть неоспоримое право на половину их имения, и если бы только им удалось выкрасть одну важную бумагу — которая, к счастью, хранится в надежном сейфе моих поверенных, — они, несомненно, выиграли бы тяжбу.

— Вот то-то и оно! — сказал Холмс, улыбаясь. — Это была отчаянная, безрассудная попытка, в которой чувствуется влияние молодого Алека. Ничего не найдя, они попытались отвести подозрение, инсценировав обычную кражу со взломом, и с этой целью унесли что попалось под руку. Все это достаточно ясно, но многое оставалось для меня по-прежнему темным. Больше всего мне хотелось найти недостающую часть записки. Я был уверен, что Алек вырвал ее из рук мертвого, и почти уверен, что он сунул ее в карман своего халата. Куда еще он мог ее деть? Вопрос заключался в том, была ли она все еще там. Стоило приложить усилия, чтобы это выяснить, и ради этого мы все пошли в усадьбу.

Каннингемы присоединились к нам, как вы, несомненно, помните, в саду, около двери, ведущей на кухню. Конечно, было чрезвычайно важно не напомнить им о существовании этого документа, иначе они уничтожили бы его немедля. Инспектор был уже готов посвятить их в то, почему мы придавали такое значение этой бумажке, как благодаря счастливейшему случаю со мной сделалось нечто вроде припадка, и я грохнулся на землю, изменив таким образом тему разговора.

— Боже правый! — воскликнул полковник, смеясь. — Вы хотите сказать, что ваш припадок был ловкий трюк и мы зря вам сочувствовали?

— С профессиональной точки зрения это проделано великолепно! — воскликнул я, с изумлением глядя на Холмса, который не переставал поражать меня все новыми проявлениями своего изобретательного ума.

— Это — искусство, которое часто может оказаться полезным, — сказал он. — Когда я пришел в себя, мне удалось с помощью не такого уж хитрого приема заставить старого Каннингема написать слово «twelve», чтобы я мог сравнить его с тем же словом, написанным на нашем клочке.

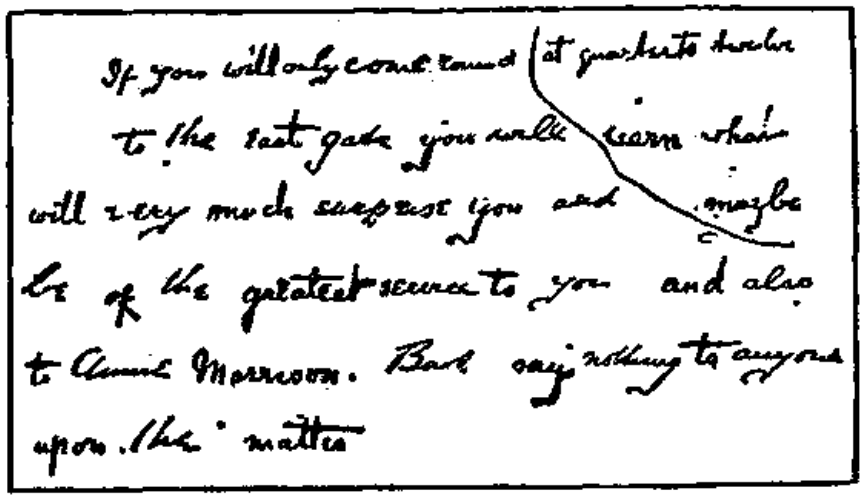
— Каким же идиотом я был! — воскликнул я.

— Я видел, какое сочувствие вызвала у вас моя слабость, — сказал Холмс, смеясь. — И мне было очень жаль огорчать вас, — ведь я знаю, как вы беспокоитесь обо мне. Затем мы все вместе отправились на второй этаж, и после того, как мы зашли в комнату младшего Каннингема и я приметил халат, висевший за дверью, я сумел отвлечь их внимание на минуту, перевернул стол и проскользнул обратно, чтобы обыскать карманы. Но только я успел достать бумажку, которая, как я ожидал, была в одном из них, как оба Каннингема накинулись на меня и убили бы меня на месте, если бы не ваша быстрая и дружная помощь. По правде говоря, я и сейчас чувствую железную хватку этого молодого человека у себя на горле, а отец чуть не вывернул мне кисть, стараясь вырвать у меня бумажку. Они поняли, что я знаю все, и внезапный переход от абсолютной безопасности к полному отчаянию сделал их невменяемыми.

Потом у меня был небольшой разговор со старым Каннингемом по поводу мотива этого преступления. Старик вел себя смирно, зато сын — сущий дьявол, и если бы он только мог добраться до своего револьвера, он пустил бы пулю в лоб себе или кому-нибудь еще. Когда Каннингем понял, что против него имеются такие тяжкие улики, он совсем пал духом и чистосердечно во всем признался. Оказывается, Уильям тайно следовал за своими хозяевами в ту ночь, когда они совершили свой налет на дом Эктона и, приобретя таким образом над ними власть, стал вымогать у них деньги под угрозой выдать их полиции. Однако мистер Алек был слишком опасной личностью, чтобы с ним можно было вести такую игру. В панике, охватившей всю округу после кражи со взломом, он поистине гениально усмотрел возможность отделаться от человека, которого он боялся. Итак, Уильям был завлечен в ловушку и убит, и если бы только они не оставили этого клочка бумаги и внимательнее отнеслись к подробностям своей инсценировки, возможно, на них никогда бы не пало подозрение.

— А записка? — спросил я.

Шерлок Холмс развернул перед нами записку, приложив к ней оторванный уголок.



— Нечто вроде этого я и ожидал найти. Конечно, мы еще не знаем, в каких отношениях были Алек Каннингем, Уильям Керван и Анни Моррисон. Результат показывает, что ловушка была подстроена искусно. Я уверен, что вам доставит удовольствие проследить родственные черты в буквах «р» и в хвостиках у буквы «g». Отсутствие точек в написании буквы «i» у Каннингема-отца тоже очень характерно. Уотсон, наш спокойный отдых в деревне, по-моему, удался как нельзя лучше, и я, несомненно, вернусь завтра на Бейкер-стрит со свежими силами.

Горбун

(Перевод Д.Жукова)

Однажды летним вечером, спустя несколько месяцев после моей женитьбы, я сидел у камина и, покуривая последнюю трубку, дремал над каким-то романом — весь день я был на ногах и устал до потери сознания. Моя жена поднялась наверх, в спальню, да и прислуга уже отправилась на покой — я слышал, как запирали входную дверь. Я встал и начал было выколачивать трубку, как раздался звонок.

Я взглянул на часы. Было без четверти двенадцать. Поздновато для гостя. Я подумал, что зовут к пациенту и чего доброго придется сидеть всю ночь у его постели. С недовольной гримасой я вышел в переднюю, отворил дверь. И страшно удивился — на пороге стоял Шерлок Холмс.

— Уотсон, — сказал он, — я надеялся, что вы еще не спите.

— Рад вас видеть. Холмс.

— Вы удивлены, и не мудрено! Но, я полагаю, у вас отлегло от сердца! Гм… Вы курите все тот же табак, что и в холостяцкие времена. Ошибки быть не может: на вашем костюме пушистый пепел. И сразу видно, что вы привыкли носить военный мундир, Уотсон. Вам никогда не выдать себя за чистокровного штатского, пока вы не бросите привычки засовывать платок за обшлаг рукава. Вы меня приютите сегодня?

— С удовольствием.

— Вы говорили, что у вас есть комната для одного гостя, и, судя по вешалке для шляп, она сейчас пустует.

— Я буду рад, если вы останетесь у меня.

— Спасибо. В таком случае я повешу свою шляпу на свободный крючок. Вижу, у вас в доме побывал рабочий. Значит, что-то стряслось. Надеюсь, канализация в порядке?

— Нет, это газ…

— Ага! на вашем линолеуме остались две отметины от гвоздей его башмаков… как раз в том месте, куда падает свет. Нет, спасибо, я уже поужинал в Ватерлоо, но с удовольствием выкурю с вами трубку.

Я вручил ему свой кисет, и он, усевшись напротив, некоторое время молча курил. Я прекрасно знал, что привести его ко мне в столь поздний час могло только очень важное дело, и терпеливо ждал, когда он сам заговорит.

— Вижу, сейчас вам много приходится заниматься вашим прямым делом, — сказал он, бросив на меня проницательный взгляд.

— Да, сегодня был особенно тяжелый день, — ответил я и, подумав, добавил: — Возможно, вы сочтете это глупым, но я не понимаю, как вы об этом догадались.

Холмс усмехнулся.

— Я ведь знаю ваши привычки, мой дорогой Уотсон, — сказал он. — Когда у вас мало визитов, вы ходите пешком, а когда много, — берете кэб. А так как я вижу, что ваши ботинки не грязные, а лишь немного запылились, то я, ни минуты не колеблясь, делаю вывод, что в настоящее время у вас работы по горло и вы ездите в кэбе.

— Превосходно! — воскликнул я.

— И совсем просто, — добавил он. — Это тот самый случай, когда можно легко поразить воображение собеседника, упускающего из виду какое-нибудь небольшое обстоятельство, на котором, однако, зиждется весь ход рассуждений. То же самое, мой дорогой Уотсон, можно сказать и о ваших рассказиках, интригующих читателя только потому, что вы намеренно умалчиваете о некоторых подробностях. Сейчас я нахожусь в положении этих самых читателей, так как держу в руках несколько нитей одного очень странного дела, объяснить

которое можно, только зная все его обстоятельства. И я их узнаю, Уотсон, непременно узнаю!

Глаза его заблестели, впалые щеки слегка зарумянились. На мгновение на лице отразился огонь его беспокойной, страстной натуры. Но тут же погас. И лицо опять стало бесстрастной маской, как у индейца. О Холмсе часто говорили, что он не человек, а машина.

— В этом деле есть интересные особенности, — добавил он. — Я бы даже сказал — исключительно интересные особенности. Мне кажется, я уже близок к его раскрытию. Остается выяснить немногое. Если бы вы согласились поехать со мной, вы оказали бы мне большую услугу.

— С великим удовольствием.

— Могли бы вы отправиться завтра в Олдершот?

— Конечно. Я уверен, что Джексон не откажется посетить моих пациентов.

— Поедем поездом, который отходит от Ватерлоо в десять часов одиннадцать минут.

— Прекрасно. Я как раз успею договориться с Джексоном.

— В таком случае, если вы не очень хотите спать, я коротко расскажу вам, что случилось и что нам предстоит.

— До вашего прихода мне очень хотелось спать. А теперь сна ни в одном глазу.

— Я буду краток, но постараюсь не упустить ничего важного. Возможно, вы читали в газетах об этом происшествии. Я имею в виду предполагаемое убийство полковника Барклея из полка «Роял Мэллоуз», расквартированного в Олдершоте.

— Нет, не читал.

— Значит, оно еще не получило широкой огласки. Не успело. Полковника нашли мертвым всего два дня назад. Факты вкратце таковы.

Как вы знаете, «Роял Мэллоуз» — один из самых славных полков британской армии. Он отличился и в Крымскую кампанию и во время восстания сипаев. До прошлого понедельника им командовал Джеймс Барклей, доблестный ветеран, который начал службу рядовым солдатом, был за храбрость произведен в офицеры и в конце концов стал командиром полка, в который пришел новобранцем.

Полковник Барклей женился, будучи еще сержантом. Его жена, в девичестве мисс Нэнси Дэвой, была дочерью отставного сержанта-знаменщика, когда-то служившего в той же части. Нетрудно себе представить, что в офицерской среде молодую пару приняли не слишком благожелательно. Но они, по-видимому, быстро освоились. Насколько мне известно, миссис Барклей всегда пользовалась расположением полковых дам, а ее супруг — своих сослуживцев-офицеров. Я могу еще добавить, что она была очень красива, и даже теперь, через тридцать лет, она все еще очень привлекательна.

Полковник Барклей бы, по-видимому, всегда счастлив в семейной жизни. Майор Мерфи, которому я обязан большей частью своих сведений, уверяет меня, что он никогда не слышал ни о каких размолвках этой четы. Но, в общем, он считает, что Барклей любил свою жену больше, чем она его. Расставаясь с ней даже на один день, он очень тосковал. Она же, хотя и была нежной и преданной женой, относилась к нему более ровно. В полку их считали образцовой парой. В их отношениях не было ничего такого, что могло бы хоть отдаленно намекнуть на возможность трагедии.

Характер у полковника Барклея был весьма своеобразный. Обычно веселый и общительный, этот старый служака временами становился вспыльчивым и злопамятным. Однако эта черта его характера, по-видимому, никогда не проявлялась по отношению к жене. Майора Мерфи и других трех офицеров из пяти, с которыми я беседовал, поражало угнетенное состояние, порой овладевавшее полковником. Как выразился майор, средь шумной и веселой застольной беседы нередко будто чья-то невидимая рука вдруг стирала улыбку с его губ. Когда на него находило, он помногу дней пребывал в сквернейшем настроении. Была у него в характере еще одна странность, замеченная сослуживцами, — он боялся оставаться один, и особенно в темноте. Эта ребяческая черта у человека, несомненно обладавшего мужественным характером, вызывала толки и всякого рода догадки.

Первый батальон полка «Роял Мэллоуз» квартировал уже несколько лет в Олдершоте.

Женатые офицеры жили де в казармах, и полковник все это время занимал виллу Лэчайн, находящуюся примерно в полумиле от Северного лагеря. Дом стоит в глубине сада, но его западная сторона всего ярдах в тридцати от дороги. Прислуга в доме — кучер, горничная и кухарка. Только они да их господин с госпожой жили в Лэчайн. Детей у Барклеев не было, а гости у них останавливались нечасто.

А теперь я расскажу о событиях, которые произошли в Лэчайн в этот понедельник между девятью и десятью часами вечера.

Миссис Барклей была, как оказалось, католичка и принимала горячее участие в деятельности благотворительного общества «Сент-Джордж», основанного при церкви на Уот-стрит, которое собирало и раздавало беднякам поношенную одежду. Заседание общества было назначено в тот день на восемь часов вечера, и миссис Барклей пообедала наскоро, чтобы не опоздать. Выходя из дому, она, по словам кучера, перекинулась с мужем несколькими ничего не значащими словами и обещала долго не задерживаться. Потом она зашла за мисс Моррисон, молодой женщиной, жившей в соседней вилле, и они вместе отправились на заседание, которое продолжалось минут сорок. В четверть десятого миссис Барклей вернулась домой, расставшись с мисс Моррисон у дверей виллы, в которой та жила.

Гостиная виллы Лэчайн обращена к дороге, и ее большая стеклянная дверь выходит на газон, имеющий в ширину ярдов тридцать и отделенный от дороги невысокой железной оградой на каменном основании. Вернувшись, миссис Барклей прошла именно в эту комнату. Шторы не были опущены, так как в ней редко сидят по вечерам, но миссис Барклей сама зажгла лампу, а затем позвонила и попросила горничную Джейн Стюарт принести ей чашку чаю, что было совершенно не в ее привычках. Полковник был в столовой; услышав, что жена вернулась, он потел к ней. Кучер видел, как он, миновав холл, вошел в комнату. Больше его в живых не видели.

Минут десять спустя чай был готов, и горничная понесла его в гостиную. Подойдя к двери, она с удивлением услышала гневные голоса хозяина и хозяйки. Она постучала, но никто не откликнулся. Тогда она повернула ручку, однако дверь оказалась запертой изнутри. Горничная, разумеется, побежала за кухаркой. Обе женщины, позвав кучера, поднялись в холл и стали слушать. Ссора продолжалась. За дверью, как показывают все трое, раздавались только два голоса — Барклея и его жены. Барклей говорил тихо и отрывисто, так что ничего нельзя было разобрать. Хозяйка же очень гневалась, и, когда повышала голос, слышно ее было хорошо. «Вы трус! — повторяла она снова и снова. — Что же теперь делать? Верните мне жизнь. Я не могу больше дышать с вами одним воздухом! Вы трус, трус!» Вдруг послышался страшный крик, это кричал хозяин, потом грохот и, наконец, душераздирающий вопль хозяйки. Уверенный, что случилась беда, кучер бросился к двери, за которой не утихали рыдания, и попытался высадить ее. Дверь не поддавалась. Служанки от страха совсем потеряли голову, и помощи от них не было никакой. Кучер вдруг сообразил, что в гостиной есть вторая дверь, выходящая в сад. Он бросился из дому. Одна из створок двери были открыта — дело обычное по летнему времени, — и кучер в мгновение ока очутился в комнате. На софе без чувств лежала его госпожа, а рядом с задранными на кресло ногами, с головой в луже крови на полу у каминной решетки распростерлось тело хозяина. Несчастный полковник был мертв.

Увидев, что хозяину уже ничем не поможешь, кучер решил первым делом отпереть дверь в холл. Но тут перед ним возникло странное и неожиданное препятствие. Ключа в двери не было. Его вообще не было нигде в комнате. Тогда кучер вышел через наружную дверь и отправился за полицейским и врачом. Госпожу, на которую, разумеется, прежде всего пало подозрение, в бессознательном состоянии отнесли в ее спальню. Тело полковника положили на софу, а место происшествия тщательно осмотрели.

На затылке каким-то тупым орудием. Каким — догадаться было нетрудно. На полу, рядом с трупом, валялась необычного вида дубинка, вырезанная из твердого дерева, с костяной ручкой. У полковника была коллекция всевозможного оружия, вывезенного из разных стран, где ему приходилось воевать, и полицейские высказали предположение, что дубинка принадлежит к числу его трофеев. Однако слуги утверждают, что прежде они этой дубинки не видели. Но так как в доме полно всяких диковинных вещей, то возможно, что они проглядели одну из них. Ничего больше полицейским обнаружить в комнате не удалось. Неизвестно было, куда девался ключ: ни в комнате, ни у миссис Барклей, ни у ее несчастного супруга его не нашли. Дверь в конце концов пришлось открывать местному слесарю.

Таково было положение вещей, Уотсон, когда во вторник утром по просьбе майора Мерфи я отправился в Олдершот, чтобы помочь полиции. Думаю, вы согласитесь со мной, что дело уже было весьма интересное, но, ознакомившись с ним подробнее, я увидел, что оно представляет

исключительный интерес.

Перед тем, как осмотреть комнату, я допросил слуг, но ничего нового от них не узнал. Только горничная Джейн Стюарт припомнила одну важную подробность. Услышав, что господа ссорятся, она пошла за кухаркой и кучером, если вы помните. Хозяин и хозяйка говорили очень тихо, так что о ссоре она догадалась скорее по их раздраженному тону, чем по тому, что они говорили. Но благодаря моей настойчивости она все-таки вспомнила одно слово из разговора хозяев: миссис Барклей дважды произнесла имя «Давид». Это очень важное обстоятельство — оно дает нам ключ к пониманию причины ссоры. Ведь полковника, как вы знаете, звали Джеймс.

В деле есть также обстоятельство, которое произвело сильнейшее впечатление и на слуг, и на полицейских. Лицо полковника исказил смертельный страх. Гримаса была так ужасна, что мороз продирал по коже. Было ясно, что полковник видел свою судьбу, и это повергло его в неописуемый ужас. Это, в общем, вполне вязалось с версией полиции о виновности жены, если, конечно, допустить, что полковник видел, кто наносит ему удар. А тот факт, что рана оказалась на затылке, легко объяснили тем, что полковник пытался увернуться. Миссис Барклей ничего объяснить не могла: после пережитого потрясения она находилась в состоянии временного беспамятства, вызванного нервной лихорадкой.

От полицейских я узнал еще, что мисс Моррисон, которая, как вы помните, возвращалась в тот вечер домой вместе с миссис Барклей, заявила, что ничего не знает о причине плохого настроения своей приятельницы.

Узнав все это, Уотсон, я выкурил несколько трубок подряд, пытаясь понять, что же главное в этом нагромождении фактов. Прежде всего бросается в глаза странное исчезновение дверного ключа. Самые тщательные поиски в комнате оказались безрезультатными. Значит, нужно предположить, что его унесли. Но ни полковник, ни его супруга не могли этого сделать. Это ясно. Значит, в комнате был кто-то третий. И этот третий мог проникнуть внутрь только через стеклянную дверь. Я сделал вывод, что тщательное обследование комнаты и газона могло бы обнаружить какие-нибудь следы этого таинственного незнакомца. Вы знаете мои методы, Уотсон. Я применил их все и нашел следы, но совсем не те, что ожидал. В комнате действительно был третий — он пересек газон со стороны дороги. Я обнаружил пять отчетливых следов его обуви — один на самой дороге, в том месте, где он перелезал через невысокую ограду, два на газоне и два, очень слабых, на крашеных ступенях лестницы, ведущей к двери, в которую он вошел. По газону он, по всей видимости, бежал, потому что отпечатки носков гораздо более глубокие, чем отпечатки каблуков. Но поразил меня не столько этот человек, сколько его спутник.

— Спутник?

Холмс достал из кармана большой лист папиросной бумаги и тщательно расправил его на колене.

— Как вы думаете, что это такое? — спросил он.

На бумаге были следы лап какого-то маленького животного. Хорошо заметны были отпечатки пяти пальцев и отметины, сделанные длинными когтями. Каждый след достигал размеров десертной ложки.

— Это собака, — сказал я.

— А вы когда-нибудь слышали, чтобы собака взбиралась вверх по портьерам? Это существо оставило следы и на портьере.

— Тогда обезьяна?

— Но это не обезьяньи следы.

— В таком случае, что бы это могло быть?

— Ни собака, ни кошка, ни обезьяна, ни какое бы то ни было другое известное вам животное! Я пытался представить себе его размеры. Вот видите, расстояние от передних лап до задних не менее пятнадцати дюймов. Добавьте к этому длину шеи и головы — и вы получите зверька длиной около двух футов, а возможно, и больше, если у него есть хвост. Теперь взгляните вот на эти следы. Они дают нам длину его шага, которая, как видите, постоянна и составляет всего три дюйма. А это значит, что у зверька длинное тело и очень короткие лапы. К сожалению, он не позаботился оставить нам где-нибудь хотя бы один волосок. Но, в общем, его

внешний вид ясен, он может лазать по портьерам. И, кроме того, наш таинственный зверь — существо плотоядное.

— А это почему?

— А потому, что над дверью, занавешенной портьерой, висит клетка с канарейкой. И зверек, конечно, взобрался по шторе вверх, рассчитывая на добычу.

— Какой же это все-таки зверь?

— Если бы я это знал, дело было бы почти раскрыто. Я думаю, что этот зверек из семейства ласок или горностаев. Но, если память не изменяет мне, он больше и ласки и горностая.

— А в чем заключается его участие в этом деле?

— Пока не могу сказать. Но согласитесь, нам уже многое известно. Мы знаем, во-первых, что какой-то человек стоял на дороге и наблюдал за ссорой Барклеев: ведь шторы были подняты, а комната освещена. Мы знаем также, что он перебежал через газон в сопровождении какого-то странного зверька и либо ударил полковника, либо, тоже вероятно, полковник, увидев нежданного гостя, так испугался, что лишился чувств и упал, ударившись затылком об угол каминной решетки. И, наконец, мы знаем еще одну интересную деталь: незнакомец, побывавший в этой комнате, унес с собой ключ.

— Но ваши наблюдения и выводы, кажется, еще больше запутали дело, — заметил я.

— Совершенно верно. Но они с несомненностью показали, что первоначальные предположения неосновательны. Я продумал все снова и пришел к заключению, что должен рассмотреть это дело с иной точки зрения. Впрочем, Уотсон, вам давно уже пора спать, а все остальное я могу с таким же успехом рассказать вам завтра по пути в Олдершот.

— Покорно благодарю, вы остановились на самом интересном месте.

— Ясно, что когда миссис Барклей уходила в половине восьмого из дому, она не была сердита на мужа. Кажется, я упоминал, что она никогда не питала к нему особенно нежных чувств, но кучер слышал, как она, уходя, вполне дружелюбно болтала с ним. Вернувшись же, она тотчас пошла в комнату, где меньше всего надеялась застать супруга, и попросила чаю, что говорит о расстроенных чувствах. А когда в гостиную вошел полковник, разразилась буря. Следовательно, между половиной восьмого и девятью часами случилось что-то такое, что совершенно переменило ее отношение к нему. Но в течение всего этого времени с нею неотлучно была мисс Моррисон, из чего следует, что мисс Моррисон должна что-то знать, хотя она и отрицает это.

Сначала я предположил, что у молодой женщины были с полковником какие-то отношения, в которых она и призналась его жене. Это объясняло, с одной стороны, почему миссис Барклей вернулась домой разгневанная, а с другой — почему мисс Моррисон отрицает, что ей что-то известно. Это соображение подкреплялось и словами миссис Барклей, сказанными во время ссоры. Но тогда при чем здесь какой-то Давид? Кроме того, полковник любил свою жену, и трудно было предположить существование другой женщины. Да и трагическое появление на сцене еще одного мужчины вряд ли имеет связь с предполагаемым признанием мисс Моррисон. Нелегко было выбрать верное направление. В конце концов я отверг предположение, что между полковником и мисс Моррисон что-то было. Но убеждение, что девушка знает причину внезапной ненависти миссис Барклей к мужу, стало еще сильнее. Тогда я решил пойти прямо к мисс Моррисон и сказать ей, что я не сомневаюсь в ее осведомленности и что ее молчание может дорого обойтись миссис Барклей, которой наверняка предъявят обвинение в убийстве.

Мисс Моррисон оказалась воздушным созданием с белокурыми волосами и застенчивым взглядом, но ей ни в коем случае нельзя было отказать ни в уме, ни в здравом смысле. Выслушав меня, она задумалась, потом повернулась ко мне с решительным видом и сказала мне следующие замечательные слова.

— Я дала миссис Барклей слово никому ничего не говорить. А слово надо держать, — сказала она. — Но, если я могу ей помочь, когда против нее выдвигается такое серьезное обвинение, а она сама, бедняжка, не способна защитить себя из-за болезни, то, я думаю, мне будет простительно нарушить обещание. Я расскажу вам абсолютно все, что случилось с нами в понедельник вечером.

Мы возвращались из церкви на Уот-стрит примерно без четверти девять. Надо было идти по

очень пустынной улочке Хадсон-стрит. Там на левой стороне горит всего один фонарь, и, когда мы приближались к нему, я увидела сильно сгорбленного мужчину, который шел нам навстречу с каким-то ящиком, висевшим через плечо. Это был калека, весь скрюченный, с кривыми ногами. Мы поравнялись с ним как раз в том месте, где от фонаря падал свет. Он поднял голову, посмотрел на нас, остановился как вкопанный и закричал душераздирающим голосом: «О, Боже, ведь это же Нэнси!» Миссис Барклей побелела как мел и упала бы, если бы это ужасное существо не подхватило ее. Я уже было хотела позвать полицейского, но, к моему удивлению, они заговорили вполне мирно.

«Я была уверена, Генри, все эти тридцать лет, что тебя нет в живых», — сказала миссис Барклей дрожащим голосом.

«Так оно и есть».

Эти слова были сказаны таким тоном, что у меня сжалось сердце. У несчастного было очень смуглое и сморщенное, как печеное яблоко, лицо, совсем седые волосы и бакенбарды, а сверкающие его глаза до сих пор преследуют меня по ночам.

«Иди домой, дорогая, я тебя догоню, — сказала миссис Барклей. — Мне надо поговорить с этим человеком наедине. Бояться нечего».

Она бодрилась, но по-прежнему была смертельно бледна, и губы у нее дрожали.

Я пошла вперед, а они остались. Говорили они всего несколько минут. Скоро миссис Барклей догнала меня, глаза ее горели. Я обернулась: несчастный калека стоял под фонарем и яростно потрясал сжатыми кулаками, точно он потерял рассудок. До самого моего дома она не произнесла ни слова и только у калитки взяла меня за руку и стала умолять никому не говорить о встрече.

«Это мой старый знакомый. Ему очень не повезло в жизни», — сказала она.

Я пообещала ей, что не скажу никому ни слова, тогда она поцеловала меня и ушла. С тех пор мы с ней больше не виделись. Я рассказала вам всю правду, и если я скрыла ее от полиции, так только потому, что не понимала, какая опасность грозит миссис Барклей. Теперь я вижу, что ей можно помочь, только рассказав все без утайки.

Вот что я узнал он мисс Моррисон. Как вы понимаете, Уотсон, ее рассказ был для меня лучом света во мраке ночи. Все прежде разрозненные факты стали на свои места, и я уже смутно предугадывал истинный ход событий. Было очевидно, что я должен немедленно разыскать человека, появление которого так потрясло миссис Барклей. Если он все еще в Олдершоте, то сделать это было бы нетрудно. Там живет не так уж много штатских, а калека, конечно, привлекает к себе внимание. Я потратил на поиски день и к вечеру нашел его. Это Генри Вуд. Он снимает квартиру на той самой улице, где его встретили дамы. Живет он там всего пятый день. Под видом служащего регистратуры я зашел к его квартирной хозяйке, и та выболтала мне весьма интересные сведения. По профессии этот человек — фокусник; по вечерам он обходит солдатские кабачки и дает в каждом небольшое представление. Он носит с собой в ящике какое-то животное. Хозяйка очень боится его, потому что никогда не видела подобного существа. По ее словам, это животное участвует в некоторых его трюках. Вот и все, что удалось узнать у хозяйки, которая еще добавила, что удивляется, как он, такой изуродованный, вообще живет на свете, и что по ночам он говорит иногда на каком-то незнакомом языке, а две последние ночи — она слышала — он стонал и рыдал у себя в спальне. Что же касается денег, то они у него водятся, хотя в задаток он дал ей, похоже, фальшивую монету. Она показала мне монету, Уотсон. Это была индийская рупия.

Итак, мой дорогой друг, вы теперь точно знаете, как обстоит дело и почему я просил вас поехать со мной. Очевидно, что после того, как дамы расстались с этим человеком, он пошел за ними следом, что он наблюдал за ссорой между мужем и женой через стеклянную дверь, что он ворвался в комнату и что животное, которое он носит с собой в ящике, каким-то образом очутилось на свободе. Все это не вызывает сомнений. Но самое главное — он единственный человек на свете, который может рассказать нам, что же, собственно, произошло в комнате.

— И вы собираетесь расспросить его?

— Безусловно… но в присутствии свидетеля.

— И этот свидетель я?

— Если вы будете так любезны. Если он все откровенно расскажет, то и хорошо. Если же нет, нам ничего не останется, как требовать его ареста.

— Но почему вы думаете, что он будет еще там, когда мы приедем?

— Можете быть уверены, я принял некоторые меры предосторожности. Возле его дома стоит на часах один из моих мальчишек с Бейкер-стрит. Он вцепился в него, как клещ, и будет следовать за ним, куда бы он не пошел. Так что мы встретимся с ним завтра на Хадсон-стрит, Уотсон. Ну, а теперь... С моей стороны было бы преступлением, если бы я сейчас же не отправил вас спать.

Мы прибыли в городок, где разыгралась трагедия, ровно в полдень, и Шерлок Холмс сразу же повел меня на Хадсон-стрит. Несмотря на его умение скрывать свои чувства, было заметно, что он едва сдерживает волнение, да и сам я испытывал полуспортивный азарт, то захватывающее любопытство, которое я всегда испытывал, участвуя в расследованиях Холмса.

— Это здесь, — сказал он, свернув на короткую улицу, застроенную простыми двухэтажными кирпичными домами. — А вот и Симпсон. Послушаем, что он скажет.

— Он в доме, мистер Холмс! — крикнул, подбежав к нам, мальчишка.

— Прекрасно, Симпсон! — сказал Холмс и погладил его по голове. — Пойдемте, Уотсон. Вот этот дом.

Он послал свою визитную карточку с просьбой принять его по важному делу, и немного спустя мы уже стояли лицом к лицу с тем самым человеком, ради которого приехали сюда. Несмотря на теплую погоду, он льнул к пылавшему камину, а в маленькой комнате было жарко, как в духовке. Весь скрюченный, сгорбленный человек этот сидел на стуле в невообразимой позе, не оставляющей сомнения, что перед нами калека. Но его лицо, обращенное к нам, хотя и было изможденным и загорелым до черноты, носило следы красоты замечательной. Он подозрительно посмотрел на нас желтоватыми, говорящими о больной печени, глазами и, молча, не вставая, показал рукой на два стула.

— Я полагаю, что имею дело с Генри Вудом, недавно прибывшим из Индии? — вежливо осведомился Холмс. — Я пришел по небольшому делу, связанному со смертью полковника Барклея.

— А какое я имею к этому отношение?

— Вот это я и должен установить. Я полагаю, вы знаете, что если истина не откроется, то миссис Барклей, ваш старый друг, предстанет перед судом по обвинению в убийстве?

Человек вздрогнул.

— Я не знаю, кто вы, — закричал он, — и как вам удалось узнать то, что вы знаете, но клянетесь ли вы, что сказали правду?

— Конечно. Ее хотят арестовать, как только к ней вернется разум.

— Господи! А вы сами из полиции?

— Нет.

— Тогда какое же вам дело до всего этого?

— Стараться, чтобы свершилось правосудие, — долг каждого человека.

— Я даю вам слово, что она невиновна.

— В таком случае виновны вы.

— Нет, и я невиновен.

— Тогда кто же убил полковника Барклея?

— Он пал жертвой самого провидения. Но знайте же: если бы я вышиб ему мозги, что, в сущности, я мечтал сделать, то он только получил бы по заслугам. Если бы его не поразил удар от сознания собственной вины, весьма возможно, я бы сам обагрил руки его кровью. Хотите, чтобы я рассказал вам, как все было? А почему бы и не рассказать? Мне стыдиться

нечего.

Дело было так, сэр. Вы видите, спина у меня сейчас горбатая, как у верблюда, а ребра все срослись вкривь и вкось, но было время, когда капрал Генри Вуд считался одним из первых красавцев в сто семнадцатом пехотном полку. Мы тогда были в Индии, стояли лагерем возле городка Бхарти. Барклей, который умер на днях, был сержантом в той роте, где служил я, а первой красавицей полка… да и вообще самой чудесной девушкой на свете была Нэнси Дэвой, дочь сержанта-знаменщика. Двое любили ее, а она любила одного; вы улыбнетесь, взглянув на несчастного калеку, скрючившегося у камина, который говорит, что когда-то он был любим за красоту. Но, хотя я и покорил ее сердце, отец хотел, чтобы она вышла замуж за Берклея. Я был ветреный малый, отчаянная голова, а он имел образование и уже был намечен к производству в офицеры. Но Нэнси была верна мне, и мы уже думали пожениться, как вдруг вспыхнул бунт и страна превратилась в ад кромешный.

Нас осадили в Бхарти — наш полк, полубатарею артиллерии, роту сикхов и множество женщин и всяких гражданских. Десять тысяч бунтовщиков стремились добраться до нас с жадностью своры терьеров, окруживших клетку с крысами. Примерно на вторую неделю осады у нас кончилась вода, и было сомнительно, чтобы мы могли снестись с колонной генерала Нилла, которая отступила в глубь страны. В этом было наше единственное спасение, так как надежды пробиться со всеми женщинами и детьми не было никакой. Тогда я вызвался пробраться сквозь осаду и известить генерала Нилла о нашем бедственном положении. Мое предложение было принято; я посоветовался с сержантом Барклеем, который, как считалось, лучше всех знал местность, и он объяснил мне, как лучше пробраться через линии бунтовщиков. В тот же вечер, в десять часов, я отправился в путь. Мне предстояло спасти тысячи жизней, но в тот вечер я думал только об одной.

Мой путь лежал по руслу пересохшей реки, которое, как мы надеялись, скроет меня от часовых противника, но только я ползком одолел первый поворот, как наткнулся на шестерых бунтовщиков, которые, притаившись в темноте, поджидали меня. В то же мгновение удар по голове оглушил меня. Очнулся я у врагов, связанный по рукам и ногам. И тут я получил смертельный удар в самое сердце: прислушавшись к разговору врагов, я понял, что мой товарищ, тот самый, что помог мне выбрать путь через вражеские позиции, предал меня, известив противника через своего слугу-туземца.

Стоит ли говорить, что было дальше? Теперь вы знаете, на что был способен Джеймс Барклей. На следующий день подоспел на выручку генерал Нилл, и осада была снята, но, отступая, бунтовщики захватили меня с собой. И прошло много-много лет, прежде чем я снова увидел белые лица. Меня пытали, я бежал, меня поймали и снова пытали. Вы видите, что они со мной сделали. Потом бунтовщики бежали в Непал и меня потащили с собой. В конце концов я очутился в горах за Дарджилингом. Но горцы перебили бунтовщиков, и я стал пленником горцев, покуда не бежал. Путь оттуда был только один — на север. И я оказался у афганцев. Там я бродил много лет и в конце концов вернулся в Пенджаб, где жил по большей части среди туземцев и зарабатывал на хлеб, показывая фокусы, которым я к тому времени научился. Зачем было мне, жалкому калеке, возвращаться в Англию и искать старых товарищей? Даже жажда мести не могла заставить меня решиться на этот шаг. Я предпочитал, чтобы Нэнси и мои старые друзья думали, что Генри Вуд умер с прямой спиной, я не хотел предстать перед ними похожим на обезьяну. Они не сомневались, что я умер, и мне хотелось, чтобы они так и думали. Я слышал, что Барклей женился на Нэнси и что он сделал блестящую карьеру в полку, но даже это не могло вынудить меня заговорить.

Но когда приходит старость, человек начинает тосковать по родине. Долгие годы я мечтал о ярких зеленых полях и живых изгородях Англии. И я решил перед смертью повидать их еще раз. Я скопил на дорогу денег и вот поселился здесь, среди солдат, — я знаю, что им надо, знаю, чем их позабавить, и заработанного вполне хватает мне на жизнь.

— Ваш рассказ очень интересен, — сказал Шерлок Холмс. — О вашей встрече с миссис Барклей и о том, что вы узнали друг друга, я уже слышал. Как я могу судить, поговорив с миссис Барклей, вы пошли за ней следом и стали свидетелем ссоры между женой и мужем. В тот вечер миссис Барклей бросила в лицо мужу обвинение в совершенной когда-то подлости. Целая буря чувств вскипела в вашем сердце, вы не выдержали, бросились к дому и ворвались в комнату…

— Да, сэр, все именно так и было. Когда он увидел меня, лицо у него исказилось до неузнаваемости. Он покачнулся и тут же упал на спину, ударившись затылком о каминную решетку. Но он умер не от удара, смерть поразила его сразу, как только он увидел меня. Я это прочел на его лице так же просто, как читаю сейчас вон ту надпись над камином. Мое появление было для него выстрелом в сердце.

— А потом?

— Нэнси потеряла сознание, я взял у нее из руки ключ, думая отпереть дверь и позвать на помощь. Вложив ключ в скважину, я вдруг сообразил, что, пожалуй, лучше оставить все как есть и уйти, ведь дело очень легко может обернуться против меня. И уж, во всяком случае, секрет мой, если бы меня арестовали, стал бы известен всем. В спешке я опустил ключ в карман, а ловя Тедди, который успел взобраться на портьеру, потерял палку. Сунув его в ящик, откуда он каким-то образом улизнул, я бросился вон из этого дома со всей быстротой, на какую были способны мои ноги.

— Кто этот Тедди? — спросил Холмс.

Горбун наклонился и выдвинул переднюю стенку ящика, стоявшего в углу. Тотчас из него показался красивый красновато-коричневый зверек, тонкий и гибкий, с лапками горностая, с длинным, тонким носом и парой самых прелестных глазок, какие я только видел у животных.

— Это же мангуста! — воскликнул я.

— Да, — кивнув головой, сказал горбун. — Одни называют его мангустом, а другие фараоновой мышью. Змеелов — вот как зову его я. Тедди замечательно быстро расправляется с кобрами. У меня здесь есть одна, у которой вырваны ядовитые зубы. Тедди ловит ее каждый вечер, забавляя солдат. Есть еще вопросы, сэр?

— Ну что ж, возможно, мы еще обратимся к вам, но только в том случае, если миссис Барклей придется действительно туго.

— Я всегда к вашим услугам.

— Если же нет, то вряд ли стоит ворошить прошлую жизнь покойного, как бы отвратителен ни был его поступок. У вас по крайней мере есть то удовлетворение, что он тридцать лет мучился угрызениями совести. А это, кажется, майор Мерфи идет по той стороне улицы? До свидания, Вуд. Хочу узнать, нет ли каких новостей со вчерашнего дня.

Мы догнали майора, прежде чем он успел завернуть за угол.

— А, Холмс, — сказал он. — Вы уже, вероятно, слышали, что весь переполох кончился ничем.

— Да? Но что же все-таки выяснилось?

— Медицинская экспертиза показала, что смерть наступила от апоплексии. Как видите, дело оказалось самое простое.

— Да, проще не может быть, — сказал, улыбаясь, Холмс. — Пойдем, Уотсон, домой. Не думаю, чтобы наши услуги еще были нужны в Олдершоте.

— Но вот что странно, — сказал я по дороге на станцию. — Если мужа звали Джеймсом, а того несчастного — Генри, то при чем здесь Давид?

— Мой дорогой Уотсон, одно это имя должно было бы раскрыть мне глаза, будь я тем идеальным логиком, каким вы любите меня описывать. Это слово было брошено в упрек.

— В упрек?

— Да. Как вам известно, библейский Давид то и дело сбивался с пути истинного и однажды забрел туда же, куда и сержант Джеймс Барклей. Помните то небольшое дельце с Урией и Вирсавией? Боюсь, я изрядно подзабыл Библию, но, если мне не изменяет память, вы его найдете в первой или второй книге Царств.

Постоянный пациент

(Перевод Д.Жукова)

Просматривая довольно непоследовательные записки, коими я пытался проиллюстрировать особенности мышления моего друга мистера Шерлока Холмса, я вдруг обратил внимание на то, как трудно было подобрать примеры, которые всесторонне отвечали бы моим целям. Ведь в тех случаях, когда Холмс совершил tour de force аналитического мышления и демонстрировал значение своих особых методов расследования, сами факты часто бывали столь незначительны и заурядны, что я не считал себя вправе опубликовывать их. С другой стороны, нередко случалось, что он занимался расследованиями некоторых дел, имевших по своей сути выдающийся и драматический характер, не роль Холмса в их раскрытии была менее значительная, чем это хотелось бы мне, его биографу. Небольшое дело, которое я описал под заглавием «Этюд в багровых тонах», и еще одно, более позднее, связанное с исчезновением «Глории Скотт», могут послужить примером тех самых сцилл и харибд, которые извечно угрожают историку. Быть может, роль, сыгранная моим другом в деле, к описанию которого я собираюсь приступить, и не очень видна, но все же обстоятельства дела настолько значительны, что я не могу позволить себе исключить его из своих записок.

Был душный пасмурный октябрьский день, к вечеру, однако, повеяло прохладой.

— А что, если нам побродить по Лондону, Уотсон? — сказал мой друг.

Сидеть в нашей маленькой гостиной было невмоготу, и я охотно согласился. Мы гуляли часа три по Флит-стрит и Стрэнду, наблюдая за калейдоскопом уличных сценок. Беседа с Холмсом, как всегда очень наблюдательным и щедрым на остроумные замечания, была захватывающе интересна.

Мы вернулись на Бейкер-стрит часов в десять. У подъезда стоял экипаж.

— Гм! Экипаж врача… — сказал Холмс. — Практикует не очень давно, но уже имеет много пациентов. Полагаю, приехал просить нашего совета! Как хорошо, что мы вернулись!

Я был достаточно сведущ в дедуктивном методе Холмса, чтобы проследить ход его мыслей. Стоило ему заглянуть в плетеную сумку, висевшую в экипаже и освещенную уличным фонарем, как по характеру и состоянию медицинских инструментов он мгновенно сделал вывод, чей это экипаж. А свет в окне одной из наших комнат во втором этаже говорил о том, что этот поздний гость приехал именно к нам. Мне было любопытно, что бы это могло привести моего собрата-медика в столь поздний час, и я проследовал за Холмсом в наш кабинет.

Когда мы вошли, со стула у камина поднялся бледный узколицый человек с рыжеватыми бакенбардами. Ему было не больше тридцати трех-тридцати четырех лет, но выглядел он старше. Судя по ему унылому лицу землистого оттенка, жизнь не баловала его. Как и все легкоранимые люди, он был и порывист и застенчив, а его худая белая рука, которой он, вставая, взялся за каминную доску, казалась скорей рукой художника, а не хирурга. Одежда на нем была спокойных тонов: черный сюртук, темные брюки, цветной, но скромный галстук.

— Добрый вечер, доктор, — любезно сказал Холмс. — Рад, что вам пришлось ждать лишь несколько минут.

— Вы что же, говорили с моим кучером?

— Нет, я определил это по свече, которая стоит на столике. Пожалуйста, садитесь и расскажите, чем могу служить.

— Я доктор Перси Тревельян, — сказал наш гость. — Я живу в доме номер четыреста три, по Брук-стрит.

— Не вы ли автор монографии о редких нервных болезнях? — спросил я.

Когда он услышал, что я знаком с его книгой, бледные его щеки порозовели от удовольствия.

— На эту работу так редко ссылаются, что я уже совсем похоронил ее, — сказал он. — Мои издатели говорили мне, что она раскупается убийственно плохо. А вы сами, я полагаю, тоже врач?

— Военный хирург в отставке.

— Я всегда увлекался нервными заболеваниями и хотел бы специализироваться на них, но приходится довольствоваться тем, что есть. Впрочем, мистер Шерлок Холмс, это не относится к делу, и я вполне понимаю, что у вас каждая минута на счету. С некоторых пор у меня в доме на Брук-стрит происходят очень странные вещи, а сегодня вечером дело приняло такой оборот, что я больше не мог ждать ни часа и принужден был приехать к вам, чтобы просить вашего совета и помощи.

Шерлок Холмс сел и раскурил трубку.

— Располагайте мною, — сказал он. — Расскажите подробно, что вас встревожило.

— Сущие пустяки, — сказал доктор Тревельян, — я мне даже стыдно говорить о них. Однако они привели меня в растерянность, а последнее происшествие таково, что я лучше расскажу вам все по порядку, и вы уже сами решите, что существенно, а что нет.

Придется начать с того, как я учился. Видите ли, я закончил Лондонский университет, и не думайте, что я пою себе дифирамбы, но мои профессора возлагали на меня большие надежды. По окончании университета я не бросил исследовательской работы и остался на небольшой должности в клинике при Королевском колледже. Мне посчастливилось привлечь внимание к своей работе о редких случаях каталепсии и в конце концов получить премию Брюса Пинкертона и медаль за свою монографию о нервных болезнях, только что упомянутую вашим другом. Скажу, не преувеличивая, что в то время мне все прочили блестящую будущность.

У меня было одно препятствие: я был беден. Меня нетрудны понять — врачу-специалисту, который метит высоко, надо начинать свою карьеру на одной из улиц, примыкающих к Кавендиш-сквер. где снять и обставить квартиру стоит безумных денег. Не говоря уже об этих издержках, надо еще как-то жить в течение нескольких лет и при этом держать приличный выезд. Вес это было мне не по карману, и я решил вести экономную жизнь и копить деньги, чтобы лет через десять можно было заняться частной практикой. И вдруг мне помог случай.

Однажды утром ко мне в комнату ввалился совершенно незнакомый человек, некий господин Блессингтон, и с ходу приступил к делу.

«Вы тот самый Перси Тревельян, который за выдающиеся успехи недавно получил премию?» — спросил он.

Я поклонился.

«Отвечайте мне прямо, — продолжал он, — так как это в ваших же интересах. Чтобы иметь успех, ума у вас хватит. А вот как насчет такта?»

Услышав этот неожиданный вопрос, я не мог не улыбнуться.

«Наверно, я не лишен этого достоинства».

«У вас есть какие-нибудь дурные привычки? Вы выпиваете, а?»

«Да что вы в самом деле, сэр!» — воскликнул я.

«Ладно, ладно! Тогда все в порядке. Но я был обязан спросить. Как же вы с такой головой и не у дел?»

Я пожал плечами.

«Да, ну же! — сказал он со свойственной ему живостью. — Старая история. В голове у вас больше, чем в кармане, а? А чтобы вы сказали, если бы для начала я помог вам обосноваться на Брук-стрит?»

Я смотрел на него в изумлении.

«О, это я ради собственной выгоды, не вашей, — сказал он. — Сказать откровенно, — если это подойдет вам, то обо мне и говорить нечего. Видите ли, у меня есть несколько лишних тысяч, и я думаю вложить этот капитал в вас».

«Но почему?» — едва мог вымолвить я.

«Ну, это такое же прибыльное дело, как и всякое другое, только более безопасное».

«И что я должен делать?»

«Сейчас объясню. Я сниму дом, обставлю его, буду платить слугам… Словом, заправлять всем. Вам остается только просиживать штаны в кабинете. Я дам вам денег на мелкие расходы и все прочее. Вы будете отдавать мне три четверти своего заработка, остальное оставлять себе».

— Вот с таким странным предложением, мистер Холмс, и обратился ко мне этот Блессингтон. Я не буду злоупотреблять вашим терпением, излагая подробности наших переговоров. На Благовещенье я переехал и стал принимать больных, рассчитываясь с мистером Блессингтоном почти на тех самых условиях, которые он предложил. Он и сам поселился тут же в доме, став чем-то вроде постоянного пациента, живущего при кабинете врача. Оказалось, что у него слабое сердце и он нуждается в постоянном наблюдении. Две лучшие комнаты на втором этаже он занял под собственные гостиную и спальню. Привычки у него были странные — он избегал общества и очень редко выходил. Не отличаясь особой пунктуальностью, он был сама пунктуальность лишь в одном. Каждый вечер в один и тот же час он заходил в мой кабинет, просматривал книгу приема больных, откладывал пять шиллингов и три пенса из каждой заработанной мною гинеи и забирал все остальные деньги, пряча их в сундук, стоявший в его комнате. Скажу вам откровенно, что у него ни разу не было оснований сожалеть о помещении своего капитала. С самого начала дело оказалось прибыльным. Первые же успехи и репутация, которую я завоевал в клинике, позволили мне быстро выдвинуться, и за последние два года я обогатил его.

Таковы, мистер Холмс, мое прошлое и мои отношения с мистером Блессингтоном. Остается только рассказать, какие события привели меня сегодня к вам.

Несколько недель назад мистер Блессингтон вошел в мой кабинет в очень возбужденном состоянии. Он говорил о каком-то ограблении, которое, по его словам, было совершенно в Вест-Энде. Это, насколько мне помнится, сильно взволновало его, и он заявил, что мы должны поставить дополнительные засовы на двери и окна, не откладывая этого дела ни на день. Целую неделю он пребывал в страшном беспокойстве, то и дело выглядывая из окон и прекратив короткие прогулки, которые обычно совершал перед обедом. Наблюдая его поведение, я вдруг подумал, что он смертельно боится чего-то или кого-то, но, когда я спросил его об этом прямо, он стал так ругаться, что я принужден был прекратить разговор. Со временем его страхи постепенно рассеялись, и он вернулся было к прежним привычкам, как вдруг новое событие повергло его в такое состояние, что на него просто жалко было смотреть. В нем он пребывает и по сей день.

А случилось вот что. Два дня назад я получил письмо, которое я сейчас прочту вам. На нем нет ни обратного адреса, ни даты отправления.

«Русский дворянин, живущий в настоящее время в Англии — говорится в нем, — был бы весьма признателен, если бы доктор Перси Тревельян согласился принять его. Вот уже несколько лет он страдает припадками каталепсии, а, как известно, доктор Тревельян — знаток этой болезни. Он предполагает зайти завтра в четверть седьмого вечера, если доктор Тревельян сочтет для себя удобным находиться дома в это время».

Это письмо меня заинтересовало, так как каталепсия — заболевание очень редкое. Ровно в назначенный час я был у себя в кабинете. Слуга ввел пациента.

Это был пожилой человек, худой, серьезный, обладающий самой заурядной внешностью, — русского дворянина я представлял себе совсем другим. Гораздо больше меня поразила наружность его товарища — высокого молодого человека, удивительно красивого, со смуглым злым лицом и руками, ногами и грудью Геркулеса. Он поддерживал своего спутника под локоть и помог ему сесть на стул с такой заботливостью, какой вряд ли можно было ожидать от человека его внешности.

«Простите, доктор, что я вошел тоже, — сказал он мне по-английски, но несколько пришепетывая. — Это мой отец, и его здоровье для меня все».

Я был тронут сыновней тревогой.

«Может быть, вы хотите остаться с отцом во время приема?» — спросил я.

«Боже упаси! — воскликнул он, в ужасе всплеснув руками. — Я не могу выразить, как больно мне смотреть на отца. Если с ним случится один из его ужасных припадков, я не переживу. У меня самого исключительно чувствительная нервная система. С вашего позволения, пока вы будете заниматься отцом, я подожду в приемной».

Я, разумеется, согласился, и молодой человек вышел. Я стал расспрашивать пациента о его болезни и вел подробные записи. Он не отличался умом, и ответы его часто были невразумительны, что я относил за счет плохого владения языком. Вдруг он вообще перестал отвечать на мои вопросы, и, обернувшись к нему, я с удивлением увидел, что он сидит на стуле очень прямо, с неподвижным лицом и смотрит на меня в упор бессмысленным взглядом. У него снова начался приступ его загадочной болезни.

Сначала я почувствовал жалость и страх. Но потом, как ни стыдно признаться, профессиональный интерес взял верх. Я записывал температуру и пульс своего пациента, проверял неподвижность его мышц, обследовал рефлексы. Никаких отклонений от моих прежних наблюдений не было. В подобных случаях я получал хорошие результаты путем ингаляции нитрита амила, и сейчас, кажется, представилась превосходная возможность еще раз проверить эффективность этого лекарства. Бутыль с лекарством была в моей лаборатории на первом этаже. Оставив пациента на стуле, я побежал за ней. Ища бутыль, я замешкался и вернулся… скажем, минут через пять. Представьте мое изумление, когда я обнаружил, что комната пуста, а моего пациента и след простыл!

Первым делом я, разумеется, выбежал в приемную. Сын ушел тоже. Дверь в прихожую была закрыта, но не заперта. Мой слуга-мальчик, который пускает пациентов еще неопытен и далеко не отличается расторопностью. Он ждет внизу и бежит наверх, чтобы проводить пациентов к двери, когда я звоню из кабинета. Он ничего не слышал, и все это оставалось для меня полнейшей загадкой. Немного погодя пришел с прогулки мистер Блессингтон. Я ему ничего не сказал, потому что последнее время, по правде говоря, старался общаться с ним как можно меньше.

Я никогда не думал, что мне придется увидеть русского и его сына еще раз, и поэтому можете представить себе мое удивление, когда сегодня вечером они оба явились ко мне в кабинет в тот же час.

«Я очень прошу вас извинить меня за вчерашний неожиданный уход, доктор», — сказал мой пациент.

«Признаться, я очень удивился», — сказал я.

«Видите ли, дело в том, — пояснил он, — что когда я прихожу в себя после припадков, то почти ничего не помню, что со мной было до этого. Я очнулся, как мне показалось, в незнакомой комнате и в изумлении поспешил выйти на улицу».

«А я, — добавил сын, — увидев, что отец прошел через приемную, естественно, подумал, что прием закончился. И только когда мы пришли домой, я стал понимать, что произошло».

«Ну, что ж, — сказал я, рассмеявшись, — ничего серьезного не случилось, разве что вы заставили меня поломать голову. Итак, не соблаговолите ли, сэр, пройти в приемную, а я снова займусь вашим отцом».

Примерно полчаса старый джентльмен рассказывал мне о симптомах болезни, а потом, выписав рецепт, я проводил его к сыну.

Я уже говорил вам, что в этот час мистер Блессингтон обычно прогуливался. Вскоре он пришел и поднялся наверх. И тотчас я услышал, как он сбегает вниз. Мистер Блессингтон ворвался ко мне в кабинет в паническом страхе.

«Кто заходил в мою комнату?» — крикнул он.

«Никто», — ответил я.

«Вы врете! — вопил он. — Поднимитесь и посмотрите».

Я решил не обращать внимания на его грубость — он был вне себя от ужаса. Мы поднялись наверх, и он показал мне следы, отпечатавшиеся на пушистом ковре.

«Вы думаете, это мои?» — кричал он.

Таких больших следов он, конечно, оставить не мог, и они были явно свежие. Сегодня днем, как вы знаете, шел сильный дождь, и у меня побывали только отец с сыном. Значит, пока я занимался с отцом, сын, ожидавший в приемной, с какой-то неизвестной мне целью входил в комнату моего постоянного пациента. Из комнаты ничего не пропало, но следы, несомненно, свидетельствовали, что там кто-то побывал.

Мне показалось, что мистер Блессингтон волнуется как-то чрезмерно, впрочем, тут бы всякий потерял покой. Опустившись в кресло, он буквально рыдал, и мне стоило великих трудов привести его в чувство. Это он предложил мне отправиться к вам, и я счел его предложение вполне уместным, так как происшествие действительно очень странное, хотя и не такое ужасное, как это померещилось мистеру Блессингтону. Если бы вы поехали сейчас со мной, то мне бы хоть удалось успокоить его. Впрочем, по-моему, он вряд ли способен объяснить, что его так взволновало.

Шерлок Холмс слушал этот длинный рассказ очень внимательно, и я понял, что дело его увлекло. Как всегда, на лице его ничего не отражалось, только веки набрякли, да, пыхтя трубкой, он выпускал более густые клубы дыма всякий раз, когда доктор рассказывал очередной странный эпизод. Как только наш гость кончил держать речь, Холмс молча вскочил, сунул мне мою шляпу, взял со стола собственную и пошел следом за Тревельяном к двери. Не прошло и четверти часа, как мы подъехали к дому врача на Брук-стрит. Это был скромный, ничем не выделяющийся дом, в каких живут врачи, имеющие практику в Вест-Энде. Мальчик-слуга открыл нам дверь, и мы тотчас стали подниматься наверх по широкой лестнице, покрытой хорошим ковром.

Но тут случилось нечто странное… Свет наверху внезапно погас, и из темноты донесся пронзительный, дрожащий голос:

— У меня пистолет. Еще шаг, и я буду стрелять.

— Это уже выходит за всякие рамки, мистер Блессингтон! — возмутился доктор Тревельян.

— А, это вы, доктор? — проговорили из темноты, и послышался вздох облегчения. — А джентльмены, что с вами, — они и в самом деле те, за кого себя выдают?

Мы чувствовали, что из темноты нас изучающе рассматривают.

— Да, это те самые.

— Ладно, можете подняться, и если вас раздражают меры предосторожности, которые я принял, то прошу прощения.

Говоря это, он снова зажег газ на лестнице, и мы увидели перед собой странного человека, вид которого, как и голос, свидетельствовал о расстроенных нервах. Он был очень толст, но когда-то, видно, был еще толще, потому что щеки у него висели, как у гончей, большими складками. Он был болезненно бледен, а редкие рыжеватые волосы от пережитого страха стояли дыбом. Рука его сжимала пистолет, который он сунул в карман, когда мы приблизились.

— Добрый вечер, мистер Холмс, — сказал он. — Большое спасибо, что приехали. Еще никто так не нуждался в вашем совете, как я сейчас. Наверно, доктор Тревельян уже рассказал вам о совершенно недопустимом вторжении в мою комнату?

— Совершенно верно, — сказал Шерлок Холмс. — Мистер Блессингтон, кто эти два человека и почему они вам досаждают?

— Видите ли, понимаете ли, — суетливо заговорил постоянный пациент, — мне трудно сказать что-либо определенное. Да и почем мне знать, мистер Холмс?

— Значит, не знаете?

— Входите, пожалуйста. Ну, сделайте одолжение, войдите.

Он провел нас в свою спальню, большую и обставленную удобной мебелью.

— Вы видите это? — спросил он, показывая на большой черный сундук, стоявший у спинки кровати. — Я никогда не был особенно богатым человеком, мистер Холмс… За всю жизнь я только раз вложил деньги в дело… вот доктор Тревельян не даст мне соврать. И банкирам я не верю. Я бы не доверил свои деньги банкиру ни за что на свете, мистер Холмс. Между нами, все свое маленькое состояние я храню в этом сундуке, и вы теперь понимаете, что я пережил, когда в комнату ко мне вломились незнакомые люди.

Холмс изучающе посмотрел на Блессингтона и покачал головой.

— Если вы будете обманывать меня, я ничего не смогу вам посоветовать, — сказал он.

— Но я же вам все рассказал.

Досадливо махнув рукой. Холмс резко повернулся к нему спиной.

— Спокойной ночи, доктор Тревельян, — сказал он.

— И вы не дадите никакого совета? — дрогнувшим голосом воскликнул Блессингтон.

— Мой совет вам, сэр, говорить только правду.

Через минуту мы были уже на улице и зашагали домой. Мы пересекли Оксфорд-стрит, прошли половину Харли-стрит, и только тогда мой друг наконец заговорил.

— Простите, что напрасно вытащил вас из дому, Уотсон. Но если покопаться, дело это интересное.

— А я не вижу здесь ничего серьезного, — признался я.

— Вполне очевидно, что двое… может, их больше, но будем считать, что двое… по какой-то причине решили добраться до этого человека, этого Блессингтона. В глубине души я не сомневаюсь, что как в первом, так и во втором случае тот молодой человек проникал в комнату Блессингтона, а его сообщник весьма нехитрым способом отвлекал доктора.

— А каталепсия?

— Злостная симуляция, Уотсон, хотя мне и не хотелось говорить об этом нашему специалисту. Симулировать эту болезнь очень легко. Я и сам это проделывал.

— Что же было потом?

По чистой случайности оба раза Блессингтон отсутствовал. Столь необычный час для своего визита к врачу они выбрали только потому, что в это время в приемной нет других пациентов. Но так уж совпало, что Блессингтон совершает свой моцион именно в этот час — они, видно, не очень хорошо знакомы с его привычками. Разумеется, если бы замышлялся простой грабеж, они бы по крайней мере попытались обшарить комнату. Кроме того, я прочел в глазах этого человека, что страх пробрал его до мозга костей. Трудно поверить, что, имея двух таких мстительных врагов, он ничего не знает об их существовании. Он, разумеется, отлично знает, кто эти люди, но у него есть причины скрывать это. Возможно даже, завтра он станет более разговорчивым.

— А нельзя ли допустить иное предположение, — сказал я, — без сомнения, совершенно невероятное, но все же убедительное? Может быть, всю эти историю с каталептиком-русским и его сыном измыслил сам доктор Тревельян, которому надо было забраться в комнату к Блессингтону?

При свете газового фонаря я увидел, что моя блестящая версия вызвала у Холмса улыбку.

— Дорогой Уотсон, — сказал он, — это было первое, что пришло мне в голову, но рассказу доктора есть подтверждение. Этот молодой человек оставил следы не только в комнате, но и на лестничном ковре. Молодой человек существует. Он носит ботинки с тупыми носами, а не остроносые, как Блессингтон, и они на дюйм с третью побольше размером, чем докторские. Ну, а теперь сразу в постель, ибо я буду удивлен, если поутру мы не получим каких-нибудь новостей с Брук-стрит.

Предсказание Шерлока Холмса сбылось, и новость была трагическая. В половине восьмого утра, когда хмурый день еще только занимался, Холмс уже стоял в халате у моей постели.

— Уотсон, — сказал он, — нас ждет экипаж.

— А что такое?

— Дело Брук-стрит.

— Есть новости?

— Трагические, но какие-то невнятные, — сказал он, поднимая занавеску. — Поглядите… вот листок из записной книжки, и на нем накарябано карандашом: «Ради Бога, приезжайте немедленно. П. Т.». Наш друг доктор и сам, кажется, потерял голову. Поторопитесь, дорогой Уотсон, нас срочно ждут.

Примерно через четверть часа мы уже были в доме врача. Он выбежал нам навстречу с лицом, перекосившимся от ужаса.

— Такая беда! — воскликнул он, сдавливая пальцами виски.

— Что случилось?

— Блессингтон покончил с собой.

Холмс присвистнул.

— Да, этой ночью он повесился.

Мы вошли, и доктор повел нас в комнату, которая по виду была его приемной.

— Я даже не соображаю, что делаю, — говорил он. — Полиция уже наверху. Я потрясен до глубины души.

— Когда вы узнали об этом?

— Каждый день рано утром ему относили чашку чая. Горничная вошла примерно в семь, и несчастный уже висел посередине комнаты. Он привязал веревку к крюку, на котором обычно висела тяжелая лампа, и спрыгнул с того самого сундука, что показал нам вчера.

Холмс стоял, глубоко задумавшись.

— С вашего позволения, — сказал он наконец, — я бы поднялся наверх и взглянул на все сам.

Мы оба в сопровождении доктора пошли наверх.

За дверью спальни нас ожидало ужасное зрелище. Я уже говорил о том впечатлении дряблости, которое производил этот Блессингтон. Теперь, когда он висел на крюке, оно еще усилилось. В лице не осталось почти ничего человеческого. Шея вытянулась, как у ощипанной курицы, и по контрасту с ней тело казалось еще более тучным и неестественным. На нем была лишь длинная ночная рубаха, из-под которой окоченело торчали распухшие лодыжки и нескладные ступни. Рядом стоял щеголеватый инспектор, делавший заметки в записной книжке.

— А, мистер Холмс, — сказал он, когда мой друг вошел. — Рад видеть вас.

— Доброе утро, Лэннер, — откликнулся Холмс. — Надеюсь, вы не против моего вмешательства. Вы уже слышали о событиях, предшествовавших этому происшествию?

— Да, кое-что слышал.

— Ну, и каково ваше мнение?

— Насколько я могу судить, Блессингтон обезумел от страха. Посмотрите на постель — он провел беспокойную ночь. Вот довольно глубокий отпечаток его тела. Вы знаете, что самоубийства чаще всего совершаются часов в пять утра. Примерно в это время он и повесился. И, наверно, заранее все обдумал.

— Судя по тому, как затвердели его мышцы, он умер часа три назад, — сказал я.

— Что-нибудь особенное в комнате обнаружили? — спросил Холмс.

— Нашли на подставке для умывальника отвертку и несколько винтов. И ночью здесь, видно, много курили. Вот четыре сигарных окурка, которые я подобрал в камине.

— Г-м! — произнес Холмс. — Нашли вы его мундштук?

— Нет.

— А портсигар?

— Да, он был у него в кармане пальто.

Холмс открыл портсигар и понюхал единственную оставшуюся в нем сигару.

— Это гаванская сигара, а это окурки сигар особого сорта, который импортируется

голландцами из их ост-индских колоний. Их обычно заворачивают в солому, как вы знаете, и они потоньше и подлиннее, чем сигары других сортов.

Он взял четыре окурка и стал рассматривать их в свою карманную лупу.

— Две сигары выкурены через мундштук, а две просто так, — продолжал он. — Две были обрезаны не очень острым ножом, а концы двух других — откушены набором великолепных зубов. Это не самоубийство, мастер Лэннер. Это тщательно продуманное и хладнокровно совершенное убийство.

— Не может быть! — воскликнул инспектор.

— Почему же это не может быть?

— А зачем убивать человека таким неудобным способом — вешать?

— Вот это мы и должны узнать.

— Как убийцы могли проникнуть сюда?

— Через парадную дверь.

— Но она была заперта на засов.

— Ее заперли после того, как они вошли.

— Почем вы знаете?

— Я видел следы. Простите, через минуту я, возможно, сообщу вам еще кое-какие сведения.

Он подошел к двери и, повернув ключ в замке, со свойственной ему методичностью осмотрел ее. Затем он вынул ключ, который торчал с внутренней стороны, и тоже обследовал его. Постель, ковер, стулья, камин, труп и веревка — все было по очереди осмотрено, пока, наконец, Холмс не заявил, что удовлетворен, после чего он, призвав на помощь меня и инспектора, отрезал веревку, на которой висел труп несчастного Блессингтона, и почтительно прикрыл его простыней.

— Откуда взялась веревка? — спросил я.

— Ее отрезали отсюда, — сказал доктор Тревельян, вытягивая из-под кровати веревку, уложенную в большой круг. — Он ужасно боялся пожаров и всегда держал ее поблизости, чтобы бежать через окно, если лестница загорится.

— Это, должно быть, избавило убийц от лишних хлопот, — задумчиво сказал Холмс. — Да, все свершилось очень просто, и я сам буду удивлен, если к полудню не сообщу вам причины преступления. Я возьму фотографию Блессингтона, ту, что на камине. Она может помочь мне в моем расследовании.

— Но, ради Бога, объясните нам, что же здесь произошло, — взмолился доктор.

— Последовательность событий ясна для меня, как будто я сам здесь присутствовал, — сказал Холмс. — Преступников было трое: один — молодой, другой — пожилой, а каков был третий, я пока определить не могу. Вряд ли надо говорить, что первые два — те самые, что выдавали себя за русского дворянина и его сына, и, следовательно, у нас есть их полный словесный портрет. Они были впущены сообщником, находившимся в доме. Примите мой совет, инспектор, и арестуйте слугу-мальчишку, который, как помнится, поступил к вам, доктор, на службу совсем недавно.

— Этого пострелёнка нигде не могут найти, — сказал доктор Тревельян. — Горничная и кухарка только что искали его.

Холмс пожал плечами.

— Он сыграл в этой драме немаловажную роль, — сказал он. — Три преступника поднялись по лестнице на цыпочках — пожилой шел первым, молодой — вторым, а неизвестный замыкал шествие…

— Это уж слишком, дорогой Холмс! — воскликнул я.

— Судя по тому, как накладываются друг на друга следы, сомнений быть не может. Я имел

возможность изучить, кому какие принадлежат следы, когда побывал здесь вчера вечером. Затем все трое подошли к комнате мистера Блессингтона, дверь в которую была заперта. Ключ они повернули с помощью куска проволоки. Даже без лупы видно по царапинам на бородке, что они действовали отмычкой. Войдя в комнату, они первым делом вставили мистеру Блессингтону кляп. Он, наверно, спал или был так парализован страхом, что не мог кричать. Стены здесь толстые, и понятно, что крик его, если даже он успел крикнуть, никто не слышал. Затем — это мне совершенно ясно — злоумышленники устроили совет, что-то вроде суда. Тогда-то они и выкурили эти сигары. Пожилой сидел на том плетеном стуле — это он курил через мундштук. Молодой сидел там — он стряхивал пепел на комод. Третий ходил по комнате. Блессингтон, по-моему, сидел на постели, но в этом я не совсем уверен. Ну, и все кончилось тем, что они повесили Блессингтона. Они так хорошо подготовились к этому, что, наверно, принесли с собой какой-нибудь блок или шкив, который мог бы служить виселицей. Эта отвертка и винты были нужны им, как я полагаю, для закрепления блока. Но, увидев крюк, они, естественно, воспользовались им. Покончив с Блессингтоном, они вышли, а их сообщник запер за ними дверь.

Все мы с глубоким интересом слушали этот рассказ о ночных событиях, которые Холмс восстановил по приметам столь незаметным и малозначительным, что, даже видя их воочию, мы едва могли следить за ходом его рассуждений. Инспектор тотчас вышел, чтобы принять меры по розыску слуги, а мы с Холмсом вернулись завтракать на Бейкер-стрит.

— Я вернусь к трем, — сказал он, кончив завтракать. — Инспектор с доктором уже будут здесь к этому времени, и я надеюсь окончательно прояснить для них это дело.

Наши гости пришли в назначенный срок, но мой друг появился только без четверти четыре. Однако, когда он вошел, по выражению его лица я увидел, что ему сопутствовал полный успех.

— Какие новости, инспектор?

— Мы нашли мальчишку, сэр.

— Превосходно, а я нашел взрослых.

— Вы нашли их! — воскликнули мы в один голос.

— Ну, по крайней мере, я узнал, кто они. Ваш Блессингтон, как я и ожидал, хорошо известен в полицейском управлении. Да и его убийцы тоже. Это Биддл, Хэйуорд и Моффат.

— Банда, ограбившая Уортингдонский банк! — воскликнул инспектор.

— Совершенно верно, — сказал Холмс.

— Значит, Блессингтон, должно быть, Сатон?

— Да, — сказал Холмс.

— Ну, тогда все встает на свои места, — сказал инспектор.

Но мы с Тревельяном смотрели друг на друга, ничего не понимая.

— Вы, наверно, помните знаменитое ограбление Уортингдонского банка, — сказал Холмс. — В банде было пять человек — четверо нам знакомы, а пятого звали Картрайт. Был убит сторож Тобин, и воры скрылись с семью тысячами фунтов. Это было в тысяча восемьсот пятом году. Все пятеро были арестованы, но убедительных улик против них не имелось. Блессингтон, или Сатон, самый гнусный тип в этой пятерке бандитов, стал доносчиком. Картрайта повесили, а трем остальным дали по пятнадцать лет. Не отсидев нескольких лет до полного срока, они вышли на свободу на днях и решили, как вы догадываетесь, выследить предателя и отомстить ему за смерть товарища. Дважды они пытались добраться до него и терпели неудачу; на третий раз, как видите, получилось. Теперь вам все ясно, доктор Тревельян?

— Мне кажется, что лучше уж объяснить нельзя, — сказал доктор. — И, конечно, в первый раз он был сильно встревожен именно в тот день, когда прочел в газетах, что их выпускают на свободу.

— Совершенно верно. А все его страхи, что его могут ограбить, для отвода глаз.

— Но почему он не сказал всей правды вам?

— Ну, видите ли, уважаемый сэр, он знал мстительный характер своих бывших сообщников и

пытался как можно дольше скрывать ото всех, кто он на самом деле. Это была постыдная тайна, и он не мог заставить себя признаться мне. Однако, каким бы негодяем он ни был, он все же жил под защитой английских законов, и я не сомневаюсь, что вы, инспектор, примете надлежащие меры. Щит правосудия на этот раз не помог, но меч его по-прежнему обязан карать.

Таковы были странные обстоятельства, связанные с делом постоянного пациента и его врача с Брук-стрит. Полиция так и не нашла убийц, и в Скотленд-Ярде решили, что они уплыли из Англии на злополучном пароходе «Норма Крейна», который исчез несколько лет назад со всей командой у берегов Португалии, в нескольких лигах севернее Опорто. Судебное дело против мальчика-слуги было прекращено за недостатком улик. В газетах «тайна Брук-стрит» до настоящего времени полностью не освещалась.

Случай с переводчиком

(Перевод Н.Вольпин)

За все мое долгое и близкое знакомство с мистером Шерлоком Холмсом я не слышал от него ни слова о его родне и едва ли хоть что-нибудь о его детских и отроческих годах. От такого умалчивания еще больше усиливалось впечатление чего-то нечеловеческого, которое он на меня производил, и временами я ловил себя на том, что вижу в нем некое обособленное явление, мозг без сердца, человека, настолько же чуждого человеческих чувств, насколько он выделялся силой интеллекта. И нелюбовь его к женщинам и несклонность завязывать новую дружбу были достаточно характерны для этой чуждой эмоциям натуры, но не в большей мере, чем это полное забвение родственных связей. Я уже склонялся к мысли, что у моего друга не осталось в живых никого из родни, когда однажды, к моему большому удивлению, он заговорил со мной о своем брате.

Был летний вечер, мы пили чай, и разговор, беспорядочно перескакивая с гольфа на причины изменений в наклонности эклиптики к экватору, завертелся под конец вокруг вопросов атавизма и наследственных свойств. Мы заспорили, в какой мере человек обязан тем или другим своим необычным дарованием предкам, а в какой — самостоятельному упражнению с юных лет.

— В вашем собственном случае, — сказал я, — из всего, что я слышал от вас, по-видимому, явствует, что вашей наблюдательностью и редким искусством в построении выводов вы обязаны систематическому упражнению.

— В какой-то степени, — ответил он задумчиво. — Мои предки были захолустными помещиками и жили, наверно, точно такою жизнью, какая естественна для их сословия. Тем не менее эта склонность у меня в крови, и идет она, должно быть, от бабушки, которая была сестрой Верне, французского художника. Артистичность, когда она в крови, закономерно принимает самые удивительные формы.

— Но почему вы считаете, что это свойство у вас наследственное?

— Потому что мой брат Майкрофт наделен им в большей степени, чем я.

Новость явилась для меня поистине неожиданной. Если в Англии живет еще один человек такого же редкостного дарования, как могло случиться, что о нем до сих пор никто не слышал — ни публика, ни полиция? Задавая свой вопрос, я выразил уверенность, что мой товарищ только из скромности поставил брата выше себя самого. Холмс рассмеялся.

— Мой дорогой Уотсон, — сказал он, — я не согласен с теми, кто причисляет скромность к добродетелям. Логик обязан видеть вещи в точности такими, каковы они есть, а недооценивать себя — такое же отклонение от истины, как преувеличивать свои способности. Следовательно, если я говорю, что Майкрофт обладает большей наблюдательностью, чем я, то так оно и есть, и вы можете понимать мои слова в прямом и точном смысле.

— Он моложе вас?

— Семью годами старше.

— Как же это он никому не известен?

— О, в своем кругу он очень известен.

— В каком же?

— Да хотя бы в клубе «Диоген».

Я никогда не слышал о таком клубе, и, должно быть, недоумение ясно выразилось на моем лице, так как Шерлок Холмс, достав из кармана часы, добавил:

— Клуб «Диоген» — самый чудной клуб в Лондоне, а Майкрофт — из чудаков чудак. Он там ежедневно с без четверти пять до сорока минут восьмого. Сейчас ровно шесть, и вечер прекрасный, так что, если вы не прочь пройтись, я буду рад познакомить вас с двумя диковинками сразу.

Пять минут спустя мы были уже на улице и шли к площади Риджент-серкес.

— Вас удивляет, — заметил мой спутник, — почему Майкрофт не применяет свои дарования в сыскной работе? Он к ней неспособен.

— Но вы, кажется, сказали…

— Я сказал, что он превосходит меня в наблюдательности и владении дедуктивным методом. Если бы искусство сыщика начиналось и кончалось размышлением в покойном кресле, мой брат Майкрофт стал бы величайшим в мире деятелем по раскрытию преступлений. Но у него нет честолюбия и нет энергии. Он бы лишнего шагу не сделал, чтобы проверить собственные умозаключения, и, чем брать на себя труд доказывать свою правоту, он предпочтет, чтобы его считали неправым. Я не раз приходил к нему с какой-нибудь своей задачей, и всегда предложенное им решение впоследствии оказывалось правильным. Но если требовалось предпринять какие-то конкретные меры, чтобы можно было передать дело в суд, — тут он становился совершенно беспомощен.

— Значит, он не сделал из этого профессии?

— Никоим образом. То, что дает мне средства к жизни, для него не более как любимый конёк дилетанта. У него необыкновенные способности к вычислениям, и он проверяет финансовую отчетность в одном министерстве. Майкрофт снимает комнаты на Пэл-Мэл, так что ему только за угол завернуть, и он в Уайтхолле — утром туда, вечером назад и так изо дня в день, из года в год. Больше он никуда не ходит, и нигде его не увидишь, кроме как в клубе «Диоген», прямо напротив его дома.

— Я не припомню такого названия.

— Вполне понятно. В Лондоне, знаете, немало таких людей, которые — кто из робости, а кто по мизантропии — избегают общества себе подобных. Но при том они не прочь просидеть в покойном кресле и просмотреть свежие журналы и газеты. Для их удобства и создан был в свое время клуб «Диоген», и сейчас он объединяет в себе самых необщительных, самых «антиклубных» людей нашего города. Членам клуба не дозволяется обращать друг на друга хоть какое-то внимание. Кроме как в комнате для посторонних посетителей, в клубе ни под каким видом не допускаются никакие разговоры, и после трех нарушений этого правила, если о них донесено в клубный комитет, болтун подлежит исключению. Мой брат — один из членов-учредителей, и я убедился лично, что обстановка там самая успокаивающая.

В таких разговорах мы дошли до Сент-Джеймса и свернули на Пэл-Мэл. Немного не доходя до Карлтона, Шерлок Холмс остановился у подъезда и, напомнив мне, что говорить воспрещается, вошел в вестибюль. Сквозь стеклянную дверь моим глазам открылся на мгновение большой и роскошный зал, где сидели, читая газеты, какие-то мужчины, каждый в своем обособленном уголке. Холмс провел меня в маленький кабинет, смотревший окнами на Пэл-Мэл, и, оставив меня здесь на минутку, вернулся со спутником, который, как я знал, не мог быть не кем иным, как только его братом.

Майкрофт Холмс был много выше и толще Шерлока. Он был, что называется, грузным человеком, и только в его лице, хоть и тяжелом, сохранилось что-то от той острой выразительности, которой так поражало лицо его брата. Его глаза, водянисто-серые и до странности светлые, как будто навсегда удержали тот устремленный в себя и вместе с тем отрешенный взгляд, какой я подмечал у Шерлока только в те минуты, когда он напрягал всю силу своей мысли.

— Рад познакомиться с вами, сэр, — сказал он, протянув широкую, толстую руку, похожую на ласт моржа. — С тех пор, как вы стали биографом Шерлока, я слышу о нем повсюду. Кстати, Шерлок, я ждал, что ты покажешься еще на прошлой неделе — придешь обсудить со мною случай в Мэнор-Хаусе. Мне казалось, что он должен поставить тебя в тупик.

— Нет, я его разрешил, — улыбнулся мой друг.

— Адамс, конечно?

— Да, Адамс.

— Я был уверен в этом с самого начала. — Они сели рядом в фонаре окна. — Самое подходящее место для всякого, кто хочет изучать человека, — сказал Майкрофт. — Посмотри, какие великолепные типы! Вот, например, эти двое, идущие прямо на нас.

— Маркер и тот другой, что с ним?

— Именно. Кто, по-твоему, второй?

Двое прохожих остановились напротив окна. Следы мела над жилетным карманом у одного были единственным, на мой взгляд, что наводило на мысль о бильярде. Второй был небольшого роста смуглый человек в съехавшей на затылок шляпе и с кучей свертков под мышкой.

— Бывший военный, как я погляжу, — сказал Шерлок.

— И очень недавно оставивший службу, — заметил брат.

— Служил он, я вижу, в Индии.

— Офицер по выслуге, ниже лейтенанта.

— Я думаю, артиллерист, — сказал Шерлок.

— И вдовец.

— Но имеет ребенка.

— Детей, мои мальчик, детей.

— Постойте, — рассмеялся я, — для меня это многовато.

— Ведь нетрудно же понять, — ответил Холмс, — что мужчина с такой выправкой, властным выражением лица и такой загорелый — солдат, что он не рядовой и недавно из Индии.

— Что службу он оставил лишь недавно, показывают его, как их называют, «амуничные» башмаки, — заметил Майкрофт.

— Походка не кавалерийская, а пробковый шлем он все же носил надвинутым на бровь, о чем говорит более светлый загар с одной стороны лба. Сапером он быть не мог — слишком тяжел. Значит, артиллерист.

— Далее, глубокий траур показывает, конечно, что он недавно потерял близкого человека. Тот факт, что он сам делает закупки, позволяет думать, что умерла жена. А накупил он, как видите, массу детских вещей. В том числе погремушку, откуда видно, что один из детей — грудной младенец. Возможно, мать умерла родами. Из того, что он держит под мышкой книжку с картинками, заключаем, что есть и второй ребенок.

Мне стало понятно, почему мой друг сказал, что его брат обладает еще более острой наблюдательностью, чем он сам. Шерлок поглядывал на меня украдкой и улыбался. Майкрофт взял понюшку из черепаховой табакерки и отряхнул с пиджака табачные крошки большим красным шелковым платком.

— Кстати, Шерлок, — сказал он, — у меня как раз кое-что есть в твоем вкусе — довольно необычная задача, которую я пытался разрешить. У меня, правда, не хватило энергии довести дело до конца, я предпринял только кое-какие шаги, но она мне дала приятный случай пораскинуть мозгами. Если ты склонен прослушать данные…

— Милый Майкрофт, я буду очень рад.

Брат настрочил записку на листке блокнота и, позвонив, вручил ее лакею.

— Я пригласил сюда мистера Мэласа, — сказал Майкрофт. — Он живет через улицу, прямо надо мной, и мы с ним немного знакомы, почему он и надумал прийти ко мне со своим затруднением. Мистер Мэлас, как я понимаю, родом грек и замечательный полиглот. Он зарабатывает на жизнь отчасти как переводчик в суде, отчасти работая гидом у разных богачей с Востока, когда они останавливаются в отелях на Нортумберленд-авеню. Я думаю, мы лучше предоставим ему самому рассказать о своем необыкновенном приключении.

Через несколько минут в кабинет вошел низенький толстый человек, чье оливковое лицо и черные, как уголь, волосы выдавали его южное происхождение, хотя по разговору это был образованный англичанин. Он горячо пожал руку Шерлоку Холмсу, и его темные глаза загорелись радостью, когда он услышал, что его историю готов послушать такой знаток.

— Я думаю, в полиции мне не поверили, поручусь вам, что нет, — начал он с возмущением в голосе. — Раз до сих пор они такого не слыхивали, они полагают, что подобная вещь невозможна. У меня не будет спокойно на душе, пока я не узнаю, чем это кончилось для того несчастного человека с пластырем на лице.

— Я весь внимание, — сказал Шерлок Холмс.

— Сегодня у нас среда, — продолжал мистер Мэлас. — Так вот, все это случилось в понедельник поздно вечером, не далее как два дня тому назад. Я переводчик, как вы уже, может быть, слышали от моего соседа. Перевожу я со всех и на все языки или почти со всех, но так как я по рождению грек и ношу греческое имя, то с этим языком мне и приходится работать больше всего. Я много лет являюсь главным греческим переводчиком в Лондоне, и мое имя хорошо знают в гостиницах.

Случается, и нередко, что меня в самое несуразное время вызывают к какому-нибудь иностранцу, попавшему в затруднение, или к путешественникам, приехавшим поздно ночью и нуждающимся в моих услугах. Так что я не удивился, когда в понедельник поздно вечером явился ко мне на квартиру элегантно одетый молодой человек, некто Латимер, и пригласил меня в свой кэб, ждавший у подъезда. К нему, сказал он, приехал по делу его приятель — грек, и так как тот говорит только на своем родном языке, без переводчика не обойтись. Мистер Латимер дал мне понять, что ехать к нему довольно далеко — в Кенсингтон, и он явно очень спешил: как только мы вышли на улицу, он быстрехонько втолкнул меня в кэб.

Я говорю — кэб, но у меня тут возникло подозрение, не сижу ли я скорей в карете. Экипаж был, во всяком случае, куда просторней этого лондонского позорища — четырехколесного кэба, и обивка, хотя и потертая, была из дорогого материала. Мистер Латимер сел против меня, и мы покатили на Чаринг-Кросс и затем вверх по Шефтсбери-авеню. Мы выехали на Оксфорд-стрит, и я уже хотел сказать, что мы как будто едем в Кенсингтон кружным путем, когда меня остановило на полуслове чрезвычайно странное поведение спутника.

Для начала он вытащил из кармана самого грозного вида дубинку, налитую свинцом, и помахал ею, как бы проверяя ее вес. Потом, ни слова не сказав, он положил ее рядом с собой на сиденье. Проделав это, он поднял с обеих сторон оконца, и я, к своему удивлению, увидел, что стекла их затянуты бумагой, как будто нарочно для того, чтобы мне через них ничего не было видно.

— Извините, что лишаю вас удовольствия смотреть в окно, мистер Мэлас, — сказал он. — Дело в том, понимаете, что в мои намерения не входит, чтобы вы видели куда мы с вами едем. Для меня может оказаться неудобным, если вы сможете потом сами найти ко мне дорогу.

Как вы легко себе представите, мне стало не по себе: мой спутник был молодой парень, крепкий и плечистый, так что, и не будь при нем дубинки, я все равно с ним не сладил бы.

— Вы очень странно себя ведете, мистер Латимер, — сказал я, запинаясь. — Неужели вы не понимаете, что творите беззаконие?

— Спору нет, я позволил себе некоторую вольность, — отвечал он, — когда я стану расплачиваться с вами, все будет учтено. Должен, однако, вас предупредить, мистер Мэлас, что если вы сегодня вздумаете поднять тревогу или предпринять что-нибудь, идущее вразрез с моими интересами, то дело для вас обернется не шуткой. Прошу вас не забывать, что, как здесь в карете, так и у меня дома, вы все равно в моей власти.

Он говорил спокойно, но с хрипотцой, отчего его слова звучали особенно угрожающе. Я сидел молча и недоумевал, что на свете могло послужить причиной, чтобы похитить меня таким необычайным образом. Но в чем бы не заключалась причина, было ясно, что сопротивляться бесполезно и что мне оставалось одно: ждать, а уж там будет видно.

Мы были в пути почти что два часа, но я все же не мог уяснить себе, куда мы едем. Временами грохот колес говорил, что мы катим по булыжной мостовой, а потом их ровный и бесшумный ход наводил на мысль об асфальте, но, кроме этой смены звука, не было ничего, что хотя бы самым далеким намеком подсказало мне, где мы находимся. Бумага на обоих окнах не пропускала света, а стекло передо мной было задернуто синей занавеской. С Пэл-Мэл мы выехали в четверть восьмого, и на моих часах было уже без десяти девять, когда мы наконец остановились. Мой спутник опустил оконце, и я увидел низкий сводчатый подъезд с горящим над ним фонарем. Меня быстро высадили из кареты, в подъезде распахнулась дверь, причем, когда я входил, у меня создалось смутное впечатление газона и деревьев по обе стороны от меня. Но был ли это уединенный городской особняк в собственном саду или bona fide загородный дом, не берусь утверждать.

В холле горел цветной газовый рожок, но пламя было так сильно привернуто, что я мало что мог разглядеть — только, что холл довольно велик и увешан картинами. В тусклом свете я различил, что дверь нам открыл маленький, невзрачный человек средних лет с сутулыми плечами. Когда он повернулся к нам, отблеск света показал мне, что он в очках.

— Это мистер Мэлас, Гарольд? — спросил он.

— Да.

— Хорошо сработано! Очень хорошо! Надеюсь, вы на нас не в обиде, мистер Мэлас, — нам без вас никак не обойтись. Если вы будете вести себя с нами честно, вы не пожалеете, но если попробуете выкинуть какой-нибудь фокус, тогда… да поможет вам бог!

Он говорил отрывисто, нервно перемежая речь смешком, но почему-то наводил на меня больше страха, чем тот, молодой.

— Что вам нужно от меня? — спросил я.

— Только, чтобы вы задали несколько вопросов одному джентльмену из Греции, нашему гостю, и перевели бы нам его ответы. Но ни полслова сверх того, что вам прикажут сказать, или… — снова нервный смешок, — …лучше б вам и вовсе не родиться на свет!

С этими словами он открыл дверь и провел нас в комнату, освещенную опять-таки только одной лампой с приспущенным огнем. Комната была, безусловно, очень большая, и то, как ноги мои утонули в ковре, едва я вступил в нее, говорило о ее богатом убранстве. Я видел урывками крытые бархатом кресла, высокий с белой мраморной доской камин и по одну его сторону — то, что показалось мне комплектом японских доспехов. Одно кресло стояло прямо под лампой, и пожилой господин молча указал мне на него. Молодой оставил нас, но тут же появился из другой двери, ведя с собой джентльмена в каком-то балахоне, медленно подвигавшегося к нам. Когда он вступил в круг тусклого света, я смог разглядеть его, и меня затрясло от ужаса, такой у него был вид. Он был мертвенно бледен и крайне истощен, его выкаченные глаза горели, как у человека, чей дух сильней его немощного тела. Но что потрясло меня даже больше, чем все признаки физического изнурения, — это то, что его лицо вдоль и поперек уродливо пересекали полосы пластыря и широкая наклейка из того же пластыря закрывала его рот.

— Есть у тебя грифельная доска, Гарольд? — крикнул старший, когда это странное существо не село, а скорее упало в кресло. — Руки ему развязали? Хорошо, дай ему карандаш. Вы будете задавать вопросы, мистер Мэлас, а он писать ответы. Спросите прежде всего, готов ли он подписать бумаги.

Глаза человека метнули огонь.

«Никогда», — написал он по-гречески на грифельной доске.

— Ни на каких условиях? — спросил я по приказу нашего тирана.

«Только если ее обвенчает в моем присутствии знакомый мне греческий священник».

Тот пожилой захихикал своим ядовитым смешком.

— Вы знаете, что вас ждет в таком случае?

«О себе я не думаю».

Я привожу вам образцы вопросов и ответов, составлявших наш полуустный-полуписьменный разговор. Снова и снова я должен был спрашивать, сдастся ли он и подпишет ли документ. Снова и снова я получал тот же негодующий ответ. Но вскоре мне пришла на ум счастливая мысль. Я стал к каждому вопросу прибавлять коротенькие фразы от себя — сперва совсем невинные, чтобы проверить, понимают ли хоть слово наши два свидетеля, а потом, убедившись, что на лицах у них ничего не отразилось, я повел более опасную игру. Наш разговор пошел примерно так:

— От такого упрямства вам добра не будет. *Кто вы?!*

— Мне все равно. *В Лондоне я чужой.*

— Вина за вашу судьбу падет на вашу собственную голову. *Давно вы здесь?*

— Пусть так. *Три недели.*

— Вашей эта собственность уже никогда не будет. *Что они с вами делают?*

— Но и негодяям она не достанется. *Морят голодом.*

— Подпишите бумаги, и вас выпустят на свободу. *Что это за дом?*

— Не подпишу никогда. *Не знаю.*

— Этим вы ей не оказываете услуги. *Как вас зовут?*

— Пусть она скажет мне это сама. *Кратидес.*

— Вы увидите ее, если подпишете. *Откуда вы?*

— Значит, я не увижу ее никогда. *Из Афин.*

Еще бы пять минут. Мистер Холмс, и я бы выведал всю историю у них под носом. Уже на моем следующем вопросе, возможно, дело разъяснилось бы, но в это мгновение открылась дверь, и в комнату вошла женщина. Я не мог ясно ее разглядеть и знаю только, что она высокая, изящная, с черными волосами и что на ней было что-то вроде широкого белого халата.

— Гарольд! — заговорила она по-английски, но с заметным акцентом. — Я здесь больше не выдержу. Так скучно, когда никого с тобой нет, кроме… Боже, это Паулос!

Последние слова она сказала по-гречески, и в тот же миг несчастный судорожным усилием сорвал пластырь с губ и с криком: «София! София!» — бросился ей на грудь. Однако их объятие длилось лишь одну секунду, потому что младший схватил женщину и вытолкнул из комнаты, в то время как старший без труда одолел свою изнуренную голодом жертву и уволок несчастного в другую дверь. На короткий миг я остался в комнате один. Я вскочил на ноги со смутной надеждой, что, возможно, как-нибудь, по каким-то признакам мне удастся разгадать, куда я попал. Но, к счастью, я еще ничего не предпринял, потому что, подняв голову, я увидел, что старший стоит в дверях и не сводит с меня глаз.

— Вот и все, мистер Мэлас, — сказал он. — Вы видите, мы оказали вам доверие в некоем сугубо личном деле. Мы бы вас не побеспокоили, если бы не случилось так, что один наш друг, который знает по-гречески и начал вести для нас эти переговоры, не был вынужден вернуться на Восток. Мы оказались перед необходимостью найти кого-нибудь ему в замену и были счастливы узнать о таком одаренном переводчике, как вы.

Я поклонился.

— Здесь пять соверенов, — сказал он, подойдя ко мне, — гонорар, надеюсь, достаточный. Но запомните, — добавил он, и со смешком легонько похлопал меня по груди, — если вы хоть одной душе обмолвитесь о том, что увидели — хоть одной душе! — тогда… да помилует бог

вашу душу!

Не могу вам передать, какое отвращение и ужас внушал мне этот человек, такой жалкий с виду. Свет лампы падал теперь прямо на него, и я мог разглядеть его лучше. Желто-серое остренькое лицо и жидкая бороденка клином, точно из мочалы. Когда он говорил, то вытягивал шею вперед, и при этом губы и веки у него непрерывно подергивались, как если б он страдал пляской святого Витта. Мне невольно подумалось, что и этот странный, прерывистый смешок — тоже проявление какой-то нервной болезни. И все же лицо его было страшно — из-за серых, жестких, с холодным блеском глаз, затаивших в своей глубине злобную, неумолимую жестокость.

— Нам будет известно, если вы проговоритесь, — сказал он. — У нас есть свои каналы осведомления. А сейчас вас ждет внизу карета, и мой друг вас отвезет.

Меня быстро провели через холл, запихали в экипаж, и опять у меня перед глазами мелькнули деревья и сад. Мистер Латимер шел за мной по пятам и, не обронив ни слова, сел против меня. Опять мы ехали куда-то в нескончаемую даль, в полном молчании и при закрытых оконцах, пока наконец, уже в первом часу ночи, карета не остановилась.

— Вы сойдете здесь, мистер Мэлас, — сказал мой спутник. — Извините, что я вас покидаю так далеко от вашего дома, но ничего другого нам не оставалось. Всякая попытка с вашей стороны проследить обратный путь кареты окажется вам же во вред.

С этими словами он открыл дверцу, и не успел я соскочить, как кучер взмахнул кнутом, и карета, громыхая, покатила прочь. В недоумении смотрел я вокруг. Я стоял посреди какого-то выгона, поросшего вереском и черневшими здесь и там кустами дрока. Вдалеке тянулся ряд домов, и там кое-где в окнах под крышей горел свет. По другую сторону я видел красные сигнальные фонари железной дороги.

Привезшая меня карета уже скрылась из виду. Я стоял, озираясь, и гадал, куда же меня занесло, как вдруг увидел, что в темноте прямо на меня идет какой-то человек. Когда он поравнялся со мной, я распознал в нем железнодорожного грузчика.

— Вы мне не скажете, что это за место? — спросил я.

— Уондсуэрт-Коммон, — сказал он.

— Могу я поспеть на поезд в город?

— Если пройдете пешочком до Клэпемского разъезда — это примерно в миле отсюда, — то как раз захватите последний поезд на Викторию.

На том и закончилось мое приключение, мистер Холмс. Я не знаю, ни где я был, ни кто со мной разговаривал — ничего, кроме того, что вы от меня услышали. Но я знаю, что ведется подлая игра, и хотел бы, если сумею, помочь этому несчастному. Наутро я рассказал обо всем мистеру Майкрофту Холмсу, а затем сообщил в полицию.

Выслушав этот необычайный рассказ, мы короткое время сидели молча. Потом Шерлок посмотрел через всю комнату на брата.

— Предприняты шаги? — спросил он.

Майкрофт взял лежавший на столе сбоку номер «Дейли ньюс».

— «Всякий, кто что-нибудь сообщит о местопребывании господина Паулоса Кратидеса из Афин, грека, не говорящего по-английски, получит вознаграждение. Равная награда будет выплачена также всякому, кто доставит сведения о гречанке, носящей имя София. Х 2473». Объявление появилось во всех газетах. Пока никто не откликнулся.

— Как насчет греческого посольства?

— Я справлялся. Там ничего не знают.

— Так! Дать телеграмму главе афинской полиции!

— Вся энергия нашей семьи досталась Шерлоку, — сказал, обратясь ко мне, Майкрофт. — Что ж, берись за этот случай, приложи все свое умение и, если добьешься толку, дай мне знать.

— Непременно, — ответил мой друг, поднявшись с кресла. — Дам знать и тебе, и мистеру

Мэласу. А до тех пор, мистер Мэлас, я бы на вашем месте очень остерегался, потому что по этим объявлениям они, конечно, узнали, что вы их выдали.

Мы отправились домой. По дороге Холмс зашел на телеграф и послал несколько депеш.

— Видите, Уотсон, — сказал он, — мы не потеряли даром вечер. Многие мои случаи — самые интересные — попали ко мне таким же путем, через Майкрофта. Заданная нам задача может иметь, конечно, только одно решение, но тем не менее она отмечена своими особенными чертами.

— Вы надеетесь ее решить?

— Знать столько, сколько знаем мы, и не раскрыть остальное — это будет поистине странно. Вы, наверно, и сами уже построили гипотезу, которая могла бы объяснить сообщенные нам факты.

— Да, но лишь в общих чертах.

— Какова же ваша идея?

— Мне представляется очевидным, что эта девушка-гречанка была увезена молодым англичанином, который называет себя Гарольдом Латимером.

— Увезена — откуда?

— Возможно, из Афин.

Шерлок Холмс покачал головой.

— Молодой человек не знает ни слова по-гречески. Девица довольно свободно говорит по-английски. Вывод: она прожила некоторое время в Англии, он же в Греции не бывал никогда.

— Хорошо. Тогда мы можем предположить, что она приехала в Англию погостить, и этот Гарольд уговорил ее бежать с ним.

— Это более вероятно.

— Затем ее брат (думаю, они именно брат с сестрой) решил вмешаться и приехал из Греции. По неосмотрительности он попал в руки молодого человека и его старшего сообщника. Теперь злоумышленники силой вынуждают его подписать какие-то бумаги и этим перевести на них имущество девушки, состоящее, возможно, под его опекой. Он отказывается. Для переговоров с ним необходим переводчик. Они находят мистера Мэласа, сперва воспользовавшись услугами другого. Девушке не сообщали, что приехал брат, и она открывает это по чистой случайности.

— Превосходно, Уотсон, — воскликнул Холмс, — мне кажется, говорю это искренне, что вы недалеки от истины. Вы видите сами, все карты у нас в руках, и теперь нам надо спешить, пока не случилось непоправимое. Если время позволит, мы захватим их непременно.

— А как мы узнаем, где этот дом?

— Ну, если наше рассуждение правильно и девушку действительно зовут — или звали — Софией Кратидес, то мы без труда нападем на ее след. На нее вся надежда, так как брата никто, конечно, в городе не знает. Ясно, что с тех пор как между Гарольдом и девицей завязались какие-то отношения, должен был пройти некоторый срок — по меньшей мере несколько недель: пока известие достигло Греции, пока брат приехал сюда из-за моря. Если все это время они жили в одном определенном месте, мы, вероятно, получим какой-нибудь ответ на объявление Майкрофта.

В таких разговорах мы пришли к себе на Бейкер-стрит. Холмс поднялся наверх по лестнице первым и, отворив дверь в нашу комнату, ахнул от удивления. Заглянув через его плечо, я удивился не меньше. Майкрофт, его брат, сидел в кресле и курил.

— Заходи, Шерлок! Заходите, сэр, — приглашал он учтиво, глядя с улыбкой в наши изумленные лица. — Ты не ожидал от меня такой прыти, а, Шерлок? Но этот случай почему-то не выходит у меня из головы.

— Но как ты сюда попал?

— Я обогнал вас в кэбе.

— Дело получило дальнейшее развитие?

— Пришел ответ на мое объявление.

— Вот как!

— Да, через пять минут после вашего ухода.

— Что сообщают?

Майкрофт развернул листок бумаги.

— Вот, — сказал он. — Писано тупым пером на желтоватой бумаге стандартного размера человеком средних лет, слабого сложения. «Сэр, — говорит он, — в ответ на ваше объявление от сегодняшнего числа разрешите сообщить вам, что я отлично знаю названную молодую особу. Если вы соизволите навестить меня, я смогу вам дать некоторые подробности относительно ее печальной истории. Она проживает в настоящее время на вилле «Мирты» в Бэккенхэме. Готовый к услугам Дж. Дэвенпорт».

— Пишет он из Лоуэр-Брикстона, — добавил Майкрофт Холмс. — Как ты думаешь, Шерлок, не следует ли нам съездить к нему сейчас же и узнать упомянутые подробности?

— Мой милый Майкрофт, спасти брата важней, чем узнать историю сестры. Думаю, нам нужно поехать в Скотленд-Ярд за инспектором Грегсоном и двинуть прямо в Бэккенхэм. Мы знаем, что человек приговорен, и каждый час промедления может стоить ему жизни.

— Хорошо бы прихватить по дороге и мистера Мэласа, — предложил я, — нам может потребоваться переводчик.

— Превосходно! — сказал Шерлок Холмс. — Пошлите лакея за кэбом, и мы поедем немедленно.

С этими словами он открыл ящик стола, и я заметил, как он сунул в карман револьвер.

— Да, — ответил он на мой вопросительный взгляд. — По всему, что мы слышали, нам, я сказал бы, предстоит иметь дело с крайне опасной шайкой.

Уже почти стемнело, когда мы достигли Пэл-Мэл и поднялись к мистеру Мэласу. За ним, узнали мы, заходил какой-то джентльмен, и он уехал.

— Вы нам не скажете, куда? — спросил Майкрофт Холмс.

— Не знаю, сэр, — отвечала женщина, открывшая нам дверь. — Знаю только, что тот господин увез его в карете.

— Он назвал вам свое имя?

— Нет, сэр.

— Это не был высокий молодой человек, красивый, с темным волосами?

— Ах, нет, сэр; он был маленький, в очках, с худым лицом, но очень приятный в обращении: когда говорил, все время посмеивался.

— Едем! — оборвал Шерлок Холмс. — Дело принимает серьезный оборот! — заметил он, когда мы подъезжали к Скотленд-Ярду. — Эти люди опять завладели Мэласом. Он не из храбрых, как они убедились в ту ночь. Негодяй, наверно, навел на него ужас уже одним своим появлением. Им, несомненно, опять нужны от него профессиональные услуги; но потом они пожелают наказать его за предательство: как иначе могут они расценивать его поведение?

Мы надеялись, поехав поездом, прибыть на место, если не раньше кареты, то хотя бы одновременно с ней. Но в Скотленд-Ярде мы прождали больше часа, пока нас провели к инспектору Грегсону и пока там выполняли все формальности, которые позволили бы нам именем закона проникнуть в дом. Было без четверти десять, когда мы подъехали к Лондонскому мосту, и больше половины одиннадцатого, когда сошли вчетвером на Бэккенхэмской платформе. От станции было с полмили до виллы «Мирты» — большого, мрачного дома, стоявшего на некотором расстоянии от дороги в глубине участка. Здесь мы

отпустили кэб и пошли по аллее.

— Во всех окнах темно, — заметил инспектор. — В доме, видать, никого нет.

— Гнездо пусто, птички улетели, — сказал Холмс.

— Почему вы так думаете?

— Не позже, как час назад, отсюда уехала карета с тяжелой поклажей.

Инспектор рассмеялся.

— Я и сам при свете фонаря над воротами видел свежую колею, но откуда у вас взялась еще поклажа?

— Вы могли бы заметить и вторую колею, идущую к дому. Обратная колея глубже — много глубже. Вот почему можем с несомненностью утверждать, что карета взяла весьма основательный груз.

— Ничего не скажешь. Очко в вашу пользу, — сказал инспектор и пожал плечами. — Эге, взломать эту дверь будет не так-то легко. Попробуем — может быть, нас кто-нибудь услышит.

Он громко стучал молотком и звонил в звонок, однако безуспешно. — Холмс тем временем тихонько ускользнул, но через две-три минуты вернулся.

— Я открыл окно, — сказал он.

— Слава богу, что вы действуете на стороне полиции, а не против нее, мистер Холмс, — заметил инспектор, когда разглядел, каким остроумным способом мой друг оттянул щеколду. — Так! Полагаю, при сложившихся обстоятельствах можно войти, не дожидаясь приглашения.

Мы один за другим прошли в большую залу — по-видимому, ту самую, в которой побывал мистер Мэлас. Инспектор зажег свой фонарь, и мы увидели две двери, портьеры, лампу и комплект японских доспехов, как нам их описали. На столе стояли два стакана, пустая бутылка из-под коньяка и остатки еды.

— Что такое? — вдруг спросил Шерлок Холмс.

Мы все остановились, прислушиваясь. Где-то наверху, над нашими головами, раздавались как будто стоны. Холмс бросился к дверям и прямо в холл. Вдруг сверху отчетливо донесся вопль. Холмс стремглав взбежал по лестнице, а я с инспектором — за ним по пятам. Брат его Майкрофт поспешал, насколько позволяло его грузное сложение.

Три двери встретили нас на площадке второго этажа, и эти страшные стоны раздавались за средней; они то затихали до глухого бормотания, то опять переходили в пронзительный вопль. Дверь была заперта, но снаружи торчал ключ. Холмс распахнул створки, кинулся вперед и мгновенно выбежал вон, схватившись рукой за горло.

— Угарный газ! — вскричал он. — Подождите немного. Сейчас он уйдет.

Заглянув в дверь, мы увидели, что комнату освещает только тусклое синее пламя, мерцающее в маленькой медной жаровне посередине. Оно отбрасывало на пол круг неестественного, мертвенного света, а в темной глубине мы различили две смутные тени, скорчившиеся у стены. В раскрытую дверь тянуло страшным ядовитым чадом, от которого мы задыхались и кашляли. Холмс взбежал по лестнице на самый верх, чтобы вдохнуть свежего воздуха, и затем, ринувшись в комнату, распахнул окно и вышвырнул горящую жаровню в сад.

— Через минуту нам можно будет войти, — прохрипел он, выскочив опять на площадку. — Где свеча? Вряд ли мы сможем зажечь спичку в таком угаре. Ты, Майкрофт, будешь стоять у дверей и светить, а мы их вытащим. Ну, идем, теперь можно!

Мы бросились к отравленным и выволокли их на площадку. Оба были без чувств, с посиневшими губами, с распухшими, налитыми кровью лицами, с глазами навыкате. Лица их были до того искажены, что только черная бородка и плотная короткая фигура позволили нам опознать в одном из них грека-переводчика, с которым мы расстались только несколько часов тому назад в «Диогене». Он был крепко связан по рукам и ногам, и над глазом у него был заметен след от сильного удара. Второй оказался высоким человеком на последней стадии истощения; он тоже был связан, и несколько лент лейкопластыря исчертили его лицо

причудливым узором. Когда мы его положили, он перестал стонать, и я с одного взгляда понял, что здесь помощь наша опоздала. Но мистер Мэлас был еще жив, и, прибегнув к нашатырю и бренди, я менее чем через час с удовлетворением убедился, увидев, как он открывает глаза, что моя рука исторгла его из темной долины, где сходятся все стези.

То, что он рассказал нам, было просто и только подтвердило наши собственные выводы. Посетитель, едва войдя в его комнату на Пэл-Мэл, вытащил из рукава налитую свинцом дубинку и под угрозой немедленной и неизбежной смерти сумел вторично похитить его. Этот негодяй с его смешком производил на злосчастного полиглота какое-то почти магнетическое действие; даже и сейчас, едва он заговаривал о нем, у него начинали трястись руки, и кровь отливала от щек. Его привезли в Бэккенхэм и заставили переводить на втором допросе, еще более трагическом, чем тот, первый: англичане грозились немедленно прикончить своего узника, если он не уступит их требованиям. В конце концов, убедившись, что никакими угрозами его не сломить, они уволокли его назад в его тюрьму, а затем, выбранив Мэласа за его измену, раскрывшуюся через объявления, оглушили его ударом дубинки, и больше он ничего не помнил, пока не увидел наши лица, склоненные над ним.

Такова необычайная история с греком-переводчиком, в которой еще и сейчас многое покрыто тайной. Снесшись с джентльменом, отозвавшимся на объявление, мы выяснили, что несчастная девица происходила из богатой греческой семьи и приехала в Англию погостить у своих друзей. В их доме она познакомилась с молодым человеком по имени Гарольд Латимер, который приобрел над ней власть и в конце концов склонил ее на побег. Друзья, возмущенные ее поведением, дали знать о случившемся в Афины ее брату, но тем и ограничились. Брат, прибью в Англию, по неосторожности очутился в руках Латимера и его сообщника по имени Уилсон Кэмп — человека с самым грязным прошлым. Эти двое, увидев, что, не зная языка, он перед ними совершенно беспомощен, пытались истязаниями и голодом принудить его перевести на них все свое и сестрино состояние. Они держали его в доме тайно от девушки, а пластырь на лице предназначался для того, чтобы сестра, случайно увидев его, не могла бы узнать. Но хитрость не помогла: острым женским глазом она сразу узнала брата, когда впервые увидела его — при том первом визите переводчика. Однако несчастная девушка была и сама на положении узницы, так как в доме не держали никакой прислуги, кроме кучера и его жены, которые были оба послушным орудием в руках злоумышленников. Убедившись, что их тайна раскрыта и что им от пленника ничего не добиться, два негодяя бежали вместе с девушкой, отказавшись за два-три часа до отъезда от снятого ими дома с полной обстановкой и успев, как они полагали, отомстить обоим: человеку, который не склонился перед ними, и тому, который посмел их выдать.

Несколько месяцев спустя мы получили любопытную газетную вырезку из Будапешта. В ней рассказывалось о трагическом конце двух англичан, которые путешествовали в обществе какой-то женщины. Оба были найдены заколотыми, и венгерская полиция держалась того мнения, что они, поссорившись, смертельно ранили друг друга. Но Холмс, как мне кажется, склонен был думать иначе. Он и по сей день считает, что если б разыскать ту девушку-гречанку, можно было б узнать от нее, как она отомстила за себя и за брата.

Морской договор

(Перевод Д.Жукова)

Июль того года, когда я женился, памятен мне по трем интересным делам. Я имел честь присутствовать при их расследовании. В моих дневниках они называются: «Второе пятно», «Морской договор» и «Усталый капитан». Первое из этих дел связано с интересами высокопоставленных лиц, в нем замешаны самые знатные семейства королевства, так что долгие годы было невозможно предать его гласности. Но именно оно наиболее ясно иллюстрирует аналитический метод Холмса, который произвел глубочайшее впечатление на всех, кто принимал участие в расследовании. У меня до сих пор хранится почти дословная запись беседы, во время которой Холмс рассказал все, что доподлинно произошло, месье Дюбюку из парижской полиции и Фрицу фон Вальдбауму, известному специалисту из Данцига, которые потратили немало энергии, распутывая нити, оказавшиеся второстепенными. Но только когда наступит новый век, рассказать этот случай можно будет безо всякого ущерба для кого бы то ни было. А сейчас мне хотелось бы рассказать историю с морским договором. Это дело в свое время тоже имело государственное значение, и в нем есть несколько моментов, придающих ему совершенно уникальный характер.

Еще в школьные годы я сдружился с Перси Фелпсом, который был почти что моим ровесником, но опередил меня на два класса. У него были блестящие способности — он получал почти все школьные премии и за выдающиеся успехи был удостоен стипендии, которая позволила ему добиться триумфа и в Кембридже. Помнится, у него были большие родственные связи. Еще в школе мы знали, что брат его матери лорд Холдхэрст — крупный деятель консервативной партии. Но тогда это знатное родство приносило ему мало пользы; напротив, было очень забавно вывалять его в пыли на спортивной площадке или ударить ракеткой ниже спины. Другое дело, когда он ступил на путь самостоятельной жизни. Краем уха я слышал, что благодаря своим способностям и влиянию дяди он получил хорошее место в министерстве иностранных дел. Но затем я совершенно забыл о нем, пока не получил следующего письма:

«Брайарбрэ, Уокинг.

Дорогой Уотсон, я не сомневаюсь, что вы помните «Головастика» Фелпса, который учился в пятом классе, когда вы были в третьем. Возможно даже вы слышали, что благодаря влиянию моего дяди я получил хорошую должность в министерстве иностранных дел и был в доверии и чести, пока на меня не обрушилось ужасное несчастье, погубившее мою карьеру.

Нет надобности писать обо всех подробностях этого кошмарного происшествия. Если вы снизойдете до моей просьбы, мне все равно придется вам рассказать все от начала до конца.

Я только что оправился от нервной горячки, которая длилась два месяца, и я все еще слаб. Не могли бы вы навестить меня вместе с вашим другом, мистером Холмсом? Мне бы хотелось услышать его мнение об этом деле, хотя авторитетные лица утверждают, что ничего больше поделать нельзя. Пожалуйста, приезжайте с ним как можно скорее. Пока я живу в этом ужасном неведении, мне каждая минута кажется часом. Объясните ему, что если я не обратится к нему прежде, то не потому, что я не ценил его таланта, а потому, что, с тех пор как на меня обрушился этот удар, я все время находился в беспамятстве. Теперь сознание вернулось ко мне, хотя я и не слишком уверенно чувствую себя, так как боюсь рецидива. Я еще так слаб, что могу, как вы видите, только диктовать. Прошу вас, приходите вместе с вашим другом.

Что-то в его письме тронуло меня, было что-то жалостное в его повторяющихся просьбах привезти Холмса. Попроси он что-нибудь неисполнимое, я и тогда постарался бы все для него сделать, но я знал, как Холмс любит свое искусство, знал, что он всегда готов прийти на помощь тому, кто в нем нуждается. Моя жена согласилась со мной, что нельзя терять ни минуты, и вот я тотчас после завтрака оказался еще раз в моей старой квартире на Бейкер-стрит.

Холмс сидел в халате за приставным столом и усердно занимался какими-то химическими исследованиями. Над голубоватым пламенем бунзеновской горелки в большой изогнутой реторте неистово кипела какая-то жидкость, дистиллированные капли которой падали в двухлитровую мензурку. Когда я вошел, мой друг даже не поднял головы, и я, видя, что он

занят важным делом, сел в кресло и принялся ждать. Он окунал стеклянную пипетку то в одну бутылку, то в другую, набирая по нескольку капель жидкости из каждой, и наконец перенес пробирку со смесью на письменный стол. В правой руке он держал полоску лакмусовой бумаги.

— Вы пришли в самый ответственный момент, Уотсон, — сказал Холмс. — Если эта бумага останется синей, все хорошо. Если она станет красной, то это будет стоить человеку жизни.

Он окунул полоску в пробирку, и она мгновенно окрасилась в ровный грязновато-алый цвет.

— Гм, я так и думал! — воскликнул он. — Уотсон, я буду к вашим услугам через минуту. Табак вы найдете в персидской туфле.

Он повернулся к столу и написал несколько телеграмм, которые тут же вручил мальчику-слуге. Затем сел на стул, стоявший против моего кресла, поднял колени и, сцепив длинные пальцы, обхватил руками худые, длинные ноги.

— Самое обыкновенное убийство, — сказал он. — Догадываюсь, что вы принесли кое-что получше. Вы вестник преступлений, Уотсон. Что у вас?

Я дал ему письмо, которое он прочел самым внимательным образом.

— В нем сообщается не слишком много, верно? — заметил он, отдавая письмо.

— Почти ничего.

— И все же почерк интересный.

— Но это не его почерк.

— Верно. Писала женщина!

— Да нет, это мужской почерк!

— Нет, писала женщина, и притом обладающая редким характером. Видите ли, знать в начале расследования, что ваш клиент, к счастью или на свою беду, тесно общается с незаурядной личностью, — это уже много. Если вы готовы, то мы тотчас отправимся в Уокинг и встретимся с этим попавшим в беду дипломатом и с дамой, которой он диктует свои письма.

На Ватерлоо мы удачно сели на ранний поезд и меньше чем через час оказались среди хвойных лесов и вересковых зарослей Уокинга. Усадьба Брайарбрэ находилась в нескольких минутах ходу от станции. Мы послали свои визитные карточки, и нас провели в гостиную, обставленную элегантной мебелью, куда через несколько минут вошел довольно полный человек, принявший нас очень радушно. Ему было уже лет за тридцать пять, но из-за очень румяных щек и веселых глаз он производил впечатление пухлого, озорного мальчугана.

— Я рад, что вы приехали, — сказал он, экспансивно пожимая наши руки. — Перси все утро спрашивает о вас. Бедняга, он цепляется за любую соломинку. Его отец с матерью просили меня встретить вас, потому что им больно даже упоминание об этом деле.

— Мы пока еще ничего не знаем, — заметил Холмс. — Как я догадываюсь, вы не член этой семьи.

Наш новый знакомый удивился, но, посмотрев вниз, рассмеялся.

— Вы, разумеется, увидели монограмму «Дж. Г.» у меня на брелоке, — сказал он. — А я уже было поразился вашей проницательности. Я Джозеф Гаррисон, и так как Перси собирается жениться на моей сестре Энни, то буду его родственником по крайней мере со стороны жены. Сестру мою вы увидите в его комнате — последние два месяца она нянчит его, как ребенка. Пожалуй, нам лучше пройти к нему тотчас: он ждет вас с нетерпением.

Комната, в которую нас провели, была на том же этаже, что и гостиная. Это была полугостиная-полуспальня, в ней было много цветов. Теплый летний воздух, напоенный садовыми ароматами, вливался в раскрытое окно, у которого на кушетке лежал очень бледный и изможденный молодой человек.

Когда мы вошли, сидевшая рядом с ним женщина встала.

— Я пойду, Перси? — спросила она. Он схватил ее за руку, чтобы удержать.

— Здравствуйте, Уотсон, — сказал он сердечно. — Вы отпустили усы — я бы ни за что не узнал вас, да и меня узнать мудрено. А это, наверно, ваш знаменитый друг — мистер Шерлок Холмс?

Я коротко представил Холмса, и мы оба сели. Толстый молодой человек вышел, но его сестра осталась с больным, который не выпускал ее руки. Это была женщина примечательной внешности — с красивым смугловатым цветом лица, большими черными миндалевидными глазами и копной иссиня-черных волос, но для своего небольшого роста она была, пожалуй, несколько полновата. По контрасту с ее яркими красками бледное лицо ее жениха казалось еще более осунувшимся, изможденным.

— Я не хочу, чтобы вы теряли время, — сказал он, приподнявшись на кушетке, — и сразу перейду к делу. Я был счастливым и преуспевающим человеком, мистер Холмс. Уже готовилась моя свадьба, как вдруг ужасная беда разрушила все мои жизненные планы.

Уотсон, наверно, говорил вам, что я служил в министерстве иностранных дел и благодаря влиянию моего дяди, лорда Холдхэрста, быстро получил ответственную должность. Когда дядюшка стал министром иностранных дел в нынешнем правительстве, он стал давать мне ответственные поручения, и, так как я выполнял их с неизменным успехом, он в конце концов совершенно уверился в моих способностях и дипломатическом такте.

Примерно десять недель назад, а точнее, двадцать третьего мая, он вызвал меня к себе в кабинет и, похвалив за старание, сказал, что хочет поручить мне новое ответственное дело.

«Вот это, — сказал он, беря серый свиток бумаги со стола, — оригинал тайного договора между Англией и Италией, сведения о котором уже просочились, к сожалению, в печать. Чрезвычайно важно, чтобы в дальнейшем никакой утечки информации не было. Французское или русское посольства заплатили бы огромные деньги, чтобы узнать содержание этого документа. Я бы предпочел не вынимать его из ящика моего письменного стола, если бы не было настоятельной необходимостью снять с него копию. В вашем кабинете есть сейф?»

«Да, сэр».

«Тогда возьмите договор и заприте его в сейфе. Я дам указание, чтобы вам разрешили остаться, когда все уйдут, и вы сможете снять копию, не спеша и не боясь, что за вами будут подглядывать. Когда вы все кончите, заприте и оригинал и копию в сейф и завтра утром вручите их мне лично».

Я взял документ и…

— Простите, — перебил его Холмс, — вы были одни во время разговора?

— Совершенно одни.

— В большой комнате?

— Футов тридцать на тридцать.

— Посередине ее?

— Да, примерно.

— И говорили тихо?

— Дядя всегда говорит очень тихо. А я почти ничего не говорил.

— Спасибо, — сказал Холмс, закрывая глаза. — Пожалуйста, продолжайте.

— Я сделал точно так, как он мне велел, и подождал, пока уйдут клерки. Один из клерков, работавших со мной в одной комнате, Чарльз Горо, не управился вовремя со своей работой, и поэтому я решил сходить пообедать. Когда я вернулся, он уже ушел. Мне не терпелось по-скорее закончить работу: я знал, что Джозеф — мистер Гаррисон, которого вы только что видели, — в городе и что он поедет в Уокинг одиннадцатичасовым поездом. И я тоже хотел поспеть на этот поезд.

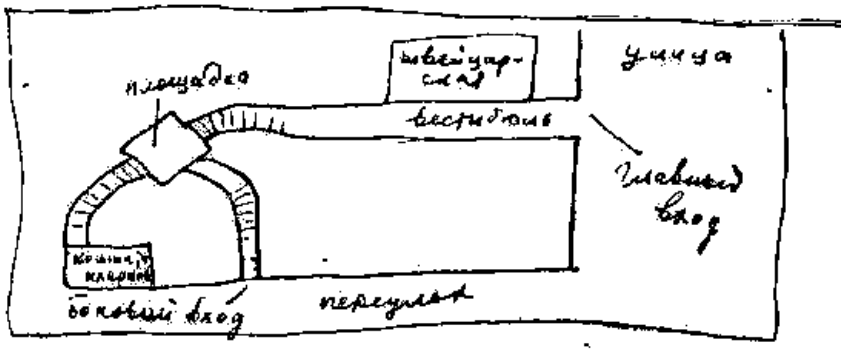
С первого же взгляда я понял, что дядя нисколько не преувеличил значения договора. Не вдаваясь в подробности, могу сказать, что им определялась позиция Великобритании по отношению к Тройственному союзу и предопределялась будущая политика нашей страны па тот случай, если французский флот по своей боевой мощи превзойдет в Средиземном море итальянский флот. В договоре трактовались вопросы, имеющие отношение только к военно-

морским делам. В конце стояли подписи высоких договаривающихся сторон. Я пробежал глазами договор и стал переписывать его.

Это был пространный документ, написанный на французском языке и насчитывающий двадцать шесть статей. Я писал очень быстро, но к девяти часам одолел всего лишь девять статей и уже потерял надежду попасть на поезд. Я хотел спать и плохо соображал, потому что плотно пообедал, да и сказывался целый день работы. Чашка кофе взбодрила бы меня. Швейцар у нас дежурит всю ночь в маленькой комнате возле лестницы и обычно варит на спиртовке кофе для тех сотрудников, которые остаются работать в неурочное время. И я звонком вызвал его.

К моему удивлению, на звонок пришла высокая, плотная, пожилая женщина в фартуке. Это была жена швейцара, работающая у нас уборщицей, и я попросил ее сварить кофе.

Переписав еще две статьи, я почувствовал, что совсем засыпаю, встал и прошелся по комнате, чтобы размять ноги. Кофе мне еще не принесли, и я решил узнать, в чем там дело. Открыв дверь, я вышел в коридор. Из комнаты, где я работал, можно пройти к выходу только плохо освещенным коридором. Он кончается изогнутой лестницей, спускающейся в вестибюль, где находится к комнатка швейцара. Посередине лестницы есть площадка, от которой под прямым углом отходит еще один коридор. По нему, минуя небольшую лестницу, можно пройти к боковому входу, которым пользуются слуги и клерки, когда они идут со стороны Чарльз-стрит и хотят сократить путь. Вот примерный план помещения:



— Спасибо. Я внимательно слушаю вас, — сказал Шерлок Холмс.

— Вот что очень важно. Я спустился по лестнице в вестибюль, где нашел швейцара, который крепко спал. На спиртовке, брызгая водой на пол, бешено кипел чайник. Я протянул было руку, чтобы разбудить швейцара, который все еще крепко спал, как вдруг над его головой громко зазвонил звонок. Швейцар, вздрогнув, проснулся.

«Это вы, мистер Фелпс!» — сказал он, смущенно глядя на меня.

«Я сошел вниз, чтобы узнать, готов ли кофе».

«Я варил кофе и уснул, сэр, — сказал он, взглянул на меня и уставился на все еще раскачивающийся звонок. Лицо его выражало крайнее изумление. — Сэр, если вы здесь, то кто же тогда звонил?» — спросил он.

«Звонил? — переспросил я. — Что вы имели в виду? Что это значит?»

«Этот звонок из той комнаты, где вы работаете».

Мое сердце словно сжала ледяная рука. Значит, сейчас кто-то есть в комнате, где лежит на столе мой драгоценный договор. Что было духу я понесся вверх по лестнице, по коридору. В коридоре не было никого, мистер Холмс. Не было никого и в комнате. Все лежало на своих местах, кроме доверенного мне документа, — он исчез со стола. Копия была на столе, а оригинал пропал.

Холмс откинулся на спинку стула и потер руки. Я видел, что дело это захватило его.

— Скажите, пожалуйста, а что вы сделали потом? — спросил он.

— Я мигом сообразил, что похититель, по-видимому, поднялся наверх, войдя в дом с переулка. Я бы, наверно, встретился с ним, если бы он шел другим путем.

— А вы убеждены, что он не прятался все это время в комнате или в коридоре, который, по вашим словам, был плохо освещен?

— Это совершенно исключено. В комнате или коридоре не спрячется и мышь. Там просто негде прятаться.

— Благодарю вас. Пожалуйста, продолжайте.

— Швейцар, увидев по моему побледневшему лицу, что случилась какая-то беда, тоже поднялся наверх. Мы оба бросились вон из комнаты, побежали по коридору, а затем по крутой лесенке, которая вела на Чарльз-стрит. Дверь внизу была закрыта, но не заперта. Мы распахнули ее и выбежали на улицу. Я отчетливо помню, что со стороны соседней церкви донеслось три удара колоколов. Было без четверти десять.

— Это очень важно, — сказал Холмс, записав что-то на манжете сорочки.

— Вечер был очень темный, шел мелкий теплый дождик. На Чарльз-стрит не было никого, на Уайтхолл, как всегда, движение продолжалось самое бойкое. В чем были, без головных уборов, мы побежали по тротуару и нашли на углу полицейского.

«Совершена кража, — задыхаясь, сказал я. — Из министерства иностранных дел украден чрезвычайно важный документ. Здесь кто-нибудь проходил?»

«Я стою здесь уже четверть часа, сэр, — ответил полицейский, — за все это время прошел только один человек — высокая пожилая женщина, закутанная в шаль».

«А, это моя жена, — сказал швейцар. — А кто-нибудь еще не проходил?»

«Никто».

«Значит, вор, наверно, пошел в другую сторону», — сказал швейцар и потянул меня за рукав.

Но его попытка увести меня отсюда только усилила возникшее у меня подозрение.

«Куда пошла женщина?» — спросил я.

«Не знаю, сэр. Я только заметил, как она прошла мимо, но причин следить за ней у меня не было. Кажется, она торопилась».

«Как давно это было?»

«Несколько минут назад».

«Сколько? Пять?»

«Ну, не больше пяти».

«Мы напрасно тратим время, сэр, а сейчас дорога каждая минуту, — уговаривал меня швейцар. — Поверьте мне, моя старуха никакого отношения к этому не имеет. Пойдемте скорее в другую сторону от входной двери. И если вы не пойдете, то я пойду один».

С этими словами он бросился в противоположную сторону. Но я догнал его и схватил за рукав.

«Где вы живете?» — спросил я.

«В Брикстоне, Айви-лейн, 16, — ответил он, — но вы на ложном следу, мистер Фелпс. Пойдем лучше в ту сторону улицы и посмотрим, нет ли там чего!»

Терять было нечего. Вместе с полицейским мы поспешили в противоположную сторону и вышли на улицу, где было большое движение и масса прохожих. Но все они в этот сырой вечер только и мечтали поскорее добраться до крова. Не нашлось ни одного праздношатающегося, который бы мог сказать нам, кто здесь проходил. Потом мы вернулись в здание, поискали на лестнице и в коридоре, но ничего не нашли. Пол в коридоре покрыт кремовым линолеумом, на котором заметен всякий след. Мы тщательно осмотрели его, но не обнаружили никаких следов.

— Дождь шел весь вечер?

— Примерно с семи.

— Как же в таком случае женщина, заходившая в комнату около девяти, не наследила своими грязными башмаками?

— Я рад, что вы обратили внимание на это обстоятельство. То же самое пришло в голову и мне. Но оказалось, что уборщицы обычно снимают башмаки в швейцарской и надевают тряпочные туфли.

— Понятно. Значит, хотя на улице в тот вечер шел дождь, никаких следов не оказалось? Дело принимает чрезвычайно интересный оборот. Что вы сделали затем?

— Мы осмотрели и комнату. Потайной двери там быть не могло, а от окон до земли добрых футов тридцать. Оба окна защелкнуты изнутри. На полу ковер, так что люк исключается, а потолок обыкновенный, беленый. Кладу голову на отсечение, что украсть документ могли, только войдя в дверь.

— А через камин?

— Камина нет. Только печка. Шнур от звонка висит справа от моего стола. Значит, тот, кто звонил, стоял по правую руку. Но зачем понадобилось преступнику звонить? Это неразрешимая загадка.

— Происшествие, разумеется, необычайное. Но что вы делали дальше? Вы осмотрели комнату, я полагаю, чтобы убедиться, не оставил ли незваный гость каких-нибудь следов своего пребывания — окурков, например, потерянной перчатки, шпильки или другого пустяка?

— Ничего не было.

— А как насчет запахов?

— Об этом мы не подумали.

— Запах табака оказал бы нам величайшую услугу при расследовании.

— Я сам не курю и поэтому заметил бы табачный запах. Нет. Зацепиться там было совершенно не за что. Одно только существенно — жена швейцара миссис Танджи спешно покинула здание. Сам швейцар объяснил, что его жена всегда в это время уходит домой. Мы с полицейским решили, что лучше всего было бы немедленно арестовать женщину, чтобы она не успела избавиться от документа, если, конечно, похитила его она.

Мы тут же дали знать в Скотленд-Ярд, и оттуда тотчас прибыл сыщик мистер Форбс, энергично взявшийся за дело. Наняв кеб, мы через полчаса уже стучались в дверь дома, где жил швейцар. Нам отворила девушка, оказавшаяся старшей дочерью миссис Танджи. Ее мать еще не вернулась, и нас провели в комнату.

Минут десять спустя раздался стук. И тут мы совершили серьезный промах, в котором я виню только себя. Вместо того чтобы открыть дверь самим, мы позволили сделать это девушке. Мы услышали, как она сказала: «Мама, тебя ждут двое мужчин», — и тотчас услышали в коридоре быстрый топот. Форбс распахнул дверь, и мы оба бросились за женщиной в заднюю комнату или кухню. Она вбежала туда первая и вызывающе взглянула на нас, но потом вдруг, узнав меня, от изумления даже переменилась в лице.

«Да это же мистер Фелпс из министерства!» — воскликнула она.

«А вы за кого нас приняли? Почему бросились бежать от нас?» — спросил мой спутник.

«Я думала, пришли описывать имущество, — сказала она. — Мы задолжали лавочнику».

«Придумано не так уж ловко, — парировал Форбс. — У нас есть причины подозревать вас в краже важного документа из министерства иностранных дел. И я думаю, что вы бросились в кухню, чтобы спрятать его. Вы должны поехать с нами в Скотленд-Ярд, где вас обыщут».

Напрасно она протестовала и сопротивлялась. Подъехал кеб, и мы все трое сели в него. Но перед тем мы все-таки осмотрели кухню и особенно очаг, предположив, что она успела сжечь бумаги за то короткое время, пока была в кухне одна. Однако ни пепла, ни обрывков мы не нашли. Приехав в Скотленд-Ярд, мы сразу передали ее в руки одной из сотрудниц. Я ждал ее доклада, сгорая от нетерпения. Но никакого документа не нашли.

Тут только я понял весь ужас моего положения. До сих пор я действовал и, действуя, забывался. Я был совершенно уверен, что договор найдется немедленно, и не смел даже

думать о том, какие последствия меня ожидают, если этого не случится. Но теперь, когда розыски окончились, я мог подумать о своем положении. Оно было поистине ужасно! Уотсон вам скажет, что в школе я был нервным, чувствительным ребенком. Я подумал о дяде и его коллегах по кабинету министров, о позоре, который я навлек на него, на себя, на всех, кто был связан со мной. А что, если я стал жертвой какого-то невероятного случая? Никакая случайность не допустима, когда на карту становятся дипломатические интересы. Я потерпел крах, постыдный, безнадежный крах. Не помню, что я потом делал. Наверно, со мной была истерика. Смутно припоминаю столпившихся вокруг и старающихся утешить меня служащих Скотленд-Ярда. Один из них поехал со мной до Ватерлоо и посадил меня в поезд на Уокинг. Наверно, он проводил бы меня до самого дома, если бы не подвернулся доктор Ферьер, живущий по соседству от нас и ехавший тем же поездом. Доктор любезно взял на себя заботу обо мне, и как раз вовремя, потому что на станции у меня начался припадок, и мы еще не добрались до дому, как я превратился в буйнопомешанного.

Можете представить себе, что здесь было, когда после звонка доктора все поднялись с постелей и увидели меня в таком состоянии. Бедняжка Энни, сидящая здесь, и моя мать были в отчаянии. Доктор Ферьер рассказал родным то, что ему сообщил на вокзале сыщик, и только подлил масла в огонь. Всем было ясно, что я заболел надолго, а посему Джозефа выпроводили из этой веселой комнаты и обратили ее в больничную палату. Здесь я и провалялся более девяти недель в полном беспамятстве и бреду. Если бы не мисс Гаррисон и не заботы доктора, я бы еще и сейчас не был способен здраво рассуждать. Энни ходила за мной днем, а ночью дежурила сиделка, так как в приступе безумия я мог сделать что угодно. Постепенно сознание мое прояснилось, но память ко мне вернулась только три дня назад. Порой мне хочется вовсе лишиться ее. В первую очередь я попросил телеграфировать мистеру Форбсу, который расследует дело. Он приехал и заверил меня, что делается все возможное, хотя на след преступника еще не напали. Швейцара и его жену проверили самым тщательным образом и ничего не обнаружили. Тогда полиция стала подозревать Горо, который, как вы помните, оставался в тот вечер работать дольше других. Подозрение могла вызвать только его французская фамилия и тот факт, что он тогда задержался в министерстве; но я приступил к работе лишь после его ухода, а он сам и его семья — предки Горо были гугенотами — по своим симпатиям и образу жизни такие же англичане, как вы и я. Как бы там ни было, инкриминировать ему ничего не могли, и пришлось отказаться и от этой версии. Вы, мистер Холмс, — моя последняя надежда. Если вы не спасете меня, моя честь и мое положение — все погибло безвозвратно.

Устав от длинного рассказа, больной опустился на подушки, а его сиделка налила ему в стакан какую-то успокаивающую микстуру. Холмс сидел, запрокинув голову и закрыв глаза, и молчал. Стороннему человеку показалось бы, что им овладело безразличие, но я-то знал, что эта его поза означает напряженнейшую работу мысли.

— Ваш рассказ был настолько исчерпывающим, — сказал он наконец, — что мне почти нечего спрашивать. Но один вопрос, имеющий первостепенное значение, я вам все-таки задам. Говорили вы кому-нибудь о том, что получили специальное задание?

— Никому.

— Хотя бы вот… мисс Гаррисон?

— Нет. Я не был в Уокинге после того, как мне дали это задание.

— И ни с кем из ваших вы тогда случайно не виделись?

— Ни с кем.

— Кто-нибудь из них знает, где расположена ваша комната в министерстве?

— О да, у меня там бывали все.

— Конечно, этот последний вопрос излишен, если вы никому ничего не говорили.

— Никому ничего.

— Что вы знаете о швейцаре?

— Ничего, кроме того, что он отставной солдат.

— Какого полка?

— Я слышал, как будто… Коулдстрим-Гардз.

— Спасибо. Я не сомневаюсь, что узнаю подробности у Форбса. Следователи Скотленд-Ярда отлично умеют собирать факты, но не всегда умеют объяснить их. Ах, какая прелестная роза!

Холмс прошел мимо кушетки к открытому окну, приподнял опустившийся стебель розы и полюбовался тончайшими оттенками розового и зеленого. Эта сторона его характера мне еще не была знакома — я до сих пор ни разу не видел, чтобы он проявлял интерес к живой природе.

— Нигде так не нужна дедукция, как в религии, — сказал он, прислонившись к ставням. — Логик может поднять ее до уровня точной науки. Мне кажется, что своей верой в божественное провидение мы обязаны цветам. Все остальное — наши способности, наши желания, наша пища — необходимо нам в первую очередь для существования. Но роза дана нам сверх всего. Запах и цвет розы украшают жизнь, а не являются условием ее существования. Только божественное провидение может быть источником прекрасного. Вот почему я и говорю: пока есть цветы, человек может надеяться.

Перси Фелпс и его невеста с удивлением слушали разглагольствования Холмса, и на их лицах появилось разочарование. Держа розу в пальцах, он замечтался. Это продолжалось несколько минут, пока голос молодой женщины не заставил его очнуться.

— Вы уже видите, как можно решить эту загадку? — резковато сказала она.

— О, загадку! — откликнулся он, опускаясь с небес на землю. — Было бы нелепо отрицать, что дело это весьма трудное и запутанное, но я обещаю заняться им серьезно и держать вас в курсе дела.

— У вас уже есть какая-нибудь версия?

— У меня их есть уже семь, но я, разумеется, должен все проверить, прежде чем высказать их вслух.

— Вы кого-нибудь подозреваете?

— Я подозреваю себя…

— Что?

— В том, что делаю слишком поспешные выводы.

— В таком случае поезжайте в Лондон и проверьте их.

— Вы дали прекрасный совет, мисс Гаррисон, — вставая, сказал Холмс. — Думаю, Уотсон, это лучшее, что мы можем предпринять. Не позволяйте себе тешиться слишком радужными надеждами, мистер Фелпс. Дело очень запутанное.

— Я места себе не найду, пока снова не увижу вас, — взмолился дипломат.

— Хорошо, я приеду завтра тем же поездом, хотя более чем вероятно, что не сообщу вам ничего нового.

— Благослови вас бог за ваше обещание приехать, — сказал наш клиент. — Я знаю теперь, что дело в надежных руках, и это придает мне силы. Кстати, я получил письмо от лорда Холдхэрста.

— Так. Что он пишет?

— Он холоден, но не резок. Думаю, что он щадит меня только из-за моего состояния. Он пишет, что дело чрезвычайно серьезное, но что в отношении моего будущего ничего не будет предприниматься — он, конечно, имеет в виду увольнение, — пока я не встану на ноги и не получу возможности исправить положение.

— Ну, это все очень разумно и деликатно, — сказал Холмс. — Пойдемте, Уотсон, у нас в городе работы на целый день.

Мистер Джозеф Гаррисон отвез нас на станцию, и вскоре мы уже мчались в портсмутском поезде. Холмс глубоко задумался и не проронил ни слова, пока мы не проехали узловой станции Клэпем.

— Очень интересно подъезжать к Лондону по высокому месту и смотреть на дома внизу.

Я подумал, что он шутит, потому что вид был совсем непривлекательный, но он тут же пояснил:

— Посмотрите вон на те большие дома, громоздящиеся над шиферными крышами, как кирпичные острова в свинцово-сером море.

— Это казенные школы.

— Маяки, друг мой! Бакены будущего! Коробочки с сотнями светлых маленьких семян в каждой. Из них вырастет просвещенная Англия будущего. Кажется, этот Фелпс не пьет?

— Думаю, что нет.

— И я так тоже думаю. Но мы обязаны предусмотреть все. Бедняга увяз по уши, а вытащим ли мы его из этой трясины — еще вопрос. Что вы думаете о мисс Гаррисон?

— Девушка с сильным характером.

— И к тому же неплохой человек, если я не ошибаюсь. Они с братом — единственные дети фабриканта железных изделий, живущего где-то на севере, в Нортумберленде. Фелпс обручился с ней этой зимой, во время своего путешествия, и она в сопровождении брата приехала познакомиться с родными жениха. Затем произошла катастрофа, и она осталась, чтобы ухаживать за возлюбленным. Ее брат Джозеф, найдя, что тут довольно неплохо, остался тоже. Я уже, как видите, навел кое-какие справки. И сегодня нам придется заниматься этим весь день.

— Мои пациенты… — начал было я.

— О, если вы находите, что ваши дела интереснее моих… — сердито перебил меня Холмс.

— Я хотел сказать, что мои пациенты проживут без меня денек-другой, тем более что в это время года болеют мало.

— Превосходно, — сказал он, снова приходя в хорошее настроение. — В таком случае займемся этой историей вдвоем. Думается мне, что в первую очередь нам надо повидать Форбса. Вероятно, он может рассказать нам много интересного. Тогда нам будет легче решить, с какой стороны браться за дело.

— Вы сказали, что у вас уже есть версия.

— Даже несколько, но только дальнейшее расследование может показать, что они стоят. Труднее всего раскрыть преступление, совершенное без всякой цели. Это преступление не бесцельное. Кому оно выгодно? Либо французскому послу, либо русскому послу, либо тому, кто может продать документ одному из этих послов, либо, наконец, лорду Холдхэрсту.

— Лорду Холдхэрсту?!

— Можно же представить себе государственного деятеля в таком положении, когда он не пожалеет, если некий документ будет случайно уничтожен.

— Но только не лорд Холдхэрст. У этого государственного деятеля безупречная репутация.

— А все-таки мы не можем позволить себе пренебречь и такой версией. Сегодня мы навестим благородного лорда и послушаем, что он нам скажет. Между прочим, расследование уже идет полным ходом.

— Уже?

— Да, я послал со станции Уокинг телеграммы в вечерние лондонские газеты. Это объявление появится сразу во всех газетах.

Он дал мне листок, вырванный из записной книжки. Там было написано карандашом:

«10 фунтов стерлингов вознаграждения всякому, кто сообщит номер кеба, с которого седок сошел на Чарльз-стрит возле подъезда министерства иностранных дел без четверти десять вечера 23 мая. Обращаться по адресу: Бейкер-стрит, 221-б».

— Вы уверены, что похититель приехал в кебе?

— Если и не в кебе, то вреда никакого не будет. Но если верить мистеру Фелпсу, что ни в комнате, ни в коридоре спрятаться нельзя, значит, человек должен был прийти с улицы. Если он пришел с улицы в такой дождливый вечер и не оставил мокрых следов на линолеуме, который тут же тщательно осмотрели, более чем вероятно, что он приехал в кебе. Да, я думаю, можно смело предположить, что он приехал в кебе.

— Это выглядит правдоподобно.

— Такова одна из версий, о которых я говорил. Возможно, она приведет к чему-нибудь. Потом, разумеется, надо выяснить, почему зазвенел звонок, — это самая приметная деталь. Что это: бравада похитителя? Или кто-то хотел помешать преступнику? Или просто случайность? Или?..

Холмс замолчал и снова стал напряженно думать, и мне, знакомому со всеми его настроениями, показалось, что мысли его вдруг устремились по новому руслу.

Мы были на городском вокзале в двадцать минут четвертого и, наскоро закусив в буфете, сразу отправились в Скотленд-Ярд. Холмс уже телеграфировал Форбсу, и он нас ждал. Это был коротышка с решительным, но отнюдь не дружелюбным выражением лисьей физиономии. Он принял нас очень холодно, особенно когда узнал, по какому делу мы пришли.

— Я уже слышал о ваших методах, мистер Холмс, — сказал он с кислым видом. — Вы пользуетесь всей информацией, какую может предоставить в ваше распоряжение полиция, легко находите преступника и лишаете наших сыщиков заслуженных лавров.

— Напротив, — возразил Холмс, — из последних пятидесяти трех преступлений, мною раскрытых, только о четырех стало известно, что это сделал я, а остальные же сорок девять на счету полиции. Я не виню вас за то, что вы не знаете этого, вы еще молоды и неопытны, но если вы хотите преуспеть в своей новой должности, вы станете работать со мной, а не против меня.

— Я был бы рад, если бы вы мне дали несколько советов по этому делу, — сказал сыщик, сменив гнев на милость. — Мне пока еще нечем похвастаться.

— Что вы предприняли?

— Мы следили за Танджи, швейцаром. Он ушел в отставку из гвардии с хорошей характеристикой, никаких компрометирующих данных у нас о нем нет, но у жены его дурная слава. Думается мне, она знает больше, чем это кажется.

— За ней вы следили?

— Мы подставили к ней одну из наших сотрудниц. Миссис Танджи пьет, наша сотрудница провела с ней два вечера, но ничего не могла вытянуть из нее.

— Кажется, к ним наведывались судебные исполнители?

— Да, но им заплатили.

— А откуда взялись деньги?

— Здесь все в порядке. Швейцар как раз получил пенсию. Нет никаких признаков, что у них стали водиться деньги.

— Как она объяснила, что в тот вечер на звонок мистера Фелпса поднялась она?

— Она сказала, что муж очень устал и она хотела помочь ему.

— Что ж, это согласуется с тем, что немного позже его нашли спящим на стуле. Значит, против них нет никаких улик, разве что у женщины плохая репутация. Вы спросили: почему она так спешила в тот вечер? Ее поспешность привлекла внимание постового полицейского.

— Она задержалась против обычного и хотела поскорее добраться домой.

— Вы указали ей на то, что вы с мистером Фелпсом, выйдя из министерства по крайней мере минут на двадцать позже нее, добрались до ее дома раньше?

— Она объясняет это разницей в скорости омнибуса и кеба.

— А сказала она, почему, придя домой, она бегом бросилась в кухню?

— У нее там были приготовлены деньги для судебных исполнителей.

— У нее, я вижу, есть ответ на любой вопрос. А спросили вы ее, не встретила ли она кого-нибудь на Чарльз-стрит, когда выходила из министерства?

— Она не видела никого, кроме постового.

— Допросили вы ее тщательно. А что еще вы сделали?

— Следили все эти десять недель за клерком Горо, но безрезультатно. Против него нет никаких улик…

— Что еще?

— Вот и все… и ни следов, ни улик.

— Вы думали над тем, почему звонил звонок?

— Должен признаться, что я в полном недоумении. Кто бы он ни был, но у этого человека железные нервы… Взять и самому поднять тревогу!

— Да, очень странный поступок. Большое спасибо за сведения. Если я найду преступника, я дам вам знать. Пойдем, Уотсон!

— Куда теперь? — спросил я, когда мы вышли из кабинета.

— Теперь мы пойдем и побеседуем с лордом Холдхэрстом, членом кабинета министров и будущим премьером Англии.

К счастью, лорд Холдхэрст был еще в своем служебном кабинете. Холмс послал свою визитную карточку, и нас тотчас привели к нему. Государственный деятель принял нас со старомодной учтивостью, которой он отличался, и усадил в роскошные удобные кресла, стоящие по обе стороны камина. Он стоял перед нами на ковре, высокий, худощавый, с резкими чертами одухотворенного лица, с вьющимися, рано тронутыми сединой волосами. Живое воплощение так редко встречающегося истинного благородства.

— Ваше имя мне очень хорошо знакомо, мистер Холмс, — улыбаясь, сказал он. — И, разумеется, я не буду притворяться, что не знаю о цели вашего визита. Только одно происшествие, случившееся в этом учреждении, могло привлечь ваше внимание. Могу ли я спросить, чьи интересы вы представляете?

— Мистера Перси Фелпса, — ответил Холмс.

— О, моего несчастного племянника! Вы понимаете, что из-за нашего родства мне гораздо труднее защищать его. Боюсь, что это происшествие скажется губительно на его карьере.

— А если документ будет найден?

— Тогда, разумеется, все будет иначе.

— Позвольте задать вам несколько вопросов, лорд Холдхэрст.

— Я буду рад дать вам любые сведения, которыми я располагаю.

— В этом кабинете вы дали указание переписать документ?

— Да.

— Следовательно, вас вряд ли могли подслушать?

— Это исключается.

— Говорили вы кому-нибудь, что хотите отдать договор для переписки?

— Не говорил.

— Вы уверены в этом?

— Совершенно уверен.

— Но если ни вы, ни мистер Фелпс никому ничего не говорили, то, значит, похититель оказался в комнате клерков совершенно случайно. Он увидел документ и решил воспользоваться счастливым случаем.

Государственный деятель улыбнулся.

— Это уже вне моей компетенции, — сказал он.

Холмс минуту помолчал.

— Есть еще одно важное обстоятельство, которое я хотел бы обсудить с вами, — сказал Холмс. — Насколько я понимаю, вы опасаетесь очень серьезных последствий, если станет известно содержание договора.

По выразительному лицу министра пробежала тень.

— Да, очень серьезных.

— Сейчас уже заметно что-нибудь?

— Пока нет.

— Если бы договор попал в руки, скажем, французского или русского министерства иностранных дел, вы бы узнали об этом?

— Мне следовало бы знать, — поморщившись, сказал лорд Холдхэрст.

— Но прошло уже десять недель, а ничего еще не произошло. Значит, есть основания полагать, что по какой-то причине договор еще не попал к тому, кто в нем заинтересован.

Лорд Холдхэрст пожал плечами.

— Вряд ли можно полагать, мистер Холмс, что похититель унес договор, чтобы вставить его в рамку и повесить на стену,

— Может быть, он ждет, чтобы ему предложили побольше.

— Еще немного, и он вообще ничего не получит. Через несколько месяцев договор уже ни для кого не будет секретом.

— Это очень важно, — сказал Холмс. — Разумеется, можно еще предположить, что похититель внезапно заболел…

— Нервной горячкой, например? — спросил министр, бросив на Холмса быстрый взгляд.

— Я этого не говорил, — невозмутимо сказал Холмс. — А теперь, лорд Холдхэрст, позвольте откланяться, мы и так отняли у вас столько драгоценного времени.

— Желаю успеха в вашем расследовании, кто бы ни оказался преступником, — сказан учтиво министр, и мы, откланявшись, вышли.

— Прекрасный человек, — сказал Холмс, когда мы оказались на Уайтхолл. — Но и ему знакома жизненная борьба. Он далеко не богат, а у него много расходов. Вы, разумеется, заметили, что его ботинки побывали в починке? Но я больше не стану, Уотсон, отвлекать вас от ваших прямых обязанностей. Сегодня мне больше нечего делать, разве что пойти и узнать, кто откликнулся на мое объявление о кебе. Но я был бы вам весьма признателен, если бы вы завтра поехали со мной в Уокинг тем же поездом, что и сегодня.

Мы встретились на следующее утро, как договорились, и поехали в Уокинг. Холмс сказал, что на объявление никто не откликнулся и ничего нового по делу нет. При этом лицо у него стало совершенно бесстрастным, как у краснокожего, и я никак не мог определить по его виду, доволен ли он ходом расследования или нет. Помнится, он завел разговор о бертильоновской системе измерений и бурно восхищался этим французским ученым.

Наш клиент все еще находился под надзором своей заботливой сиделки, но вид у него был уже лучше. Когда мы вошли, он без труда встал с кушетки и приветствовал нас.

— Какие новости? — нетерпеливо спросил он.

— Как я и думал, пока никаких, — сказал Холмс. — Я встретился с Форбсом, потом с вашим дядей и начал расследование сразу по нескольким каналам, которые, возможно, и приведут к чему-нибудь.

— Значит, ваш интерес к делу еще не остыл?

— Конечно, нет!

— Благослови вас бог за эти слова! — воскликнула мисс Гаррисон. — Если мы будем мужественны и терпеливы, правда непременно откроется.

— А у нас новостей побольше, чем у вас, — сказал Фелпс, снова садясь на кушетку.

— Я ожидал этого.

— Да, ночью у нас было происшествие, и, кажется, весьма серьезное. — Он нахмурился, и в его глазах мелькнул страх. — Знаете, я уже начинаю подозревать, что стал нечаянной жертвой чудовищного заговора и что заговорщики посягают не только на мою честь, но и на мою жизнь!

— Ого! — воскликнул Холмс.

— Это кажется невероятным, потому что, как я раньше считал, у меня нет в целом мире ни одного врага. Но прошлой ночью я убедился в обратном.

— Продолжайте, пожалуйста.

— К вашему сведению, я прошлую ночь впервые провел без сиделки. Мне стало гораздо лучше, и я думал, что смогу обойтись без нее. В комнате горел ночник. Часа в два ночи я забылся тревожным сном, как вдруг меня разбудил негромкий шорох, похожий на то, как скребется мышь. Некоторое время я лежал прислушиваясь. Мышь, решил я, но тут шум усилился, и вдруг со стороны окна донесся резкий металлический скрежет. Я сразу догадался, в чем дело. Слабый шум производился инструментом, который кто-то старался просунуть в щель между оконными створками, а скрежет — отодвигаемым шпингалетом.

Потом наступила примерно десятиминутная пауза — словно человек хотел убедиться, не проснулся ли я от шума. Затем я услышал легкое поскрипывание, и окно стало медленно раскрываться. Я не выдержал — нервы у меня теперь не те. Соскочил с постели и распахнул ставни. Под окном на корточках сидел какой-то человек. На нем было что-то вроде плаща, скрывавшего и нижнюю часть лица. В одном только я уверен: рука его сжимала какое-то оружие. Мне показалось, что это длинный нож. Я отчетливо видел, как блеснул металл, когда человек бросился бежать.

— Очень интересно, — сказал Холмс. — И что же вы сделали?

— Если бы я не был так слаб, я бы выскочил в раскрытое окно и побежал за ним. Но я мог только позвонить и поднял на ноги весь дом. Сделать это удалось не сразу: звонок звенит на кухне, а все слуги снят наверху. На мой крик сверху прибежал Джозеф, он и разбудил остальных. На клумбе под окном Джозеф с конюхом нашли следы, но земля была настолько сухая, что дальше, в траве, следы затерялись. Но на деревянном заборе, отделяющем сад от дороги, осталась отметина — ее нашли Джозеф с конюхом, — кто-то перелезал через забор и надломил доску. Я еще ничего не говорил местным полицейским, потому что хотел сперва выслушать ваше мнение.

Рассказ нашего клиента произвел на Шерлока Холмса сильное впечатление. Он вскочил со стула и, не скрывая волнения, стал быстро ходить по комнате.

— Беда никогда не приходит одна, — сказал Фелпс, улыбаясь, хотя было видно, что происшествие его потрясло.

— К вам, во всяком случае, — сказал Холмс. — Не могли бы вы обойти со мной вокруг дома?

— Погреться немного на солнышке мне бы не повредило. Джозеф тоже пойдет.

— И я, — сказала мисс Гаррисон.

— Боюсь, что вам лучше остаться здесь, — покачал головой Холмс. — Сидите в этой комнате и никуда не отлучайтесь.

Девушка с недовольным видом села. Ее брат, однако, пошел с нами. Мы все четверо обогнули газон и приблизились к окну комнаты молодого дипломата. На клумбе, как он и говорил, были следы, но безнадежно затоптанные. Холмс склонился над ними, тут же выпрямился и пожал плечами.

— Ну, здесь немногое можно увидеть, — сказал он. — Давайте вернемся к дому и поглядим, почему взломщик выбрал именно эту комнату. Мне кажется, большие окна гостиной и столовой должны были показаться ему более привлекательными.

— Их лучше видно с дороги, — предположил мистер Джозеф Гаррисон.

— Да, разумеется. А эта дверь куда ведет? Он мог бы ее попытаться взломать.

— Это вход для лавочников. На ночь она запирается.

— А раньше когда-нибудь случалось подобное?

— Никогда, — ответил наш клиент.

— У вас есть столовое серебро или еще что-нибудь, что может привлечь грабителя?

— В доме нет ничего ценного.

Засунув руки в карманы. Холмс с необычным для него беспечным видом завернул за угол.

— Кстати, — обратился он к Джозефу Гаррисону, — вы, помнится, обнаружили место, где вор сломал забор. Пойдемте туда, посмотрим.

Молодой человек привел нас к забору — у одной тесины верхушка была надломлена, и кусок ее торчал. Холмс совсем отломал ее и с сомнением осмотрел.

— Думаете, это сделано вчера вечером? Судя по излому, здесь лезли уже давно.

— Может быть.

— И по другую сторону забора нет никаких следов, не видно, чтобы кто-то прыгал. Нет, нам здесь делать нечего. Пойдемте-ка обратно в спальню и поговорим.

Перси Фелпс шел очень медленно, опираясь на руку своего будущего шурина. Холмс быстро пересек газон, и мы оказались у открытого окна гораздо раньше, чем они.

— Мисс Гаррисон, — очень серьезно сказал Холмс, — вы должны оставаться на этом месте в течение всего дня. Ни в коем случае не уходите отсюда. Это необычайно важно.

— Я, разумеется, сделаю так, как вы хотите, мистер Холмс, — сказала удивленно девушка.

— Когда пойдете спать, заприте дверь этой комнаты снаружи и возьмите ключ с собой. Обещаете?

— А как же Перси?

— Он поедет с нами в Лондон.

— А я должна остаться здесь?

— Ради его блага. Этим вы окажете ему большую услугу! Обещайте мне! Хорошо?

Едва девушка успела кивнуть, как вошли ее жених с братом.

— Что ты загрустила, Энни? — спросил ее брат. — Ступай на солнышко.

— Нет, Джозеф, не хочу. У меня немного болит голова, а в этой комнате так прохладно и тихо.

— Что вы теперь намереваетесь делать, мистер Холмс? — спросил наш клиент.

— Видите ли, расследуя это небольшое дело, мы не должны упускать из виду главную цель. И вы бы мне очень помогли, если бы поехали со мной в Лондон.

— Мы едем сейчас же?

— И как можно скорей. Скажем, через час.

— Я чувствую себя довольно хорошо, но будет, ли от меня какой-нибудь толк?

— Самый большой.

— Наверно, вы захотите, чтобы я остался ночевать в Лондоне?

— Именно это я и хотел предложить вам.

— Значит, если мой ночной приятель вздумает посетить меня еще раз, он обнаружит, что клетка пуста. Все мы в полном вашем распоряжении, мистер Холмс. Вы только должны дать нам точные инструкции, что делать. Вероятно, вы хотите, чтобы Джозеф поехал с нами и приглядывал за мной?

— Это необязательно. Мой друг Уотсон, как вы знаете, — врач, и он позаботится о вас. С вашего позволения, мы поедим и втроем отправимся в город.

Мы так и сделали, а мисс Гаррисон, согласно уговору с Холмсом, под каким-то предлогом осталась в спальне. Я не представлял себе, какова цель этих маневров моего друга, разве что он хотел разлучить зачем-то девушку с Фелпсом, который, оживившись от прилива сил и возможности действовать, завтракал вместе с нами в столовой. Однако у Холмса в запасе был еще более поразительный сюрприз: дойдя с нами до станции и проводив нас до вагона, он спокойно объявил, что не собирается уезжать из Уокинга.

— Мне еще тут надо кое-что выяснить, я приеду позже, — сказал он. — Ваше отсутствие, мистер Фелпс, будет мне своеобразной подмогой. Уотсон, вы меня очень обяжете, если по приезде в Лондон тотчас отправитесь с нашим другом на Бейкер-стрит и будете ждать меня там. К счастью, вы старые школьные товарищи — вам будет о чем поговорить. Мистер Фелпс пусть расположится на ночь в моей спальне. Я буду к завтраку — поезд приходит на вокзал Ватерлоо в восемь.

— А как же с нашим расследованием в Лондоне? — уныло спросил Фелпс.

— Мы займемся этим завтра. Мне кажется, что мое присутствие необходимо сейчас именно здесь.

— Скажите в Брайарбрэ, что я надеюсь вернуться завтра к вечеру! — крикнул Фелпс, когда поезд тронулся.

— Я вряд ли вернусь в Брайарбрэ, — ответил Холмс и весело помахал вслед поезду, уносившему нас в Лондон.

По пути мы с Фелпсом долго обсуждали этот неожиданный маневр Холмса, но так и не могли ничего понять.

— Наверно, он хочет выяснить кое-что в связи с сегодняшним ночным происшествием. Был ли это действительно взломщик? Лично я не верю, что это был обыкновенный вор.

— А кто же это, по-вашему?

— Можете считать, что это следствие нервной горячки, но у меня такое чувство, будто вокруг меня плетется какая-то сложная политическая интрига, заговорщики покушаются на мою жизнь. Хотя зачем это им, я, хоть убейте, не понимаю. Можно подумать, что у меня мания величия, так нелепо мое предположение. Но скажите, зачем было вору взламывать окно спальни, где совершенно нечем поживиться, и зачем ему такой длинный нож?

— А может, это была простая отмычка?

— О нет! Это был нож. Я отчетливо видел, как блестело лезвие.

— Но скажите ради бога, кто может питать к вам такую вражду?

— Если бы я знал!

— Если то же думает Холмс, то тогда понятно, почему он остался. Предположим, что ваша догадка правильная. Тогда Холмс сегодня ночью выследит покушавшегося на вас человека, а это значительно облегчит поиски морского договора. Ведь нелепо предполагать, что у вас есть сразу два врага — один ворует у вас документ, а другой покушается на вашу жизнь.

— Но мистер Холмс сказал, что он не собирается возвращаться в Брайарбрэ.

— Я знаю его не первый день, — сказал я. — Холмс никогда ничего не делает, не имея веских оснований.

И мы заговорили о другом.

Но день для меня выдался утомительный. Фелпс еще не совсем оправился после своей болезни, обрушившееся на него несчастье сделало его нервным и раздражительным. Тщетно я старался развлечь его рассказами об Афганистане, Индии, занимал его разговорами о последних политических новостях, делал все, чтобы развеять его хандру. Он то и дело возвращался к своему пропавшему договору, высказывал предположения, что бы такое мог делать сейчас Холмс, какие шаги предпринимает лорд Холдхэрст, гадал, что нового мы узнаем завтра утром. Словом, к концу дня на него было жалко смотреть, так он себя измучил.

— Вы очень верите в Холмса? — то и дело спрашивал он.

— Он на моих глазах распутал не одно сложное дело.

— Но такого сложного у него еще не бывало?

— Бывали и посложнее.

— Но тогда не ставились на карту государственные интересы?

— Этого я не знаю. Но мне достоверно известно, что услугами Шерлока Холмса для расследования очень важных дел пользовались три королевских дома Европы.

— Вы-то знаете его хорошо, Уотсон. Но для меня он совершенно непостижимый человек, и я ума не приложу, как ему удастся найти разгадку этого дела. Вы считаете, что на него можно надеяться? Вы думаете, что он уверен в успешном разрешении этого дела?

— Он мне ничего не сказал.

— Это плохой признак.

— Напротив. Я давно заметил, что, потеряв след, Холмс обычно говорит об этом. А вот когда он вышел на след, но еще не совсем уверен, что след ведет его правильно, он становится особенно сдержанным. Ну, полноте, дорогой мой, не терзайте себя, этим делу не поможешь. Идите лучше спать — утро вечера мудренее.

Наконец мне удалось уговорить Фелпса, и он лег, но я не думаю, чтобы он спал в ту ночь, — в таком он был возбуждении. Его настроение передалось и мне, и я ворочался в постели до глубокой ночи, вдумываясь в это странное дело, сочиняя сотни версий, одну невероятнее другой. Почему Холмс остался в Уокинге? Почему он попросил мисс Гаррисон не уходить из «больничной палаты» весь день? Почему он так старался скрыть от обитателей Брайарбрэ, что не едет в Лондон, а остается поблизости? Я ломал себе голову, стараясь найти всем этим фактам объяснение, пока наконец не уснул.

Проснулся я в семь часов и тотчас пошел к Фелпсу. Бедняга очень осунулся после бессонной ночи и выглядел усталым. Первым делом он спросил меня, не приехал ли Холмс.

— Он будет, когда обещал, — ответил я. — Ни минутой раньше, ни минутой позже.

И я не ошибся: едва пробило восемь, как к подъезду подкатил кеб, и из него вышел наш друг. Мы стояли у окна и видели, что его левая рука перевязана бинтами, а лицо очень мрачное и бледное. Он вошел в дом, но наверх поднялся не сразу.

— У него вид человека, потерпевшего поражение, — уныло сказал Фелпс. Мне пришлось признать, что он прав.

— Но, может быть, — сказал я, — ключ к делу следует искать здесь, в городе.

Фелпс застонал.

— Я не знаю, с чем он приехал, — сказал он, — но я так надеялся на его возвращение! А что у него с рукой? Ведь вчера она не была завязана?

— Вы не ранены. Холмс? — спросил я, когда мой друг вошел в комнату.

— А, пустяки! Из-за собственной неосторожности получил царапину, — ответил он,

поклонившись. — Должен сказать, мистер Фелпс, более сложного дела у меня еще не было.

— Я боялся, что вы найдете его неразрешимым.

— Да, с таким я еще не сталкивался.

— Судя по забинтованной руке, вы попали в переделку, — сказал я. — Вы не расскажете, что случилось?

— После завтрака, дорогой Уотсон, после завтрака! Не забывайте, что я проделал немалый путь, добрых тридцать миль, и нагулял на свежем воздухе аппетит. Наверно, по моему объявлению о кебе никто не являлся? Ну да ладно, подряд несколько удач не бывает.

Стол был накрыт, и только я собирался позвонить, как миссис Хадсон вошла с чаем и кофе. Еще через несколько минут она принесла приборы, и мы все сели за стол: проголодавшийся Холмс, совершенно подавленный Фелпс и я, преисполненный любопытства.

— Миссис Хадсон на высоте положения, — сказал Холмс, снимая крышку с курицы, приправленной кэрри. — Она не слишком разнообразит стол, но для шотландки завтрак задуман недурно. Что у вас там, Уотсон?

— Яичница с ветчиной, — ответил я.

— Превосходно! Что вам предложить, мистер Фелпс: курицу с приправой, яичницу?

— Благодарю вас, я ничего не могу есть, — сказал Фелпс.

— Полноте! Вот попробуйте это блюдо.

— Спасибо, но я и в самом деле не хочу.

— Что ж, — сказал Холмс, озорно подмигнув, — надеюсь, вы не откажете в любезности и поухаживаете за мной.

Фелпс поднял крышку и вскрикнул. Он побелел, как тарелка, на которую он уставился. На ней лежал свиток синевато-серой бумаги. Фелпс схватил его, жадно пробежал глазами и пустился в пляс по комнате, прижимая свиток к груди и вопя от восторга. Обессиленный таким бурным проявлением чувств, он вдруг упал в кресло, и мы, опасаясь, как бы он не потерял сознание, заставили его выпить бренди.

— Ну, будет вам! Будет! — успокаивал его Холмс, похлопывая по плечу. — С моей стороны, конечно, нехорошо так внезапно обрушивать на человека радость, но Уотсон скажет вам, я никак не могу удержаться от театральных жестов.

Фелпс схватил его руку и поцеловал ее.

— Да благословит вас бог! — вскричал он. — Вы спасли мне честь!

— Ну, положим, моя честь тоже была поставлена на карту, — сказал Холмс. — Уверяю вас, мне так же неприятно не раскрыть преступления, как вам не справиться с дипломатическим поручением.

Фелпс положил драгоценный документ во внутренний карман сюртука.

— Я не осмеливаюсь больше отвлекать вас от завтрака, но умираю от любопытства: как вам удалось добыть этот документ и где он был?

Шерлок Холмс выпил чашку кофе, затем отдал должное яичнице с ветчиной. Потом он встал, закурил трубку и уселся поудобнее в кресло.

— Я буду рассказывать вам все по порядку, — начал Холмс. — Проводив вас на станцию, я совершил прелестную прогулку по восхитительному уголку Суррея к красивой деревеньке, под названием Рипли, где выпил в гостинице чаю и на всякий случай наполнил свою флягу и положил в карман сверток с бутербродами. Там я оставался до вечера, а потом направился в сторону Уокинга и после захода солнца оказался на дороге, ведущей в Брайарбрэ. Дойдя до усадьбы и подождав, пока дорога не опустеет — по-моему, там вообще прохожих бывает не слишком много, — я перелез через забор в сад.

— Но ведь калитка была не заперта! — воскликнул Фелпс.

— Да. Но в таких случаях я люблю быть оригинальным. Я выбрал место, где стоят три елки, и под этим прикрытием перелез через забор незаметно для обитателей дома. В саду, прячась за кустами, я пополз — чему свидетельство печальное состоящие моих брюк — к зарослям рододендронов, откуда очень удобно наблюдать за окнами спальни. Здесь я присел на корточки и стал ждать, как будут развиваться события.

Портьера в комнате не была опущена, и я видел, как мисс Гаррисон сидела за столом и читала. В четверть одиннадцатого она закрыла книгу, заперла ставни и удалилась. Я слышал, как она захлопнула дверь, а потом повернула ключ в замке.

— Ключ? — удивился Фелпс.

— Да, я посоветовал мисс Гаррисон, когда она пойдет спать, запереть дверь снаружи и взять ключ с собой. Она точно выполнила мои указания, и, разумеется, без ее содействия документ не лежал бы сейчас в кармане вашего сюртука. Потом она ушла, огни погасли, а я продолжал сидеть на корточках под рододендроновым кустом.

Ночь была прекрасна, но тем не менее сидеть в засаде было очень утомительно. Конечно, в этом было что-то от ощущений охотника, который лежит у источника, поджидая крупную дичь. Впрочем, ждать мне пришлось очень долго… почти столько же, Уотсон, сколько мы с вами ждали в той комнате смерти, когда расследовали историю с «пестрой лентой». Часы на церкви в Уокинге били каждую четверть часа, и мне не раз казалось, что они остановились. Но вот наконец часа в два ночи я вдруг услышал, как кто-то тихо-тихо отодвинул засов и повернул в замке ключ. Через секунду дверь для прислуги отворилась, и на пороге, освещенный лунным светом, показался мистер Джозеф Гаррисон.

— Джозеф! — воскликнул Фелпс.

— Он был без шляпы, но запахнут в черный плащ, которым мог при малейшей тревоге мгновенно прикрыть лицо. Он пошел на цыпочках в тени стены, а дойдя до окна, просунул нож с длинным лезвием в щель и поднял шпингалет. Затем он распахнул окно, сунул нож в щель между ставнями, сбросил крючок и открыл их.

Со своего места я прекрасно видел, что делается внутри комнаты, каждое его движение. Он зажег две свечи, которые стояли на камине, подошел к двери и завернул угол ковра. Потом наклонился и поднял квадратную планку, которой прикрывается доступ к стыку газовых труб, — здесь от магистрали ответвляется труба, снабжающая газом кухню, которая находится в нижнем этаже. Сунув руку в тайник, Джозеф достал оттуда небольшой бумажный сверток, вставил планку на место, отвернул ковер, задул свечи и, спрыгнув с подоконника, попал прямо в мои объятия, так как я уже ждал его у окна.

Я не представлял себе, что господин Джозеф может оказаться таким злобным. Он бросился на меня с ножом, и мне пришлось дважды сбить его с ног и порезаться о его нож, прежде чем я взял верх. Хоть он и смотрел на меня «убийственным» взглядом единственного глаза, который еще мог открыть после того, как кончилась потасовка, но уговорам моим все-таки внял и документ отдал. Овладев документом, я отпустил Гаррисона, но сегодня же утром телеграфировал Форбсу все подробности этой ночи. Если он окажется расторопным и схватит эту птицу, честь ему и хвала! Но если он явится к опустевшему уже гнезду — а я подозреваю, что так оно и случится, — то правительство от этого еще и выиграет. Я полагаю, что ни лорду Холдхэрсту, ни мистеру Перси Фелпсу совсем не хотелось бы, чтобы это дело разбиралось в полицейском суде.

— Господи! — задыхаясь, проговорил наш клиент. — Скажите мне, неужели украденный документ в течение всех этих долгих десяти недель, когда я находился между жизнью и смертью, был все время со мной в одной комнате?

— Именно так и было.

— А Джозеф! Подумать только — Джозеф оказался негодяем и вором!

— Гм! Боюсь, что Джозеф — человек гораздо более сложный и опасный, чем об этом можно судить по его внешности. Из его слов, сказанных мне ночью, я понял, что он по неопытности сильно запутался в игре на бирже и готов был пойти на все, чтобы поправить дела. Как только представился случай, он, будучи эгоистом до мозга костей, не пощадил ни счастья своей сестры, ни вашей репутации.

Перси Фелпс поник в своем кресле.

— Голова идет кругом! — сказал он. — От ваших слов мне становится дурно.

— Раскрыть это дело было трудно главным образом потому, — заметил своим менторским тоном Холмс, — что скопилось слишком много улик. Важные улики были погребены под кучей второстепенных. Из всех имеющихся фактов надо было отобрать те, которые имели отношение к преступлению, и составить из них картину подлинных событий. Я начал подозревать Джозефа еще тогда, когда вы сказали, что он в тот вечер собирался ехать домой вместе с вами и, следовательно, мог, зная хорошо расположение комнат в здании министерства иностранных дел, зайти за вами по пути. Когда я услышал, что кто-то горит желанием забраться в вашу спальню, в которой спрятать что-нибудь мог только Джозеф (вы в самом начале рассказывали, как Джозефа выдворили из нее, когда вернулись домой с доктором), мое подозрение перешло в уверенность. Особенно когда я узнал о попытке забраться в спальню в первую же ночь, которую вы провели без сиделки. Это означало, что непрошеный гость хорошо знаком с расположением дома.

— Как я был слеп!

— Я подумал и решил, что дело обстояло так: этот Джозеф Гаррисон вошел в министерство со стороны Чарльз-стрит и, зная дорогу, прошел прямо в вашу комнату тотчас после того, как вы из нее вышли. Не застав никого, он быстро позвонил, и в то же мгновение на глаза ему попался документ, лежавший на столе. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что случай дает ему в руки документ огромной государственной важности. В мгновенье ока он сунул документ в карман и вышел. Как вы помните, прежде чем сонный швейцар обратил ваше внимание на звонок, прошло несколько минут, и этого было достаточно, чтобы вор успел скрыться.

Он уехал в Уокинг первым же поездом и, приглядевшись к своей добыче и уверившись, что она в самом деле чрезвычайно ценна, спрятал ее, как ему показалось, в очень надежное место. Дня через два он намеревался вынуть ее оттуда и отвести во французское посольство или с другое место, где, по его мнению, ему дали бы большие деньги. Но дело получило неожиданный оборот. Его без предупреждения выпроводили из собственной комнаты, и с тех пор в ней всегда находились по крайней мере два человека, что мешало ему забрать свое сокровище. Это, по-видимому, страшно бесило его. И вот наконец удобный случай представился. Он попытался забраться в комнату, но ваша бессонница расстроила его планы. Наверно, вы помните, что в тот вечер вы не выпили своего успокоительного лекарства.

— Помню.

— Я полагаю, что Джозеф принял меры, чтобы лекарство стало особенно эффективным, и вполне полагался на ваш глубокий сон. Я, разумеется, понял, что он повторит попытку, как только будет возможность сделать это без риска. И тут вы покинули комнату. Чтобы он не упредил нас, я целый день продержал в ней мисс Гаррисон. Затем, внушив ему мысль, что путь свободен, я занял свой пост. Я уже знал, что документ скорее всего находится в комнате, но не имел никакого желания срывать в поисках его всю обшивку и плинтусы. Я позволил ему взять документ из тайника и таким образом избавил себя от неимоверных хлопот. Есть еще какие-нибудь неясности?

— Почему в первый раз он полез в окно, — спросил я, — когда мог проникнуть через дверь?

— До двери ему надо было идти мимо семи спален. Легче было пройти по газону. Что еще?

— Но не думаете же вы, — спросил Фелпс, — что он намеревался убить меня? Нож ему нужен был только как инструмент.

— Возможно, — пожав плечами, ответил Холмс. — Одно могу сказать определенно: мистер Гаррисон — такой джентльмен, на милосердие которого я не стал бы рассчитывать ни в коем случае.

Последнее дело Холмса

(Перевод Д.Лившиц)

С тяжелым сердцем приступаю я к последним строкам этих воспоминаний, повествующих о необыкновенных талантах моего друга Шерлока Холмса. В бессвязной и — я сам это чувствую — в совершенно неподходящей манере я пытался рассказать об удивительных приключениях, которые мне довелось пережить бок о бок с ним, начиная с того случая, который я в своих записках назвал «Этюд в багровых тонах», и вплоть до истории с «Морским договором», когда вмешательство моего друга, безусловно, предотвратило серьезные международные осложнения. Признаться, я хотел поставить здесь точку и умолчать о событии, оставившем такую пустоту в моей жизни, что даже двухлетний промежуток оказался бессильным ее заполнить. Однако недавно опубликованные письма полковника Джеймса Мориарти, в которых он защищает память своего покойного брата, вынуждают меня взяться за перо, и теперь я считаю своим долгом открыть людям глаза на то, что произошло. Ведь одному мне известна вся правда, и я рад, что настало время, когда уже нет причин ее скрывать.

Насколько мне известно, в газеты попали только три сообщения: заметка в «Журналь де Женев» от 6 мая 1891 года, телеграмма агентства Рейтер в английской прессе от 7 мая и, наконец, недавние письма, о которых упомянуто выше. Из этих писем первое и второе чрезвычайно сокращены, а последнее, как я сейчас докажу, совершенно искажает факты. Моя обязанность — поведать наконец миру о том, что на самом деле произошло между профессором Мориарти и мистером Шерлоком Холмсом.

Читатель, может быть, помнит, что после моей женитьбы тесная дружба, связывавшая меня и Холмса, приобрела несколько иной характер. Я занялся частной врачебной практикой. Он продолжал время от времени заходить ко мне, когда нуждался в спутнике для своих расследований, но это случалось все реже и реже, а в 1890 году было только три случая, о которых у меня сохранились какие-то записи.

Зимой этого года и в начале весны 1891-го газеты писали о том, что Холмс приглашен французским правительством по чрезвычайно важному делу, и из полученных от него двух писем — из Нарбонна и Нима — я заключил, что, по-видимому, его пребывание во Франции сильно затянется. Поэтому я был несколько удивлен, когда вечером 24 апреля он внезапно появился у меня в кабинете. Мне сразу бросилось в глаза, что он еще более бледен и худ, чем обычно.

— Да, я порядком истощил свои силы, — сказал он, отвечая скорее на мой взгляд, чем на слова. — В последнее время мне приходилось трудновато… Что, если я закрою ставни?

Комната была освещена только настольной лампой, при которой я обычно читал. Осторожно двигаясь вдоль стены, Холмс обошел всю комнату, захлопывая ставни и тщательно замыкая их засовами.

— Вы чего-нибудь боитесь? — спросил я.

— Да, боюсь.

— Чего же?

— Духового ружья.

— Дорогой мой Холмс, что вы хотите этим сказать?

— Мне кажется, Уотсон, вы достаточно хорошо меня знаете, и вам известно, что я не робкого десятка. Однако не считаться с угрожающей тебе опасностью — это скорее глупость, чем храбрость. Дайте мне, пожалуйста, спичку.

Он закурил папиросу, и, казалось, табачный дым благотворно подействовал на него.

— Во-первых, я должен извиниться за свой поздний визит, — сказал он. — И, кроме того, мне придется попросить у вас позволения совершить второй бесцеремонный поступок — перелезть через заднюю стену вашего сада, ибо я намерен уйти от вас именно таким путем.

— Но что все это значит? — спросил я.

Он протянул руку ближе к лампе, и я увидел, что суставы двух его пальцев изранены и в крови.

— Как видите, это не совсем пустяки, — сказал он с улыбкой. — Пожалуй, этак можно потерять и всю руку. А где миссис Уотсон? Дома?

— Нет, она уехала погостить к знакомым.

— Ага! Так, значит, вы один?

— Совершенно один.

— Если так, мне легче будет предложить вам поехать со мной на недельку на континент.

— Куда именно?

— Куда угодно. Мне решительно все равно.

Все это показалось мне как нельзя более странным. Холмс не имел обыкновения праздно проводить время, и что-то в его бледном, изнуренном лице говорило о дошедшем до предела нервном напряжении. Он заметил недоумение в моем взгляде и, опершись локтями о колени и сомкнув кончики пальцев, стал объяснять мне положение дел.

— Вы, я думаю, ничего не слышали о профессоре Мориарти? — спросил он.

— Нет.

— Гениально и непостижимо. Человек опутал своими сетями весь Лондон, и никто даже не слышал о нем. Это-то и поднимает его на недосягаемую высоту в уголовном мире. Уверяю вас, Уотсон, что если бы мне удалось победить этого человека, если бы я мог избавить от него общество, это было бы венцом моей деятельности, я считал бы свою карьеру законченной и готов был бы перейти к более спокойным занятиям. Между нами говоря, Уотсон, благодаря последним двум делам, которые позволили мне оказать кое-какие услуги королевскому дому Скандинавии и республике Франции, я имею возможность вести образ жизни, более соответствующий моим наклонностям, и серьезно заняться химией. Но я еще не могу спокойно сидеть в своем кресле, пока такой человек, как профессор Мориарти, свободно разгуливает по улицам Лондона.

— Что же он сделал?

— О, у него необычная биография! Он происходит из хорошей семьи, получил блестящее образование и от природы наделен феноменальными математическими способностями. Когда ему исполнился двадцать один год, он написал трактат о биноме Ньютона, завоевавший ему европейскую известность. После этого он получил кафедру математики в одном из наших провинциальных университетов, и, по всей вероятности, его ожидала блестящая будущность. Но в его жилах течет кровь преступника. У него наследственная склонность к жестокости. И его необыкновенный ум не только не умеряет, но даже усиливает эту склонность и делает ее еще более опасной. Темные слухи поползли о нем в том университетском городке, где он преподавал, и в конце концов он был вынужден оставить кафедру и перебраться в Лондон, где стал готовить молодых людей к экзамену на офицерский чин… Вот то, что знают о нем все, а вот что узнал о нем я.

Мне не надо вам говорить, Уотсон, что никто не знает лондонского уголовного мира лучше меня. И вот уже несколько лет, как я чувствую, что за спиною у многих преступников существует неизвестная мне сила — могучая организующая сила, действующая наперекор закону и прикрывающая злодея своим щитом. Сколько раз в самых разнообразных случаях, будь то подлог, ограбление или убийство, я ощущал присутствие этой силы и логическим путем обнаруживал ее следы также и в тех еще не распутанных преступлениях, к расследованию которых я не был непосредственно привлечен. В течение нескольких лет пытался я прорваться сквозь скрывавшую ее завесу, и вот пришло время, когда я нашел конец нити и начал распутывать узел, пока эта нить не привела меня после тысячи хитрых петель к бывшему профессору Мориарти, знаменитому математику.

Он Наполеон преступного мира, Уотсон. Он организатор половины всех злодеяний и почти всех нераскрытых преступлений в нашем городе. Это гений, философ, это человек, умеющий мыслить абстрактно. У него первоклассный ум. Он сидит неподвижно, словно паук в центре своей паутины, но у этой паутины тысячи нитей, и он улавливает вибрацию каждой из них. Сам он действует редко. Он только составляет план. Но его агенты многочисленны и

великолепно организованы. Если кому-нибудь понадобится выкрасть документ, ограбить дом, убрать с дороги человека, — стоит только довести об этом до сведения профессора, и преступление будет подготовлено, а затем и выполнено. Агент может быть пойман. В таких случаях всегда находятся деньги, чтобы взять его на поруки или пригласить защитника. Но главный руководитель, тот, кто послал этого агента, никогда не попадется: он вне подозрений. Такова организация, Уотсон, существование которой я установил путем логических умозаключений, и всю свою энергию я отдал на то, чтобы обнаружить ее и сломить.

Но профессор хитро замаскирован и так великолепно защищен, что, несмотря на все мои старания, раздобыть улики, достаточные для судебного приговора, невозможно. Вы знаете, на что я способен, милый Уотсон, и все же спустя три месяца я вынужден был признать, что наконец-то встретил достойного противника. Ужас и негодование, которые внушали мне его преступления, почти уступили место восхищению перед его мастерством. Однако в конце концов он сделал промах, маленький, совсем маленький промах, но ему нельзя было допускать и такого, поскольку за ним неотступно следил я. Разумеется, я воспользовался этим промахом и, взяв его за исходную точку, начал плести вокруг Мориарти свою сеть. Сейчас она почти готова, и через три дня, то есть в ближайший понедельник, все будет кончено, — профессор вместе с главными членами своей шайки окажется в руках правосудия. А потом начнется самый крупный уголовный процесс нашего века. Разъяснится тайна более чем сорока загадочных преступлений, и все виновные понесут наказание. Но стоит поторопиться; сделать один неверный шаг, и они могут ускользнуть от нас даже в самый последний момент.

Все было бы хорошо, если бы я мог действовать так, чтобы профессор Мориарти не знал об этом. Но он слишком коварен. Ему становился известен каждый шаг, который я предпринимал для того, чтобы поймать его в свои сети. Много раз пытался он вырваться из них, но я каждый раз преграждал ему путь. Право же, друг мой, если бы подробное описание этой безмолвной борьбы могло появиться в печати, оно заняло бы свое место среди самых блестящих и волнующих книг в истории детектива. Никогда еще я не поднимался до такой высоты, и никогда еще не приходилось мне так туго от действий противника. Его удары были сильны, но я отражал их с еще большей силой. Сегодня утром я предпринял последние шаги, и мне нужны были еще три дня, только три дня, чтобы завершить дело. Я сидел дома, обдумывая все это, как вдруг дверь отворилась — передо мной стоял профессор Мориарти.

У меня крепкие нервы, Уотсон, но, признаюсь, я не мог не вздрогнуть, увидев, что человек, занимавший все мои мысли, стоит на пороге моей комнаты. Его наружность была хорошо знакома мне и прежде. Он очень тощ и высок. Лоб у него большой, выпуклый и белый. Глубоко запавшие глаза. Лицо гладко выбритое, бледное, аскетическое, — что-то еще осталось в нем от профессора Мориарти. Плечи сутулые — должно быть, от постоянного сидения за письменным столом, а голова выдается вперед и медленно — по-змеиному, раскачивается из стороны в сторону. Его колючие глаза так и впились в меня.

«У вас не так развиты лобные кости, как я ожидал, — сказал он наконец. — Опасная это привычка, мистер Холмс, держать заряженный револьвер в кармане собственного халата».

Действительно, когда он вошел, я сразу понял, какая огромная опасность мне угрожает: ведь единственная возможность спасения заключалась для него в том, чтобы заставить мой язык замолчать навсегда. Поэтому я молниеносно переложил револьвер из ящика стола в карман и в этот момент нащупывал его через сукно. После его замечания я вынул револьвер из кармана и, взведя курок, положил на стол перед собой. Мориарти продолжал улыбаться и щуриться, но что-то в выражении его глаз заставляло меня радоваться близости моего оружия.

«Вы, очевидно, не знаете меня», — сказал он.

«Напротив, — возразил я, — мне кажется, вам нетрудно было понять, что я вас знаю. Присядьте, пожалуйста. Если вам угодно что-нибудь сказать, я могу уделить вам пять минут».

«Все, что я хотел вам сказать, вы уже угадали», — ответил он.

«В таком случае, вы, вероятно, угадали мой ответ».

«Вы твердо стоите на своем?»

«Совершенно твердо».

Он сунул руку в карман, а я взял со стола револьвер. Но он вынул из кармана только записную книжку, где были нацарапаны какие-то даты.

«Вы встали на моем пути четвертого января, — сказал он. — Двадцать третьего вы снова

причинили мне беспокойство. В середине февраля вы уже серьезно потревожили меня. В конце марта вы совершенно расстроили мои планы, а сейчас из-за вашей непрерывной слежки я оказался в таком положении, что передо мной стоит реальная опасность потерять свободу. Так продолжаться не может».

«Что вы предлагаете?» — спросил я.

«Бросьте это дело, мистер Холмс, — сказал он, покачивая головой. — Право же, бросьте».

«После понедельника», — ответил я.

«Полноте, мистер Холмс. Вы слишком умны и, конечно, поймете меня: вам необходимо устраниться. Вы сами повели дело так, что другого исхода нет. Я испытал интеллектуальное наслаждение, наблюдая за вашими методами борьбы, и, поверьте, был бы огорчен, если бы вы заставили меня прибегнуть к крайним мерам… Вы улыбаетесь, сэр, но уверяю вас, я говорю искренне».

«Опасность — неизбежный спутник моей профессии», — заметил я.

«Это не опасность, а неминуемое уничтожение, — возразил он. — Вы встали поперек дороги не одному человеку, а огромной организации, всю мощь которой даже вы, при всем вашем уме, не в состоянии постигнуть. Вы должны отойти в сторону, мистер Холмс, или вас растопчут».

«Боюсь, — сказал я, вставая, — что из-за вашей приятной беседы я могу пропустить одно важное дело, призывающее меня в другое место».

Он тоже встал и молча смотрел на меня, с грустью покачивая головой.

«Ну что ж! — сказал он наконец. — Мне очень жаль, но я сделал все, что мог. Я знаю каждый ход вашей игры. До понедельника вы бессильны. Это поединок между нами, мистер Холмс. Вы надеетесь посадить меня на скамью подсудимых — заявляю вам, что этого никогда не будет. Вы надеетесь победить меня — заявляю вам, что это вам никогда не удастся. Если у вас хватит умения погубить меня, то, уверяю вас, вы и сами погибните вместе со мной».

«Вы наговорили мне столько комплиментов, мистер Мориарти, что я хочу ответить вам тем же и потому скажу, что во имя общественного блага я с радостью согласился бы на второе, будь я уверен в первом».

«Первого обещать не могу, зато охотно обещаю второе», — отозвался он со злобной усмешкой и, повернувшись ко мне сутулой спиной, вышел, оглядываясь и щурясь.

Такова была моя своеобразная встреча с профессором Мориарти, а, говоря по правде, она оставила во мне неприятное чувство. Его спокойная и точная манера выражаться заставляет вас верить в его искренность, несвойственную заурядным преступникам. Вы, конечно, скажете мне: «Почему же не прибегнуть к помощи полиции?» Но ведь дело в том, что удар будет нанесен не им самим, а его агентами — в этом я убежден. И у меня уже есть веские доказательства.

— Значит, на вас уже было совершено нападение?

— Милый мой Уотсон, профессор Мориарти не из тех, кто любит откладывать дело в долгий ящик. После его ухода, часов около двенадцати, мне понадобилось пойти на Оксфорд-стрит. Переходя улицу на углу Бентинк-стрит и Уэлбек-стрит, я увидел парный фургон, мчавшийся со страшной быстротой прямо на меня. Я едва успел отскочить на тротуар. Какая-то доля секунды — и я был бы раздавлен насмерть. Фургон завернул за угол и мгновенно исчез. Теперь уж я решил не сходить с тротуара, но на Вир-стрит с крыши одного из домов упал кирпич и рассыпался на мелкие куски у моих ног. Я подозвал полицейского и приказал осмотреть место происшествия. На крыше были сложены кирпичи и шиферные плиты, приготовленные для ремонта, и меня хотели убедить в том, что кирпич сбросило ветром. Разумеется, я лучше знал, в чем дело, но у меня не было доказательств. Я взял кэб и доехал до квартиры моего брата на Пэл-Мэл, где и провел весь день. Оттуда я отправился прямо к вам. По дороге на меня напал какой-то негодяй с дубинкой. Я сбил его с ног, и полиция задержала его, но даю вам слово, что никому не удастся обнаружить связь между джентльменом, о чьи передние зубы я разбил сегодня руку, и тем скромным учителем математики, который, вероятно, решает сейчас задачи на грифельной доске за десять миль отсюда. Теперь вы поймете, Уотсон, почему, придя к вам, я прежде всего закрыл ставни и зачем мне понадобилось просить вашего разрешения уйти из дома не через парадную дверь, а каким-нибудь другим, менее заметным ходом.

Я не раз восхищался смелостью моего друга, но сегодня меня особенно поразило его спокойное перечисление далеко не случайных происшествий этого ужасного дня.

— Надеюсь, вы переночуете у меня? — спросил я.

— Нет, друг мой, я могу оказаться опасным гостем. Я уже обдумал план действий, и все кончится хорошо. Сейчас дело находится в такой стадии, что арест могут произвести и без меня. Моя помощь понадобится только во время следствия. Таким образом, на те несколько дней, которые еще остаются до решительных действий полиции, мне лучше всего уехать. И я был бы очень рад, если бы вы могли, поехать со мной на континент.

— Сейчас у меня мало больных, — сказал я, — а мой коллега, живущий по соседству, охотно согласится заменить меня. Так что я с удовольствием поеду с вами.

— И можете выехать завтра же утром?

— Если это необходимо.

— О да, совершенно необходимо. Теперь выслушайте мои инструкции, и я попрошу вас, Уотсон, следовать им буквально, так как нам предстоит вдвоем вести борьбу против самого талантливого мошенника и самого мощного объединения преступников во всей Европе. Итак, слушайте. Свой багаж, не указывая на нем станции назначения, вы должны сегодня же вечером отослать с надежным человеком на вокзал Виктория. Утром вы пошлете слугу за кэбом, но скажете ему, чтобы он не брал ни первый, ни второй экипаж, которые попадутся ему навстречу. Вы сядете в кэб и поедете на Стрэнд, к Лоусерскому пассажу, причем адрес вы дадите кучеру на листке бумаги и скажите, чтобы он ни в коем случае не выбрасывал его. Расплатитесь с ним заранее и, как только кэб остановится, моментально нырните в пассаж с тем расчетом, чтобы ровно в четверть десятого оказаться на другом его конце. Там, у самого края тротуара, вы увидите небольшой экипаж. Править им будет человек в плотном черном плаще с воротником, обшитым красным кантом. Вы сядете в этот экипаж и прибудете на вокзал как раз вовремя, чтобы попасть на экспресс, отправляющийся на континент.

— А где я должен встретиться с вами?

— На станции. Нам будет оставлено второе от начала купе первого класса.

— Так, значит, мы встретимся уже в вагоне?

— Да.

Тщетно я упрашивал Холмса остаться у меня ночевать. Мне было ясно, что он боится навлечь неприятности на приютивший его дом и что это единственная причина, которая гонит его прочь. Сделав еще несколько торопливых указаний по поводу наших завтрашних дел, он встал, вышел вместе со мной в сад, перелез через стенку прямо на Мортимер-стрит, свистком подозвал кэб, и я услышал удаляющийся стук колес.

На следующее утро я в точности выполнил указания Холмса. Кэб был взят со всеми необходимыми предосторожностями — он никак не мог оказаться ловушкой, — и сразу после завтрака я поехал в условленное место. Подъехав к Лоусерскому пассажу, я пробежал через него со всей быстротой, на какую был способен, и увидел карету, которая ждала меня, как было условлено. Как только я сел в нее, огромного роста кучер, закутанный в темный плащ, стегнул лошадь и мигом довез меня до вокзала Виктория. Едва я успел сойти, он повернул экипаж и снова умчался, даже не взглянув в мою сторону.

Пока все шло прекрасно. Мой багаж уже ждал меня на вокзале, и я без труда нашел купе, указанное Холмсом, хотя бы потому, что оно было единственное с надписью «занято». Теперь меня тревожило только одно — отсутствие Холмса. Я посмотрел на вокзальные часы: до отхода поезда оставалось всего семь минут. Напрасно искал я в толпе отъезжающих и провожающих худощавую фигуру моего друга — его не было. Несколько минут я убил, помогая почтенному итальянскому патеру, пытавшемуся на ломаном английском языке объяснить носильщику, что его багаж должен быть отправлен прямо в Париж. Потом я еще раз обошел платформу и вернулся в свое купе, где застал уже знакомого мне дряхлого итальянца. Оказалось, что, хотя у него не было билета в это купе, носильщик все-таки усадил его ко мне. Бесполезно было объяснять моему непрошеному дорожному спутнику, что его вторжение мне неприятно: я владел итальянским еще менее, чем он английским. Поэтому я только пожимал плечами и продолжал тревожно смотреть в окно, ожидая моего друга. Мною начал овладевать страх: а вдруг его отсутствие означало, что за ночь с ним произошло какое-нибудь несчастье! Уже все двери были закрыты, раздался свисток, как вдруг…

— Милый Уотсон, вы даже не соблаговолите поздороваться со мной! — произнес возле меня чей-то голос.

Я оглянулся, пораженный. Пожилой священник стоял теперь ко мне лицом. На секунду его морщины разгладились, нос отодвинулся от подбородка, нижняя губа перестала выдвигаться вперед, а рот — шамкать, тусклые глаза заблистали прежним огоньком, сутулая спина выпрямилась. Но все это длилось одно мгновение, и Холмс исчез также быстро, как появился.

— Боже милостивый! — вскричал я. — Ну и удивили же вы меня!

— Нам все еще необходимо соблюдать максимальную осторожность, — прошептал он. — У меня есть основания думать, что они напали на наш след. А, вот и сам Мориарти!

Поезд как раз тронулся, когда Холмс произносил эти слова. Выглянув из окна и посмотрев назад, я увидел высокого человека, который яростно расталкивал толпу и махал рукой, словно желая остановить поезд. Однако было уже поздно: скорость движения все увеличивалась, и очень быстро станция осталась позади.

— Вот видите, — сказал Холмс со смехом, — несмотря на все наши предосторожности, нам еле-еле удалось отделаться от этого человека.

Он встал, снял с себя черную сутану и шляпу — принадлежности своего маскарада — и спрятал их в саквояж.

— Читали вы утренние газеты, Уотсон?

— Нет.

— Значит, вы еще не знаете о том, что случилось на Бейкер-стрит?

— Бейкер-стрит?

— Сегодня ночью они подожгли нашу квартиру, но большого ущерба не причинили.

— Как же быть, Холмс? Это становится невыносимым.

— По-видимому, после того как их агент с дубинкой был арестован, они окончательно потеряли мой след. Иначе они не могли бы предположить, что я вернулся домой. Но потом они, как видно, стали следить за вами — вот что привело Мориарти на вокзал Виктория. Вы не могли сделать какой-нибудь промах по пути к вокзалу?

— Я в точности выполнил все ваши указания.

— Нашли экипаж на месте?

— Да, он ожидал меня.

— А кучера вы узнали?

— Нет.

— Это был мой брат, Майкрофт. В таких делах лучше не посвящать в свои секреты наемного человека. Ну, а теперь мы должны подумать, как нам быть с Мориарти.

— Поскольку мы едем экспрессом, а пароход отойдет, как только придет наш поезд, мне кажется, теперь уже им ни за что не угнаться за нами.

— Милый мой Уотсон, ведь я говорил вам, что, когда речь идет об интеллекте, к этому человеку надо подходить точно с той же меркой, что и ко мне. Неужели вы думаете, что если бы на месте преследователя был я, такое ничтожное происшествие могло бы меня остановить? Ну, а если нет, то почему же вы так плохо думаете о нем?

— Но что он может сделать?

— То же, что сделал бы я.

— Тогда скажите мне, как поступили бы вы.

— Заказал бы экстренный поезд.

— Но ведь он все равно опоздает.

— Никоим образом. Наш поезд останавливается в Кентербери, а там всегда приходится по крайней мере четверть часа ждать парохода. Вот там-то он нас и настигнет.

— Можно подумать, что преступники мы, а не он. Прикажите арестовать его, как только он приедет.

— Это уничтожило бы плоды трехмесячной работы. Мы поймали крупную рыбку, а мелкая уплыла бы из сетей в разные стороны. В понедельник все они будут в наших руках. Нет, сейчас арест недопустим.

— Что же нам делать?

— Мы должны выйти в Кентербери.

— А потом?

— А потом нам придется проехать в Ньюхейвен и оттуда — в Дьепп. Мориарти снова сделает тоже, что сделал бы я: он приедет в Париж, пойдет в камеру хранения багажа, определит, какие чемоданы наши, и будет там два дня ждать. Мы же тем временем купим себе пару ковровых дорожных мешков, поощряя таким образом промышленность и торговлю тех мест, по которым будем путешествовать, и спокойно направимся в Швейцарию через Люксембург и Базель.

Я слишком опытный путешественник и потому не позволил себе огорчаться из-за потери багажа, но, признаюсь, мне была неприятна мысль, что мы должны увертываться и прятаться от преступника, на счету которого столько гнусных злодеяний. Однако Холмс, конечно, лучше понимал положение вещей. Поэтому в Кентербери мы вышли. Здесь мы узнали, что поезд в Ньюхейвен отходит только через час.

Я все еще уныло смотрел на исчезавший вдали багажный вагон, быстро уносивший весь мой гардероб, когда Холмс дернул меня за рукав и показал на железнодорожные пути.

— Видите, как быстро! — сказал он.

Вдалеке, среди Кентских лесов, вилась тонкая струйка дыма. Через минуту другой поезд, состоявший из локомотива с одним вагоном, показался на изогнутой линии рельсов, ведущей к станции. Мы едва успели спрятаться за какими-то тюками, как он со стуком и грохотом пронесся мимо нас, дохнув нам в лицо струей горячего пара.

— Проехал! — сказал Холмс, следя взглядом за вагоном, подскакивавшим и слегка покачивавшимся на рельсах. — Как видите, проницательность нашего друга тоже имеет границы. Было бы поистине чудом, если бы он сделал точно те же выводы, какие сделал я, и действовал бы в соответствии с ними.

— А что бы он сделал, если бы догнал нас?

— Без сомнения, попытался бы меня убить. Ну, да ведь и я не стал бы дожидаться его сложа руки. Теперь вопрос в том, позавтракать ли нам здесь или рискнуть умереть с голоду и подождать до Ньюхейвена.

В ту же ночь мы приехали в Брюссель и провели там два дня, а на третий двинулись в Страсбург. В понедельник утром Холмс послал телеграмму лондонской полиции, и вечером, придя в нашу гостиницу, мы нашли там ответ. Холмс распечатал телеграмму и с проклятием швырнул ее в камин.

— Я должен был это предвидеть! — простонал он. — Бежал!

— Мориарти?

— Они накрыли всю шайку, кроме него! Он один ускользнул! Ну, конечно, я уехал, и этим людям было не справиться с ним. Хотя я был уверен, что дал им в руки все нити. Знаете, Уотсон, вам лучше поскорее вернуться в Англию.

— Почему это?

— Я теперь опасный спутник. Этот человек потерял все. Если он вернется в Лондон, он погиб. Насколько я понимаю его характер, он направит теперь все силы на то, чтобы отомстить мне.

Он очень ясно высказался во время нашего короткого свидания, и я уверен, что это не пустая угроза. Право же, я советую вам вернуться в Лондон, к вашим пациентам.

Но я, старый солдат и старинный друг Холмса, конечно, не счел возможным покинуть его в такую минуту. Более получаса мы спорили об этом, сидя в ресторане страсбургской гостиницы, и в ту же ночь двинулись дальше, в Женеву.

Целую неделю мы с наслаждением бродили по долине Роны, а потом, миновав Лейк, направились через перевал Гемми, еще покрытый глубоким снегом, и дальше — через Интерлакен — к деревушке Мейринген. Это была чудесная прогулка — нежная весенняя зелень внизу и белизна девственных снегов наверху, над нами, — но мне было ясно, что ни на одну минуту Холме не забывал о нависшей над ним угрозе. В уютных альпийских деревушках, на уединенных горных тропах — всюду я видел по его быстрому, пристальному взгляду, внимательно изучающему лицо каждого встречного путника, что он твердо убежден в неотвратимой опасности, идущей за нами по пятам.

Помню такой случай: мы проходили через Гемми и шли берегом задумчивого Даубена, как вдруг большая каменная глыба сорвалась со скалы, возвышавшейся справа, скатилась вниз и с грохотом погрузилась в озеро позади нас. Холмс вбежал на скалу и, вытянув шею, начал осматриваться по сторонам. Тщетно уверял его проводник, что весною обвалы каменных глыб — самое обычное явление в здешних краях. Холмс ничего не ответил, но улыбнулся мне с видом человека, который давно уже предугадывал эти события.

И все же при всей своей настороженности он не предавался унынию. Напротив, я не помню, чтобы мне когда-либо приходилось видеть его в таком жизнерадостном настроении. Он снова и снова повторял, что, если бы общества было избавлено от профессора Мориарти, он с радостью прекратил бы свою деятельность.

— Мне кажется, я имею право сказать, Уотсон, что не совсем бесполезно прожил свою жизнь, — говорил он, — и даже если бы мой жизненный путь должен был оборваться сегодня, я все-таки мог бы оглянуться на него с чувством душевного удовлетворения. Благодаря мне воздух Лондона стал чище. Я принимал участие в тысяче с лишним дел и убежден, что никогда не злоупотреблял своим влиянием, помогая неправой стороне. В последнее время меня, правда, больше привлекало изучение загадок, поставленных перед нами природой, нежели те поверхностные проблемы, ответственность за которые несет несовершенное устройство нашего общества. В тот день, Уотсон, когда я увенчаю свою карьеру поимкой или уничтожением самого опасного и самого талантливого преступника в Европе, вашим мемуарам придет конец.

Теперь я постараюсь коротко, но точно изложить то немногое, что еще осталось недосказанным. Мне нелегко задерживаться на этих подробностях, но я считаю своим долгом не пропустить ни одной из них.

3 мая мы пришли в местечко Мейринген и остановились в гостинице «Англия», которую в то время содержал Петер Штайлер-старший. Наш хозяин был человек смышленый и превосходно говорил по-английски, так как около трех лет прослужил кельнером в гостинице «Гровнер» в Лондоне. 4 мая, во второй половине дня, мы по его совету отправились вдвоем в горы с намерением провести ночь в деревушке Розенлау. Хозяин особенно рекомендовал нам осмотреть Рейхенбахский водопад, который находится примерно на половине подъема, но несколько в стороне.

Это — поистине страшное место. Вздувшийся от тающих снегов горный поток низвергается в бездонную пропасть, и брызги взлетают из нее, словно дым из горящего здания. Ущелье, куда устремляется поток, окружено блестящими скалами, черными, как уголь. Внизу, на неизмеримой глубине, оно суживается, превращаясь в пенящийся, кипящий колодец, который все время переполняется и со страшной силой выбрасывает воду обратно, на зубчатые скалы вокруг. Непрерывное движение зеленых струй, с беспрестанным грохотом падающих вниз, плотная, волнующаяся завеса водяной пыли, в безостановочном вихре взлетающей вверх, — все это доводит человека до головокружения и оглушает его своим несмолкаемым ревом.

Мы стояли у края, глядя в пропасть, где блестела вода, разбивавшаяся далеко внизу о черные камни, и слушали доносившееся из бездны бормотание, похожее на человеческие голоса.

Дорожка, по которой мы поднялись, проложена полукругом, чтобы дать туристам возможность лучше видеть водопад, но она кончается обрывом, и путнику приходится возвращаться той же дорогой, какой он пришел. Мы как раз повернули, собираясь уходить, как вдруг увидели мальчика-швейцарца, который бежал к нам навстречу с письмом в руке. На конверте стоял штамп той гостиницы, где мы остановились. Оказалось, это письмо от хозяина и адресовано

мне. Он писал, что буквально через несколько минут после нашего ухода в гостиницу прибыла англичанка, находящаяся в последней стадии чахотки. Она провела зиму в Давосе, а теперь ехала к своим друзьям в Люцерн, но по дороге у нее внезапно пошла горлом кровь. По-видимому, ей осталось жить не более нескольких часов, но для нее было бы большим утешением видеть около себя доктора англичанина, и если бы я приехал, то… и т. д. и т. д. В постскриптуме добряк Штайлер добавлял, что он и сам будет мне крайне обязан, если я соглашусь приехать, так как приезжая дама категорически отказывается от услуг врача-швейцарца, и что на нем лежит огромная ответственность.

Я не мог не откликнуться на это призыв, не мог отказать в просьбе соотечественнице, умиравшей на чужбине. Но вместе с тем я опасался оставить Холмса одного. Однако мы решили, что с ним в качестве проводника и спутника останется юный швейцарец, а я вернусь в Мейринген. Мой друг намеревался еще немного побыть у водопада, а затем потихоньку отправиться через холмы в Розенлау, где вечером я должен был к нему присоединиться. Отойдя немного, я оглянулся: Холмс стоял, прислонясь к скале, и, скрестив руки, смотрел вниз, на дно стремнины. Я не знал тогда, что больше мне не суждено было видеть моего друга.

Спустившись вниз, я еще раз оглянутся. С этого места водопад уже не был виден, но я разглядел ведущую к нему дорожку, которая вилась вдоль уступа горы. По этой дорожке быстро шагал какой-то человек. Его черный силуэт отчетливо выделялся на зеленом фоне. Я заметил его, заметил необыкновенную быстроту, с какой он поднимался, но я и сам очень спешил к моей больной, а потому вскоре забыл о нем.

Примерно через час я добрался до нашей гостиницы в Мейрингене. Старик Штайлер стоял на дороге.

— Ну что? — спросил я, подбегая к нему. — Надеюсь, ей не хуже?

На лице у него выразилось удивление, брови поднялись. Сердце у меня так и оборвалось.

— Значит, не вы писали это? — спросил я, вынув из кармана письмо. — В гостинице нет больной англичанки?

— Ну, конечно, нет! — вскричал он. — Но что это? На конверте стоит штамп моей гостиницы?.. А, понимаю! Должно быть, письмо написал высокий англичанин, который приехал вскоре после вашего ухода. Он сказал, что…

Но я не стал ждать дальнейших объяснений хозяина. Охваченный ужасом, я уже бежал по деревенской улице к той самой горной дорожке, с которой только что спустился.

Спуск к гостинице занял у меня час, и, несмотря на то, что я бежал изо всех сил, прошло еще два, прежде чем я снова достиг Рейхенбахского водопада. Альпеншток Холмса все еще стоял у скалы, возле которой я его оставил, но самого Холмса не было, и я тщетно звал его. Единственным ответом было эхо, гулко повторявшее мой голос среди окружавших меня отвесных скал.

При виде этого альпенштока я похолодел. Значит, Холмс не ушел на Розенлау. Он оставался здесь, на этой дорожке шириной в три фута, окаймленной отвесной стеной с одной стороны и заканчивающейся отвесным обрывом с другой. И здесь его настиг враг. Юного швейцарца тоже не было. По-видимому, он был подкуплен Мориарти и оставил противников с глазу на глаз. А что случилось потом? Кто мог сказать мне, что случилось потом?

Минуты две я стоял неподвижно, скованный ужасом, силясь прийти в себя. Потом я вспомнил о методе самого Холмса и сделал попытку применить его, чтобы объяснить себе разыгравшуюся трагедию. Увы, это было нетрудно! Во время нашего разговора мы с Холмсом не дошли до конца тропинки, и альпеншток указывал на то место, где мы остановились. Черноватая почва не просыхает здесь из-за постоянных брызг потока, так что птица — и та оставила бы на ней свой след. Два ряда шагов четко отпечатывались почти у самого конца тропинки. Они удалялись от меня. Обратных следов не было. За несколько шагов от края земля была вся истоптана и разрыта, а терновник и папоротник вырваны и забрызганы грязью. Я лег лицом вниз и стал всматриваться в несущийся поток. Стемнело, и теперь я мог видеть только блестевшие от сырости черные каменные стены да где-то далеко в глубине сверканье бесчисленных водяных брызг. Я крикнул, но лишь гул водопада, чем-то похожий на человеческие голоса, донесся до моего слуха.

Однако судьбе было угодно, чтобы последний привет моего друга и товарища все-таки дошел до меня. Как я уже сказал, его альпеншток остался прислоненным к невысокой скале, нависшей над тропинкой. И вдруг на верхушке этого выступа что-то блеснуло. Я поднял руку,

то был серебряный портсигар, который Холмс всегда носил с собой. Когда я взял его, несколько листочков бумаги, лежавших под ним, рассыпались и упали на землю. Это были три листика, вырванные из блокнота и адресованные мне. Характерно, что адрес был написан так же четко, почерк был так же уверен и разборчив, как если бы Холмс писал у себя в кабинете.

«*Дорогой мой Уотсон*, — говорилось в записке. — *Я пишу Вам эти строки благодаря любезности мистера Мориарти, который ждет меня для окончательного разрешения вопросов, касающихся нас обоих. Он бегло обрисовал мне способы, с помощью которых ему удалось ускользнуть от английской полиции, и узнать о нашем маршруте. Они только подтверждают мое высокое мнение о его выдающихся способностях. Мне приятно думать, что я могу избавить общество от дальнейших неудобств, связанных с его существованием, но боюсь, что это будет достигнуто ценой, которая огорчит моих друзей, и особенно Вас, дорогой Уотсон. Впрочем, я уже говорил Вам, что мой жизненный путь дошел до своей высшей точки, и я не мог бы желать для себя лучшего конца. Между прочим, если говорить откровенно, я нимало не сомневался в том, что письмо из Мейрингена западня, и, отпуская Вас, был твердо убежден, что последует нечто в этом роде. Передайте инспектору Петерсону, что бумаги, необходимые для разоблачения шайки, лежат у меня в столе, в ящике под литерой «М» — синий конверт с надписью «Мориарти». Перед отъездом из Англии я сделал все необходимые распоряжения относительно моего имущества и оставил их у моего брата Майкрофта. Прошу Вас передать мой сердечный привет миссис Уотсон.*

Остальное можно рассказать в двух словах. Осмотр места происшествия, произведенный экспертами, не оставил никаких сомнений в том, что схватка между противниками кончилась так, как она неизбежно должна была кончиться при данных обстоятельствах: видимо, они вместе упали в пропасть, так и не разжав смертельных объятий. Попытки отыскать трупы были тотчас же признаны безнадежными, и там, в глубине этого страшного котла кипящей воды и бурлящей пены, навеки остались лежать тела опаснейшего преступника и искуснейшего поборника правосудия своего времени. Мальчика-швейцарца так и не нашли — разумеется, это был один из многочисленных агентов, находившихся в распоряжении Мориарти. Что касается шайки, то, вероятно, все в Лондоне помнят, с какой полнотой улики, собранные Холмсом, разоблачили всю организацию и обнаружили, в каких железных тисках держал ее покойный Мориарти. На процессе страшная личность ее главы и вдохновителя осталась почти не освещенной, и если мне пришлось раскрыть здесь всю правду о его преступной деятельности, это вызвано теми недобросовестными защитниками, которые пытались обелить его память нападками на человека, которого я всегда буду считать самым благородным и самым мудрым из всех известных мне людей.

Возвращение Шерлока Холмса

Пустой дом

(Перевод Д.Лившиц)

Весной 1894 года весь Лондон был крайне взволнован, а высший свет даже потрясен убийством юного графа Рональда Адэра, совершенным при самых необычайных и загадочных обстоятельствах. В свое время широкая публика познакомилась с теми деталями этого преступления, которые выяснились в ходе полицейского дознания, но дело было настолько серьезно, что большую часть подробностей пришлось утаить. И только теперь, спустя почти десять лет, мне предоставлена возможность восполнить недостающие звенья этой изумительной цепи фактов. Преступление представляло интерес и само по себе, но интерес этот совершенно бледнел рядом с теми невероятными событиями, которые явились его следствием и которые поразили и потрясли меня больше, чем любой из эпизодов моей столь богатой приключениями жизни. Даже сейчас, после стольких лет, я вес еще ощущаю трепет, вспоминая об этом деле, и вновь испытываю недоверие, изумление и радость, нахлынувшие на меня тогда и переполнившие всю мою душу. Пусть же читатели, которые проявляли некоторый интерес к моим очеркам, повествующим о деяниях и помыслах одного замечательного человека, простят мне, что я не сразу поделился с ними своим открытием. Я счел бы своим долгом немедленно сообщить им всю эту историю, не будь я связан категорическим запрещением, исходившим из уст этого самого человека, — запрещением, снятым совсем недавно, третьего числа прошлого месяца.

Вполне понятно, что со времени моей тесной дружбы с Шерлоком Холмсом я начал проявлять глубокий интерес к разного рода уголовным делам, а после его исчезновения стал особенно внимательно просматривать в газетах все отчеты о нераскрытых преступлениях. Не раз случалось даже, что я для собственного удовольствия пытался разгадать их, пользуясь теми же методами, какие применял мой друг, хотя далеко не с тем же успехом. Однако ни одно из этих преступлений не взволновало меня в такой мере, как трагическая гибель Рональда Адэра. Прочитав материалы следствия, установившего только то, что «убийство было преднамеренным в совершено одним или несколькими неизвестными лицами», я глубже чем когда бы то ни было осознал, какую тяжелую потерю понесло наше общество в лице Шерлока Холмса. В этом странном деле существовали обстоятельства, которые, несомненно, привлекли бы его особое внимание, и действия полиции были бы дополнены или, вернее, предвосхищены благодаря бдительному уму и изощренной наблюдательности лучшего из всех европейских сыщиков. Весь день, разъезжая по своим пациентам, я снова и снова мысленно возвращался к делу Адэра, но так и не мог найти ни одного объяснения, которое показалось бы мне удовлетворительным. Рискуя повторить то, что уже всем известно, я все-таки хочу напомнить факты в том виде, в каком они были сообщены публике после окончания следствия.

Сэр Рональд Адэр был вторым сыном графа Мэйнуса, губернатора одной из наших австралийских колоний. Мать Адэра приехала из Австралии в Англию, где ей должны были сделать глазную операцию — удалить катаракту, — и вместе с сыном Рональдом и дочерью Хильдой жила на Парк-лейн, 427. Юноша вращался в лучшем обществе, по-видимому, не имел никаких врагов и никаких особенных пороков. Одно время он был помолвлен с мисс Эдит Вудли из Карстерса, но за несколько месяцев до описываемых событий жених и невеста решили разойтись, и, судя по всему, ничье сердце не оказалось разбитым. Вообще жизнь молодого человека протекала в узком семейном и великосветском кругу, характер у него был спокойный, а вкусы и привычки самые умеренные. И вот этого-то беззаботного молодого аристократа поразила самая странная, самая неожиданная смерть. Случилось это вечером 30 марта 1894 года, между десятью и двадцатью минутами двенадцатого.

Рональд Адэр был любителем карточной игры, постоянно играл, но никогда не выходил за пределы благоразумия. Он состоял членом трех клубов — Болдвин, Ковендиш и Бэгетель. Было установлено, что в день своей смерти, после обеда, Рональд сыграл один роббер в вист в клубе Бэгетель. Он играл там также и до обеда. Его партнеры — мистер Меррей, сэр Джон Харди и полковник Моран — показали, что игра шла именно в вист и что игроки остались почти при своих. Адэр проиграл, быть может, фунтов пять, но не более. Состояние у него было значительное, и такой проигрыш никак не мог его взволновать. Он играл почти ежедневно то в одном клубе, то в другом, но играл осторожно и обычно оставался в выигрыше. Из свидетельских показаний выяснилось также, что месяца за полтора до своей смерти Адэр, играя в паре с полковником Мораном, в один вечер выиграл у Годфри Милнера и лорда Балморала четыреста двадцать фунтов. Вот и все, что стало известно о последних неделях его жизни.

В тот роковой вечер он вернулся из клуба ровно в десять часов. Матери и сестры дома не было, они уехали в гости. На допросе горничная показала, что она слышала, как он вошел в свою комнату. Комната эта, расположенная во втором этаже, выходила окнами на улицу и служила ему гостиной. Перед приходом молодого графа горничная затопила там камин и, так как камин дымил, открыла окно. Ни одного звука не доносилось из комнаты до двадцати минут двенадцатого — в это время вернулись домой леди Мэйнус и ее дочь. Леди Мэйнус хотела зайти к сыну и пожелать ему спокойной ночи, но дверь в его комнату оказалась запертой изнутри, и, несмотря на крики и стук, никто не отзывался. Тогда она подняла тревогу, и дверь пришлось взломать. Несчастный юноша лежал на полу возле стола. Голова его была страшно изуродована револьверной пулей, но никакого оружия в комнате не оказалось. На столе лежали два кредитных билета по десять фунтов и семнадцать фунтов десять шиллингов серебром и золотом, причем монеты были сложены маленькими столбиками разной величины. Рядом с ними лежал лист бумаги, на котором были написаны цифры, а против них — имена нескольких клубных приятелей Адэра. Из этого можно было заключить, что перед самой смертью молодой человек занимался подсчетом своих карточных выигрышей и проигрышей.

После тщательного расследования всех обстоятельств дело оказалось еще более загадочным. Прежде всего непонятно было, зачем молодой человек заперся изнутри. Правда, дверь мог запереть и убийца, а затем выскочить в окно, но окно находилось по меньшей мере в двадцати футах от земли, а грядка цветущих крокусов под ним оказалась совершенно нетронутой — не был помят ни один цветок. Никаких следов не осталось также на узкой полосе газона, отделявшего дом от дороги. Итак, видимо, дверь запер сам Рональд Адэр. Но каким образом настигла его смерть? Ведь никто не мог бы влезть в окно, не оставив следов. Если же предположить, что убийца стрелял через окно, то, по-видимому, это был замечательный стрелок, так как убить человека наповал револьверной пулей на таком расстоянии чрезвычайно трудно. Кроме того, Парк-лейн — многолюдная улица, и в каких-нибудь ста ярдах от дома находится стоянка кэбов. Однако выстрела никто не слыхал. А между тем налицо был убитый и налицо была револьверная пуля, которая прошла навылет и, судя по характеру раны, явилась причиной моментальной смерти. Таковы были обстоятельства таинственного убийства на Парк-лейн — убийства, загадочность которого еще усиливалась из-за полного отсутствия каких-либо видимых мотивов: ведь, как я уже говорил, у молодого Адэра не было как будто никаких врагов, а деньги и ценности, находившиеся в комнате, остались нетронутыми.

Весь день я перебирал в уме все факты, пытаясь применить к ним какую-нибудь теорию, которая примирила бы их между собой, и найти «точку наименьшего сопротивления», которую мой погибший друг считал отправным пунктом всякого расследования. Должен признаться, что это мне не удалось. Вечером я бродил по парку и около шести часов очутился вдруг на углу Парк-лейн и Оксфорд-стрит. На тротуаре собралась толпа зевак, глазевших на одно и то же окно, и я понял, что это был тот самый дом, где произошло убийство. Высокий, худой человек в темных очках, по-моему, переодетый сыщик, развивал какую-то теорию по поводу случившегося, остальные слушали, окружив его тесным кольцом. Я протиснулся поближе, но его рассуждения показались мне до того нелепыми, что с чувством, близким к отвращению, я подался назад, стремясь уйти. При этом я нечаянно толкнул какого-то сгорбленного старика, стоявшего сзади, и он уронил несколько книг, которые держал под мышкой. Помогая ему поднимать их, я заметил заглавие одной книги: «Происхождение культа деревьев» — и подумал, что, по-видимому, это какой-нибудь бедный библиофил, который то ли ради заработка, то ли из любви к искусству собирает редкие издания. Я начал было извиняться перед ним, но, должно быть, эти книги, с которыми я имел несчастье обойтись столь невежливо, были очень дороги их владельцу, ибо он сердито буркнул что-то, презрительно отвернулся и вскоре его сгорбленная спина и седые бакенбарды исчезли в толпе.

Мои наблюдения за домом № 427 по Парк-лейн мало чем помогли мне в разрешении заинтересовавшей меня загадки. Дом отделялся от улицы низенькой стеной с решеткой, причем все это вместе не достигало и пяти футов. Следовательно, каждый мог легко проникнуть в сад. Зато окно было совершенно неприступно: возле не было ни водосточной трубы, ни малейшего выступа, так что взобраться по стене не мог бы даже самый искусный гимнаст. Недоумевая еще больше прежнего, я отправился обратно в Кенсингтон и пришел домой. Но не пробыл я у себя в кабинете и пяти минут, как горничная доложила, что меня желает видеть какой-то человек. К моему удивлению, это оказался не кто иной, как мой оригинальный старик библиофил. Его острое морщинистое лицо выглядывало из рамки седых волос; подмышкой он держал не менее дюжины своих драгоценных книг.

— Вы, конечно, удивлены моим приходом, сэр? — спросил он странным, каркающим голосом.

Я подтвердил его догадку.

— Видите ли, сэр, я человек деликатный. Ковыляя сзади по той же дороге, что и вы, я вдруг увидел, как вы вошли в этот дом, и решил про себя, что должен зайти к такому любезному господину и извиниться перед ним. Ведь если я был чуточку груб с вами, сэр, то, право же, не хотел обидеть вас и очень вам благодарен за то, что вы подняли мои книги.

— Не стоит говорить о таких пустяках, — сказал я. — А позвольте спросить, как вы узнали, кто я?

— Осмелюсь сказать, сэр, что я ваш сосед. Моя маленькая книжная лавчонка находится на углу Черч-стрит, и я буду счастлив, если вы когда-нибудь посетите меня. Может быть, вы тоже собираете книги, сэр? Вот «Птицы Британии», «Катулл», «Священная война». Купите, сэр. Отдам за бесценок. Пять томов как раз заполнят пустое место на второй полке вашего книжного шкафа, а то у нее какой-то неаккуратный вид, не правда ли, сэр?

Я оглянулся, чтобы посмотреть на полку, а когда я снова повернул голову, возле моего письменного стола стоял, улыбаясь мне, Шерлок Холмс. Я вскочил и несколько секунд смотрел на него в немом изумлении, а потом, должно быть, потерял сознание — в первый и, надеюсь, в последний раз в моей жизни. Помню только, что какой-то серый туман закружился у меня перед глазами, а когда он рассеялся, воротник у меня оказался расстегнутым и на губах я ощутил вкус коньяка. Холмс стоял с фляжкой в руке, наклонившись над моим стулом.

— Дорогой мой Уотсон, — сказал хорошо знакомый голос, — приношу тысячу извинений. Я никак не предполагал, что это так подействует на вас.

Я схватил его за руку.

— Холмс! — вскричал я. — Вы ли это? Неужели вы в самом деле живы? Возможно ли, что вам удалось выбраться из той ужасной пропасти?

— Погодите минутку, — ответил он. — Вы уверены, что уже в состоянии вести беседу? Мое чересчур эффектное появление слишком сильно взволновало вас.

— Мне лучше, но, право же, Холмс, я не верю своим глазам. Боже милостивый! Неужели это вы, вы, а не кто иной, стоите в моем кабинете?

Я снова схватил его за рукав и нащупал его тонкую, мускулистую руку.

— Нет, это не дух, это несомненно, — сказал я. — Дорогой мой друг, до чего я счастлив, что вижу вас! Садитесь же и рассказывайте, каким образом вам удалось спастись из той страшной бездны.

Холмс сел против меня и знакомым небрежным жестом закурил трубку. На нем был поношенный сюртук букиниста, но все остальные принадлежности этого маскарада — кучка седых волос и связка старых книг — лежали на столе. Казалось, он еще более похудел и взгляд его стал еще более пронзителен. Мертвенная бледность его тонкого лица с орлиным носом свидетельствовала, что образ жизни, который он вел в последнее время, был не слишком полезен для его здоровья.

— Как приятно вытянуться, Уотсон! — сказал он. — Человеку высокого роста нелегко сделаться короче на целый фут и оставаться в таком положении несколько часов подряд. А теперь, мой дорогой друг, поговорим о серьезных вещах… Дело в том, что я хочу просить вашей помощи, и если вы согласны, то обоим нам предстоит целая ночь тяжелой и опасной работы. Не лучше ли отложить рассказ о моих приключениях до той минуты, когда эта работа будет позади?

— Но я сгораю от любопытства, Холмс, и предпочел бы выслушать вас сейчас же.

— Вы согласны пойти со мной сегодня ночью?

— Когда и куда вам угодно.

— Совсем как в доброе старое время. Пожалуй, мы еще успеем немного закусить перед уходом… Ну, а теперь насчет этой самой пропасти. Мне было не так уж трудно выбраться из нее по той простой причине, что я никогда в ней не был.

— Не были?!

— Нет, Уотсон, не был. Однако моя записка к вам была написана совершенно искренне. Когда зловещая фигура покойного профессора Мориарти возникла вдруг на узкой тропинке,

прегражда я мне единственный путь к спасению, я был вполне убежден, что для меня все кончено. В его серых глазах я прочитал неумолимое решение. Мы обменялись с ним несколькими словами, и он любезно позволил мне написать коротенькую записку, которую вы и нашли. Я оставил ее вместе с моим портсигаром и альпенштоком, а сам пошел по тропинке вперед. Мориарти шел за мной по пятам. Дойдя до конца тропинки, я остановился: дальше идти было некуда. Он не вынул никакого оружия, но бросился ко мне и обхватил меня своими длинными руками. Он знал, что его песенка спета, и хотел только одного — отомстить мне. Не выпуская друг друга, мы стояли, шатаясь, на краю обрыва. Я не знаю, известно ли это вам, но я немного знаком с приемами японской борьбы — «баритсу», которые не раз сослужили мне хорошую службу. Я сумел увернуться от него. Он издал вопль и несколько секунд отчаянно балансировал на краю, хватаясь руками за воздух. Но все-таки ему не удалось сохранить равновесие, и он сорвался вниз. Нагнувшись над обрывом, я еще долго следил взглядом за тем, как он летел в пропасть. Потом он ударился о выступ скалы и погрузился в воду.

С глубоким волнением слушал я Холмса, который, рассказывая, спокойно попыхивал трубкой.

— Но следы! — вскричал я. — Я сам, собственными глазами видел отпечатки двух пар ног, спускавшихся вниз по тропинке, и никаких следов в обратном направлении.

— Это произошло так. В ту секунду, когда профессор исчез в глубине пропасти, я вдруг понял, какую необыкновенную удачу посылает мне судьба. Я знал, что Мориарти был не единственным человеком, искавшим моей смерти. Оставались по меньшей мере три его сообщника. Гибель главаря могла только разжечь в их сердцах жажду мести. Все они были чрезвычайно опасные люди. Кому-нибудь из них непременно удалось бы через некоторое время прикончить меня. А если эти люди будут думать, что меня уже нет в живых, они начнут действовать более открыто, легче выдадут себя, и, рано или поздно, мне удастся их уничтожить. Тогда я и объявлю, что я жив! Человеческий мозг работает быстро; профессор Мориарти не успел, должно быть, опуститься на дно Рейхенбахского водопада, как я уже обдумал этот план.

Я встал и осмотрел скалистую стену, возвышавшуюся у меня за спиной. В вашем живописном отчете о моей трагической гибели, который я с большим интересом прочел несколько месяцев спустя, вы утверждаете, будто стена была совершенно отвесной и гладкой. Это не совсем так. В скале есть несколько маленьких выступов, на которые можно было поставить ногу, и, кроме того, по некоторым признакам я понял, что чуть повыше в ней имеется выемка… Утес так высок, что вскарабкаться на самый верх было явно невозможно, и так же невозможно было пройти по сырой тропинке, не оставив следов. Правда, я мог бы надеть сапоги задом наперед, как я не раз поступал в подобных случаях, но три пары отпечатков ног, идущих в одном направлении, неминуемо навели бы на мысль об обмане. Итак, лучше было рискнуть на подъем. Это оказалось не так-то легко, Уотсон. Подо мной ревел водопад. Я не обладаю пылким воображением, но, клянусь вам, мне чудилось, что до меня доносится голос Мориарти, взывающий ко мне из бездны. Малейшая оплошность могла стать роковой. Несколько раз, когда пучки травы оставались у меня в руке или когда нога скользила по влажным уступам скалы, я думал, что все кончено. Но я продолжал карабкаться вверх и наконец дополз до расселины, довольно глубокой и поросшей мягким зеленым мхом. Здесь я мог вытянуться, никем не видимый, и отлично отдохнуть. И здесь я лежал, в то время, как вы, мой милый Уотсон, и все те, кого вы привели с собой, пытались весьма трогательно, но безрезультатно восстановить картину моей смерти.

Наконец, сделав неизбежные, но тем не менее совершенно ошибочные выводы по поводу случившегося, вы ушли в свою гостиницу, и я остался один. Я воображал, что мое приключение кончено, но одно весьма неожиданное происшествие показало, что меня ждет еще немало сюрпризов. Огромный обломок скалы с грохотом пролетел вдруг совсем около меня, ударился о тропинку и низринулся в пропасть. В первый момент я приписал это простой случайности, но, взглянув вверх, увидел на фоне угасающего неба голову мужчины, и почти в ту же секунду другой камень ударился о край той самой расселины, где я лежал, в нескольких дюймах от моей головы. Я понял, что это означает. Мориарти действовал не один. Его сообщник — и я с первого же взгляда увидел, как опасен был этот сообщник, — стоял на страже, когда на меня напал профессор. Издали, невидимый мною, он стал свидетелем смерти своего друга и моего спасения. Выждав некоторое время, он обошел скалу, взобрался на вершину с другой стороны и теперь пытался сделать то, что не удалось Мориарти.

Я недолго размышлял об этом, Уотсон. Выглянув, я снова увидел над скалой свирепое лицо этого субъекта и понял, что оно является предвестником нового камня. Тогда я пополз вниз, к тропинке. Не знаю, сделал ли бы я это в хладнокровном состоянии. Спуск был в тысячу раз труднее, чем подъем. Но мне некогда было размышлять — третий камень прожужжал возле меня, когда я висел, цепляясь руками за край расселины. На полдороге я сорвался вниз, но

все-таки каким-то чудом оказался на тропинке. Весь ободранный и в крови, я побежал со всех ног, в темноте прошел через горы десять миль и неделю спустя очутился во Флоренции, уверенный в том, что никто в мире ничего не знает о моей судьбе.

Я посвятил в свою тайну только одного человека — моего брата Майкрофта. Приношу тысячу извинений, дорогой Уотсон, но мне было крайне важно, чтобы меня считали умершим, а вам никогда не удалось бы написать такое убедительное сообщение о моей трагической смерти, не будь вы сами уверены в том, что это правда. За эти три года я несколько раз порывался написать вам — и всякий раз удерживался, опасаясь, как бы ваша привязанность ко мне не заставила вас совершить какую-нибудь оплошность, которая выдала бы мою тайну. Вот почему я отвернулся от вас сегодня вечером, когда вы рассыпали мои книги. Ситуация была в тот момент очень опасной, и возглас удивления или радости мог бы привлечь ко мне внимание и привести к печальным, даже непоправимым последствиям. Что касается Майкрофта, я поневоле должен был открыться ему, так как мне необходимы были деньги. В Лондоне дела шли не так хорошо, как я того ожидал. После суда над шайкой Мориарти остались на свободе два самых опасных ее члена, оба — мои смертельные враги. Поэтому два года я пропутешествовал по Тибету, посетил из любопытства Лхасу и провел несколько дней у далай-ламы. Вы, вероятно, читали о нашумевших исследованиях норвежца Сигерсона, но, разумеется, вам и в голову не приходило, что-то была весточка от вашего друга. Затем я объехал всю Персию, заглянул в Мекку и побывал с коротким, но интересным визитом у калифа в Хартуме… Отчет об этом визите был затем представлен мною министру иностранных дел.

Вернувшись в Европу, я провел несколько месяцев во Франции, где занимался исследованиями веществ, получаемых из каменноугольной смолы. Это происходило в одной лаборатории на юге Франции, в Монпелье. Успешно закончив опыты и узнав, что теперь в Лондоне остался лишь один из моих заклятых врагов, я подумывал о возвращении домой, когда известие о нашумевшем убийстве на Парк-лейн заставило меня поторопиться с отъездом. Эта загадка заинтересовала меня не только сама по себе, но и потому, что ее раскрытие, по-видимому, могло помочь мне осуществить кое-какие проекты, касающиеся меня лично. Итак, я немедленно приехал в Лондон, явился собственной персоной на Бейкер-стрит, вызвал сильный истерический припадок у миссис Хадсон и убедился в том, что Майкрофт позаботился сохранить мои комнаты и бумаги точно в том же виде, в каком они были прежде. Таким образом, сегодня, в два часа дня, я очутился в своей старой комнате, в своем старом кресле, и единственное, чего мне оставалось желать, это — чтобы мой старый друг Уотсон сидел рядом со мной в другом кресле, которое он так часто украшал своей особой.

Такова была изумительная повесть, рассказанная мне в тот апрельский вечер, повесть, которой я бы ни за что не поверил, если бы не видел своими глазами высокую, худощавую фигуру и умное, энергичное лицо человека, которого уже никогда не чаял увидеть. Каким-то образом Холмс успел узнать о смерти моей жены, но его сочувствие проявилось скорее в тоне, нежели в словах.

— Работа — лучшее противоядие от горя, дорогой Уотсон, — сказал он, — а нас с вами ждет сегодня ночью такая работа, что человек, которому удастся успешно довести ее до конца, сможет смело сказать, что он недаром прожил свою жизнь.

Тщетно упрашивал я его высказаться яснее.

— Вы достаточно услышите и увидите до наступления утра, — ответил он. — А пока что у нас и без того есть о чем поговорить — ведь мы не виделись три года. Надеюсь, что до половины десятого нам хватит этой темы, а потом мы отправимся в путь, навстречу одному интересному приключению в пустом доме.

И правда, все было как в доброе старое время, когда в назначенный час я очутился в кэбе рядом с Холмсом. В кармане я нащупал револьвер, и сердце мое сильно забилось в ожидании необычайных событий. Холмс был сдержан, угрюм и молчалив. Когда свет уличных фонарей упал на его суровое лицо, я увидел, что брови его нахмурены, а тонкие губы плотно сжаты: казалось, он был погружен в глубокое раздумье. Я еще не знал, какого хищного зверя нам предстояло выследить в темных джунглях лондонского преступного мира, но все повадки этого искуснейшего охотника сказали мне, что приключение обещает быть одним из самых опасных, а язвительная усмешка, появлявшаяся время от времени на аскетически строгом лице моего спутника, не предвещала ничего доброго для той дичи, которую мы выслеживали.

Я предполагал, что мы едем на Бейкер-стрит, но Холмс приказал кучеру остановиться на углу Кавендиш-сквера. Выйдя из экипажа, он внимательно осмотрелся по сторонам и потом оглядывался на каждом повороте, желая удостовериться, что никто не увязался за нами

следом. Мы шли какой-то странной дорогой. Холмс всегда поражал меня знанием лондонских закоулков, и сейчас он уверенно шагал через лабиринт каких-то конюшен и извозчичьих дворов, о существовании которых я даже не подозревал. Наконец мы вышли на узкую улицу с двумя рядами старых, мрачных домов, и она вывела нас на Манчестер-стрит, а затем на Бландфорд-стрит. Здесь Холмс быстро свернул в узкий тупичок, прошел через деревянную калитку в пустынный двор и открыл ключом заднюю дверь одного из домов. Мы вошли, и он тотчас же заперся изнутри.

Было совершенно темно, но я сразу понял, что дом необитаем. Голый пол скрипел и трещал под ногами, а на стене, к которой я нечаянно прикоснулся, висели клочья рваных обоев. Холодные тонкие пальцы Холмса сжали мою руку, и он повел меня по длинному коридору, пока наконец перед нами не обрисовались еле заметные контуры полукруглого окна над дверью. Здесь Холмс внезапно повернул вправо, и мы очутились в большой квадратной пустой комнате, совершенно темной по углам, но слегка освещенной в середине уличными огнями. Впрочем, поблизости от окна фонаря не было, да и стекло было покрыто густым слоем пыли, так что мы с трудом различали друг друга. Мой спутник положил руку мне на плечо и почти коснулся губами моего уха.

— Знаете ли вы, где мы? — шепотом спросил он.

— Кажется, на Бейкер-стрит, — ответил я, глядя через мутное стекло.

— Совершенно верно, мы находимся в доме Кэмдена, как раз напротив нашей прежней квартиры.

— Но зачем мы пришли сюда?

— Затем, что отсюда открывается прекрасный вид на это живописное здание. Могу ли я попросить вас, дорогой Уотсон, подойти чуть ближе к окну? Только будьте осторожны, никто не должен вас видеть. Ну, а теперь взгляните на окна наших прежних комнат, где было положено начало стольким интересным приключениям. Сейчас увидим, совсем ли я потерял способность удивлять вас за три года нашей разлуки.

Я шагнул вперед, посмотрел на знакомое окно, и у меня вырвался возглас изумления. Штора была опущена, комната ярко освещена, и тень человека, сидевшего в кресле в глубине ее, отчетливо выделялась на светлом фоне окна. Посадка головы, форма широких плеч, острые черты лица — все это не оставляло никаких сомнений. Голова была видна вполоборота и напоминала те черные силуэты, которые любили рисовать наши бабушки. Это была точна копия Холмса. Я был так поражен, что невольно протянул руку, желая убедиться, действительно ли сам он стоит здесь, рядом со мной. Холмс трясся от беззвучного смеха.

— Ну? — спросил он.

— Это просто невероятно! — прошептал я.

— Кажется, годы не убили мою изобретательность, а привычка не засушила ее, — сказал он, и я уловил в его голосе радость и гордость художника, любующегося своим творением. — А ведь правда похож?

— Я готов был бы поклясться, что это вы.

— Честь выполнения принадлежит господину Менье из Гренобля. Он лепил эту фигуру несколько дней. Она сделана из воска. Все остальное устроил я сам, когда заходил на Бейкер-стрит сегодня утром.

— Но зачем вам понадобилось все это?

— У меня были на то серьезные причины, милый Уотсон. Я хочу, чтобы некоторые люди думали, что я нахожусь там, в то время как в действительности я нахожусь в другом месте.

— Так вы думаете, что за квартирой следят?

— Я знаю, что за ней следят.

— Кто же?

— Мои старые враги, Уотсон. Та очаровательная компания, шеф которой покоится на дне Рейхенбахского водопада. Как вы помните, они — и только они — знали, что я еще жив. Они были уверены, что рано или поздно я вернусь в свою прежнюю квартиру. Они не переставали

следить за ней, и вот сегодня утром они увидели, что я возвратился.

— Но как вы догадались об этом?

— Выглянув из окна, я узнал их дозорного. Это довольно безобидный малый, по имени Паркер, по профессии грабитель и убийца и в то же время прекрасный музыкант. Он мало меня интересует. Меня гораздо больше интересует другой — тот страшный человек, который скрывается за ним, ближайший друг Мориарти, тот, кто швырял в меня камнями с вершины скалы, — самый хитрый и самый опасный преступник во всем Лондоне. Именно этот человек охотится за мной сегодня ночью, Уотсон, и не подозревает, что мы охотимся за ним.

Планы моего друга постепенно прояснились для меня. Из нашего удобного убежища мы имели возможность наблюдать за теми, кто стремился наблюдать за нами, и следить за нашими преследователями. Тонкий силуэт в окне служил приманкой, а мы — мы были охотниками. Молча стояли мы рядом в темноте, плечом к плечу, и внимательно вглядывались в фигуры прохожих, сновавших взад и вперед по улице напротив нас. Холмс не говорил мне ни слова и не шевелился, но я чувствовал, что он страшно напряжен и что глаза его не отрываясь следят за людским потоком на тротуаре. Ночь была холодная и ненастная, резкий ветер дул вдоль длинной улицы. Народу было много, почти все прохожие шли торопливой походкой, уткнув носы в воротники или кашне. Мне показалось, что одна и та же фигура несколько раз прошла взад и вперед мимо дома, и особенно подозрительны были мне два человека, которые, словно укрываясь от ветра, долго торчали в одном подъезде невдалеке от нас. Я сделал попытку обратить на них внимание Холмса, но он ответил мне лишь еле слышным возгласом досады и продолжал внимательно смотреть на улицу. Время от времени он переминался с ноги на ногу или нервно барабанил пальцами по стене. Я видел, что ему становится не по себе и что события разворачиваются не совсем так, как он предполагал. Наконец, когда дело подошло к полуночи и улица почти опустела, он зашагал по комнате, уже не скрывая своего волнения. Я хотел было что-то сказать ему, как вдруг взгляд мой упал на освещенное окно, и я снова почувствовал изумление. Схватив Холмса за руку, я показал ему на окно.

— Фигура шевельнулась! — воскликнул я.

И действительно, теперь силуэт был обращен к нам уже не в профиль, а спиной.

Как видно, годы не смягчили резкого характера Холмса, и он был все так же нетерпелив, сталкиваясь с проявлениями ума, менее тонкого, чем его собственный.

— Разумеется, она шевельнулась, — сказал он. — Неужели я такой уж безмозглый болван, Уотсон, чтобы посадить в комнате явное чучело и надеяться с его помощью провести самых хитрых мошенников, какие только существуют в Европе? Мы торчим в этой дыре два часа, и за это время миссис Хадсон меняла положение фигуры восемь раз, то есть каждые четверть часа. Само собой, она подходит к ней так, чтобы ее собственный силуэт не был виден… Ага!

Внезапно он затаил дыхание и замер. В полумраке я увидел, как он стоит, вытянув шею, в позе напряженного ожидания. Улица была теперь совершенно пустынна. Возможно, что те двое все еще стояли, притаившись, в подъезде, но я уже не мог их видеть. Вокруг нас царили безмолвие и мрак. И во мраке отчетливо выделялся желтый экран ярко освещенного окна с контурами черной фигуры в центре. В полном безмолвии я слышал свистящее дыхание Холмса, выдававшее сильное, с трудом сдерживаемое волнение. Внезапно он толкнул меня в глубь комнаты, в самый темный ее угол, и зажал мне на минуту рот рукой, требуя тем самым полного молчания. В эту минуту я ощутил, как дрожат его пальцы. Никогда еще я не видел его в таком возбуждении, а между тем темная улица казалась все такой же пустынной и безмолвной.

И вдруг я услышал то, что уже уловил более тонкий слух моего друга. Какой-то тихий, приглушенный звук донесся до меня, но не со стороны Бейкер-стрит, а из глубины того самого дома, где мы прятались. Вот открылась и закрылась входная дверь. Через секунду чьи-то крадущиеся шаги послышались в коридоре — шаги, которые, очевидно, стремились быть тихими, но гулко отдавались в пустом доме. Холмс прижался к стене; я сделал то же, крепко стиснув револьвер. Вглядываясь в темноту, я различил неясный мужской силуэт, черный силуэт чуть темнее черного прямоугольника открытой двери. Минуту он постоял там, затем пригнулся и, крадучись, двинулся вперед. Во всех его движениях таилась угроза. Эта зловещая фигура была в трех шагах от нас, и я уже напряг мускулы, готовясь встретить нападение пришельца, как вдруг до моего сознания дошло, что он и не подозревает о нашем присутствии. Едва не коснувшись нас, он прошел мимо, прокрался к окну и очень осторожно, совершенно бесшумно, поднял раму почти на полфута. Когда он нагнулся до уровня образовавшегося отверстия, свет с улицы, уже не заслоненный грязным стеклом, упал на его

лицо. Это лицо выдавало крайнюю степень возбуждения. Глаза лихорадочно горели, черты были страшно искажены. Незнакомец был уже немолодой человек с тонким ястребиным носом, высоким лысеющим лбом и длинными седыми усами. Цилиндр его был сдвинут на затылок, пальто распахнулось и открывало белоснежную грудь фрачной манишки. Смуглое мрачное лицо было испещрено глубокими морщинами. В руке он держал нечто вроде трости, но, когда он положил ее на пол, она издала металлический лязг. Затем он вынул из кармана пальто какой-то предмет довольно больших размеров и несколько минут возился с ним, пока не щелкнула какая-то пружина или задвижка. Стоя на коленях, он нагнулся вперед и всей своей тяжестью налег на какой-то рычаг, в результате чего мы услышали длинный, скрежещущий, резкий звук. Тогда он выпрямился, и я увидел, что в руке у него было нечто вроде ружья с каким-то странным, неуклюжим прикладом. Он открыл затвор, вложил что-то внутрь и снова защелкнул его. Потом, сев на корточки, положил конец ствола на подоконник, и его длинные усы повисли над стволом, а глаза сверкнули, вглядываясь в точку прицела. Наконец он приложил ружье к плечу и с облегчением вздохнул: мишень была перед ним — изумительная мишень, черный силуэт, четко выделявшийся на светлом фоне. На мгновение он застыл, потом его палец нажал на собачку, и раздалось странное жужжание, а вслед за ним серебристый звон разбитого стекла. В тот же миг Холмс, как тигр, прыгнул на спину стрелка и повалил его на пол. Но через секунду тот вскочил на ноги и с невероятной силой схватил Холмса за горло. Тогда рукояткой моего револьвера я ударил злодея по голове, и он снова упал. Я навалился на него, и в ту же минуту Холмс дал резкий свисток. С улицы послышался топот бегущих людей, и вскоре два полисмена в форме, а с ними сыщик в штатском платье ворвались в комнату через парадную дверь.

— Это вы, Лестрейд? — спросил Холмс.

— Да, мистер Холмс. Я решил сам заняться этим делом. Рад видеть вас снова в Лондоне, сэр.

— Мне казалось, что вам не помешает наша скромная неофициальная помощь. Три нераскрытых убийства за один год — многовато, Лестрейд. Но дело о тайне Молси вы вели не так уж… то есть я хотел сказать, что вы провели его недурно…

Все мы уже стояли на ногах. Наш пленник тяжело дышал в руках двух дюжих констеблей, крепко державших его с двух сторон. На улице начала собираться толпа зевак. Холмс подошел к окну, закрыл его и опустил штору. Лестрейд зажег две принесенные им свечи, а полицейские открыли свои потайные фонарики. Наконец-то я мог рассмотреть нашего пленника.

У него было необычайно мужественное и в то же время отталкивающее лицо. Лоб философа и челюсть сластолюбца говорили о том, что в этом человеке была заложена способность как к добру, так и ко злу. Но жестокие, стального оттенка глаза с нависшими веками и циничным взглядом, хищный, ястребиный нос и глубокие морщины, избороздившие лоб, указывали, что сама природа позаботилась наделить его признаками, свидетельствовавшими об опасности этого субъекта для общества. Ни на кого из нас он не обращал ни малейшего внимания; взгляд его был прикован к лицу Холмса, на которого он глядел с изумлением и ненавистью.

— Дьявол! — шептал он. — Хитрый дьявол!

— Итак, полковник, — сказал Холмс, поправляя свой измятый воротник, — все пути ведут к свиданью, как поется в старинной песенке. Кажется, я еще не имел удовольствия видеть вас после того, как вы удостоили меня своим благосклонным вниманием, — помните, когда я лежал в той расселине над Рейхенбахским водопадом.

Полковник, словно загипнотизированный, не мог оторвать взгляда от моего друга.

— Дьявол, сущий дьявол! — снова и снова повторял он.

— Я еще не представил вас, — сказал Холмс. — Джентльмены, это полковник Себастьян Моран, бывший офицер Индийской армии ее величества и лучший охотник на крупного зверя, какой когда-либо существовал в наших восточных владениях. Думаю, что не ошибусь, полковник, если скажу, что по числу убитых вами тигров вы все еще остаетесь на первом месте?

Пленник с трудом сдерживал ярость, но продолжал молчать. Он и сам был похож на тигра, глаза у него злобно сверкали, усы ощетинились.

— Меня удивляет, что моя несложная выдумка могла обмануть такого опытного охотника, — продолжал Холмс. — Для вас она не должна быть новинкой. Разве вам не приходилось привязывать под деревом козленка и, притаившись в ветвях с карабином, ждать, пока тигр не придет на приманку? Этот пустой дом — мое дерево, а вы — мой тигр. Думаю, что иногда вам случалось иметь в резерве других стрелков на случай, если бы вдруг явилось несколько тигров, или же на тот маловероятный случай, если бы вы промахнулись. Эти господа, — он показал на нас, — мои запасные стрелки. Мое сравнение точно, не так ли?

Внезапно полковник Моран с яростным воплем рванулся вперед, но констебли оттащили его. Лицо его выражало такую ненависть, что страшно было смотреть.

— Признаюсь, вы устроили мне небольшой сюрприз, — продолжал Холмс. — Я не предполагал, что вы сами захотите воспользоваться этим пустым домом и этим окном, действительно очень удобным. Мне представлялось, что вы будете действовать с улицы, где вас ждал мой друг Лестрейд со своими помощниками. За исключением этой детали, все произошло так, как я ожидал.

Полковник Моран обратился к Лестрейду.

— Независимо от того, есть у вас основания для моего ареста или у вас их нет, — сказал он, — я не желаю переносить издевательства этого господина. Если я в руках закона, пусть все идет законным порядком.

— Это, пожалуй, справедливо, — заметил Лестрейд. — Вы имеете еще что-нибудь сказать, перед тем как мы уйдем отсюда, мистер Холмс?

Холмс поднял с пола громадное духовое ружье и стал рассматривать его механизм.

— Превосходное и единственное в своем роде оружие! — сказал он. — Стреляет бесшумно и действует с сокрушительной силой. Я знал немца фон Хердера, слепого механика, который сконструировал его по заказу покойного профессора Мориарти. Вот уже много лет, как мне было известно о существовании этого ружья, но никогда еще не приходилось держать его в руках. Я особенно рекомендую его вашему вниманию, Лестрейд, а также и пули к нему.

— Не беспокойтесь, мистер Холмс, мы займемся им, — сказал Лестрейд, когда все присутствовавшие двинулись к дверям. — Это все?

— Все. Впрочем, я хотел бы спросить, какое обвинение вы собираетесь предъявить преступнику?

— Как какое обвинение, сэр? Ну, разумеется, в покушении на убийство мистера Шерлока Холмса.

— О нет, Лестрейд, я не имею никакого желания фигурировать в этом деле. Вам, и только вам, принадлежит честь замечательного ареста, который вы произвели. Поздравляю вас, Лестрейд! Благодаря сочетанию свойственной вам проницательности и смелости вы наконец поймали этого человека.

— Этого человека? Но кто же он такой, мистер Холмс?

— Тот, кого безуспешно искала вся полиция, — полковник Себастьян Моран, который тридцатого числа прошлого месяца застрелил сэра Рональда Адэра выстрелом из духового ружья, произведенным через окно второго этажа дома № 427 по Парк-лейн. Вот каково должно быть обвинение, Лестрейд… А теперь, Уотсон, если вы не боитесь сквозного ветра из разбитого окна, давайте посидим полчаса у меня в кабинете и выкурим по сигаре — надеюсь, что это немного развлечет вас.

Благодаря наблюдению Майкрофта Холмса и непосредственным заботам миссис Хадсон в нашей прежней квартире ничего не изменилось. Правда, когда я вошел, меня удивила ее непривычная опрятность, но все знакомые предметы стояли на своих местах. На месте был «уголок химии», в котором по-прежнему стоял сосновый стол, покрытый пятнами от едких кислот. На полке по-прежнему были выстроены в ряд огромные альбомы газетных вырезок и справочники, которые так охотно швырнули бы в огонь многие из наших сограждан! Диаграммы, футляр со скрипкой, полочка со множеством трубок, даже персидская туфля с табаком — все было вновь перед моими глазами, когда я осмотрелся по сторонам. В комнате находились двое: во-первых, миссис Хадсон, встретившая нас радостной улыбкой, а во-вторых, странный манекен, сыгравший такую важную роль в событиях сегодняшней ночи. Это был раскрашенный восковой бюст моего друга, сделанный с необыкновенным мастерством и поразительно похожий на оригинал. Он стоял на высокой подставке и был так искусно задрапирован старым халатом Холмса, что, если смотреть с улицы, иллюзия получалась полная.

— Надо полагать, вы выполнили все мои указания, миссис Хадсон? — спросил Холмс.

— Я подползала к нему на коленях, сэр, как вы приказали.

— Отлично. Вы проделали все это как нельзя лучше. Заметили вы, куда попала пуля?

— Да, сэр. Боюсь, что она испортила вашу красивую статую — прошла через голову и сплющилась о стену. Я подняла ее с ковра. Вот она.

Холмс протянул ее мне.

— Мягкая револьверная пуля, посмотрите, Уотсон. Ведь это просто гениально! Ну кто бы подумал, что такая штука может быть пущена из духового ружья? Прекрасно, миссис Хадсон, благодарю вас за помощь… А теперь, Уотсон, садитесь, как бывало, на свое старое место. Мне хочется побеседовать с вами кое о чем.

Он сбросил поношенный сюртук, накинул старый халат, сняв его предварительно со своего двойника, и передо мной снова был прежний Холмс.

— Нервы у старого охотника все так же крепки, а глаз так же верен, — сказал он со смехом, разглядывая продырявленный лоб восковой фигуры. — Попал в самую середину затылка и пробил мозг. Это был искуснейший стрелок Индии. Думаю, что и в Лондоне у него найдется не так уж много соперников. Вы когда-нибудь слышали прежде его имя?

— Нет, никогда.

— Да, вот она, слава! Впрочем, вы ведь, насколько я помню, еще недавно сознавались, что не слышали даже имени профессора Джеймса Мориарти, а это был один из величайших умов нашего века. Кстати, снимите, пожалуйста, с полки биографический указатель…

Удобно расположившись в кресле и попыхивая сигарой, Холмс лениво переворачивал страницы.

— У меня отличная коллекция на «М», — сказал он. — Одного Мориарти было бы достаточно, чтобы прославить любую букву, а тут еще Морган — отравитель, и Мерридью, оставивший по себе жуткую память, и Мэтьюз — тот самый, который выбил мне левый клык в зале ожидания на Черинг-Кросском вокзале. А вот наконец и наш сегодняшний друг.

Он протянул мне книгу, и я прочитал:

«Моран Себастьян, полковник в отставке. Служил в первом саперном бангалурском полку. Родился в Лондоне в 1840 году. Сын сэра Огастеса Морана, кавалера ордена Бани, бывшего британского посланника в Персии. Окончил Итонский колледж и Оксфордский университет. Участвовал в кампаниях Джоваксской, Афганской, Чарасиабской (дипломатическим курьером), Шерпурской и Кабульской. Автор книг: «Охота на крупного

зверя в Западных Гималаях» (1881) и «Три месяца в джунглях» (1884). Адрес: Кондуит-стрит. Клубы: Англо-индийский, Тэнкервильский и карточный клуб Бэгетель».

На полях четким почерком Холмса было написано: *«Самый опасный человек в Лондоне после Мориарти».*

— Странно, — сказал я, возвращая Холмсу книгу. — Казалось бы, его путь — это путь честного солдата.

— Вы правы, — ответил Холмс. — До известного момента он не делал ничего дурного. Это был человек с железными нервами, и в Индии до сих пор ходят легенды о том, как он прополз по высохшему руслу реки и спас человека, вырвав его из когтей раненого тигра. Есть такие деревья, Уотсон, которые растут нормально до определенной высоты, а потом вдруг обнаруживают в своем развитии какое-нибудь уродливое отклонение от нормы. Это часто случается и с людьми. Согласно моей теории, каждый индивидуум повторяет в своем развитии историю развития всех своих предков, и я считаю, что каждый неожиданный поворот в сторону добра или зла объясняется каким-нибудь сильным влиянием, источник которого надо искать в родословной человека. И следовательно, его биография является как бы отражением в миниатюре биографии всей семьи.

— Ну, знаете, эта теория несколько фантастична.

— Что ж, не буду на ней настаивать. Каковы бы ни были причины, но полковник Моран вступил на дурной путь. Никакого открытого скандала не было, но он до такой степени восстановил против себя кое-кого в Индии, что ему уже невозможно было оставаться там. Он вышел в отставку, приехал в Лондон и здесь тоже приобрел дурную славу. Вот тогда-то его и открыл профессор Мориарти, у которого он некоторое время был правой рукой. Мориарти щедро снабжал его деньгами, но к помощи его прибегал очень редко — лишь в двух или трех особо трудных случаях, которые были не под силу заурядному преступнику. Вы, может быть, помните странную смерть миссис Стюард из Лаудера в 1877 году? Нет? Я уверен, что тут не обошлось без Морана, хотя против него и не было никаких явных улик. Полковник умел так искусно прятать концы в воду, что даже после того, как разогнали всю шайку Мориарти, нам все-таки не удалось притянуть его к суду. Помните, Уотсон, тот вечер, когда я пришел к вам и закрыл ставни, опасаясь выстрела из духового ружья? Тогда вам показалось это странным, но я знал что делал, ибо мне было уже известно о существовании этого замечательного ружья, и, кроме того, я знал, что оно находится в руках у одного из искуснейших стрелков. Когда мы с вами поехало в Швейцарию, Моран погнался за нами вместе с Мориарти, и именно из-за него я пережил несколько весьма неприятных минут, лежа в расселине скалы над Рейхенбахским водопадом.

Можете себе представить, с каким вниманием читал я английские газеты, когда был во Франции: я надеялся найти хоть какой-нибудь шанс посадить его за решетку. Ведь пока он разгуливал в Лондоне на свободе, я не мог и думать о возвращении. Днем и ночью эта угроза омрачала бы мою жизнь, и так или иначе он нашел бы случай убить меня. Что же мне было делать? Застрелить его при встрече я не мог: ведь я и сам очутился бы тогда на скамье подсудимых. Обращаться в суд тоже была бесполезно: суд не имеет права возбуждать дело на основании одних только недоказанных подозрений, а доказательств у меня не было. Так что я был бессилен что-либо предпринять. Но я неустанно следил за хроникой преступлений, так как был твердо уверен, что рано или поздно мне удастся его изловить. И вот произошло это убийство Рональда Адэра. Наконец-то мой час настал! Зная то, что я знал, мог ли я сомневаться, что его убил именно полковник Моран? Он играл с юношей в карты, он пошел за ним следом после клуба, он застрелил его через открытое окно. Да, сомнений быть не могло. Одна пуля могла стать достаточной уликой, чтобы отправить полковника Морана на виселицу. Я тотчас приехал в Лондон. Дозорный полковника увидел меня и, разумеется, сообщил ему об этом. Тот не мог не связать мой внезапный приезд со своим преступлением и, конечно, сильно встревожился. Я был убежден, что он сделает попытку немедленно устранить меня и для этого прибегнет к своему смертоносному оружию. Поэтому я приготовил ему в окне моего кабинета безукоризненную мишень, предупредил полицию, что мне может понадобиться ее помощь (кстати, Уотсон, вы своим зорким взглядом сразу разглядели двух полисменов в том подъезде), и занял пост, показавшийся мне удобным для наблюдения, хотя, уверяю вас, мне и не снилось, что мой противник выберет для нападения то же самое место. Вот и все, милый Уотсон. Теперь, я думаю, вам все ясно?

— Нет, — ответил я. — Вы еще не объясняли мне, зачем понадобилось полковнику Морану убивать сэра Рональда Адэра.

— Ну, друг мой, здесь уж мы вступаем в область догадок, а в этой области одной логики мало.

Каждый может на основании имеющихся фактов создать свою собственную гипотезу, и ваша имеет столько же шансов быть правильной, как и моя.

— Стало быть, ваша гипотеза уже создана?

— Что ж, по-моему, объяснить существующие факты не так уж трудно. Следствием было установлено, что незадолго до убийства полковник Моран и молодой Адэр, будучи партнерами, выиграли порядочную сумму денег. Но Моран, без сомнения, играл нечисто — я давно знал, что он шулер. По всей вероятности, в день убийства Адэр заметил, что Моран плутует. Он поговорил с полковником с глазу на глаз и пригрозил разоблачить его, если он добровольно не выйдет из членов клуба и не даст слово навсегда бросить игру. Едва ли такой юнец, как Адэр, сразу решился бы публично бросить это скандальное обвинение человеку, который значительно старше его и притом занимает видное положение в обществе. Скорее всего он поговорил с полковником наедине, без свидетелей. Но для Морана, который существовал только на те деньги, которые ему удавалось добывать своими шулерскими приемами, исключение из клуба было равносильно разорению. Поэтому он и убил Адэра, убил в тот самый момент, когда молодой человек, не желая пользоваться результатами нечестной игры своего партнера, подсчитывал, какова была его доля выигрыша и сколько денег он должен был возвратить проигравшим. А чтобы мать и сестра не застали его за этим подсчетом и не начали расспрашивать, что означают все эти имена на бумаге и столбики монет на столе, он заперся на ключ… Ну что, правдоподобно, по-вашему, мое объяснение?

— Не сомневаюсь, что вы попали в точку.

— Следствие покажет, прав я или нет. Так или иначе, полковник Моран больше не будет беспокоить нас, знаменитое духовое ружье фон Хердера украсит коллекцию музея Скотленд-Ярда, и отныне никто не помешает мистеру Шерлоку Холмсу заниматься разгадкой тех интересных маленьких загадок, которыми так богата сложная лондонская жизнь.

Подрядчик из Норвуда

(Перевод Ю.Жуковой)

— С тех пор, как погиб профессор Мориарти, — сказал как-то за завтраком Шерлок Холмс, — Лондон для криминалистов потерял всякий интерес.

— Боюсь, мало кто из добропорядочных лондонцев согласится с вами, — засмеялся я.

— Да, конечно, нельзя думать только о себе, — улыбнулся мой друг, вставая из-за стола. — Общество довольно, всем хорошо, страдает лишь один Шерлок Холмс, который остался не у дел. Когда этот человек был жив, утренние газеты были источником неистощимых возможностей. Едва уловимый намек, случайная фраза — и мне было ясно: гений зла опять замышляет что-то; так, увидев дрогнувший край паутины, мгновенно представляешь себе хищного паука в ее центре. Мелкие кражи, необъяснимые убийства, кажущиеся бессмысленными нарушения закона — но, зная Мориарти, я видел за всем этим единый преступный замысел. В те дни для того, кто занимается изучением уголовного мира, ни одна столица Европы не представляла такого широкого поля деятельности, как Лондон. А сейчас… — И Холмс с шутливым негодованием пожал плечами, возмущаясь результатом своих собственных усилий.

Эпизод, который я хочу рассказать, произошел через несколько месяцев после возвращения Холмса. По его просьбе я продал свою практику в Кенсингтоне и поселился с ним на нашей старой квартире на Бейкер-стрит. Мою скромную практику купил молодой врач по имени Вернер. Он, не колеблясь, согласился на самую высокую цену, какую у меня хватило духу запросить, — объяснилось это обстоятельство через несколько лет, когда я узнал, что Вернер — дальний родственник Холмса и деньги ему дал не кто иной, как мой друг.

Те месяцы, что мы прожили вместе, вовсе не были так бедны событиями, как это представил сейчас Холмс. Пробегая свои дневники того времени, я нахожу там знаменитое дело о похищенных документах бывшего президента Мурильо и трагедию на борту голландского лайнера «Фрисланд», которая едва не стоила нам с Холмсом жизни. Но гордой, замкнутой душе моего друга претили восторги толпы, и он взял с меня клятву никогда больше не писать ни о нем самом, ни о его методе, ни о его успехах. Запрещение это, как я уже говорил, было снято с меня совсем недавно.

Высказав свой необычный протест, Шерлок Холмс удобно уселся в кресло, взял газету и только что принялся неспешно ее разворачивать, как вдруг раздался резкий звонок и сильные глухие удары, как будто в дверь барабанили кулаком. Потом кто-то шумно ворвался в прихожую, взбежал по лестнице, и в нашей гостиной очутился бледный, взлохмаченный, задыхающийся молодой человек с лихорадочно горящими глазами.

— Простите меня, мистер Холмс, — с трудом выговорил он. — Ради бога не сердитесь… Я совсем потерял голову. Мистер Холмс, я — несчастный Джон Гектор Макфарлейн.

Он почему-то был уверен, что это имя объяснит нам и цель его визита и его странный вид, но по вопросительному выражению на лице моего друга я понял, что для него оно значит ничуть не больше, чем для меня.

— Возьмите сигарету, мистер Макфарлейн, — сказал Холмс, подвигая ему свой портсигар. — Мой друг доктор Уотсон, видя ваше состояние, прописал бы вам что-нибудь успокаивающее. Какая жара стоит все это время! Ну вот, а теперь, если вы немножко пришли в себя, садитесь, пожалуйста, на этот стул и рассказывайте спокойно и не торопясь, кто вы и что привело вас сюда. Вы назвали свое имя так, будто я должен его знать, но, уверяю вас, кроме тех очевидных фактов, что вы масон, адвокат, холосты и что у вас астма, мне больше ничего не известие.

Я был знаком с методами моего друга и потому, взглянув повнимательнее на молодого человека, отметил и небрежность одежды, и пачку деловых бумаг, и брелок на цепочке от часов, и затрудненное дыхание — словом, все, что помогло Холмсу сделать свои выводы. Но наш посетитель был поражен.

— Да, мистер Холмс, вы совершенно правы, к этому можно только добавить, что нет сейчас в Лондоне человека несчастнее меня. Ради всего святого, мистер Холмс, помогите мне! Если они придут за мной, а я не кончу рассказывать, попросите их подождать. Я хочу, чтобы вы узнали все от меня. Я пойду в тюрьму со спокойной душой, если вы согласитесь помогать мне.

— Вы пойдете в тюрьму! — воскликнул Холмс. — Да это просто замеча… просто ужасно. Какое обвинение вам предъявляют?

— Убийство мистера Джонаса Олдейкра из Лоуэр-Норвуда.

На лице моего друга отразилось сочувствие, смешанное, как мне показалось, с удовольствием.

— Подумать только! — заговорил он. — Ведь всего несколько минут назад я жаловался доктору Уотсону, что сенсационные происшествия исчезли со страниц наших газет.

Наш гость протянул дрожащую руку к «Дейли телеграф», так и оставшейся лежать на коленях Холмса.

— Если бы вы успели развернуть газету, сэр, вам не пришлось бы спрашивать, зачем я к вам пришел. Мне кажется, что сейчас все только и говорят обо мне и о моем несчастье. — Он показал нам первую страницу. — Вот. С вашего позволения, мистер Холмс, я прочту. Слушайте: «Загадочное происшествие в Лоуэр-Норвуде. Исчез местный подрядчик. Подозревается убийство и поджог. Преступник оставил следы». Они уже идут по этим следам, мистер Холмс, и я знаю, они скоро будут здесь! За мной следили с самого вокзала. Они, конечно, ждут только ордера на арест. Мама не переживет этого, не переживет! — Он в отчаянии ломал руки, раскачиваясь на стуле.

Я с интересом разглядывал человека, которого обвиняли в таком страшном преступлении: лет ему было около двадцати семи, светло-русые волосы, славное лицо с мягкими, будто смазанными чертами, ни усов, ни бороды, испуганные голубые глаза, слабый детский рот; судя по костюму и манерам — джентльмен, из кармана летнего пальто торчит пачка документов, подсказавших Холмсу его профессию…

— Воспользуемся оставшимся у нас временем, — сказал Холмс. — Уотсон, прочтите, пожалуйста, статью.

Под броским заголовком, который прочитал нам Макфарлейн, было напечатано следующее интригующее сообщение:

«Сегодня ночью, точнее, рано утром, в Лоуэр-Норвуде случилось происшествие, которое наводит на мысль о преступлении. Мистер Джонас Олдейкр хорошо известен в округе, где он в течение многих лет брал подряды на строительство. Мистер Джонас Олдейкр — холостяк, пятидесяти двух лет, его усадьбы Дип-Дин-хаус в районе Сайденхема и неподалеку от Сайденхем-роуд. По словам соседей, он человек со странностями, скрытный и необщительный. Несколько лет назад он оставил дело, на котором нажил немалое состояние. Однако небольшой склад стройматериалов у него остался. И вот вчера вечером, около двенадцати часов, в пожарную охрану сообщили, что за его домом во дворе загорелся один из штабелей с досками. Пожарные немедленно выехали, но пламя с такой яростью пожирало сухое дерево, что погасить огонь было невозможно, и штабель сгорел дотла. С первого взгляда могло показаться, что происшествие это ничем не примечательно, но скоро выяснились обстоятельства, указывающие на преступление. Всех поразило отсутствие на месте происшествия владельца склада, — его стали искать, но нигде не нашли. Когда вошли к нему в комнату, то увидели, что постель не смята, сейф раскрыт, по полу разбросаны какие-то документы, всюду следы борьбы, слабые пятна крови и наконец в углу дубовая трость, рукоятка которой тоже испачкана кровью. Известно, что вечером у мистера Джонаса Олдейкра был гость, которого он принимал в спальне. Есть доказательства, что найденная трость принадлежит этому гостю, которым является Джон Гектор Макфарлейн-младший, компаньон лондонской юридической конторы «Грэм и Макфарлейн», 426. Грешембилдингз, Восточно-центральный район. По мнению полиции, данные, которыми она располагает, не оставляют сомнений в мотивах, толкнувших его на преступление. Мы уверены, что в самом скором времени сможем сообщить нашим читателям новые подробности.

Более позднее сообщение. — Ходят слухи, что мистер Джон Гектор Макфарлейн уже арестован по обвинению в убийстве мистера Джонаса Олдейкра. Достоверно известно, что приказ об его аресте подписан. Следствие получило новые улики, подтверждающие самые худшие предположения. Кроме следов борьбы, в спальне несчастного обнаружено, что, во-первых, выходящая во двор стеклянная дверь спальни оказалась открытой, во-вторых, через двор к штабелю тянется след от протащенного волоком тяжелого предмета и, наконец, в-третьих, в золе были обнаружены обуглившиеся кости. Полиция пришла к заключению, что мы имеем дело с чудовищным преступлением: убийца нанес жертве смертельный удар в спальне, вынул из сейфа бумаги, оттащил труп к штабелю и, чтобы скрыть следы, поджег его. Следствие поручено опытному специалисту Скотленд-

Ярда инспектору Лестрейду, который взялся за расследование со свойственной ему энергией и проницательностью».

Шерлок Холмс слушал отчет об этих необычайных событиях, закрыв глаза и соединив кончики пальцев.

— Случай, несомненно, интересный, — наконец задумчиво проговорил он. — Но позвольте спросить вас, мистер Макфарлейн, почему вы до сих пор разгуливаете на свободе, хотя оснований для вашего ареста как будто вполне достаточно?

— Я с родителями живу в Торрингтон-лодж, это в Блэкхите, мистер Холмс, но вчера мы кончили дела с мистером Олдейкром очень поздно. Я остался ночевать в Норвуде, в гостинице, и на работу поехал оттуда. О случившемся я узнал только в поезде, когда прочел заметку, которую вы сейчас услышали. Я сразу понял, какая ужасная опасность мне грозит, и поспешил к вам рассказать обо всем. Я нисколько не сомневаюсь, что, приди я вместо этого в свою контору в Сити или возвратись вчера домой, меня бы уже давно арестовали. От вокзала Лондон-бридж за мной шел какой-то человек, и я уверен… Господи, что это?

Раздался требовательный звонок, вслед за которым на лестнице послышались тяжелые шаги, дверь гостиной открылась, и на пороге появился наш старый друг Лейтрейд в сопровождении полицейских.

— Мистер Джон Гектор Макфарлейн! — сказал инспектор Лестрейд.

Наш несчастный посетитель встал. Лицо его побелело до синевы.

— Вы арестованы за преднамеренное убийство мистера Джонаса Олдейкра.

Макфарлейн в отчаянии обернулся к нам и снова опустился на стул, как будто ноги отказывались держать его.

— Подождите, Лестрейд, — сказал Холмс, — позвольте этому джентльмену досказать нам то, что ему известно об этом в высшей степени любопытном происшествии. Полчаса дела не меняют. Мне кажется, это поможет нам распутать дело.

— Ну, распутать его будет нетрудно, — отрезал Лестрейд.

— И все-таки, если вы не возражаете, мне было бы очень интересно выслушать мистера Макфарлейна.

— Что ж, мистер Холмс, мне трудно вам отказать. Вы оказали полиции две-три услуги, и Скотленд-Ярд перед вами в долгу. Но я останусь с моим подопечным и предупреждаю, что все его показания будут использованы обвинением.

— Именно этого я и хочу, — отозвался наш гость. — Выслушайте правду и вникните в нее, — больше мне ничего не нужно.

Лестрейд взглянул на часы.

— Даю вам тридцать минут.

— Прежде всего я хочу сказать, — начал Макфарлейн, — что до вчерашнего дня я не был знаком с мистером Джонасом Олдейкром. Однако имя его я слыхал — его знали мои родители, но уже много лет не виделись с ним. Поэтому я очень удивился, когда вчера часа в три дня он появился в моей конторе в Сити. А услышав о цели его визита, я удивился еще больше. Он принес несколько вырванных из блокнота страничек с кое-как набросанными пометками и положил их мне на стол. Вот они. «Это мое завещание, — сказал он, — прошу вас, мистер Макфарлейн, оформить его как положено. Я посижу здесь и подожду». Я сел переписывать завещание и вдруг увидел — представьте себе мое изумление, — что почти все свое состояние он оставляет мне! Я поднял на него глаза, — этот странный, похожий на хорька человечек с белыми ресницами наблюдал за мной с усмешкой. Не веря собственным глазам, я дочитал завещание, и тогда он рассказал мне, что семьи у него нет, родных никого не осталось, что в юности он был дружен с моими родителями, а обо мне всегда слышал самые похвальные отзывы и уверен, что его деньги достанутся достойному человеку. Я, конечно, стал его смущенно благодарить. Завещание было составлено и подписано в присутствии моего клерка. Вот оно, на голубой бумаге, а эти бумажки, как я уже говорил, — черновики. После этого мистер Олдейкр сказал, что у него дома есть еще бумаги — подряды, документы на установление права собственности, закладные, акции, и он хочет, чтобы я их посмотрел. Он сказал, что не успокоится до тех пор, пока все не будет улажено, и попросил меня приехать к

нему домой в Норвуд вечером, захватив завещание, чтобы скорее покончить с формальностями. «Помните, мой мальчик: ни слова вашим родителям, пока дело не кончено. Пусть это будет для них нашим маленьким сюрпризом», — настойчиво твердил он и даже взял с меня клятву молчать. Вы понимаете, мистер Холмс, я не мог ему ни в чем отказать. Этот человек был мой благодетель, и я, естественно, хотел самым добросовестным образом выполнить все его просьбы. Я послал домой телеграмму, что у меня важное дело и когда я вернусь, неизвестно. Мистер Олдейкр сказал, что угостит меня ужином, и просил прийти к девяти часам, потому что раньше он не успеет вернуться домой. Я долго искал его, и, когда позвонил у двери, было уже почти половина десятого. Мистер Олдейкр…

— Подождите! — прервал его Холмс. — Кто открыл дверь?

— Пожилая женщина, наверное, его экономка.

— И она, я полагаю, спросила, кто вы, и вы ответили ей?

— Да.

— Продолжайте, пожалуйста.

Макфарлейн вытер влажный лоб и стал рассказывать дальше:

— Эта женщина провела меня в столовую; ужин — весьма скромный — был уже подан. После кофе мистер Джонас Олдейкр повел меня в спальню, где стоял тяжелый сейф. Он отпер его и извлек массу документов, которые мы стали разбирать. Кончили мы уже в двенадцатом часу. Он сказал, что не хочет будить экономку, и выпустил меня через дверь спальни, которая вела во двор и все время была открыта.

— Портьера была опущена? — спросил Холмс.

— Я не уверен, но, по-моему, только до половины. Да, вспомнил, он поднял ее, чтобы выпустить меня. Я не мог найти трости, но он сказал: «Не беда, мой мальчик, мы теперь, надеюсь, будем часто видеться с вами, хочется верить, это не обременительная для вас обязанность. Придете в следующий раз и заберете свою трость». Так я и ушел — сейф раскрыт, пачки документов на столе. Было уже поздно возвращаться в Блэкхит, поэтому я переночевал в гостинице «Анерли Армз». Вот, собственно, и все. А об этом страшном событии я узнал только в поезде.

— У вас есть еще вопросы, мистер Холмс? — осведомился Лестрейд. Слушая Макфарлейна, он раза два скептически поднял брови.

— Пока я не побывал в Блэкхите, нет.

— В Норвуде, хотели вы сказать, — поправил Лестрейд.

— Ну да, именно это я и хотел сказать, — улыбнулся своей загадочной улыбкой Холмс.

Хотя Лестрейд и не любил вспоминать это, но он не один и не два раза убедился на собственном опыте, что Холмс со своим острым, как лезвие бритвы, умом видит гораздо глубже, чем он, Лестрейд. И он подозрительно посмотрел на моего друга.

— Мне бы хотелось поговорить с вами, мистер Холмс, — сказал он. — Что ж, мистер Макфарлейн, вот мои констебли, кэб ждет внизу.

Несчастный молодой человек встал и, умоляюще посмотрев на нас, пошел из комнаты. Полицейские последовали за ним; Лестрейд остался.

Холмс взял со стола странички черновых набросков завещания и принялся с живейшим любопытством их изучать.

— Любопытный документ, Лестрейд, не правда ли? — Он протянул их инспектору.

Представитель власти озадаченно повертел их в руках и сказал:

— Я разобрал только первые строки, потом в середине второй страницы еще несколько и две строчки в конце. В этих местах почерк почти каллиграфический, все остальное написано скверно, а три слова вообще невозможно прочесть.

— И что вы по этому поводу думаете? — спросил Холмс.

— А вы что думаете?

— Думаю, что завещание было написано в поезде. Каллиграфические строки написаны на остановках, неразборчивые во время хода поезда, а совсем непонятные — когда вагон подскакивал на стрелках. Эксперт сразу определил бы, что завещание составлено в пригородном поезде, потому что только при подходе к большому городу стрелки следуют одна за другой так часто. Если считать, что он писал всю дорогу, можно заключить, что это был экспресс и что между Норвудом и вокзалом Лондон-бридж он останавливался всего один раз.

Лестрейд захохотал.

— Ну, мистер Холмс, для меня ваши теории чересчур мудрены. Какое все это имеет отношение к происшедшему?

— Самое прямое: подтверждает рассказ Макфарлейна, в частности, то, что Джонас Олдейкр составил свое завещание наспех. Вероятно, он занимался этим по дороге в Лондон. Не правда ли, любопытно — человек пишет столь важный документ в столь мало подходящей обстановке. Напрашивается вывод, что он не придавал ему большого значения. Именно так поступил бы человек, наперед знающий, что завещание никогда не вступит в силу.

— Как бы там ни было, он написал свой смертный приговор, — возразил Лестрейд.

— Вы так думаете?

— А вы разве нет?

— Может быть. Мне в этом деле еще не все ясно.

— Не ясно? Но ведь яснее и быть не может Молодой человек неожиданно узнает, что в случае смерти некоего пожилого джентльмена он наследует состояние. И что он делает? Не говоря никому ни слова, он под каким-то предлогом отправляется в тот же вечер к своему клиенту, дожидается, пока экономка — единственный, кроме хозяина, обитатель дома — заснет, и, оставшись со своим благодетелем вдвоем, убивает его, сжигает труп в штабеле досок, а сам отправляется в местную гостиницу. Следы крови на полу и на рукоятке его трости почти не заметны. Возможно, он считает, что убил Олдейкра без кровопролития, и решает уничтожить труп, чтобы замести следы, которые, вероятно, с неизбежностью указывали на него. Это очевидно.

— В том-то и дело, милый Лестрейд, что уж слишком очевидно. Среди ваших замечательных качеств нет одного — воображения, но все-таки попробуйте на одну минуту представить себя на месте этого молодого человека и скажите: совершили бы вы убийство вечером того дня, когда узнали о завещании? Неужели вам не пришло бы в голову, что соседство этих двух событий опасно, что еще опаснее слуги, которые знают о вашем присутствии в доме. Ведь дверь-то ему открывала экономка! И наконец затратить столько усилий, чтобы уничтожить труп, и оставить в комнате трость, чтобы все знали, кто преступник! Согласитесь, Лестрейд, это маловероятно.

— Что касается трости, мистер Холмс, вам известно не хуже, чем мне: преступники часто волнуются и делают то, чего бы никогда не сделали в нормальном состоянии. Скорее всего он просто побоялся вернуться за тростью в спальню. Попробуйте придумать версию, которая объясняла бы факты лучше, чем моя.

— Можно придумать сколько угодно, — пожал плечами Холмс. — Пожалуйста, вот вполне правдоподобный вариант. Дарю его как рабочую гипотезу. Какой-то бродяга идет мимо дома и видит благодаря поднятой портьере в спальне двоих. Поверенный уходит. Входит бродяга, замечает трость, хватает ее, убивает Олдейкра. И, устроив пожар с сожжением, исчезает.

— Зачем бродяге сжигать труп?

— А зачем Макфарлейну?

— Чтобы уничтожить улики.

— А бродяга хотел сделать вид, что вообще никакого убийства не было.

— Почему же бродяга ничего не взял?

— Потому что увидел, что бумаги не представляют никакой ценности.

Лестрейд покачал головой, хотя мне показалось, что вид у него стал чуть менее самоуверенный.

— Если вам угодно, мистер Холмс, ищите своего бродягу, а мы уж займемся Макфарлейном. Кто прав, покажет будущее. Но советую вам, мистер Холмс, обратить внимание на следующее обстоятельство: как удалось установить, не пропала ни одна бумага, а Макфарлейн — единственный человек на свете, кому не надо было ничего брать. Будучи законным наследником, он и так должен был все получить.

Этот довод как будто произвел на моего друга впечатление.

— Не могу отрицать, — сказал он, — что некоторые обстоятельства явно свидетельствуют в пользу вашей версии. Я только высказал мысль, что возможны и другие. Впрочем, как вы справедливо заметили, будущее покажет. До свидания. Если вы не возражаете, я сегодня буду в Норвуде, посмотрю, как подвигается дело.

Как только за инспектором закрылась дверь, мой друг вскочил с кресла и стал энергично собираться, как человек, которому предстоит любимая работа.

— Прежде всего, Уотсон, — говорил он, быстро надевая сюртук, — я, как и сказал, поеду в Блэкхит.

— Почему не в Норвуд?

— Потому что перед нами два в высшей степени странных эпизода, следующих немедленно один за другим. Полиция делает ошибку, сконцентрировав все внимание на втором эпизоде, по той причине, что он имеет вид преступления. Но логика требует иного подхода, это несомненно. Сначала нужно попытаться выяснить все, связанное с первым эпизодом, то есть с этим странным завещанием, которое было составлено так поспешно и на имя человека, который меньше всего этого ожидал. Может быть, оно даст ключ к пониманию второго эпизода. Нет, мой друг, вы мне вряд ли сможете сегодня помочь. Опасности ни малейшей, иначе я непременно попросил бы вас составить мне компанию. Надеюсь, вечером я смогу объявить вам, что мне удалось сделать что-то для этого несчастного молодого человека, который доверил мне свою судьбу.

Вернулся мой друг поздно вечером, и его потемневшее, расстроенное лицо яснее всяких слов сказало мне, что от утренних его надежд не осталось следа. С час он играл на скрипке, стараясь успокоиться. Наконец он отложил инструмент и принялся подробно излагать мне свои неудачи.

— Плохи дела, Уотсон, хуже не придумаешь. Перед Лестрейдом я старался не показать виду, но, честно говоря, я боюсь, что на этот раз он идет по верному пути, а не мы. Чутье тянет меня в одну сторону, факты — в другую. А английские судьи — у меня есть все основания полагать — не достигли того интеллектуального уровня, чтобы предпочесть мои теории фактам Лестрейда.

— Вы ездили в Блэкхит?

— Да, Уотсон, ездил и узнал там, что покойный Олдейкр был негодяй, каких поискать. Отец Макфарлейна поехал разыскивать сына, дома была мать — маленькая седенькая старушка с голубыми глазками, вся трепещущая от страха и негодования. Она, конечно, не могла и на секунду допустить, что сын ее виноват. А вот по поводу судьбы Олдейкра она не выразила ни удивления, ни сожаления. Мало того, она говорила о нем в таких выражениях, что позиция Лестрейда стала еще крепче. Ведь если Макфарлейн знал ее отношение к Олдейкру, ничего удивительного, что он возненавидел его и решился на убийство. «Это не человек, это злобная, хитрая обезьяна, — твердила она, — и он был всю жизнь такой, даже в юности». «Вы были знакомы с ним раньше?» — спросил я. «Да, я его хорошо знала! Он когда-то ухаживал за мной. Какое счастье, что я отказала ему и вышла замуж за человека честного и доброго, хотя и не такого состоятельного! Мы, мистер Холмс, были с Олдейкром помолвлены, и вдруг я однажды узнаю, что он — какой ужас! — открыл птичник и пустил туда кота. Его жестокость так поразила меня, что я немедленно отказала ему». Она порылась в ящике бюро и протянула мне фотографию молодой женщины. Лицо было изрезано ножом. «Это я, — сказала она. Вот в каком виде прислал он мне мою фотографию вместе со своим проклятием в день моей свадьбы». «Но теперь, — возразил я, — он, как видно, простил вас: ведь все свое состояние он оставил вашему сыну». «Ни мне, ни моему сыну ничего не нужно от Джонаса Олдейкра, ни от живого, ни от мертвого! — вспыхнула она. — Есть бог на небесах, мистер Холмс. Он покарал дурного человека. И он докажет, когда будет на то его святая воля, что сын мой неповинен ни в чьей смерти!» Как я ни старался, ничего не мог найти в пользу нашей гипотезы. В конце

концов я махнул рукой и поехал в Норвуд. Усадьба Дип-Дин-хаус — большое здание современного вида, из красного кирпича. Дом стоит в саду, перед крыльцом — обсаженный лавровыми кустами газон. Справа от дома и на значительном удалении от дороги — склад, где был пожар. Я набросал в записной книжке план, вот он. Эта застекленная дверь слева ведет в спальню Олдейкра, так что с улицы все видно, что в ней делается. Это, пожалуй, самое утешительное из всего, что мне сегодня удалось узнать. Лестрейда не было, всем заправлял его помощник сержант. Его люди как раз перед моим появлением сделали драгоценную находку: роясь в золе на месте сгоревшего штабеля, они нашли, кроме обуглившихся костей, несколько почерневших металлических дисков. Внимательно изучив их, я убедился, что это — пуговицы от брюк. На одной мне даже удалось разобрать слово «Хаймс» — это имя портного, у которого шил Олдейкр. Затем я приступил к газону, — нет ли там следов, но сушь стоит такая, что земля тверже камня. Кроме того, что сквозь живую изгородь из бирючины как раз против сгоревшего штабеля был протащен волоком человек или чем-то нагруженный мешок, ничего установить не удалось. Все это, конечно, подтверждает версию полиции. Я целый час ползал по дворику под палящим солнцем и все без толку. Потерпев фиаско во дворе, я пошел в спальню. Пятна крови оказались очень бледные, едва различимые, но свежие. Трости я не видел, ее уже увезли, но следы на ней тоже были слабые. Трость, безусловно, принадлежит нашему подопечному, он сам признает это. На ковре отпечатки подошв подрядчика и Макфарлейна, но никаких следов третьего лица, и это тоже оборачивается против нас. Словом, чаша весов склоняется все ниже в их пользу. И все-таки у меня возникла надежда, хоть и очень слабая. Я просмотрел содержимое сейфа, которое почти целиком было выложено на стол. Бумаги были в запечатанных конвертах, полиция вскрыла один или два. Так вот, насколько я могу судить, ценность их весьма невелика, да и банковская книжка Олдейкра не подтвердила, что ее владелец особенно преуспевал. Мне показалось, что некоторых бумаг нет. Несколько раз попадались упоминания о каких-то операциях, связанных, как можно предположить, со значительными суммами. Но документов, оформляющих эти сделки, нет. Если бы я смог это доказать, аргументы Лестрейда неизбежно обратились бы против него. Ну, скажите, зачем человеку красть то, что и так должно ему достаться? В конце концов, заглянув в каждую щель и не добившись никаких результатов, я решил поговорить с экономкой. Миссис Лексингтон — хмурая, молчаливая старуха, с подозрительным взглядом исподлобья. Она что-то знает, но выпытать я у нее ничего не мог. Да, она впустила мистера Макфарлейна в половине десятого. Зачем у нее рука не отсохла в тот миг, когда она подошла к двери! Она легла спать в половине одиннадцатого. Ее комната находится в другом конце дома, никакого шума она не слышала. Шляпу и, насколько она помнит, трость мистер Макфарлейн оставил в прихожей. Она проснулась от криков «Пожар! Пожар!». Конечно, ее дорогого хозяина убили. Были ли у него враги? У кого их нет, но мистер Олдейкр жил очень замкнуто и встречался с людьми только, когда того требовали дела. Пуговицы она видела и с уверенностью заявляет, что они от того костюма, который был на нем накануне. Доски в штабеле были очень сухие, потому что целый месяц не было дождей. Они вспыхнули, как порох, и когда она добежала до склада, все было объято пламенем. И она и пожарники слышали запах горелого мяса. Ни о бумагах, ни о личных делах мистера Олдейкра ей ничего не известно. Вот, дорогой Уотсон, отчет о моих сегодняшних неудачах. И все-таки, все-таки… — Его нервные руки сжались в кулаки, и он продолжал со страстной убежденностью: — Я знаю, игра нечистая. Я чувствую это нутром. Экономке что-то известно. Но что — я все еще не могу сообразить. Она смотрела угрюмо и вызывающе, как человек с нечистой совестью. Но что об этом говорить, Уотсон. Боюсь, однако, если нам не поможет случай, «Норвудское дело» не займет своего места в хронике наших успехов, которая, как я предвижу, рано или поздно обрушится на голову безропотного читателя.

— Но ведь для суда важно, какое впечатление производит человек, правда? — спросил я.

— На впечатление, милый Уотсон, полагаться опасно. Помните Берта Стивенса, этого кровавого убийцу, который рассчитывал, что мы спасем его? А ведь на вид был безобиден, как ученик воскресной школы.

— Да, правда.

— Так что если мы не представим обоснованной версии, Макфарлейн обречен. Улики против него неопровержимы, и сегодня я убедился, что дальнейшее расследование только усугубит дело. Между прочим, просмотрев бумаги, я обнаружил одну любопытную деталь, которая может послужить исходной точкой нашего расследования. Оказывается, в течение этого года Олдейкр выплатил некоему мистеру Корнелиусу довольно крупную сумму денег, поэтому сейчас он, попросту говоря, беден. Интересно, что это за мистер Корнелиус, с которым удалившийся от дел подрядчик заключал такие солидные сделки. Не имеет ли он какого-нибудь отношения к случившемуся? Может быть, этот Корнелиус — маклер? Однако я не обнаружил ни одной расписки в получении столь значительных сумм. Придется мне за сведениями об этом джентльмене обратиться в банк. Но боюсь, мой друг, нас ждет бесславный

конец, — Лестрейд повесит нашего подопечного. И Скотленд-Ярд будет торжествовать!

Не знаю, спал ли Шерлок Холмс в ту ночь, только, когда я сошел утром к завтраку, он сидел в столовой бледный, измученный, с темными тенями вокруг горящих глаз. На ковре возле кресла окурки и ворох газет, на столе распечатанная телеграмма.

— Что вы скажете об этом, Уотсон? — спросил он, пододвигая ее ко мне.

Телеграмма была из Норвуда; в ней говорилось: «Найдены новые важные улики. Вина Макфарлейна доказана бесспорно. Советую отказаться от расследований. Лестрейд».

— Звучит серьезно, — сказал я.

— Наш Лестрейд упивается победой, — устало улыбнулся Холмс. — И все-таки поиски оставлять рано. Любая улика может обернуться другой стороной и дать расследованию направление, противоположное тому, в котором движется Лестрейд. Завтракайте, Уотсон, а потом поедем вместе и посмотрим, что можно сделать. Кажется, мне сегодня не обойтись без вашей помощи.

Холмс завтракать не стал, — этот удивительный человек в минуты душевного напряжения не мог думать о еде. Уповая на свою исключительную выносливость, он не ел и не спал, пока не падал с ног от полного истощения. «Я не могу сейчас тратить энергию на пищеварение», — отмахивался он от меня, когда я, пользуясь правом врача, заставлял его есть. Поэтому я не удивился, что Холмс и в то утро не притронулся к завтраку.

Любители острых ощущений все еще толпились вокруг Дип-Дин-хауса, который оказался точно такой загородной усадьбой, как я себе представлял. В воротах нас с видом победителя встретил Лестрейд; на лице его было написано торжество.

— Ну что, мистер Холмс, доказали, что мы ошибаемся? Нашли своего бродягу, а? — засмеялся он.

— Я еще не пришел ни к какому заключению, — отвечал мой друг.

— Но зато мы уже пришли к заключению. И сегодня оно блестяще подтвердилось. Придется вам признать, мистер Холмс, что на этот раз мы вас обошли.

— Судя по вашему виду, произошло что-то из ряда вон выходящее.

Лестрейд расхохотался.

— Вы, как и все, не любите проигрывать, мистер Холмс! Но что делать, человек не может быть всегда прав, верно, доктор Уотсон? Пожалуйста, пройдите сюда, господа, надеюсь, я смогу представить вам неоспоримое доказательство вины Макфарлейна. — Он повел нас по коридору в темную переднюю. — Совершив преступление, молодой Макфарлейн пришел сюда за своей шляпой. А теперь смотрите! — Он театральным жестом зажег спичку, и мы увидели на белой стене темное пятно крови. Лестрейд поднес спичку поближе — это оказалось не просто пятно, а ясный отпечаток большого пальца. — Посмотрите на него в лупу, мистер Холмс!

— Смотрю.

— Вам известно, что во всем мире не найдется двух одинаковых отпечатков пальцев?

— Кое-что слышал об этом.

— Тогда не будете ли вы так любезны сличить этот отпечаток с отпечатком большого пальца правой руки Макфарлейна, который сняли сегодня утром по моему приказанию?

Он протянул нам кусочек воска. И без лупы было ясно, что оба отпечатка одного пальца. Я понял, что наш клиент обречен.

— Все ясно, — заявил Лестрейд.

— Да, все, — невольно вырвалось у меня.

— Ясно как день, — проговорил и Холмс.

Услыхав неожиданные нотки в его голосе, я поднял голову. Лицо Холмса меня поразило. Оно дрожало от еле сдерживаемого смеха, глаза сверкали. Я вдруг увидел, что он едва

сдерживается, чтобы не расхохотаться.

— Подумать только, — наконец сказал он. — Кто бы мог подумать? Как, однако, обманчива внешность! Такой славный молодой человек! Урок нам, чтобы впредь не слишком полагались на собственные впечатления, правда, Лестрейд?

— Вот именно, мистер Холмс. Излишняя самоуверенность только вредит, — отвечал ему Лестрейд.

Наглость этого человека перешла границы, но возразить ему было нечего.

— Как заботливо провидение! Надо было, чтобы, снимая шляпу с крючка, этот юноша прижал к стене большой палец правой руки! Какое естественное движение, только представьте себе! — По виду Холмс был вполне спокоен, но все его тело напряглось, как пружина, от сдерживаемого волнения. — Кстати, Лестрейд, кому принадлежит честь этого замечательного открытия?

— Экономке. Она указала на пятно дежурившему ночью констеблю.

— Где был констебль?

— На своем посту в спальне, где совершилось убийство. Следил, чтобы никто ничего не тронул.

— Почему полиция не заметила отпечатка вчера?

— У нас не было особых причин осматривать прихожую так тщательно. Да в таком месте сразу и не заметишь, сами видите.

— Да, да, разумеется. У вас, конечно, нет сомнений, что отпечаток был здесь и вчера?

Лестрейд поглядел на Холмса, как на сумасшедшего. Признаться, веселый вид моего друга и его нелепый вопрос озадачили и меня.

— Вы что же, считаете, что Макфарлейн вышел среди ночи из тюрьмы специально для того, чтобы оставить еще одну улику против себя? — спросил Лестрейд. — На всем земном шаре не найдется криминалиста, который стал бы отрицать, что это отпечаток большого пальца правой руки Макфарлейна и никого другого.

— В этом нет никаких сомнений.

— Так чего же вам еще? Я смотрю на вещи здраво, мистер Холмс, мне важны факты. Есть у меня факты — я делаю выводы. Если я вам еще понадоблюсь, найдете меня в гостиной, я иду писать отчет.

К Холмсу уже вернулась его обычная невозмутимость, хотя мне казалось, что в глазах у него все еще вспыхивают веселые искорки.

— Неопровержимая улика, не правда ли, Уотсон? — обратился он ко мне. — А между тем ей-то и будет обязан Макфарлейн своим спасением.

— Какое счастье! — радостно воскликнул я. — А я уж боялся, что все кончено.

— Кончено? Такой вывод был бы несколько преждевременен, милый Уотсон. Видите ли, у этой улики, которой наш друг Лестрейд придает такое большое значение, имеется один действительно серьезный изъян.

— В самом деле, Холмс! Какой же?

— Вчера, когда я осматривал прихожую, *отпечатка здесь не было*. А теперь, Уотсон, давайте погуляем немножко по солнышку.

В полном недоумении, но уже начиная надеяться, спустился я за своим другом в сад. Холмс обошел вокруг дома, внимательно изучая его. Потом мы вернулись и осмотрели все комнаты от подвала до чердака. Половина комнат стояла без мебели, но он внимательно исследовал и их. В коридоре второго этажа, куда выходили двери трех пустующих спален, на него опять напало веселье.

— Случай поистине необыкновенный, Уотсон, — сказал он.

— Пожалуй, пора просветить нашего приятеля Лестрейда. Он немного позабавился на наш счет. Теперь настала наша очередь, если я правильно решил загадку. Кажется, я придумал, как нужно сделать… Да, именно так!

Когда мы вошли в гостиную, инспектор Скотленд-Ярда все еще сидел там и писал.

— Вы пишете отчет? — спросил его Холмс.

— Совершенно верно.

— Боюсь, что это преждевременно. Расследование еще не кончено.

Лестрейд слишком хорошо знал моего друга, чтобы пропустить его слова мимо ушей. Он положил ручку и с любопытством поднял глаза на Холмса.

— Что вы хотите сказать, мистер Холмс?

— А то, что есть важный свидетель, которого вы еще не видели.

— Вы можете представить его нам?

— Думаю, что могу.

— Давайте его сюда.

— Сейчас. Сколько у вас констеблей?

— В доме и во дворе трое.

— Превосходно. А скажите, они все парни высокие, сильные, и голос у них громкий?

— Ну, разумеется, только при чем здесь их голос?

— Я помогу вам в этом разобраться, и не только в этом, — пообещал Холмс. — Будьте любезны, позовите ваших людей, мы сейчас начнем.

Через пять минут трое полицейских стояли в прихожей.

— В сарае есть солома, — обратился к ним Холмс. — Пожалуйста, принесите две охапки. Это поможет нам раздобыть свидетеля, о котором я говорил. Так, благодарю вас. Надеюсь, у вас есть спички, Уотсон. А теперь, мистер Лестрейд, я попрошу всех следовать за мной.

Как я уже сказал, на втором этаже был широкий коридор, куда выходили двери трех пустых спален. Мы прошли в конец коридора, и Холмс расставил всех по местам. Полицейские ухмылялись, Лестрейд во все глаза глядел на моего друга. Изумление на его лице сменилось ожиданием, ожидание — возмущением. Холмс стоял перед нами с видом фокусника, который сейчас начнет показывать чудеса.

— Будьте любезны, Лестрейд, пошлите одного из ваших людей, пусть принесет два ведра воды. Разложите солому на полу, вот здесь, подальше от стен. Ну вот, теперь все готово.

Лицо Лестрейда начало наливаться кровью.

— Вы что же, издеваетесь над нами, мистер Шерлок Холмс? — не выдержал он. — Если вам что-то известно, скажите по-человечески, нечего устраивать цирк!

— Уверяю вас, Лестрейд, для всего, что я делаю, имеются веские основания. Вы, вероятно, помните, что немного посмеялись надо мной сегодня утром, когда удача улыбалась вам, так что не сердитесь за это небольшое театральное представление. Прошу вас, Уотсон, откройте это окно и поднесите спичку к соломе. Вот сюда.

Я так и сделал. Ветер ворвался в окно, сухая солома вспыхнула и затрещала, коридор наполнился серым дымом.

— Теперь, Лестрейд, будем ждать свидетеля. А вы, друзья, кричите «Пожар!» Ну, раз, два, три…

— Пожар! — закричали мы что было сил.

— Благодарю вас. Еще раз, пожалуйста.

— Пожар!! Горим!

— Еще раз, джентльмены, все вместе.

— Пожар!!!

Крик наш был слышен, наверное, во всем Норвуде. И тут произошло то, чего никто не ожидал. В дальнем конце коридора, где, как мы все думали, была глухая стена, вдруг распахнулась дверь, и из нее выскочил, как заяц из норы, маленький тщедушный человечек.

— Превосходно, — сказал Холмс хладнокровно. — Уотсон, ведро воды на солому. Достаточно. Лестрейд, позвольте представить вам вашего главного свидетеля, мистера Джонаса Олдейкра.

Лестрейд в немом изумлении глядел на тщедушного человечка, а тот щурился от яркого света и дыма, глядя то на нас, то на тлеющую солому. У него было очень неприятное лицо — хитрое, злое, хищное, с бегающими серыми глазками и белесыми ресницами.

— Это что значит? — наконец рявкнул Лестрейд. — Вы что там все это время делали, а?

Олдейкр смущенно хихикнул и съежился под грозным взглядом пылавшего яростью детектива.

— Ничего плохого!

— Ничего плохого?! Вы сделали все, чтобы невинного человека вздернули на виселицу! Если бы не этот джентльмен, вам бы это удалось!

Человечек захныкал:

— Что вы, сэр, что вы, я просто хотел пошутить!

— Ах, пошутить! Зато мы с вами шутить не будем. Отведите его в гостиную и держите там до моего прихода. Мистер Холмс, — продолжал он, когда полицейские ушли, — я не мог говорить при подчиненных, но сейчас скажу, и пусть доктор Уотсон тоже слышит, — вы совершили чудо! Хотя я и не понимаю, как вам это удалось. Вы спасли жизнь невинного человека и предотвратили ужасный скандал, который погубил бы мою карьеру.

Холмс с улыбкой похлопал Лестрейда по плечу.

— Вместо погибшей карьеры — такой блестящий успех! Вас ждет не позор, а слава. Подправьте слегка отчет, и все увидят, как трудно провести инспектора Лестрейда.

— Вы не хотите, чтобы упоминалось ваше имя?

— Ни в коем случае. Наградой для меня — сама работа. Может быть, и мне когда-нибудь воздадут должное, если я разрешу моему усердному биографу взяться за перо. Как, Уотсон? Но давайте посмотрим нору, где пряталась крыса.

Оштукатуренная фанерная перегородка с искусно скрытой в ней дверью отгораживала от торцовой стены клетушку длиной в шесть футов, куда дневной свет проникал сквозь щели между балками под крышей. Внутри стоял стол, стул и кровать, был запас воды, еда, несколько книг, какие-то бумаги.

— Вот что значит всю жизнь строить дома, — заметил Холмс, выходя в коридор. — Никто не знал об этом убежище, кроме, конечно, его экономки. Кстати, Лестрейд, я бы посоветовал вам, не теряя времени, присоединить и ее к своей добыче.

— Сейчас же сделаю это, мистер Холмс. Расскажите только, как вы узнали о тайнике?

— Я предположил, что «убитый» прячется где-то в доме. Промерив шагами коридор второго этажа, я увидел, что он на шесть футов короче нижнего. Ясно, что тайник мог быть только там. Я был уверен, что он не выдержит, услыхав крики: «Пожар! Горим!» Конечно, можно было просто войти туда и арестовать его, но мне хотелось немного позабавиться. Пусть он сам выйдет на свет божий. Кроме того, мне хотелось немного помистифицировать вас за ваши утренние насмешки.

— Вам это блестяще удалось, мистер Холмс. Но как вы вообще догадались, что он в доме?

— По отпечатку пальца, Лестрейд. Помните, вы сказали: «Все ясно!»? Все было действительно

ясно. Накануне отпечатка не было, это я знал. Как вы могли заметить, детали имеют для меня большое значение. Я накануне тщательно осмотрел всю переднюю и знал совершенно точно, что стена была чистая. Значит, отпечаток появился ночью.

— Но как?

— Очень просто. Когда Олдейкр с Макфарлейном разбирали бумаги, Джонас Олдейкр мог подсунуть юноше конверт, а тот, запечатывая его, нажал на мягкий сургуч большим пальцем. Он мог сделать это непроизвольно и тут же забыть об этом. А может быть, Олдейкр и не подсовывал, а все получилось само собой и он сам не ожидал, что отпечаток сослужит ему такую службу. Но потом, сидя у себя в норе и размышляя, он сообразил, что с помощью отпечатка можно состряпать неопровержимую улику против Макфарлейна. А уж снять восковой слепок с сургуча, уколоть палец иглой, выдавить на воск несколько капель крови и приложить к стене в прихожей — собственной ли рукой, или рукой экономки — особого труда не составило. Держу пари, среди бумаг, которые захватил с собой в убежище наш затворник, вы найдете конверт с отпечатком большого пальца на сургуче.

— Изумительно! — воскликнул Лестрейд. — Потрясающе! Вот теперь все действительно ясно как день. Но для чего ему понадобилась вся эта инсценировка, мистер Холмс?

Я забавлялся, глядя на детектива: сейчас перед нами был не заносчивый победитель, а робкий почтительный ученик.

— Это не так сложно. У джентльмена, дожидающегося нас внизу, характер злобный, жестокий и мстительный. Вы знаете, что он когда-то делал предложение матери Макфарлейна и получил отказ? Не знаете, конечно! Я же говорил, что сначала нужно было ехать в Блэкхит, а в Норвуд потом… Он не простил оскорбления, — именно так он воспринял ее отказ, — и всю жизнь его хитрый, коварный ум вынашивал план мщения.

Последние год-два дела его пошатнулись, вероятно, из-за тайных спекуляций. И в один прекрасный день он понял, что не выкрутится. Тогда он решил обмануть своих кредиторов и выписал несколько крупных чеков на имя некоего мистера Корнелиуса, который, мне думается, и есть сам Олдейкр. Я еще не успел установить судьбу чеков, но не сомневаюсь, что они переведены на имя этого самого Корнелиуса в какой-нибудь провинциальный городок, куда ведущий двойную жизнь Олдейкр время от времени наезжал. Замысел его в общих чертах, по-моему, таков: исчезнуть, объявиться где-нибудь под другим именем, получить деньги и начать новую жизнь.

Он решил одновременно улизнуть от кредиторов и отомстить. Отличная, непревзойденная по жестокости месть! Его, несчастного старика, убивает из корыстных мотивов единственный сын его бывшей возлюбленной. Придумано и исполнено мастерски. Мотив убийства — завещание, тайный ночной визит, о котором неизвестно даже родителям, «забытая» трость, пятна крови, обгорелые останки какого-то животного, пуговицы в золе — все безупречно. Этот паук сплел сеть, которая должна была погубить Макфарлейна. Я, во всяком случае, еще два часа назад не знал, как его спасти. Но Олдейкру не хватило чувства меры — качества, необходимого истинному художнику. Ему захотелось улучшить уже совершенное произведение. Потуже затянуть веревку на шее несчастной жертвы. Этим он все испортил. Пойдемте, Лестрейд, вниз. Я хочу кое о чем спросить его.

Олдейкр сидел в своей гостиной, по обе стороны от его стула стояли полицейские.

— Дорогой сэр, это была всего лишь шутка, — скулил он умоляюще, не переставая. — Уверяю вас, сэр, я спрятался только затем, чтобы посмотреть, как мои друзья будут реагировать на мое исчезновение. Вы же прекрасно понимаете, я бы никогда не допустил, чтобы с бедным дорогим Макфарлейном что-нибудь случилось.

— Это будет решать суд, — сказал Лестрейд. — А пока вы арестованы по обвинению в заговоре и в попытке преднамеренного убийства.

— Что касается ваших кредиторов, они, вероятно, потребуют конфискации банковского счета мистера Корнелиуса, — добавил Холмс.

Человечек вздрогнул и впился злобным взглядом в Холмса.

— Я вижу, что многим обязан вам, — прошипел он. — Когда-нибудь я с вами еще рассчитаюсь.

Холмс улыбнулся.

— Боюсь, в ближайшие годы вы будете очень заняты. Кстати, что вы такое положили в штабель вместе со старыми брюками? Дохлого пса, кроликов или еще что-нибудь? Не хотите говорить? Как нелюбезно с вашей стороны. Думаю, что пары кроликов хватило. Будете писать о Норвудском деле, Уотсон, смело пишите о кроликах. Истина где-то недалеко.

Пляшущие человечки

(Перевод М. и Н. Чуковских)

В течение долгого времени Шерлок Холмс сидел, согнувшись над стеклянной пробиркой, в которой варилось что-то на редкость вонючее. Голова его была опущена на грудь, и он казался мне похожим на странную тощую птицу с тусклыми серыми перьями и черным хохолком.

— Итак, Уотсон, — сказал он внезапно, — вы ведь не собираетесь вкладывать свои сбережения в южноафриканские ценные бумаги?

Я вздрогнул от удивления. Как ни привык я к необычайным способностям Холмса, это внезапное вторжение в мои мысли было совершенно необъяснимым.

— Как, черт возьми, вы об этом узнали? — спросил я.

Он повернулся на стуле, держа в руке дымящуюся пробирку, и его глубоко сидящие глаза удовлетворенно заблестели.

— Признайтесь, Уотсон, что вы совершенно сбиты с толку, — сказал он.

— Признаюсь.

— Мне следовало бы заставить вас написать об этом на листочке бумаги и подписаться.

— Почему?

— Потому что через пять минут вы скажете, что все это необычайно просто.

— Уверен, что не скажу.

— Видите ли, дорогой мой Уотсон… — Он укрепил пробирку на штативе и принялся читать мне лекцию с видом профессора, обращающегося к аудитории. — Не так уж трудно построить серию выводов, в которой каждый последующий простейшим образом вытекает из предыдущего. Если после этого удалить все средние звенья и сообщить слушателю только первое звено и последнее, они произведут ошеломляющее, хотя и ложное впечатление. Взглянув на впадинку между большим и указательным пальцами вашей левой руки, мне было совсем нетрудно заключить, что вы не собираетесь вкладывать свой небольшой капитал в золотые россыпи.

— Но я не вижу никакой связи между этими двумя обстоятельствами!

— Охотно верю. Однако я вам в несколько минут докажу, что такая связь существует. Вот опущенные звенья этой простейшей цепи: во-первых, когда вчера вечером мы вернулись из клуба, впадинка между указательным и большим пальцами на вашей левой руке была выпачкана мелом; во-вторых, всякий раз, когда вы играете на бильярде, вы натираете эту впадинку мелом, чтобы кий не скользил у вас в руке; в-третьих, вы играете на бильярде только с Сэрстоном; в-четвертых, месяц назад вы мне сказали, что Сэрстон предложил вам приобрести совместно с ним южноафриканские ценные бумаги, которые поступят в продажу через месяц; в-пятых, ваша чековая книжка заперта в ящике моего письменного стола, и вы не попросили у меня ключа; в-шестых, вы не собираетесь вкладывать свои деньги в южноафриканские бумаги.

— До чего просто! — воскликнул я.

— Конечно, — сказал он, слегка уязвленный, — всякая задача оказывается очень простой после того, как вам ее растолкуют. А вот вам задача, еще не решенная. Посмотрим, друг Уотсон, как вам удастся с ней справиться.

Он взял со стола листок бумаги, подал его мне и вернулся к своему химическому анализу.

Я с изумлением увидел, что на листке начерчены какие-то бессмысленные иероглифы.

— Позвольте, Холмс, да ведь это рисовал ребенок! — воскликнул я.

— Вы так думаете?

— Что же это может быть?

— Мистер Хилтон Кьюбитт из Ридлинг-Торп-Мэнора в Норфолке как раз и хотел бы знать, что это может быть. Этот маленький ребус он послал нам с первой почтой, а сам выехал сюда ближайшим поездом. Слышите звонок, Уотсон? Это, вероятно, он.

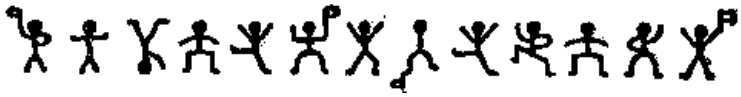
На лестнице раздались тяжелые шаги, и через минуту к нам вошел высокий румяный, чисто выбритый джентльмен. По его ясным глазам и цветущим щекам сразу было видно, что жизнь его протекала вдали от туманов Бейкер-стрит. Казалось, он принес с собой дуновение крепкого, свежего ветра с восточного берега. Пожав нам руки, он уже собирался усесться, как вдруг взор его упал на листок с забавными значками, который я только что рассматривал и оставил на столе.

— Что вы об этом думаете, мистер Холмс? — воскликнул он. — Мне рассказывали, что вы большой любитель всяких таинственных случаев, и я решил, что уж страннее этого вам ничего не найти. Я вам заранее выслал эту бумажку, чтобы у вас было время изучить ее до моего приезда.

— Это действительно в высшей степени любопытный рисунок, — сказал Холмс. — С первого взгляда его можно принять за детскую шалость. Кто, казалось бы, кроме детей, мог нарисовать этих крошечных танцующих человечков? Почему вы придали столь важное значение такому причудливому пустяку?

— Да я не придал бы ему никакого значения, если бы не жена. Она смертельно перепугалась. Она ничего не говорит мне, но я вижу в глазах у нее ужас. Вот почему я решил разузнать, в чем дело.

Холмс приподнял бумажку, и лучи солнца озарили ее. Это был листок, вырванный из записной книжки. На нем были начерчены карандашом вот такие фигурки:



Внимательно рассмотрев листок. Холмс бережно сложил его и спрятал в бумажник.

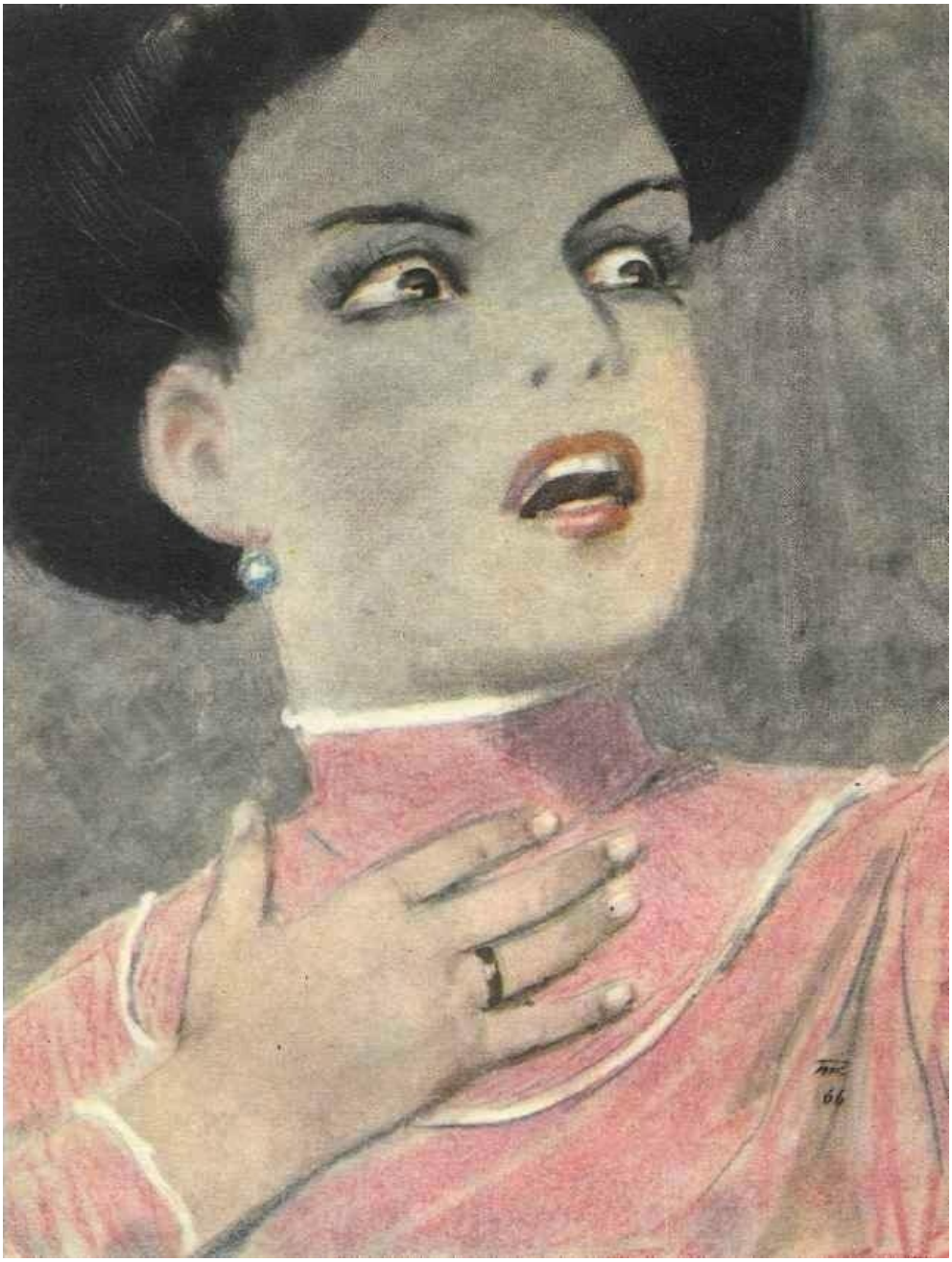
— Это дело обещает много любопытного и необычайного, — сказал он. — Вы уже кое-что рассказали мне в своем письме, мистер Хилтон Кьюбитт, но я был бы очень вам признателен, если бы вы любезно согласились повторить свой рассказ, чтобы дать возможность послушать его моему другу, доктору Уотсону.

— Я плохой рассказчик, — сказал наш гость, нервно сжимая и разжимая свои большие сильные руки. — Если в моем рассказе вам что-нибудь покажется неясным, задавайте мне, пожалуйста, вопросы. Начну с того, что в прошлом году я женился… Но предварительно я должен сказать, что хотя я человек небогатый, наш род живет в Ридлинг-Торпе уже в течение пяти столетий и считается самым знатным родом во всем Норфолкском графстве. В прошлом году я приехал в Лондон на праздники и остановился в меблированных комнатах на Рассел-сквере, потому что там остановился Паркер, священник нашего прихода. В этих меблированных комнатах жила молодая американская леди, по фамилии Патрик, Илси Патрик. Мы с ней скоро подружились. Не прошло и месяца, как я полюбил ее самой пылкой любовью. Мы тихонько повенчались и уехали ко мне в Норфолк.

Вам, вероятно, кажется странным, мистер Холмс, что человек хорошего старинного рода вступает в брак с женщиной, ничего не зная о ее прошлом и о ее семье. Но если бы вы увидели ее и узнали, вам нетрудно было бы меня понять. Она была очень прямодушна со мной, моя Илси, она предоставляла мне полную возможность отказаться от свадьбы, если я захочу. «У меня в моей прежней жизни были очень неприятные знакомства, — говорила она, — я хочу позабыть о них. Я не желаю вспоминать прошлое, потому что это причиняет мне боль. Если ты на мне женишься, Хилтон, ты женишься на женщине, которая сама ничего постыдного не совершила, но ты должен поверить моему слову и позволить умолчать обо всем, что было со мною до того, как я стала твоей. Если это условие кажется тебе слишком тяжелым, возвращайся в Норфолк и предоставь мне продолжать ту одинокую жизнь, которую я вела до встречи с тобой».

Она сказала мне это за день до свадьбы. Я ответил ей, что готов подчиниться ее желанию, и сдержал свое слово. Теперь мы женаты уже год и прожили этот год очень счастливо. Но месяц назад, в конце июня, я заметил первые признаки надвигающейся беды. Моя жена получила письмо из Америки — на конверте была американская марка. Жена смертельно побледнела,

прочла письмо и швырнула в огонь. Она ни разу о нем не упомянула, и я ничего не спросил, ибо обещание есть обещание. Но с этого часа она ни одного мгновения не была спокойна. У нее теперь всегда испуганное лицо, и по всему видно, что она ожидает чего-то. Лучше бы она доверилась мне. Она бы узнала тогда, что я ей настоящий друг. Дело в том, мистер Холмс, что моя Илси не может солгать, и какие бы тучи ни омрачали ее прошлое, ее вины в этом нет. Я скромный норфолкский сквайр, но нет в Англии человека, который больше дорожил бы фамильной честью. Илси знает это и знала до нашей свадьбы. И она никогда бы не согласилась стать моей женой, если бы этот брак мог запятнать мою честь.



Теперь перейду к самой странной части моей истории. Около недели назад, кажется, во вторник, я увидел на одном из подоконников пляшущих человечков, таких же самых, как на этой бумажке. Они были нарисованы мелом. Я подумал, что это сделал мальчишка, работавший в конюшне, но он поклялся, что ничего о них не знает. Появились они ночью. Я смыл их и случайно упомянул о них в разговоре с Илси. К моему удивлению, она приняла мои слова близко к сердцу и попросила меня, если я опять замечу таких человечков, дать ей взглянуть на них. В течение недели они не появлялись, но вчера утром я нашел в саду на солнечных часах этот листок. Я показал его Илси, и она тотчас же потеряла сознание. С тех пор она живет как во сне, и глаза ее постоянно полны ужаса. Вот почему я написал вам письмо, мистер Холмс, и послал этот листок. Я не мог обратиться к полиции, потому что там, несомненно, стали бы смеяться надо мной, а вы скажете мне, что делать. Я человек

небогатый, но если моей жене угрожает опасность, я готов истратить последний грош, чтобы защитить ее.

Славный он был, этот житель старой Англии, с простым, приятным лицом и большими синими глазами, — добрый, прямой и бесхитростный. Он любил свою жену и верил ей. Холмс выслушал его историю с глубоким вниманием, а потом задумался и долго молчал.

— Не думаете ли вы, мистер Кьюбитт, — сказал он наконец, — что лучше всего было бы вам напрямик обратиться к жене и попросить ее поделиться с вами своей тайной?

Хилтон Кьюбитт покачал своей большой головой:

— Обещание есть обещание, мистер Холмс. Если Илси захочет, она сама мне расскажет все. Если же она не захочет, я не стану насильно добиваться признания. Но у меня есть право все узнавать самому, и я этим правом воспользуюсь.

— В таком случае, я от всего сердца стану вам помогать. Скажите, не появлялись ли по соседству с вами какие-нибудь приезжие?

— Нет.

— Насколько я понимаю, вы живете в очень глухом захолустье. Появление всякого нового лица, вероятно, не может пройти незамеченным.

— Если бы новое лицо появилось в самом ближайшем соседстве, я, конечно, о нем услыхал бы. Но неподалеку от нас есть несколько прибрежных деревушек с хорошими пляжами, и фермеры сдают комнаты приезжающим дачникам.

— В этих странных фигурках, бесспорно, заключен какой-то смысл. Если это произвольный рисунок, то нам его не разгадать, если же в нем есть система, — я не сомневаюсь, что мы проникнем в ее суть. Но та надпись, которую вы мне прислали, так коротка, что я ничего не могу с ней поделать, и те факты, которые вы нам поведали, так неопределенны, что трудно сделать из них какой-либо вывод. По-моему, вам следует вернуться в Норфолк и внимательно следить за всем, что происходит вокруг. Как только вы обнаружите где-нибудь новых пляшущих человечков, вы должны самым тщательным образом срисовать их. Какая жалость, что вы не срисовали тех, которые были начерчены мелом на подоконнике! Наводите справки обо всех незнакомых лицах, появляющихся по соседству. Чуть вы заметите что-нибудь новое, сразу приезжайте ко мне. Вот лучший совет, какой я могу вам дать, мистер Хилтон Кьюбитт. Если понадобится, я всегда готов выехать к вам и навестить ваш норфолкский дом.

После этого свидания Шерлок Холмс часто глубоко задумывался. Не раз видел я, как он вытаскивает из бумажника листок и подолгу разглядывает нарисованные на нем забавные фигурки. Однако только через две недели он снова заговорил со мной об этой истории. Когда я собирался уходить, он вдруг остановил меня:

— Вам бы лучше остаться дома, Уотсон.

— Почему?

— Потому что сегодня утром я получил телеграмму от Хилтона Кьюбитта. Помните Хилтона Кьюбитта и его пляшущих человечков? Он собирается приехать в Лондон в час двадцать. Каждую минуту он может быть здесь. Из его телеграммы я понял, что у него есть какие-то чрезвычайно важные новости.

Ждать нам пришлось недолго, так как наш норфолкский сквайр примчался с вокзала прямо к нам. Вид у него был озабоченный и подавленный. Он взглянул на нас усталыми глазами, лоб его избороздили морщины.

— Эта история действует мне на нервы, мистер Холмс, — сказал он, бессильно опускаясь в кресло. — Отвратительное состояние — чувствовать, что ты со всех сторон окружен какими-то неизвестными, невидимыми людьми, которые плетут вокруг тебя какую-то сеть, но еще нестерпимее видеть, как изо дня в день постепенно убивают твою жену! Она тает у меня на глазах.

— Сказала она вам хоть что-нибудь?

— Нет, мистер Холмс, ничего не сказала. Бывают минуты, когда ей, бедняжке, я вижу, очень хочется все мне рассказать, но не хватает решимости. Я пытался помочь ей, но у меня это получалось так неуклюже, что я только отпугивал ее. Она часто заговаривает со мной о том, к

какому старинному роду мы принадлежим, как нас уважают во всем графстве, как мы гордимся своей незапятнанной честью, и я всякий раз чувствую, что ей хочется еще что-то прибавить, однако она не договаривает и умолкает.

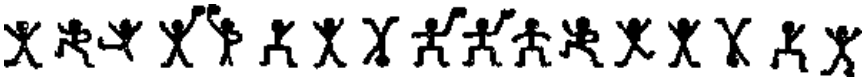
— А вы сами что-нибудь обнаружили?

— Я многое обнаружил, мистер Холмс. Я привез вам на исследование целую кучу свеженьких пляшущих человечков. И самое важное, я видел того…

— Того, кто нарисовал их?

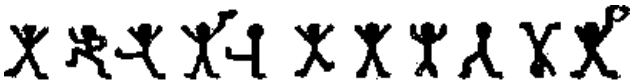
— Да, я видел его за работой. Но позвольте мне все рассказать вам по порядку… Вернувшись от вас, я на следующее же утро нашел новых пляшущих человечков. Они были нарисованы мелом на черной деревянной двери сарая, находящегося возле лужайки; сарай отлично виден из окон нашего дома. Я их всех срисовал. Вот они.

Он достал листок бумаги, развернул его и положил на стол. Вот какие иероглифы были изображены на нем:



— Превосходно! — сказал Холмс. — Превосходно! Продолжайте, пожалуйста.

— Срисовав человечков, я стер их с двери, но два дня спустя на той же двери появилась новая надпись. Вот она:



Холмс потер руки и засмеялся от радости.

— Наш материал быстро разрастается, — сказал он.

— Через три дня на солнечных часах я обнаружил послание, написанное на бумажке. На бумажке лежал камень. Вот она. Как видите, фигурки на ней те же, что и в предыдущем послании. Тогда я решил подстеречь этого рисовальщика. Я взял револьвер и засел у себя в кабинете, из окна которого видны и лужайка и сад. Часа в два ночи, сидя у окна и глядя в залитый лунным светом сад, я услышал у себя за спиной шаги и, обернувшись, увидел свою жену в капоте. Она умоляла меня лечь в постель. Я откровенно сказал ей, что хочу посмотреть, кто это занимается такими глупыми проделками. Она ответила мне, что все это — бессмысленная шутка, на которую не стоит обращать внимания.

«Если это так тебя раздражает, Хилтон, давай поедем путешествовать — ты да я, никто не будет нас беспокоить».

«Как! Позволить какому-то шутнику выжить нас из собственного дома? — сказал я. — Да ведь все графство будет смеяться над нами!»

«Иди спать, — сказала она. — Мы потолкуем об этом утром».

Внезапно лицо ее так побледнело, что я заметил это даже при лунном свете, а пальцы ее впились мне в плечо. Что-то двигалось в тени сарая. Я увидел, как из-за угла выползла темная согнутая фигура и уселась перед дверью. Схватив револьвер, я рванулся вперед, но жена судорожно обняла меня и удержала на месте. Я пытался оттолкнуть ее, но она вцепилась в меня еще отчаяннее. Наконец мне удалось вырваться, но когда я открыл дверь и добежал до сарая, тот человек уже исчез. Впрочем, он оставил следы своего пребывания, ибо на двери были нарисованы пляшущие человечки. Я обежал весь сад, но нигде его не нашел. Однако, как это ни удивительно, он, безусловно, находился где-то поблизости, так как, когда утром я снова осмотрел дверь сарая, под той строчкой, которую я уже видел, оказалось несколько новых человечков.

— Вы их срисовали?

— Да. Их было очень немного. Вот они.

Опять он показал нам листок бумаги. Новый танец имел такой вид:

— Скажите, — спросил Холмс, и по его глазам я увидел, что он очень взволнован, — эти человечки были добавлены к предыдущей надписи или нарисованы, отдельно?

— Они были нарисованы на нижней панели двери.

— Превосходно! Это для нас важнее всего. Это вселяет в меня надежду. Прошу вас, мистер Хилтон Кьюбитт, продолжайте свой интересный рассказ.

— Мне нечего прибавить, мистер Холмс, кроме того, что я очень рассердился на жену за то, что она помешала мне поймать этого прячущегося негодяя. Она уверяла, что боялась за меня. Сначала у меня возникло подозрение, что боялась она вовсе не за меня, а за него, так как я не сомневался, что ей известно, кто он такой и что означают его странные сигналы. Но голос моей жены и взгляд ее, мистер Холмс, обладают свойством рассеивать всякие подозрения и теперь я уже не сомневаюсь, что она действительно боялась за меня… Вот все, что случилось. А теперь я жду от вас совета, что мне делать дальше. Меня так и тянет спрятать в кустах пять-шесть наших деревенских молодцов. Они хорошенько бы вздули его, тогда он оставил бы нас в покое.

— Боюсь, что столь сложное дело не излечишь таким простым лекарством, — сказал Холмс. — Сколько времени вы можете пробыть в Лондоне?

— Я должен вернуться сегодня же. Я не могу оставить жену на ночь в одиночестве. Она очень нервничала и просила меня вернуться поскорее.

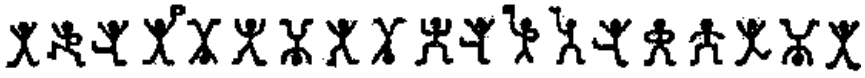
— Вы, пожалуй, правы. Но если бы вы могли остаться, я через день или через два поехал бы вместе с вами. Оставьте мне эти бумажки. Вскоре я приеду к вам и, по всей вероятности, пролью некоторый свет на это дело.

Шерлок Холмс держался с обычным профессиональным спокойствием, но я, так хорошо его знавший, видел, что он глубоко взволнован. Едва широкая спина Хилтона Кьюбитта исчезла за дверью, как мой приятель кинулся к столу, разложил перед собой бумажки с пляшущими человечками и углубился в какие-то сложные вычисления. В течение двух часов покрывал он страницу за страницей цифрами и буквами. Эта работа так захватила его, что он, видимо, забыл о моем присутствии. Когда дело шло на лад, он начинал напевать и насвистывать, когда же он становился в тупик, он подолгу сидел с нахмуренным лбом и блуждающими глазами. Наконец, удовлетворенно вскрикнув, он вскочил со стула и принялся шагать взад и вперед по комнате, потирая руки. Потом он отправил длинную телеграмму.

— Если мне ответят так, как я рассчитываю, ваша книга, Уотсон, обогатится описанием нового приключения, — сказал он. — Вероятно, завтра мы с вами поедем в Норфолк и окончательно раскроем тайну, доставившую нашему другу столько неприятностей.

Признаться, меня мучило любопытство, но я знал, что Холмс любит давать пояснения только тогда, когда сам находит это нужным, и терпеливо ждал, когда он соблаговолит поделиться со мной своим открытием.

Но ответ на телеграмму не приходил; в течение двух дней Холмс нетерпеливо прислушивался к каждому звонку. На второй день вечером мы получили письмо от Хилтона Кьюбитта. Он сообщал, что у него все спокойно; только на подставке солнечных часов сегодня утром появилась длиннейшая надпись. К письму была приложена точная копия этой надписи. Вот она:



Холмс согнулся над этим причудливым рисунком и вдруг, вскочив на ноги, вскрикнул удивленно и сердито. Лицо его стало напряженным и озабоченным.

— Мы позволили этому делу зайти слишком далеко, — сказал он. — Какие поезда отправляются в Норт-Уолшем по вечерам?

Я заглянул в расписание. Последний поезд только что ушел.

— Придется пораньше позавтракать и выехать первым утренним поездом, — сказал Холмс. — Наше присутствие там необходимо. А! Вот телеграмма, которую я ждал. Погодите минуточку,

миссис Хадсон, быть может, понадобится послать ответ. Нет, все обстоит так, как я и ожидал. Эта телеграмма окончательно доказывает, что мы не вправе больше держать мистера Хилтона Кьюбитта в неведении, потому что наш простодушный норфолкский сквайр попал в чрезвычайно опасное положение.

Так оно и оказалось. Переходя к окончанию этой мрачной истории, показавшейся мне вначале такой вздорной и забавной, я заново переживаю весь тот ужас, который мне пришлось пережить тогда. Как бы я хотел иметь возможность сообщить читателям, что история эта кончилась ко всеобщему благополучию! Но книга моя — точная летопись фактов, и я вынужден проследить вплоть до мрачного конца всю странную цепь событий, из-за которых через несколько дней об усадьбе Ридлинг-Торп-Мэнор заговорила вся Англия.

Едва мы успели выйти в Норт-Уолшеме и сказать, куда мы направляемся, к нам подбежал начальник станции.

— Вы, вероятно, сыщики из Лондона? — спросил он.

Холмс взглянул на него с беспокойством.

— Почему вы так думаете?

— Потому что инспектор Мартин из Нориджа только что проехал. Или, быть может, вы врачи? Она еще жива. Возможно, вы еще успеете спасти ее… для виселицы.

Холмс нахмурился.

— Мы едем в Ридлинг-Торп-Мэнор, — сказал он, — но мы ничего не слыхали о том, что там случилось.

— Страшное дело! — воскликнул начальник станции. — Они оба застрелены: и мистер Хилтон Кьюбитт и его жена. Она выстрелила сначала в него, потом в себя. Так рассказывают служанки. Он умер, она при смерти. Боже, самый древний род в Норфолкском графстве! Все у нас так уважали его!

Не сказав ни слова, Холмс вскочил в экипаж и в течение всего семимильного путешествия ни разу не раскрыл рта. Не часто случалось мне видеть его в таком мрачном расположении духа. Он и раньше, в продолжение всей нашей поездки из Лондона, испытывал какую-то тревогу, и я с самого начала заметил, с каким беспокойством просматривает он утренние газеты; но теперь, когда внезапно оправдались самые худшие его опасения, он стал чернее тучи. Откинувшись назад, он угрюмо размышлял о чем-то.

А между тем мы проезжали по одной из самых любопытных местностей Англии. Все современное население этого края ютится в редко разбросанных домишках, но на каждом шагу над зеленой равниной вздымаются огромные четырехугольные башни церквей, свидетельствуя о былой славе и былом процветании старой Восточной Англии.

Наконец за зеленым обрывом возникла лиловая полоса Немецкого моря, и кучер кнутом указал нам на две остроконечные крыши, торчащие из-за кущи деревьев.

— Вот Ридлинг-Торп-Мэнор, — сказал он.

Когда мы подъехали к дому, я заметил перед ним черный сарай, стоящий за теннисной площадкой, и солнечные часы на пьедестале. Юркий человечек с нафабренными усами только что проворно соскочил с высокой двуколки. Это был инспектор Мартин из норфолкского полицейского управления. Он чрезвычайно удивился, услыхав имя моего приятеля.

— Позвольте, мистер Холмс, ведь преступление было совершено в три часа утра! Каким же образом вам удалось сразу узнать о нем в Лондоне и прибыть сюда одновременно со мной?

— Я ехал, чтобы предупредить его.

— Следовательно, у вас есть сведения, которых мы не имеем. Ведь, по общему мнению, они жили очень дружно.

— У меня есть только те сведения, которые я получил от пляшущих человечков, — сказал Холмс. — Об этом я расскажу вам потом. Я опоздал, мне не удалось предотвратить трагедию… Ну что ж, пусть, в таком случае, те знания, которыми я обладаю, помогут совершиться правосудию. Угодно ли вам произвести следствие совместно со мною? Или вы предпочли бы, чтобы я действовал самостоятельно?

— Для меня большая честь работать вместе с вами, мистер Холмс, — с искренним чувством ответил инспектор.

— В таком случае, я хотел бы, не откладывая, выслушать свидетелей и осмотреть то место, где было совершено преступление.

У инспектора Мартина было достаточно здравого смысла, чтобы позволить моему приятелю поступать по-своему. Сам он ограничился тем, что внимательно следил за его работой. Местный врач, седобородый старик, только что вышел из комнаты миссис Хилтон Кьюбитт и сообщил, что ее положение серьезно, но не безнадежно; однако в сознание она придет, вероятно, не скоро, так как пуля задела мозг. На вопрос, сама ли она в себя выстрелила или в нее выстрелил кто-нибудь другой, он не решился дать определенный ответ. Во всяком случае, выстрел был сделан с очень близкого расстояния. В комнате нашли всего один револьвер; оба ствола были пусты. Мистер Хилтон Кьюбитт убит выстрелом прямо в сердце. Можно было с одинаковой вероятностью допустить и то, что он выстрелил сначала в нее, а потом в себя, и то, что преступницей была именно она, так как револьвер лежал на полу на равном расстоянии от обоих.

— Вы трогали убитого? — спросил Холмс.

— Нет. Мы только подняли и унесли леди. Мы не могли оставить ее на полу в таком состоянии.

— Давно ли вы здесь, доктор?

— С четырех часов утра.

— Был здесь кто-нибудь, кроме вас?

— Да, был констебль.

— Вы что-нибудь здесь передвигали?

— Ничего.

— Вы поступили благоразумно. Кто вызвал вас?

— Горничная Сондерс.

— Она первая подняла тревогу?

— Она и миссис Кинг, кухарка.

— Где они теперь?

— Вероятно, на кухне.

— В таком случае, начнем с того, что выслушаем их рассказ.

Старинный зал с высокими окнами, облицованный дубом, был превращен в следственную камеру. Холмс уселся в большое старомодное кресло; лицо его было сурово, горящий взгляд непреклонен. Я читал в его глазах решимость посвятить, если понадобится, жизнь тому, чтобы человек, которого ему не удалось спасти, был хотя бы отомщен. Странное наше сборище состояло, кроме меня, из франтоватого инспектора Мартина, старого, седобородого сельского врача и туповатого деревенского полисмена.

Показания обеих женщин были в высшей степени точны. Их разбудил звук выстрела; через минуту они услышали второй выстрел. Они спали в смежных комнатах, и миссис Кинг бросилась к Сондерс. По лестнице они спустились вместе. Дверь кабинета была раскрыта, на столе горела свеча. Их хозяин лежал посреди комнаты лицом вниз. Он был мертв. Возле окна корчилась его жена, откинув голову к стене. Рана ее была ужасна — кровь залила половину лица. Она дышала, но ничего не могла сказать. В коридоре и в комнате стоял дым, и пахло порохом. Окно было закрыто на задвижку изнутри, обе женщины утверждали это с полной уверенностью. Они сразу же вызвали доктора и полицейского. Затем, с помощью конюха и его подручного, они отнесли свою раненую хозяйку в ее комнату. Раскрытая постель указывала, что муж и жена собирались лечь спать. На ней было платье, на ее муже — халат, надетый поверх ночной сорочки. Между ними никогда не бывало ссор. Их все считали образцовой супружеской парой.

Вот главнейшие показания прислуги. Отвечая инспектору Мартину, обе женщины заявили,

что все двери были заперты изнутри, и что никому не удалось бы ускользнуть из дома. Отвечая Холмсу, они обе вспомнили, что почувствовали запах пороха, как только выбежали из своих комнат во втором этаже.

— Советую вам обратить самое серьезное внимание на этот факт, — сказал Холмс инспектору Мартину. — А теперь, по-моему, следует приступить к осмотру комнаты, в которой было совершено преступление.

Кабинет оказался совсем маленькой комнаткой. Три стены его были заняты книжными полками, а письменный стол стоял возле окна, выходившего в сад. Внимание наше прежде всего привлекло грузное тело несчастного сквайра, распростертое на полу. Беспорядок в его одежде свидетельствовал о том, что он был наспех поднят с постели. Пуля пронзила его сердце и застряла в легком. Он умер мгновенно и безболезненно. Ни на его халате, ни на его руках не удалось обнаружить никаких следов пороха. Сельский врач утверждал, что у миссис Кьюбитт были пятна пороха на лице, но не на руках.

— Отсутствие пятен на руках ничего не доказывает, а присутствие их доказывает все, — сказал Холмс. — Если только порох случайно не высыплется из плохо прилаженного патрона, вы не запачкаете рук, сколько бы вы ни стреляли… Теперь можно унести тело мистера Кьюбитта. Вам, доктор, вероятно, не удалось отыскать пулю, которая ранила леди?

— Для этого пришлось бы сделать серьезную операцию. Но в револьвере осталось еще четыре заряда. Выстрелов было два, ран — тоже две, следовательно, судьбу каждой пули установить нетрудно.

— Это так только кажется, — сказал Холмс. — А что вы скажете относительно вон той пули, которая пробила край оконной рамы?

Он внезапно повернулся и своим длинным, тонким пальцем показал на отверстие в нижней перекладине оконной рамы.

— Черт возьми! — воскликнул инспектор. — Как вам удалось это найти?

— Я нашел, потому что искал.

— Удивительно! — сказал сельский врач. — Вы совершенно правы, сэр: значит, был третий выстрел и, следовательно, был третий человек. Но кто же он такой и куда он делся?

— На этот вопрос мы сейчас попробуем ответить, — сказал Шерлок Холмс. — Помните, инспектор Мартин, когда служанки заявили, что, выбежав из своих комнат, они сразу почувствовали запах пороха, я вам сказал, что на это нужно обратить внимание.

— Помню, сэр. Но, признаться, я не вполне уловил вашу мысль.

— Это является доказательством того, что и дверь и окно были раскрыты настежь. В противном случае запах пороха не распространился бы с такой скоростью по всему дому. Только сквозняк мог занести запах так далеко. В этой комнате были открыты и дверь и окно, но на очень короткое время.

— Почему на короткое время?

— Потому что — взгляните сами — эта свеча только чуть-чуть оплыла с одной стороны.

— Верно, верно! — вскричал инспектор.

— Убедившись, что окно во время трагедии было распахнуто, я пришел к выводу, что в этом деле был третий участник, стоявший снаружи и выстреливший в окно. Любой выстрел, направленный в этого третьего, мог попасть в оконную раму. Я взглянул и действительно нашел след пули.

— Но каким же образом окно оказалось закрытым?

— Его закрыла женщина, закрыла инстинктивно. Закрыла и замерла… Но что это? А!

На столе кабинета лежала дамская сумочка — нарядная маленькая сумочка из крокодиловой кожи, отделанная серебром. Холмс раскрыл сумочку и вытряхнул на стол ее содержимое. В ней оказалось двадцать пятидесятифунтовых кредитных билетов, перевязанных резинкой, и больше ничего.

— Возьмите, это будет фигурировать на суде, — сказал Холмс, передавая инспектору сумочку с ее содержимым. — Теперь необходимо выяснить, кому предназначалась третья пуля. Судя по отверстию в оконной раме, стреляли из комнаты. Я хотел бы снова поговорить с миссис Кинг, кухаркой… Вы сказали, миссис Кинг, что вас разбудил громкий выстрел. Вы хотели этим сказать, что первый выстрел был громче второго?

— Я спала, сэр, и поэтому мне трудно судить. Выстрел показался мне очень громким, сэр.

— А не думаете ли вы, что это были два выстрела, грянувшие почти одновременно?

— Не могу в этом разобраться, сэр.

— Я уверен, что так и было. Я полагаю, инспектор Мартин, что в этой комнате мы больше ничего не узнаем. Если вы согласны последовать за мной, отправимся в сад и посмотрим, нет ли там чего-нибудь любопытного.

Как раз под окном кабинета оказалась цветочная клумба. Подойдя к ней, мы с изумлением увидели, что цветы были вытоптаны и на мягкой земле отчетливо отпечатались следы ног; то были крупные мужские следы с очень длинными и острыми носками. Холмс шарил в траве и листьях, как охотничий пес, разыскивающий раненую птицу. Вдруг он радостно вскрикнул, нагнулся и поднял с земли маленький медный цилиндрик.

— Я так и думал! — сказал он. — Пистолет был с отражателем. Вот третья гильза. Мне кажется, инспектор Мартин, что следствие почти кончено.

На лице провинциального инспектора было написано изумление: он явно восхищался быстротой и мастерством работы Холмса. Сперва он пробовал было отстаивать свое собственное мнение, но скоро пришел от Холмса в такой восторг, что полностью подчинился ему.

— Кого вы подозреваете? — спросил он.

— Я скажу вам позже. В этом деле есть несколько пунктов, которые я еще не в состоянии вам разъяснить. Я в своих открытиях зашел уже так далеко, что будет благоразумнее, если я подожду еще немного, а потом объясню вам все сразу.

— Как вам угодно, мистер Холмс, лишь бы убийца не ушел от нас.

— У меня нет ни малейшего намерения скрывать что-нибудь, просто невозможно в разгаре дела тратить время на длинные и обстоятельные объяснения. Все нити этого преступления у меня в руках. Если даже леди никогда не очнется, нам удастся восстановить все происшествия этой ночи и добиться правосудия. Прежде всего я хотел бы узнать, нет ли поблизости гостиницы под названием «Элридж».

Слуг подвергли допросу, но никто из них не слыхал о такой гостинице. Только подручный конюха внезапно вспомнил, что в нескольких милях отсюда, неподалеку от Ист-Рэстона, живет фермер по фамилии Элридж.

— Его ферма лежит в стороне от других?

— Далеко от других, сэр.

— И, вероятно, там еще не слыхали о том, что произошло здесь сегодня ночью?

— Вероятно, не слыхали, сэр.

Холмс задумался, и вдруг лукавая усмешка появилась у него на лице.

— Седлай коня, мой мальчик! — сказал он. — Я хочу попросить тебя свезти записку на ферму Элриджа.

Он вынул из кармана несколько бумажек с пляшущими человечками. Сев за стол в кабинете, он разложил их перед собой и погрузился в работу. Наконец он вручил подручному конюха записку, приказал ему передать ее непосредственно тому лицу, которому она адресована, и при этом ни в коем случае не отвечать ни на какие вопросы. Адрес на записке мне удалось разглядеть — он был написан неровным, неправильным почерком, нисколько не похожим на обычный, четкий почерк Холмса. Записка было адресована мистеру Аб Слени, на ферму Элридж, Ист-Рэстон в Норфолке.

— Мне кажется, инспектор, — заметил Холмс, — что вам следует вызвать по телеграфу конвой, так как, если мои предположения оправдаются, вам предстоит препроводить в тюрьму графства чрезвычайно опасного преступника. Мальчик, которого я посылаю с запиской, может заодно отправить и вашу телеграмму. Мы вернемся в город послеобеденным поездом, Уотсон, так как сегодня вечером мне необходимо закончить один любопытный химический опыт. А дело, которое привело нас сюда, быстро приближается к развязке.

Когда мальчик с запиской ускакал, Шерлок Холмс созвал слуг. Он приказал всякого человека, который явится в дом и выразит желание повидать миссис Хилтон Кьюбитт, немедленно провести в гостиную, не сообщая ему о том, что здесь произошло. Он настойчиво требовал самого точного исполнения этого приказания. Затем он отправился в гостиную и прибавил, что все теперь сделается без нас, а нам остается только сидеть и поджидать, какая дичь попадет в наши сети. Доктор удалился к своим пациентам. С Холмсом остались лишь инспектор и я.

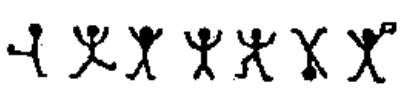
— Я помогу вам провести этот час интересно и полезно, — сказал Холмс, пододвинув свой стул к столу и разложив перед собой множество разных бумажек с изображением танцующих человечков. — Перед вами, друг Уотсон, мне необходимо загладить свою вину: я так долго дразнил ваше любопытство. Для вас же, инспектор, все это дело будет великолепным профессиональным уроком. Прежде всего, я должен рассказать вам о своих встречах с мистером Хилтоном Кьюбиттом на Бейкер-стрит.

И он коротко рассказал инспектору то, что нам уже известно.

— Вот передо мною эти забавные рисунки, которые могли бы вызвать улыбку, если бы они не оказались предвестниками столь страшной трагедии. Я превосходно знаком со всеми видами тайнописи и сам являюсь автором небольшого научного труда, в котором проанализировано сто шестьдесят различных шифров, однако я вынужден признаться, что этот шифр для меня — совершенная новость. Цель изобретателя этой системы заключалась, очевидно, в том, чтобы скрыть, что эти значки являются письменами, и выдать их за детские рисунки. Но всякий, кто сообразит, что значки эти соответствуют буквам, без особого труда разгадает их, если воспользуется обычными правилами разгадывания шифров. Первая записка была так коротка, что дала мне возможность сделать всего одно правдоподобное предположение, оказавшееся впоследствии правильным. Я говорю о флагах. Флаги эти употребляются лишь для того, чтобы отмечать концы отдельных слов. Больше ничего по первой записке я установить не мог. Мне нужен был свежий материал. Посетив меня во второй раз, мистер Хилтон Кьюбитт передал мне три новые записки, из которых последняя, по всей вероятности, содержала всего одно слово, так как в ней не было флагов. Две другие записки начинались, несомненно, с одного и того же слова из четырех букв. Вот это слово:

Как видите, оно кончается той же буквой, какой и начинается. Тут меня осенила счастливая мысль. Письма обычно начинаются с имени того, кому письмо адресовано. Человек, писавший миссис Кьюбитт эти послания, был, безусловно, близко с ней знаком. Вполне естественно, что он называет ее просто по имени. А имя ее состоит из четырех букв и кончается той же буквой, какой начинается: зовут ее Илси. Таким образом, я оказался обладателем трех букв: И, Л и С.

Итак, в двух записках он обращается к миссис Кьюбитт по имени и, видимо, чего-то требует от нее. Чего он может от нее требовать? Не хочет ли он, чтобы она пришла куда-нибудь, где он мог с ней поговорить? Я обратился ко второму слову третьей записки. Вот оно:



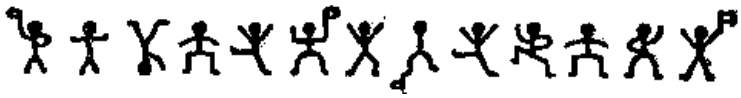
В нем семь букв: третья буква и последняя — И. Я предположил, что слово это «ПРИХОДИ», и сразу оказался обладателем еще пяти букв: П, Р, Х, О, Д. Тогда я обратился к той записке, которая состояла всего из одного слова. Как вам известно, слово это появилось на двери сарая, на нижней панели, в стороне от предыдущей надписи. Я предположил, что оно является ответом, и что написала его миссис Кьюбитт. Вот оно:

Подставим под него те буквы, которые нам уже известны. Получается:

И.О.Д.

Что же могла миссис Кьюбитт ответить на его просьбу прийти? Догадка осенила меня. Она ответила: «НИКОГДА».

Теперь я знал уже столько букв, что мог вернуться к самой первой записке. Вот она:



Если подставить под эту надпись уже известные нам буквы, получается:

..Д.С. А. СЛ.НИ

Предположим, что второе слово — «ЗДЕСЬ», В таком случае, последнее слово — «СЛЕНИ». Это фамилия, чрезвычайно распространенная в Америке. Коротенькое словечко из двух букв, стоящее перед фамилией, — по всей вероятности, имя. Какое же имя может состоять из двух букв? В Америке весьма распространено имя «Аб». Теперь остается установить только первое слово фразы; оно состоит всего из одной буквы, и отгадать его нетрудно: это местоимение «я». Итак, в первом послании написано: «Я ЗДЕСЬ. АБ СЛЕНИ». Ну, а теперь у меня уже столько букв, что я без всякого труда могу прочесть и вторую записку. В ней написано: «ИЛСИ, Я ЖИВУ У ЭЛРИДЖА». Мне пришло в голову, что «Элридж» — название дома или гостиницы, в которой живет человек, все это написавший.

Инспектор Мартин и я с глубоким вниманием выслушали подробный и ясный отчет о том, каким образом мой приятель разгадывал тайну пляшущих человечков.

— Что же вы сделали дальше, сэр? — спросил инспектор.

— Так как имя «Аб» употребляется только в Америке, и так как все дело началось с того, что из Америки пришло письмо, у меня были все основания предположить, что этот Аб Слени — американец. Кроме того, я подозревал, что за всем этим кроется какое-то преступление. Мое подозрение было вызвано тем, что миссис Кьюбитт с таким упорством скрывала от мужа свое прошлое. Я послал телеграмму в нью-йоркское полицейское управление мистеру Уилсону Харгриву, который не раз пользовался моим знанием лондонского преступного мира. Я запросил его, кто такой Аб Слени. Он мне ответил: «Самый опасный бандит в Чикаго». В тот вечер, когда я получил этот ответ, Хилтон Кьюбитт сообщил мне последнее послание Слени. Подставив под него уже знакомые буквы, я получил фразу:

ИЛСИ ГО.ОВЬСЯ К С.ЕР.И

Так я узнал буквы М и Т, которые до сих пор мне не попадались. «ИЛСИ, ГОТОВЬСЯ К СМЕРТИ»! Мерзавец от просьб перешел к угрозам, а мне известно, что у чикагских бандитов слова не расходятся с делом. Я сразу же отправился в Норфолк со своим другом и помощником, доктором Уотсоном, но, к несчастью, мы прибыли тогда, когда самое худшее уже произошло.

— Большая честь — совместно с вами раскрывать преступление, — сказал инспектор почтительно. — Но, однако, вы позволите мне сказать вам несколько откровенных слов. Вы отвечаете только перед собой, а я отвечаю перед своим начальством. Если этот Аб Слени, живущий у Элриджа, действительно убийца и если он удерет, пока я сижу здесь, меня ждут крупные неприятности.

— Вам нечего беспокоиться: он не попытается удрать.

— Откуда вы знаете?

— Удрать — это значит сознаться в своей вине.

— В таком случае, давайте поедем и арестуем его.

— Я жду его сюда с минуты на минуту.

— Почему вы думаете, что он придет?

— Я написал ему и попросил прийти.

— Я не могу поверить этому, мистер Холмс! Неужели он придет потому, что вы попросили его?

Не возбудит ли в нем подозрения ваше письмо и не попытается ли он скрыться?

— Все зависит от того, как составить письмо, — сказал Шерлок Холмс. — Если не ошибаюсь, этот джентльмен уже идет к нам собственной персоной вон по той дорожке.

По дорожке, которая вела к дому, шагал какой-то человек. Это был высокий, красивый, смуглый мужчина в сером костюме и широкополой шляпе, с черной жесткой бородой и крупным хищным носом. На ходу он помахивал тростью и шагал с таким видом, словно все кругом принадлежит ему. Наконец раздался громкий, уверенный звонок.

— Я полагаю, джентльмены, — спокойно сказал Холмс, — что вам следует спрятаться за дверь. Когда имеешь дело с таким человеком, нужно принять все меры предосторожности. Приготовьте наручники, инспектор. А разговаривать с ним предоставьте мне.

Целая минута прошла в тишине — одна из тех минут, которых не забудешь никогда. Затем дверь открылась, и наш гость вступил в комнату. В одно мгновение Холмс приставил револьвер к его лбу, а Мартин надел наручники на его запястья.

Все это было проделано так быстро и ловко, что наш пленник оказался в неволе прежде, чем заметил нападающих. Он переводил с одного на другого взгляд своих блестящих черных глаз, потом горько рассмеялся:

— Ну, джентльмены, на этот раз вы поймали меня! Я столкнулся с чьей-то железной волей… Однако меня вызывала сюда письмом миссис Хилтон Кьюбитт… Нет, не говорите мне, что она с вами в заговоре. Неужели она помогла вам заманить меня в эту ловушку?

— Миссис Хилтон Кьюбитт тяжело ранена и находятся при смерти.

Он громко вскрикнул, и крик его, полный горя, разнесся по всему дому.

— Да вы с ума сошли! — заорал он яростно. — Он ранен, а не она! Разве у кого-нибудь хватило бы духу ранить маленькую Илси? Я угрожал ей, да простит меня бог, но я не коснулся бы ни одного волоса на ее прекрасной голове. Возьмите свои слова обратно — эй, вы! Скажите, что она не ранена!

— Она была найдена тяжело раненной возле своего мертвого мужа.

С глубоким стоном он опустился на диван и закрыл лицо руками. Он молчал целых пять минут. Затем открыл лицо и заговорил с холодным спокойствием отчаяния:

— Мне нечего скрывать от вас, джентльмены, — сказал он. — Я стрелял в него, но и он стрелял в меня, — следовательно, это нельзя назвать убийством. Если же вы думаете, что я в состоянии ранить ту женщину, значит, вы не знаете ни ее, ни меня. Ни один мужчина никогда не любил ни одной женщины так, как я любил ее. Я имел все права на нее. Она была мне предназначена уже много лет назад. На каком основании этот англичанин встал между нами? Я первый получил на нее права, и я требовал только того, что мне принадлежит.

— Она рассталась с вами, когда узнала, кто вы такой, — сурово сказал Холмс. — Она бежала из Америки в Англию, чтобы спрятаться от вас, и здесь вышла замуж за почтенного человека. Вы угрожали ей, вы преследовали ее, превратили ее жизнь в ад, стараясь заставить ее бросить мужа, которого она любила и уважала, и бежать с вами… А вас она боялась и ненавидела. Вы кончили тем, что убили этого благородного человека и довели его жену до самоубийства. Вот ваши заслуги, мистер Аб Слени, за которые вам придется держать ответ.

— Если Илси умрет, мне все равно, что будет со мною, — сказал американец.

Он разжал кулак и глянул в записку, лежавшую у него на ладони.

— Послушайте, мистер, — вскричат он, и глаза его недоверчиво блеснули, — а не пытаетесь ли вы меня попросту запугать? Если леди ранена так тяжело, кто же написал эту записку?

Он швырнул записку на стол.

— Ее написал я, чтобы заставить вас прийти сюда.

— Ее написали вы? На всем земном шаре нет ни одного человека, кроме членов нашей шайки, который знал бы тайну пляшущих человечков. Как могли вы написать ее?

— То, что изобретено одним человеком, может быть понято другим, — сказал Холмс. — Вот

приближается кэб, в котором вас отправят в Норидж, мистер Слени. Но у вас есть еще возможность хоть немного исправить причиненное вами зло. Известно ли вам, что миссис Хилтон Кьюбитт сама была заподозрена в тяжком преступлении — убийстве своего мужа, — и что только мое присутствие здесь и добытые мною сведения спасли ее от этого обвинения? Вы обязаны объявить на весь мир, что она ни прямо, ни косвенно неповинна в его трагической смерти.

— Так я и сделаю, — сказал американец. — Я вижу, что для меня выгоднее всего говорить чистую правду. Вам нужно знать, джентльмены, что я познакомился с этой леди, когда она была ребенком. Наша чикагская шайка состояла из семи человек, и отец Илси был нашим главарем. Умный он был старик, этот Патрик! Это он изобрел буквы, которые всеми принимались за детские каракули, пока вам не посчастливилось подобрать к ним ключ. Илси узнала о некоторых наших делах и пришла в ужас, а так как у нее было немного собственных, заработанных честным трудом денег, она бежала от нас в Лондон. Мы были помолвлены, и она вышла бы за меня замуж, если бы я переменил профессию. А так она не желала иметь со мной ничего общего. Мне удалось напасть на ее след только после того, как она вышла за этого англичанина. Я написал ей, но ответа не получит. Тогда я приехал сюда и, так как она могла не получить моих писем, я стал писать ей на таких предметах, которые должны были попасться ей на глаза.

Я живу здесь уже целый месяц. Я поселился на ферме. Комната, которую я снял, тем хороша, что расположена в нижнем этаже, и я мог выходить из нее по ночам, не привлекая внимания хозяев. Я изо всех сил старался переманить Илси к себе. Я знал, что она читает мои каракули, потому что однажды под ними она написала ответ. Наконец я потерял терпение и начал ей угрожать. Тогда она прислала мне письмо, в котором умоляла меня уехать, уверяя, что сердце ее будет разбито, если ее муж попадет в какую-нибудь скандальную историю. Она пообещала мне поговорить со мной через окно в три часа ночи, когда муж ее будет спать, если я дам ей слово, что после этого уеду и оставлю ее в покое.

Разговаривая со мной, она стала предлагать мне деньги, чтобы откупиться от меня. Это привело меня в бешенство, я схватил ее за руку и пытался вытащить через окно. В это мгновение прибежал ее муж с револьвером в руке. Илси без чувств опустилась на пол, и мы остались с ним одни лицом к лицу. Я тоже был вооружен и поднял свой револьвер, чтобы испугать его и получить возможность уйти. Он выстрелил и промахнулся. Я выстрелил почти одновременно с ним, и он рухнул на пол. Я побежал через сад и услышал, как сзади захлопнули окно... Все это правда, джентльмены, и больше я ничего об этом не слыхал, пока ко мне не прискакал парень с запиской. Прочитав записку, я побежал сюда и попал к вам в руки…

Тем временем к дому подъехал кэб; в нем сидели два полисмена.

Инспектор Мартин встал и тронул арестованного за плечо:

— Пора ехать.

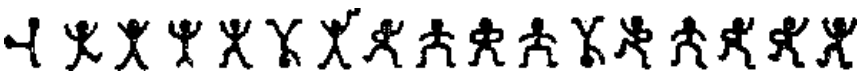
— Нельзя ли мне перед уходом повидаться с ней?

— Нет, она еще не очнулась… Мистер Шерлок Холмс, мне остается только надеяться, что когда меня снова пошлют расследовать какое-нибудь крупное дело, мне опять посчастливится работать вместе с вами.

Мы стояли у окна и смотрели вслед удаляющемуся кэбу. Обернувшись, я заметил листок бумаги, оставленный преступником на столе. Это была записка, которую послал ему Холмс.

— Попробуйте прочитать ее, Уотсон, — сказал он улыбаясь.

На ней были нарисованы вот такие пляшущие человечки:



— Если вы вспомните мои объяснения, вы увидите, что здесь написано: «ПРИХОДИ НЕМЕДЛЕННО». Я не сомневался, что это приглашение приведет его сюда, ибо он будет убежден, что, кроме миссис Кьюбитт, никто так писать не умеет. Словом, мой дорогой Уотсон, этих человечков, столь долго служивших злу, мы принудили, в конце концов, послужить добру… Мне кажется, я выполнил свое обещание обогатить вашу записную книжку. Наш поезд отходит в три сорок, и мы приедем на Бейкер-стрит как раз к обеду.

Еще несколько слов в заключение. Американец Аб Слени зимней сессией суда в Норидже был приговорен к смерти. Но, приняв во внимание смягчающие вину обстоятельства и то, что Хилтон Кьюбитт выстрелил в него первым, суд заменил смертную казнь каторжными работами. О миссис Хилтон Кьюбитт мне известно только то, что она совершенно поправилась, что она все еще вдова и что она посвятила свою жизнь заботам о бедных и управлению поместьем своего мужа.

Одинокая велосипедистка

(Перевод Н.Санникова)

Годы с 1894 по 1901 были периодом очень напряженной деятельности Шерлока Холмса. Пожалуй, ни одно трудное расследование за эти восемь лет не обошлось без его совета. Частные расследования, в которых он сыграл выдающуюся роль, исчисляются сотнями, причем многие из них оказались чрезвычайно запутанными и необычными. Каков итог этих лет? Множество блестящих побед и несколько, увы, неизбежных неудач. Поскольку я сохранил самые подробные записи всех дел и часто сам в них участвовал, мне, естественно, трудно решить, что же наиболее достойно опубликования. Я последую старому моему правилу: отдавать предпочтение тем случаям, которые представляют интерес не с точки зрения чудовищности преступления, а с точки зрения тонкости и драматической неожиданности его раскрытия. Вот почему мне хотелось бы описать дело мисс Вайолет Смит, одинокой велосипедистки из Чарлингтона, и весьма интересное расследование, неожиданно оборвавшееся трагедией. Я бы не сказал, что дело это особенно ярко иллюстрировало удивительный дар, снискавший моему другу заслуженную славу. Однако есть в нем некоторые особенности, благодаря которым оно занимает выдающееся место в хронике преступлений, из которых я черпаю материал для моих настоящих очерков.

Вот записная книжка 1895 года. Да, впервые мы увидели мисс Вайолет Смит в субботу 23 апреля. Я помню, что визит ее был очень нежелателен для Холмса: он был всецело поглощен одним сложным и загадочным делом — преследованием, которому подвергся Джон Винсент Хартен, известный табачный фабрикант-миллионер. Холмс любил больше всего точную, углубленную и сосредоточенную работу мысли и терпеть не мог, когда его отвлекали от разбираемого дела. Но надо было обладать особой черствостью, чтобы отказаться выслушать молодую прекрасную женщину, высокую, стройную и гордую, как королева, которая пришла к нам на Бейкер-стрит поздно вечером, умоляя помочь ей. Холмс уверял ее, что он занят, но это было бесполезно, ибо молодая дама, видимо, твердо решила, что не уйдет, пока Холмс не выслушает ее, и выдворить ее можно было разве что силой. Холмс смирился и, устало улыбаясь, предложил прелестной посетительнице сесть и рассказать, что ее так встревожило.

— Уж, конечно, не здоровье! — заключил Холмс, окинув ее быстрым проницательным взглядом. — У такой заядлой велосипедистки плохого здоровья быть не может!

Та взглянула на свои ноги: действительно, край ботинка был чуть-чуть стерт от частого соприкосновения с педалью велосипеда.

— Да, я много езжу на велосипеде, мистер Холмс, и это имеет прямое отношение к цели моего визита.

Холмс подошел к ней и взял ее за руку (наша посетительница не носила перчаток). Он стал рассматривать ее руку так внимательно и бесстрастно, как ученый рассматривает редкого представителя животного или растительного мира.

— Вы, надеюсь, извините меня. Такова моя профессия, — сказал он, опуская ее руку. — Я чуть не ошибся: решил было, что вы машинистка. Но, конечно, вы занимаетесь музыкой. Уотсон, обратите внимание на сплющенные кончики пальцев. Характерно и для пианиста и для машинистки. Но в вашем лице есть одухотворенность. — Холмс мягким движением повернул ее лицо к свету. — Машинисткам она несвойственна. Сомнений нет, наша гостья занимается музыкой.

— Да, мистер Холмс, я учительница музыки.

— И живете за городом, судя по цвету лица.

— Вы не ошиблись. Около Фарнема на границе с Сурреем.

— Прекрасное место. У нас с ним связано много воспоминаний. Помните, Уотсон, мы занимались там Арчибальдом Стенфордом, подделавшим документы? Ну, хорошо. Расскажите нам, мисс Вайолет, что же с вами случилось недалеко от Фарнема на границе с графством Суррей?

Молодая дама изложила очень ясно и точно следующее весьма странное происшествие.

— Мой покойный отец, мистер Холмс, Джеймс Смит был дирижером оркестра в одном театре.

Когда он умер, у нас с мамой не оказалось ни одного близкого человека, кроме моего дяди, Ральфа Смита. Но он уехал в Африку двадцать пять лет назад, и мы ничего о нем по сей день не знаем. После смерти отца мы остались совершенно без средств. И вот однажды нам сказали что в «Таймсе» напечатано объявление о том, что нас кто-то разыскивает. Вы можете легко представить себе наше волнение. Мы решили, что кто-то оставил нам наследство, и тут же отправились к юристу, имя которого сообщалось в объявлении. У юриста нам представили двух джентльменов, мистера Каррутерса и мистера Вудли, — они жили в Южной Африке и приехали домой погостить. Эти джентльмены сказали нам, что дядя был их друг и что он умер в совершенной нищете несколько месяцев назад в Иоганнесбурге. Умирая, дядя просил их найти нас и помочь нам, если мы нуждаемся. Нам показалось странным, что дядя Ральф, который знать нас не хотел, когда был жив, вдруг, умирая, проявил такую заботу. Однако мистер Каррутерс объяснил, что дядя услышал о смерти брата только перед самой своей смертью и очень беспокоился о нашей судьбе.

— Простите, — сказал Холмс, — а когда произошел этот разговор?

— В декабре прошлого года — четыре месяца назад.

— Прошу вас, продолжайте.

— Этот мистер Вудли сразу же вызвал у меня отвращение. Он строил мне глазки — пошлый молодой человек с одутловатым лицом, рыжими усиками и прилизанными волосами. Он показался мне омерзительным; я была уверена, что Сирил не одобрил бы такое знакомство.

— Его зовут Сирил! — сказал Холмс, улыбаясь.

Молодая посетительница покраснела и засмеялась.

— Да, мистер Холмс, его зовут Сирил Мортон. Он инженер-электрик, и, надеюсь, мы обвенчаемся в конце лета. Господи, но как же так получилось, что я о нем заговорила? Я только хотела сказать, что этот мистер Вудли показался мне отвратительным, а мистер Каррутерс, который был гораздо старше, производил скорее приятное впечатление. Темноволосый. Цвет лица желтоватый, нездоровый. Чисто выбрит. У него хорошие манеры и приятная улыбка. Он почти все время молчал, спросил только, какие у нас средства остались после смерти отца, и, узнав, что нам совсем не на что жить, предложил, чтобы я учила музыке его единственную дочь десяти лет. Я ответила, что мне не хочется оставлять мать одну, но он сказал, что на субботу и воскресенье я могу ездить домой. Он будет платить мне сто гиней в год — очень, конечно, хорошие деньги. В конце концов я согласилась и отправилась жить в Чилтерн-Грэйндж, в шести милях от Фарнема. Мистер Каррутерс был вдов, хозяйство вела экономка, очень почтенная пожилая женщина — миссис Диксон. Девочка была просто прелесть. Словом, все оборачивалось наилучшим образом. Сам мистер Каррутерс был очень мил, любил музыку, и вечера поэтому проходили очень приятно. А каждую субботу я уезжала домой в город.

Первым облачком, омрачившим мою жизнь, был приезд мистера Вудли, того самого молодого человека с рыжими усиками. Он приехал на неделю, но эта неделя показалась мне длиннее, чем три месяца! Он был ужасный человек, всем грубил и всех тиранил, но хуже всего было его отношение ко мне. Он ухаживал за мной самым настойчивым, самым пошлым образом, без конца хвалился своим богатством, повторял, что если бы я вышла за него замуж, то у меня были бы лучшие бриллианты в Лондоне, и наконец, когда я объявила ему, что не желаю иметь с ним ничего общего, он обнял меня, несмотря на мое сопротивление, и поклялся, что не отпустит, пока я его не поцелую. Он был страшно силен, и я не могла вырваться из его объятий. К счастью, тут вошел мистер Каррутерс и буквально оттащил его от меня, после чего нахал набросился на хозяина дома, сбил его с ног и ударил по лицу. На этом пребывание мистера Вудли в доме в качестве гостя закончилось. Мистер Каррутерс извинился передо мной на следующий день и уверил меня, что никогда впредь я не подвергнусь подобному унижению, — он позаботится об этом. Действительно, мистер Вудли с тех пор исчез.

Теперь, мистер Холмс, я перехожу к событию, которое побудило меня обратиться к вам за советом. Каждую субботу я езжу на станцию Фарнем на велосипеде, чтобы успеть на поезд 12.22. Дорога от Чилтерн-Грэйндж до станции безлюдна, а особенно она безлюдна там, где с одной стороны Чарлингтонская пустошь, а с другой — леса вокруг Чарлингтон-холла. Этот участок дороги тянется больше мили, и трудно себе представить более пустынную местность. Редко-редко встретишь телегу или одиноко бредущего крестьянина — и так до самого Круксбери-хилла, где дорога выходит на шоссе. Проезжая по этому месту две недели назад, я случайно оглянулась и увидела на расстоянии примерно двух сотен ярдов от меня велосипедиста. Это был мужчина средних лет, и я заметила у него короткую черную бородку.

Потом я оглянулась опять, но велосипедист исчез, и я о нем забыла. Представьте мое удивление, мистер Холмс, когда, возвращаясь назад в понедельник, я заметила опять того же велосипедиста в том же самом месте. Мое удивление возросло еще больше, когда та же история в точности повторилась и в следующую субботу и затем в понедельник. Велосипедист все время держался на почтительном расстоянии от меня, и я никак не могла бы назвать его поведение назойливым. И все-таки в этом было что-то странное и неприятное. Я рассказала все мистеру Каррутерсу, он встревожился и сказал, что заказал лошадь и легкую рессорную коляску, так что я больше не буду ездить одна по этой безлюдной дороге.

Лошадь и коляску нам обещали доставить на этой неделе, но почему-то не доставили, и сегодня утром мне пришлось опять ехать одной на велосипеде до станции. Когда я подъезжала к Чарлингтонской пустоши, я оглянулась — опять тот же велосипедист. Он опять держался от меня на расстоянии, и я не могла разглядеть его лица, но одно несомненно: я его не знаю. На нем был темный костюм, на голове кепка. Что касается черт его лица, то я видела ясно лишь черную бородку. Почему-то сегодня я не была испугана. Меня охватило любопытство: кто он и что ему нужно от меня. Я сбавила скорость. Он сбавил скорость тоже. Я остановилась. Он остановился. Ну хорошо же! Там, где дорога круто поворачивает, я быстро проехала поворот, а затем круто остановилась и стала ждать. Я думала, он вылетит из-за поворота и проскочит мимо меня, не успев остановиться. Ничего подобного! Он так и не показался. Я села на велосипед и поехала назад. Вот и поворот, за ним видна добрая миля дороги, но велосипедист исчез. А ведь дорога нигде не ответвлялась! Куда он исчез?

Тут Холмс засмеялся, потирая от удовольствия руки.

— Да, случай своеобразный, что и говорить, — сказал он. — Не могли ли бы вы сказать мне, сколько времени прошло с того момента, как вы проехали поворот, и до того, когда вы увидели, что на дороге никого нет?

— Не более двух-трех минут.

— Значит, он не мог успеть за это время ни скрыться, двигаясь обратно по дороге, ни свернуть, потому что никаких ответвлений у дороги нет.

— Совершенно никаких.

— Тогда он свернул на какую-нибудь тропинку влево или вправо.

— Только не на пустошь. Я бы увидела его.

— С помощью метода исключения мы должны сделать вывод, что велосипедист уехал в сторону усадьбы Чарлингтон-холл, которая стоит, если не ошибаюсь, недалеко от дороги. Что еще вы можете сказать?

— Ничего, мистер Холмс, кроме того, что это меня сильно взволновало, и я поняла, что не успокоюсь, пока не разыщу вас и не попрошу у вас совета.

Некоторое время Холмс молчал.

— А где работает тот джентльмен, с которым вы помолвлены? — наконец спросил он.

— В компании «Мидленд электрик», в Ковентри.

— Мог бы он неожиданно нагрянуть к вам, не сообщив предварительно о своем визите?

— Что вы, мистер Холмс! Никогда в жизни. Я достаточно хорошо его знаю!

— Есть у вас еще поклонники?

— Было несколько перед тем, как я познакомилась с Сирилом.

— А потом?

— Потом этот ужасный Вудли, если, конечно, можно назвать его поклонником.

— А кто-нибудь еще?

Наша прелестная посетительница была, видимо, несколько смущена.

— Так кто же? — повторил Холмс.

— Я не знаю, может быть, это — мое воображение, но иногда мне кажется, что мистер Каррутерс, у которого я работаю, не совсем ко мне… равнодушен. Мы ведь проводим столько времени вместе! Я ему аккомпанирую по вечерам. Он никогда и словом не обмолвился ни о чем. Он настоящий джентльмен. Но вы знаете, что любая девушка догадывается о таких вещах без слов.

— Хм, — Холмс нахмурился. — Чем он зарабатывает на жизнь?

— Он богатый человек.

— И не держит выезд?

— Во всяком случае, он вполне обеспечен. Раза два или три в неделю он отправляется в город. Его интересуют акции южноафриканских золотых приисков.

— Я попрошу вас, мисс Смит, уведомлять меня обо всех дальнейших событиях. Я теперь очень занят, но я найду время, чтобы навести некоторые справки, касающиеся вашего дела. А пока что, прошу вас, не предпринимайте без моего ведома никаких шагов. До свидания, и надеюсь, что мы услышим от вас хорошие вести.

Посетительница ушла.

— Что ж, это естественно, что у такой девушки есть поклонники, — проговорил Холмс, пыхтя своей трубкой. — И один из них решил ее преследовать на велосипеде на безлюдной дороге. Наверняка ее тайный воздыхатель. Но, между прочим, Уотсон, в этом деле есть интересные детали, наводящие на размышления.

— Вы хотите сказать: странно, что этот воздыхатель появляется только на одном участке дороги.

— Совершенно верно. Прежде всего мы должны выяснить, кто живет в Чарлингтон-холле. Затем надо узнать, что связывает Каррутерса и Вудли, поскольку ясно, что люди они совершенно разные. Почему оба они начали с таким рвением разыскивать родственников Ральфа Смита? Еще одна неясность: что это за странный хозяин, который платит гувернантке жалованье вдвое выше обычного и в то же время не держит лошадей, хотя живет в шести милях от станции? Да, Уотсон, все это странно, очень странно.

— Вы поедете туда?

— Нет, дорогой Уотсон. Поедете вы. В конце концов, возможно, что это какая-нибудь пустяковая интрижка, и я не могу ради нее прерывать важное расследование. В понедельник рано утром поезжайте в Фарнем, спрячьтесь недалеко от ЧарЛингтон-холла, наблюдайте и действуйте по своему усмотрению. Затем вы должны разузнать, кто живет в этом Чарлингтон-холле, вернуться и рассказать мне обо всем, что узнали. А теперь, Уотсон, ни одного больше слова об этом деле, пока у нас нет надежных фактов, которые привели бы нас к решению вопроса.

От нашей посетительницы мы узнали, что поезд, с которым она возвращается в понедельник, отходит от Ватерлоо в 9 часов 50 минут. Поэтому я отправился из дому очень рано и выехал в 9 часов 13 минут. На станции Фарнем мне объяснили, где находится Чарлингтон-холл, и я нашел его без труда. Ошибиться было невозможно: по одну сторону дороги тянется пустошь, а по другую — живая изгородь из старых тиссов, за которой начинается парк с великолепными деревьями. Главные ворота парка сложены из замшелого камня, и оба столба увенчаны позеленевшими дворянскими гербами. Кроме главного входа, я заметил несколько тропинок между тиссами. Дом не был виден с дороги, но все окружающее говорило о заброшенности и запустении.

Равнина была усеяна золотыми островами цветущего дрока, который так и пылал в лучах яркого весеннего солнца. Я спрятался за одним из таких островков так, чтобы видеть и ворота усадьбы и достаточно большой участок дороги в обе стороны. На дороге не было ни души. Затем я увидел велосипедиста. Он ехал по направлению к станции. Он был в черном костюме, и я заметил, что у него темная бородка. Он достиг того места, где начиналось поместье Чарлингтон, спрыгнул с велосипеда, пошел, ведя велосипед к одной из тропинок, и скрылся за тиссами вместе со своим велосипедом.

Прошло четверть часа и я увидел нашу велосипедистку — она возвращалась со станции. Поравнявшись с усадьбой Чарлингтон, она оглянулась. Несколько мгновений спустя велосипедист вышел из своего убежища, сел на велосипед и последовал за ней. Нигде кругом

— от горизонта и до горизонта — не было ни души; только две одинокие фигуры — изящная девушка, державшаяся очень прямо, а на некотором расстоянии от нее — пригнувшийся к самому рулю бородатый преследователь, явно замышляющий что-то. Она оглянулась и сбавила скорость. Он тоже сбавил скорость. Она остановилась. И он остановился, сохраняя расстояние в двести ярдов. Ее следующее движение было смелым и неожиданным. Она повернула велосипед и ринулась ему навстречу! Однако он выказал не меньше проворства и помчался назад. Затем она повернула обратно и поехала дальше. Голова у нее была гордо поднята, словно она не желала больше замечать своего преследователя. Он тоже повернул и поехал за ней, сохраняя ту же дистанцию, и наконец обе фигуры скрылись за поворотом.

Я не покинул своего убежища. И правильно сделал, ибо вскоре я снова увидел велосипедиста — он возвращался обратно. У ворот усадьбы он повернул и слез с велосипеда. В течение нескольких минут я все еще мог видеть его: он стоял под деревьями, и мне показалось, что он поправляет галстук. Затем он вскочил на велосипед и поехал по аллее, ведущей к дому. Я побежал к изгороди. Сквозь деревья я разглядел старое серое здание в стиле Тюдор, ощетинившееся трубами, но так как аллея шла через густой кустарник, велосипедиста больше не было видно.

Так или иначе, мне представлялось, что я неплохо поработал, и в отличном расположении духа я вернулся в Фарнем. Местный агент по продаже недвижимого имущества не мог дать мне никаких сведений о Чарлингтон-холле и посоветовал обратиться к известной фирме на Пэл-Мэл. Я зашел туда по пути домой. Представитель фирмы оказался воплощенной любезностью. Я хотел бы снять Чарлингтон-холл на лето? Нет, к сожалению, это невозможно. Поздно. Дом сдали примерно месяц назад. Арендовавшего этот дом зовут мистером Уильямсоном. Весьма почтенный пожилой джентльмен. Вежливый представитель больше ничего, к сожалению, сообщить не мог, поскольку деловые операции клиентов фирма хранит в строгой тайне.

Вечером Шерлок Холмс с большим вниманием выслушал мой пространный доклад, но отнюдь не похвалил меня, на что я, признаться, весьма рассчитывал. Наоборот, его суровое лицо стало еще более суровым, когда он комментировал то, что я сделал, и то, что я должен был сделать.

— Во-первых, мой дорогой Уотсон, вы неудачно выбрали пункт наблюдения. Вы должны были спрятаться за изгородью — тогда вы смогли бы увидеть с близкого расстояния интересующее нас лицо. Вы же были от него в нескольких стах ярдов и поэтому можете сообщить мне даже меньше, чем мисс Смит. Она полагает, что велосипедист незнаком ей; я же, напротив, убежден, что она знает его. Иначе зачем бы он старался держаться от нее подальше? Вы говорите, что он низко пригнулся над рулем. Тоже затем, чтобы скрыть лицо! Словом, вы здорово прошляпили. Этот велосипедист скрылся в доме, и вы хотели выяснить, кто он. Для этого вы отправились к лондонскому агенту по недвижимому имуществу!

— А что мне было делать? — спросил я, начиная горячиться.

— Что? Отправиться в ближайший кабачок! Центр всех местных сплетен. Там бы вам сообщили имя любого обитателя дома — от хозяина до судомойки. Уильямсон! Это ровно ничего не говорит мне. Если он пожилой человек, то он не может быть велосипедистом, который сумел успешно скрыться от погони этой молодой, сильной спортсменки. Что нам дала ваша поездка? Ничего, кроме того, что наша посетительница сказала нам правду. А я и не сомневался в этом. Как не сомневался в том, что между велосипедистом и Чарлингтон-холлом есть связь. Это поместье арендовано неким Уильямсоном. Что из этого следует? Решительно ничего. Ну, ну, не расстраивайтесь. До следующей субботы мы мало что можем сделать, а пока я сам наведу кое-какие справки.

Утром мы получили письмо от мисс Смит. Она коротко и точно описывала в нем все те события, которые я видел собственными глазами. В нем была очень важная приписка:

«Я уверена, что вы сохраните в тайне то, что я сейчас напишу: мой хозяин сделал мне предложение, и пребывание в его доме стало для меня затруднительным. Я убеждена, что он движим глубоким и достойным уважения чувством. Но я помолвлена с другим. Он принял мой отказ очень серьезно, но деликатно. И все таки, вы можете легко представить себе, обстановка в доме стала несколько напряженной».

— Кажется, наша очаровательная клиентка попала в переделку, — сказал Холмс, прочтя письмо. — В этом деле больше интересных особенностей и возможных осложнений, чем я думал сначала. Пожалуй, не мешает мне провести один день на лоне природы. Поеду-ка я сегодня во второй половине дня и проверю на месте несколько имеющихся у меня теорий.

День Холмса на лоне природы кончился неожиданно: он вернулся поздно вечером с рассеченной губой и кровоподтеком на лбу, не говоря уже о том, что весь его вид был таков, что, право, Скотленд-Ярд мог бы вполне заинтересоваться им самим. Приключения, пережитые им за день, видимо, доставили ему огромное удовольствие, и он хохотал от души, рассказывая о них.

— Я веду сидячий образ жизни, и немножко размяться на свежем воздухе очень полезно, — сказал он. — Вам известно, что я неплохо владею старинным английским видом спорта — боксом. Это мне очень пригодилось. Иначе все могло бы кончиться очень плохо.

Я стал просить его рассказать, что произошло.

— Я нашел тот кабачок — помните, я советовал вам начать с него — и обиняками задал хозяину несколько вопросов. Болтливый хозяин рассказал мне все, что меня интересовало. Оказалось, что Уильямсон, седобородый обитатель Чарлингтон-холла, живет совершенно один, не считая, конечно, прислуги. Есть слух, что он был священником. Однако два случая, происшедших за время его короткого пребывания в этой усадьбе, показались мне странными для священника, и я навел справки в церковном управлении. Мне ответили, что действительно, священник такой есть, но репутация у него самая дурная. Хозяин еще рассказал мне, что к этому Уильямсону на субботу и воскресенье съезжается веселая компания, особенно выделяется один джентльмен с рыжими усиками по имени Вудли — он в Чарлингтон-холле завсегдатай. Только он это произнес, дверь отворилась, и вошел мистер Вудли собственной персоной — он пил пиво в соседней комнате и слышал весь наш разговор. Он тут же набросился на меня. Кто я такой? Что мне надо? Какого черта я им интересуюсь? И давай сыпать самыми отборными ругательствами. Закончил он этот поток коротким, но сильным ударом. Я увернулся, но не совсем удачно. Зато следующие несколько минут были восхитительны Вудли замахнулся второй раз, но его предупредил мой удар прямой левой. Что касается меня, результат у вас перед глазами. Зато мистера Вудли пришлось свезти домой в телеге. Так закончилась моя прогулка; я должен признаться, что если не считать огромного удовольствия, полученного мной лично, польза от моего пребывания на границе с графством Суррей почти такая же, как от вашей поездки!

В четверг пришло еще одно письмо от нашей клиентки.

«Вас не удивит, конечно, м-р Холмс, — писала она, — *что я оставляю дом м-ра Каррутерса. Даже большое жалованье не может возместить создавшееся неприятное положение. Коляска и лошадь наконец доставлены, и если раньше безлюдная дорога и была опасной, то теперь этой опасности нет. Я вынуждена оставить дом м-ра Каррутерса не только потому, что чувствую себя с ним неловко, но и потому, что тот отвратительный человек, о котором я вам говорила, мистер Вудли, появился опять. У него всегда была отталкивающая внешность, но теперь он просто страшен. С ним, вероятно, произошел несчастный случай: все лицо у него распухло. Я видела его в окно, но, к счастью, не встретилась с ним. Он долго говорил о чем-то с м-ром Каррутерсом, которого сильно взволновал этот разговор. Очевидно, Вудли живет поблизости, потому что он не ночевал в доме, а утром я его увидела опять — он пробирался через кусты. Если бы по саду бродил дикий зверь, то я, право, была бы меньше испугана. Трудно передать то омерзение и тот страх, которые этот человек во мне вызывает. Как может м-р Каррутерс выносить его хотя бы одну секунду? Впрочем, все мои треволнения кончатся в эту субботу».*

— Будем надеяться, Уотсон, будем надеяться, — сказал Холмс мрачно. — Очевидно, сети очень сложной интриги плетутся вокруг этой молодой женщины, и наша задача — проследить за тем, чтобы никто не тронул ее в субботу. Я думаю, Уотсон, нам придется выкроить время и поехать с вами вместе в субботу, не то наше интересное, хотя и незаконченное расследование может оказаться историей с грустным концом.

Признаюсь, что до сих пор я не относился слишком серьезно к этому делу. Мне оно казалось странным, причудливым, но никак не опасным. Ничего не было удивительного, что незнакомец искал случая встретиться с хорошенькой девушкой. Как можно считать его опасным, если у него не хватало храбрости приблизиться к ней и он обратился в бегство, когда она сама попыталась сделать это! Негодяй Вудли был человек иного сорта, но после того единственного случая, о котором она нам рассказала, он оставил ее в покое, и когда он опять зашел к Каррутерсу, он даже не встретился с ней. Велосипедист был, без сомнения, один из воскресных гостей Чарлингтон-холла, о которых говорил хозяин кабачка; но кто он такой и чего добивался, оставалось неясным. Я понял, что за всеми этим непонятными событиями может скрываться трагедия, только когда увидел, как Холмс, настроенный очень серьезно и решительно, уходя, сунул в карман револьвер.

Дождь кончился, и утро было великолепное. Наши глаза, уставшие от светло-серых, темно-серых и желтовато-серых тонов Лондона, впивали краски поросшей вереском пустоши с островками цветущего дрока, ярко горевшего на солнце. Мы шли с Холмсом по широкой песчаной дороге, наслаждаясь утренней свежестью, веселым щебетаньем птиц и запахами весны. Дорога пошла в гору. С гребня Круксбери-хилл мы увидели старый, мрачный Чарлингтон-холл. Его трубы ощетинились среди старинных дубов, и все же деревья были моложе, чем дом, который они окружали. Дорога вилась красновато-желтой лентой между коричневой пустошью и распускающейся зеленью леса. Холмс указал вперед на черную точку, появившуюся вдали. Коляска! Она двигалась нам навстречу.

Холмс воскликнул с досадой:

— Я рассчитал время так, чтобы у нас было в запасе лишних полчаса! Но если это ее коляска, то, значит, она спешит к более раннему поезду, и я боюсь, Уотсон, что она проедет мимо Чарлингтона прежде, чем мы до него доберемся.

Дорога пошла вниз, и коляска скрылась из виду. Мы бросились вперед. Я начал задыхаться — вот что значит сидячий образ жизни! Холмс, напротив, был в прекрасной форме: его поддерживал неистощимый запас нервной энергии. Шаг его оставался все таким же быстрым и пружинистым. В сотне ярдов от меня он вдруг остановился, и я увидел, как он в отчаянии махнул рукой. В то же мгновение из-за поворота показалась пустая коляска, лошади несли во весь опор, и вожжи волочились по земле.

— Опоздали! — закричал Холмс, когда я подбежал к нему, тяжело дыша. — Надо же быть таким идиотом! Не подумать о предыдущем поезде! Они похитили ее, Уотсон, похитили! А может быть, убили! Бог знает, что произошло! Встаньте на дороге, остановите лошадь! Вот так. Быстрей в коляску! Может, нам еще удастся исправить последствия моей ошибки.

Мы вскочили в коляску. Холмс повернул лошадей, ударил кнутом, и мы понеслись. Сразу же за поворотом нам открылась вся дорога между Чарлингтон-холлом и пустошью. Я схватил Холмса за руку.

— Это он! — крикнул я, задыхаясь от волнения.

Одинокий велосипедист катил нам навстречу. Низко нагнувшись над рулем, он жал на педали, словно на велосипедной гонке. Вдруг он поднял голову, увидев нас, затормозил и соскочил с велосипеда. Его иссиня-черная борода странно выделялась на бледном лице, и глаза горели, как в лихорадке. Он был ошеломлен, увидев в коляске нас.

— Эй, — заорал он, — стойте! — Он поставил велосипед поперек дороги. — Где вы взяли эту коляску? Остановитесь же, говорю я вам! — завопил он, вытаскивая револьвер из бокового кармана. — Остановитесь, или, клянусь небом, я стреляю в лошадь!

Холмс бросил вожжи мне на колени и выскочил из коляски.

— Вы именно тот человек, которого мы хотим видеть. Где мисс Вайолет Смит? — Холмс говорил быстро и отчетливо.

— Вот это я и хочу спросить у вас. Вы сидите в ее коляске, значит, должны знать, где она!

— Коляска неслась пустая. Мы остановили лошадь, сели в нее и помчались на помощь молодой женщине.

— Боже мой! Боже мой! Что делать? — закричал незнакомец в отчаянии. — Они схватили ее, этот подлец Вудли и бандит-священник. Быстрее, быстрее, если вы действительно ее друг! Помогите мне, и мы спасем ее, даже если для этого необходимо, чтобы мой труп гнил в Чарлингтонском лесу!

С пистолетом в руке он побежал, не помня себя, к тропинке между тиссами. Холмс бросился за ним, я за Холмсом, оставив лошадь пастись у дороги.

— Вот где они шли, — сказал Холмс, указывая на следы ног вдоль тропинки. — Эй, постойте-ка! Что это там в кустах?

Молодой человек лет восемнадцати в одежде конюха, с кожаными шнурами и крагами, лежал навзничь, подогнув колени, на его голове зияла глубокая рана. Он был без сознания, но жив. Я взглянул на рану и понял, что кость не задета.

— Это Питер, конюх! — закричал незнакомец. — Он ее вез! Негодяи стащили его с коляски и

оглушили. Пусть он лежит. Сейчас мы ему помочь не можем, но ее мы можем спасти от худшей участи, которая только может выпасть на долю женщины.

Мы помчались по тропинке, которая вилась между деревьями. Когда мы достигли кустов, окаймлявших дом. Холмс остановился.

— Они не в доме. Вот их следы. Они идут влево, у лавровых кустов! Ну, конечно, так и есть!

Последние слова он сказал потому, что вдруг из-за кустов послышался пронзительный женский крик, полный ужаса. Затем крик оборвался и на самой высокой ноте перешел в хрип.

— Сюда! Сюда! Они в аллее для игры в кегли! — кричал незнакомец, продираясь сквозь кусты. — Собаки, трусливые собаки! За мной, джентльмены! Поздно! Поздно! Клянусь всем святым, что поздно!

Кусты неожиданно расступились, и мы очутились на прелестной лужайке. На противоположном ее конце, под сенью могучего дуба, расположилось необычайное трио. Наша клиентка прислонилась к дереву, видимо, теряя сознание; рот у нее был завязан платком. Перед ней, расставив ноги, стоял свирепого вида молодой человек с бульдожьим лицом и рыжими усами. Одной рукой он подбоченился, в другой держал хлыст, весь его облик выражал презрительный вызов. Между ними находился пожилой человек с седой бородой; поверх его легкого шерстяного костюма была накинута сутана. По-видимому, он только что совершил обряд бракосочетания, потому что положил библию в карман как раз в ту минуту, когда мы появились. В виде шутовского поздравления он похлопал негодяя жениха по плечу.

— Они обвенчаны! — мог лишь выговорить я.

— Вперед! — закричал наш проводник и помчался через лужайку, а Холмс и я за ним.

Когда мы приблизились, молодая дама, боясь упасть, судорожно схватилась за дерево. Уильямсон, бывший священник, поклонился нам с издевательской вежливостью, а негодяй Вудли важно выступил вперед. Он хохотал в восторге от своей проделки.

— Сними бороду, Боб, — сказал он, — я тебя сразу узнал. Ты и твои друзья примчались как раз вовремя, для того, чтобы я мог представить вам миссис Вудли.

Ответ нашего спутника был неожиданным. Он сорвал с себя бороду — она действительно была приставной — и с яростью отшвырнул ее прочь. Оказалось, что у него продолговатое, нездорового цвета, чисто выбритое лицо.

— Да, я Боб Каррутерс, — сказал он, прицелившись из пистолета в Вудли, который наступал на него, угрожающе размахивая хлыстом. — И я сделаю все, чтобы смыть оскорбление, нанесенное этой девушке, даже если меня за это повесят. Я сказал тебе, негодяй, что с тобой будет, если ты не оставишь ее в покое, и, клянусь господом богом, я сдержу свое слово!

— Но ты опоздал, голубчик. Она моя жена!

— Не жена, а вдова!

Раздался выстрел, и я увидел, как на жилете Вудли вдруг выступило и расплылось кровавое пятно. Он завертелся на месте и рухнул навзничь; смертельная бледность вдруг покрыла пятнами его отвратительное, кирпичного цвета лицо. Старый Уильямсон, так и не снявший сутаны, разразился при этом такими ругательствами, каких я никогда еще не слышал, и тоже выхватил револьвер, но Холмс опередил его, направив на него дуло своего оружия.

— Довольно, — резко сказал мой друг. — Бросьте револьвер! Уотсон, подберите его. Так, приставьте к его голове. Благодарю вас. А вы, Каррутерс, дайте ваш револьвер мне. Хватит кровопролития. Давайте, давайте его сюда!

— Кто вы такой?

— Шерлок Холмс.

— Не может быть!

— Я вижу, вам известно мое имя. Тем лучше. Я буду представлять официальную полицию впредь до ее прибытия. Эй вы, послушайте! — закричал он испуганному конюху, который появился на краю лужайки, под деревьями. — Подите сюда. Возьмите вот эту записку и гоните вовсю в Фарнем. — Он написал несколько слов на листке своего блокнота. — Отдайте это

начальнику полицейского участка. А пока вместо него я.

Могучий ум Холмса и его воля теперь управляли этой трагической сценой, все остальные участники лишь подчинялись ему. Уильямсон и Каррутерс отнесли раненого Вудли в дом, в то время как я предложил руку испуганной девушке. Раненого положили на кровать, и по просьбе Холмса я осмотрел его. Я нашел Холмса в увешанной старинными гобеленами столовой, двое арестованных сидели против него.

— Он будет жить, — сказал я.

— Что? — вскочил на ноги Каррутерс. — Я пойду наверх и прикончу его. Не хотите ли вы сказать, что эта девушка, этот ангел будет на всю жизнь прикована к этому чудовищу Джеку Вудли?

— На этот счет можете не беспокоиться, — сказал Холмс. — Есть по крайней мере две причины, в силу которых она ни в коем случае не будет его женой. Прежде всего мы поставим вопрос о том, имел ли мистер Уильямсон право венчать.

— Я принял сан, — сказал старый негодяй.

— Которого вас потом лишили.

— Священник останется священником всегда.

— Сомневаюсь. А как насчет разрешения на заключение брака?

— Оно у меня в кармане.

— В таком случае вы достали его мошенническим образом. Как бы то ни было, венчание по принуждению — это не венчание, а серьезное преступление, в чем вы скоро убедитесь. Думаю, что у вас будет по меньшей мере десять лет, чтобы обдумать это хорошенько. Что касается вас, Каррутерс, то, право, лучше бы вы не вынимали из кармана этот злосчастный пистолет!

— Теперь я вижу, что вы правы, мистер Холмс. Но поймите: я люблю эту девушку, и я впервые узнал, что значит любить. Какие я предпринимал предосторожности, чтобы уберечь ее! И вдруг все пошло прахом, и она оказалась во власти самого свирепого негодяя в Южной Африке, имя которого наводит ужас на всех от Кимберли до Иоганнесбурга. Поверите ли, мистер Холмс? С тех пор, как эта девушка стала у меня работать, я ни разу не отпустил ее домой одну, потому что знал о сборищах этих негодяев. Я каждый раз садился на велосипед и сопровождал ее. Конечно, я держался на почтительном расстоянии и, кроме того, надевал поддельную бороду, чтобы она не узнала меня. Мисс Смит так независима и горда, она ни за что не осталась бы работать у меня, если бы узнала, что я всюду сопровождаю ее.

— Почему же вы не сказали ей об опасности?

— Потому что и в этом случае она бы покинула меня. Я просто не мог этого сделать. Хотя она и не любила меня, для меня было счастьем видеть ее в доме, слышать звук ее голоса.

— Вот что, — сказал я, — вы называете это любовью, мистер Каррутерс, а по-моему, это называется эгоизмом.

— Может быть, вы и правы. Но разве любовь и эгоизм не сопутствуют друг другу? Словом, я не мог допустить и мысли, что она покинет меня. Кроме того, планы этих бандитов таковы, что ей необходима была защита. Потом пришла телеграмма, и я понял, что теперь они начнут действовать.

— Какая телеграмма?

Каррутерс вытащил ее из кармана.

— Вот она, — сказал он.

Содержание телеграммы было простым и коротким:

«Старик умер».

— Хм! — сказал Холмс. — Мне кажется, я вижу всю цепь событий и понимаю, почему телеграмма сыграла роковую роль. Но раз уж мы все равно сидим и ждем, может быть, вы

расскажете нам, что знаете.

Тут старый негодяй в сутане разразился бранью.

— Клянусь всем святым, — заорал он, — если ты донесешь на нас, Боб Каррутерс, то я сделаю с тобой то, что ты сделал с Джеком Вудли! Насчет девчонки можешь приходить в телячий восторг сколько душе угодно, это твое дело. Но если ты продашь своих друзей этому фараону в штатском, будешь последней собакой, ясно?

— Вашему преосвященству незачем так волноваться, — сказал Холмс, закуривая. — Дело и так совершенно ясно, и если я интересуюсь некоторыми деталями, то лишь из чистой любознательности. Впрочем, если не хотите рассказывать, то давайте расскажу я, и тогда вы увидите, как мало вы можете скрыть. Прежде всего, вы трое — то есть вы, Уильямсон, вы, Каррутерс, и Вудли — приехали из Южной Африки в надежде на…

— Ложь номер один! — закричал священник. — Я увидел их в первый раз два месяца назад и никогда не был в Африке. Скушайте на здоровье, дорогой мистер Не-суйте-нос-в-чужие-дела!

— Да, мы познакомились только два месяца назад, — сказал Каррутерс.

— Хорошо, значит, вы двое приехали из Африки. Его преосвященство — продукт отечественного производства. В Южной Африке вы были знакомы с Ральфом Смитом. У вас были основания предполагать, что он не протянет долго. Вы разузнали, что наследство его должна получить племянница. Ну как, все правильно?

Каррутерс кивнул, а Уильямсон опять разразился проклятиями.

— Девушка была ближайшей родственницей, и вы знали, что дядя не оставил завещания.

— Он не умел ни читать, ни писать, — сказал Каррутерс.

— Итак, вы приехали сюда вдвоем и разыскали девушку. Вы решили, что один из вас женится на ней, а другой получит свою долю добычи. Роль мужа должен был сыграть Вудли. Почему?

— Мы разыграли это в карты еще на пароходе. Он выиграл.

— Понимаю. Вы пригласили девушку к себе в качестве гувернантки, чтобы Вудли мог ухаживать за ней. Но она быстро раскусила этого пьяного негодяя и наотрез отказалась знать его. А тут вы полюбили девушку, и уже поэтому вся затея должна была провалиться. Мысль о том, что она будет принадлежать этому негодяю, была теперь невыносима для вас.

— Невыносима, клянусь небом, невыносима!

— Между вами произошла ссора. Вудли, разъяренный покинул ваш дом и принялся осуществлять свой собственный план.

— Сдается мне, Уильямсон, что нам нечего сообщить этому джентльмену! — Каррутерс горько рассмеялся. — Да, мы поссорились. Он ударил меня, и я упал. Теперь, во всяком случае, я с ним расквитался за это. Потом он исчез. Познакомился с этим святым отцом. Я узнал, что они поселились в том доме у дороги. Я чувствовал, они замышляют что-то недоброе, и не спускал с нее глаз. Иногда я заходил к ним, чтобы разузнать их планы. Позавчера Вудли зашел ко мне с телеграммой, извещавшей, что Ральф Смит умер. Он спросил меня, намерен ли я участвовать в сделке. Я сказал, что нет. Он тогда спросил, согласен ли я жениться на ней и отдать ему долю наследства. Я сказал, что согласен, но она этого не желает. Тогда он заявил: «Выдадим ее за тебя замуж, а через неделю или две настроение у нее переменится». Я сказал, что не хочу ничего делать силой. Он стал ругаться, как последний негодяй, хотя, впрочем, он и есть последний негодяй. Заявил, что так или иначе он своего добьется, и ушел. В эту субботу она уезжала от меня. Я достал коляску, чтобы садовник отвез ее на станцию, но все равно меня одолело беспокойство, и я поехал за ней на велосипеде. Но она уже отъехала довольно далеко, и когда я догнал коляску, было уже поздно. Я это понял, когда в коляске вместо нее увидел вас.

Холмс встал и бросил окурок в камин.

— Я оказался таким тупицей, Уотсон! — сказал он. — Вы ведь мне сказали, что велосипедист поправлял галстук, — помните, когда он шел по дорожке к дому. Одного этого было достаточно, чтобы распутать всю эту историю. Так или иначе, мы можем поздравить себя с весьма любопытным, можно сказать, единственным в своем роде делом. Я вижу, что трое полицейских идут по дорожке к дому, и я рад, что молодой конюх бодро поспевает за ними.

Таким образом, весьма возможно, что ни он, ни наш весьма интересный жених не окажутся жертвами сегодняшних приключений. Я думаю, Уотсон, вы должны сейчас обратить свое профессиональное внимание на мисс Смит. Если же она оправилась, то мы с удовольствием проводим ее домой к матери. Если же она еще не совсем пришла в себя, скажите ей, что мы собираемся послать телеграмму молодому электрику в Мидленд. Это будет лучшим лекарством. Что касается вас, Каррутерс, то полагаю, вы вполне заслужили прощение за ваше прежнее участие в этом заговоре. Вот, сэр, моя карточка, и если мои показания могут помочь вам во время суда, я к вашим услугам.

Читатель, возможно, заметил, что для меня часто бывает трудно завершить должным образом мои очерки и сообщить те заключительные подробности, которые могут его интересовать, — такой напряженной и бурной была наша с Холмсом деятельность. Каждое дело являлось как бы преддверием следующего, и как только очередная пьеса кончалась, ее действующие лица выпадали из нашего поля зрения, ибо мы были слишком заняты, чтобы интересоваться их судьбой. Однако в моих черновиках есть коротенькая приписка, относящаяся к данному делу. В ней сказано, что мисс Вайолет Смит действительно унаследовала большое состояние и сейчас она замужем за Сирилом Мортоном, старшим партнером фирмы «Мортон и Кеннеди», известных инженеров-электриков из Вестминстера. Уильямсен и Вудли предстали перед судом по обвинению в том, что насильно увезли мисс Смит и насильно произвели обряд венчания: Уильямсон был приговорен к семи годам, Вудли — к десяти. О судьбе Каррутерса в приписке ничего не сказано, но я уверен, что к его выстрелу из револьвера суд отнесся с большим снисхождением, поскольку Вудли имел репутацию опасного негодяя, и несколько месяцев заключения вполне удовлетворили правосудие.

Случай в интернате

(Перевод Н.Волжиной)

Наша скромная сцена на Бейкер-стрит знавала много драматических эпизодов, но я не припомню ничего более неожиданного и ошеломляющего, чем первое появление на ней Торникрофта Хакстейбла, магистра искусств, доктора философии и т. д. и т. п. Визитная карточка, казавшаяся слишком маленькой для такого груза ученых степеней, опередила его на несколько секунд; следом за ней появился и он сам, человек рослый, солидный, величественный — олицетворение выдержки и твердости духа. И вот, не успела дверь закрыться за ним, как он оперся руками о стол, медленно осел на пол и, потеряв сознание, растянулся во весь свой могучий рост на медвежьей шкуре у нас перед камином.

Мы вскочили с мест и минуту молча, удивленно смотрели на этот внушительный обломок крушения, занесенный к нам бурей, разыгравшейся где-то далеко, в безбрежном океане жизни. Потом Холмс быстро подсунул ему подушку под голову, а я поднес к его губам рюмку коньяку. Полное бледное лицо незнакомца бороздили глубокие морщины; под опухшими глазами лежали синеватые тени; уголки приоткрытого рта были скорбно опущены; на двойном подбородке проступала щетина. Видимо, он приехал издалека, так как воротничок и рубашка у него загрязнились, нечесаные волосы прядями падали на высокий, красивый лоб. Перед нами лежал человек, которого постигла какая-то большая беда.

— Что с ним, Уотсон? — спросил Холмс.

— Полный упадок сил… вероятно, от голода и усталости, — ответил я, держа пальцы на его кисти, где тоненькой, еле ощутимой ниточкой пульсировала жизнь.

— Обратный проезд до Мэклтона. Это на севере Англии, — сказал Холмс, вынимая у него из кармашка для часов железнодорожный билет. — Сейчас еще нет двенадцати. Раненько же ему пришлось выехать!

Припухшие веки нашего гостя дрогнули, и его серые глаза уставились на нас бессмысленным взглядом. Минутой позже он с трудом поднялся на ноги, весь красный от стыда.

— Простите меня, мистер Холмс. Этот обморок — следствие нервного потрясения. Нет, благодарю вас… Стакан молока с сухариком — и все пройдет. Мистер Холмс, я приехал сюда с тем, чтобы увезти вас с собой. Мне казалось, что никакая телеграмма не даст вам должного представления о неотложности этого дела.

— Когда вы окончательно оправитесь…

— Я чувствую себя отлично. Просто не понимаю, что это со мной приключилось. Мистер Холмс, я прошу вас выехать в Мэклтон первым же поездом.

Холмс покачал головой:

— Мой коллега, доктор Уотсон, подтвердит вам, что мы с ним очень заняты. Мне уже выдан аванс на расследование пропажи документов Ферьера, а кроме того, на днях начинается слушание дела об убийстве в Абергавенни. Выехать из Лондона меня может заставить только что-нибудь сверхважное.

— Сверхважное! — Наш гость воздел руки. — Неужели вы не слышали о похищении единственного сына герцога Холдернесса?

— Герцога Холдернесса? Бывшего министра?

— Да, да! Мы приложили все силы, чтобы это не попало в газеты, но во вчерашнем «Глобусе» уже промелькнули кое-какие слухи. Я думал, что до вас они тоже дошли.

Холмс протянул свою длинную, худую руку и снял с полки том энциклопедического справочника на букву «Х».

— «Холдернесс, шестой герцог, кавалер Ордена подвязки, член Тайного совета…» и так далее, до бесконечности. «Барон Боверли, граф Карлтон…» Боже мой, сколько титулов! «Председатель суда графства Хэллемшир (с 1900). Женат на Эдит, дочери сэра Чарльза Эпплдора (1888). Единственный сын и наследник лорд Солтайр. Владелец двухсот пятидесяти

тысяч акров земли. Рудники в Ланкашире и Уэльсе. Адрес: Карлтон-хаус-террас; Холдернесс-холл, Хэллемшир; замок Карлтон, Бангор, Уэльс. Лорд Адмиралтейства (1872), министр…» Словом, известный человек, пожалуй, один из самых известных в нашей стране.

— Один из самых известных и, может быть, самых богатых. Насколько я знаю, мистер Холмс, вы далеко не ремесленник в своей области и сплошь и рядом беретесь за дело ради самого дела. Но разрешите вам сказать, что его светлость обещает вручить чек на пять тысяч фунтов тому, кто укажет местонахождение его сына, и дополнительную тысячу фунтов, если ему назовут похитителя или похитителей.

— Щедрое вознаграждение! — сказал Холмс. — Уотсон, пожалуй, мы с вами отправимся на север Англии вместе с доктором Хакстейблом. А вы, доктор, выпейте молока, а потом расскажите нам, что произошло, когда произошло, где произошло и, наконец, какое отношение имеет к этому доктор Торникрофт Хакстейбл, директор интерната под Мэклтоном, и почему он только через три дня после происшествия — о чем сужу по вашему небритому подбородку — обращается ко мне, веря в мои скромные способности.

Наш гость выпил стакан молока и горячо, не упуская ни одной подробности, повел свой рассказ. Взгляд его сразу ожил, щеки порозовели.

— Должен вам доложить, джентльмены, что я основатель и директор школы-интерната под Мэклтоном. «Комментарии к Горацию» Хакстейбла, может быть, напомнят вам, с кем вы имеете дело. Мой интернат для мальчиков несомненно самое лучшее и самое привилегированное учебное заведение в Англии. Лорд Леверстоук, граф Блэкуотер, сэр Кэткарт Сомс — вот кто доверяет мне своих сыновей. Но вершины славы моя школа достигла три недели назад, когда лорд Холдернесс передал мне через своего секретаря, мистера Джеймса Уайлдера, что десятилетний лорд Солтайр, его единственный сын и наследник, будет учиться у меня в школе. Мог ли я думать тогда: вот прелюдия, за которой последует величайшее несчастье моей жизни!

Лорд Солтайр приехал первого мая, к началу летнего семестра. Этот очаровательный мальчик очень скоро освоился с нашими порядками. Должен заметить — и, надеюсь, никто не обвинит меня в нескромности, ибо умалчивать об этом было бы нелепо, — мальчику жилось дома не сладко. Ни для кого не секрет, что супружеская жизнь герцога оставляла желать много лучшего и по взаимному согласию супруги разъехались, причем герцогиня поселилась на юге Франции. Все это произошло совсем недавно, а сыновние чувства мальчика, как нам стало известно, были всецело на стороне матери. Он затосковал после ее отъезда из Холдернесс-холла, и тогда герцог решил определить его ко мне в интернат. Через две недели маленький лорд Солтайр совсем обжился у нас и, судя по всему, чувствовал себя прекрасно.

Последний раз его видели вечером тринадцатого мая, то есть в понедельник. Отведенная ему комната была на втором этаже, а в большой смежной спали два других мальчика. Эти мальчики ничего не видели и не слышали ночью, следовательно, лорд Солтайр вышел из своей комнаты не через дверь. Окно у него было открыто, а стену в этом месте густо увивает плющ с очень толстыми ветками. Следов на земле мы не обнаружили, но можно не сомневаться, что он вылез в окно.

Беглеца хватились во вторник, в семь часов утра. Кровать его была не застлана. Перед уходом он успел одеться в школьную форму — черную итонскую курточку и серые брюки. Ночью в комнату к нему никто не входил, а если бы оттуда доносились крики или звуки борьбы, Контер, старший из мальчиков в смежной спальне, разумеется, услышал бы шум, так как он спит чутко.

Как только исчезновение лорда Солтайра было обнаружено, я созвал весь интернат — мальчиков, учителей, слуг. И тут мы убедились, что лорд Солтайр бежал не один. Отсутствовал Хайдеггер — преподаватель немецкого языка. Комната Хайдеггера была в противоположном крыле второго этажа, но тоже выходила окнами на лужайку. Кровать и у него стояла неубранная, однако одеться как следует ему, видимо, не пришлось, потому что его рубашка и носки валялись на полу. Он вылез в окно и спустился вниз, цепляясь за ветки плюща, о чем свидетельствовали следы на земле. Его велосипеда, обычно стоявшего в небольшом сарае в конце лужайки, на месте не оказалось.

Хайдеггер поступил ко мне в школу два года назад с самыми лучшими рекомендациями, но человек он был молчаливый, хмурый и не пользовался особенной любовью ни среди школьников, ни среди учителей.

Сегодня у нас четверг, и со вторника мы не узнали ничего нового о беглеце. Разумеется, первое, что я сделал, — я снесся с Холдернесс-холлом. Поместье герцога находится всего в

нескольких милях от школы, и у нас была надежда, что, затосковав по дому, лорд Солтайр вернулся к отцу, но там его не оказалось. Герцог страшно взволнован, а что касается меня, так вы сами могли убедиться, до чего доводят человека тревога и чувство ответственности за своего питомца. Мистер Холмс, умоляю вас, не щадите своих сил! Это дело заслуживает того, чтобы вы отдались ему всецело.

Шерлок Холмс внимательно выслушал рассказ злополучного директора. Нахмуренные брови, глубокая складка между ними свидетельствовали о том, что он не нуждается в уговорах и положит все силы на расследование дела, которое, помимо своей серьезности, будило в нем его всегдашнюю любовь к задачам необычным и запутанным. Он вынул из кармана блокнот и записал в нем что-то себе для памяти.

— Вы совершили большую ошибку, что не обратились ко мне сразу, — строго проговорил мой друг. — Это сильно осложнит расследование. Я, например, уверен, что и лужайка и плющ на стене могли бы о многом порассказать опытному глазу.

— Я тут ни при чем, мистер Холмс. Его светлость всеми силами старался избежать огласки. Он опасался, как бы его семейные неурядицы не стали предметом сплетен. Это ему всегда претило.

— А местные власти занимались расследованием бегства лорда Солтайра?

— Да, сэр, но — увы! — это ни к чему не привело. Сначала мы как будто напали на след беглецов — нам сообщили, что с нашей станции утренним поездом выехал какой-то молодой человек и с ним мальчик. Но вчера вечером их задержали в Ливерпуле, и ошибка сразу выяснилась. Вот тогда-то я уж совсем отчаялся и после бессонной ночи с первым же поездом выехал к вам.

— Как только полиция направилась по ложному следу, расследование дела на месте, вероятно, велось уже не так ретиво?

— Его попросту прекратили.

— Значит, три дня прошли впустую. Это возмутительно!

— Да, каюсь. Вы правы.

— А ведь загадку можно было распутать. Я с удовольствием возьмусь за это дело. Скажите, вам удалось установить какую-нибудь связь между исчезнувшим мальчиком и учителем немецкого языка?

— Никакой связи между ними не было.

— Учитель преподавал у него в классе?

— Нет, и, насколько мне известно, он даже ни разу с ним не говорил.

— Странно, очень странно! Велосипед у мальчика был?

— Нет.

— А другие велосипеды все на месте?

— На месте.

— Вы в этом уверены?

— Совершенно уверен.

— Надеюсь, вы не думаете, что немец уехал глухой ночью на велосипеде, с мальчиком на руках?

— Разумеется, нет.

— Тогда как вы все это объясняете?

— Может быть, они взяли велосипед для отвода глаз, припрятали его где-нибудь, а сами пошли пешком.

— Может быть. Но, согласитесь сами, это странный способ отвести глаза. Ведь в сарае стояли

и другие велосипеды?

— Да.

— Не лучше ли ему было спрятать два велосипеда, если он хотел навести вас на мысль, что они уехали, а не ушли пешком?

— Да, вы правы.

— То-то и оно. Нет, эта теория никуда не годится. Но сама по себе пропажа велосипеда может послужить отправной точкой для дальнейшего расследования. В конце концов, это не такая вещь, которую легко спрятать или уничтожить. Еще один вопрос: кто-нибудь навещал мальчика накануне его бегства?

— Нет.

— Может быть, на его имя были письма?

— Да, одно письмо было.

— От кого?

— От его отца.

— Вы вскрываете почту своих учеников?

— Нет.

— Почему же вы думаете, что письмо пришло от его отца?

— Конверт был с гербом, и адрес написан угловатым почерком герцога. Кроме того, герцог сам вспомнил, что писал сыну.

— Когда мальчик получал письма до этого?

— Последние дни на его имя ничего не было.

— А из Франции ему писали?

— Ни разу.

— Вы, разумеется, понимаете, к чему я клоню. Либо лорда Солтайра увели силой, либо он убежал по собственной воле. Последняя гипотеза подсказывает, что мальчик не мог бы отважиться на такой поступок без воздействия извне. Если к нему никто не приходил, следовательно, воздействие оказывалось при помощи писем. Вот почему мне важно знать, кто были его корреспонденты.

— Вряд ли я могу тут чем-нибудь помочь вам. Насколько известно, ему писал только отец.

— И отцовское письмо пришло в день побега. Какие отношения были между отцом и сыном: хорошие, дружеские?

— Его светлость никого не удостаивает своей дружбой: он поглощен важными государственными делами. Вряд ли ему доступны обычные человеческие чувства. Но по-своему он относился к сыну неплохо.

— Однако сердцем мальчик был всецело на стороне матери?

— Да.

— Он сам так говорил?

— Нет.

— Кто же? Герцог?

— Ну, что вы! Конечно, нет!

— Тогда откуда вам это известно?

— Мне приходилось раз-другой беседовать с секретарем его светлости, мистером Джеймсом

Уайлдером. Он и осведомил меня по секрету о настроениях лорда Солтайра.

— Понятно. Кстати, последнее письмо герцога нашли в комнате мальчика уже после побега?

— Нет, он взял его с собой… Мистер Холмс, а не пора ли нам на вокзал?

— Сейчас я велю вызвать кэб. Через четверть часа мы будем к вашим услугам. Если вы собираетесь телеграфировать домой, мистер Хакстейбл, пусть там у вас думают, что расследование все еще ведется в Ливерпуле. Ведь, кажется, туда занесло вашу свору гончих? А я тем временем спокойно, без помех, поработаю у самых дверей вашей школы, и, может быть, чутье не подведет двух таких старых ищеек, как ваш покорный слуга и Уотсон, и мы ухитримся кое-что разнюхать на месте.

Вечером на нас пахнуло бодрящим холодным воздухом графства Дерби, где находилась знаменитая школа доктора Хакстейбла. Когда мы подъехали к ней, было уже темно. На столе в передней лежала визитная карточка. Лакей шепнул что-то директору, и тот, взволнованный, повернулся к нам.

— Герцог здесь, — сказал он. — Герцог и мистер Уайлдер ждут меня в кабинете. Пойдемте, джентльмены, я представлю вас.

Я, конечно, знал по фотографиям этого известнейшего государственного деятеля, но он оказался совсем не таким, как на портретах. На ковре у камина перед нами стоял изысканно одетый, величественной осанки человек с худым, узким лицом и как-то нелепо торчащим длинным крючковатым носом. Он был бледен, как смерть, и эту бледность особенно подчеркивала его длинная ярко-рыжая борода, сквозь которую на белом жилете поблескивала золотая цепочка от часов. Бывший министр смотрел на нас ледяным взглядом. Рядом с ним стоял совсем еще молодой человек небольшого роста с подвижным, нервным лицом и умными голубыми глазами — как я догадался, его личный секретарь Уайлдер. Разговор начал он, и начал сразу, весьма решительным и даже едким тоном:

— Доктор Хакстейбл, я был у вас сегодня утром, но, к сожалению, опоздал и не мог воспрепятствовать вашей поездке в Лондон. Как мне сказали, вы отправились туда за мистером Шерлоком Холмсом, с тем, чтобы поручить ему расследование этого дела. Его светлость удивлен, доктор Хакстейбл, что вы решились на такой шаг, не посоветовавшись предварительно с ним.

— Когда я узнал, что полицейские розыски ни к чему не привели…

— Его светлость далеко не убежден в этом.

— Но, мистер Уайлдер!..

— Как вам известно, доктор Хакстейбл, его светлость не хочет, чтобы это дело получило огласку. Он предпочел бы не посвящать в него лишних людей.

— Это легко исправить, — пробормотал перепуганный доктор. — Мистер Шерлок Холмс может выехать в Лондон утренним поездом.

— Не собираюсь, доктор, не собираюсь! — с вежливой улыбкой сказал Холмс. — Северный воздух так приятен и так благотворен для здоровья, что я решил провести несколько дней здесь, на равнинах, а уж развлекаться буду как могу. Найду ли я пристанище под вашим кровом или в деревенской гостинице, это, разумеется, зависит только от вас.

Несчастный доктор был в полной растерянности, но тут ему на выручку поспешил звучный бас рыжебородого герцога, прозвучавший точно гонг, которым сзывают к обеду.

— Мистер Уайлдер прав, доктор Хакстейбл, вам следовало бы посоветоваться со мной. Но поскольку вы посвятили мистера Холмса во все это дело, с нашей стороны было бы неразумно отказываться от его помощи. Вам незачем идти в деревенскую гостиницу, мистер Холмс, я буду рад принять вас у себя в Холдернесс-холле.

— Премного благодарен, ваша светлость. Однако, в интересах нашего дела, пожалуй, мне следует остаться здесь, на месте происшествия.

— Не хочу вас неволить, мистер Холмс. Но если вам понадобятся какие-нибудь сведения от меня или мистера Уайлдера, мы к вашим услугам.

— Мне, вероятно, придется побывать в Холдернесс-холле, — сказал Холмс. — А сейчас, сэр, я только хотел бы знать, как вы объясняете таинственное исчезновение вашего сына.

— Затрудняюсь вам ответить, сэр.

— Простите, если я коснусь неприятной для вас темы, но без этого нельзя. Не думаете ли вы, что тут замешана герцогиня?

Министр медлил с ответом.

— Нет, не думаю, — сказал он наконец.

— Тогда само собой напрашивается другое объяснение: может быть, мальчика похитили с тем, чтобы получить за него выкуп? Таких требований не было?

— Нет, сэр.

— Еще один вопрос, ваша светлость. Мне известно, что вы писали сыну в день его исчезновения.

— Нет, это было накануне.

— Совершенно верно. Но он получил ваше письмо именно в тот день?

— Да.

— Не было ли в этом письме чего-нибудь такого, что могло взволновать его или подать ему мысль о бегстве?

— Разумеется, нет, сэр!

— Письмо вы отправили сами?

За герцога раздраженно ответил секретарь:

— Его светлость не имеет обыкновения лично отправлять свою корреспонденцию. Это письмо было оставлено вместе с другими на столе в кабинете, и я все их положил в сумку для почты.

— Вы уверены, что среди других писем было и это?

— Да, я его видел.

— Сколько писем вы написали в тот день, ваша светлость?

— Не то двадцать, не то тридцать. У меня обширная переписка. Но, по-моему, мы несколько отклонились от существа дела.

— Нет, почему же! — сказал Холмс.

— Я сам посоветовал полиции направить поиски на юг Франции, — продолжал герцог. — Повторяю: я не думаю, чтобы герцогиня была способна толкнуть сына на такой чудовищный поступок, но он, при его упорстве, мог убежать к матери, тем более, если тут не обошлось без подстрекательства и содействия этого немца. А теперь, доктор Хакстейбл, разрешите откланяться.

Я чувствовал, сколько еще вопросов есть у Холмса, но герцог сразу положил конец разговору. Утонченный аристократизм этого вельможи не позволял ему входить в обсуждение семейных дел с посторонним человеком, и он, видимо, боялся, что каждый новый вопрос бросит безжалостный свет на старательно затемненные уголки его жизни.

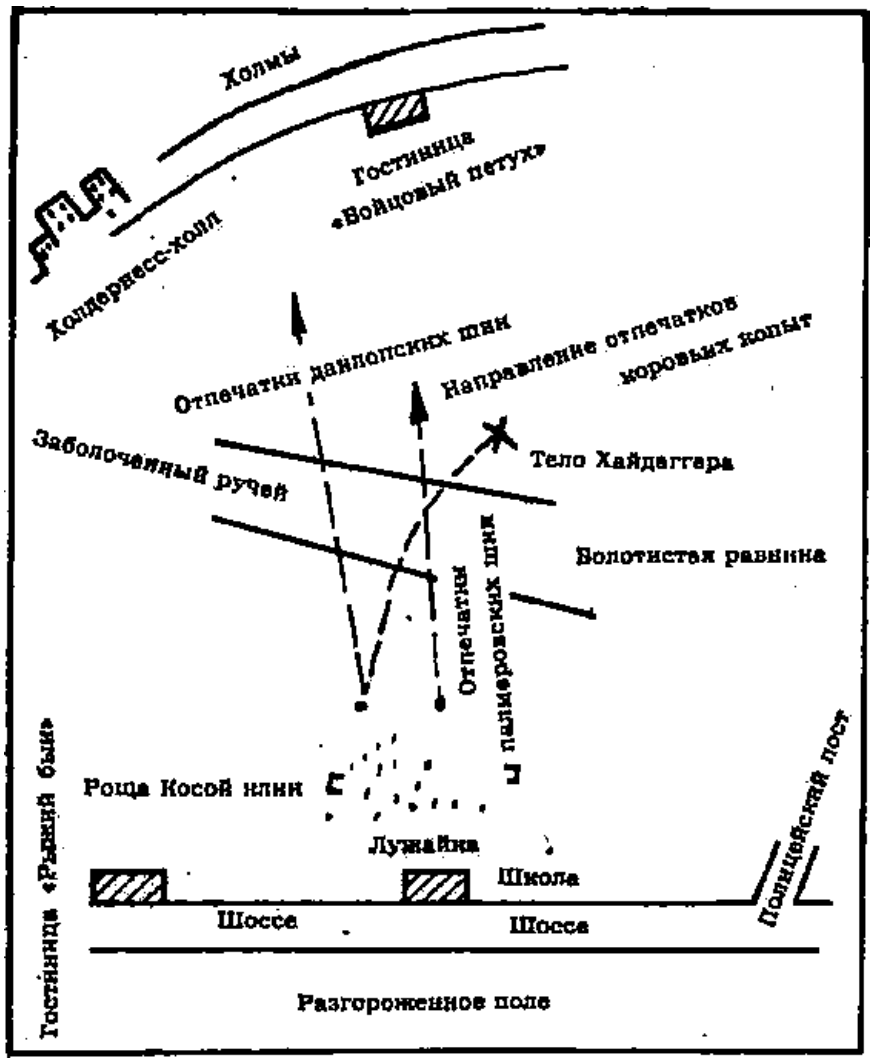
Сразу после ухода герцога и мистера Уайлдера мой друг с обычным для него рвением принялся за работу.

Тщательный осмотр комнаты мальчика ничего не дал, кроме окончательной уверенности в том, что он мог убежать только через окно. В комнате учителя-немца среди его вещей тоже не нашлось новых улик. Плющ под окном не выдержал его тяжести, и, посветив фонариком на лужайку, мы увидели там глубокие отпечатки каблуков. Примятая трава — вот единственное, что свидетельствовало об этом необъяснимом ночном побеге.

Шерлок Холмс ушел, оставив меня одного, и вернулся только в двенадцатом часу ночи. Он

достал где-то большую карту здешних мест, разложил ее у меня в комнате на кровати и поставил посередине лампу. Потом закурил и стал сосредоточенно разглядывать свое приобретение, время от времени показывая мне интересующие его пункты дымящимся янтарным мундштуком трубки.

— Это дело захватывает меня все больше и больше, Уотсон, — говорил мой друг. — Интересное дело, очень интересное... Но сейчас, когда я только приступаю к нему, мне хотелось бы обратить ваше внимание на некоторые географические детали, которые могут оказаться немаловажными в ходе расследования. Взгляните на эту карту. Вот этот заштрихованный квадрат — школа. Воткнем сюда булавку. Вот шоссе. Оно проходит мимо школы с востока на запад, и на протяжении мили ответвлений от него нет ни в ту, ни в другую сторону. Если беглецы выбрали этот путь, шоссе им не миновать.



— Правильно.

— По счастливому стечению обстоятельств, мы можем проверить, что делалось на шоссе той ночью. Вот здесь, где сейчас моя трубка, с двенадцати до шести утра дежурил полисмен. Как видите, это первый перекресток в восточной части шоссе. Полисмен ни на минуту не отлучался со своего поста, и он утверждает, что непременно заметил бы взрослого мужчину с мальчиком, если бы они там прошли. Я говорил с ним сегодня вечером, и, по-моему, на его слова можно положиться. Значит, эта часть шоссе исключается. Теперь посмотрим, как обстоит дело в западной его части. Там есть гостиница «Рыжий бык», хозяйка которой лежит больная. Она посылала за врачом в Мэклтон, но тот был у другого больного и приехал к ней только рано утром. В ожидании его в гостинице не спали всю ночь и то и дело поглядывали на шоссе, не едет ли он. По словам этих людей, мимо гостиницы никто не проходил. Если поверить им, выходит, что и западная часть шоссе не оставляет у нас никаких сомнений. Следовательно, беглецы избрали какой-то другой путь.

— А велосипед? — сказал я.

— Да, велосипед. Сейчас мы им займемся. Итак, продолжаем наши рассуждения. Если беглецы не вышли на шоссе, следовательно, они отправились или к северу, или к югу от школы, это бесспорно. Давайте взвесим оба эти предположения. К югу от школы лежит обширное поле, разбитое на мелкие участки; каждый отделен от другого оградой из камня. Проехать тут на велосипеде невозможно. Следовательно, и это предположение надо отставить. Теперь обратим наши взоры к северу. Там мы видим рощу, называющуюся «Косой клин», а за ней, на десять миль вглубь, простирается болотистая равнина, все более холмистая к северу. Левее нее стоит Холдернесс-холл, до которого по шоссе десять миль, а напрямик всего шесть. Равнина эта унылая, безлюдная. По ней разбросано несколько маленьких скотоводческих ферм. Овцы, коровы да болотная птица — вот единственные обитатели этих мест. Дальше, как вы сами видите, проходит честерфилдское шоссе. Вдоль него стоят два-три коттеджа, церковь и гостиница. Позади — холмы, высокие, обрывистые. Я уверен, что наши поиски надо направить сюда, к северу.

— Но велосипед! — повторил я.

— При чем тут велосипед! — нетерпеливо сказал Холмс. — Хорошие велосипедисты ездят не только по шоссейным дорогам. Равнина испещрена тропинками, кроме того, в ту ночь ярко светила луна… Стойте! Что это?

Тревожный стук в дверь — и сейчас же следом за ним в комнату к нам вошел доктор Хакстейбл. Он держал в руках голубое кепи с белой нашивкой на козырьке.

— Находка! — воскликнул он. — Слава богу! Наконец-то мы напали на след нашего мальчика! Это его кепи!

— Где его нашли?

— В фургоне у цыган, которые стояли табором на равнине. Они снялись с места во вторник. Сегодня полиция нагрянула к ним и произвела обыск в фургоне. Вот что было найдено.

— Как это к ним попало? Что они говорят?

— Изворачиваются, лгут. Клянутся, будто нашли кепи на равнине, во вторник утром. Нет, эти негодяи знают, где мальчик! К счастью, их всех посадили под замок. Страх перед законом развяжет им языки. А может быть, не только страх, но и кошелек герцога.

— Ну что ж, хорошо, — сказал Холмс, когда доктор вышел из комнаты. — Во всяком случае, это подтверждает мою теорию, что только поиски на равнине и дадут какие-нибудь результаты. Полиция здесь ничего не сделала, если не считать ареста цыган. Посмотрите на карту, Уотсон. По равнине пробегает ручей. Между школой и Холдернесс-холлом он кое-где заболочен. Погода сейчас такая засушливая, что искать следы в других местах бесполезно, а среди болот, может быть, кое-что и осталось. Завтра я зайду за вами пораньше, и мы попытаемся пролить свет на эту таинственную историю.

На другой день, проснувшись в предрассветных сумерках, я увидел у своей кровати высокую, худую фигуру Холмса. Он был одет и, судя по всему, уже успел совершить прогулку.

— Я обследовал лужайку и сарай с велосипедами, — сказал мой друг, — потом погулял в Косом клине. Вставайте, Уотсон, в соседней комнате подано какао. И я попрошу вас поторопиться, потому что нам надо много сделать за сегодняшний день.

Лицо у моего друга раскраснелось, глаза блестели, как у человека, которому не терпится приняться за свою любимую работу. Это был другой Холмс — оживленный, энергичный, совсем не похожий на погруженного в себя бледного мечтателя с Бейкер-стрит. И, глядя на его подтянутую, брызжущую силой фигуру, я понял, что день нам предстоит хлопотливый.

Но начался он с самого горького разочарования. Полные надежд, мы отправились в путь по бурой торфяной равнине, которую пересекало множество тропинок, протоптанных овцами, и вскоре вышли к светло-зеленой заболоченной луговине, лежащей между нами и Холдернесс-холлом. Если мальчик бежал домой, он не мог миновать ее, и тут должны были остаться его следы или следы учителя-немца. Но ничего такого мы не нашли. Мой друг шел вдоль кромки этой зеленой луговины и, нахмурив брови, внимательно приглядывался к каждому темному пятну на ее мшистой поверхности. Овечьих следов здесь было множество, а пройдя дальше еще несколько миль, мы увидели отпечатки коровьих копыт. И это было все.

— Осечка, — сказал Холмс, обводя сумрачным взглядом расстилавшуюся перед ним равнину. — Вон там еще болота, и между ними есть узкий проход. Смотрите! Смотрите! Что

это?

Мы ступили на вьющуюся черной лентой тропинку. По самой ее середине, на сырой земле, четко виднелись отпечатки велосипедных колес.

— Ура! — крикнул я. — Вот и велосипед!

Но Холмс покачал головой, и выражение лица у него было не столько радостное, сколько удивленное и настороженное.

— Велосипед-то велосипед, да не тот, — сказал он. — Мне известны сорок два различных отпечатка велосипедных шин. Эти, как видите, фирмы «Данлоп», да еще с заплатой. У Хайдеггера были палмеровские, с продольными полосками. Следовательно, проезжал тут не Хайдеггер, а кто-то другой.

— Значит, мальчик?

— Ах, если бы мы могли доказать, что у него был велосипед! Но нас уверяют, что велосипеда у него не было. Эти следы, как вы сами можете убедиться, ведут от школы.

— Или по направлению к школе.

— Нет, мой дорогой Уотсон. Отпечаток заднего колеса всегда глубже, потому что на него приходится большая тяжесть. Вот видите? В нескольких местах он совпал с менее ясным отпечатком переднего и уничтожил его. Нет, велосипедист несомненно ехал от школы. Может быть, он не имеет никакого отношения к нашим розыскам, но все же прежде, чем продолжать их, давайте пойдем обратно по этому следу.

Так мы и сделали, и через двести-триста ярдов там, где тропинка свернула с заболоченного участка, отпечаток велосипедных колес исчез. Но дальше тропинку пересекал ручеек, и за ним следы снова появились, хотя их успели затоптать коровы. Потом тропинка углубилась в Косой клин — рощу, которая примыкала почти к самому зданию школы. Велосипедист, очевидно, выехал из этой рощи. Холмс сел на валун и подпер подбородок руками. Пока он сидел так, в полной неподвижности, я успел выкурить две сигареты.

— Ну что ж, — сказал наконец мой друг, — предусмотрительный человек, разумеется, может сменить шины у своего велосипеда, чтобы запутать следы. Но иметь дело с преступником, обладающим таким даром предвидения, было бы для меня большой честью. Оставим этот вопрос неразрешенным и вернемся к болоту, потому что там еще не все обследовано.

Мы продолжили свой тщательный осмотр заболоченного участка равнины и вскоре были вознаграждены по заслугам. Холмс увидел еще одну грязную тропинку и, подойдя к ней, радостно вскрикнул. По самой ее середине тянулись тонкие, как телеграфные провода, полоски. Это были отпечатки палмеровских велосипедных шин.

— Вот где проезжал герр Хайдеггер! — взволнованно проговорил Холмс. — Мои умозаключения были не так уж плохи, Уотсон!

— С чем вас и поздравляю.

— Но до конца еще далеко. Прошу вас, не ступайте на тропинку. Пойдемте по этому следу. Он, верно, скоро оборвется.

Однако в этой части равнины то и дело попадались топкие места, и хотя велосипедный след часто терялся, мы каждый раз находили его.

— Вы замечаете, — сказал Холмс, — что здесь велосипедист нажал на педали? Это совершенно очевидно. Взгляните вот сюда, где сохранились следы и переднего и заднего колеса. Они одинаково четкие. А это можно объяснить только тем, что велосипедист перенес центр тяжести на руль, как делают гонщики. Боже мой, он упал!

На грязной тропинке был широкий длинный мазок. Дальше виднелись отпечатки башмаков, а потом снова появился велосипедный след.

— Колеса скользнули? — спросил я.

Холмс поднял с земли сломанный кустик дрока. К моему ужасу, желтые цветы были забрызганы красным. На тропинке и в зарослях дрока темнели бурые пятна запекшейся крови.

— Плохо дело! — сказал Холмс. — Совсем плохо! Не ступите сюда, Уотсон, отойдите подальше. Итак, что можно прочесть здесь? Он упал раненный… поднялся… снова сел на велосипед… двинулся дальше. По тропинке прошло стадо. Не бык же его забодал! Но других следов здесь нет. Вперед, вперед, Уотсон! Пятна крови, отпечатки велосипедных колес — уж по этим следам мы его наверняка разыщем!

Наши поиски не затянулись. Велосипедный след начал судорожно петлять по влажно лоснящейся тропинке. Я посмотрел вперед, и вдруг перед глазами у меня что-то блеснуло металлическим блеском. Мы вытащили из зарослей дрока велосипед с палмеровскими шинами. Одна педаль у него была погнута, руль и переднее колесо сплошь залиты кровью. Чуть подальше из травы торчал башмак. Мы кинулись туда и увидели злосчастного велосипедиста — высокого бородатого человека в очках с разбитым правым стеклом. Причиной его смерти был сокрушительный удар, раскроивший ему череп. То, что он еще мог проехать несколько метров после такого ранения, говорило о его поразительной живучести и силе духа. Башмаки у него были надеты на босу ногу, а под пиджаком виднелась ночная сорочка. Сомневаться не приходилось — перед нами лежал учитель-немец.

Холмс бережно перевернул тело и осмотрел его, потом сел и задумался. И, глядя на встревоженное лицо моего друга, я понял, что эта страшная находка не очень-то продвинула вперед наше расследование.

— Просто не знаю, как нам быть, Уотсон, — сказал наконец Холмс. — Я склонен идти дальше. Наши поиски так затянулись, что нам и часу нельзя терять. С другой стороны, надо сообщить в полицию. Разве можно оставлять здесь тело этого бедняги!

— Пошлите со мной записку.

— Но я не могу обойтись без вас и без вашей помощи! Стойте, вон там кто-то режет торф. Позовите этого человека, пусть приведет сюда полицию.

Я исполнил просьбу Холмса, и он отправил насмерть перепуганного фермера с запиской к доктору Хакстейблу.

— Итак, Уотсон, — снова заговорил мой друг, — сегодня утром мы с вами напали на два следа. Первый оставлен велосипедом с палмеровскими шинами, и вы видите, куда он нас привел. Вторая наша находка — след от заплатанной данлопской шины. До того как отправиться по этому второму следу, давайте уясним себе, что нам известно, и отделим существенное от несущественного… Прежде всего мне хочется подчеркнуть, что мальчик бежал по собственной воле. Он вылез в окно и скрылся один или с сообщником. Это несомненно.

Я утвердительно наклонил голову.

— Так. Теперь займемся несчастным немцем. Мальчик успел одеться — следовательно, он готовился к побегу. Но немец, видимо, одевался второпях и потому убежал без носков.

— Несомненно.

— Что его заставило выскочить в окно? То, что он увидел убегавшего мальчика. Он хотел догнать и вернуть его. Он хватает свой велосипед, пускается в погоню за беглецом и погибает на болотах.

— Да, как будто так.

— Теперь я подхожу к наиболее спорной части моих рассуждений. Преследуя маленького мальчика, взрослый мужчина должен был бы просто побежать за ним. Ведь догнать его ничего не стоило бы. Но немец, который, по словам доктора Хакстейбла, был прекрасным велосипедистом, поступает по-другому — то есть спешит в сарай за своим велосипедом. Отсюда вывод: он увидел, что мальчик воспользовался более совершенным способом передвижения, чем собственные ноги.

— Другими словами, взял чей-то велосипед?

— Восстановим картину побега до конца. Немец погибает в пяти милях от школы — и погибает, заметьте, не от пули, которую мог бы пустить в него и ребенок, а от безжалостного удара по голове, нанесенного рукой сильного человека. Значит, у мальчика был спутник, и удалялись они так быстро, что хороший велосипедист настиг их лишь на пятой миле. При осмотре места, где разыгралась трагедия, мы обнаружили отпечатки коровьих копыт — и только. Я сделал более широкий круг, шагов на пятьдесят, и не увидел ни одной тропинки.

Второй велосипедист не имел никакого отношения к убийству, а человеческих следов там не было.

— Холмс! — воскликнул я. — Это невероятно!

— Браво! — сказал он. — Вывод исчерпывающий. В моем изложении события выглядят невероятно — следовательно, я допустил ошибку. Но вы все время были со мной и все видели сами. Где же я ошибаюсь?

— Может быть, он расшиб голову во время падения?

— Среди болот, Уотсон?

— Я теряюсь, Холмс.

— Полно, полно, мы разгадывали и более трудные загадки. Материала для размышлений у нас достаточно, надо только с умом использовать его… Итак, пойдемте дальше, Уотсон. Палмеровские шины сказали нам все что могли. Теперь посмотрим, куда нас приведет заплатанная данлопская.

Мы отправились по этому следу, но вскоре перед нами потянулись пологие, заросшие вереском холмы; ручей остался позади. Идти дальше не имело смысла, так как отпечатки данлопских шин могли вести или к Холдернесс-холлу, вздымавшему слева свои величавые башни, или к приземистым серым домишкам, за которыми, судя по карте, проходило честерфилдское шоссе.

Когда мы были всего в нескольких шагах от ветхой и весьма неказистой на вид гостиницы с петухом на вывеске, Холмс вдруг охнул и схватил меня за плечо, чтобы не упасть. У него подвернулась нога, а, как известно, в таких случаях человек становится совершенно беспомощным. Он кое-как доковылял до двери гостиницы, где с трубкой в зубах сидел коренастый, смуглый человек средних лет.

— Здравствуйте, мистер Рюбен Хейз, — сказал Холмс.

— А кто вы такой и откуда вам известно, как меня зовут? — спросил этот человек, смерив Холмса подозрительным и недобрым взглядом.

— Ваше имя написано на вывеске у вас над головой. А хозяина всегда узнаешь. Скажите, нет ли у вас какой-нибудь таратайки в каретнике?

— Нет.

— Я на правую ногу ступить не могу.

— Не ступайте, коли не можете.

— А как же мне идти?

— Как-нибудь на одной ножке допрыгаете.

Ответы мистера Рюбена Хейза не отличались чрезмерной любезностью, но Холмс сносил его грубость с удивительным добродушием.

— Слушайте, любезнейший, — сказал он, — вы же видите, какая со мной стряслась беда. Нам лишь бы до места добраться, а как и на чем, мне все равно.

— А мне и подавно все равно, — ответил этот угрюмый субъект.

— Я здесь по важному делу. Дайте мне свой велосипед и получите соверен за услугу.

Хозяин навострил уши:

— Куда вам ехать?

— В Холдернесс-холл.

— Уж не к самому ли герцогу в гости? — сказал хозяин гостиницы, насмешливо глядя на нашу забрызганную грязью одежду. Холмс добродушно рассмеялся:

— Герцог примет нас с распростертыми объятиями.

— Это почему же?

— Потому что мы к нему с хорошими вестями о его пропавшем сыне.

Мистер Хейз вздрогнул:

— Неужто выследили?

— Из Ливерпуля дали знать, что он там. Его вот-вот найдут.

Что-то тенью скользнуло по этой грубой, заросшей щетиной физиономии. Мистер Хейз вдруг подобрел.

— У меня на герцога зуб, — сказал он, — потому что я служил у него в кучерах и он очень круто со мной обошелся. Поставщик сена наврал ему на меня с три короба, и вышел мне расчет, и даже рекомендации не дали. Но все равно я рад, что молодой лорд отыскался в Ливерпуле. Так и быть, помогу вам доставить эту добрую весть в Холдернесс-холл.

— Благодарю, — сказал Холмс. — Но мы сначала поужинаем, а потом вы дадите мне свой велосипед.

— У меня нет велосипеда.

Холмс показал ему соверен.

— Говорю вам, нет у меня велосипеда! На лошадях доедете.

— Хорошо, — сказал Холмс. — Накормите нас, а потом мы об этом поговорим.

Когда мы остались одни в кухне, мощенной плитняком, нога у Холмса вдруг, ни с того ни с сего, перестала болеть. День близился к вечеру. Мы проголодались и не спешили вставать из-за стола. Погруженный в свои мысли. Холмс несколько раз, не прерывая молчания, подходил к окну. Оно смотрело во двор, заваленный мусором. В одном его углу стояла кузница, где работал грязный, чумазый подросток, в другом — конюшня. После одной из таких экскурсий Холмс снова сел за стол и вдруг вскочил, громко вскрикнув.

— Есть, Уотсон! Нашел! — заговорил он. — Теперь все ясно. Уотсон, вы видели отпечатки коровьих копыт сегодня утром?

— Видел.

— Где?

— Да повсюду. И на болотах, и на тропинке, и около того места, где бедняга Хайдеггер покончил счеты с жизнью.

— Правильно. А теперь, Уотсон, скажите, много ли коров попалось вам на глаза?

— Коров я не видел.

— Странно, Уотсон! Повсюду отпечатки коровьих копыт, а самих коров нигде не видно. Правда странно?

— Да, действительно.

— Теперь, Уотсон, напрягите память и постарайтесь представить, как выглядели эти следы на тропинке.

— Ну, представляю.

— Помните? Иногда они были такие… — он стал раскладывать на столе хлебные крошки —::: —: А иногда такие —:.:.:.:.— А кое-где вот такие —.:.:.:— Помните?

— Нет.

— А я помню и готов подтвердить это под присягой. Впрочем, мы еще вернемся туда и проверим все на месте. Затмение, что ли, на меня нашло, что я не сделал из этого соответствующих выводов!

— Каких выводов?

— А вот каких: удивительные это коровы, которых можно пустить любым аллюром — и рысью, и в галоп, и шагом! Помяните мое слово, Уотсон, такая хитрая уловка не по уму хозяину деревенской харчевни! На дворе никого нет, кроме этого малого в кузнице. Сделаем вылазку и посмотрим, как там обстоят дела.

В полуразвалившейся конюшие стояли две лохматые, нечищеные лошади. Холмс поднял у одной из них заднюю ногу и громко рассмеялся:

— Подковы старые, а подковали совсем недавно. Подковы старые, а гвозди новенькие. Это дело станет наряду с классическими — оно вполне того заслуживает. Теперь заглянем в кузницу.

Подросток, занятый своим делом, не обратил на нас ни малейшего внимания. Я увидел, как Холмс быстро оглядел всю кузницу, заваленную железным ломом и щепками. Вдруг сзади послышались шаги, и мы увидели хозяина. Густые брови сошлись у него в одну линию над злобно сверкающими глазами, смуглое лицо подергивалось судорогой. Он держал в руке короткую, окованную железом дубинку и надвигался на нас с таким угрожающим видом, что я обрадовался, нащупав револьвер у себя в кармане.

— Полицейские ищейки! — крикнул он. — Что вам здесь нужно?

— Мистер Рюбен Хейз, помилуйте! — преспокойно сказал Холмс. — Можно подумать, что вы боитесь, как бы мы и на самом деле чего-нибудь здесь не нашли.

Огромным усилием воли Хейз овладел собой и скривил губы в фальшивой улыбке, которая показалась мне еще страшнее, чем его грозный вид.

— Пожалуйста, ищите. Что найдете — все ваше, — сказал он. — Но я не люблю, когда посторонние люди без спросу шныряют у меня по двору. Поэтому, мистер, чем скорее вы уплатите по счету и уберетесь отсюда, тем будет лучше.

— Не сердитесь на нас, мистер Хейз, — сказал Холмс. — Мы просто хотели взглянуть на ваших лошадей, но я, кажется, и пешком дойду. Ведь до Холдернесс-холла недалеко?

— Отсюда до самых ворот мили две, не больше. Вон дорога, налево.

Он проводил нас со двора мрачным взглядом.

Мы недалеко ушли по дороге, так как Холмс остановился у первого ее поворота, зная, что теперь нас никто не увидит.

— Было «горячо», как говорится в детской игре, — сказал он. — И чем больше я удаляюсь от гостиницы, становится все холоднее и холоднее. Нет, уходить отсюда еще рано!

— Я убежден, что этот Рюбен Хейз все знает. Более злодейской физиономии мне в жизни не приходилось видеть!

— Не правда ли? Настоящий злодей! А лошади, а кузница? Н-да, любопытное местечко этот «Бойцовый петух»! Давайте-ка понаблюдаем, что там делается, только осторожно, исподтишка.

Позади нас поднимался отлогий холм, усеянный серыми валунами. Когда мы стали взбираться вверх по его склону, я посмотрел в сторону Холдернесс-холла и вдруг увидел быстро мчавшегося по дороге велосипедиста.

— Пригнитесь, Уотсон! — крикнул Холмс, опустив мне на плечо свою тяжелую руку.

Только мы успели спрятаться за валун, как этот человек пронесся мимо. В облаке пыли, поднятой велосипедом, передо мной мелькнуло бледное, взволнованное лицо — лицо, в каждой черточке которого сквозил ужас: открытый рот, остановившийся взгляд дико вытаращенных глаз. Это была какая-то нелепая карикатура на щеголеватого, подтянутого Джеймса Уайлдера — нашего вчерашнего знакомца.

— Секретарь герцога! — воскликнул Холмс. — Скорее, Уотсон! Посмотрим, что ему там понадобилось.

Прыгая по камням, мы поднялись вверх по откосу и увидели оттуда дверь гостиницы. Велосипед Уайлдера стоял у стены. В доме не было заметно никакого движения, в окна никто не выглядывал.

Солнце заходило за высокие башни Холдернесс-холла, и на равнину медленно спускались сумерки. Вскоре в сгустившейся темноте из конюшни при гостинице выкатила двуколка с зажженными по бокам фонарями, и через минуту-другую скачущая во весь опор лошадь промчала ее мимо нас по направлению к Честерфилду.

— Как это понимать, Уотсон? — прошептал Холмс.

— Похоже на бегство.

— Двуколка, и в ней всего один седок, насколько мне удалось разглядеть. Но это не мистер Джеймс Уайлдер, потому что, смотрите, вон он стоит.

Посреди ярко освещенного квадрата двери чернела фигура секретаря. Вытянув шею, он вглядывался в темноту, явно поджидая кого-то. Прошло несколько минут, и наконец на дороге послышались шаги. В свете, падавшем из дверей, мелькнула еще чья-то тень, дверь закрыли, и гостиница снова погрузилась во мрак. Потом в одном из ее верхних окон зажгли лампу.

— Странные посетители захаживают в «Бойцовый петух», — сказал Холмс.

— Кабачок с другой стороны.

— Правильно. Эти двое, вероятно, не просто посетители, а хозяйские гости. Но что понадобилось в этом логове мистеру Джеймсу Уайлдеру, да еще в такой поздний час? И кому он назначил там встречу? Рискнем, Уотсон, посмотрим на них поближе.

Мы спустились на дорогу и крадучись подошли к дверям гостиницы. Велосипед Уайлдера по-прежнему стоял у стены. Холмс чиркнул спичкой, поднес ее к заднему велосипедному колесу, и я услышал, как он хмыкнул, когда огонек осветил заплату на данлопской шине. Окно, в котором горела лампа, было как раз над нами.

— Надо заглянуть туда одним глазком. Уотсон, если вы подставите мне спину, а сами прислонитесь к стене, я как-нибудь ухитрюсь это сделать.

Секунду спустя Холмс стал ногами мне на плечи и тут же соскочил вниз.

— Пойдемте, друг мой, — сказал он. — На сегодня хватит. Мы сделали все что могли. Не будем терять времени, ведь до школы путь не близкий.

Пока мы, оба усталые, медленно шагали по равнине, Холмс не проронил почти ни слова и, не заходя в школу, пошел на станцию отправить телеграммы. Потом я слышал, как он утешал доктора Хакстейбла, сраженного трагической смертью учителя, и уже совсем поздно ночью увидел его у себя в комнате — такого же бодрого и полного сил, как минувшим утром.

— Все идет прекрасно, друг мой, — сказал он. — Обещаю вам, что завтра к вечеру мы добьемся разгадки этой тайны.

На следующий день в одиннадцать часов утра мы с Холмсом шли по знаменитой тисовой аллее Холдернесс-холла. Лакей встретил нас у великолепного портала и провел в кабинет его светлости. Там пред нами предстал мистер Джеймс Уайлдер. Он держался скромно, учтиво, но на его подергивающемся лице, в его бегающих по сторонам глазах все еще сквозил ужас.

— Вы хотите повидать герцога? Увы, его светлость плохо себя чувствует. Он просто убит этой трагедией, о которой доктор Хакстейбл известил нас вчера телеграммой.

— Мне необходимо повидать герцога, мистер Уайлдер.

— Но он не выходит из своей комнаты.

— Тогда я пройду к нему.

— Он в постели.

— И все-таки я настаиваю на встрече.

Ледяной, не допускающий возражений тон Холмса убедил секретаря, что спорить с этим человеком бесполезно.

— Хорошо, мистер Холмс, я доложу о вас.

Прошло не меньше часа, прежде чем герцог появился в кабинете. Глаза у него запали еще больше, плечи были безвольно опущены — он словно постарел со вчерашнего дня. С изысканной вежливостью отвесив нам поклон, он сел в кресло.

— Я слушаю вас, мистер Холмс.

Но мой друг смотрел в упор на секретаря, который стоял возле своего патрона.

— Ваша светлость, присутствие мистера Уайлдера несколько связывает меня.

Секретарь побледнел и бросил злобный взгляд на Холмса.

— Если вашей светлости угодно…

— Да, да, оставьте нас… Итак, мистер Холмс, что вы имеете сказать мне?

Мой друг выждал, когда дверь за секретарем закрылась.

— Ваша светлость, — начал он, — мы с моим коллегой, доктором Уотсоном, знаем со слов доктора Хакстейбла, что вы обещали денежное вознаграждение за расследование интересующего вас дела. Мне бы хотелось услышать это из ваших собственных уст.

— Пожалуйста, мистер Холмс.

— Если мне правильно сказали, вы назначили пять тысяч фунтов тому, кто укажет вам, где находится ваш сын.

— Совершенно верно.

— И еще тысячу тому, кто назовет лицо или же лиц, которые держат его взаперти.

— Совершенно верно.

— Тут, конечно, подразумеваются не только похитители, но и те, кто замыслил похищение.

— Да, да! — нетерпеливо воскликнул герцог. — Если вы разгадаете эту тайну, мистер Шерлок Холмс, вам не придется жаловаться на мою скупость.

Мой друг жадно потер руки, что удивило меня, так как до сих пор я знал его как человека самых скромных потребностей,

— Это у вас чековая книжка на столе? — спросил он. — Попрошу вашу светлость выписать мне чек на шесть тысяч фунтов! Переводный чек в то отделение банка на Оксфорд-стрит, где у меня открыт текущий счет.

Герцог выпрямился в кресле и смерил моего друга ледяным взглядом.

— Вы шутите, мистер Холмс? Подходящая ли это тема для острот!

— Что вы, ваша светлость! Я серьезен, как никогда.

— Что же это значит?

— Это значит, что я получу вознаграждение по заслугам. Мне известно, где находится ваш сын, и я знаю людей, вернее, человека, который держит его у себя.

Рыжая борода герцога словно вспыхнула огнем на мертвенной бледности его лица.

— Где мой сын? — еле выговорил он.

— В гостинице «Бойцовый петух», в двух милях от ворот вашего парка. По крайней мере, там он был вчера.

Герцог откинулся на спинку кресла.

— Кого вы обвиняете?

Ответ Шерлока Холмса поразил меня. Он стремительно шагнул вперед и коснулся рукой плеча герцога.

— Я обвиняю вас. А теперь, ваша светлость, будьте добры выдать мне чек на шесть тысяч

фунтов.

Мне никогда не забыть, как герцог вскочил с кресла и судорожно взмахнул руками, точно стараясь удержаться на краю пропасти. Потом, нечеловеческим усилием воли призвав на помощь свою аристократическую выдержку, он снова сел к столу и закрыл лицо руками. Прошла минута, другая…

— Что вам, собственно, известно? — спросил несчастный, не поднимая головы.

— Я видел вас вместе с ним вчера вечером.

— Кто еще знает об этом, кроме вашего друга?

— Я никому ничего не говорил.

Трясущимися пальцами герцог взял перо и открыл чековую книжку.

— Я не нарушу своего слова, мистер Холмс. Вы получите обещанный чек, хотя эти деньги пойдут в уплату за вести, которые ничего, кроме горя, мне не принесли. Но мог ли я думать, обещая вознаграждение, что события примут такой оборот! Впрочем, надеюсь, и вы, мистер Холмс, и ваш друг — люди благоразумные?

— Я не понимаю, что вы хотите этим сказать, ваша светлость.

— Хорошо, будем говорить начистоту, мистер Холмс. Если подробности этого дела никому, кроме вас двоих, не известны, дальнейшего хода ему можно не давать. Я должен вам двенадцать тысяч фунтов, не правда ли?

Но Холмс улыбнулся и покачал головой.

— Увы, ваша светлость! Все это не так легко уладить, как может показаться с первого взгляда. Кто-то должен нести ответ за убийство учителя.

— Но Джеймс тут ни при чем! Нельзя перекладывать всю вину на него. Убийство — дело рук этого зверя, этого негодяя, услугами которого он имел несчастье воспользоваться.

— А я держусь того взгляда, ваша светлость, что когда человек стал на путь преступления, он должен нести моральную ответственность за всевозможные последствия.

— Моральную — да. Но не заставляйте его отвечать перед лицом закона! Человека нельзя осуждать за убийство, при котором он даже не присутствовал, за убийство, которое возмутило его не меньше, чем вас. Услышав о нем, он не вынес угрызений совести и сразу во всем мне признался. Потом, не теряя ни минуты, порвал с убийцей. Мистер Холмс, спасите его, спасите! Умоляю вас, спасите его!

Куда девалась аристократическая сдержанность герцога! Этот вельможа метался по кабинету с искаженным лицом, судорожно взмахивая руками. Наконец он овладел собой, снова сел к столу и сказал:

— Я ценю, что вы пришли ко мне к первому. Давайте по крайней мере обсудим, какие надо принять меры, чтобы уберечь меня от позора.

— Давайте, — сказал Холмс. — Но тогда, ваша светлость, нам надо быть откровенными друг с другом до конца. Я сделаю все, что в моих силах, если буду знать точно обстоятельства этого дела. Насколько мне удалось понять, ваши слова относились к мистеру Джеймсу Уайлдеру, — следовательно, вы утверждаете, что убийца не он?

— Да, убийце удалось скрыться.

Холмс сдержанно улыбнулся.

— Ваша светлость, видимо, не осведомлены о моих скромных заслугах в этой области, иначе вы не подумали бы, что от меня так легко скрыться. Вчера, в одиннадцать часов вечера, мистер Рюбен Хейз арестован в Честерфилде по моему указанию. Начальник тамошней полиции известил меня об этом сегодня утром. Я получил его телеграмму перед тем, как уйти из школы.

Герцог откинулся на спинку кресла и в изумлении воззрился на моего друга.

— Есть ли пределы вашим возможностям, мистер Холмс! — воскликнул он. — Значит, Рюбен Хейз арестован? Что ж, этому можно только радоваться. Но не отразится ли его арест на судьбе Джеймса?

— Вашего секретаря?

— Нет, сэр, моего сына.

На сей раз удивляться пришлось Холмсу:

— Должен вам сказать, ваша светлость, что ничего подобного я не предполагал. Может быть, вы объясните все подробнее?

— Я ничего не стану скрывать. Вы правы: только полная откровенность, хоть она и мучительна для меня, может облегчить ужасное положение, в которое поставил нас обоих обезумевший от зависти Джеймс. В молодые годы, мистер Холмс, я любил так, как любят только раз в жизни. Я предложил руку любимой женщине, но она отвергла мое предложение, опасаясь, что такой брак испортит мне карьеру. Если б она была жива, я не женился бы ни на ком другом. Но она умерла, оставив мне ребенка, и я лелеял его, заботился о нем в память о ней. Я не мог открыто признать свое отцовство, но мой сын получил самое лучшее образование и, когда вырос, всегда жил при мне. Он случайно узнал мою тайну и с тех пор старался всячески использовать свои сыновние права, держа меня в страхе перед разоблачением. Его присутствие в Холдернесс-холле до некоторой степени было причиной моего разрыва с женой. И, что самое тяжелое, — он с первого же дня возненавидел лютой ненавистью моего маленького сына, моего законного наследника.

Вы спросите, почему же я, несмотря на все это, продолжал держать Джеймса у себя в доме? Ответ мой будет таков: потому что я видел в нем его мать и терпел ради нее. Не только чертами лица, но и движениями, манерами он ежеминутно вызывал у меня в памяти ее милый облик. Расстаться с ним мне было не под силу. Но под конец я стал бояться, как бы он не сделал чего-нибудь с Артуром — лордом Солтайром, и отослал мальчика в интернат, к доктору Хакстейблу.

Джеймс управлял у меня делами по имению и таким образом узнал Хейза, который был одним из моих арендаторов. Что у него могло быть общего с этим заведомым негодяем, не знаю, но они подружились. Впрочем, я всегда замечал за Джеймсом тяготение к дурному обществу. Решив похитить лорда Солтайра, он сделал этого человека своим сообщником.

Вы помните, я написал Артуру письмо накануне его бегства? Так вот, Джеймс вскрыл конверт и вложил туда записку, в которой просил Артура встретиться с ним в роще Косой клин, что недалеко от школы. Мальчик пришел на свидание, потому что записка была послана якобы по просьбе герцогини. Джеймс приехал в рощу на велосипеде — в чем потом сам признался мне — и уверил Артура, что мать тоскует по нему, что она здесь неподалеку и что если он придет в рощу в полночь, там его будет ждать провожатый с лошадью. Несчастный мальчик попался в эту ловушку. Он пришел в рощу к назначенному часу и увидел там Хейза, который сам был верхом и держал в поводу пони. Артур сел в седло, и они тронулись в путь. Как выяснилось впоследствии — Джеймс узнал об этом только вчера, — за ними была погоня. Хейз ударил преследователя несколько раз дубинкой по голове, и тот умер от полученных ран. Хейз привез Артура к себе в гостиницу и запер его наверху, заставив присматривать за ним миссис Хейз, женщину добрую, но всецело подчиняющуюся своему свирепому супругу…

Вот, мистер Холмс, как обстояли дела два дня назад, когда мы с вами встретились. Я знал обо всем этом не больше вас. Если вы спросите меня, что толкнуло Джеймса на такой поступок, я отвечу вам: в его ненависти к лорду Солтайру было что-то слепое, фанатичное. Джеймс считал, что все мои поместья должны отойти к нему, и не мог спокойно говорить о существующих у нас законах наследования. Впрочем, им двигала не только безрассудная ненависть, но и тонкий расчет. Он требовал, чтобы я оставил ему в наследство мои поместья по завещанию вопреки майорату, а он вернет мне Артура. Он прекрасно знал, что я никогда не заявлю на него в полицию. Таковы были намерения Джеймса, но они так и остались всего лишь намерениями, ибо события разворачивались с такой быстротой, что ему не удалось осуществить свой план.

Вы обнаружили тело убитого Хайдеггера и тем самым сразу положили конец этому злодейскому замыслу. Джеймс ужаснулся, услышав о гибели учителя. Мы узнали об этом вчера, сидя вот здесь, в кабинете, куда нам принесли телеграмму доктора Хакстейбла. Она привела Джеймса в такое смятение, он так сокрушался, что смутная догадка, все время мучившая меня, превратилась в уверенность, и я бросил обвинение ему в лицо. Он во всем чистосердечно покаялся, но тут же стал умолять меня повременить дня три, чтобы его

гнусный сообщник мог спастись. Я уступил ему, как уступал всегда и во всем, и тогда Джеймс кинулся в гостиницу предупредить Хейза и помочь ему бежать. Идти туда засветло мне было невозможно, так как это возбудило бы толки. Я дождался темноты и поспешил к моему дорогому Артуру — он был цел и невредим, но вы не можете себе представить, какое страшное впечатление произвело на ребенка убийство, совершенное у него на глазах! Помня о данном слове, я скрепя сердце оставил Артура в гостинице еще на три дня на попечении миссис Хейз. Ведь сообщать обо всем этом в полицию, не выдавая убийцы, было нельзя, а арест Хейза погубил бы моего несчастного Джеймса.

Вы настаивали на взаимной откровенности, мистер Холмс, и разрешите мне поймать вас на слове. Я рассказал вам все, ничего не утаивая, ничего не смягчая. Будьте и вы откровенны со мной до конца.

— Хорошо, ваша светлость, — ответил Холмс. — Прежде всего я должен сказать вам, что перед лицом закона ваше положение чрезвычайно серьезно. Вы покрыли уголовное преступление, вы помогли убийце бежать, ибо, по всей вероятности, деньги на его побег Джеймс Уайлдер взял у вас из кармана.

Герцог молча склонил голову.

— Да, дело крайне серьезное. Но, на мой взгляд, то, как вы поступили со своим младшим сыном, ваша светлость, заслуживает еще большего осуждения. Оставить его на три дня в этом притоне!

— Меня клятвенно заверили…

— Разве можно полагаться на клятвы этих людей! Вы уверены, что его не упрячут куда-нибудь подальше? В угоду преступному старшему сыну вы без всякой нужды подвергаете опасности ни в чем не повинного ребенка! Нет, ваш поступок нельзя оправдать!

Гордый вельможа не привык выслушивать такие отповеди — и где? В его же герцогских чертогах! Кровь бросилась ему в лицо, но совесть заставила его смолчать.

— Я помогу вам, но при одном условии: вызовите слугу, и пусть он исполнит мое распоряжение.

Не говоря ни слова, герцог нажал кнопку электрического звонка. В кабинет вошел лакей.

— Вам, наверно, будет приятно услышать, — сказал ему Холмс, — что лорд Солтайр нашелся. Герцог приказывает немедленно выслать за ним экипаж в гостиницу «Бойцовый петух»… А теперь, — сказал Холмс, когда просиявший от радости лакей выбежал из кабинета, — обеспечив ближайшее будущее, мы можем более снисходительно отнестись к недавнему прошлому. Поскольку справедливость будет восстановлена, я, как лицо неофициальное, не вижу необходимости доводить до сведения властей обо всем, что мне известно. Хейз — дело другое. Его ждет виселица, и я палец о палец не ударю, чтобы спасти ему жизнь. Разгласит он вашу тайну или нет — не знаю, не берусь предсказывать, но вы несомненно можете внушить ему, что говорить лишнее не в его интересах. В полиции Хейза обвинят в похищении мальчика в расчете на выкуп. Если там не копнут поглубже, я не вижу оснований наталкивать их на это. Однако мне хочется сказать вашей светлости, что дальнейшее пребывание мистера Джеймса Уайлдера у вас в доме к добру не приведет.

— Это я знаю сам, мистер Холмс, и у нас с ним решено: он навсегда покинет Холдернесс-холл и отправится искать счастья в Австралии.

— Ваша светлость, вы говорили, что Джеймс Уайлдер был яблоком раздора между вами и вашей женой. А не попробовать ли вам теперь примириться с герцогиней и снова наладить свою семейную жизнь?

— Об этом я тоже подумал, мистер Холмс, и сегодня утром написал герцогине.

— В таком случае, — сказал Холмс вставая, — и я и мой друг можем поздравить себя с тем, что наше недолгое пребывание в ваших местах принесло неплохие плоды. Мне осталось выяснить только один вопрос. Лошади Хейза было подкованы так, что их следы можно было принять за отпечатки коровьих копыт. Кто его надоумил сделать это — уж не мистер ли Уайлдер?

Минуту герцог молчал, сосредоточенно сдвинув брови. Потом он открыл дверь в соседнюю комнату, представляющую собой настоящий музей, подвел нас к витрине в дальнем ее углу и показал на надпись под стеклом.

«Эти подковы, — прочитали мы, — *найдены при раскопках крепостного рва в Холдернесс-холле. Они предназначались для лошадей, но их выковывали в форме раздвоенного коровьего копыта. По-видимому, магнаты Холдернесс-холла, занимавшиеся разбоем в средние века, применяли этот способ, чтобы сбивать погоню со следа».*

Холмс поднял стеклянную крышку и, послюнявив палец, провел им по одной из подков. На пальце осталось темное пятно — болотная тина еще не успела как следует засохнуть.

— Благодарю вас, — сказал мой друг. — Вот второе, что чрезвычайно заинтересовало меня в ваших местах.

— А первое?

Холмс перегнул чек пополам и бережно вложил его в записную книжку.

— Я человек небогатый, — сказал он и засунул книжку поглубже во внутренний карман пиджака.

Черный Питер

(Перевод Н.Емельяниковой)

Никогда я не видел моего друга в таком расцвете духовных и физических сил, как в 1895 году. Известность его все росла, практика все расширялась. Из уважения к чужим тайнам я не позволяю себе даже намекнуть на имена тех знаменитых людей, которым случалось переступать порог нашего скромного жилища на Бейкер-стрит. Надо сказать, что Холмс, как все великие художники, работал только из любви к искусству. Я не слышал (кроме единственного случая с герцогом Холдернессом), чтобы он требовал крупного вознаграждения за свои неоценимые услуги. Он был настолько бескорыстен — или настолько независим, — что нередко отказывал в своей помощи богатым и знатным людям, если не находил ничего увлекательного для себя в расследовании их тайн. В то же время он целые недели ревностно занимался делом какого-нибудь бедняка, если это дело было настолько загадочным и волнующим, что могло, зажечь его воображение и давало ему возможность применить свое мастерство.

В этом памятном 1895 году Холмс произвел целый ряд любопытных и разнообразных исследований, начиная с выяснения причин внезапной смерти кардинала Тоски (по настоятельному желанию Ватикана) и кончая арестом преступника Уилсона; этот знаменитый тренер канареек был вместе с тем истинной язвой лондонского Ист-Энда. Вслед за этими громкими делами возникла трагедия в Вудменс Ли: погиб при самых страшных и таинственных обстоятельствах капитан Питер Кэри. В моих записках о деятельности Шерлока Холмса был бы большой пробел, если бы в них отсутствовал рассказ об этом странном происшествии.

В течение первой недели июля мой друг так часто и так надолго уходил из дому, что я понял: он чем-то занят. За эти дни несколько раз к нам заходили какие-то люди сурового и грубого вида. Они спрашивали капитана Бэзила. Это убедило меня, что Холмс, скрывая под одной из своих многочисленных масок и под вымышленной фамилией свое собственное грозное имя, ведет какое-то новое расследование. В различных районах Лондона у него было по меньшей мере пять укромных местечек, где он мог изменять свой облик. Холмс ничего не рассказывал мне об этом новом деле, и не в моем обычае было вызывать его на откровенность. О том, в каком направлении он работает, Холмс впервые дал мне понять довольно необычным образом.

Как-то раз он ушел из дому еще перед завтраком; я только что сел за стол, как вдруг он входит в комнату, не снимая шляпы и держа, словно зонтик, под мышкой громадный гарпун.

— Черт возьми, Холмс! — вскричал я. — Неужели вы хотите сказать, что гуляли по Лондону с этакой штукой?

— Нет, я только съездил к мяснику.

— К мяснику?

— И вот возвращаюсь домой с прекрасным аппетитом. Знаете, как полезны физические упражнения перед завтраком? Но, держу пари, вам ни за что не угадать, какие именно упражнения я проделывал.

— И не собираюсь угадывать.

Холмс, посмеиваясь, налил себе кофе.

— Заглянули бы вы в заднюю комнату лавки Аллардайса, так увидели бы: с потолка свисает свиная туша, а какой-то джентльмен, сняв сюртук, яростно старается проткнуть ее вот этим оружием. Этот джентельмен, любитель физических упражнений, — я. И, увы, оказалось, что мне с одного удара ее не проткнуть. Не хотите ли попробовать сами?

— Ни за что на свете. Но для чего вы этим занимались?

— Мне кажется, что это имеет косвенное отношение к загадочной истории в Вудменс Ли. А, Хопкинс, я получил вашу телеграмму вчера вечером и ждал вас. Входите, сейчас будем завтракать.

К нам вошел худощавый подвижный человек лет тридцати. На нем был скромный шерстяной костюм, но его выправка свидетельствовала о том, что он привык носить военный мундир. Я

сразу узнал Стэнли Хопкинса, молодого инспектора полиции, который, по мнению Холмса, подавал большие надежды. Хопкинс, в свою очередь, считал себя учеником знаменитого сыщика и восхищался его научными методами.

Лицо Хопкинса было хмуро; он опустился в кресло с видом глубокого уныния.

— Нет, благодарю вас, сэр, я уже позавтракал. Я ночевал в городе, потому что приехал сюда для доклада.

— И о чем же вам пришлось докладывать?

— О неудаче, сэр, о полной неудаче.

— Вы не сдвинулись с места?

— Нет.

— Неужели? Видно, придется заняться этим делом мне.

— Ради бога, прошу вас, мистер Холмс! Мне в первый раз поручили важное дело, а я не в силах выполнить его. Умоляю, помогите!

— Ладно, ладно. Я как раз внимательно ознакомился со всеми данными следствия. Кстати, что вы думаете по поводу табачного кисета, найденного на месте преступления? Не в нем ли ключ к этому делу?

Хопкинс, казалось, удивился:

— Кисет принадлежал убитому, сэр. Там внутри него инициалы. И сделан он из тюленьей кожи, а ведь покойный много лет охотился на тюленей.

— Но при нем не оказалось трубки.

— Да, сэр, трубки мы не нашли — он действительно курил мало. Впрочем, мог же он держать табак для приятелей.

— Безусловно. Я лишь потому заговорил об этом, что если бы я сам расследовал этот случай, то сделал бы именно кисет отправным пунктом моих поисков. Однако мой друг, доктор Уотсон, не знает этой истории, и я тоже не прочь еще раз послушать ее. Расскажите нам в двух словах самое существенное.

Стэнли Хопкинс вынул из кармана листок бумаги.

— В моем распоряжении есть некоторые данные о жизни покойного капитана Питера Кэри. Он родился в 1845 году — значит, ему было пятьдесят лет. Он считался одним из самых отважных и удачливых охотников на тюленей и китов. В 1883 году командовал паровым охотничьим судном «Морской единорог» из Данди. В том же году он совершил ряд удачных рейсов, а в следующем вышел в отставку. Затем несколько лет путешествовал и, наконец, купил себе небольшую усадьбу Вудменс Ли возле Форрест-Роу, в Суссексе. Там он прожил шесть лет и там же умер ровно неделю назад.

Он отличался большими странностями. В повседневном быту этот молчаливый и мрачный человек был строгим пуританином. Семья его состояла из жены и двадцатилетней дочери. Дом обслуживали две девушки. Служанки часто менялись, ибо жить там было нелегко, а временами становилось просто невыносимо. Кэри часто пил, и, когда у него наступал запой, он становился сущим дьяволом. Случалось, что он среди ночи выталкивал из дому жену и дочь и с кулаками гонялся за ними по всему парку. И они, бывало, так кричали, что в соседней деревне жители просыпались от их крика.

Однажды он был привлечен к суду за то, что избил старого священника, который пытался образумить его. Короче, мистер Холмс, трудно сыскать человека более опасного, чем Питер Кэри. Я слышал, что таков он был и в те времена, когда командовал судном. В среде моряков его прозвали Черным Питером — не только за смуглое лицо и огромную черную бороду, но и за его бешеный нрав, который наводил ужас на окружающих. Нечего говорить, что все соседи ненавидели и избегали его; я не слышал ни единого слова сожаления по поводу его ужасного конца.

Вы, мистер Холмс, несомненно, читали в протоколе следствия о «кающе» этого человека, но ваш друг, возможно, ничего не слышал о ней. Неподалеку от дома капитан выстроил себе

деревянный флигелек, который всегда называл «каютой»; там проводил он каждую ночь. Это была маленькая, однокомнатная хибарка размером шестнадцать футов на десять; ключ от нее он держал у себя в кармане, сам стелил себе постель, сам убирал комнату и никому не позволял переступать ее порог. В двух стенах этого домика прорублено по небольшому окну. Оба окна были всегда занавешены и никогда не раскрывались, одно из них выходит на проселочную дорогу. Случалось, в домике целую ночь горел свет, и прохожие с недоумением спрашивали, что же там делает Черный Питер. Именно это окно, мистер Холмс, позволило нам установить во время следствия некоторые любопытные подробности.

Вы помните, что каменщик, по имени Слэтер, который шел из Форрест-Роу около часа ночи за двое суток до убийства, остановился у владений капитана и посмотрел на квадрат света, видневшийся сквозь деревья. Он клянется, что на занавеске ясно обозначалась тень мужского профиля, но это был не Питер Кэри, которого он хорошо знал. Это был тоже бородатый мужчина, но борода у него была короткая и торчала она иначе, чем у капитана. Так утверждает каменщик. Впрочем, нужно сказать, что перед этим он провел два часа в трактире, да и расстояние от дороги до окна порядочное. Кроме того, его показания относятся к понедельнику, а убийство совершено в среду.

Во вторник Питер Кэри находился в самом ужасном состоянии. Он был совершенно пьян и, как дикий зверь, свиреп и опасен. Он бродил вокруг дома, и женщины, заслышав его голос, закрылись в доме. Поздно вечером он отправился к себе в хижину. Его дочь спала с открытым окном. Около двух часов ночи страшный крик донесся со стороны «каюты». Девушка не придала этому значения, ибо капитан в пьяном виде часто кричал и ругался. Поднявшись в семь часов утра, одна из служанок заметила, что дверь хижины открыта настежь, но человек этот внушал такой страх, что до самого полудня домашние не отваживались заглянуть к нему. Посмотрев в открытую дверь, они увидели ужасное зрелище и, бледные от страха, пустились бежать в деревню. Через час я был на месте и приступил к следствию.

Нервы у меня крепкие, вы это знаете, мистер Холмс, но даю вам слово, меня затрясло, когда я заглянул в этот домишко. Он весь гудел, как фисгармония, от налетевших тучами мясных мух, а пол и стены его напоминали бойню. Капитан называл свое помещение каютой, и вправду оно вроде каюты: войдешь туда, и кажется — ты на борту корабля. В одном конце комнаты — койка, рядом — корабельный сундук, на стенах — морские карты, фотоснимок с «Морского единорога», кипа судовых журналов на полке — все в точности, как полагается в капитанской каюте. И посреди всего этого сам капитан — лицо искаженное, как у грешника, терзаемого муками ада, а большая черная с сильной проседью борода встала дыбом во время агонии. Широкая грудь пробита стальным гарпуном. Гарпун прошел насквозь и глубоко вонзился в деревянную стену. Капитан был приколот к стене, словно жук булавкой к картону. Конечно, мертв он был с той самой минуты, как испустил вопль.

Я знаком с вашими методами, сэр, и тотчас же стал применять их. Не позволив что-либо трогать с места, я очень тщательно осмотрел землю снаружи и пол в комнате. Но следов не было.

— Вы хотите сказать, что вы не заметили их?

— Уверяю вас, сэр, там не было никаких следов.

— Дорогой мой Хопкинс, я расследовал много преступлений, но ни разу не встречал еще преступника с крыльями. Раз преступник стоит на ногах, он непременно оставит какой-нибудь след, что-нибудь заденет или сдвинет. И человек, владеющий научными методами розыска, непременно обнаружит самую незначительную перемену в расположении окружающих вещей. Нельзя поверить, чтобы в этой залитой кровью комнате не осталось следов, которые могли бы помочь нам отыскать преступника… Впрочем, из протокола следствия я вижу, что на некоторые вещи вы даже не потрудились обратить внимания.

Молодой инспектор насупился: язвительное замечание Холмса задело его за живое.

— Глупо я сделал, мистер Холмс, что не пригласил вас тотчас же, — сказал он. — Однако теперь уж ничем не поможешь. Да, в комнате было несколько предметов, заслуживавших особого внимания. Начать с того гарпуна, которым убит капитан. Кто-то снял этот гарпун со стены. Два гарпуна висят на своих крюках, а третий крюк пустует. На ручке имеется надпись: «Пароход «Морской единорог», Данди». Это, по-видимому, свидетельствует о том, что преступление было совершено в припадке ярости и что убийца схватил первое орудие, какое попалось под руку. А то, что Кэри был вполне одет, хотя убийство произошло в два часа ночи, наводит на мысль, что у него было свидание с убийцей. Об этом говорит и то, что на столе оказалась бутылка рома и два грязных стакана.

— Да, — сказал Холмс, — пожалуй, оба ваши вывода можно принять. А что, в комнате нашлись и другие спиртные напитки?

— Да, на сундуке был поднос; там стояли графины с коньяком и виски. Но это не имеет значения. Ведь графины были полны, значит, к ним не притрагивались.

— Все равно их присутствие имеет некоторое значение, — сказал Холмс. — Какие же еще предметы, по-вашему, имеют отношение к делу?

— На столе лежал тот табачный кисет.

— Где именно?

— На самой середине стола. Он сделан из грубой и жесткой тюленьей кожи и завязан кожаным ремешком. Внутри него буквы «П. К.». В кисете было примерно с пол-унции крепкого табаку, какой курят моряки.

— Прекрасно. А еще?

Стэнли Хопкинс вытащил из кармана записную книжку в желтовато-сером переплете. Переплет ее был шероховат и потрепан, а странички пожелтели и выцвели. На первой странице значились инициалы «Д. Х. Н.» и дата «1883».

Холмс положил книжку на стол и начал разглядывать ее со свойственной ему тщательностью, в то время как Хопкинс и я смотрели из-за его плеча. На второй странице мы увидели буквы «К. Т. Ж. Д.», дальше на двух-трех страничках — сплошные цифры. На иных страничках были слова: «Аргентина», «Коста-Рика», «Сан-Паоло», и снова столбцы цифр и каких-то значков.

— Что вы думаете об этих записях? — спросил Холмс.

— По-видимому, это опись биржевых акций. Я считаю, что «Д. Х. Н.» — инициалы маклера, а «К. Т. Ж. Д.», возможно, его клиент.

— Или «Канадская Тихоокеанская железная дорога», — сказал Холмс.

Стэнли Хопкинс пробормотал проклятье и стукнул себя кулаком по ноге.

— Какой я дурак! — вскричал он. — Конечно, вы совершенно правы. Теперь нам остается расшифровать значение букв «Д. Х. Н.». Я уже просмотрел старые биржевые реестры за 1883 год и не нашел ни одного биржевого маклера с такими инициалами. И все же я на верном пути. Ведь правда же, мистер Холмс, вполне возможно, что это инициалы того человека, который приходил ночью к капитану, то есть иными словами, убийцы? А эта книжечка, в которой перечислено так много ценных бумаг, может быть, раскроет нам мотивы преступления.

По лицу Холмса было видно, что он сильно озадачен таким поворотом расследования.

— Я должен признать справедливость ваших выводов, — сказал он. — Пожалуй, эта книжка, о которой ничего не сказано в протоколе следствия, несколько меняет мои предположения. В обоснованной мною теории для нее нет места. А вы пытались разыскать владельцев ценных бумаг, упомянутых здесь?

— Да. Я обратился в разные конторы с запросами, но ведь это акции южноамериканских предприятий. Боюсь, что получу ответ лишь через несколько недель.

Холмс продолжал рассматривать переплет книжки в увеличительное стекло.

— Тут, несомненно, пятно, — сказал он.

— Да, сэр, это следы крови. Я ведь сказал, что поднял книжку с пола.

— Кровавое пятно было сверху или снизу?

— На стороне, прилегавшей к полу.

— Значит, книжка упала на пол уже после убийства.

— Правильно, мистер Холмс. Я думаю, что убийца уронил ее при поспешном бегстве. Она лежала у самой двери.

— Вероятно, ни одной из этих ценных бумаг не было найдено среди имущества покойного?

— Нет, сэр.

— Есть у вас основания предполагать ограбление?

— Нет, сэр. По-видимому, ничего не было похищено.

— Черт возьми, какой интересный случай! Там был еще нож, не так ли?

— Нож остался в ножнах, его не успели вынуть. Он лежал у ног убитого. Миссис Кэри говорит, что это нож ее мужа.

Холмс задумался.

— Ладно, — сказал он. — Полагаю, мне придется съездить туда и посмотреть.

Стэнли Хопкинс вскрикнул от радости:

— Благодарю вас, сэр! Это снимет с меня тяжкое бремя.

Холмс погрозил пальцем инспектору.

— Все было бы гораздо проще неделю назад, — сказал он. — Но даже и сейчас моя поездка может принести пользу. Уотсон, если вы ничем не заняты, я был бы очень рад съездить вместе с вами. Вызовите карету, Хопкинс, мы отправимся в Форрест-Роу через четверть часа.

Сойдя с поезда на маленькой станции, мы ехали еще несколько миль по перелескам, уцелевшим от того огромного дремучего бора, который некогда сдерживал вторжение саксов; этот неприступный край в течение шестидесяти лет служил бастионом Британии. Обширные участки его были вырублены, потому что здесь возникли первые в стране чугуноплавильные заводы, а для плавки руды понадобился лес. Теперь промышленность переместилась в более богатые районы Севера, и только эти поредевшие рощи и огромные борозды на земле напоминали о прошлом. В прогалине на зеленом склоне холма стоял длинный дом из необтесанного камня; к дому вела извилистая дорожка, мелькавшая среди полей. Ближе к дороге, окруженный с трех сторон кустами, находился маленький флигель, обращенный к нам окном и дверью. Здесь-то и произошло убийство.

Стэнли Хопкинс сначала повел нас в дом, где представил угрюмой седой женщине — вдове убитого. Изможденное лицо, глубокие морщины и полный ужаса взгляд запавших глаз с покрасневшими веками говорили о том, что она перенесла годы страданий и горьких обид. Ее дочь, бледная белокурая девушка, вызывающе сверкая глазами, заявила, что она радуется смерти отца и благословляет руку, нанесшую ему смертельный удар. Питер Кэри создал в доме страшную, удручающую обстановку, и нам стало легче, когда мы снова очутились на солнечном свете и пошли по тропинке, протоптанной через поле покойным капитаном.

Флигель оказался простейшей деревянной постройкой с легкой кровлей и двумя окнами: одно находилось подле двери, а другое в противоположной стене. Стэнли Хопкинс вынул ключ из кармана и нагнулся к замку; вдруг он остановился, и на его лице отразилось напряженное внимание и удивление.

— Замок хотели взломать, — сказал я.

В этом не приходилось сомневаться. Дверь была поцарапана, и белые царапины отчетливо выделялись на краске, как будто их только что нанесли. Холмс осмотрел окно.

— И окно кто-то пробовал открыть, но не смог. Видно, неопытный взломщик.

— Это очень странно, — сказал инспектор. — Могу поклясться, что вчера вечером этих царапин не было.

— Может, приходил из деревни какой-нибудь любопытный простак? — предположил я.

— Нет, не похоже. Мало кто решится ступить на двор усадьбы, а уж взломать «каюту» — таких смельчаков нет. А вы что думаете, мистер Холмс?

— Я думаю, что нам повезло.

— Вы полагаете, этот человек придет снова?

— Очень возможно. Он попробовал открыть дверь крохотным перочинным ножом. Это не удалось. Что ему остается теперь?

— Вернуться следующей ночью с более подходящим инструментом.

— Правильно. Глупо будет, если мы не подкараулим его. А пока разрешите мне осмотреть «каюту» внутри.

Следы трагедии были уже уничтожены, но мебель в маленькой комнате все еще стояла так же, как и в ночь убийства. В течение двух часов Холмс с огромным вниманием осматривал поочередно каждый предмет, но по его лицу было видно, что поиски безуспешны. Только раз он прервал свое кропотливое исследование.

— Вы брали что-нибудь с этой полки, Хопкинс?

— Нет, я не трогал ничего.

— Здесь что-то взято: в этом углу полки пыли меньше. Возможно, тут лежала книга, а может быть, коробка… Пожалуй, больше мне здесь делать нечего. Пойдемте погуляем в этих чудесных рощах, Уотсон, полюбуемся на птиц и на цветы. Мы встретимся с вами здесь попозже, Хопкинс. Не удастся ли нам поближе познакомиться с джентльменом, который заходил сюда нынче ночью?

В двенадцатом часу ночи мы устроили засаду. Хопкипс хотел оставить дверь хижины открытой, но Холмс побоялся, что это спугнет незнакомца. Замок был настолько несложен, что его можно было открыть любым достаточно крепким ножом. Холмс предложил также, чтобы мы засели не внутри хижины, а снаружи, в кустах, которые росли под вторым окном. Таким образом нам удалось бы проследить этого человека, если он зажжет свет, и разузнать цель его тайного ночного визита.

Наступило долгое, мучительное ожидание; нервная дрожь охватила нас. Так дрожит охотник, подстерегая у водопоя томимого жаждой зверя. Какой хищник подкрадется сюда из темноты? Лютый тигр, которого можно одолеть только в тяжкой борьбе с его сверкающими клыками и когтями, или трусливый шакал, опасный лишь для слабых и беззащитных?

В полном молчании мы притаились в кустах. Сначала до нас доносились шаги запоздалых прохожих и голоса из деревни, но мало-помалу эти звуки замерли. Наконец наступила полная тишина. Только бой часов на далекой церкви извещал нас о том, что время идет, да мелкий дождь шуршал и шептал в листве, которая служила нам кровом.

Пробило половину третьего: наступил самый темный предрассветный час. Внезапно мы вздрогнули, услышав тихий, но отчетливый скрип калитки. По дорожке кто-то шел. Снова наступила долгая тишина. Я уже подумал, что это ложная тревога, как вдруг за хижиной послышались осторожные шаги, а через мгновение — лязг и шум металла. Человек пытался взломать замок! На этот раз он действовал более умело или инструмент у него был получше — вскоре послышался треск, и дверные петли заскрипели. Затем чиркнула спичка, и в следующее мгновение ровный свет свечи озарил внутренность хижины. Сквозь тонкие занавески мы увидели все, что происходило внутри.

Ночной посетитель был худощавый, болезненного вида молодой человек. Черные усики оттеняли мертвенную бледность его лица. Ему, наверно, было немногим больше двадцати лет. Я еще ни разу не видел человека, находившегося в таком жалком состоянии: зубы у него стучали от страха, он дрожал всем телом. Он был одет как джентльмен: норфолкский жакет, короткие спортивные штаны, на голове суконная кепка. Мы видели, как он испуганно озирался по сторонам. Затем он поставил свечу на стол и исчез в одном из углов. Оттуда он возвратился с большой книгой — с одним из тех судовых журналов, целая кипа которых стояла на полке. Наклонившись над столом, он быстро перелистывал страницы, пока не наткнулся на запись, которую искал. Тогда он гневно ударил кулаком по журналу, поставил его на место и потушил свет.

Не успел он повернуться к выходу, как Хопкинс схватил его за воротник. Я услышал громкий крик ужаса: взломщик понял, что его поймали. Свечу снова зажгли. Несчастный пленник был в объятиях сыщика.

— Ну, милейший, — сказал Стэнли Хопкинс, — кто же вы такой и что вам здесь нужно?

Юноша овладел собой и старался казаться спокойным.

— Вы, наверно, сыщик? — спросил он. — И думаете, что я имею отношение к смерти капитана Питера Кэри? Уверяю вас, я к этому непричастен.

— Это будет видно, — сказал Хопкинс. — Прежде всего, как вас зовут?

— Джон Хопли Нелиган.

Я заметил, как Холмс и Хопкинс обменялись взглядом.

— Что вы тут делаете?

— Могу я надеяться, что вы не выдадите моей тайны?

— Непременно выдадим. Еще бы!

— В таком случае, какой же мне резон говорить?

— Если вы не скажете, вам плохо придется на суде.

Юноша содрогнулся.

— Ну что же, скажу, — промолвил он. — Почему бы и не сказать? Но как мне отвратительна мысль, что это старое позорное дело снова всплывет на поверхность! Вы когда-нибудь слышали о Даусоне и Нелигане?

По лицу Хопкинса я понял, что ему ничего не известно об этом, но Холмс встрепенулся и сказал:

— Вы имеете в виду владельцев Западного банка? Они обанкротились на миллион, разорили половину Корнуэллского графства, и Нелиган исчез.

— Совершенно верно. Нелиган — мой отец.

Наконец-то вскрылось нечто определенное. Но все же целая пропасть лежала между сбежавшим банкиром и капитаном Питером Кэри, которого пригвоздил к стене его же собственный гарпун. И мы внимательно продолжали слушать рассказ молодого человека.

— Это банкротство фактически коснулось только моего отца. Даусон удалился от дел раньше. Мне в то время исполнилось всего десять лет, но я был достаточно взрослый и чувствовал весь позор и ужас того, что случилось. Люди говорили, будто мой отец украл все ценные бумаги и сбежал. Это была неправда. Отец твердо верил, что если ему дадут время реализовать их, все обойдется и он полностью расплатится со всеми вкладчиками. Он отплыл в Норвегию на маленькой яхте, как раз перед тем, как был отдан приказ об его аресте. Я помню последнюю ночь, когда он прощался с моей матерью. Он оставил нам опись тех ценных бумаг, которые взял с собой. Он клялся, что восстановит свое доброе имя и что ни один из его доверителей не пострадает. С тех пор мы больше не слыхали о нем. И яхта и он исчезли. Мы с матерью были убеждены, что он покоится на дне морском. Есть у нас один верный друг, человек с деловыми связями, вот он-то недавно и узнал, что некоторые ценные бумаги, бывшие у отца, снова появились на Лондонском рынке. Можете себе представить наше изумление! Я потратил несколько месяцев на то, чтобы выяснить, откуда они взялись, испытал множество неудач и затруднений и наконец установил, что продавал их капитан Питер Кэри, владелец этой лачуги.

Естественно, я стал наводить справки о нем. Я узнал, что он командовал китобойным судном, которое возвращалось из полярных морей как раз в то время, когда мой отец следовал в Норвегию. Осень того года была ненастная, на море бушевали штормы. Отцовскую яхту, вероятно, отнесло на север, где ее и встретил корабль капитана Питера Кэри. Если это так, то куда же исчез мой отец? Во всяком случае, если бы Питер Кэри помог мне выяснить, как эти ценные бумаги попали на рынок, я доказал бы, что мой отец не продавал их и что он взял их с собой без всякой корыстной цели.

Я приехал в Суссекс, чтобы повидать капитана, но как раз в это время он погиб страшной смертью. В протоколе следствия я прочитал описание его «каюты». Упоминалось, между прочим, что там старые судовые журналы его корабля. Мне пришло в голову, что если бы мне посчастливилось прочитать в одном из этих журналов, что происходило в августе 1883 года на борту «Морского единорога», я узнал бы загадочную судьбу моего отца. Прошлой ночью я попытался добраться до этих журналов, но не мог открыть дверь. Сегодня моя попытка была успешнее, но обнаружилось, что страницы, относящиеся к этому месяцу, вырваны. Тут-то вы меня и схватили.

— Это все? — спросил Хопкинс.

— Да, все. — Глаза юноши забегали пои этих словах.

— Вам больше нечего сказать?

Он колебался:

— Нечего.

— Вы здесь не были до вчерашней ночи?

— Нет.

— А как же вы объясните вот это? — вскричал Хопкинс, протягивая ему злосчастную записную книжку с инициалами нашего пленника на первой странице и кровавым пятном на переплете.

Несчастный пал духом. Он закрыл лицо руками и вновь задрожал.

— Откуда же вы взяли ее? — простонал он. — А я и не знал… Я думал, что потерял ее в отеле.

— Довольно! — сурово произнес Хопкинс. — Если вам есть еще что сказать, вы скажете на суде. А теперь вы пойдете со мной в полицию… Ну, мистер Холмс, я весьма признателен вам и вашему другу за то, что вы пришли сюда помочь мне. Как выяснилось, в вашем присутствии не было надобности. Я довел бы дело до конца и без вас, но тем не менее я вам очень благодарен. Для вас оставлены комнаты в отеле «Брэмбльтай», и мы можем идти в деревню вместе.

— Ну, Уотсон, каково же ваше мнение обо всем этом? — спросил Холмс, когда на следующее утро мы ехали обратно.

— Я вижу, что вы не удовлетворены.

— О нет, мой дорогой Уотсон, я совершенно удовлетворен. Но в то же время не могу похвалить Стэнли Хопкинса. Его методы никуда не годятся. Я разочаровался в нем. Я ожидал от него большего. Всегда возможно второе решение задачи, и надо искать его. Это — первое правило уголовного следствия.

— Какое же здесь возможно второе решение?

— То, которое лежит в основе моего собственного расследования. Может статься, оно ничего и не даст. Я ничего не могу сказать, но пройду этот путь до конца.

На Бейкер-стрит Холмса ожидало несколько писем. Он схватил одно из них, вскрыл и торжествующе рассмеялся.

— Чудесно, Уотсон! Второе решение назревает. У вас есть телеграфные бланки? Напишите для меня парочку телеграмм: «Самнеру, пароходному агенту, Рэтклиффская дорога. Пришлите трех человек, отправка завтра десять утра. Бэзил». Это мое имя в тех кругах. Вторая: «Инспектору Стэнли Хопкинсу. Лорд-стрит, 46, Брикстон. Приезжайте завтра девять тридцать завтракать. Важно. Телеграфируйте, если не можете приехать. Шерлок Холмс». Так вот, Уотсон, эта чертовщина преследовала меня целых десять дней, теперь я хочу развязаться с ней. Завтра, надеюсь, мы покончим с этим делом — и уже навсегда.

Точно в указанный час появился инспектор Стэнли Хопкинс, и мы все уселись за великолепный завтрак, который приготовила миссис Хадсон. Молодой сыщик был в восторге от своей удачи.

— Так вы в самом деле уверены, что ваше объяснение правильно? — обратился к нему Холмс.

— Еще бы! Случай совершенно ясный.

— А по-моему, это дело еще не закончено.

— Вы удивляете меня, мистер Холмс! Чего же еще можно требовать?

— Разве ваше объяснение охватывает все стороны дела?

— Несомненно. Я узнал, что молодой Нелиган прибыл в отель «Брэмбльтай» в день, когда

было совершено преступление. Он приехал якобы для игры в гольф. Его комната находилась на первом этаже, и он мог уйти, когда ему вздумается. В ту самую ночь он пошел в Вудмеис Ли, встретился в хижине с Питером Кэри, повздорил с ним и убил его гарпуном. Затем, ужаснувшись делом рук своих, он убежал из хижины и обронил записную книжку. Принес он ее потому, что хотел расспросить Питера Кэри насчет этих ценных бумаг. Вы, наверно, заметили, что некоторые из них в списке отмечены крестиками? Это те, что проданы на Лондонском рынке. Но большинство их, очевидно, находилось еще у Кэри. Молодой Нелиган, по его признанию, мечтал овладеть ими, чтобы выплатить долги отца. Некоторое время после бегства он не отваживался подходить к хижине, но наконец решился, чтобы раздобыть нужные ему сведения. Просто и ясно, не правда ли?

Холмс улыбнулся и покачал головой.

— Я вижу в вашей версии один недостаток, Хопкинс: она абсолютно неправдоподобна. Вы пробовали проткнуть гарпуном тело? Нет? Так вот, дорогой сэр, вам придется обратить особое внимание на эту деталь. Мой друг Уотсон мог бы рассказать вам, как я упражнялся в этом целое утро. Это не так-то легко, тут нужна сильная и натренированная рука. А удар капитану был нанесен с такой силой, что гарпун глубоко вонзился в стену, пройдя его тело насквозь. Можно ли предположить, что этот хилый юноша способен нанести такой страшный удар? И что он именно тот человек, который глубокой ночью пил ром с Черным Питером? И что именно его профиль видели на занавеске за два дня до того? Нет, нет, Хопкинс, придется нам поискать кое-кого пострашнее.

Во время речи Холмса лицо сыщика все больше и больше вытягивалось. Его расчеты и надежды рушились, но он не сдавался без борьбы.

— Вы не можете отрицать, мистер Холмс, что Нелиган был там в ту ночь. Явное доказательство этого — книжка. По-моему, для суда этих данных достаточно, пусть даже в них и есть, по-вашему, слабое место. А самое главное, мистер Холмс, что мой преступник уже задержан. А вашего «человека пострашнее» я что-то еще не вижу.

— Я склонен думать, что он сейчас поднимается по нашей лестнице, — спокойно ответил Холмс. — Мне кажется, Уотсон, вам лучше держать этот револьвер под рукой. — Холмс встал и положил исписанный лист бумаги на столик, стоявший поблизости. — Теперь мы готовы, — добавил он.

Послышались грубые голоса, а затем миссис Хадсон открыла дверь и сказала, что трое мужчин спрашивают капитана Бэзила.

— Впустите их по одному, — сказал Холмс.

Первым вошел маленький, круглый человечек с румяными щеками и пышными седыми бакенбардами. Холмс вытащил из кармана письмо.

— Ваше имя? — спросил он.

— Джеймс Ланкастер.

— Мне очень жаль, Ланкастер, но место уже занято. Вот вам полсоверена за беспокойство. Пройдите в ту комнату и подождите несколько минут.

Второй был высокий высохший человек с гладкими волосами и болезненным цветом лица. Его звали Хью Пэттино. Он также получил отказ, полсоверена и приказание ждать.

У третьего посетителя была примечательная внешность. Его свирепое, бульдожье лицо обросло взъерошенными волосами и бородой, а из-под жестких, густо нависших бровей сверкали смелые темные глаза. Он поздоровался и стоял в позе моряка, теребя в руках свою кепку.

— Ваше имя? — спросил Холмс.

— Патрик Кэрнс.

— Гарпунщик?

— Да, сэр. Двадцать шесть рейсов.

— Из Данди, кажется?

— Да, сэр.

— Согласны пойти с экспедиционным судном?

— Да, сэр. Жалованье?

— Восемь фунтов в месяц. Могли бы отправиться немедленно?

— Как только получу снаряжение.

— Бумаги при вас?

— Да, сэр.

Он вытащил из кармана связку потрепанных и засаленных документов. Холмс просмотрел их и возвратил ему.

— Как раз такой человек мне и нужен, — сказал он. — Вот контракт на этом столе. Подпишите его, и дело с концом.

Моряк вразвалку прошел по комнате и взялся за перо.

— Здесь подписать? — спросил он, нагнувшись к столу.

Холмс склонился над его плечом и протянул руки поверх его шеи.

— Теперь все в порядке, — сказал он.

Я услышал лязг стали и рев разъяренного быка. В ту же минуту Холмс и моряк, сцепившись, покатились по полу. Моряк обладал гигантской силой: даже в наручниках, которые Холмс так ловко надел ему на руки, он мог бы одолеть моего друга. Но мы с Хопкинсом бросились на помощь. И только когда холодное дуло револьвера прижалась к его виску, он наконец понял, что сопротивление бесполезно. Мы связали ему ноги веревкой и подняли с полу, задыхаясь от борьбы.

— Я должен извиниться перед вами, Хопкинс, — сказал Шерлок Холмс, — яйца всмятку, боюсь, уже холодные. Но, я думаю, такой успешный конец следствия придаст вам аппетит.

Стэнли Хопкинс онемел от изумления.

— Что тут скажешь, мистер Холмс! — наконец выпалил он, мучительно покраснев. — Видно, я с самого начала свалял дурака. Нельзя было ни на минуту забывать, что вы учитель, а я всего лишь ученик. Даже теперь, видя вашу работу, я все-таки ничего не понимаю. Как вы это проделали?

— Ладно, ладно, — добродушно сказал Холмс, — мы все учимся на своих ошибках. Вот теперь вы уже твердо запомните, что нельзя упускать из виду второе решение. Вы были так поглощены молодым Нелиганом, что даже не вспомнили о Патрике Кэрнсе. А ведь он-то и сеть убийца Питера Кэри.

Хриплый голос моряка перебил его:

— Послушайте, мистер! Я не жалуюсь, что вы так грубо обошлись со мной, но надо все-таки называть вещи своими именами. Вы говорите: «Убийца Питера Кэри». А вот я заявляю, что был вынужден убить его. Это далеко не одно и то же. Может, вы не поверите? Может, вы думаете, я плету небылицы?

— Совсем нет, — ответил Холмс. — Мы охотно выслушаем все, что вы хотите сказать.

— Я буду говорить недолго, и, клянусь богом, каждое мое слово — правда. Я знал Черного Питера, и когда он взялся за нож, я схватил гарпун, потому что понимал, что только одному из нас быть в живых. Вот так он и умер. Может, это и называется убийством. Мне все равно, как умирать, только мне больше нравится испустить дух с веревкой на шее, чем с ножом Черного Питера в сердце.

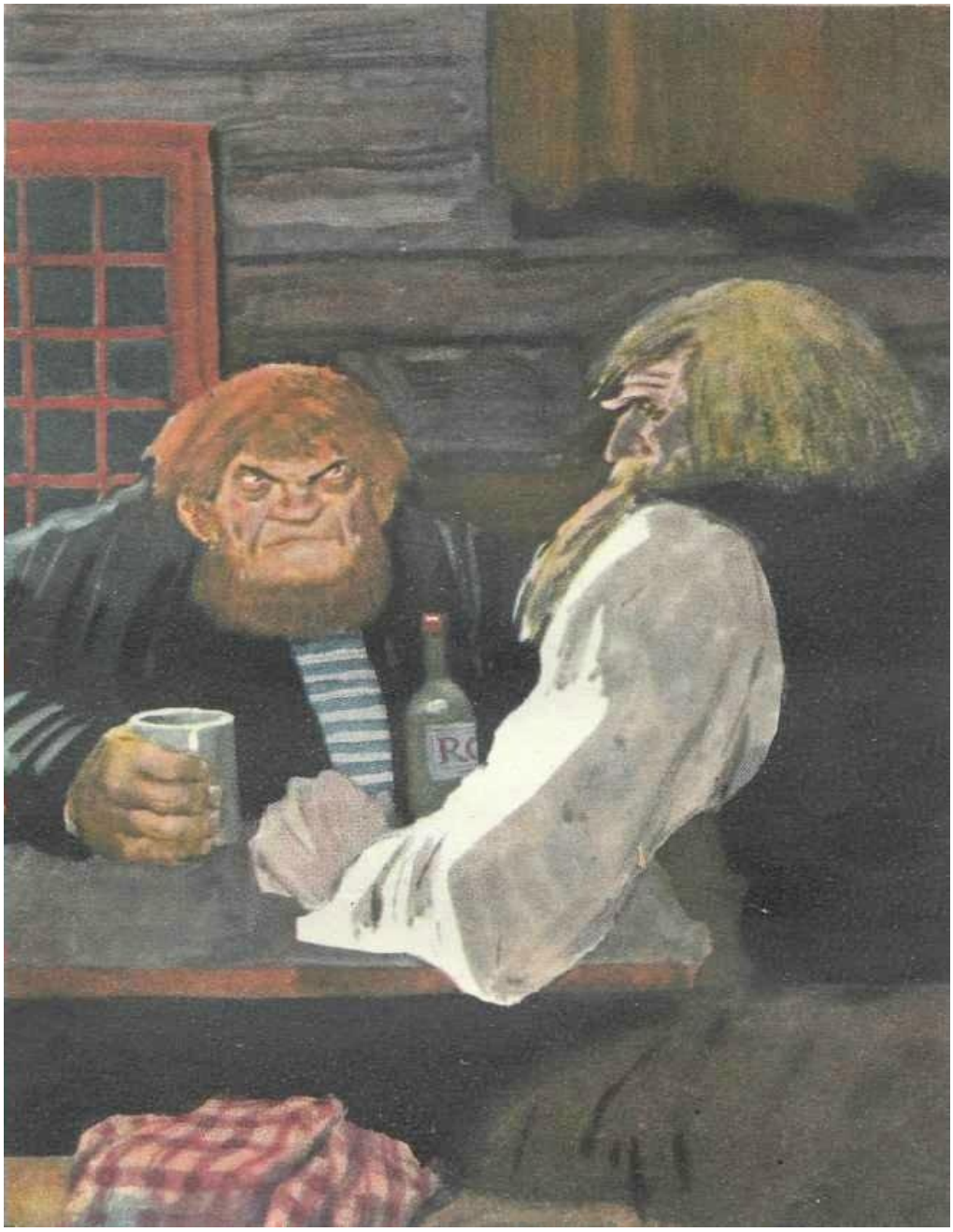
— Как вы очутились в его доме? — спросил Холмс.

— Я расскажу все по порядку. Только дайте я сяду, так легче будет говорить. Эта история началась в августе 1883 года. Питер Кэри был хозяином «Морского единорога», а я у него — запасным гарпунщиком. Мы выбирались из торосистых льдов и шли домой. Встречный ветер

трепал нас, а шторм не унимался целую неделю. Вдруг натыкаемся на маленькое суденышко: оно дрейфует на север. Всего экипажа один человек, да и тот не моряк. Остальные, бывшие в этом суденышке, решили, что оно пойдет ко дну, уселись в шлюпку и пошли к норвежскому берегу. И должно быть, все до одного потонули. Так вот, мы этого человека взяли к себе на судно. Они с капитаном долго толковали в каюте. Весь его багаж, принятый к нам на борт, состоял из одной жестяной коробки. Насколько мне известно, имени этого человека ни разу никто не назвал. На вторую же ночь он исчез, будто его и вовсе не бывало. Болтали, будто он или сам бросился в воду, или упал за борт — в ту ночь разыгралась сильная буря. Только один человек знал, что с ним случилось, — это был я. Потому что в глухую, темную ночь, за два дня до того, как мы миновали маяки Шотландских островов, я собственными глазами видел, как капитан схватил его за ноги и сбросил в море.

Я никому не сболтнул ни слова. Думал, посмотрю, что будет дальше. Пришли мы в Шотландию. Дела этого никто не поминал, да никто ни о чем и не спрашивал. Погиб человек случайно, и никому это не интересно. Вскоре Питер Кэри вышел в отставку, и только спустя много лет мне удалось узнать, где он поселился. Я сообразил, что он взял грех на душу ради той жестяной коробки. Ну, думаю, теперь он мне заплатит как следует, чтобы я держал язык за зубами.

От одного моряка, который встретил его в Лондоне, я узнал, что он живет здесь, и приехал, чтобы выжать из него кое-что. В первую ночь он держался благоразумно: пообещал мне такую сумму, что я на всю жизнь был бы избавлен от моря. Окончательно договориться мы должны были через две ночи. Я пришел. Вижу, он уже пьян и настроение у него самое гнусное. Мы сели, выпили, поговорили о старых временах. Чем больше он пил, тем меньше мне нравилось выражение его лица. Я заметил гарпун на стене: пожалуй, думаю, он мне понадобится. А того наконец прорвало: ухватил он большой складной нож и полез на меня, изрыгая слюну и ругань. Я по всему видел, что он готов на убийство. Но не успел он раскрыть нож, как я пригвоздил его гарпуном к стене. Боже, как он заревел! Его лицо до сих пор не дает мне уснуть… Кровь лилась ручьем, а я стоял и ждал. Но кругом было тихо, и я успокоился. Огляделся. Вижу: на полке жестяная коробка. У меня на нее такое же право, как у Питера Кэри, поэтому я взял ее и вышел из хижины. И сдуру забыл свой кисет на столе.



А теперь я расскажу вам самую диковинную часть этой истории. Только я выбрался на воздух, как вдруг слышу чьи-то шаги. Я засел в кустах. Смотрю, к хижине пробирается человек. Вошел в нее, закричал, как полоумный, и пустился бежать со всех ног, пока не пропал из виду. А я всех перехитрил: прошагал десять миль пешком, в Танбридж-Уэлсе сел на поезд и приехал в Лондон.

Когда я раскрыл коробку, оказалось, что в ней ни гроша. Ничего там не было, кроме бумаг, которые я не решился продать. Я потерял власть над Черным Питером и очутился на мели в Лондоне без единого шиллинга. У меня оставалось только мое ремесло. Я увидел эти объявления о гарпунщиках и большом жалованье и отправился к морским агентам, а они послали меня сюда. Вот все, что мне известно. И хоть я прикончил Черного Питера, но правосудие должно благодарить меня: я сэкономил правительству расход на пеньковую веревку.

— Весьма убедительные показания, — сказал Холмс, вставая и закуривая трубку. — Я думаю, Хопкинс, вам следует, не теряя времени, препроводить арестованного в более надежное место. Эта комната не совсем пригодна под камеру, мистер Патрик Кэрнс занимает слишком много места на нашем ковре.

— Не знаю, как и благодарить вас, мистер Холмс, — сказал Хопкинс. — До сих пор я не понимаю, как вы достигли такого успеха.

— Просто я с самого начала ухватился за верную нить. Знай я раньше о записной книжке, она, может быть, так же сбила бы меня с толку, как и вас. Но все, что я слышал об этом деле, вело только в одном направления. Огромная силища, уменье пользоваться гарпуном, бутылка рома, кисет из тюленьей кожи с крепким табаком — все это указывало на моряка, причем на китобоя. Я был убежден, что инициалы «П. К.» — простое совпадение. Кисет не принадлежал Питеру Кэри, потому что тот редко курил и в его «кающе» не нашли трубки. Вы помните, я спрашивал, были ли в «кающе» виски и коньяк. Вы ответили, что были. Но кто, кроме моряка, станет пить ром, когда под рукой есть коньяк или виски? Да, я был уверен, что это моряк.

— А как вы отыскали его?

— Мой дорогой сэр, ведь это же очень просто. Моряк мог быть только из числа тех, кто плавал вместе с Кэри на «Морском единороге». Насколько мне было известно, капитан на другом судне не плавал. Я затратил три дня на телеграммы в Данди, чтобы установить имена команды «Морского единорога» в 1883 году. Когда я узнал, что в числе гарпунщиков был Патрик Кэрнс, мои расследования почти закончились. Я считал, что этот человек находится, вероятно, в Лондоне и не прочь на некоторое время покинуть Англию. Поэтому я провел несколько дней в Ист-Энде, выдумал арктическую экспедицию, предложил заманчивые условия для гарпунщиков, которые будут служить под командой капитана Бэзила, — и вот результат.

— Замечательно! — воскликнул Хопкинс. — Просто замечательно!

— Вы должны как можно скорее добиться освобождения молодого Нелигана, — сказал Холмс. — Думаю, вам следует извиниться перед ним. Жестяную коробку надо ему возвратить, но, конечно, те ценные бумаги, что проданы Питером Кэри, уже пропали навсегда… Вот и кэб, Хопкинс, вы можете увезти этого человека. Если мое присутствие понадобится на суде, дайте нам знать в Норвегию. Точный адрес я сообщу вам позже.

Конец Чарльза Огастеса Милвертона

(Перевод под редакцией М.Литвиновой)

Прошли годы после событий, о которых я собираюсь говорить, а все-таки описывать их приходится с большой осторожностью. Долго нельзя было, даже крайне сдержанно и с недомолвками, обнародовать эти факты, но теперь главное действующее лицо недостижимо для человеческого закона, и с надлежащими сокращениями история эта может быть рассказана так, чтобы никому не повредить. Она заключает в себе единственный в своем роде случай как из деятельности Шерлока Холмса, так и моей. Читатель извинит меня, если я скрою дату или какой-нибудь факт, по которому он мог бы добраться до истинных участников этой истории.

Был холодный, даже морозный зимний вечер. Холмс и я совершили одну из своих вечерних прогулок и около шести часов вернулись домой. Когда Холмс зажег лампу, свет упал на лежавшую на столе карточку. Взглянув на нее, он с возгласом отвращения бросил ее на пол. Я поднял ее и прочел:

Чарльз Огастес Милвертон

Аплдор Тауэрс,

Хемпстед

Агент

— Кто это такой? — спросил я.

— Худший человек в Лондоне, — ответил Холмс, садясь и протягивая ноги к огню. — Не написано ли чего-нибудь на оборотной стороне карточки?

Я перевернул ее.

— «Зайду в 6.30 Ч. О. М.», — прочел я.

— Гм! Он сейчас будет здесь. Не испытывали ли вы, Уотсон, стоя перед змеями в зоологическом саду, гадливости и омерзения при виде этих скользких, ядовитых тварей с их ледяным взглядом и злыми плоскими мордами? Именно такие чувства заставляет меня испытывать Милвертон. За время своей деятельности я приходил в соприкосновение с пятьюдесятью убийцами, и худший из них никогда не вызывал у меня такого отвращения, как этот молодчик. А между тем я не могу не иметь с ним дела… Впрочем, он явится по-моему приглашению.

— Но кто же он такой?

— Я вам скажу, Уотсон. Это король всех шантажистов. Да поможет небо мужчине, а еще больше женщине, чье доброе имя окажется во власти Милвертона. Завладев их тайной, он будет их жать и жать с улыбающейся физиономией и каменным сердцем, пока не выжмет досуха. Он в своем роде гений, и в честной торговле его марка прославилась бы. Метод его следующий: он распространяет слух, что готов уплатить очень высокие суммы за письма, компрометирующие людей богатых или с положением. Он получает этот товар не только от лакеев и горничных, не гнушающихся предать, но часто и от благородных мерзавцев, которые добились доверия и расположения женщин. Он ведет дела, не скупясь. Мне известно, что он заплатил семьсот фунтов одному лакею за записку в две строчки и что результатом этого было разорение знатной фамилии. Весь подобный товар, появляющийся на рынке, идет к Милвертону, и в этой большой столице найдутся сотни людей, которые бледнеют, услыхав его имя. Никто не знает, кто завтра будет его жертвой, потому что он очень богат и очень хитер и ему не нужно зарабатывать каждый день. Он будет несколько лет держать про запас карту, чтобы пойти ею в тот момент, когда ставки в игре будут самые высокие. Я сказал, что он худший человек в Лондоне, и в самом деле, спрашиваю вас, как можно сравнить разбойника, сгоряча уложившего дубиной своего товарища, с этим человеком, который методически и не спеша терзает душу и выматывает нервы для того, чтобы умножить свои уже набитые золотом мешки?

Я редко слышал, чтобы мой друг говорил с такой горячностью.

— Но ведь есть же закон, — возразил я. — Так что и на этого человека можно найти управу.

— Теоретически — да, практически — нет. Какая польза для женщины заключить его на несколько месяцев в тюрьму, если за этим тотчас же последует ее гибель? Его жертвы не смеют парировать его ударов. Если бы он когда-нибудь занялся шантажом против невинной особы, тогда действительно мы поймали бы его, но он хитер, как сам дьявол. Нет, нет, надо найти другие пути для борьбы с ним.

— А для чего он явится сюда?

— Одна знатная клиентка поручила мне свое печальное дело. Это леди Ева Брэкуэл, самая красивая из девушек, начавших выезжать в прошлый сезон. Ее свадьба с герцогом Доверкором назначена через две недели. У этого исчадия имеется несколько неосторожных писем — всего только неосторожных, Уотсон, — которые были написаны ею одному бедному сквайру. Этих писем достаточно, чтобы помешать свадьбе. Милвертон пошлет их герцогу, если ему не будет уплачена крупная сумма. Мне поручено повидаться с ним и по возможности договориться.

В эту минуту на улице послышался лошадиный топот и скрип колес. Посмотрев в окно, я увидел великолепную карету, запряженную парой гнедых коней, яркий свет ее верхнего фонаря отражался на блестящих крупах благородных животных. Лакей открыл дверцы, и из кареты вышел низкого роста толстый мужчина в пальто с каракулевым воротником. Через минуту он был в нашей комнате.

Чарльз Огастес Милвертон был человек лет пятидесяти, с большой, умной головой, круглым, пухлым, бритым лицом, застывшей улыбкой и острыми серыми глазками, которые живо поблескивали-за большими очками в золотой оправе. Он походил бы на Пиквика, если бы не фальшивая, как наклеенная, улыбка и холодный блеск настороженных, проницательных глаз. Голос его был мягок и приятен, как и его добродушная по виду наружность, когда он, подходя с протянутой пухлой ручкой, выражал сожаление, что не застал нас в первый свой визит.

Холмс оставил без внимания протянутую руку, его лицо стало твердым и холодным, как гранит. Улыбка Милвертона стала еще шире; он пожал плечами, снял пальто, тщательно сложил его и, перекинув через спинку стула, сел.

— Этот джентльмен? — спросил он, делая плавный жест в мою сторону. — Не будет ли это нескромностью?

— Доктор Уотсон мой друг и коллега.

— Прекрасно, мистер Холмс. Я протестую только в интересах нашей клиентки. Дело такое щекотливое…

— Доктор Уотсон уже слышал о нем.

— Значит, мы можем приступить к делу. Вы говорите, что действуете от имени леди Евы. Уполномочила ли она вас принять мои условия?

— Какие ваши условия?

— Семь тысяч фунтов.

— А в случае несогласия?

— Дорогой сэр, мне тяжело обсуждать этот вопрос, но если деньги не будут уплачены четырнадцатого, то, конечно, восемнадцатого свадьбы не будет.

Его нестерпимая улыбка стала еще любезнее.

Холмс немного подумал.

— Мне кажется, — сказал он наконец, — что вы действуете сейчас с излишней уверенностью. Я знаю содержание писем. И моя клиентка поступит, конечно, так, как я ей посоветую. А я ей посоветую, чтобы она все рассказала своему будущему мужу и положилась на его великодушие.

Милвертон рассмеялся.

— Вы, очевидно, не знаете герцога, — сказал он.

Увидев расстроенное лицо Холмса, я понял, что он знает герцога.

— В письмах нет ничего дурного, — сказал он.

— Они бойки… очень бойки, — ответил Милвертон. — Леди писала прелестно. Но уверяю вас, что герцог Доверкорский не сумеет этого оценить. Впрочем, раз вы думаете иначе, то покончим на этом. Это вопрос чисто деловой. Вы находите, что ваша клиентка только выиграет, если эти письма попадут к герцогу, — тогда с вашей стороны будет поистине безумием платить за них такую большую сумму.

Милвертон встал и взял пальто.

Холмс стал серым от злости и досады.

— Постойте, — сказал он. — Вы уж слишком торопитесь. Мы, конечно, сделаем все, чтобы избежать скандала в таком щекотливом деле.

Милвертон снова сел.

— Я был уверен, что вы именно так подойдете к делу, — замурлыкал он.

— Вместе с тем, — продолжал Холмс, — леди Ева — небогатая женщина. Уверяю вас, что даже две тысячи фунтов будет для нее разорением, а сумма, которую вы назвали, ей положительно не по силам. Поэтому я вас прошу умерить требования и вернуть письма за ту цену, которую я упомянул и которая, уверяю вас, составляет все, что вы можете получить от нее.

Милвертон весь расплылся в улыбке, в его глазах заплясали веселые огоньки.

— Я знаю: то, что вы говорите о средствах леди, правда, — сказал он. — Но подумайте, этот брак — такой подходящий случай для ее друзей и родных что-либо сделать для нее. Они будут думать о свадебном подарке. Объясните им, что эта связка писем доставит ей больше радости, чем все лондонские канделябры и вазы.

— Это невозможно, — возразил Холмс.

— Боже мой, боже мой, как печально! — воскликнул Милвертон, вынимая из кармана толстую записную книжку. — Мне поневоле думается, что у наших дам плохие советчики, они не учат их делать усилия. Взгляните на это!

Он вынул из конверта с гербом записочку.

— Это принадлежит… впрочем, нехорошо быть нескромным. Вот завтра уже можно будет назвать имя, когда эта записка будет в руках мужа этой дамы. И все только потому, что она не хочет заплатить за нее нищенскую сумму, которую достала бы в полчаса, обменяв свои бриллианты на стразы. Такая жалость! Ну-с, а вы помните внезапный разрыв между мисс Майлс и полковником Доркингом? «Морнинг пост» сообщила о их разрыве всего за два дня до свадьбы. А почему? Нет, это почти невероятно, ведь каких-нибудь жалких тысяча двести фунтов — и все было бы улажено. Разве это не печально? И вы еще можете торговаться, вы, человек здравомыслящий, когда на карту поставлены честь и будущее вашей клиентки! Вы удивляете меня, мистер Холмс.

— Я говорю то, что есть, — возразил Холмс. — Таких денег моей клиентке взять неоткуда. Но сумма, которую я назвал, тоже немаленькая. Зачем отказываться от нее и губить счастье женщины? Ведь это не принесет вам барыша.

— Вот вы и ошиблись, мистер Холмс, огласка косвенным путем будет мне очень полезна. У меня наклевывается восемь — десять подобных случаев. Если пойдет слух, что я строго наказал леди Еву, то другие окажутся благоразумнее. Понимаете?

Холмс вскочил со стула.

— Хватайте его сзади, Уотсон! Не выпускайте из комнаты! Сейчас, сэр, мы посмотрим содержимое вашей записной книжки.

Милвертон быстро, как мышь, шмыгнул в угол и прижался спиной к стене.

— Мистер Холмс, мистер Холмс, — проговорил он, отворачивая борт сюртука и показывая дуло большого револьвера, торчавшего из внутреннего кармана. — Я ожидал от вас чего-нибудь более оригинального. С подобным обращением я сталкивался часто, и из этого никогда ничего

не выходило. Поверьте, я вооружен до зубов и готов применить оружие, зная, что закон на моей стороне. К тому же я не настолько глуп, чтобы захватить сюда эти письма. Так что вы опять ошиблись, мистер Холмс. Будьте здоровы, джентльмены, мне предстоят сегодня вечером еще два свидания, а до Хемстеда далеко.

Милвертон шагнул вперед, взял со стула свое пальто и, положив руку на револьвер, пошел к двери. Я схватился за стул, но Холмс покачал головой, и я опустил его. С поклоном, улыбкой и подмигиваниями Милвертон торжествующе вышел из комнаты, и через несколько секунд мы услышали, как стукнула дверца кареты и загромыхали колеса.

Холмс сидел недвижимо возле огня, глубоко засунув руки в карманы брюк, низко опустив голову и устремив пристальный взгляд на раскаленные угли. Так просидел он безмолвно с полчаса. Затем резким движением вскочил на ноги, как человек, принявший решение, и пошел к себе в спальню. Вскоре оттуда вышел щеголеватый мастеровой с козлиной бородкой и несколько развязными манерами. Прикурив от лампы глиняную трубку, он взялся за ручку двери.

— Я скоро вернусь, Уотсон, — сказал он и исчез во мраке ночи.

Я понял, что мой друг начал кампанию против Чарльза Огастеса Милвертона. Но мне и во сне не могло присниться, что из этого выйдет.

Несколько дней подряд Холмс выходил из дому в разное время в этом наряде, но, кроме того, что он бывает в Хемстеде и не теряет времени зря, я ничего не знал о его деятельности. Наконец в один ненастный вечер, когда за окном неистовствовала буря, он вернулся домой и, сняв свой костюм, сел перед огнем и от души рассмеялся.

— Вы ведь не замечали, Уотсон, за мной матримониальных наклонностей?

— Не замечал.

— Так знайте, я обручен.

— Дорогой друг! Поздра…

— Невеста — горничная Милвертона.

— Господи помилуй, Холмс!

— Я должен был собрать о нем сведения.

— И вы зашли слишком далеко?

— Это было необходимо. Я лудильщик по имени Эскот, и дела мои процветают. Каждый вечер мы гуляли и беседовали. О боже! Эти беседы! Однако же я добился, чего хотел. Я теперь знаю дом Милвертона, как свои пять пальцев.

— Но девушка, Холмс!

Он пожал плечами.

— Ничего не поделаешь, милый Уотсон. На очень уж крупную дичь охота. Но я с удовольствием могу сообщить вам, что у меня есть соперник, который тут же займет мое место, как только я покажу спину. Какая роскошная ночь!

— Вы любите такую погоду?

— Это то, что мне надо. Я намерен сегодня ночью, Уотсон, залезть в дом Милвертона.

У меня даже дух захватило и мороз побежал по коже — с такой непреклонной решимостью проговорил он эти слова. Подобно тому, как молния среди ночи освещает на один миг малейшие детали обширного ландшафта, я умственным взглядом окинул все результаты, могущие произойти от такого поступка, — поимка, арест, почтенная карьера, оканчивающаяся позором, лучший мой друг в руках отвратительного Милвертона.

— Ради самого неба, Холмс, одумайтесь! — воскликнул я.

— Дорогой друг, вы ведь знаете, я не люблю опрометчивых поступков, я все хорошо взвесил и никогда бы не пошел на такую опасную меру, если бы имелся другой выход. Посмотрим на

дело трезво. Вы, я полагаю, допускаете, что с точки зрения морали мой замысел оправдан, я совершу преступление только в глазах закона. Ограбить дом Милвертона — это не более чем отобрать у него силой записную книжку. А в этом вы сами были готовы помочь мне.

Я подумал.

— Да, — сказал я, — поступок нравственно законен, раз наша цель — взять только то, чем Милвертон пользуется для незаконных целей.

— Именно. А раз поступок с моральной точки зрения законен, остается только личный риск. Но истинный джентльмен не должен думать о риске, когда женщина так отчаянно нуждается в его помощи.

— Вы очутитесь в сложном положении.

— Это и есть риск. Я не вижу иного способа получить письма. У несчастной леди нет денег, а среди ее родных нет ни одного человека, которому она могла бы довериться. Завтра последний день, и, если мы не добудем писем сегодня ночью, этот негодяй сдержит свое слово и погубит ее. Поэтому я должен или все предоставить судьбе, или сделать этот последний ход. Между нами говоря, Уотсон, это своеобразная дуэль между Милвертоном и мною. При первом обмене ударов, как вы видели, перевес был на его стороне, и моя репутация и чувство собственного достоинства требуют, чтобы я продолжил ее.

— Мне это не нравится, но, видно, так должно быть, — сказал я. — Когда мы отправляемся?

— Вы со мной не пойдете.

— В таком случае и вы не пойдете, — возразил я. — Даю вам честное слово (а я никогда в жизни не нарушал его), что сейчас же найму кэб, поеду в полицию и выдам вас, если вы не возьмете меня с собой.

— Вы не можете мне помочь.

— Почем вы знаете? Неизвестно, что случится. Как бы там ни было, мое решение неизменно. Не вы одни обладаете чувством собственного достоинства и дорожите своей репутацией.

Холмс сначала казался раздосадованным, но теперь лицо его прояснилось, и он хлопнул меня по плечу.

— Ладно, дорогой друг, пусть будет так. Мы много лет жили в одной комнате, и нечего под конец менять традицию. Если не повезет, будем вместе делить камеру. Признаюсь, Уотсон, я всегда думал, что из меня вышел бы замечательный преступник. И вот наконец такая блестящая возможность!

Холмс вынул из ящика аккуратный кожаный футляр и, открыв его, показал мне несколько блестящих инструментов.

— Это первоклассный, последнего изобретения воровской набор, в нем никелированная фомка, алмаз для резания стекла, отмычки и все новейшие приспособления, требуемые прогрессом цивилизации. Вот также потайной фонарь. Все в порядке. Есть у вас бесшумные башмаки?

— Да, есть. Башмаки для тенниса с резиновыми подошвами.

— Прекрасно. А маска?

— Могу сделать пару из черного шелка.

— У вас, я вижу, врожденная склонность к таким вещам. Очень хорошо; делайте маски. Поужинаем перед уходом чем-нибудь холодным. Теперь половина девятого. В одиннадцать мы доедем до Черч-роу. Оттуда четверть часа ходьбы до Аплдор Тауэрс. Начнем работать еще до полуночи. Милвертон спит крепко и всегда ложится в половине одиннадцатого. При удаче будем дома в два часа с письмами леди Евы в кармане.

Мы надели фраки, чтобы иметь вид людей, возвращающихся из театра. На Оксфорд-стрит мы наняли кэб и доехали до Хемстеда. Там мы рассчитались с извозчиком и, застегнув доверху пальто, потому что было очень холодно и дул пронизывающий ветер, пошли вдоль Хиса.

— Это — дело деликатное, — сказал Холмс. — Документы находятся в кабинете Милвертона.

Заперты в сейфе. А кабинет примыкает к спальне. Но у него, как у всех толстяков, не жалующихся на здоровье, прекрасный сон. Агата (так зовут мою невесту) говорит, что ее хозяина пушкой не разбудишь. У Милвертона есть секретарь, который ему очень предан. Днем он никуда не выходит из кабинета: вот почему мы пошли ночью. Дом охраняет злющая собака, спущенная с цепи. Но я в последние два вечера приходил к Агате поздно, и она стала запирать ее. А вот и дом. Вот тот большой, в глубине сада. Пройдем в ворота, теперь направо между лавровыми кустами. Я думаю, пора надеть маски Видите, ни в одном окне нет света. Все идет прекрасно.

Надев маски и превратившись в настоящих разбойников, мы прокрались к безмолвному, мрачному дому. Вдоль одной его стороны была крытая веранда с несколькими окнами и двумя дверьми внутри.

— Это его спальня, — шепнул Холмс. — А рядом дверь в кабинет. Но она, к сожалению, заперта на засов и на замок. Отпирая ее, мы бы произвели слишком много шума. Так что пойдем кругом. Там есть оранжерея, в которую выходит гостиная.

Оранжерея была заперта, но Холмс вырезал стекло и повернул ключ изнутри. В следующий момент он запер за нами дверь, и мы в глазах закона стали преступниками. Нас охватил влажный, жаркий воздух зимнего сада и густые, одуряющие ароматы экзотических растений. Холмс взял меня в темноте за руку и быстро повел мимо кустов, ветки которых задевали нас по лицу. Мой друг обладал замечательной способностью: он видел в темноте Не выпуская моей руки, он открыл дверь, и я почувствовал, что мы вошли в большую комнату, в которой недавно курили сигары. Холмс двигался осторожно, стараясь не задеть мебель Потом он отворил другую дверь и закрыл ее за нами. Протянув руку, я ощупал несколько пальто, висевших на стене, и понял, что мы вышли в коридор. Мы прошли еще немного, и Холмс очень тихо отворил дверь с правой стороны. Что-то спрыгнуло на нас, и у меня душа ушла в пятки. Но это был кот, и я чуть не рассмеялся над своим испугом. В этой комнате горел в камине огонь, и тут также сильно пахло табачным дымом. Холмс вошел на цыпочках, подождал меня и затем очень тихо притворил дверь. Мы были в кабинете Милвертона. Портьера на противоположном конце скрывала вход в его спальню.

Огонь в камине ярко горел и освещал комнату. Возле дверей я увидел электрическую кнопку, но включать свет не было надобности, даже если бы это было безопасно. С одной стороны камина тяжелая портьера закрывала окно с выступом, которое мы видели снаружи. С другой стороны была дверь, выходящая на веранду. Посреди комнаты стоял письменный стол с вертящимся креслом, обитым яркой красной кожей. Напротив находился большой книжный шкаф с мраморным бюстом Афины наверху. В углу, между книжным шкафом и стеной, стоял большой зеленый сейф, и огонь камина ярко отражался в его начищенных медных ручках. Холмс, неслышно ступая, подошел к нему и осмотрел. Затем подкрался к двери спальни и, приблизив ухо к дверной щели, прислушался. Там было все тихо. Между тем мне пришло в голову, что не мешает обеспечить себе отступление через наружную дверь, и я осмотрел ее. К моему удивлению, она не была заперта ни на замок, ни на засов. Я дотронулся до руки Холмса, и он повернул свое лицо, скрытое маской, в сторону двери. Я видел, что он тоже удивлен.

— Мне это не нравится, — шепнул он мне в ухо. — Не понимаю, в чем дело. Во всяком случае, мы не должны терять времени.

— Могу я чем-нибудь помочь?

— Да, стойте у двери. Если услышите чьи-нибудь шаги, заложите засов, и мы уйдем тем путем, каким пришли. Если в комнату войдут со стороны зимнего сада и наша работа будет окончена, мы уйдем через эту дверь. Если же мы не успеем взять документы, то спрячемся за оконной портьерой. Ясно?

Я кивнул головой и встал у двери. Мое первое чувство страха прошло, и я трепетал от острого наслаждения, какого никогда не испытывал, когда мы защищали закон, а не бросали ему вызов, как теперь. Высокая цель нашей миссии, сознание, что нами двигают рыцарские побуждения, а не эгоистические, презрение, которое вызывала гнусная личность нашего противника, — все это умножало охотничий азарт. Я не чувствовал вины, а, наоборот, испытывал радость и возбуждение от опасности, которой мы подвергались. Я с восхищением наблюдал за Холмсом. Он раскрыл свой набор и выбирал нужный инструмент спокойно и внимательно, как хирург перед сложной операцией. Я знал, что открывание сейфов — его конек, и понимал радость, которую он испытывал, очутившись лицом к лицу с зеленым позолоченным чудовищем, с драконом, держащим в своей пасти репутацию многих прекрасных дам. Завернув рукава фрака (пальто свое он положил на стул), Холмс вынул два

сверла, фомку и несколько отмычек. Я стоял у двери, ведущей на веранду, не спуская глаз с других дверей, готовый ко всякой случайности, хотя, в сущности, у меня не было никаких планов, что делать в случае, если нас прервут. С полчаса Холмс сосредоточенно работал, откладывая один инструмент, выбирая другой, манипулируя ими с силой и точностью специалиста-механика. Наконец я услыхал, как что-то щелкнуло, широкая зеленая дверца открылась, и я мельком увидел внутри сейфа несколько пакетов, перевязанных, запечатанных и надписанных. Холмс взял один из них, но читать при мерцающем свете камина было трудно, и он вынул свой маленький потайной фонарь, так как включать свет рядом со спальней Милвертона было опасно. Вдруг я увидел, что Холмс поднял голову и стал внимательно прислушиваться. Затем в мгновение ока он толкнул дверцу сейфа, взял свое пальто, сунул инструменты в карманы и бросился за оконную портьеру, сделав мне знак последовать его примеру.

Только присоединившись к нему, я услыхал то, что встревожило его тонкий слух. Где-то в доме раздавался шум. Хлопнула дверь. Стали отчетливо слышны мерные, тяжелые шаги, быстро приближавшиеся к нам. У двери в кабинет шаги остановились. Открылась дверь. Резко щелкнул электрический выключатель. Дверь затворилась, и нашего обоняния коснулся едкий дым крепкой сигары. Затем шаги стали раздаваться в нескольких ярдах от нас, кто-то ходил по комнате взад и вперед. Наконец шаги смолкли и заскрипел стул. Затем щелкнул ключ в каком-то замке, и я услыхал шелест бумаги.

До сих пор я не осмеливался выглянуть, но тут я тихонечко раздвинул портьеры и заглянул в узкую щель. Я знал по тому, как Холмс прижался ко мне, что и он наблюдает. Прямо перед собой, почти на расстоянии руки мы увидели широкую круглую спину Милвертона. Было очевидно, что наши расчеты относительно его действий были совершенно ошибочны. Он и не входил спальню, а сидел в какой-нибудь курительной или бильярдной в дальнем флигеле дома, окна которого нам не были видны. Его широкая седеющая голова с блестящей лысиной была прямо перед нашими глазами. Он сидел, прислонившись к спинке красного кожаного кресла, ноги его были вытянуты, изо рта вверх торчала длинная черная сигара. На нем была тужурка цвета красного вина с черным бархатным воротником. Он держал в руках длинный документ, который лениво читал, выпуская изо рта кольца дыма. Его спокойные манеры и удобная поза говорили о том, что он расположился в кабинете надолго.

Я почувствовал, как рука Холмса проскользнула в мою и успокоительно ее пожала. Он как бы говорил мне, что предвидел такой оборот и не волнуется. Я не знал, видит ли он то, что было видно мне, а именно, что дверца сейфа закрыта неплотно и что Милвертон в любую минуту может заметить это. Про себя я решил, что если он обнаружит открытый сейф, — я тотчас выскочу из своей засады, наброшу ему на голову свое пальто, свяжу его и остальное предоставлю Холмсу. Но Милвертон ни разу не поднял глаз. Он неторопливо прочитывал бумаги, которые держал в руках, переворачивая страницу за страницей. Я надеялся, что он пойдет в спальню, когда кончит читать документ и докурит сигару; но не успел он окончить ни то, ни другое, как случилось нечто неожиданное.

Я заметил, что Милвертон несколько раз взглянул на часы, а однажды встал и снова сел, проявляя нетерпение. Но мне и в голову не приходило, что у него могло быть назначено свидание в такой неурочный час. Вдруг со стороны веранды до моего слуха донесся слабый звук шагов. Милвертон бросил бумаги и вытянулся на стуле. Скоро послышался легкий стук в дверь. Милвертон встал и открыл ее.

— Вы опоздали на полчаса, — произнес он резко.

Так вот объяснение открытой двери и ночного бдения Милвертона! Мы услыхали легкое шуршание женского платья. Я сдвинул было портьеры, так как теперь лицо Милвертона было обращено к нам. Но любопытство взяло верх, и я снова чуть-чуть раздвинул их. Милвертон уже сидел в кресле, и его черная сигара так же заносчиво торчала вверх. В середине комнаты, освещенная электрическим светом, стояла высокая, стройная женщина в темном капюшоне, стянутом у подбородка, с лицом, скрытым вуалью. Женщина быстро и прерывисто дышала, и вся ее гибкая фигура дрожала от сильного волнения.

— Вы, милая, лишили меня ночного отдыха, — сказал Милвертон. — Надеюсь, я буду вознагражден за это. Вы не могли прийти раньше?

Женщина покачала головой.

— Ну, не могли так не могли. Вы говорите, графиня немилостиво обращается с вами. У вас теперь есть возможность расквитаться с ней. Да что с вами, девушка? Что вы так дрожите? Вот так. Подбодритесь! А теперь приступим к делу. — Он вынул из ящика записку. — Вы

говорите, что имеете пять писем, компрометирующих графиню д'Альбер. Вы желаете их продать, я желаю их купить. Хорошо. Остается определить цену. Я, конечно, должен посмотреть письма, действительно ли это то, что надо… Господи, да вы ли это?

Женщина, не говоря ни слова, подняла вуаль и отбросила с головы капюшон. Я увидел красивую брюнетку с правильными, тонкими чертами, нос с изящной горбинкой, густые черные брови над горящими ненавистью глазами и тонкие губы, изогнутые зловещей улыбкой.

— Да, это я, — ответила она. — Несчастная, которую вы погубили.

Милвертон рассмеялся, но в смехе его послышался страх.

— Вы были так упрямы, — сказал он. — Зачем было доводить дело до крайности? Уверяю вас, по собственному желанию я и мухи бы не обидел. Но всякий человек по-своему зарабатывает на хлеб. Что же мне оставалось делать? Я назначил цену, которая вам по средствам. Вы не хотели заплатить.

— И тогда вы послали письма моему мужу; это надорвало сердце благороднейшему из людей. Я недостойна была завязывать ему шнурки на ботинках. И он умер. Вы помните ту ночь, когда здесь, в этом кабинете, я просила, умоляла вас о милосердии, а вы расхохотались мне в лицо? Вы и сейчас пытаетесь смеяться, но губы ваши дрожат. Негодяй! Трусливая тварь! Вы не думали, что еще раз увидите меня? Но именно в ту ночь я узнала, как можно проникнуть к вам, когда вы один. Ну-с, Чарльз Милвертон, что еще вы хотите сказать?

— Не воображайте, что вы испугали меня, — ответил Милвертон, поднимаясь на ноги. — Стоит мне крикнуть, явятся слуги и схватят вас. Но я буду снисходителен, ведь гнев ваш так понятен. Уходите отсюда. И кончим этот разговор.

Но женщина не двинулась с места, держа руку под плащом и все так же зловеще улыбаясь.

— Вам больше не удастся погубить ничью жизнь, как вы погубили мою. Вы больше не будете терзать сердца, как истерзали мое. Я спасу мир от ядовитой гадины. Получай, собака!

В ее руке блеснул маленький пистолет. Один выстрел, другой, третий… Дуло пистолета было в полуметре от груди Милвертона. Он пошатнулся, упал на стол, закашлялся, цепляясь за бумаги. Затем, шатаясь, поднялся и шагнул из-за стола. Грянул шестой выстрел, и он упал на пол.

— Вы убили меня, — успел только прошептать он.

Женщина пристально посмотрела на него и ударила каблуком по его лицу. Потом снова посмотрела — Милвертон не вскрикнул, не двинулся. Зашуршали юбки, в душной комнате повеяло ночной свежестью, и мстительница удалилась.

Никакое вмешательство с нашей стороны не могло бы спасти этого человека от его судьбы; если бы не Холмс, схвативший меня за руку, когда женщина посылала пулю за пулей в шатающегося Милвертона, я бросился бы ему на помощь. Я понял, что означает его твердое рукопожатие. Это не наше дело, правосудие наконец настигло мерзавца, у нас свои обязанности и своя цель, которую мы не должны терять из виду. Только что женщина исчезла, как Холмс быстрыми, неслышными шагами подошел к внутренней двери и повернул ключ в замке. В тот же момент мы услыхали в доме голоса и бегущие шаги. Выстрелы подняли весь дом. С невозмутимым видом Холмс быстро подошел к сейфу, выгреб обеими руками связки писем и бросил их все в огонь, потом еще и еще, пока сейф не опустел. Кто-то нажал ручку и

стал колотить в дверь. Холмс бросил по сторонам беглый взгляд. На столе Милвертона лежало испачканное кровью письмо — вестник смерти. Холмс бросил в камин и его. Затем вынул ключ из замка наружной двери, выпустил меня, вышел сам и запер дверь.

— Сюда, Уотсон, — сказал он, — надо перелезть через стену сада.

Я не представлял себе, что тревога может так быстро охватить дом. Оглянувшись, я увидел, что все окна сверкают огнями. Парадная дверь была отперта, по аллее бежали люди. Сад кишел народом. Кто-то заметил, как мы выбежали с веранды, закричал и бросился за нами. Холмс хорошо знал каждую дорожку сада, и он уверенно бежал вперед между кустами и деревьями. Я ни на шаг не отставал от него. За мной по пятам — я слышал его дыхание — мчался наш преследователь. Путь преградила шестифутовая стена. Холмс перескочил через нее. Я тоже прыгнул и, уцепившись за край, почувствовал, как чья-то рука схватила меня за ногу. Я выдернул ее, вскарабкался на верх стены, усыпанный битым стеклом, и упал в кусты лицом вниз. Холмс в одно мгновение поставил меня на ноги, и мы бросились бежать по огромной Хемстедской пустоши. Мы пробежали приблизительно две мили, когда Холмс наконец остановился и стал прислушиваться.

Вокруг нас царило абсолютное безмолвие. Мы ушли от погони. Мы спасены.

На следующее утро, когда, позавтракав, мы курили свои трубки, в нашей скромной гостиной появился инспектор Лестрейд из Скотленд-Ярда. Вид у него был важный и многозначительный.

— Доброе утро, мистер Холмс, — произнес он, — доброе утро. Скажите, пожалуйста, вы сейчас очень заняты?

— Занят, но с удовольствием послушаю вас.

— Не могли бы вы помочь нам расследовать очень интересное дело, случившееся прошлой ночью в Хемстеде?

— Господи! — воскликнул Холмс. — Что там такое случилось?

— Убийство… Крайне драматическое и замечательное. Я знаю, как вы живо интересуетесь подобными делами, и был бы вам очень обязан, если бы вы доехали до Аплдор Тауэрс и помогли бы нам. Это — необычное преступление. Мы с некоторых пор следили за убитым. Между нами будь сказано, он был изрядный негодяй. У него в сейфе хранились компрометирующие бумаги, которые он использовал для шантажа. Все эти бумаги сожжены убийцами. Не похищено ни одного ценного предмета Надо полагать, что преступники — люди из общества. Они руководствовались, по-видимому, единственной целью — предотвратить общественную огласку.

— Преступников было несколько? — спросил Холмс.

— Двое. Их чуть-чуть не поймали на месте преступления. У нас есть отпечатки их следов, есть их описание; десять шансов против одного, что мы найдем их. Первый был очень проворен, второго садовнику удалось было схватить, но тот вырвался. Это был мужчина среднего роста, крепкого сложения, с широким лицом, толстой шеей, усами и в маске.

— Приметы неопределенные, — возразил Шерлок Холмс. — Вполне подойдут хотя бы к Уотсону

— Правда, подойдут, — улыбнулся инспектор, которому это показалось забавным. — Точь-в-точь Уотсон.

— Боюсь, что я не смогу вам помочь, Лестрейд, — сказал Холмс. — Дело в том, что я знал этого Милвертона и считаю его одним из самых опасных людей в Лондоне. По-моему, есть преступления, на которые не распространяется закон. Личная месть бывает иногда справедлива. Не надо спорить. Я решил твердо. Мои симпатии на стороне преступников, а не их жертвы. Я не возьмусь за это дело.

Холмс за все утро ни разу не обмолвился о трагедии, свидетелями которой мы были. Но я заметил, что он был крайне задумчив и рассеян, как человек, пытающийся что-то припомнить. Вдруг он вскочил со стула.

— Клянусь Юпитером, Уотсон, — воскликнул он, — я вспомнил! Берите шляпу! Идемте со мной!

Чуть не бегом мы прошли Бейкер-стрит, Оксфорд-стрит и остановились почти у самой площади Риджент-серкес. Тут, налево, есть окно магазина, в котором выставлены фотографии знаменитостей дня и известных красавиц. Глаза Холмса устремились на одну из них, и, следуя за его взглядом, я увидел портрет гордой красавицы в придворном платье и с высокой бриллиантовой диадемой на благородной голове. Я посмотрел на тонко очерченный нос, на густые брови, на прямой рот и сильный маленький подбородок. У меня остановилось дыхание, когда я прочел прославленное веками имя великого сановника и государственного деятеля, чьей женой она была. Мои глаза встретились с глазами Холмса. Мы отошли от окна, и он приложил палец к губам.

Шесть Наполеонов

(Перевод М. и Н. Чуковских)

Мистер Лестрейд, сыщик из Скотленд-Ярда, нередко навещал нас по вечерам. Шерлоку Холмсу были приятны его посещения. Лестрейд приносил всевозможные полицейские новости, а Холмс в благодарность за это охотно выслушивал подробные рассказы о тех делах, которые были поручены сыщику, и как бы невзначай давал ему советы, черпая их из сокровищницы своего опыта и обширных познаний.

Но в этот вечер Лестрейд говорил только о погоде и о газетных известиях. Потом он вдруг умолк и стал задумчиво сдувать пепел с сигары. Холмс пристально посмотрел на него:

— У вас есть для меня какое-то интересное дело?

— О нет, мистер Холмс, ничего интересного!

— В таком случае рассказывайте.

Лестрейд рассмеялся:

— От вас ничего не скроешь, мистер Холмс. У меня действительно есть на примете один случай, но такой пустяковый, что я не хотел утруждать вас. Впрочем, пустяк-то пустяк, однако довольно странный пустяк, а я знаю, что вас особенно тянет ко всему необычному. Хотя, по правде сказать, это дело, скорее всего, должно бы занимать доктора Уотсона, а не нас с вами.

— Болезнь? — спросил я.

— Сумасшествие. И притом довольно странное сумасшествие. Трудно представить себе человека, который, живя в наше время, до такой степени ненавидит Наполеона Первого, что истребляет каждое его изображение, какое попадается на глаза.

Холмс откинулся на спинку кресла.

— Это дело не по моей части.

— Вот-вот, я так и говорил. Впрочем, если человек этот совершает кражу со взломом и если те изображения Наполеона, которые он истребляет, принадлежат не ему, а другим, он из рук доктора попадает опять-таки к нам.

Холмс выпрямился снова.

— Кража со взломом! Это куда любопытнее. Расскажите же мне все до малейшей подробности.

Лестрейд вытащил служебную записную книжку и перелистал ее, чтобы освежить свою память.

— О первом случае нам сообщили четыре дня назад, — сказал он. — Случай этот произошел в лавке Морза Хадсона, который торгует картинами и статуями на Кеннингтон-роуд. Приказчик на минуту вышел из магазина и вдруг услышал какой-то треск. Он поспешил назад и увидел, что гипсовый бюст Наполеона, стоявший на прилавке вместе с другими произведениями искусства, лежит на полу, разбитый вдребезги. Приказчик выскочил на улицу, но, хотя многие прохожие утверждали, что видели человека, выбежавшего из лавки, приказчику не удалось догнать его. Казалось, это один из тех случаев бессмысленного хулиганства, которые совершаются время от времени… Так об этом и доложили подошедшему констеблю. Гипсовый бюст стоил всего несколько шиллингов, и все дело представлялось таким мелким, что не стоило заводить следствие.

Новый случай, однако, оказался более серьезным и притом не менее странным. Он произошел сегодня ночью. На Кеннингтон-роуд, всего в нескольких сотнях шагов от лавки Морза Хадсона, живет хорошо известный врач, доктор Барникотт, у которого обширнейшая практика на южном берегу Темзы. Доктор Барникотт горячий поклонник Наполеона. Весь его дом битком набит книгами, картинами и реликвиями французского императора. Недавно он приобрел у Морза Хадсона две одинаковые гипсовые копии знаменитой головы Наполеона, вылепленной французским скульптором Девином. Одну из этих копий он поместил у себя в квартире на

Кеннингтон-роуд, а вторую поставил на камин в хирургической на Лоуэр-Брикстон-роуд. Вернувшись сегодня утром домой, доктор Барникотт обнаружил, что ночью его дом подвергся ограблению, но при этом ничего не похищено, кроме гипсового бюста, стоявшего в прихожей. Грабитель вынес бюст из дому и разбил о садовую решетку. Поутру возле решетки была найдена груда осколков.

Холмс потер руки.

— Случай действительно необыкновенный! — сказал он.

— Я был уверен, что вам этот случай понравится. Но я еще не кончил. Доктор Барникотт к двенадцати часам приехал в свой кабинет на Лоуэр-Брикстон, и представьте себе его удивление, когда он обнаружил, что окно кабинета открыто и по всему полу разбросаны осколки второго бюста. Бюст был развит на мельчайшие куски. Ни в том, ни в другом случае не удалось найти никаких следов преступника или, возможно, безумца, воспылавшего ненавистью к Наполеону. Вот, мистер Холмс, все факты.

— Они оригинальны и даже причудливы, — сказал Холмс. — Мне хотелось бы знать, являлись ли бюсты, разбитые в комнатах доктора Барникотта, точными копиями того бюста, который был разбит в лавке Морза Хадсона?

— Их отливали в одной и той же форме.

— Значит, нельзя утверждать, что человек, разбивший бюсты, действовал под влиянием ненависти к Наполеону. Если принять во внимание, что в Лондоне находится несколько тысяч бюстов, изображающих великого императора, трудно предположить, что неизвестный фанатик совершенно случайно начал свою деятельность с уничтожения трех копий одного и того же бюста.

— Это и мне приходило в голову. Но, с другой стороны, Морз Хадсон — единственный продавец бюстов в этом районе Лондона, и никаких других бюстов Наполеона, кроме этих трех, у него не было вот уже много лет. И хотя, как вы говорите, в Лондоне имеется несколько тысяч изображений великого императора, вполне вероятно, что в этом районе никаких других Наполеонов нет. Ничего удивительного поэтому, что безумец, если он живет здесь, начал именно с них, — сказал Лестрейд. — Что вы об этом думаете, доктор Уотсон?

— Виды помешательства чрезвычайно разнообразны, — ответил я. — Существует явление, которое современные французские психологи называют «idée fixe», то есть «навязчивая идея». Идея эта может быть совершенно пустячной, и человек, одержимый ею, может быть здоров во всех других отношениях. Предположим, что этот маньяк слишком много читал о Наполеоне или, скажем, узнал о какой-нибудь обиде, нанесенной его предкам во время наполеоновских войн. У него сложилась «навязчивая идея», и под ее влиянием он оказался способным на самые фантастические выходки.

— Ваша теория нам не подходит, мой милый Уотсон, — сказал Холмс, покачав головой, — ибо никакая «навязчивая идея» не могла бы подсказать вашему интересному маньяку, где находятся эти бюсты.

— А вы как это объясните?

— Я и не пытаюсь объяснить. Я только вижу, что в эксцентрических поступках этого джентльмена есть какая-то система.

Дальнейшие события произошли быстрее и оказались гораздо трагичнее, чем мы предполагали. На следующее утро, когда я одевался в своей спальне, Холмс постучал ко мне в дверь и вошел, держа в руке телеграмму. Он прочел ее вслух:

«Приезжайте немедленно в Кенсингтон, Питт-стрит, 131. Лестрейд».

— Что это значит? — спросил я.

— Не знаю. Это может значить все что угодно. Но мне кажется, это — продолжение истории с бюстами. Если я не ошибаюсь, из этого следует, что наш друг маньяк перенес свою деятельность в другую часть Лондона… Кофе на столе, Уотсон, и кэб у дверей.

Через полчаса мы были уже на Питт-стрит — в узеньком переулочке, тянувшемся параллельно одной из самых оживленных лондонских магистралей. Дом № 131 оказался плоскогрудым строением, в котором не было ничего романтического. Когда мы подъехали, перед его садовой решеткой стояла толпа зевак. Холмс свистнул:

— Черт побери, да ведь тут по крайней мере убийство! Никакое менее значительное обстоятельство не может задержать лондонского мальчишку-курьера. Его вытянутая шея и опущенные плечи, несомненно, означают, что произошло кровавое злодеяние. Смотрите, Уотсон. Верхняя ступенька мокрая, нижние сухие. Но следов, однако, вполне достаточно. А вон и Лестрейд за стеклянной дверью. Мы сейчас все от него узнаем.

Лестрейд вышел нам навстречу с очень угрюмым лицом и провел нас в гостиную, по которой взад и вперед бегал необыкновенно растрепанный пожилой человек во фланелевом халате. Его нам представили. Он оказался хозяином дома, мистером Хорэсом Харкером, газетным работником Центрального синдиката печати.

— История с Наполеонами продолжается, — сказал Лестрейд. — Вчера вечером она заинтересовала вас, мистер Холмс, и я подумал, что вы охотно примете участие в ее расследовании, особенно теперь, когда она привела к такому мрачному событию.

— К какому событию?

— К убийству. Мистер Харкер, расскажите, пожалуйста, этим джентльменам все, что произошло.

Человек в халате повернул к нам свое расстроенное лицо.

— Странная вещь, — сказал он. — Всю жизнь я описывал в газетах события, случавшиеся с другими людьми, а вот когда наконец у меня самого произошло такое большое событие, я до того растерялся, что двух слов не могу написать. Если бы я пришел сюда как репортер, я бы проинтервьюировал себя — и, пожалуйста, во всех вечерних газетах две моих колонки. А что же получается теперь? Я все пересказываю и пересказываю весь этот драгоценный материал посторонним людям и не могу им воспользоваться сам. Впрочем, ваше имя мне знакомо, мистер Шерлок Холмс, и, если вам удастся разъяснить нам это загадочное дело, я буду вознагражден за досадную необходимость в который раз излагать все происшествие.

Холмс сел и принялся слушать.

— Это убийство связано с бюстом Наполеона, который я купил очень дешево месяца четыре назад в магазине братьев Хардинг возле вокзала Хай-стрит. Обычно свои статьи я пишу по ночам и часто засиживаюсь за работой до утра. Мой кабинет на втором этаже, окна его выходят во двор. Так было и сегодня. Я сидел у себя, как вдруг около трех часов ночи снизу до меня донесся какой-то шум. Я прислушался, но все было тихо, и я решил, что шумели на улице. Но минут через пять я внезапно услышал ужасающий вопль — никогда еще, мистер Холмс, не приходилось мне слышать такого страшного вопля. Он будет звучать у меня в ушах до самой смерти. Минуту или две я сидел неподвижно, оцепенев от страха, потом взял кочергу и пошел вниз. Войдя в эту комнату, я увидел, что окно распахнуто и бюст, стоявший на камине, исчез. Я никак не могу понять, отчего грабитель прельстился этим бюстом. Обыкновеннейший гипсовый слепок, и цена ему грош. Как вы сами видите, из этого окна можно, сделав большой прыжок, попасть на ступеньки парадного хода. Так как грабитель, безусловно, удрал именно этим путем, я вышел в прихожую и открыл наружную дверь. Шагнув в темноту, я споткнулся и чуть не упал на лежавшего там мертвеца. Я бросился в дом за лампой. У несчастного на горле зияла рана. Все верхние ступени были залиты кровью. Он лежал на спине, подняв колени и раскрыв рот. Это было ужасно. Он будет мне сниться каждую ночь. Я свистнул в свой полицейский свисток и тотчас же потерял сознание. Больше я ничего не помню. Я очнулся в прихожей. Рядом стоял полисмен.

— Кто был убитый? — спросил Холмс.

— Этого определить не удалось, — сказал Лестрейд. — Можете сами осмотреть его в мертвецкой. Мы его уже осматривали, но ничего не узнали. Рослый, загорелый, очень сильный мужчина, еще не достигший тридцати лет. Одет бедно, но на рабочего не похож. Рядом с ним в луже крови валялся складной нож с роговой рукоятью. Не знаю, принадлежал ли он убитому или убийце. На одежде убитого не было меток, по которым можно было бы догадаться, как его зовут. В кармане нашли яблоко, веревочку, карту Лондона и фотографию. Вот она.

Это был моментальный снимок, сделанный маленьким аппаратом. На нем был изображен молодой человек с резкими чертами лица, с густыми бровями, с сильно развитыми челюстями, выступающими вперед, как у павиана. Вообще в нем было что-то обезьянье.

— А что стало с бюстом? — спросил Холмс, внимательно изучив фотографический снимок.

— Бюст удалось обнаружить только перед самым вашим приходом. Он был найден в садике перед пустым домом на Кэмпден-Хаус-роуд. Он разбит на мелкие куски. Я как раз направляюсь туда, чтобы осмотреть его. Хотите пойти со мной?

— Конечно. Но сперва я должен хотя бы мельком осмотреть эту комнату, — ответил Холмс, разглядывая ковер и окно. — Или у этого парня очень длинные ноги, или он вообще прекрасный прыгун. Нелегкое дело — вскочить на оконный карниз и открыть окно, принимая во внимание высоту, на которой оно находится. Обратный путь куда легче. Вы пойдете с нами, мистер Харкер, взглянуть на осколки бюста?

Безутешный журналист уже сидел за письменным столом.

— Нет, я все-таки попытаюсь что-нибудь написать, — ответил он. — Хотя я уверен, что первые выпуски вечерних газет уже раструбили по всему Лондону о происшествии. Такое уж мое везенье. Помните, как в Донкастере обрушилась трибуна? Так вот, я там был единственный репортер. И что же? Одна моя газета не поместила отчета о происшествии: я был слишком потрясен и не мог писать. И вот опять опоздал, хотя убийство произошло на пороге моего дома.

Уходя, мы слышали, как его перо яростно заскрипело по бумаге.

Место, где были найдены осколки бюста, находилось всего в нескольких ярдах от дома. Наконец мы увидели это изображение великого императора, вызвавшее столь бешеную и разрушительную ненависть в сердце какого-то незнакомца. Бюст лежал в траве, разбитый на мелкие куски. Холмс поднял несколько осколков и внимательно их исследовал. Я догадался по его напряженному лицу и уверенным движениям, что он напал на след.

— Ну что? — спросил Лестрейд.

Холмс пожал плечами.

— Нам еще много придется повозиться с этим делом, — сказал он. — И все-таки… все-таки у нас уже есть кое-что для начала. Этот грошовый бюст в глазах того странного преступника стоил дороже человеческой жизни. Вот первый факт. Есть и второй факт, не менее странный. Если единственная цель преступника заключалась в том, чтобы разбить бюст, отчего он не разбил его в доме или возле дома?

— Он был ошеломлен встречей с тем человеком, которого ему пришлось убить. Он сам не понимал, что делает.

— Что ж, это правдоподобно. Однако я хочу обратить ваше внимание на дом, стоящий в саду, где был разбит бюст.

Лестрейд посмотрел вокруг.

— Дом этот пустой, — сказал он, — и преступник знал, что тут его никто не потревожит.

— Да, — возразил Холмс, — но на этой улице есть и другой пустой дом, и ему нужно было пройти мимо него, чтобы дойти именно до этого дома. Почему он не разбил бюст возле первого пустого дома? Ведь он понимал, что каждый лишний шаг увеличивает опасность встречи с кем-нибудь.

— Я не обратил на это внимания, — сказал Лестрейд.

Холмс показал на уличный фонарь, горевший у нас над головой.

— Здесь этот человек мог видеть то, что он делает, а там не мог. Вот что привело его сюда.

— Вы правы, черт побери! — сказал сыщик. — Теперь я вспоминаю, что бюст, принадлежавший доктору Барникотту, был разбит возле его красной лампы. Но что нам делать с этим фактом, мистер Холмс?

— Запомнить его. Впоследствии мы можем наткнуться на обстоятельства, которые заставят нас вернуться к нему. Какие шаги вы теперь собираетесь предпринять, Лестрейд?

— По-моему, сейчас полезнее всего заняться выяснением личности убитого. Это дело не слишком трудное. Когда мы будем знать, кто он таков и кто его товарищи, нам удастся выяснить, что он делал ночью на Питт-стрит, кого он здесь встретил и кто убил его на лестнице мистера Хорэса Харкера. Вы не согласны с этим?

— Согласен. Но я подошел бы к разрешению этой загадки совсем с другого конца.

— С какого?

— О, я не хочу влиять на вас. Вы поступайте по-своему, а я буду поступать по-своему. Впоследствии мы сравним результаты наших розысков и тем самым поможем друг другу.

— Отлично, — сказал Лестрейд.

— Вы сейчас возвращаетесь на Питт-стрит и, конечно, увидите мистера Хорэса Харкера. Так передайте ему, пожалуйста, от моего имени, что, по моему мнению, прошлой ночью его дом посетил безумец, одержимый манией наполеононенавистничества. Это пригодится ему для статьи.

Лестрейд изумленно взглянул на Холмса:

— Неужели вы действительно так думаете?

Холмс улыбнулся:

— Так ли я думаю? Может быть, и не так. Но такая версия покажется очень любопытной мистеру Хорэсу Харкеру и подписчикам Центрального синдиката печати… Ну, Уотсон, нам сегодня предстоит хлопотливый день. Я буду счастлив, Лестрейд, если вы вечером, часов в шесть, зайдете к нам на Бейкер-стрит. А до тех пор я оставляю фотографию у себя. Возможно, что сегодня ночью мне понадобится ваша помощь и ваше участие в одной маленькой вылазке, если ход моих рассуждений окажется правильным. До свидания. Желаю вам удачи.

Мы с Шерлоком Холмсом отправились пешком на Хай-стрит и зашли в лавку братьев Хардинг, где был куплен бюсь. Молодой приказчик сообщил нам, что мистер Хардинг явится в лавку только к концу дня, а он сам не может дать нам никаких сведений, потому что служит здесь очень недавно. На лице Холмса появилось выражение разочарования и недовольства.

— Что же делать, Уотсон, невозможно рассчитывать на постоянную удачу, — сказал он наконец. — Придется зайти сюда к концу дня, раз до тех пор мистера Хардинга здесь не будет. Я, как вы, конечно, догадались, собираюсь проследить историю этих бюстов с самого начала, чтобы выяснить, не было ли при их возникновении каких-нибудь странных обстоятельств, заранее предопределивших их удивительную судьбу. Отправимся пока к мистеру Морзу Хадсону на Кеннингтон-роуд и посмотрим, не прольет ли он хоть немного света на эту загадку.

Целый час ехали мы до лавки торговца картинами. Он оказался маленьким толстым человеком с красным лицом и вспыльчивым характером.

— Да, сэр. Разбил на моем прилавке, сэр, — сказал он. — Чего ради мы платим налоги, если любой негодяй может ворваться к нам и перепортить товар! Да, сэр, это я продал доктору Барникотту оба бюста. Стыд и позор, сэр! Анархистский заговор — вот что это такое, по моему мнению. Только анархист способен разбить статую. Откуда я достал эти бюсты? Не понимаю, какое это может иметь отношение к делу. Ну что ж, если вам действительно нужно знать, я скажу. Я приобрел их у фирмы «Гельдер и компания», на Черч-стрит, в Степни. Это хорошо известная фирма, существующая уже двадцать лет. Сколько я их купил? Три. Два да один равняется трем. Два я продал доктору Барникотту, а один был разбит среди белого дня на моем собственном прилавке. Знаю ли я человека, изображенного на этой фотографии? Нет, не знаю. Впрочем, знаю. Это Беппо, итальянец-ремесленник. Иногда исполняет у меня в лавке кое-какую работу. Может резать по дереву, золотить рамы, всего понемножку. Он ушел от меня неделю назад, и с тех пор я ничего о нем не слыхал. Нет, я не знаю, откуда он взялся. Где он сейчас, тоже не знаю. Я ничего против него не имею. Работал он неплохо. Он ушел за два дня до того, как у меня разбили бюст…

— Что ж, Морз Хадсон дал нам больше сведений, чем мы могли ожидать, — сказал Холмс, когда мы вышли из лавки. — Итак, этот Беппо принимал участие и в тех событиях, которые произошли в Кеннингтоне, и в тех, которые произошли в Кенсингтоне. Ради такого факта не жаль проехать десять миль. А теперь, Уотсон, едем в Степни, на родину бюстов. Не сомневаюсь, что там мы узнаем много любопытного.

Мы поспешно проехали через фешенебельный Лондон, через Лондон гостиниц, через театральный Лондон, через литературный Лондон, через коммерческий Лондон, через Лондон морской и наконец въехали в прибрежный район, застроенный доходными домами. Здесь кишмя кишела беднота, выброшенная сюда со всех концов Европы. Здесь на широкой улице мы нашли ту скульптурную мастерскую, которую разыскивали. Мастерская находилась в

обширном дворе, наполненном могильными памятниками. Она представляла собой большую комнату, в которой помещалось человек пятьдесят рабочих, занятых резьбой и формовкой.

Рослый белокурый немец, хозяин фирмы, принял нас вежливо и дал ясные ответы на все вопросы Холмса. Записи в его книгах свидетельствовали, что с мраморной головы Наполеона работы Девина было отформовано множество копий, но те три бюста, которые около года назад он послал Морзу Хадсону, составляли половину отдельной партии из шести штук. Другие три бюста из этой партии были проданы братьям Хардинг в Кенсингтоне. Нет, бюсты этой шестерки ничем не отличались от всех остальных. Нет, он не знает, по какой причине кому-нибудь может прийти в голову уничтожать эти бюсты, подобная мысль кажется ему просто смешной. Оптовая цена этих бюстов — шесть шиллингов, но в розничной продаже можно за них взять двенадцать и даже больше. Бюсты эти изготовляются так: отливают два гипсовых слепка с двух половинок лица и потом склепывают оба профиля вместе. Всю эту работу обычно выполняют итальянцы вот в этой самой комнате. Когда бюст готов, его ставят на стол в коридоре, чтобы он высох, а потом отправляют на склад. Больше ему нечего нам рассказать.

Но тут Холмс показал хозяину фотографический снимок, и этот снимок произвел на хозяина потрясающее впечатление. Лицо его вспыхнуло от гнева, брови нависли над голубыми тевтонскими глазами.

— А, негодяй! — закричал он. — Да, я хорошо его знаю. Моя мастерская пользуется всеобщим уважением, за все время ее существования в ней только один раз была полиция… по вине вот этого субъекта! Случилось это больше года назад. Он полоснул на улице ножом другого итальянца и, удирая от полиции, вбежал ко мне в мастерскую. Здесь он и был арестован. Его звали Беппо. Фамилии его я не знаю. Я был справедливо наказан за то, что взял на работу человека, у которого такое лицо. Впрочем, он был хороший работник, один из лучших.

— К чему его присудили?

— Тот, кого он ранил, остался в живых, и поэтому его присудили только к году тюремного заключения. Не сомневаюсь, что он уже на свободе, но сюда он не посмеет и носа показать. У меня работает его двоюродный брат. Пожалуй, он может сообщить вам, где Беппо.

— Нет, нет, — вскричал Холмс, — не говорите его брату ни слова… умоляю вас, ни одного слова! Дело это очень серьезное. Чем больше я в него углубляюсь, тем серьезнее оно кажется мне. В вашей торговой книге помечено, что вы продали эти бюсты третьего июня прошлого года. А не можете ли вы мне сообщить, какого числа был арестован Беппо?

— Я могу установить это приблизительно по платежной ведомости, — ответил хозяин. — Да, — продолжал он, порывшись в своих бумагах, — последнее жалованье было ему выплачено двадцатого мая.

— Благодарю вас, — сказал Холмс. — Не буду больше отнимать у вас время и злоупотреблять вашим терпением.

Попросив его на прощанье никому не рассказывать о разговоре с нами, мы вышли из мастерской и вернулись на запад.

Полдень давно миновал, когда нам наконец удалось наспех пообедать в одном ресторане. У входа в ресторан продавались газеты, и на особом плакате, сообщающем о последних известиях, было напечатано крупными буквами: «Преступление в Кенсингтоне. Убийца — маньяк». Заглянув в газету, мы убедились, что мистеру Хорэсу Харкеру удалось-таки напечатать свою статью. Два столбца были заполнены сенсационным и пышным описанием событий, происшедших у него в доме. Холмс разложил газету на столике и читал, не отрываясь от еды. Раза два он фыркнул.

— Все в порядке, Уотсон, — сказал он. — Послушайте: «Приятно сознавать, что не может быть разных точек зрения на это событие, ибо мистер Лестрейд, один из самых опытных полицейских агентов, и мистер Шерлок Холмс, широко известный консультант и эксперт, сошлись на том, что цепь причудливых происшествий, окончившихся так трагически, свидетельствует о безумии, а не о преступлении. Рассказанные нами факты не могут быть объяснены ничем, кроме помешательства». Печать, Уотсон, — настоящее сокровище, если уметь ею пользоваться. А теперь, если вы уже поели, мы вернемся в Кенсингтон и послушаем, что нам расскажет владелец «Братьев Хардинг».

Основатель этого большого торгового дома оказался проворным, вертлявым человеком, очень подвижным и быстрым, сообразительным и болтливым.

— Да, сэр, я уже все знаю из вечерних газет. Мистер Хорэс Харкер — наш постоянный покупатель. Мы продали ему этот бюст несколько месяцев назад. Три таких бюста мы получили у «Гельдера и компании», в Степни. Они уже проданы. Кому? Я загляну в свою торговую книгу и вам отвечу. Да, вот тут все записано. Один бюст — мистеру Харкеру, другой — мистеру Джозии Брауну, живущему в Чизике, на Лабурнум-вэли, в Лабурнум-лодж, а третий — мистеру Сэндфорду, живущему в Рединге, на Лоуэр-Гров-роуд. Нет, мне это лицо незнакомо. Его не скоро забудешь — не правда ли, сэр? Никогда не видел такого урода. Есть ли у нас в штате итальянцы? Да, сэр, есть — рабочие и уборщики. Да, конечно, они могут, если угодно, заглянуть в эту книгу. Очень, очень странная история, сэр. Я надеюсь, вы дадите мне знать, если откроется что-нибудь интересное.

Пока мистер Хардинг говорил, Холмс что-то записывал. Вид у него был чрезвычайно довольный. Однако он ничего не объяснил мне и только сказал, что нам нужно торопиться, потому что нас ждет Лестрейд. Действительно, когда мы приехали на Бейкер-стрит, сыщик уже ждал нас, нетерпеливо шагая по комнате. По его важному виду нетрудно было догадаться, что день прошел для него не бесплодно.

— Как дела, мистер Холмс? — спросил он.

— Нам пришлось как следует поработать, и поработали мы недаром, — сказал мой друг. — Мы посетили обоих лавочников и хозяина мастерской. Я проследил судьбу каждого бюста с самого начала.

— Судьбу каждого бюста! — воскликнул Лестрейд. — Ладно, ладно, мистер Холмс, у всякого свои методы, и я не собираюсь спорить с вами, но мне кажется, что я за день достиг большего, чем вы. Я установил личность убитого.

— Да что вы говорите!

— И определил причину преступления.

— Превосходно!

— У нас есть инспектор, специалист по части итальянских кварталов. А на шее убитого оказался католический крестик. Кроме того, смуглый оттенок его кожи невольно наводит на мысль, что он уроженец юга. Инспектор Хилл узнал его с первого взгляда. Его зовут Пьетро Венуччи, он родом из Неаполя, один из самых отчаянных головорезов Лондона. Он связан с мафией, а мафия, как вы знаете, — тайная политическая организация, у которой один метод воздействия и убеждения — убийство. Как видите, все начинает проясняться. Его убийца тоже, вероятно, итальянец и тоже связан с мафией. Он, по-видимому, нарушил какой-то закон мафии. Пьетро выслеживал его и носил в кармане его фотографию, чтобы по ошибке не зарезать кого-нибудь другого. Он выследил своего врага, видел, как тот вошел в дом, дождался, когда тот вышел, напал на него и в схватке получил смертельную рану… Что вы об этом думаете, мистер Шерлок Холмс?

Холмс с жаром пожал ему руки.

— Превосходно, Лестрейд, превосходно! — воскликнул он. — Но я не вполне понимаю, как вы объясняете уничтожение бюстов.

— Опять бюсты! Вы никак не можете выкинуть эти бюсты из головы! В конце концов, история с этими бюстами — пустяки. Мелкая кража, за которую можно присудить самое большее к шести месяцам тюрьмы. Вот убийство — стоящее дело, и, как видите, я уже держу в своих руках все нити.

— Как же вы собираетесь поступать дальше?

— Очень просто. Я отправлюсь вместе с Хиллом в итальянский квартал, мы разыщем человека, изображенного на той фотографии, и я арестую его по обвинению в убийстве. Хотите пойти с нами?

— Едва ли. Пожалуй, нет. Мне кажется, мы добьемся успеха гораздо проще. Не могу ручаться, потому что это зависит… Словом, это зависит от одного обстоятельства, которое не в нашей власти. Два шанса за успех, один против. Итак, я надеюсь, что если вы пойдете со мною сегодня ночью, мы арестуем его.

— В итальянском квартале?

— Нет. По-моему, гораздо вернее искать его в Чизике. Если вы, Лестрейд, сегодня ночью

поедете со мной в Чизик, я обещаю вам завтра отправиться с вами в итальянский квартал. От этой отсрочки никакого вреда не будет. А теперь нужно немного поспать, потому что выходить раньше одиннадцати часов нет смысла, а вернуться нам удастся, вероятно, только утром. Пообедайте с нами, Лестрейд, и ложитесь на этот диван. А вы, Уотсон, позвоните и вызовите посыльного. Мне необходимо немедленно отправить письмо.

Холмс провел вечер, роясь в кипах старых газет, которыми был завален один из наших чуланов. Когда он наконец вышел из чулана, в глазах его сияло торжество, но он ничего не сказал нам о результатах своих поисков. Но я так внимательно следил за тем, как мой друг расследует это запутанное, головоломное дело, что, даже не понимая его замысла целиком, догадывался, каким образом он рассчитывает захватить преступника. Этот странный преступник теперь попытается уничтожить два оставшихся бюста, один из которых находится, как я запомнил, в Чизике. Несомненно, цель нашего ночного похода — захватить его на месте преступления. Я не мог не восхищаться хитростью моего друга, который нарочно сообщил вечерней газете совершенно ложные догадки, чтобы убедить преступника, что тот может действовать без всякого риска. И я не удивился, когда Холмс посоветовал мне захватить с собой револьвер. Он сам взял с собой свое любимое оружие — охотничий хлыст, рукоять которого была налита свинцом.

В одиннадцать часов у наших дверей остановился экипаж. По Хеммерсмитскому мосту мы переехали на противоположный берег Темзы. Здесь кучер получил приказание подождать. Мы пошли пешком и вскоре вышли на пустынную дорогу, окруженную изящными домиками. Вокруг каждого домика был маленький сад. При свете уличного фонаря на воротах одного из них мы прочли надпись: «Вилла Лабурнум». Обитатели дома, вероятно, уже спали, так как весь дом был погружен во тьму, и только круглое оконце над входной дверью тускло сияло, бросая пятно света на садовую тропинку. Мы вошли в ворота и притаились в густой тени деревянного забора, отделяющего садик от дороги.

— Боюсь, что ждать придется долго, — прошептал Холмс. — Мы должны благодарить судьбу, что нет дождя. И даже курить нельзя, чтобы убить время. Но мы наверняка будем вознаграждены за долгое терпение. Наши шансы — два к одному.

Впрочем, ожидание наше оказалось недолгим и окончилось самым неожиданным и странным образом. Внезапно, без всякого предупреждения, садовая калитка распахнулась, и гибкая темная фигурка, быстрая и подвижная, как обезьяна, помчалась по садовой тропинке. Мы видели, как она мелькнула в луче света, падавшем из окна, и исчезла в черной тени. Наступила долгая тишина, во время которой мы стояли затаив дыхание. Наконец слабый треск коснулся нашего слуха — это распахнулось окно. Потом снова наступила тишина. Преступник бродил по дому. Мы внезапно увидели, как вспыхнул в комнате свет его потайного фонаря. Того, что он искал, там, вероятно, не оказалось, потому что через минуту свет переместился в другую комнату.

— Идемте к открытому окну. Мы схватим его, когда он выпрыгнет, — прошептал Лестрейд.

Но преступник выпрыгнул из окна раньше, чем мы успели двинуться с места. Он остановился в луче света, держа под мышкой что-то белое, потом воровато оглянулся. Тишина пустынной улицы успокоила его. Повернувшись к нам спиной, он опустил свою ношу на землю, и через мгновение мы услышали сначала стук сильного удара, а затем постукивание и потрескивание. Он так погрузился в свое занятие, что не расслышал наших крадущихся шагов. Холмс, как тигр, прыгнул ему на спину, а мы с Лестрейдом схватили его за руки и надели на него наручники. Когда он обернулся, я увидел безобразное бледное лицо, искаженное злобой, и убедился, что это действительно тот человек, которого я видел на фотографии.

Но не на пленника устремил Холмс все свое внимание. Он самым тщательным образом исследовал то, что наш пленник вынес из дома. Это был разбитый вдребезги бюст Наполеона, совершенно такой же, как тот, что мы видели сегодня поутру. Холмс поочередно подносил к свету каждый осколок, не пропустив ни одного, но все они нисколько не отличались от любых других обломков гипса. Едва он успел закончить свое исследование, как в прихожей зажегся свет, дверь отворилась и перед нами предстал хозяин дома — добродушный полный мужчина в рубашке и брюках.

— Мистер Джозия Браун, если не ошибаюсь? — сказал Холмс.

— Да, сэр. А вы, без сомнения, мистер Шерлок Холмс? Посыльный принес мне вашу записку, и я поступил так, как вы мне посоветовали. Мы закрыли все двери и ждали, что произойдет. Рад видеть, что негодяй не ушел от вас. Пожалуйста, джентльмены, в дом, выпейте на дорогу.

Но Лестрейду хотелось поскорее доставить пленника в надежное убежище, и через несколько

минут наш кэб уже вез нас четверых в Лондон. Пленник не произнес ни слова; он злобно глядел на нас из-под шапки курчавых волос, а один раз, когда ему показалось, что он сможет дотянуться до моей руки, он бросился было на нее, как голодный волк.

В полицейском участке его тщательно обыскали, но не нашли ничего, кроме нескольких шиллингов и длинного кинжала, на рукояти которого были обнаружены следы крови.

— Все в порядке, — сказал Лестрейд, прощаясь с нами. — Хилл знает этих людей и без труда установит его личность. Увидите, моя теория, что преступники связаны с мафией, подтвердится полностью. Однако я очень благодарен вам, мистер Холмс, за то, что вы с таким мастерством устроили преступнику ловушку. Я до сих пор не совсем понимаю, как вам это удалось.

— Боюсь, в такой поздний час не стоит заниматься разъяснениями, — сказал Холмс. — Кроме того, некоторые подробности еще не вполне установлены, а это дело — одно из тех, которые необходимо доводить до конца. Если вы заглянете ко мне завтра в шесть, я докажу вам, что даже сейчас вы еще не вполне ясно понимаете подлинное значение этого исключительно своеобразного дела в хронике преступлений. Если, Уотсон, я когда-нибудь соглашусь, чтобы вы продолжали публиковать свои записи, не сомневаюсь, что эта история с бюстами Наполеонов будет их украшением.

Посетив нас на следующий вечер, Лестрейд сообщил нам все, что удалось установить о личности арестованного. Фамилия его неизвестна, а зовут его Беппо. Это самый отчаянный шалопай во всей итальянской колонии. Когда-то он был искусным скульптором, но потом сбился с пути и дважды побывал в тюрьме: один раз — за мелкое воровство, другой раз — за нанесение раны своему земляку. По-английски говорит он превосходно. До сих пор не выяснено, ради чего он разбивал бюсты, и он упорно отказывается отвечать на вопросы об этом. Но полиции удалось установить, что, возможно, он сам изготовлял эти бюсты, потому что был занят именно такой работой в мастерской «Гельдера и компании».

Все эти сведения, большая часть которых была нам уже известна, Холмс выслушал с вежливым вниманием, но я, знающий его хорошо, заметил, что мысли его заняты чем-то другим, и сквозь маску, которую он надел на себя, ясно увидел, что он чего-то ждет и о чем-то тревожится. Наконец он вскочил со стула, глаза у него заблестели. Раздался звонок. Через минуту мы услышали шаги, и в комнату вошел пожилой краснолицый человек с седыми бакенбардами. В правой руке он держал старомодный ковровый чемоданчик. Войдя, он поставил его на стол.

— Можно видеть мистера Шерлока Холмса?

Мой друг поклонился, и на лице его показалась улыбка.

— Мистер Сэндфорд из Рединга, если не ошибаюсь? — сказал он.

— Да, сэр. Я, кажется, немного запоздал, но расписание поездов составлено так неудобно… Вы писали мне об имеющемся у меня бюсте.

— Совершенно верно.

— Я захватил с собой ваше письмо. Вы пишете: «Желая приобрести слепок с бюста Наполеона работы Девина, я готов заплатить десять фунтов за тот слепок, который принадлежит вам». Так ли это?

— Именно так.

— Ваше письмо меня очень удивило, потому что я не мог догадаться, каким образом вы узнали, что у меня есть этот бюст.

— А между тем все это объясняется очень просто. Мистер Хардинг, владелец торгового дома «Братья Хардинг», сказал мне, что продал вам последнюю копию этого бюста, и сообщил мне ваш адрес.

— Понимаю. А он сказал вам, сколько я заплатил ему за этот бюст?

— Нет, не говорил.

— Я человек честный, хотя и не слишком богатый. Я заплатил за этот бюст только пятнадцать шиллингов, и я хочу поставить вас об этом в известность прежде, чем получу от вас десять фунтов.

— Такая щепетильность делает вам честь, мистер Сэндфорд. Но я сам назвал эту цену и не намерен от нее отказываться.

— Это очень благородно с вашей стороны, мистер Холмс. Я, согласно вашей просьбе, захватил бюст с собой. Вот он.

Он раскрыл чемодан, и наконец мы увидели у себя на столе в совершенно исправном состоянии такой же бюст, какой до сих пор нам удавалось видеть только в осколках.

Холмс вынул из кармана листок бумаги и положил на стол десятифунтовый кредитный билет.

— Будьте любезны, мистер Сэндфорд, подпишите эту бумагу в присутствии вот этих свидетелей. Здесь сказано, что вы уступаете мне все права, вытекающие из владения этим бюстом. Я, как видите, человек предусмотрительный. Никогда нельзя знать заранее, как впоследствии обернутся обстоятельства… Благодарю вас, мистер Сэндфорд. Вот ваши деньги. Желаю вам всего хорошего.

Когда наш посетитель удалился, Шерлок Холмс снова удивил нас. Он начал с того, что достал из комода чистую белую скатерть и накрыл ею стол. Потом он поставил только что купленный бюст на самую середину скатерти. Затем он поднял свой охотничий хлыст и тяжелой его рукоятью стукнул Наполеона по макушке. Бюст разлетелся на куски, и Холмс самым тщательным образом оглядел каждый кусок. Наконец с победным криком он протянул нам осколок, в котором находилось что-то круглое, темное, похожее на изюминку, запеченную в пудинге.

— Джентльмены! — воскликнул он. — Разрешите представить вам знаменитую черную жемчужину Борджиев!

Мы с Лестрейдом молчали; затем, охваченные внезапным порывом, начали аплодировать, как аплодируют в театре удачной развязке драмы. Бледные щеки Холмса порозовели, и он поклонился нам, как кланяется драматург, вызванный на сцену рукоплесканиями зрителей. В такие минуты Холмс переставал быть только машиной для решения логических задач, он проявлял чисто человеческое чувство — любовь к аплодисментам и похвалам. Его гордую, сдержанную натуру, чуждую всякого тщеславия, до глубины души тронуло восхищение и признание друзей.

— Да, джентльмены, — сказал он, — это самая знаменитая жемчужина во всем мире, и, к счастью, мне удалось путем размышлений проследить ее судьбу от спальни князя Колонны в гостинице «Дакр», где она пропала, до внутренности последнего из шести бюстов Наполеона, изготовленных в мастерской фирмы «Гельдер и компания», в Степни.

Вы, конечно, помните, Лестрейд, сенсационное исчезновение этого драгоценного камня и безуспешные попытки лондонской полиции найти его. Полиция обращалась за помощью даже ко мне, но и я был бессилен помочь. Подозрения пали на горничную княгини, родом итальянку. Всем было известно, что у этой горничной есть в Лондоне брат, но никаких связей между ними установить не удалось. Горничную звали Лукреция Венуччи, и я не сомневаюсь, что Пьетро, которого убили двое суток назад, был ее братом. Я просмотрел старые газеты и обнаружил, что исчезновение жемчужины произошло за два дня до ареста Беппо. А Беппо был арестован в мастерской Гельдера как раз в то время, когда там изготовлялись эти бюсты.

Теперь вам ясна цепь событий, хотя вы видите ее в обратной последовательности, как она раскрывалась мне. Жемчужина была у Беппо. Возможно, он украл ее у Пьетро; возможно, он был сам соучастником Пьетро; возможно, он был посредником между Пьетро и его сестрой. В сущности, для нас неважно, которое из этих предположений правильное. Для нас важно, что жемчужина у него была как раз в то время, когда за ним погналась полиция.

Он вбежал в мастерскую, где работал. Он знал, что у него есть всего несколько минут для того, чтобы спрятать необычайной ценности добычу, которую непременно найдут, если станут его обыскивать. Шесть гипсовых бюстов Наполеона сохли в коридоре. Один из них был еще совсем мягкий. Беппо, искусный работник, мгновенно проделал отверстие во влажном гипсе, сунул туда жемчужину и несколькими мазками придал бюсту прежний вид. Это было превосходное хранилище: найти там жемчужину невозможно. Но Беппо приговорили к году тюремного заключения, а тем временем все шесть бюстов были проданы в разные концы Лондона. Он не мог знать, в котором из них находится его сокровище. Только разбив все бюсты, можно было найти жемчужину. Даже тряся бюст, он не узнал бы ничего, так как жемчужина могла присохнуть к гипсу, что, как мы видели, и случилось.

Однако Беппо не отчаивался. Он принялся за поиски вдохновенно и последовательно. С

помощью двоюродного брата, работавшего у Гельдера, он узнал, каким фирмам были проданы эти бюсты. Ему посчастливилось получить работу у Морза Хадсона, и он выследил три бюста. В этих трех жемчужины не оказалось. С помощью своих сородичей он разведал, кому были проданы остальные три бюста. Первый из них находился у Харкера. Тут Беппо был выслежен своим сообщником, который считал его виновником пропажи жемчужины, и между ними произошла схватка.

— Если Пьетро был его сообщником, для чего он таскал с собой его фотографию? — спросил я.

— Чтобы можно было расспрашивать о нем у посторонних, — это наиболее вероятное предположение. Словом, я пришел к убеждению, что после убийства Беппо не только не отложит, а, напротив, ускорит свои поиски. Он постарается опередить полицию, боясь, как бы она не разнюхала его тайну. Конечно, я не мог утверждать, что он не нашел жемчужины в бюсте, принадлежавшем Харкеру. Я даже не знал наверняка, что это именно жемчужина, но для меня было ясно, что он что-то ищет, так как он разбивал похищенные бюсты только в тех местах, где был свет. Бюст у Харкера был один из трех, и, следовательно, шансы были именно таковы, как я говорил вам: один шанс против и два — за. Оставались два бюста, и было ясно, что он начнет с того, который находится в Лондоне. Я предупредил обитателей дома, чтобы избежать второй трагедии, и мы достигли блестящих результатов. К этому времени я уже твердо знал, что мы охотимся за жемчужиной Борджиев. Имя убитого связало все факты воедино. Оставался всего один бюст — тот, который находился в Рединге, — и жемчужина могла быть только в нем. Я купил этот бюст в вашем присутствии. И вот жемчужина.

Мы несколько мгновений молчали.

— Да, — сказал Лестрейд, — много раз убеждался я в ваших необычайных способностях, мистер Холмс, но такого мастерства мне еще встречать не приходилось. Мы в Скотленд-Ярде не завидуем вам. Нет, сэр. Мы вами гордимся. И если завтра придете туда, все, начиная от самого опытного инспектора и кончая юнцом констеблем, с радостью пожмут вашу руку.

— Спасибо! — сказал Холмс. — Спасибо! — повторил он и отвернулся. И мне показалось, что он растроган, как никогда раньше. Секунду спустя перед нами опять был холодный и трезвый мыслитель.

— Спрячьте жемчужину в сейф, Уотсон, — сказал он. — И достаньте, пожалуйста, материалы Конк-Синглтонского дела о подлоге. До свидания, Лестрейд. Когда вы опять столкнетесь с какой-нибудь маленькой загадкой, я буду счастлив, если смогу дать вам один-два полезных совета.

Три студента

(Перевод Н.Явно)

В 1895 году некоторые обстоятельства — я не буду здесь на них останавливаться — привел мистера Шерлока Холмса и меня в один из наших знаменитых университетских городов; мы пробыли там несколько недель и были участниками происшествия, простого, но весьма поучительного, о котором я и собираюсь рассказать. Разумеется, любые подробности, позволяющие читателю определить, в каком колледже происходило дело и кто был преступник, неуместны и даже оскорбительны. Столь позорное происшествие можно было бы предать забвению безо всякого ущерба. Однако с должным тактом его стоит изложить, ибо в нем проявились удивительные способности моего друга. В своем рассказе я постараюсь избегать всего, что позволило бы угадать, где именно это случилось или о ком идет речь.

Мы остановились тогда в меблированных комнатах неподалеку от библиотеки, где Шерлок Холмс изучал древние английские хартии, — его труды привели к результатам столь поразительным, что они смогут послужить предметом одного из моих будущих рассказов. Как-то вечером нас посетил знакомый, мистер Хилтон Сомс, преподаватель колледжа Святого Луки. Мистер Сомс был высок и худощав и всегда производил впечатление человека нервного и вспыльчивого. Но на сей раз он просто не владел собой, и по всему было видно, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

— Мистер Холмс, не сможете ли вы уделить мне несколько часов вашего драгоценного времени? У нас в колледже произошла пренеприятная история, и, поверьте, если бы не то счастливое обстоятельство, что вы сейчас в нашем городе, я бы и не знал, что делать.

— Я очень занят и не хотел бы отвлекаться от своих занятий, — отвечал мой друг. — Советую вам обратиться в полицию.

— Нет, нет, уважаемый сэр, это невозможно. Если делу дать законный ход, его уже не остановишь, а это как раз такой случай, когда следует любой ценой избежать огласки, чтобы не бросить тень на колледж. Вы известны своим тактом не менее, чем талантом расследовать самые сложные дела, и я бы ни к кому не обратился, кроме вас. Умоляю вас, мистер Холмс, помогите мне.

Вдали от милой его сердцу Бейкер-стрит нрав моего друга отнюдь не становился мягче. Без своего альбома газетных вырезок, без химических препаратов и привычного беспорядка Холмс чувствовал себя неуютно. Он раздраженно пожал плечами в знак согласия, и наш визитер, волнуясь и размахивая руками, стал торопливо излагать суть дела.

— Видите ли, мистер Холмс, завтра первый экзамен на соискание стипендии Фортескью, и я один из экзаменаторов. Я преподаю греческий язык, и первый экзамен как раз по греческому. Кандидату на стипендию дается для перевода большой отрывок незнакомого текста. Этот отрывок печатается в типографии, и, конечно, если бы кандидат мог приготовить его заранее, у него было бы огромное преимущество перед другими экзаменующимися. Вот почему необходимо, чтобы экзаменационный материал оставался в тайне.

Сегодня, около трех часов, гранки текста прибыли из типографии. Задание — полглавы из Фукидида. Я обязан тщательно его выверить — в тексте не должно быть ни одной ошибки. К половине пятого работа еще не была закончена, а я обещал приятелю быть у него к чаю. Уходя, я оставил гранки на столе. Отсутствовал я более часа.

Вы, наверное, знаете, мистер Холмс, какие двери у нас в колледже — массивные, дубовые, изнутри обитые зеленым сукном. По возвращении я с удивлением заметил в двери ключ. Я было подумал, что это я сам забыл свой ключ в замке, но, пошарив в карманах, нашел его там. Второй, насколько мне известно, у моего слуги, Бэннистера, он служит у меня вот уже десять лет, и честность его вне подозрений. Как выяснилось, это был действительно его ключ — он заходил узнать, не пора ли подавать чай, и, уходя, по оплошности забыл ключ в дверях. Бэннистер, видимо, заходил через несколько минут после моего ухода. В другой раз я не обратил бы внимания на его забывчивость, но сегодня она обернулась весьма для меня плачевно.

Едва я взглянул на письменный стол, как понял, что кто-то рылся в моих бумагах. Гранки были на трех длинных полосах. Когда я уходил, они лежали на столе. А теперь я нашел одну на полу, другую — на столике у окна, третью — там, где оставил.

Холмс в первый раз перебил собеседника.

— На полу лежала первая страница, возле окна — вторая, а третья — там, где вы ее оставили?

— Совершенно верно, мистер Холмс. Удивительно! Как вы могли догадаться?

— Продолжайте свой рассказ, все это очень интересно.

— На минуту мне пришло в голову, что Бэннистер разрешил себе недопустимую вольность — заглянул в мои бумаги. Но он это категорически отрицает, и я ему верю. Возможно и другое: кто-то проходил мимо, заметил в дверях ключ и, зная, что меня нет, решил взглянуть на экзаменационный текст. Речь идет о большой сумме денег — стипендия очень высокая, и человек, неразборчивый в средствах, охотно пойдет на риск, чтобы обеспечить себе преимущество.

Бэннистер был очень расстроен. Он чуть не потерял сознание, узнав, что гранки побывали в чужих руках. Я дал ему глотнуть бренди, и он так и остался сидеть в кресле без сил, пока я осматривал комнату. Помимо разбросанных бумаг, я скоро заметил и другие следы незваного гостя. На столике у окна лежали карандашные стружки. Там же я нашел кончик грифеля. Очевидно, этот негодяй, списывая текст в величайшей спешке, сломал карандаш и вынужден был его очинить.

— Прекрасно, — откликнулся Холмс. Рассказ занимал его все больше, и к нему явно возвращалось хорошее настроение. — Вам повезло.

— Это не все. Письменный стол у меня новый, он покрыт отличной красной кожей. И мы с Бэннистером готовы поклясться — кожа на нем была гладкая, без единого пятнышка. А теперь на поверхности стола я увидел порез длиной около трех дюймов — не царапину, а именно порез. И не только это, я нашел на столе комок черной замазки или глины, в нем видны какие-то мелкие крошки, похожие на опилки. Я убежден: эти следы оставил человек, рывшийся в бумагах. Следов на полу или каких-нибудь других улик, указывающих на злоумышленника, не осталось. Я бы совсем потерял голову, не вспомни, по счастью, что вы сейчас у нас в городе. И я решил обратиться к вам. Умоляю вас, мистер Холмс, помогите мне. Надо во что бы то ни стало найти этого человека, иначе придется отложить экзамен, пока не будет подготовлен новый материал, но это потребует объяснений, и тогда не миновать скандала, который бросит тень не только на колледж, но и на весь университет. У меня одно желание: не допустить огласки.

— Буду рад заняться этим делом и помочь вам, — сказал Холмс, поднимаясь и надевая пальто. — Случай любопытный. Кто-нибудь заходил к вам после того, как вы получили гранки?

— Даулат Рас, студент-индус, он живет на этой же лестнице и приходил справиться о чем-то, связанном с экзаменами.

— Он тоже будет экзаменоваться?

— Да.

— Гранки лежали на столе?

— Насколько я помню, они были свернуты трубочкой.

— Можно было догадаться, что это гранки?

— Пожалуй.

— Больше у вас в комнате никто не был?

— Никто.

— Кто-нибудь знал, что гранки пришлют вам?

— Только наборщик.

— А ваш слуга, Бэннистер?

— Конечно, нет. Никто не знал.

— Где сейчас Бэннистер?

— Он так и остался в кресле у меня в кабинете. Я очень спешил к вам. А ему было так плохо, что он не мог с места двинуться.

— Вы не закрыли дверь на ключ?

— Я запер бумаги в ящик.

— Значит, мистер Сомс, если допустить, что индус не догадался, то человек, у которого гранки побывали в руках, нашел их случайно, не зная заранее, что они у вас?

— По-моему, тоже.

Холмс загадочно усмехнулся.

— Ну что же, — сказал он, — идемте. Случай не в вашем вкусе, Уотсон, — тут нужно не действовать, а думать. Ладно, идемте, если хотите. Итак, мистер Сомс, я к вашим услугам.

Низкое окно гостиной нашего друга, длинное, с частым свинцовым переплетом, выходило в поросший лишайником старинный дворик колледжа. За дверью под невысокой аркой начиналась каменная лестница с истертыми ступенями. На первом этаже помещались комнаты преподавателя. На верхних этажах жили три студента, их комнаты находились одна над другой. Когда мы подошли, уже смеркалось. Холмс остановился и внимательно посмотрел на окно. Затем приблизился к нему вплотную, встал на цыпочки и, вытянув шею, заглянул в комнату.

— Очевидно, он вошел в дверь. Окно не открывается, только маленькая форточка, — сообщил наш ученый гид.

— Вот как! — отозвался Холмс и, непонятно улыбнувшись, взглянул на нашего спутника. — Что же, если здесь ничего не узнаешь, пойдемте в дом.

Хозяин отпер дверь и провел нас в комнату. Мы остановились на пороге, а Холмс принялся внимательно осматривать ковер.

— К сожалению, никаких следов, — сказал он. — Да, в сухую погоду их не может и быть. Слуга ваш, наверно, уже пришел в себя. Вы говорите, он так и остался в кресле, когда вы уходили? А в каком именно?

— Вон там, у окна.

— Понятно. Возле того столика. Теперь входите и вы. Я окончил осматривать ковер. Примемся теперь за столик. Нетрудно догадаться, что здесь произошло. Кто-то вошел в комнату и стал лист за листом переносить гранки с письменного стола на маленький столик к окну: оттуда он мог следить за двором на случай, если вы появитесь, и таким образом в нужную минуту скрыться.

— Меня он увидеть не мог, — вставил Сомс, — я пришел через калитку.

— Ага, превосходно! Но как бы то ни было, он устроился с гранками возле окна с этой целью. Покажите мне все три полосы. Отпечатков пальцев нет, ни одного! Так, сначала он перенес сюда первую и переписал ее. Сколько на это нужно времени, если сокращать слова? Четверть часа, не меньше. Потом он бросил эту полосу и схватил следующую. Дошел до середины, но тут вернулись вы, и ему пришлось немедленно убираться прочь; он так торопился, что не успел даже положить на место бумаги и уничтожить следы. Когда вы входили с лестницы, вы, случайно не слышали поспешно удаляющихся шагов?

— Как будто нет.

— Итак, неизвестный лихорадочно переписывал у окна гранки, сломал карандаш и вынужден был, как видите, чинить его заново. Это очень интересно, Уотсон. Карандаш был не совсем обычный. Очень толстый, с мягким грифелем, темно-синего цвета снаружи, фамилия фабриканта вытиснена на нем серебряными буквами и оставшаяся часть не длиннее полутора дюймов. Найдите такой точно карандаш, мистер Сомс, и преступник у вас в руках. Если я добавлю, что у него большой и к тому же тупой перочинный нож, то у вас появится еще одна улика.

Мистера Сомса несколько ошеломил этот поток сведений.

— Я понимаю ход ваших мыслей, — сказал он, — но как вы догадались о длине карандаша?..

Холмс протянул ему маленький кусочек дерева с буксами «нн», над которыми облупилась краска.

— Теперь ясно?

— Нет, боюсь, что и теперь не совсем…

— Вижу, что я всегда был несправедлив к вам, Уотсон. Оказывается, не вы один такой. Что означают эти буквы «нн»? Известно, что чаще других встречаются карандаши Иоганна Фабера. Значит, «нн» — это окончание имени фабриканта.

Он наклонил столик так, чтобы на него падал электрический свет.

— Если писать на тонкой бумаге, на полированном дереве останутся следы. Нет, ничего не видно. Теперь письменный стол. Этот комок, очевидно, и есть та темная наподобие глины масса, о которой вы говорили. Формой напоминает полую пирамидку; в глине, как вы и сказали, заметны опилки. Так, так, очень интересно! Теперь порез на столе — кожа, попросту говоря, порвана. Ясно. Начинается с тонкой царапины и кончается дырой с рваными краями. Весьма вам признателен за этот интересный случай, мистер Сомс. Куда ведет эта дверь?

— Ко мне в спальню.

— Вы заходили туда после того, как обнаружили посягательство на экзаменационный текст?

— Нет, я сразу бросился к вам.

— Позвольте мне заглянуть в спальню. Какая милая старомодная комната. Будьте любезны, подождите немного, я осмотрю пол. Нет, ничего интересного. А что это за портьера? Так, за ней висит одежда. Случись кому-нибудь прятаться в этой комнате, он забрался бы сюда: кровать слишком низкая, а гардероб узкий. Здесь, конечно, никого нет?

Холмс взялся за портьеру, и по его слегка напряженной и даже настороженной позе было видно, что он готов к любой неожиданности. Он отдернул портьеру, но там мы не увидели ничего, кроме нескольких костюмов. Холмс обернулся и внезапно наклонился над полом.

— Ну-ка, а это что? — воскликнул он.

На полу лежала точно такая пирамидка темной глины, как и на письменном столе. Холмс на ладони поднес ее к лампе.

— Ваш гость, как видите, оставил следы не только в гостиной, но и в спальне, мистер Сомс.

— Что ему было здесь нужно?

— По-моему, это вполне очевидно. Вы пришли не с той стороны, откуда он вас ждал, и он услыхал ваши шаги, когда вы уже были у самой двери. Что ему оставалось? Он схватил свои вещи и бросился к вам в спальню.

— Господи боже мой, мистер Холмс, значит, все время, пока я разговаривал с Бэннистером, негодяй сидел в спальне, как в ловушке, а мы об этом и не подозревали?

— Похоже, что так.

— Но, возможно, все было иначе, мистер Холмс. Не знаю, обратили ли вы внимание на окно в спальне.

— Мелкие стекла, свинцовый переплет, три рамы, одна на петлях и достаточно велика, чтобы пропустить человека.

— Совершенно верно. А выходит это окно в угол двора, так что со двора одна его часть не видна совсем. Преступник мог залезть в спальню, оставить за шторой следы, пройти оттуда в гостиную и наконец, обнаружив, что дверь не заперта, бежать через нее.

Холмс нетерпеливо покачал головой.

— Давайте рассуждать здраво, — сказал он. — Как я понял из ваших слов, этой лестницей пользуются три студента, и они обычно проходят мимо вашей двери.

— Да, их трое.

— И все они будут держать этот экзамен?

— Да.

— У вас есть причины подозревать кого-то одного больше других?

Сомс ответил не сразу.

— Вопрос весьма щекотливый, — проговорил он. — Не хочется подозревать никого, пока нет доказательств.

— И все-таки у вас есть подозрения. Расскажите их нам, а о доказательствах позабочусь я.

— Тогда я расскажу вам в нескольких словах о всех троих. Сразу надо мной живет Гилкрист, очень способный студент, отличный спортсмен, он играет за колледж в регби и крикет и держит первые места в барьерном беге и прыжках в длину. Вполне достойный молодой человек. Его отец — печальной известности сэр Джейбс Гилкрист — разорился на скачках. Сыну не осталось ни гроша, но это трудолюбивый и прилежный юноша. Он многого добьется.

На третьем этаже живет Даулат Рас, индус. Спокойный, замкнутый, как большинство индусов. Он успешно занимается, хотя греческий — его слабое место. Работает упорно и методично.

На самом верху комната Майлса Мак-Ларена. Когда он принимается за дело всерьез, то добивается исключительных успехов. Это один из самых одаренных наших студентов, но он своенравен, беспутен и лишен всяких принципов. На первом курсе его чуть не исключили за какую-то темную историю с картами. Весь семестр он бездельничал и, должно быть, очень боится этого экзамена.

— Значит, вы подозреваете его?

— Не берусь утверждать. Но из всех троих за него, пожалуй, я поручусь меньше всего.

— Понимаю. А теперь, мистер Сомс, познакомьте нас с Бэннистером.

Слуга был невысокий человек лет пятидесяти, с сильной проседью, бледный, гладко выбритый. Он не совсем еще оправился от неожиданного потрясения, нарушившего мирный ход его жизни. Пухлое лицо его подергивала нервная судорога, руки дрожали.

— Мы пытаемся разобраться в этой неприятной истории, Бэннистер, — обратился к нему хозяин.

— Понимаю, сэр.

— Если не ошибаюсь, вы оставили в двери ключ? — сказал Холмс.

— Да, сэр.

— Не странно ли, что его случилось с вами в тот самый день, когда в комнате были такие важные бумаги.

— Да, сэр, очень неприятно. Но я забывал ключ и раньше.

— Когда вы вошли в комнату?

— Около половины пятого. В это время я обычно подаю мистеру Сомсу чай.

— Сколько вы здесь пробыли?

— Я увидел, что его нет, и сейчас же вышел.

— Вы заглядывали в бумаги на столе?

— Нет, сэр, как, можно.

— Почему вы оставили ключ в двери?

— У меня в руках был поднос. Я хотел потом вернуться за ключом. И забыл.

— В двери есть пружинный замок?

— Нет, сэр.

— Значит, она стояла открытой все время?

— Да, сэр.

— И выйти из комнаты было просто?

— Да, сэр.

— Вы очень разволновались, когда мистер Сомс вернулся и позвал вас?

— Да, сэр. Такого не случалось ни разу за все годы моей службы. Я чуть сознания не лишился, сэр.

— Это легко понять, А где вы были, когда вам стало плохо?

— Где, сэр? Да вот тут, около дверей.

— Странно, ведь сели вы на кресло там, в углу. Почему вы выбрали дальнее кресло?

— Не знаю, сэр, мне было все равно, куда сесть.

— По-моему, он не совсем ясно помнит, что происходило, мистер Холмс. Вид у него был ужасный — побледнел как смерть.

— Сколько вы здесь пробыли по уходе хозяина?

— С минуту, не больше. Потом запер дверь и пошел к себе.

— Кого вы подозреваете?

— Сэр, я не берусь сказать. Не думаю, что во всем университете найдется хоть один джентльмен, способный ради выгоды на такой поступок. Нет, сэр, в это я поверить не могу.

— Благодарю вас, это все, — заключил Холмс. — Да, еще один вопрос. Кому-нибудь из трех джентльменов, у которых, вы служите, вы упоминали об этой неприятности?

— Нет, сэр, никому.

— А видели кого-нибудь из них?

— Нет, сэр, никого.

— Прекрасно. Теперь, мистер Сомс, с вашего позволения осмотрим двор.

Три желтых квадрата светились над нами в сгущавшихся сумерках.

— Все три пташки у себя в гнездышках, — сказал Холмс, взглянув наверх. — Эге, а это что такое? Один из них, кажется, не находит себе места.

Он говорил об индусе, чей темный силуэт вдруг появился на фоне спущенной шторы. Студент быстро шагал взад и вперед во комнате.

— Мне бы хотелось взглянуть на всех троих, — сказал Холмс. — Это можно устроить?

— Нет ничего проще, — отвечал Сомс. — Этот дом — самый старинный в колледже, и не удивительно, что у нас бывает много посетителей. Пойдемте, я сам вас проведу.

— Пожалуйста, не называйте ничьих фамилий! — попросил Холмс, когда мы стучались к Гилкристу.

Нам открыл высокий и стройный светловолосый юноша и, услышав о цели нашего посещения, пригласил войти.

Комната действительно представляла собой любопытный образец средневекового интерьера. Холмса так пленила одна деталь, что он решил тут же зарисовать ее в блокнот, сломал карандаш и был вынужден попросить другой у хозяина, а кончил тем, что попросил у него еще и перочинный нож. Такая же любопытная история приключилась и в комнатах у индуса — молчаливого, низкорослого человека с крючковатым носом. Он поглядывал на нас с

подозрением и явно обрадовался, когда архитектурные исследования Холмса пришли к концу. Незаметно было, чтобы во время этих визитов Холмс нашел улику, которую искал. У третьего студента нас ждала неудача. Когда мы постучали, он не пожелал нам открыть и вдобавок разразился потоком брани.

— А мне плевать, кто вы! Убирайтесь ко всем чертям! — донесся из-за двери сердитый голос. — Завтра экзамен, и я не позволю, чтоб меня отрывали от дела.

Наш гид покраснел от негодования.

— Грубиян! — возмущался он, когда мы спускались по лестнице. — Конечно, он не мог знать, что это стучу я. Но все-таки его поведение в высшей степени невежливо, а в данных обстоятельствах и подозрительно.

Реакция Холмса была довольно необычной.

— Вы не можете мне точно сказать, какого он роста? — спросил Холмс.

— По правде говоря, мистер Холмс, не берусь. Он выше индуса, но не такой высокий, как Гилкрист. Что-нибудь около пяти футов и шести дюймов.

— Это очень важно, — сказал Холмс. — А теперь, мистер Сомс, разрешите пожелать вам спокойной ночи.

Наш гид вскричал в испуге:

— Боже праведный, мистер Холмс, неужели вы оставите меня в такую минуту! Вы, кажется, не совсем понимаете, как обстоит дело. Завтра экзамен. Я обязан принять самые решительные меры сегодня же вечером. Я не могу допустить, чтобы экзамен состоялся, если кому-то известен материал. Надо найти выход из этого положения.

— Оставьте все, как есть. Я загляну завтра поутру, и мы все обсудим. Кто знает, быть может, к тому времени у меня появятся какие-то дельные предложения. А пока ничего не предпринимайте, решительно ничего.

— Хорошо, мистер Холмс.

— И будьте совершенно спокойны. Мы непременно что-нибудь придумаем. Я возьму с собой этот комок черной глины, а также карандашные стружки. До свидания.

Когда мы вышли в темноту двора, то снова взглянули на окна. Индус все шагал по комнате. Других не было видно.

— Ну, Уотсон, что вы об этом думаете? — спросил Холмс на улице. — Совсем, как игра, которой развлекаются на досуге — вроде фокуса с тремя картами, правда? Вот вам трое. Нужен один из них. Выбирайте. Кто по-вашему?

— Сквернослов с последнего этажа. И репутация у него самая дурная. Но индус тоже весьма подозрителен. Что это он все время расхаживает взад и вперед?

— Ну, это ни о чем не говорит. Многие ходят взад и вперед, когда учат что-нибудь наизусть.

— Он очень неприязненно смотрел на нас.

— Вы бы смотрели точно так же, если бы накануне трудного экзамена к вам ворвалась толпа ищущих развлечения бездельников. В этом как раз нет ничего особенного. И карандаши и ножи у всех тоже в порядке. Нет, мои мысли занимает совсем другой человек.

— Кто?

— Бэннистер, слуга. Он каким-то образом причастен к этой истории.

— Мне он показался безукоризненно честным человеком.

— И мне. Это как раз и удивительно. Зачем безукоризненно честному человеку… Ага, вот и большой писчебумажный магазин. Начнем поиски отсюда.

В городке было всего четыре мало-мальски приличных писчебумажных магазина, и в каждом Холмс показывал карандашные стружки и спрашивал, есть ли в магазине такие карандаши. Всюду отвечали, что такой карандаш можно выписать, но размера он необычного и в продаже

бывает редко. Моего друга, по-видимому, не особенно огорчила неудача, он только пожал плечами с шутливой покорностью.

— Не вышло, мой дорогой Уотсон. Самая надежная и решающая улика не привела ни к чему. Но, по правде говоря, я уверен, что мы и без нее сумеем во всем разобраться. Господи! Ведь уже около девяти, мой друг, а хозяйка, помнится мне, как будто говорила что-то насчет зеленого горошка в половине восьмого. Смотрите, Уотсон, как бы вам из-за вашего пристрастия к табаку и дурной привычки вечно опаздывать к обеду не отказали от квартиры, а заодно, чего доброго, и мне. Это, право, было бы неприятно, во всяком случае, сейчас, пока мы не решили странную историю с нервным преподавателем, рассеянным слугой и тремя усердными студентами.

Холмс больше не возвращался в тот день к этому делу, хотя после нашего запоздалого обеда он долго сидел в глубокой задумчивости. В восемь утра, когда я только что закончил свой туалет, он зашел ко мне в комнату.

— Ну, Уотсон, — сказал он, — пора отправляться в колледж Святого Луки. Вы можете один раз обойтись без завтрака?

— Конечно.

— Сомс до нашего прихода будет как на иголках.

— А у вас есть для него добрые вести?

— Кажется, есть.

— Вы решили эту задачу?

— Да, мой дорогой Уотсон, решил.

— Неужели вам удалось найти какие-то новые улики?

— Представьте себе, да! Я сегодня поднялся чуть свет, в шесть утра был уже на ногах, и не зря. Два часа рыскал по окрестности, отмерил, наверно, не менее пяти миль. И вот, смотрите!

Он протянул мне руку. На ладони лежали три пирамидки вязкой тёмной глины.

— Послушайте, Холмс, но вчера у вас было только две!

— Третья прибавилась сегодня утром. Понятно, что первая и вторая пирамидка того же происхождения, что и третья. Не так ли, Уотсон? Ну пошли, пора положить конец страданиям нашего друга Сомса.

И действительно, мы застали несчастного преподавателя в самом плачевном состоянии. Через несколько часов начинался экзамен, а он все еще не знал, как ему поступить — предать ли свершившееся гласности или позволить виновному участвовать в экзамене на столь высокую стипендию. Он места себе не находил от волнения и, увидев Холмса, с протянутыми руками бросился к нему.

— Какое счастье, что вы пришли! А я боялся, вдруг вы отчаялись и решили отказаться от этого дела. Ну, как мне быть? Начинать экзамен?

— Непременно.

— А негодяй…

— Он не будет участвовать.

— Так вы знаете, кто он?

— Думаю, что да. А чтобы история эта не вышла наружу, устроим своими силами нечто вроде небольшого военно-полевого суда. Сядьте, пожалуйста, вон там, Сомс! Уотсон, вы — здесь! А я займу кресло посредине. Я думаю, у нас сейчас достаточно внушительный вид, и мы заставим трепетать преступника. Позвоните, пожалуйста, слуге.

Вошел Бэннистер и, увидев это грозное судилище, отпрянул в изумлении и страхе.

— Закройте дверь, Бэннистер, — сказал Холмс. — А теперь расскажите всю правду о вчерашнем.

Слуга переменился в лице.

— Я все рассказал вам, сэр.

— Вам нечего добавить?

— Нечего, сэр.

— Что ж, тогда я должен буду высказать кое-какие свои предположения. Садясь вчера в это кресло, вы хотели скрыть какой-то предмет, который мог бы разоблачить незваного гостя, не правда ли?

Бэннистер побледнел как полотно.

— Нет, нет, сэр, ничего подобного.

— Это всего лишь только предположение, — мягко проговорил Холмс. — Признаюсь откровенно, я бы не мог этого доказать. Но предположение это вполне вероятно: ведь стоило мистеру Сомсу скрыться за дверью, как вы тут же выпустили человека, который прятался в спальне.

Бэннистер облизал пересохшие губы.

— Там никого не было, сэр.

— Мне прискорбно это слышать, Бэннистер. До сих пор вы еще, пожалуй, говорили правду, но сейчас, безусловно, солгали.

Лицо слуги приняло выражение мрачного упрямства.

— Там никого не было, сэр.

— Так ли это, Бэннистер?

— Да, сэр, никого.

— Значит, вы не можете сообщить нам ничего нового. Не выходите, пожалуйста, из комнаты. Станьте вон там, у дверей спальни. А теперь, Сомс, я хочу просить вас об одном одолжении. Будьте любезны, поднимитесь к Гилкристу и попросите его сюда.

Спустя минуту преподаватель вернулся вместе со своим студентом. Это был великолепно сложенный молодой человек, высокий, гибкий и подвижный, с пружинистой походкой и приятным, открытым лицом. Тревожный взгляд его голубых глаз скользнул по каждому из нас и наконец остановился с выражением неприкрытого страха на Бэннистере, сидевшем в углу.

— Закройте дверь, — сказал Холмс. — Так вот, мистер Гилкрист, нас пятеро, никого больше нет, и никто никогда не услышит о том, что сейчас здесь будет сказано. Мы можем быть предельно откровенными друг с другом. Объясните, мистер Гилкрист, как вы, будучи человеком честным, могли совершить вчерашний поступок?

Злосчастный юноша отшатнулся и с укором взглянул на Бэннистера.

— О нет, мистер Гилкрист, я никому не сказал ни слова, ни единого слова! — вскричал слуга.

— Да, это верно, — заметил Холмс. — Но ваше последнее восклицание равносильно признанию вины. И теперь, сэр, — прибавил Шерлок Холмс, глядя на Гилкриста, — вам останется одно — чистосердечно все рассказать.

Лицо Гилкриста исказилось, он попытался было совладать с собой, но уже в следующее мгновение бросился на колени возле стола и, закрыв лицо руками, разразился бурными рыданиями.

— Успокойтесь, успокойтесь, — мягко проговорил Холмс, — человеку свойственно ошибаться, и, уж конечно, никому не придет в голову назвать вас закоренелым преступником. Вам, наверное, будет легче, если я сам расскажу мистеру Сомсу, что произошло, а вы только поправьте меня там, где я ошибусь. Договорились? Ну, ну, не отвечайте, если вам это трудно. Слушайте и следите, чтобы я не допустил по отношению к вам ни малейшей несправедливости.

Дело начало для меня проясняться с той минуты, мистер Сомс, как вы объяснили мне, что

никто, даже Бэннистер, не мог знать, что гранки находятся в вашей комнате. Наборщик, безусловно, отпадал, — он мог списать текст еще в типографии. Индуса я тоже исключил: ведь гранки были скатаны трубкой и он, конечно, не мог догадаться, что это такое. С другой стороны, в чужую комнату случайно попадает какой-то человек, и это происходит в тот самый день, когда на столе лежит экзаменационный текст. Такое совпадение, на мой взгляд, невероятно. И я сделал вывод: вошедший знал о лежащем на столе тексте. Откуда он это знал?

Когда я подошел к вашему дому, я внимательно осмотрел окно. Меня позабавило ваше предположение, будто я обдумываю возможность проникнуть в комнату через окно — при свете дня, на глазах у всех, кто живет напротив. Мысль, разумеется, нелепая. Я прикидывал в уме, какого роста должен быть человек, чтобы, проходя мимо, увидеть через окно бумаги, лежавшие на столе. Во мне шесть футов, и я, только поднявшись на цыпочки, увидел стол. Никому ниже шести футов это бы не удалось. Тогда у меня возникло такое соображение: если один из трех студентов очень высокого роста, то в первую очередь следует заняться им.

Когда мы вошли и я осмотрел комнату, столик у окна дал мне еще одну нить. Письменный стол представлял загадку, пока вы не упомянули, что Гилкрист занимается прыжками в длину. Тут мне стало ясно все, не хватало нескольких доказательств, и я их поспешил раздобыть.

Теперь послушайте, как все произошло. Этот молодой человек провел день на спортивной площадке, тренируясь в прыжках. Когда он возвращался домой, у него были с собой спортивные туфли, у которых, как вы знаете, на подошвах острые шипы. Проходя мимо вашего окна, он благодаря высокому росту увидел на столе свернутые трубкой бумаги и сообразил, что это может быть. Никакой беды не случилось бы, если б он не заметил ключа, случайно забытого слугой. Его охватило непреодолимое желание войти и проверить, действительно ли это гранки. Опасности в этом не было: ведь он всегда мог притвориться, что заглянул к вам по делу. Увидев, что это действительно гранки, он не мог побороть искушения. Туфли он положил на письменный стол. А что вы положили на кресло у окна?

— Перчатки, — тихо ответил молодой человек.

— Значит, на кресле были перчатки. — Холмс торжествующе взглянул на Бэннистера. — А потом он взял первый лист и стал переписывать на маленьком столике. Окончив первый, принялся за второй. Он думал, что вы вернетесь через ворота, которые видны в окно. А вы вернулись, мистер Сомс, через боковую калитку. Внезапно прямо за порогом послышались ваши шаги. Забыв про перчатки, студент схватил туфли и метнулся в спальню. Видите, царапина на столе отсюда мало заметна, а со стороны спальни она резко бросается в глаза. Это убедительно свидетельствует, что туфлю дернули в этом направлении и что виновный спрятался в спальне. Земля, налипшая вокруг одного из шипов, осталась на столе, комок с другого шипа упал на пол в спальне. Прибавлю к этому, что нынче утром я ходил на спортивную площадку, где тренируются в прыжках; участок этот покрыт темной глиной. Я захватил с собой комок глины и немного тонких рыжеватых опилок — ими посыпают землю, чтобы спортсмен, прыгая, не поскользнулся. Так все было, как я рассказываю, мистер Гилкрист?

Студент теперь сидел выпрямившись.

— Да, сэр, именно так, — сказал он.

— Боже мой, неужели вам нечего добавить? — воскликнул Сомс.

— Есть, сэр, но я просто не могу опомниться, так тяжело мне это позорное разоблачение. Я не спал сегодня всю ночь и под утро, мистер Сомс, написал вам письмо. Раньше, чем узнал, что все открылось. Вот это письмо, сэр: «Я решил не сдавать экзамена. Мне предлагали не так давно поступить офицером в родезийскую армию, и на днях я уезжаю в Южную Африку».

— Я очень рад, что вы не захотели воспользоваться плодами столь бесчестного поступка, — проговорил Сомс. — Но что заставило вас принять такое решение?

Гилкрист указал на Бэннистера.

— Это он наставил меня на путь истинный.

— Послушайте, Бэннистер, — сказал Холмс. — Из всего мной рассказанного ясно, что только вы могли выпустить из комнаты этого молодого человека, ведь мистер Сомс оставил вас одного, а уходя, вы должны были запереть дверь. Бежать через окно, как видите, невозможно. Так не согласитесь ли вы поведать нам последнюю неразгаданную страничку этой истории и

объяснить мотивы вашего поведения?

— Все очень просто, сэр, если, конечно, знать подоплеку. Но догадаться невозможно, даже с вашим умом. В свое время, сэр, я служил дворецким у сэра Джейбса Гилкриста, отца этого юного джентльмена. Когда сэр Гилкрист разорился, я поступил сюда, в колледж, но старого хозяина не забывал, а ему туго тогда приходилось. В память о прошлых днях я, чем мог, служил его сыну. Так вот, сэр, когда мистер Сомс поднял вчера тревогу, зашел я в кабинет и вижу на кресле желтые перчатки мистера Гилкриста. Я их сразу узнал и все понял. Только бы их не увидел мистер Сомс — тогда дело плохо. Ни жив ни мертв упал я в кресло и не двигался до тех пор, пока мистер Сомс не пошел за вами. В это время из спальни выходит мой молодой хозяин и во всем признается, — а ведь я его младенцем на коленях качал, — ну как мне было не помочь ему! Я сказал ему все, что сказал бы ему покойный отец, объяснил, что добра от такого поступка не будет, и выпустил его. Можно меня винить за это, сэр?

— Нет, конечно, — от всего сердца согласился Холмс, поднимаясь с кресла. — Ну вот, Сомс, тайна раскрыта, а нас дома ждет завтрак. Пойдемте, Уотсон. Я надеюсь, сэр, что в Родезии вас ждет блестящая карьера. Однажды вы оступились. Но будущее ваше пусть будет незапятнано.

Пенсне в золотой оправе

(Перевод Н.Санникова)

Записки о нашей деятельности за 1894 год составляют три увесистых тома. Должен признаться, что мне трудно выбрать из этой огромной массы материала случаи, которые были бы наиболее интересны сами по себе и в то же время наиболее ярко отражали своеобразный талант моего друга. В нерешительности листаю я страницы своих записок. Вот ужасный, вызывающий дрожь отвращения случай про красную пиявку, а вот страшная смерть банкира Кросби. К этому году относится и трагедия в Эдлтоне и необычная находка в старинном кургане. Знаменитое дело о наследстве Смит-Мортимера тоже произошло в это время, и тогда же был выслежен и задержан Юрэ, убийца на Бульварах, за что Холмс получил благодарственное письмо от французского президента и орден Почетного легиона. Все эти случаи заслуживают внимания читателей, но в целом, мне кажется, ни один из них не содержит в себе столько интересного, как происшествие в Йоксли-Олд-плейс. Я имею в виду не только трагическую смерть молодого Уиллоуби Смита, но также последующие события, которые представили мотивы преступления в самом необычном свете.

Однажды вечером в конце ноября (погода была отвратительная, настоящая буря) мы сидели вместе с Холмсом в нашей гостиной на Бейкер-стрит. Я углубился в последнее исследование по хирургии, а Холмс старался прочитать с помощью сильной лупы остатки первоначального текста на палимпсесте. Мы молчали, поскольку каждый из нас был всецело погружен в свое дело. Дождь яростно хлестал в оконные стекла, а ветер с воем проносился по Бейкер-стрит. Странно, не правда ли? Мы находились в самом центре города, и произведения рук человеческих окружали нас со всех сторон на добрые десять миль, и в то же время вот вам — мы в плену стихийных сил, для которых весь Лондон не больше чем холмики крота в чистом поле. Я подошел к окну и стал смотреть на пустынную улицу. Там и сям в лужах на мостовой и тротуаре дробились огни уличных фонарей. Одинокий кэб выехал с Оксфорд-стрит, колеса его шлепали по лужам.

— Да, Уотсон, хорошо, что в такой вечер нам не надо никуда выходить, — сказал Холмс, отложив лупу и свертывая древнюю рукопись. — На сегодня достаточно. От этой работы очень устают глаза. Насколько я могу разобрать, это всего лишь счета аббатства второй половины пятнадцатого столетия. Постойте-ка! Что это значит? — последние слова он произнес, потому что сквозь вой ветра мы услышали стук копыт, а затем скрежет колеса о край тротуара. Видимо, кэб, который я увидел в окно, остановился у дверей дома.

— Что ему надо? — удивился я, увидев, что кто-то вышел из кэба.

— Что ему надо? Ему надо видеть нас. А нам, мой бедный Уотсон, надо надевать пальто, шарфы, галоши и все, что придумал человек на случай непогоды. Постойте-ка! Кэб уезжает! Тогда есть надежда. Если бы он хотел, чтобы мы поехали с ним, он бы не отпустил кэб. Придется вам пойти открыть дверь, поскольку все добропорядочные люди давно уже спят.

Свет лампы в передней упал на лицо нашего полуночного гостя. И я сразу узнал его. Это был Стэнли Хопкинс, молодой, подающий надежды детектив, к служебной карьере которого Холмс проявлял интерес.

— Он дома? — спросил Хопкинс.

— Дома, дома, сэр, — послышался сверху голос Холмса. — Надеюсь, вы не потащите нас куда-нибудь в такую ночь.

Детектив поднялся наверх. В свете лампы его плащ сверкал, как мокрая чешуя. Пока Холмс ворошил поленья в камине, я помогал Хопкинсу разоблачаться.

— Идите сюда, дорогой Хопкинс, и протяните ноги к огню, — сказал он. — Вот сигара, а у нашего доктора есть чудесная микстура, содержащая горячую воду и лимон. В такую ночь нет лучшего снадобья. Что-то очень важное погнало вас из дому в такую погоду, а?

— Вы не ошиблись, мистер Холмс. Какой у меня сегодня был день! Вы читали последние новости о йокслийском деле?

— Последние новости, которые я сегодня читал, относятся к пятнадцатому столетию.

— Ну, это ничего. Сообщение составляет всего один абзац, да там все переврано так, что вы

немного потеряли. Должен вам сказать, я не сидел, сложа руки. Йоксли находится в Кенте, в семи милях от Чатама и трех милях от железной дороги. Я получил телеграмму в три пятнадцать, был в Йоксли в пять, провел расследование, приехал с последним поездом в Лондон и со станции Чаринг-Кросс прямо к вам.

— Из чего я могу заключить, что вам не все ясно в этом деле.

— Не все ясно? Мне ничего не ясно. Такого запутанного дела у меня никогда не было, а сначала я подумал, что оно совсем простое и распутать его ничего не стоит. Нет мотива преступления, мистер Холмс. Вот что не дает мне покоя: нет мотива! Человек убит, этого отрицать нельзя, но я не могу понять, кто мог желать его смерти.

Холмс закурил и откинулся в кресле.

— Расскажите, — предложил он.

— Все факты я знаю досконально, — начал Стэнли Хопкинс, — но я бы хотел понять, что они означают. Несколько лет назад этот загородный дом, Йоксли-Олд-плейс, был снят одним человеком, назвавшимся профессором Корэмом. Профессор очень больной человек. Он то лежит в постели, то ковыляет по дому с палочкой, а то садовник возит его в коляске по парку. Соседям он нравится, они к нему заходят, он слывет за очень ученого человека. Прислуга состоит из пожилой экономки миссис Маркер и служанки Сьюзен Тарлтон. Они жили в доме с того времени, как профессор поселился здесь, и репутация у них безупречная. Профессор пишет какой-то ученый труд. Около года назад он решил, что ему необходим секретарь. Первые два секретаря не подошли, но третий, мистер Уиллоуби Смит, молодой человек, только что окончивший университет, оказался именно таким секретарем, о каком профессор мечтал. По утрам он писал под диктовку профессора, а вечером подбирал материал, необходимый для работы на следующий день. За этим Смитом не замечалось решительно ничего дурного: ни когда он учился в Аппингеме, ни в Кембридже. Я видел характеристики, из которых явствует, что он всегда был вежливым, спокойным, прилежным молодым человеком, у которого не было решительно никаких слабостей. И вот этот молодой человек умер этим утром в кабинете профессора при обстоятельствах, которые, бесспорно, указывают на убийство.

Хопкинс замолчал. Ветер гудел, и оконные стекла жалобно дребезжали под его напором. Холмс и я тоже пододвинулись ближе к огню, слушая интересное повествование молодого детектива, которое он излагал нам неторопливо и последовательно.

— Обыщите всю Англию, — продолжал он, — и вы не найдете более дружного кружка людей, отгороженного от всяких внешних влияний. Неделями никто из них не выходит за ворота. Профессор погружен в свою работу, и ничего иного для него не существует. Молодой Смит не был знаком ни с кем из соседей, и образ его жизни мало чем отличался от образа жизни профессора. У женщин нет никаких интересов вне дома. Мортимер, который возил профессора в коляске по парку, — старый солдат на пенсии, ветеран Крымской войны, человек безупречного поведения. Он жил не в самом доме, а в трехкомнатном коттедже на другом конце парка. Больше в усадьбе не было никого. Надо, однако, сказать, что в ста ярдах от ворот парка проходит Лондонское шоссе на Чатам. Ворота заперты на щеколду, и постороннему, конечно, нетрудно проникнуть в парк.

Теперь позвольте мне изложить показания Сьюзен Тарлтон, поскольку она единственная, кто может сказать что-нибудь об этой истории. В начале двенадцатого, когда профессор все еще был в постели (в плохую погоду он редко вставал раньше двенадцати), она вешала занавеси в спальне наверху, окна которой были по фасаду. Экономка была занята каким-то своим делом в кухне. Смит работал у себя в комнате наверху; служанка слышала, как он прошел по коридору и спустился в кабинет, который находится как раз под спальней, где она вешала занавеси. Она уверена, что это был мистер Смит, так как она хорошо знает его быструю, решительную походку. Она не слышала, как дверь кабинета закрылась, но примерно минуту спустя внизу, в кабинете, раздался ужасный крик. Это был хриплый, исступленный вопль, такой странный и неестественный, что было непонятно, кто кричит: мужчина или женщина. Тут же послышался глухой удар об пол падающего тела — такой сильный, что задрожал весь дом, а затем наступила тишина. Несколько мгновений служанка не могла пошевелиться от ужаса, но затем собралась с духом и бросилась опрометью вниз по лестнице. Она распахнула дверь кабинета. Молодой Смит лежал распростертый на полу. Сперва она не заметила ничего особенного. Она попыталась поднять его и вдруг увидела кровь, вытекающую из раны на шее пониже затылка. Рана была очень маленькая, но глубокая, и, видимо, была задета сонная артерия. Рядом на ковре валялось орудие преступления: нож с ручкой из слоновой кости и негнущимся лезвием для срезания восковых печатей — такие часто украшают старинные письменные приборы. Он

постоянно лежал у профессора на столе.

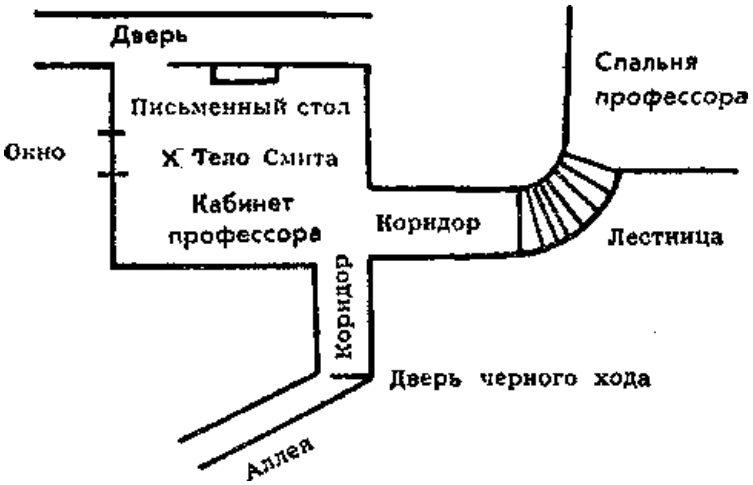
Служанка решила, что Смит мертв, но когда она плеснула ему в лицо водой из графина, он на миг открыл глаза. «Профессор, — пробормотал он, — это была она». Служанка готова поклясться, что это его точные слова. Несчастный отчаянно пытался сказать что-то еще, поднял было правую руку. Но она тут же упала, и он больше не шевелился.

Затем в комнату вбежала экономка. Но последних слов Смита она не слышала. Оставив у тела Сьюзен, она поспешила к профессору. Тот сидел в постели. Он был страшно взволнован, он тоже слышал крик и понял, что в доме произошло несчастье. Миссис Маркер готова показать под присягой, что профессор был в ночной пижаме, да он и не мог одеться без Мортимера, которому было приказано прийти в двенадцать. Профессор заявил, что он слышал где-то в глубине дома крик, и это все, что ему известно. Он не знает, как объяснить слова секретаря: «Профессор, это была она». Вероятно, это был бред. По мнению профессора, у Смита не было ни одного врага, и он теряется в догадках, какие могут быть мотивы убийства. Прежде всего профессор послал садовника Мортимера за полицией. А затем констебль вызвал меня. Ничего в доме не трогали, пока я не приехал, и было строго-настрого приказано, чтобы никто не ходил по тропинкам, ведущим к дому. Да, мистер Шерлок Холмс, это был прекрасный случай для применения на практике ваших теорий. Все было для этого налицо.

— Кроме Шерлока Холмса, — сказал мой друг чуть язвительно. — Хорошо, а теперь давайте послушаем, что вы там сделали.

— Прежде всего, мистер Холмс, прошу вас, взгляните на план расположения комнат. Вы получите представление о том, где находится кабинет профессора и другие комнаты, и вам легче будет следить за моим рассказом.

Он развернул план и расстелил у Холмса на коленях. Я встал сзади Холмса и тоже стал его рассматривать.



— Это, конечно, набросок, я изобразил только то, что существенно для дела. Остальное вы увидите позже сами. Предположим, что убийца проник в дом извне. Но как? Ясно, что он прошел через парк по аллее и проник в дом с черного хода, откуда легко попасть в кабинет. Любой другой путь очень сложен. Скрыться преступник мог только тем же путем, поскольку два других возможных пути отступления были отрезаны. Один — Сьюзен, она бежала на шум по лестнице. Другой ведет в спальню профессора. Естественно, что все внимание я обратил на аллею в парке. Незадолго до этого шел дождь, земля размокла, и следы на ней должны быть видны вполне отчетливо.

Я осмотрел тропинку и понял, что имею дело с осторожным и опытным преступником. Никаких следов на аллее не оказалось! Но зато кто-то прошел по газону, чтобы не оставить следов на земле. Ясных отпечатков тоже не было, но трава была примята, значит, по ней кто-то прошел. Это мог быть только убийца: ни садовник, да и вообще никто из домашних не ходил утром в этом месте, а ночью шел дождь.

— Одну секунду, — прервал его Холмс. — А куда ведет эта аллея?

— На шоссе.

— Сколько надо идти по ней, чтобы выйти на шоссе?

— Ярдов сто.

— Допустим, у самых ворот на этой аллее были следы. Вы уверены, что вы бы заметили их?

— К сожалению, в этом месте аллея вымощена кирпичом.

— Ну, а на шоссе?

— И на шоссе никаких следов. Оно все покрыто лужами.

— Ну и ну! А скажите, судя по следам на траве, человек шел к дому или, наоборот, от дома?

— Этого я не могу сказать. У следов не было определенных очертаний.

— Следы большой ноги или маленькой?

— Тоже нельзя сказать.

Холмс прищелкнул языком Его лицо выражало досаду.

— Дождь все еще хлещет, и ветер не затихает, — сказал он. — Расшифровать эти следы может оказаться потруднее, чем древнюю рукопись! Ну что ж, ничего не поделаешь. Итак, Хопкинс, вы обнаружили, что ничего не обнаружили. Что же вы после этого предприняли?

— Я не считаю, что я ничего не обнаружил, мистер Холмс. Во-первых, я обнаружил, что кто-то проник в дом извне. Затем я исследовал пол коридора. На полу лежит кокосовая циновка, и на ней нет никаких следов. Затем я двинулся в кабинет. Мебели в кабинете почти нет, если не считать огромного письменного стола с секретером. Боковые ящики секретера были открыты, средний — закрыт на ключ. Боковые ящики, по-видимому, никогда не запирались, и в них не было ничего ценного. В среднем ящике хранились важные бумаги, но они остались на месте. Профессор уверял меня, что ничего не пропало. Ясно, что грабеж не был целью преступления. Затем я осмотрел тело убитого. Оно лежало чуть левее письменного стола — взгляните на мой чертежик. Рана на правой стороне шеи и нанесена сзади. Ясно, что он не мог нанести ее сам.

— Если только он не упал на нож, — сказал Холмс.

— Совершенно верно. Мне это тоже пришло в голову. Но ведь нож лежал на расстоянии нескольких футов от тела. Значит, молодой человек не упал на нож. Затем обратите внимание на последние слова убитого. И, наконец, в его правой руке была зажата очень важная вещественная улика.

Хопкинс извлек из кармана бумажный пакетик. Он развернул его и вытащил пенсне в золотой оправе. С одной стороны к пенсне был прикреплен двойной черный шелковый шнурок. Оба конца его были оборваны.

— У Смита было прекрасное зрение, — сказал Хопкинс. — Значит, он сорвал это пенсне с лица убийцы.

Шерлок Холмс взял пенсне и осмотрел его с величайшим вниманием и интересом. Затем он надел пенсне себе на нос, попытался читать, подошел к окну и взглянул на ближайшие дома, затем снял пенсне и опять тщательно осмотрел его, держа близко от лампы, удовлетворенно засмеялся, сел за стол и написал несколько строчек на клочке бумаги, которую он протянул Хопкинсу.

— Вот самое лучшее, что я могу сделать для вас, — сказал он. — Это, наверное, поможет.

Удивленный детектив прочел записку вслух:

«Разыскивается дама, хорошо одетая и проживающая в респектабельном доме или квартире. У нее толстый, мясистый нос и близко посаженные глаза. Она морщит лоб, близоруко щурится, и, вероятно, у нее сутулые плечи. Есть данные, что в течение последних нескольких месяцев она, по крайней мере, дважды обращалась к оптику. Поскольку в ее пенсне необычайно сильные стекла, а оптиков не так уж много, разыскать ее будет нетрудно».

Заметив на наших лицах удивление, Холмс улыбнулся.

— Все это очень просто, — сказал он. — Трудно найти предмет, который позволял бы сделать больше выводов, чем очки или пенсне, особенно с такими редкими стеклами. Откуда я заключил, что пенсне принадлежит женщине? Обратите внимание, какая изящная работа. Кроме того, я помнил слова убитого. Что же касается ее респектабельности и туалета, то и это просто: оправа дорогая, из чистого золота, и трудно себе представить, чтобы дама, носившая такое пенсне, была бы менее респектабельна во всех других отношениях. Наденьте пенсне, и вы увидите, что оно не будет держаться у вас на носу. Значит, у этой дамы нос весьма широк. Такой нос — обычно короткий, мясистый, хотя есть целый ряд исключений, вот почему я не настаиваю на этой подробности в своем описании. У меня довольно узкое лицо, и тем не менее, когда я надеваю пенсне, я вижу, что мои глаза расставлены шире, чем стекла. Другими словами, глаза у этой дамы близко посажены. Обратите внимание, Уотсон, что стекла вогнутые и чрезвычайно сильные. Когда женщина так плохо видит, это непременно должно сказаться на ее облике. Я имею в виду морщины на лбу, привычку щуриться, сутулые плечи.

— Понимаю, — сказал я. — Но почему вы решили, что дама дважды посещала оптика?

Холмс взял пенсне.

— Обратите внимание, что зажимы с внутренней стороны покрыты пробкой, чтобы меньше давить на кожу. Одна пробковая прокладка бледнее и немножко стерта, другая совершенно новая. Очевидно, что новая надета недавно. Но и старая прокладка положена всего несколько месяцев назад. А так как обе прокладки одинаковые, я заключаю, что дама дважды чинила пенсне в одном и том же месте.

— Поразительно! — закричал Хопкинс. — Только подумать, что все эти данные были у меня в руках, а я ни о чем не догадался! Правда, у меня было намерение обойти лондонских оптиков.

— Обойдите обязательно. А сейчас расскажите, что вам еще известно об этом деле.

— Больше ничего, мистер Холмс. Теперь мне кажется, что вы знаете не меньше меня, а возможно, и больше! Мы выясняли, не появлялся ли какой-нибудь незнакомый человек на станции или на ближайших дорогах. Никто, видимо, не появлялся. Что меня окончательно сбивает с толку — это полнейшее отсутствие мотивов преступления. Даже никакого намека!

— В этом я не могу вам помочь! Но, я полагаю, вы хотите, чтобы мы завтра отправились с вами на место преступления.

— Если это вас не очень затруднит, мистер Холмс. В шесть часов утра от вокзала Чаринг-Кросс отходит поезд на Чатам, и мы должны быть в Йоксли в начале девятого.

— Хорошо, мы поедем этим поездом. У вашего дела есть некоторые любопытные подробности, и мне хотелось бы изучить его более основательно. Но сейчас уже за полночь, а нам надо хоть несколько часов поспать. Я вас устрою вот на этом диване перед камином. Утром я на спиртовке сварю кофе, и двинемся в путь.

Утром ветер утих. Негреющее солнце поднималось над мрачными болотами в поймах Темзы. Унылые просторы реки навсегда соединены в моей памяти с преследованием островитянина с Андаманов на заре нашей деятельности. После долгого и утомительного путешествия мы вышли на маленькой станции в нескольких милях от Чатама. Пока запрягали лошадь в местной гостинице, мы наскоро позавтракали и поэтому, явившись в Йоксли, сразу взялись за дело. Полицейский встретил нас у ворот парка.

— Ну как, Уилсон, есть новости?

— Ничего не слышно, сэр.

— Видели каких-нибудь приезжих?

— Никак нет, сэр. Полиция уверена, что вчера никто не приезжал сюда и не уезжал.

— Обошли все гостиницы и постоялые дворы?

— Да, сэр. И не обнаружили никого, кто мог бы внушить подозрение.

— В конце концов отсюда до Чатама можно дойти пешком. Приезжий мог укрыться там или сесть на поезд незамеченным. А вот та самая аллея, о которой я вам говорил, мистер Холмс. Ручаюсь, что вчера следов на ней не было.

— А с какой стороны были следы на траве?

— Вот с этой, сэр. Видите узкую полоску травы между аллеей и цветочной грядкой? Сейчас я следов не вижу, но вчера они были ясно заметны.

— Да, да, здесь действительно кто-то прошел, — подтвердил Холмс, наклоняясь и рассматривая траву. — Наша дама ступала очень осторожно, не правда ли? Оступись она в ту или другую сторону, следы остались бы и на аллее и на мягкой цветочной грядке, где они были бы еще заметнее.

— Да, сэр, дама с большим самообладанием!

Я заметил, как лицо Холмса напряглось.

— Вы говорите, назад она шла тем же путем?

— Да, сэр, другого пути нет.

— То есть по этой же полоске травы?

— Разумеется, мистер Холмс.

— Гм! Замечательно! Настоящий подвиг! Ну хорошо, с аллеей покончили. Пойдемте дальше. Эта калитка обычно открыта? Значит, ей ничего не стоило проникнуть в парк. Ясно, что об убийстве она не думала. Иначе она захватила бы с собой какое-нибудь оружие, а не воспользовалась бы ножом с письменного стола. Она шла по этому коридору, не оставив следов на циновке. Затем она вошла в кабинет. Как долго пробыла она в кабинете? Мы судить об этом не можем.

— Она пробыла там несколько минут, сэр. Я забыл сказать вам, что миссис Маркер — экономка — убирала в кабинете примерно за четверть часа до случившегося — так она утверждает.

— Значит, не больше четверти часа. Итак, наша дама входит в комнату. Идет к столу. Что ей надо? В боковых ящиках ей, очевидно, ничего не надо. А то бы они были заперты. Итак, ее интересует средний ящик. Ага! Что это за царапина? Уотсон, зажгите-ка спичку. Что же вы ничего не сказали мне об этом, Хопкинс?

След, который мы увидели, начинался на бронзовом украшении вокруг замочной скважины справа, а затем продолжался примерно на четыре дюйма по лакированному дереву.

— Я заметил эту царапину, мистер Холмс. Но вокруг замочных скважин всегда царапины.

— Эта царапина сделана недавно, совсем недавно. Посмотрите, как блестит бронза. Старая царапина быстро бы потускнела и была бы такого же цвета, как и вся поверхность бронзы. Посмотрите на царапину в лупу. Как свежевспаханная земля по обеим сторонам борозды. Где миссис Маркер?

Пожилая женщина с усталым, грустным лицом вошла в комнату.

— Вы стирали здесь пыль вчера утром?

— Да, сэр.

— Видели эту царапину?

— Нет, сэр, не видела.

— Разумеется, нет. Если бы царапина была тогда, когда вы стирали пыль, то вы бы смахнули тряпкой вот эти крохотные кусочки лака. У кого ключ от секретера?

— Профессор держит ключ на своей цепочке от часов.

— Ключ простой?

— Нет, сэр, фигурный.

— Очень хорошо. Вы можете идти, миссис Маркер. Так, дело проясняется. Наша дама входит в комнату, идет к среднему ящику, затем открывает его или, по крайней мере, пытается открыть. А в это время появляется молодой Смит. Она вытаскивает ключ с такой поспешностью, что оставляет царапину около замочной скважины. Он хочет задержать ее, а она, схватив первое, что подвернулось ей под руку (а этим предметом оказался тот ножичек),

ударяет Смита, тот падает навзничь, и она убегает, возможно, зажав в другой руке то, ради чего она сюда пришла. Служанка Сьюзен здесь? Как, по-вашему, Сьюзен, мог кто-нибудь выскользнуть через эту дверь после того, как вы услышали крик?

— Нет, сэр, никто не мог. Я бежала по лестнице и увидела бы, есть ли кто в коридоре. А потом эта дверь вообще не открывалась: когда она открывается, слышно.

— Таким образом, дама не могла уйти тем же путем, каким пришла. Этот коридор ведет в спальню профессора? Из него нет выхода наружу?

— Нет, сэр.

— А теперь пойдемте познакомимся с профессором. Смотрите, Хопкинс! В коридоре к кабинету профессора лежит такая же кокосовая циновка. Это очень важно, очень важно!

— Важно?

— Разве вы не видите, какая тут связь? Впрочем, наверно, я ошибаюсь. Хотя… Ну хорошо, представьте меня профессору.

Мы прошли по коридору. Он был примерно такой же длины, как и тот, дверь которого выходила в сад. В конце коридора было несколько ступенек и затем дверь. Наш спутник постучал, и мы вошли в спальню профессора.

Комната была большой, стены представляли собой сплошные книжные полки, часть книг лежала на полу, в углах и вдоль полок. Кровать стояла посередине. Хозяин дома полулежал-полусидел в подушках. Его лицо поразило меня: худое, с орлиным носом, пронзительными черными глазами, которые словно притаились в глубоких орбитах под густыми, нависшими бровями. Волосы и борода были у него совершенно седые, если не считать некоторой странной желтизны вокруг рта. Из густой поросли седых волос торчала папироса, и в комнате было трудно дышать от густого табачного дыма. Когда он протянул руку Холмсу, я заметил, что пальцы у него тоже желтые от никотина.

— Вы курите, мистер Холмс? — спросил профессор. Он говорил, тщательно выбирая слова, и в речи его чувствовался какой-то странный акцент. — Прошу вас. А вы, сэр? Рекомендую вам эти сигареты. Их специально набивают для меня в Александрии. Высылают тысячу штук сразу, и, увы, каждые две недели приходится заказывать новую партию. Плохо, сэр, очень плохо. Но у старика слишком мало удовольствий. Табак и работа. Вот все, что мне осталось в жизни.

Холмс закурил. Глаза его незаметно изучали комнату.

— Да, табак и работа. А теперь опять только табак, — воскликнул он горестно. — Какой ужасный случай прервал мою работу! Кто мог предвидеть столь чудовищное злодеяние? Такой достойный молодой человек. После нескольких месяцев обучения он стал великолепным помощником. Что вы думаете обо всем этом деле, мистер Холмс?

— Пока трудно сказать.

— Хорошо, если бы вы пролили свет на это темное дело. Для старого книжного червя и больного это настоящий удар. Мне кажется, я потерял способность думать. Но вы человек дела, человек действия. Для вас это обычная, будничная работа. Вы сохраняете присутствие духа при любой катастрофе. Нам повезло, что именно вы взялись за расследование.

Пока профессор говорил, Холмс ходил взад и вперед по комнате. Я заметил, что он курил одну сигарету за другой. Очевидно, он разделял пристрастие нашего хозяина к сигаретам, присланным из Александрии.

— Да, сэр, это ужасный удар, — сказал профессор. — Вот там, на маленьком столике, груда бумаг, это мой «magnum opus». Анализ документов, найденных в коптских монастырях Сирии и Египта. Это серьезнейшее исследование основ вновь открытой религии. Мое здоровье так плохо, что я не знаю, смогу ли я теперь закончить мой труд без помощника, которого я так неожиданно лишился. Ой-ой-ой, мистер Холмс! Да вы, я вижу, еще более отчаянный курильщик, чем я!

Холмс улыбнулся.

— Да, я знаток табака, — сказал он, беря четвертую сигарету из ящика и зажигая ее от окурка предыдущей. — Не буду докучать вам расспросами, профессор Корэм, поскольку вы были в

постели в момент преступления и, естественно, не можете ничего о нем знать. Я лишь задам вам один вопрос: как вы думаете, что имел в виду несчастный молодой человек, когда он сказал: «Профессор, это была она»?

Профессор покачал головой.

— Сьюзен — деревенская девушка, — сказал он. — А вы знаете, как невероятно глуп простой народ. Я думаю, бедняга пробормотал что-нибудь невнятное в бреду, а она вообразила бог знает что.

— Понимаю. Вы сами ничем не можете объяснить эту трагедию?

— Возможно, несчастный случай. А может быть — говорю это только между нами, — самоубийство. У молодых людей всегда какие-нибудь тайные горести — несчастная любовь, о которой мы ничего не знали. И вот он наложил на себя руки. Это более правдоподобно, чем убийство.

— Ну а пенсне?

— Пенсне? Ах, да, пенсне! Увы, я всего только ученый, человек, парящий в заоблачных высотах. И я ничего не понимаю в практической жизни. Но согласитесь, мой друг, что залогом любви могут быть самые старинные предметы. Берите, берите еще. Рад, что вы оценили эти сигареты. Так вот: веер, или перчатка, или пенсне — кто знает, что может сжимать в последний миг рука самоубийцы. Вот этот джентльмен говорит о следах на траве. Но в конце концов он мог и ошибиться. Что касается ножа, то ведь он мог отлететь в сторону, когда несчастный молодой человек рухнул навзничь. Возможно, я сужу о деле, как ребенок, но мне кажется, что Уиллоуби Смит сам наложил на себя руки.

Эта теория, кажется, произвела на Холмса впечатление, и он продолжал расхаживать по комнате, погруженный в свои мысли, и куря одну папиросу за другой.

— Скажите, профессор Корэм, — сказал он наконец, — а что вы держите в среднем ящике вашего секретера?

— Ничего такого, что могло бы заинтересовать вора. Семейные бумаги, письма от моей бедной жены, дипломы тех университетов, которые удостоили меня этой чести. Вот ключ. Взгляните сами.

Холмс взял ключ и посмотрел на профессора. Затем вернул ключ обратно.

— Благодарю вас. Но это сейчас не имеет значения, — сказал он. — С вашего позволения, я пойду в сад и все обдумаю на досуге. В вашей теории самоубийства что-то есть. Итак, простите нас за вторжение, профессор Корэм. Я обещаю вам, что пока не буду вас тревожить. Мы зайдем к вам в два часа, после второго завтрака, если позволите, и расскажем обо всем, что за это время произошло.

Холмс казался чем-то сильно расстроенным и долго ходил по аллее сада молча.

— Нашли нить? — спросил я его наконец.

— Все зависит от тех сигарет, которые я курил, — сказал он. — Возможно, я на ложном пути. Но сигареты покажут.

— Мой дорогой Холмс, — воскликнул я, — как же сигареты…

— Вы это увидите сами. Если я ошибся, ничего страшного нет. Пойдем по линии пенсне. Я люблю во всяком расследовании сократить путь, если возможно. А вот и наша дорогая миссис Маркер. Поговорим с ней минут пять, может быть, узнаем еще что-нибудь.

Я уже, кажется, упоминал, что Холмс умел в мгновение ока снискать расположение женщины своей обходительностью. Не прошло и двух минут, как у них завязался оживленный разговор, точно они знали друг друга многие годы.

— Да, мистер Холмс, вы совершенно правы, сэр. Курит он ужас сколько. Весь день, а иногда и всю ночь, сэр. Придешь, бывало, утром в его комнату — настоящий лондонский туман, сэр. Бедный мистер Смит, он тоже курил, но совсем не столько, сколько профессор. А что касается здоровья профессора, то я, право, не знаю, становится оно лучше или хуже от такого курения.

— Во всяком случае, аппетит оно наверняка отбивает, а?

— Я бы не сказала, сэр.

— Наверно, профессор очень мало ест?

— Как когда, сэр. Как когда.

— Держу пари, сегодня он не завтракал. И второй завтрак он не сможет съесть после такого курения.

— Ошиблись, сэр. Наоборот, сегодня утром он ел очень много. Право, не знаю, когда он завтракал плотнее. А на второй завтрак заказал себе отбивные. Я удивилась, потому что я-то смотреть не могу на еду, с тех пор как увидела вчера на полу в кабинете бедного мистера Смита. Но, видно, все люди разные. У профессора аппетит нисколько не испортился.

Мы ходили по саду все утро. Хопкинс отправился в деревню, чтобы проверить слухи о некой приезжей, которую якобы видели дети на Чатамском шоссе вчера утром. Что касается моего друга, то он, казалось, потерял весь интерес к делу. Никогда еще я не видел, чтобы он с такой прохладцей занимался расследованием. Даже когда Хопкинс явился и сказал, что дети действительно видели женщину, в точности соответствующую описанию Холмса, вплоть до пенсне, мой друг оставался безучастным. Он немного оживился, только когда Сьюзен, прислуживающая нам за едой, сказала, что мистер Смит вчера утром гулял по саду и вернулся домой за полчаса до происшествия. Я не представлял себе, какое значение для разбираемого дела имеет это обстоятельство, но понял, что Холмс включил его в ту общую картину, которая составилась у него в голове. Вдруг он вскочил и взглянул на часы.

— Два часа, джентльмены, — сказал он, — пойдемте наверх и поговорим начистоту с нашим другом профессором.

Старый профессор кончил второй завтрак, и пустая тарелка ясно говорила о том, что экономка была права: профессор обладал великолепным аппетитом. Было что-то жуткое в его облике, когда он повернул к нам свою гриву и уставился на нас глубоко посаженными горящими глазами. И, конечно, он курил. Его одели, и он сидел в кресле у огня.

— Ну как, мистер Холмс, раскрыли вы тайну этого ужасного происшествия?

Он подвинул коробку с сигаретами к Холмсу. Холмс одновременно протянул руку, и коробка полетела на пол. Пришлось всем нам ползать на коленях и доставать сигареты из самых невозможных мест. Когда мы поднялись, я заметил, что глаза у Холмса блестят и щеки стали розовые. Я знал, что это был признак победы.

— Да, — сказал он. — Я раскрыл ее.

Стэнли Хопкинс и я уставились на него в изумлении. Усмешка тронула худое лицо старого профессора.

— Раскрыли? Где же, в саду?

— Нет, здесь.

— Как здесь? Когда?

— Только что.

— Вы шутите, мистер Холмс. Простите, но дело слишком серьезно, чтобы шутить.

— Я выковал и проверил каждое звено в цепи моих рассуждений, профессор Корэм, и я уверен, что цепь эта безупречна. Я не знаю, каковы ваши мотивы и какую точно роль играли вы в этой странной истории. Может быть, через несколько минут я узнаю это от вас. А пока позвольте мне описать вам, как все произошло, чтобы вы знали, каких подробностей мне еще не хватает для полноты картины. Вчера в вашем кабинете была дама. Она хотела взять какие-то бумаги из среднего ящика секретера. У нее был свой ключ. Я имел возможность осмотреть ваш и убедился, что на нем нет следов от лака. Таким образом, вы не являетесь ее соучастником. Она пришла, насколько я могу понять, без вашего ведома, с целью ограбить вас.

Профессор выпустил изо рта облако дыма.

— Это, конечно, все интересно и поучительно, — сказал он, — но что же дальше? Если вы знаете каждый ее шаг, вы, наверное, можете сказать, куда же она потом делась?

— Попытаюсь. Итак, ваш секретарь схватил ее, и она заколола его, чтобы спастись... Я склонен считать эту трагедию несчастным случаем, поскольку я убежден, что у дамы не было намерения совершить это ужасное преступление. Убийца не приходит невооруженным. Ужаснувшись тому, что она сделала, она заметалась по комнате в поисках выхода. К несчастью, во время борьбы с молодым человеком она потеряла пенсне и поэтому, будучи очень близорукой, оказалась совсем беспомощной. Она побежала по коридору, думая, что это тот самый, по которому она пришла: ведь на полу в обоих коридорах лежат одинаковые циновки, — а когда она поняла, что попала не в тот коридор и дорога к выходу отрезана, было уже поздно. Что было делать? Назад идти она не могла. Оставаться в коридоре нельзя. Значит, надо было идти вперед по коридору. И она пошла. Поднялась по ступенькам, открыла дверь и оказалась у вас в комнате.

Старый профессор уставился на Холмса, нижняя челюсть у него отвисла, смесь страха и удивления ясно читалась на его выразительном лице. Потом он сделал над собой усилие, пожал плечами и несколько театрально засмеялся.

— Это все очень хорошо, мистер Холмс, — сказал он. — Но в вашей великолепной теории есть один маленький изъян. Я все время был в этой комнате, не выходил из нее весь день.

— Я знаю это, профессор Корэм.

— Вы хотите сказать, что, лежа на кровати, я мог не заметить, как женщина вошла ко мне?

— Я этого не говорил. Вы заметили, как женщина вошла. Вы говорили с ней. Вы узнали ее. Вы помогли ей спастись.

Профессор опять неестественно рассмеялся. Он встал с кресла, глаза у него горели, как раскаленные угли.

— Вы сошли с ума! — закричал он. — Вы бредите! Я помог ей спастись? Ну и где же она сейчас?

— Она вон там, — сказал Холмс и указал на высокий книжный шкаф в углу комнаты.

Старый профессор взмахнул руками, мрачное лицо его страшно исказилось, и он упал в кресло. В то же мгновение книжный шкаф, о котором говорил Холмс повернулся на петлях, и в комнату шагнула женщина.

— Вы правы. — Она говорила со странным акцентом. — Вы правы. Да, я здесь.

Она была вся в пыли и паутине, которую собрала, видимо, со стен своего убежища. Лицо ее, которое никогда нельзя было бы назвать красивым, все было в грязных потеках. Холмс правильно угадал ее черты, и, кроме того, у нее был еще длинный подбородок, выдававший упрямство. Из-за близорукости и резкого перехода от темноты к свету она щурилась и моргала глазами, стараясь разглядеть, кто мы такие. И все же, несмотря на то, что она предстала нам в столь невыгодном свете, во всем ее облике было благородство, упрямый подбородок и гордо поднятая голова выражали смелость и внушали уважение и даже восхищение. Стэнли Хопкинс дотронулся до ее руки и объявил, что она арестована, но она отвела его руку мягко, но с достоинством, которому нельзя было не подчиниться. Старый профессор лежал распростертый в кресле, лицо у него дергалось, и он глядел на нее глазами загнанного зверя.

— Да, сэр, я арестована, — сказала она. — Я слышала весь разговор и поняла, что вы знаете правду. Я признаюсь во всем. Да, я убила этого молодого человека. Но вы были правы, сказав, что это несчастный случай. Я даже не знала, что у меня в руках нож, потому что в отчаянии я схватила первое, что попалось под руку, и ударила его, чтобы он отпустил меня. Я говорю вам правду.

— Мадам, — сказал Холмс, — я не сомневаюсь в том, что это правда. Может быть, вы присядете: мне кажется, вам нехорошо.

Мертвенная бледность залила ее лицо, и эта бледность была еще более ужасной от темных потеков грязи. Она села на край кровати.

— У меня мало времени, — продолжала она, — но я хотела бы рассказать вам всю правду. Я жена этого человека. Он не англичанин. Он русский. Я не назову его имени.

Старый профессор в первый раз зашевелился.

— Побойся бога, Анна! — закричал он. — Побойся бога!

Она взглянула на него с величайшим презрением.

— Зачем ты так цепляешься за свою презренную жизнь, Сергей? — сказала она. — Ты причинил вред многим и никому не сделал ничего хорошего, даже себе. Но не бойся, я не порву гнилую нить твоей жизни до положенного ей срока. Я достаточно взяла греха на свою совесть с тех пор, как переступила порог этого проклятого дома. Но я должна продолжить свой рассказ, а то будет поздно. Да, джентльмены, я жена этого человека. Ему было пятьдесят, а я была глупая двадцатилетняя девчонка, когда мы поженились. Это было в России, в университете, я не буду называть вам его.

— Побойся бога, Анна, — пробормотал старый профессор опять.

— Мы были революционеры, нигилисты, вы знаете. Он, я и многие другие. Потом начались преследования, был убит высокопоставленный полицейский чиновник, многих арестовали, и для того, чтобы спасти себя и получить большую награду, мой муж выдал жену и товарищей. Мы были арестованы. Некоторые отправились на виселицу, других сослали в Сибирь, и в том числе меня. Моя ссылка не была пожизненной. А мой муж, захватив с собой деньги, запятнанные кровью, уехал в Англию и поселился здесь в полном уединении, хорошо понимая, что как только организация узнает о его местонахождении, не пройдет и недели, как свершится правосудие.

Старый профессор протянул дрожащую руку и взял сигарету.

— Я в твоей власти, Анна, — сказал он, — но ты всегда была добра ко мне.

— Я еще не рассказала о главном его злодеянии, — продолжала она. — Среди членов организации был мой друг. Он был благороден, бескорыстен, он любил меня, словом полная противоположность моему мужу. Он ненавидел насилие. Мы все были виноваты — если это вина, — но он не был. Он писал мне письма, в которых убеждал меня избрать иной путь. Эти письма и мой дневник, в котором я изо дня в день описывала мои чувства к нему и наши разные убеждения, спасли бы его. Мой муж нашел этот дневник и письма и спрятал их. Он старался изо всех сил очернить Алексея, чтобы его присудили к смерти. Но ему не удалось. Алексей был сослан в Сибирь на каторгу. В эти минуты, когда мы здесь с вами сидим, он надрывается там в соляной шахте. Подумай об этом, негодяй, гнусный негодяй! Алексей, человек, чье имя ты недостоин даже произносить, влачит тяжкую жизнь раба, а ты благоденствуешь. Твоя жизнь сейчас в моих руках, но я не хочу марать их!

— Ты всегда была благородной женщиной, Анна, — сказал он, затягиваясь сигаретой.

Она поднялась, но тут же упала назад, застонав от боли.

— Я должна кончить, — сказала она. — Когда мой срок истек, я решила достать дневники и письма и отправить их русскому правительству, чтобы моего друга выпустили на волю. Я знала, что мой муж в Англии. После многих месяцев бесплодных поисков я наконец нашла его. Я знала, что он хранит дневник, потому что получила в Сибири от него письмо, в котором он укорял меня, приводя выдержки из дневника. Но я была уверена, зная его мстительность, что он не отдаст мне дневник по своей воле. Я должна была выкрасть его. С этой целью я наняла частного агента-детектива, который поступил в дом мужа в качестве секретаря, это был твой второй секретарь, Сергей, тот, который так поспешно покинул тебя. Ему удалось выяснить, что дневник и письма лежат в среднем ящике секретера, и еще он сделал отпечаток ключа. Больше он ничего не хотел делать. Он передал мне план дома и сообщил, что во второй половине дня в кабинете никого не бывает, потому что секретарь работает вот здесь, наверху. В конце концов я решилась и проникла в дом, чтобы забрать бумаги. Мне это удалось, но какой ценой! Бумаги были в моих руках, и я уже запирала ящик стола, когда молодой человек схватил меня. Я его видела утром. Мы встретились на дороге, и я спросила его, где живет профессор Корэм, не зная, что он работает в качестве секретаря в этом доме.

— Совершенно правильно! — воскликнул Холмс. — Придя домой, секретарь рассказал своему хозяину о встрече. Умирая, он попытался объяснить, что это была она, то есть та, о которой он ему говорил.

— Дайте мне кончить, — властно сказала женщина, и лицо ее исказилось, как от боли. — Когда молодой человек рухнул навзничь, я бросилась вон из комнаты, ошиблась дверью и оказалась в спальне мужа. Он хотел выдать меня. Но я сказала ему, что его жизнь в моих руках. Если он выдаст меня правосудию, я выдам его организации. Я хотела жить не ради самой себя, я должна была исполнить задуманное. Он знал, что я выполню то, что сказала, и что судьба его в моих руках. По этой причине и только по этой он спрятал меня. Он толкнул меня в этот тайник, оставшийся от былых времен и известный только ему одному. Он ел у себя

в спальне и мог уделять мне часть своей еды. Мы решили, что, когда полиция покинет дом, я ночью выскользну и никогда больше не вернусь. Но вам каким-то образом все стало известно.

Она вынула из-за лифа небольшой пакет.

— Выслушайте мои последние слова. Этот пакет спасет Алексея, я доверяю его вашей чести и вашей любви к справедливости. Возьмите его. Отнесите в русское посольство. Я исполнила свой долг и…

— Остановите ее! — воскликнул Холмс. Он бросился к ней и вырвал из ее рук маленькую склянку.

— Поздно, — сказала она, повалившись на кровать. — Я приняла яд, перед тем как выйти из убежища. Голова кружится. Я умираю. Прошу вас, сэр, не забудьте пакета.

— Простой случай, а между тем в некоторых отношениях весьма поучительный, — заметил Холмс, когда мы возвращались в город. — Все дело зависело от пенсне. Если бы не счастливая случайность, что умирающий секретарь в последнюю секунду схватил его, я не убежден, что мы бы нашли решение. Мне было ясно, что, лишившись таких сильных стекол, человек становится беспомощным и слепым. Помните, когда вы уверяли меня, что она и обратно прошла по той узкой полоске травы, ни разу не ступив в сторону, я сказал, что это был подвиг. Про себя я решил, что это невозможно, разве что, на наше несчастье, у нее оказалось в запасе второе пенсне. Тогда я стал серьезно обдумывать гипотезу, что обладательница пенсне находится в доме. Обнаружив сходство двух коридоров, я понял, что она очень легко могла спутать их. В таком случае, очевидно, она должна попасть в спальню процессора. Это соображение насторожило меня, и я тщательно осмотрел комнату, рассчитывая заметить в ней хоть какие-нибудь признаки тайника. Ковер был цельный и туго натянут на полу, и я отбросил мысль о люке. Могла быть ниша позади книг, это бывает в старинных библиотеках. Я обратил внимание, что книги навалены на полу повсюду, только не перед этим шкафом. Он, следовательно, мог служить дверью. Но никаких других знаков, подтверждающих мое предположение, не было. Тогда я опять обратил внимание на ковер. Он был серовато-коричневый, и я мог легко проделать один эксперимент. Для этого я выкурил несметное количество этих великолепных сигарет и усыпал весь пол возле подозрительного шкафа пеплом. Эта простая уловка оказалась очень эффективной. Потом мы пошли вниз и я, Уотсон, в вашем присутствии удостоверился (впрочем, вы не совсем поняли, куда клонят мои расспросы), что профессор стал есть гораздо больше. Это следовало ожидать, раз ему пришлось кормить еще одного человека. Затем мы снова поднялись в спальню. Рассыпав коробку с сигаретами, я получил возможность внимательно исследовать ковер и убедился, что в наше отсутствие узница покидала свое убежище. Ну, Хопкинс, вот и Чаринг-Кросс. Поздравляю вас с удачно расследованным делом. Вы, я не сомневаюсь, поедете отсюда прямо в Скотленд-Ярд. А наш путь, Уотсон, в русское посольство.

Пропавший регбист

(Перевод Ю.Левченко)

Из множества загадочных телеграмм, приходивших на Бейкер-стрит, мне особенно запомнилась одна, которую принесли хмурым февральским утром лет семь или восемь назад. Телеграмма была адресована Шерлоку Холмсу, и в ней говорилось: «*Подождите меня. Ужасное несчастье. Исчез правый трехчетвертной. Крайне необходим завтра. Овертон».* Целый час просидел Холмс, размышляя над ней в недоумении.

— Почтовый штемпель Стрэнда, отправлена в десять тридцать шесть, — сказал Холмс, снова и снова перечитывая телеграмму. — Должно быть, мистер Овертон очень волновался, и телеграмма получилась не совсем понятной. Ну что ж, мы подождем его и тогда все узнаем. А пока я почитаю сегодняшний «Таймс». Со скуки я готов взяться за самое пустячное дело.

Мы действительно переживали один из периодов бездействия. Это всегда доставляло мне немало беспокойства, ибо я по опыту знал, как опасно оставлять без работы его чрезвычайно активный мозг. Много лет я боролся с его пристрастием к наркотикам, которое одно время чуть было не погубило его поразительный талант. И теперь, даже в состоянии безделья, он не испытывал влечения к этому искусственному возбудителю. Но я понимал, что опасная привычка не уничтожена совсем, она дремлет; и всякий раз, как я замечал его осунувшееся аскетическое лицо и беспокойный блеск в глубоко посаженных глазах, я чувствовал, что сон неглубок и пробуждение близко. И я благословлял этого мистера Овертона, кто бы он ни был, нарушившего своей загадочной телеграммой покой моего друга, который грозил ему бóльшими бедствиями, чем все опасности его беспокойной жизни.

Как мы и предполагали, вскоре за телеграммой появился и ее отправитель. О его прибытии возвестила визитная карточка, на которой стояло: *мистер Сирил Овертон, Тринити-колледж (Кембридж)*.

Задевая плечами косяки двери, в комнату вошел человек богатырского телосложения — не меньше двухсот фунтов крепких мускулов и костей. Он остановился, переводя взгляд с меня на Холмса; его красивое лицо выражало крайнюю озабоченность.

— Мистер Шерлок Холмс?

Мой друг поклонился.

— Я к вам прямо из Скотленд-Ярда, мистер Холмс. Я видел там инспектора Стэнли Хопкинса. Он посоветовал мне обратиться к вам, сказав, что это дело скорее по вашей части.

— Прошу вас, садитесь и расскажите, что случилось.

— Это ужасная история, мистер Холмс. Удивляюсь, как я еще не поседел. Вы, конечно, слышали о Годфри Стонтоне. На нем держится вся команда. Я готов отдать за него двух лучших игроков. Как он ведет мяч, пасует, какие применяет захваты! И при этом у него отличная голова: его слово для ребят закон! Без него нам нельзя, мистер Холмс. У нас, правда, есть Мурхаус, первый запасной. Но он полузащитник и всегда лезет в свалку, а не стоит, где ему положено, у боковой линии. Он отлично бьет по воротам, ничего не скажешь. Но поля он не видит. И бегает плохо. За оксфордскими нападающими, за Мортоном или Джонсоном ему не угнаться! У Стивенсона быстрые ноги, но он не может бить с двадцати пяти ярдов, а кому нужен такой трехчетвертной, даже если он хорошо бегает? Короче говоря, мистер Холмс, если вы не поможете мне найти Годфри Стонтона, мы пропали.

Мой друг с живым интересом выслушал эту длинную горячую речь, каждое положение которой подкреплялось энергичным ударом мускулистой руки по колену. Когда посетитель умолк, Холмс дотянулся рукой до картотеки и положил на колени ящичек на букву «С». Но на сей раз это вместилище разнообразных сведений обмануло его надежды.

— Здесь значится Артур Х. Стонтон, приобретающий известность мошенник, — сказал он. — Есть также Генри Стонтон, которого вздернули на виселицу не без моей помощи. Но имя Годфри Стонтона я слышу впервые.

Теперь пришла очередь удивиться посетителю.

— Как, вам, всеведущему Шерлоку Холмсу, неизвестно это имя?! — воскликнул он. — В таком

случае, надо полагать, что имя Сирила Овертона вам также ни о чем не говорит?

Холмс с добродушной улыбкой покачал головой.

— О боже! — вскричал атлет. — Ведь я был первым запасным в матче Англия — Уэльс, а с этого года капитан университетской команды. Но это неважно. Не думал я, что в Англии найдется хоть один человек, который не слышал о Годфри Стонтоне. Ведь это знаменитый трехчетвертной — гордость Кембриджа и Блэкхита, участник пяти международных встреч! Боже мой! Мистер Холмс, где вы были все это время?

Холмс рассмеялся наивности молодого гиганта.

— Мистер Овертон, вы живете в своем мире, чистом и здоровом, я живу в своем. Моя профессия сталкивала меня с людьми из разных слоев общества, но, слава богу, ни разу со спортсменами-любителями, этой самой лучшей и самой здоровой частью населения Англии. Однако ваш неожиданный приход говорит о том, что в этом мире свежего воздуха и честной игры есть работа и для меня. Итак, дорогой сэр, прошу вас сесть и рассказать мне не спеша и возможно более подробно, что произошло и чем я могу вам помочь.

Молодое лицо Овертона приняло напряженное выражение, как бывает у людей, привыкших действовать силой, а не умом. Но мало-помалу с многочисленными повторениями и неясными местами, которые я опущу, он поведал нам свою странную историю.

— Как я уже говорил, — начал Овертон, — я капитан команды Кембриджского университета, и Годфри Стонтон — мой лучший игрок. Завтра у нас матч с Оксфордским университетом. Вчера мы приехали в Лондон и остановились в гостинице «Бентли». В десять часов вечера я обошел все комнаты и лично убедился, что все ребята на месте; я считаю, что успех команды зависит не только от усиленных тренировок, но и от крепкого многочасового сна. Я поговорил с Годфри, и мне показалось, что он бледен и как будто чем-то обеспокоен. Я спросил, что с ним, он ответил, что все в порядке, — просто немного болит голова, и я пожелал ему спокойной ночи. А спустя полчаса ко мне в номер зашел портье и сказал, что в гостиницу только что приходил какой-то бородатый человек, по виду из простых, и попросил передать Годфри записку. Годфри еще не спал. Прочитав записку, он, словно пораженный громом, откинулся на спинку кресла. Перепуганный портье хотел позвать меня, но Годфри остановил его, потом выпил стакан воды и немного пришел в себя. Затем он спустился вниз, сказал несколько слов человеку, дожидавшемуся ответа, и они оба покинули гостиницу. Портье видел, как они чуть не бегом бросились к Стрэнду. Утром я зашел в комнату Годфри: его там не было, и, судя по нетронутой постели, не было всю ночь; вещи все оставались на тех же местах, как я их видел накануне вечером. Годфри ушел неизвестно куда и неизвестно с кем, и мне почему-то кажется, что он никогда больше не вернется. Годфри — спортсмен до мозга костей, он не мог бы из-за пустяков бросить тренировки. Не в его правилах подводить команду и капитана. Да, у меня такое предчувствие, что он исчез навсегда и мы никогда больше его не увидим.

Шерлок Холмс с глубоким вниманием выслушал этот рассказ.

— Вы что-нибудь предприняли? — спросил он.

— Я отправил телеграмму в Кембридж, чтобы узнать, не появлялся ли он там. Мне ответили, что в Кембридже его нет.

— Мог ли он вчера попасть в Кембридж?

— Да, ночным поездом одиннадцать часов пятнадцать минут.

— Но, насколько вы можете судить, он не воспользовался этим поездом?

— На вокзале его не видели.

— Что вы стали делать дальше?

— Я послал телеграмму лорду Маунт-Джеймсу.

— Почему именно ему?

— Годфри — сирота. Лорд Маунт-Джеймс — его близкий родственник, кажется, дядя.

— Вот как. Это по-новому освещает дело. Ведь лорд Маунт-Джеймс — один из самых богатых людей в Англии.

— Да, Годфри как-то вскользь говорил об этом.

— У лорда есть еще родственники?

— Нет, Годфри — его единственный наследник. Старику уже около восьмидесяти, он страдает подагрой. Говорят, он мог бы суставами мелить бильярдный кий. Он ужасный скряга, никогда не давал Годфри ни шиллинга. Но со временем все так или иначе перейдет Годфри.

— Вы получили ответ от лорда?

— Нет.

— Что могло заставить вашего друга обратиться к лорду?

— Вчера вечером он был чем-то озабочен. Если из-за денег, то, возможно, он и обратился к старику. Ведь у того их куры не клюют. Но, по-моему, это дело безнадежное. И Годфри это знал, он почти никогда ни за чем не обращался к старику.

— Ну, это скоро выяснится. А теперь допустим, что он поехал к лорду. Тогда как вы объясните появление этого субъекта в столь поздний час, и почему оно так подействовало на Годфри.

— Для меня все это полнейшая загадка, — ответил Сирил Овертон, сжав голову руками.

— Ну ладно. У меня сегодня свободный день, и я с удовольствием займусь вашим делом, — сказал Холмс. — А вам бы я посоветовал подумать о том, как провести матч без этого молодого человека. Как вы сами заметили, столь таинственное исчезновение должно иметь причину: и эта причина может задержать его неизвестно сколько времени. А сейчас в гостиницу, может, портье вспомнит еще что-нибудь.

Шерлок Холмс обладал счастливым даром располагать к себе самых робких свидетелей. Вместе с портье мы отправились в опустевшую комнату Годфри Стонтона, и тот очень скоро рассказал ему все, что мог вспомнить о ночном посетителе. Это был мужчина лет пятидесяти, скромно одетый, с бледным лицом и седой бородой. Он не походил ни на джентльмена, ни на рабочего. Портье про него сказал: «…ни то ни се». Он был очень взволнован — портье заметил, как дрожала его рука, когда он протянул ему записку. Годфри Стонтон, прочитав принесенную портье записку, сунул ее в карман. Выйдя в холл, он не подал руки посетителю. Они только обменялись несколькими фразами, портье разобрал лишь слово «время». Потом оба поспешно покинули гостиницу. На часах в холле было ровно половина одиннадцатого.

— Еще несколько вопросов, — сказал Холмс, садясь на кровать Стонтона. — Вы дежурите днем, не так ли?

— Да, сэр. Я работаю до одиннадцати часов вечера.

— Ночной портье, надеюсь, ничего необычного не заметил?

— Нет, сэр. Только несколько человек вернулись поздно из театра. Больше никто не приходил.

— Вы вчера никуда не отлучались из гостиницы?

— Нет, сэр.

— Были ли для мистера Стонтона письма или телеграммы?

— Да, сэр, телеграмма.

— Вот как, это интересно. В котором часу?

— Около шести.

— Где мистер Стонтон получил ее?

— У себя в комнате.

— Вы видели, как он читал ее?

— Да, сэр: я ждал, не будет ли ответа.

— Ну и как?

— Он написал ответ, сэр.

— Вы отнесли его на почту?

— Нет, он отнес сам.

— Но он написал его в вашем присутствии?

— Да, сэр. Я стоял у двери, а он сидел за столом, спиной ко мне. Когда он кончил писать, он сказал: «Можете идти, я отправлю ответ сам».

— Чем он писал ответ?

— Пером, сэр.

— Он взял телеграфный бланк со стола?

— Да, сэр. Он писал на верхнем бланке.

Холмс взял бланки и, подойдя к окну, тщательно осмотрел верхний.

— Жаль, что он не писал карандашом, — разочарованно сказал он, бросив бланки на стол. — Вы ведь, Уотсон, не раз, наверное, замечали, что буквы, написанные карандашом, четко отпечатываются на следующем листе — это обстоятельство разрушило немало счастливых браков. Ну, а здесь, к сожалению, нет никаких следов. Это значит, что он писал мягким широким пером. И я почти уверен, что в этом случае нам может помочь пресс-папье. Ага! Вот то, что нам нужно!

Он сорвал лист промокательной бумаги, и мы увидели на ней загадочные иероглифы.

— Поднесите к зеркалу! — заволновался Сирил Овертон.

— Не нужно, — сказал Холмс. — Бумага тонкая, мы увидим текст на обратной стороне.

Он перевернул листок, и мы прочитали: «Помогите нам, ради всего святого».

— Это последние слова телеграммы, которую Годфри Стонтон отправил за несколько часов до исчезновения. Не хватает по меньшей мере шести слов. Но и то, что есть, свидетельствует о серьезной опасности, угрожавшей молодому человеку, от которой кто-то мог бы защитить его. Причем, опасность угрожала двоим — в телеграмме стоит «нам», а не «мне». Так что замешан еще один человек. И это, конечно, ночной посетитель Годфри Стонтона, который сам был в крайнем смятении. Но что у него может быть с ним общего? И кто этот третий, кому была послана мольба о помощи? Вот с него-то мы и начнем наши поиски.

— Значит, первым делом надо узнать, кому послана телеграмма, — предположил я.

— Совершенно верно, мой дорогой Уотсон. Эта глубокая мысль и мне пришла в голову. Но разве вам неизвестно, что если мы явимся на почту и потребуем корешок телеграммы, то служащие едва ли пойдут нам навстречу. Столько еще у нас бюрократизма! Однако, если взяться за дело с умом и тактом, то можно, пожалуй, надеяться на успех. А теперь, мистер Овертон, я хотел бы в вашем присутствии просмотреть бумаги, оставленные на столе.

Холмс переворачивал быстрыми, тонкими пальцами письма, счета и записные книжки, изучая их живым, проницательным взглядом.

— Ничего интересного, — сказал он наконец. — кстати, ваш друг, кажется, не жаловался на здоровье. Его ничего не беспокоило?

— Нет, он здоров как бык.

— Вы когда-нибудь видели его больным?

— Ни разу. Однажды он расшиб ногу, и еще как-то у него сместилась коленная чашечка, но все это пустяки.

— И все-таки, возможно, он не так уж здоров, как вам кажется. По-моему, он чем-то болен, но держит это в тайне. С вашего согласия я захвачу с собой некоторые бумаги, они могут понадобиться нам в дальнейшем.

— Одну минуту, — послышался скрипучий голос, и, оглянувшись, мы увидели в дверях

смешного старичка, размахивающего руками. На нем был порыжелый сюртук с развязавшимся белым галстуком и цилиндр с необычайно широкими полями. Он был похож на деревенского священника или наемного плакальщика. Но, несмотря на этот жалкий, почти нелепый вид, его резкий голос и решительные манеры выдавали в нем человека, привыкшего повелевать.

— Кто вы такой, сэр, и по какому праву берете бумаги этого джентльмена? — спросил он.

— Я частный сыщик. Хочу найти причину его исчезновения.

— Ах вон оно что! А кто вас об этом просил?

— Вот этот джентльмен, друг мистера Стонтона. Его направили ко мне из Скотленд-Ярда.

— Кто вы такой, сэр?

— Я Сирил Овертон.

— Значит, это вы послали мне телеграмму. Я лорд Маунт-Джеймс. Получив ее, я с первым же омнибусом отправился сюда. Значит, это вы наняли сыщика?

— Да, сэр.

— И вы готовы платить?

— Я не сомневаюсь, что мой друг Годфри оплатит счет.

— А если вы его не найдете? Что тогда, отвечайте!

— В таком случае его родные, несомненно…

— Ни в коем случае, сэр! — взвизгнул старик. — И не думайте, что я заплачу вам хоть пенни. Так и знайте, мистер сыщик. Я единственный родственник этого молодого человека, и я заявляю, что меня все это не касается. Если у него есть виды на наследство, то только потому, что я никогда не бросал денег на ветер и сейчас не собираюсь этого делать. Что же касается бумаг, с которыми вы так бесцеремонно обращаетесь, то должен сказать, что если они представляют какую-нибудь ценность, вы будете по всей строгости отвечать за каждый пропавший листок.

— Отлично, сэр, — сказал Шерлок Холмс. — Но позвольте спросить, нет ли у вас каких-либо соображений, куда мог деться молодой человек.

— Никаких соображений! Он достаточно взрослый, чтобы заботиться о себе. И если у него хватило ума потеряться, пусть пеняет на себя. Я категорически отказываюсь участвовать в его розысках.

— Я понимаю вас, — сказал Холмс, и в его глазах сверкнул злой огонек. — Но вы, кажется, не совсем меня понимаете. Годфри Стонтон небогат. И если его похитили, то вовсе не для того, чтобы завладеть его состоянием. Молва о вашем богатстве, лорд Маунт-Джеймс, распространилась даже за границей. Не исключено поэтому, что вашего племянника похитили бандиты, которые надеются выведать у него план вашего дома, ваши привычки и где вы храните драгоценности.

Лицо нашего неприятного посетителя стало белым, как его галстук.

— Боже мой, сэр, я никогда не думал, что люди способны на такое! Каких только мерзавцев нет на свете! Но Годфри — стойкий парень, он не предаст своего дядю. Впрочем, я сегодня же вечером отвезу в банк фамильное серебро. А вы, мистер сыщик, не жалейте, пожалуйста, сил. Во чтобы то ни стало найдите его целым и невредимым. Что же касается денег — ну, скажем, пять или даже десять фунтов, — можете всегда рассчитывать на меня.

Но даже сейчас, в эту минуту просветления, титулованный скряга ничем не мог нам помочь, ибо почти ничего не знал о своем племяннике. Единственный ключ к тайне по-прежнему содержался в последних словах телеграммы, и Холмс с ее помощью надеялся нащупать следующее звено. Наконец лорд Маунт-Джеймс ушел. Ушел и Овертон, чтобы вместе с командой обсудить свалившуюся на них беду. Рядом с гостиницей была почта, и мы остановились перед ней.

— Стоит рискнуть, Уотсон, — сказал Холмс. — Конечно, с ордером на руках я мог бы просто

потребовать, чтобы мне показали корешки, но до этой стадии еще далеко. Я думаю, что они вряд ли запомнили его лицо в этой беспрестанной сутолоке. Рискнем!

— Простите за беспокойство, — обратился он через окошко к молодой девушке, пустив в ход все свое обаяние. — Вчера я отправил телеграмму и боюсь, что сделал в ней большую ошибку. Почему-то задерживается ответ, уж не забыл ли я подписаться. Могли бы вы проверить?

Девушка взяла пачку корешков.

— В котором часу вы отправили телеграмму? — спросила она.

— Сразу же после шести…

— Кому?

Холмс прижал палец к губам и оглянулся на меня.

— Она кончается словами: «…ради всего святого», — прошептал он. — Пожалуйста, я очень беспокоюсь.

Девушка отделила одну из телеграмм.

— Вот она. Фамилии действительно нет, — сказала она, разглаживая ее на стойке.

— Я так и знал, — сказал Холмс. — Боже, какой я идиот! До свидания, мисс, премного вам благодарен. У меня словно гора с плеч свалилась.

Когда мы вышли на улицу, он довольно засмеялся, потирая руки.

— Ну? — спросил я.

— Все хорошо, дорогой Уотсон! У меня в запасе было семь разных способов, как подобраться к телеграмме. Но я меньше всего ожидал, что повезет с первого раза.

— Что же вы узнали?

— Узнал отправной пункт наших исследований. Вокзал Кингс-Кросс, — сказал он кучеру подъехавшего к нам кэба.

— Значит, мы уезжаем из Лондона?

— Да, в Кембридж. Все говорит о том, что надо искать в этом направлении.

— Скажите, пожалуйста. Холмс, — начал я, когда кэб громыхал по Грэйс-Инн-роуд, — составили ли вы себе представление, почему исчез Годфри Стонтон? Мне кажется, что ни в одном вашем деле мотивы не были столь туманны. Вы вряд ли верите, что его похитили, зарясь на деньги его богатого дядюшки.

— Признаюсь, дорогой Уотсон, мне это действительно кажется маловероятным. Я выдвинул такую версию, чтобы расшевелить этого в высшей степени неприятного старика.

— И вам это как нельзя лучше удалось. Но все-таки, Холмс, что случилось с молодым человеком?

— У меня есть несколько идей. Во-первых, молодой человек исчезает накануне важного матча. Факт немаловажный, если учесть, что он лучший игрок команды. Это может быть простым совпадением, а может, и нет. Любительский спорт — зрелище, на котором не принято заключать пари. И все-таки многие заключают. Значит, есть люди, которым выгодно вывести Стонтона из игры. Ведь случается же, что перед скачками исчезает лучшая лошадь. Это первая версия. Вторая основывается на том очевидном факте, что молодой человек скоро станет обладателем громадного состояния, хотя в настоящее время его средства ничтожны. Можно предположить поэтому, что он стал жертвой шайки, которая потребует за него крупный выкуп.

— Но эти версии не объясняют телеграммы.

— Совершенно верно, Уотсон. Телеграмма пока остается единственной реальной уликой, и мы не должны отвлекаться от нее. Поэтому мы и едем в Кембридж. Там мы узнает, какую роль играет телеграмма в этом деле. Дальнейший ход расследований пока неясен, но я буду очень удивлен, если к вечеру все или почти все не разъяснится.

Мы приехали в старый университетский городок с наступлением темноты. На вокзале Холмс нанял кэб и приказал кучеру ехать к дому доктора Лесли Армстронга. Спустя несколько минут наш кэб остановился у большого особняка на оживленной улице. Мы вошли в холл и, после долгого ожидания, были приглашены в приемную доктора.

Имя доктора Лесли Армстронга было мне незнакомо, что достаточно ясно показывает, как далек я был в то время от медицины. Теперь я знаю, что он не только один из лучших профессоров медицинского факультета, но и ученый с европейским именем, внесший значительный вклад в целый ряд наук. Даже ничего не слыхав о его ученых заслугах, а только раз взглянув на него, можно было с уверенностью сказать, что он человек выдающийся. У него было крупное, волевое лицо, глубокий, сосредоточенный взгляд из-под густых бровей, массивный, как гранитная глыба, подбородок. Это был человек с острым умом и сильным характером: суровый, аскетический, сдержанный и даже внушающий робость. Он повертел в руках визитную карточку моего друга и неприветливо посмотрел на нас.

— Я слышал о вас, мистер Холмс, и о вашей деятельности и должен сказать, что я не одобряю ее.

— В этом вы единодушны, доктор, со всеми преступниками Англии, — спокойно ответил мой друг.

— Само собой разумеется, что, когда ваши усилия направлены на искоренение преступности, вас должны поддерживать все здравомыслящие члены общества. Хотя, смею думать, официальные власти достаточно компетентны в своем деле. Достойно же осуждения то, что вы суетесь в чужие тайны, извлекаете на свет божий семейные драмы, тщательно оберегаемые от постороннего глаза, и наконец отвлекаете от дела людей, более вас занятых. Сейчас, например, вместо того, чтобы беседовать с вами, я должен был бы писать научный трактат.

— Несомненно, доктор. И все же наша беседа может оказаться более важной, чем любой трактат. Между прочим, доктор, мы делаем как раз обратное тому, что вы так справедливо осуждаете. Мы охраняем от огласки чужие тайны, что неизбежно происходит, если дело попадет в руки полиции. Считайте меня партизанским отрядом, что ли, действующим отдельно от регулярных сил. Так вот, я сегодня приехал к вам поговорить о мистере Годфри Стонтоне.

— А что с ним случилось?

— Вы его знаете, не так ли?

— Он мой близкий друг.

— Вам известно о его исчезновении?

— Об исчезновении? — Суровое лицо доктора не дрогнуло.

— Он ушел из гостиницы вчера вечером, и больше его не видели.

— Он, несомненно, вернется.

— Завтра матч университетских команд.

— Мне нет дела до этих детских забав. Судьба молодого человека действительно не безразлична мне, потому что я знаю его и люблю, а регби — это не по моей части.

— Значит, я могу рассчитывать на вашу помощь. Я тоже обеспокоен судьбой мистера Стонтона. Вам известно, где он находится?

— Нет, конечно.

— Вы видели его вчера или сегодня?

— Нет.

— Какого вы мнения о здоровье мистера Стонтона?

— Он абсолютно здоров.

— Жаловался ли он когда-нибудь на недомогание?

— Ни разу.

Холмс вынул листок бумаги и показал его доктору.

— Как тогда вы объясните происхождение этой квитанции на тринадцать гиней, уплаченных в прошлом месяце мистером Годфри Стонтоном доктору Лесли Армстронгу из Кембриджа? Я нашел ее на письменном столе Стонтона среди прочих бумаг.

Лицо доктора налилось кровью.

— Я не вижу необходимости давать вам объяснения, мистер Холмс.

Холмс спрятал квитанции в записную книжку.

— Вы, по-видимому, предпочитаете давать объяснения перед публикой, — сказал он. — А я ведь вам уже говорил, что гарантирую сохранение тайны. Вы поступили бы гораздо благоразумнее, если бы вполне доверились мне.

— Я ничего не могу сказать об этой квитанции.

— Имели вы от Стонтона какое-либо известие с тех пор, как он уехал в Лондон?

— Нет.

— Ох, уж эта почта! — сокрушенно вздохнул Холмс. — Вчера вечером в шесть часов пятнадцать минут Годфри Стонтон послал вам срочную телеграмму, которая, несомненно, связана с его исчезновением, и вам до сих пор ее не принесли. Это — возмутительное безобразие! Я сейчас же пойду в местное почтовое отделение и подам жалобу.

Доктор Лесли Армстронг вскочил на ноги, его темное лицо побагровело от гнева.

— Потрудитесь немедленно покинуть мой дом, сэр, — сказал он. — И передайте вашему хозяину, лорду Маунт-Джеймсу, что я не желаю иметь никаких дел ни с ним, ни с его агентами. — он неистово зазвонил в колокольчик. — Джон, проводи этих джентльменов.

Напыщенный дворецкий только что не вытолкал нас, и мы оказались на улице. Холмс рассмеялся.

— Да, доктор Лесли Армстронг — действительно решительный и энергичный человек, — сказал он. — Он с успехом мог бы заменить профессора Мориарти, направь он свои таланты по другому руслу. Итак, мой бедный Уотсон, мы одиноки и неприкаянны в этом негостеприимном городе. А ведь уехать отсюда мы не можем. Это значит отказаться от поисков. Смотрите, прямо напротив дома Армстронга, как нельзя более кстати, гостиница. Снимите комнату с окнами на улицу и купите еды, а я между тем наведу кое-какие справки.

Наведение справок заняло у Холмса больше времени, чем он предполагал, и в гостиницу он вернулся лишь к девяти часам. Он был в плохом расположении духа, бледен, весь в пыли и валился с ног от голода и усталости. На столе его ждал холодный ужин. Утолив голод, он раскурил трубку и приготовился в своем обычном полушутливом тоне рассказывать о своих неудачах, к которым он всегда относился с философским спокойствием. Вдруг на улице послышался скрип колес экипажа, Холмс поднялся и выглянул в окно. Перед домом доктора в свете газового фонаря стояла карета, запряженная парой серых лошадей.

— Доктор отсутствовал три часа, — сказал Холмс, — он уехал в половине седьмого и вот только что вернулся. Значит, он был где-то в радиусу десяти — двенадцати миль. Он ездит куда-то каждый день, а иногда даже два раза в день.

— Это не удивительно, ведь он практикующий врач.

— В том-то и дело, что Армстронг не практикующий врач. Он профессор и консультант, а практика только отвлекла бы его от научной работы. Зачем же ему понадобилось совершать эти длинные и утомительные поездки? Кого он навещает?

— Его кучер мог бы…

— Мой дорогой Уотсон, к кучеру я первым делом и обратился. Но он спустил на меня пса: не знаю, чем это объяснить — то ли его собственным свирепым нравом, то ли приказом хозяина. Однако вид моей трости не очень понравился ни кучеру, ни собаке, и инцидент на этом был исчерпан. Наши отношения после этого настолько обострились, что о каких-либо расспросах

не могло быть и речи. Но, к счастью, во дворе гостиницы я разговорился с одним славным малым — местным жителем, он-то и рассказал мне о привычках доктора и его ежедневных поездках. Во время нашего разговора, словно в подтверждение его слов, к дому доктора подъехала карета.

— И вы решили следовать за ней?

— Чудесно, Уотсон! Вы сегодня бесподобны. Именно это я и решил. Рядом с нашей гостиницей, как вы, вероятно, заметили, есть магазин, торгующий велосипедами. Я бросился туда, взял напрокат велосипед и покатил за каретой, которая была уже довольно далеко. Я быстро нагнал ее и, держась на расстоянии около ста ярдов, следовал за ее фонарем. Так мы выехали из города и уже отъехали довольно далеко, когда случилось неожиданное: карета остановилась, из нее вышел доктор и, решительным шагом приблизившись ко мне, язвительно заметил, что, поскольку дорога узкая, он не хотел бы своей каретой загораживать мне путь. Он был неподражаем. Я проследовал мимо кареты и, отъехав несколько миль, остановился. Я ждал долго — карета словно сквозь землю провалилась. «Наверное, свернула на одну из проселочных дорог», — решил я и покатил обратно. Кареты и след простыл. Доктор вернулся, как видите, только сейчас. Сначала я никак не связывал эти поездки с исчезновением Годфри Стонтона, меня просто интересовало все, что касается доктора Армстронга. Но хитрость доктора меня насторожила. И я не успокоюсь, пока все не узнаю.

— Попытаемся выследить его завтра.

— Сможем ли? Это не так просто. Вы ведь не знаете окрестностей Кембриджа! Укрыться на этой плоской, как стол, местности негде, а человек, которого мы хотим выследить, вовсе не глуп, как он это ясно показал сегодня. Я отправил телеграмму Овертону, чтобы он сообщил, не случилось ли в Лондоне чего нового. А пока сосредоточим все внимание на докторе Армстронге: ведь это его имя я прочитал на корешке телеграммы благодаря любезности телеграфистки. Я готов поклясться, он знает, где находится Стонтон. А если знает он, то должны узнать и мы. Надо признаться, что счет пока в его пользу, а вы хорошо знаете, Уотсон, что не в моих правилах бросать игру на этой стадии.

Но и следующий день не приблизил нас к решению загадки. После завтрака нам принесли записку, и Холмс с улыбкой протянул ее мне. Вот что в ней было:

«Сэр, смею вас заверить, что, преследуя меня, вы теряете время. Как вы убедились прошлой ночью, в задке моей кареты есть окно, и если вас не пугает двадцатимильная прогулка, конечными пунктом которой будут ворота вашей гостиницы, то можете смело следовать за мной. Но должен вам сказать, что слежка за мной никоим образом не поможет мистеру Годфри Стонтону. Я уверен, что лучшей услугой, какую вы могли бы оказать этому джентльмену, было бы ваше немедленное возвращение в Лондон. Скажите вашему хозяину, что вам не удалось напасть на его след. В Кембридже вы ничего не добьетесь.

— Да, доктор прямодушный и честный противник, — сказал Холмс. — Но он разжег мое любопытство, и я не уеду отсюда, пока не узнаю, куда и зачем он ездит.

— Карета уже у его дверей, — сказал я. — А вот и он сам. Взглянул на наше окно. Садится в карету. Может, мне попытать счастья на велосипеде?

— Нет, нет, мой дорогой Уотсон! При всем моем уважении к вашей природной сообразительности должен сказать, что доктор вам не по плечу. Я уж как-нибудь сам постараюсь с ним управиться. Боюсь, что вам пока придется заняться чем-нибудь другим, ибо появление двух любопытствующих незнакомцев в окрестностях Кембриджа вызвало бы нежелательные толки. Вы, несомненно, найдете много интересного в этом почтенном городе, а я постараюсь принести вечером более благоприятные вести.

Но и в этот день моему другу не повезло. Он вернулся поздно вечером, усталый и разочарованный.

— Весь день потратил впустую, Уотсон. Зная направление поездок доктора, я объездил все тамошние деревни, разговаривал с трактирщиками и другими осведомленными людьми. Я обошел Честертон, Хистон, Уотербич и Окингтон, и везде меня постигла неудача. Ежедневное появление кареты наверняка не осталось бы незамеченным в этом «сонном царстве». Словом, счет два — ноль в пользу доктора. Телеграммы не было?

— Была, я ее распечатал, вот она: «Помпей. Обратитесь Джереми Диксону Тринити-колледж», — и ничего не понял.

— Ну, это ясно. Телеграмма от нашего друга Овертона. Ответ на мой вопрос. Сейчас я пошлю записку мистеру Джереми Диксону. Уверен, что на этот раз счастье, несомненно, улыбнется нам. Кстати, как прошел матч?

— В сегодняшней вечерней газете помещен подробный отчет о матче. Выиграл Оксфорд. Вот чем кончается отчет: «Поражение светло-голубых объясняется отсутствием прославленного игрока международного класса Годфри Стонтона. Оно дало о себе знать на первых же минутах встречи. Отсутствие комбинационной игры в трехчетвертной линии, вялость в нападении и обороне свели на нет усилия этой сильной и дружной команды».

— Значит, беспокойство нашего друга Овертона имело основания, — сказал Холмс. — Но лично я разделяю мнение доктора. Мне тоже нет никакого дела до регби. А сейчас спать, Уотсон, завтра нам предстоит хлопотливый денек.

Я пришел в ужас, когда, проснувшись на следующее утро, увидел Холмса у камина с небольшим шприцем в руках. Шприц ассоциировался у меня с его единственной слабостью, и я решил, что мои худшие опасения оправдались. Увидев ужас на моем лице, Холмс рассмеялся и положил шприц на стол.

— Нет, нет, дорогой друг, не надо беспокоиться. Шприц на этот раз не орудие зла, это скорее ключ к разгадке тайны. Я возлагаю на него большую надежду. Все пока что благоприятствует нам. Я только что совершил небольшую вылазку. А теперь позавтракайте поплотнее, Уотсон, ибо сегодня мы возьмем след доктора Армстронга. И я не позволю ни себе, ни вам ни минуты отдыха, пока мы не загоним его в нору.

— Тогда давайте захватим завтрак с собой. Я не успею поесть: ведь доктор сию минуту уедет. Карета уже у дверей.

— Сегодня это неважно. Пусть едет. Он будет семи пядей во лбу, если ему удастся ускользнуть от нас. Когда позавтракаете, мы спустимся вниз, и я познакомлю вас с одним замечательным сыщиком.

Мы сошли вниз, и Холмс повел меня в конюшню. Открыв стойло, он вывел приземистую и вислоухую пегую собаку-ищейку.

— Позвольте представить вам Помпея, — сказал он, — гордость местных охотников. Судя по его сложению, он не шибкий бегун, но зато он отлично держит след. Ну, Помпей, хотя ты и не очень быстр, но, думаю, двум лондонцам среднего возраста будет нелегко угнаться за тобой, поэтому я позволю себе прикрепить к твоему ошейнику этот кожаный поводок. А теперь вперед, покажи, на что ты способен.

Он подвел Помпея к дому доктора. Собака понюхала землю и, натянув повод, с визгом рванулась по улице. Спустя полчаса мы были за городом.

— Что это значит. Холмс? — спросил я.

— Старый, избитый прием, но порой дает отличные результаты. Сегодня утром я заглянул во двор к доктору и облил из шприца заднее колесо кареты анисовым маслом. Помпей будет гнать за ним хоть до самого Джон-о'Гротса. Чтобы сбить его со следа, нашему другу пришлось бы в карете переправляться через Кэм. Ах, какой хитрец! Вот почему ему удалось улизнуть тогда ночью!

Собака вдруг круто свернула с дороги на поросший травой проселок. Через полмили он вывел нас на другое шоссе. След круто повернул вправо. Дорога обогнула город с востока и повела в направлении, противоположном тому, в каком мы начали преследование.

— Значит, этот крюк он сделал исключительно ради нас, — сказал Холмс. — Не удивительно, что мои вчерашние поиски ни к чему не привели. Доктор играет по всем правилам. Интересно, что его заставляет прибегать к таким хитростям? Вон там, справа, должно быть, Трампингтон. Смотрите. Уотсон. А, карета! Скорее, скорее, иначе все пропало!

Он бросился в ближайшую калитку, увлекая за собой упирающегося Помпея. Едва мы укрылись за живой изгородью, как карета промчалась мимо. На мгновенье я увидел доктора Армстронга. Он сидел сгорбившись, обхватив руками голову, — живое воплощение горя. Взглянув на помрачневшее лицо моего спутника, я понял, что и он заметил состояние доктора.

— Боюсь, как бы наши поиски не имели печального конца, — сказал он. — Но мы сейчас все

узнаем. Помпей, вперед! Вон к тому дому!

Сомнений не было: мы достигли цели. Помпей, взвизгивая, бегал у ворот, где еще виднелись следы экипажа. Холмс привязал собаку к плетню, и мы по дорожке поспешили к дому. Мой друг постучал в невысокую, грубо сколоченную дверь, подождал немного и постучал снова. В доме кто-то был, оттуда доносился стон, полный безысходного отчаяния и горя. Холмс в нерешительности постоял у двери, потом оглянулся на дорогу. По ней мчалась карета, запряженная парой серых лошадей.

— Доктор возвращается! — вскричал Холмс. — Скорее в дом. Мы должны узнать, в чем дело!

Он распахнул дверь, и мы оказались в холле. Стон усилился, перейдя в непрерывный отчаянный вопль. Он доносился откуда-то сверху. Холмс стремительно бросился туда, я за ним. Он толкнул полуоткрытую дверь, и мы в ужасе остановились перед открывшейся нашим глазам картиной.

На кровати недвижно лежала молодая красивая девушка. Ее спокойное бледное лицо обрамляли пышные золотистые волосы. Потускневшие широко открытые голубые глаза смотрели в потолок. В изножье кровати, зарывшись лицом в простыни, стоял на коленях молодой человек, тело его содрогалось от рыданий. Горе совсем убило его, он даже не взглянул в нашу сторону. Холмс положил ему руку на плечо.

— Вы мистер Годфри Стонтон?

— Да, да… Это я. Но вы пришли поздно. Она умерла.

Он, видимо, принял нас за врачей. Холмс пробормотал несколько слов соболезнования и попытался объяснить ему, сколько хлопот доставил он своим друзьям, когда на лестнице послышались шаги и в дверях появилось суровое, порицающее лицо доктора Армстронга.

— Итак, джентльмены, — сказал он, — вы добились своего и выбрали для вторжения самый подходящий момент. Я не хотел бы затевать ссору в присутствии усопшей, но знайте: будь я моложе, ваше чудовищное поведение не осталось бы безнаказанным.

— Простите, доктор Армстронг, но мне кажется, мы не совсем понимаем друг друга, — с достоинством отвечал мой друг. — Не согласитесь ли вы спуститься вниз, где мы могли бы обсудить это печальное дело?

Через минуту мы сидели в гостиной.

— Я слушаю вас, сэр, — сказал доктор.

— Прежде всего я хочу, чтобы вы знали, что я не имею никакого отношения к лорду Маунт-Джеймсу, более того, этот старик мне глубоко несимпатичен. Поймите, если исчезает человек и ко мне обращаются за помощью, мой долг — разыскать его. Как только пропавший найден, миссия моя окончена. И если не был нарушен закон, то тайна, которой я невольно коснулся, навсегда останется тайной. В этом деле, как я полагаю, не было нарушения закона, и вы можете целиком рассчитывать на мою скромность. Ни одно слово о нем не проникнет на страницы газет.

Доктор Армстронг шагнул вперед и протянул Холмсу руку.

— Я ошибался в вас, мистер Холмс, — сказал он. — Вы настоящий джентльмен. Я оставил было несчастного Стонтона наедине с его горем, но потом, благодарение богу, решил вернуться обратно: может, ему понадобится моя помощь. И это дало мне возможность узнать вас лучше Вы достаточно осведомлены об этом деле, и мне не составит труда объяснить все остальное. Год назад Годфри Стонтон снимал квартиру в Лондоне. Он полюбил дочь хозяйки и вскоре женился на ней. Мир не видел женщины нежнее, красивее и умнее ее. Никто не постеснялся бы иметь такую жену. Но Годфри — наследник этого отвратительного скряги. И если бы он узнал о женитьбе племянника, он лишил бы его наследства. Я хорошо знаю Годфри и очень люблю его. Он в полном смысле слова прекрасный человек. И я всячески способствовал тому, чтобы сохранить его тайну. Благодаря этому уединенному дому и осторожности Годфри об их браке до сегодняшнего дня знали только два человека — я да еще преданный слуга, который сейчас ушел за врачом в Трампингтон. Несколько времени назад Годфри постиг страшный удар — его жена опасно заболела. Оказалась скоротечная чахотка. Годфри чуть не лишился рассудка от горя; но все-таки ему пришлось ехать в Лондон на этот матч, ибо он не мог объяснить своего отсутствия, не раскрыв тайны. Я пытался ободрить его, послав ему телеграмму. Он ответил мне, умоляя сделать все, чтобы спасти ее. Вам каким-то чудом

удалось прочитать его телеграмму. Я не хотел говорить ему, как велика опасность, так как его присутствие здесь ничему бы не помогло, но я написал всю правду отцу девушки, а тот, позабыв благоразумие, рассказал обо всем Годфри. Годфри, все бросив, приехал сюда в состоянии, близком к безумию. И на коленях простоял у ее постели до сегодняшнего утра, пока смерть не положила конец ее страданиям. Вот и все, мистер Холмс. Я не сомневаюсь, что могу положиться на вашу скромность и на скромность вашего друга.

Холмс крепко пожал руку доктору.

— Пойдемте, Уотсон, — сказал он.

И мы вышли из этого печального дома навстречу бледному сиянию зимнего дня.

Убийство в Эбби-Грэйндж

(Перевод Л.Борового)

В холодное, морозное утро зимы 1897 года я проснулся оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Это был Холмс. Свеча в его руке озаряла взволнованное лицо моего друга, и я сразу же понял: случилось что-то неладное.

— Вставайте, Уотсон, вставайте! — говорил он. — Игра началась! Ни слова! Одевайтесь, и едем!

Через десять минут мы оба сидели в кэбе и мчались с грохотом по тихим улицам к вокзалу Чаринг-кросс. Едва забрезжил робкий зимний рассвет, и в молочном лондонском тумане смутно виднелись редкие фигуры спешивших на работу мастеровых. Холмс, укутавшись в свое теплое пальто, молчал, и я последовал его примеру, потому что было очень холодно, а мы оба выехали натощак. И только выпив на вокзале горячего чаю и усевшись в кентский поезд, мы настолько оттаяли, что он мог говорить, а я слушать. Холмс вынул из кармана записку и прочитал ее вслух:

«Эбби-Грэйндж, Маршем, Кент, 3.30 утра.

Мой дорогой м-р Холмс! Буду очень рад, если Вы немедленно окажете мне содействие в деле, которое обещает быть весьма замечательным. Это нечто вполне в вашем вкусе. Леди придется выпустить, все остальное постараюсь сохранить в первоначальном виде. Но, прошу вас, не теряйте ни минуты, потому что трудно будет оставить здесь сэра Юстеса.

— Хопкинс вызывал меня семь раз, и во всех случаях его приглашение оправдывалось, — сказал Холмс. — Если не ошибаюсь, все эти дела вошли в вашу коллекцию, а я должен признать, Уотсон, что у вас есть умение отбирать самое интересное. Это в значительной степени искупает то, что мне так не нравится в ваших сочинениях. Ваша несчастная привычка подходить ко всему с точки зрения писателя, а не ученого, погубила многое, что могло стать классическим образцом научного расследования. Вы только слегка касаетесь самой тонкой и деликатной части моей работы, останавливаясь на сенсационных деталях, которые могут увлечь читателя, но ничему не научат.

— А почему бы вам самому не писать эти рассказы? — сказал я с некоторой запальчивостью.

— И буду писать, мой дорогой Уотсон, непременно буду. Сейчас, как видите, я изрядно занят, а на склоне лет я собираюсь написать руководство, в котором сосредоточится все искусство раскрытия преступлений. Хопкинс, по-моему, нас вызвал сегодня по поводу убийства.

— Вы думаете, стало быть, что этот сэр Юстес мертв?

— Да. По записке видно, что Хопкинс сильно взволнован, а он не тот человек, которого легко взволновать. Да, я думаю, что это убийство и тело оставлено, чтобы мы могли его осмотреть. Из-за обыкновенного самоубийства Хопкинс не послал бы за мной. Слова «леди придется выпустить» означают, вероятно, что, пока разыгрывалась трагедия, она была где-то заперта. Мы переносимся в высший свет, Уотсон: дорогая, хрустящая бумага, монограмма «Ю. Б.», герб, пышный титул. Полагаю, что наш друг Хопкинс оправдает свою репутацию и сегодня утром мы не будем скучать. Преступление было совершено до полуночи.

— Из чего вы это могли заключить?

— Из расписания поездов и из подсчета времени. Надо было вызвать местную полицию, она снеслась со Скотленд-Ярдом. Хопкинс должен был туда приехать и, в свою очередь, послать за мной. Этого хватает как раз на целую ночь. Впрочем, вот уже и Чизилхерст, и скоро все наши сомнения разъяснятся.

Проехав несколько миль по узким деревенским дорогам, мы добрались до ворот парка, которые распахнул перед нами старый привратник; его мрачное лицо говорило о недавно пережитом большом потрясении. Через великолепный парк между двумя рядами старых вязов шла аллея, заканчиваясь у невысокого, вытянутого в длину дома с колоннами в стиле Палладио по фасаду. Центральная часть здания была, несомненно, очень древней постройки и вся увита плющом; но большие широкие окна говорили о том, что ее коснулись современные усовершенствования, а одно крыло было по всем признакам совсем новое. У входа в открытых

дверях мы увидели стройную молодую фигуру инспектора Стэнли Хопкинса и его возбужденное, встревоженное лицо.

— Я очень рад, что вы приехали, мистер Холмс. И вы тоже, доктор Уотсон. Но, право, если бы я мог начать все сначала, я бы не стал беспокоить вас. Как только леди пришла в себя, она дала такие ясные показания, что теперь уже дело за немногим. Помните луишемскую банду взломщиков?

— Троих Рэндаллов?

— Именно. Отец и два сына. Это их работа. У меня нет сомнений на этот счет. Две недели назад они поработали в Сайденхэме, их там видели, и у нас теперь есть описание их наружности. Какая дерзость? Двух недель не прошло — и вот вам новое преступление. И в одном районе. Но это они, никакого сомнения, они. На этот раз от виселицы им не уйти.

— Сэр Юстес, значит, мертв?

— Да. Они проломили ему голову кочергой от его же собственного камина.

— Сэр Юстес Брэкенстолл, как сообщил нам кучер?

— Да, он. Один из самых богатых людей в Кенте. Леди Брэкенстолл сейчас в гостиной. Бедная, что ей пришлось пережить! Она была почти мертва, когда я впервые увидел ее. Вам лучше всего, я думаю, пойти к ней и послушать рассказ обо всем этом из ее собственных уст. Потом мы вместе осмотрим столовую.

Леди Брэкенстолл оказалась женщиной необыкновенной. Редко приходилось мне видеть такую изящную фигуру, такие женственные манеры и такое прекрасное лицо. Она была блондинка с золотистыми волосами, голубыми глазами и, должно быть, восхитительным цветом лица, которое от недавних переживаний было сейчас очень бледно и измученно. На ее долю выпали не только моральные страдания, но и физическое: над одним глазом у нее набух большой багровый кровоподтек, который ее горничная — высокая строгая женщина — усердно смачивала водой с уксусом. Леди лежала на кушетке в полном изнеможении, но ее быстрый, внимательный взгляд, брошенный на нас, когда мы вошли в комнату, и настороженное выражение прекрасного лица показали, что страшное испытание не повлияло ни на ее разум, ни на ее самообладание. На ней был свободный, голубой с серебром халат, но здесь же, на кушетке, позади нее, лежало черное, отделанное блестками нарядное платье.

— Я уже рассказала вам все, что произошло, мистер Хопкинс, — сказала она устало. — Не могли бы вы повторить мой рассказ? Впрочем, если вы считаете, что это необходимо, я расскажу сама. Они уже были в столовой?

— Я считал, что сначала им надо выслушать ваш рассказ.

— Я вздохну свободно, только когда с этим ужасом будет покончено. Мне страшно подумать, что он все еще лежит там.

Она вздрогнула и на секунду закрыла лицо руками. Широкие рукава ее халата упали, обнажив руки до локтя.

— У вас есть еще ушибы, мадам? Что это? — воскликнул Холмс.

Два ярко-красных пятна проступали на белой гладкой коже руки. Она поспешила прикрыть их.

— Это ничего. Это не имеет отношения к страшным событиям минувшей ночи. Если вы и ваш друг присядете, я расскажу вам все, что знаю.

Я жена сэра Юстеса Брэкенстолла. Мы поженились около года тому назад. Думаю, ни к чему скрывать, что наш брак был не из счастливых. Так скажут вам, надо думать, все наши соседи, даже если бы я и попыталась это отрицать. Возможно, что вина отчасти моя. Я выросла в более свободной, не скованной такими условностями обстановке Южной Австралии, и эта английская жизнь с ее строгими приличиями и чопорностью мне не по душе. Но главное в том — и это знают все, — что сэр Юстес сильно пил. Нелегко было даже час провести с таким человеком. Вообразите, что значит для чуткой и пылкой молодой женщины быть с ним вместе и днем и ночью! Это святотатство, это преступление, это подлость — считать, что такой брак нерушим. Я убеждена, что эти ваши чудовищные законы навлекут проклятие на вашу страну. Небо не позволит, чтобы несправедливость торжествовала вечно.

Она на минуту привстала, щеки у нее вспыхнули, глаза заблестели. Багровый кровоподтек показался мне еще страшнее. Сильная и нежная рука ее суровой горничной опустила ее голову на подушку, и неистовая вспышка гнева разрешилась бурными рыданиями.

Наконец она заговорила опять.

— Я расскажу вам теперь о минувшей ночи. Вы уже, возможно, заметили, что все наши слуги спят в новом крыле. В центральной части дома жилые комнаты, за ними кухня и наши спальни наверху. Горничная моя Тереза спит над моей комнатой. Больше здесь нет никого, и ни один звук не доносится до тех, кто живет в пристройке. Судя по тому, как вели себя грабители, это им было известно.

Сэр Юстес удалился к себе около половины одиннадцатого. Слуги уже легли спать. Не легла только моя горничная, она ждала у себя наверху, когда я позову ее. Я сидела в этой комнате и читала. В двенадцатом часу, перед тем как подняться наверх, я пошла посмотреть, все ли в порядке. Это моя обязанность, потому что, как я уже объяснила вам, на сэра Юстеса не всегда можно было положиться. Я зашла в кухню, в буфетную к дворецкому, в оружейную, в бильярдную, в гостиную и, наконец, в столовую. Когда я подошла к дверям, задернутым плотными портьерами, я вдруг почувствовала сквозняк и поняла, что дверь открыта настежь. Я отдернула портьеру и оказалась лицом к лицу с пожилым широкоплечим мужчиной, который только что вошел в комнату. Дверь, большая, стеклянная, так называемое французское окно, выходит на лужайку перед домом. У меня в руке была зажженная свеча, и я увидела за этим мужчиной еще двоих, которые как раз входили в дом. Я отступила, но мужчина набросился на меня, схватил сперва за руку, потом за горло. Я хотела крикнуть, но он кулаком нанес мне страшный удар по голове и свалил наземь. Вероятно, я потеряла сознание, потому что, когда через несколько минут я пришла в себя, оказалось, что они оторвали от звонка веревку и крепко привязали меня к дубовому креслу, которое стоит во главе обеденного стола. Я не могла ни крикнуть, ни шевельнуться — так крепко я была привязана, и рот у меня был завязан платком. В эту минуту в комнату вошел мой несчастный супруг. Он, должно быть, услышал какой-то подозрительный шум и ожидал увидеть нечто подобное тому, что представилось его глазам. Он был в ночной сорочке и брюках, но в руке держал свою любимую дубинку. Он бросился к одному из грабителей, но тот, которого я увидели первым, схватил кочергу из-за каминной решетки и ударил его со страшной силой по голове. Мой муж упал, даже не вскрикнув. Он был мертв. Сознание опять покинуло меня, но через несколько минут я очнулась. Открыв глаза, я увидела, что воры взяли из буфета все серебро и достали оттуда же бутылку с вином. У каждого в руке был бокал. Я уже говорила вам, что один из них был постарше, с бородой, два других — молодые парни. Возможно, это был отец с сыновьями. Поговорив шепотом о чем-то, они приблизились ко мне проверить, крепко ли я привязана. Потом они ушли, затворив за собой дверь. Мне удалось освободить рот только через четверть часа. Я закричала, крики услыхала горничная и сбежала вниз. Проснулись и другие слуги, и мы послали за полицией. Полиция немедленно связалась с Лондоном. Вот все, что я могу сказать вам, джентльмены, и надеюсь, что мне не придется еще раз повторять эту столь горестную для меня историю.

— Вы хотели бы что-то спросить, мистер Холмс? — сказал Хопкинс.

— Нет, я не хочу больше испытывать терпение леди Брэкенстолл и злоупотреблять ее временем, — сказал Холмс. — Но прежде чем пойти осматривать столовую, я был бы рад послушать ваш рассказ, — обратился он к горничной.

— Я видела этих людей еще до того, как они вошли в дом, — сказала она. — Я сидела у окна своей комнаты и вдруг увидела у сторожки привратника трех мужчин. Ночь-то была лунная. Но ничего плохого я тогда не подумала. А через час я услышала стоны моей хозяйки, бросилась вниз и нашла ее, голубушку, привязанной в этом кресле, точь-в-точь как она вам рассказывала. Хозяин лежал на полу, а по всей комнате брызги его мозгов и крови. И даже у нее на платье. От этого кто угодно в обморок упадет. Но она всегда была мужественной, мисс Мэри Фрейзер из Аделаиды. И она ни капельки не изменилась, став леди Брэкенстолл из Эбби-Грэйндж. Вы очень долго расспрашивали ее, джентльмены. Видите, как она устала. Старая верная Тереза отведет ее в спальню. Ей надо отдохнуть.

Эта худая, суровая женщина с материнской нежностью обняла за талию свою хозяйку и увела ее из комнаты.

— Она прожила с ней всю жизнь, — сказал Хопкинс. — Нянчила ее, когда та была маленькой. Полтора года назад они покинули Австралию и вместе приехали в Англию. Ее зовут Тереза Райт, и таких слуг вы теперь не найдете. Вот так, мистер Холмс!

Выразительное лицо Холмса стало безучастным. Я знал, для него вместе с тайной исчезает и вся привлекательность дела. Правда, оставалось еще найти и арестовать преступников. Но дело было такое заурядное, что Холмсу не стоило тратить время. Он чувствовал примерно то же, что чувствует крупный специалист, светило в медицинском мире, когда его приглашают к постели ребенка лечить корь. Но, войдя в столовую и воочию увидев картину преступления, Холмс оживился и снова почувствовал интерес к этому делу.

Столовая была большой высокой комнатой с потолком из резного дуба, с дубовыми панелями и отличным собранием оленьих рогов и старого оружия на стенах. Напротив входа в дальнем конце комнаты находилась та самая стеклянная дверь, о которой говорила леди Брэкенстолл. Справа три окна, наполнявшие комнату холодным светом зимнего солнца. По левую сторону зияла пасть большого, глубокого камина под массивной дубовой полкой. У камина стояло тяжелое дубовое кресло с подлокотниками и резьбой внизу спинки. Сквозь отверстия резьбы был продет красный шнур, концы которого были привязаны к нижней перекладине. Когда леди освободили от пут, шнур соскочил, но узлы так и остались не развязаны.

Эти детали мы заметили позже, потому что теперь все наше внимание было приковано к телу, распростертому на тигровой шкуре перед камином.

Это был высокий, хорошо сложенный мужчина лет сорока. Он лежал на спине, с запрокинутым лицом и торчащей вверх короткой черной бородкой, скаля в усмешке белые зубы. Над головой были занесены стиснутые кулаки, а поверх рук лежала накрест его тяжелая дубинка. Его красивое, смуглое, орлиное лицо исказила гримаса мстительной ненависти и неистовой злобы. Он, видимо, был уже в постели, когда поднялась тревога, потому что на нем была щегольская, вышитая ночная сорочка, а из брюк торчали босые ноги. Голова была размозжена, и все в комнате говорило о дикой жестокости, с которой был нанесен удар. Рядом с ним валялась тяжелая кочерга, согнувшаяся от удара в дугу. Холмс внимательно осмотрел кочергу и нанесенную ею рану на голове.

— Видимо, этот старший Рэндалл — могучий мужчина, — заметил он.

— Да, — сказал Хопкинс. — У меня есть о нем кое-какие данные. Опасный преступник.

— Вам будет нетрудно его взять.

— Конечно. Мы давно за ним следим. Ходили слухи, что он подался в Америку. А он, оказывается, здесь. Ну, теперь ему от нас не уйти. Мы уже сообщили его приметы во все морские порты, и еще до вечера будет объявлена денежная премия за поимку. Я одного не могу понять: как они решились на такое отчаянное дело, зная, что леди опишет их нам, а мы по описанию непременно их опознаем.

— В самом деле, почему им было не прикончить и леди Брэкенстолл?

— Наверное, думали, — высказал я предположение, — что она не скоро придет в себя.

— Возможно. Они видели, что она без сознания, вот и пощадили ее. А что вы можете рассказать, Хопкинс, об этом несчастном? Я как будто слышал о нем что-то не очень лестное.

— Трезвым он был неплохой человек. Но когда напивался, становился настоящим чудовищем. Точно сам дьявол вселялся в него. В такие минуты он бывал способен на все. Несмотря на титул и на богатство, он уже дважды чуть не попал к нам. Как-то облил керосином собаку и поджег ее, а собака принадлежала самой леди. Скандал едва замяли. В другой раз он бросил в горничную графин. В эту самую Терезу Райт. И с этим делом сколько было хлопот! Вообще говоря, только это между нами, без него в доме станет легче дышат Что вы делаете. Холмс?

Холмс опустился на колени и с величайшим вниманием рассматривал узлы на красном шнуре, которым леди привязали к креслу. Затем он так же тщательно осмотрел оборванный конец шнура, который был сильно обтрепан.

— Когда за этот шнур дернули, то в кухне, надо думать, громко зазвонил звонок, — заметил он.

— Да, но услышать его никто не мог. Кухня — направо, в противоположной стороне здания.

— Откуда грабитель мог знать, что звонка не услышат? Как он решился столь неосмотрительно дернуть шнур?

— Верно, мистер Холмс, верно. Вы задаете тот же вопрос, который и я много раз задавал себе. Нет сомнения, что грабители должны были хорошо знать и самый дом и его порядки. Прежде всего они должны были знать, что все слуги в этот сравнительно ранний час уже в постели и

что ни один из них не услышит звонка. Стало быть, кто-то из слуг был их союзником. Это очевидно. Но в доме восемь слуг, и у всех отличные рекомендации.

— При прочих равных условиях, — сказал Холмс, — можно было бы заподозрить служанку, в которую хозяин бросил графин. Но это означало бы предательство по отношению к хозяйке, а Тереза Райт безгранично предана ей. Но это — второстепенное обстоятельство. Арестовав Рэндалла, вы без особого труда установите и его сообщников. Рассказ леди полностью подтверждается — если требуются подтверждения — всем тем, что мы здесь видим.

Он подошел к стеклянной двери и отворил ее.

— Никаких следов, да их и не может быть: земля твердая, как железо. Между прочим, свечи на камине горели ночью.

— Да. Именно эти свечи и свеча в спальне леди послужили грабителям ориентиром.

— Что грабители унесли?

— Совсем немного. Только полдюжины серебряных приборов из буфета. Леди Брэкенстолл думает, что, убив сэра Юстеса, они испугались и не стали дочиста грабить дом, как было наверняка задумано.

— Пожалуй, что так. Странно только, что у них хватило духу задержаться и выпить вина.

— Нервы, видно, хотели успокоить.

— Пожалуй. К этим бокалам никто не притрагивался сегодня?

— Никто, и бутылка как стояла, так и стоит на буфете.

— Сейчас посмотрим. А это что такое?

Три бокала стояли в ряд, все со следами вина. В одном на дне темнел осадок, какой дает старое, выдержанное вино. Тут же стояла бутылка, наполненная на две трети, а рядом лежала длинная, вся пропитанная вином пробка. Эта пробка и пыль на бутылке говорили о том, что убийцы лакомились не простым вином.

Холмс вдруг на глазах переменился. Куда девалась его апатия! Взгляд стал живым и внимательным. Он взял в руки пробку и стал ее рассматривать.

— Как они вытащили ее? — спросил он.

Хопкинс кивнул на выдвинутый наполовину ящик буфета. В нем лежало несколько столовых скатертей и большой пробочник.

— Леди Брэкенстолл упоминала этот пробочник?

— Нет. Но ведь она была без сознания, когда они открывали бутылку.

— Да, действительно. Между прочим, бутылку открывали штопором из складного ножа с набором инструментов. Он был длиной не более полутора дюймов. Если присмотреться к головке пробки, то видно, что штопор ввинчивался трижды, прежде чем пробка была извлечена. И штопор ни разу не прошел насквозь. Этот длинный пробочник насквозь бы пробуравил пробку и вытащил ее с первого раза. Когда вы поймаете субъекта, непременно поищите у него складной перочинный нож с многочисленными инструментами.

— Великолепно! — воскликнул Хопкинс.

— Но эти бокалы, признаюсь, ставят меня в тупик. Леди Брэкенстолл в самом деле видела, как все трое пили вино?

— Да, видела.

— Ну, тогда не о чем говорить! А все-таки вы должны признать, Хопкинс, что эти бокалы весьма примечательны. Что? Вы ничего не замечаете? Ну хорошо, пусть. Возможно, что, когда человек развил в себе некоторые способности, вроде моих, и углубленно занимался наукой дедукции, он склонен искать сложные объяснения там, где обычно напрашиваются более простые. Эти бокалы, вероятно, ничего не значат. Всего хорошего, Хопкинс. Не вижу, чем я могу быть полезен вам. Дело как будто ясное. Сообщите мне, когда Рэндалл будет арестован, и

вообще о всех дальнейших событиях. Надеюсь, что скоро смогу поздравить вас с успешным завершением дела. Идемте, Уотсон. Думаю, что дома мы с большей пользой проведем время.

На обратном пути я по лицу Холмса видел, что ему не дает покоя какое-то наблюдение. То и дело усилием воли он отгонял от себя впечатление какой-то несообразности и старался вести разговор так, будто все для него ясно. Но сомнения снова и снова одолевали его. Нахмуренные брови, невидящие глаза говорили о том, что его мысли опять устремились к той большой столовой в Эбби-Грэйндж, где разыгралась эта полночная трагедия. И в конце концов на какой-то пригородной станции, когда поезд уже тронулся, Холмс, побежденный сомнениями, выскочил на платформу и потянул меня за собой.

— Извините меня, дорогой друг, — сказал он, когда задние вагоны нашего поезда скрылись за поворотом, — мне совестно делать вас жертвой своей прихоти, как оно может показаться. Но, клянусь жизнью, я просто *не могу* оставить дело в таком положении. Мой опыт, моя интуиция восстают против этого. Все неправильно, готов поклясться, что все неправильно. А между тем рассказ леди точен и ясен, в показаниях горничной нет никаких противоречий, все подробности сходятся. Что я могу противопоставить этому? Три пустых бокала, вот и все. Но если бы я подошел к делу без предвзятого мнения, если бы стал расследовать его с той тщательностью, которой требует дело de novo, если бы не было готовой версии, которая сразу увела нас в сторону, — неужели я не нашел бы ничего более определенного, чем эти бокалы? Конечно, нашел бы. Садитесь на эту скамью, Уотсон, подождем чизилхерстский поезд. А пока послушайте мои рассуждения. Только прошу вас — это очень важно, — пусть показания хозяйки и горничной не будут для вас непреложной истиной. Личное обаяние леди Брэкенстолл не должно мешать нашим выводам.

В ее рассказе, если к нему отнестись беспристрастно, несомненно, есть подозрительные детали. Эти взломщики совершили дерзкий налет в Сайденхэме всего две недели назад. В газетах сообщались о них кое-какие сведения, давались их приметы. И если кто решил сочинить версию об ограблении, мог бы воспользоваться этим. Подумайте, разве взломщики, только что совершившие удачный налет, пойдут на новое опасное дело, вместо того чтобы мирно радоваться удаче где-нибудь в недосягаемом месте? Далее, разве принято у грабителей действовать в столь ранний час или бить женщину, чтобы она молчала, хотя это самый верный способ заставить ее закричать? Не будут они и убивать человека, если их достаточно, чтобы справиться с ним без кровопролития. Не упустят они добычи и не ограничатся пустяками, если добыча сама идет в руки. Оставить бутылку вина недопитой тоже не в правилах этих людей. Не удивляют ли вас все эти несообразности, Уотсон?

— Все вместе они производят впечатление, хотя каждая в отдельности не такая уж невозможная вещь. Самое странное в этом деле, мне кажется, то, что леди привязали к креслу.

— Мне это не кажется странным, Уотсон. Они должны были или убить ее, или сделать так, чтобы она не подняла тревоги сразу же после их ухода. Но все равно, Уотсон, разве я не убедил вас, что в рассказе леди Брэкенстолл не все заслуживает доверия? Но хуже всего эти бокалы.

— Что вам дались эти бокалы?

— Вы можете представить себе их?

— Могу.

— Леди Брэкенстолл говорит, что из них пили трое. Не вызывает это у вас сомнения?

— Нет. Ведь вино осталось в каждом бокале.

— Но почему-то в одном есть осадок, а в других нет… Вы, наверное, это заметили? Как вы можете объяснить это?

— Бокал, в котором осадок, был, наверное, налит последним?

— Ничего подобного. Бутылка была полная, осадок в ней на дне, так что в третьем бокале вино должно быть точно такое, как и в первых двух. Возможны только два объяснения. Первое: после того как наполнили второй бокал, бутылку сильно взболтали, так что весь отстой оказался в третьем бокале. Но это маловероятно. Да, да, я уверен, что я прав.

— Как же вы объясняете этот осадок?

— Я думаю, что пили только из двух бокалов, а в третий слили подонки, поэтому в одном бокале есть осадок, а в двух других нет. Да, именно так и было. Но тогда ночью в столовой было два человека, а не три, и дело сразу из весьма заурядного превращается в нечто в высшей степени интересное. Выходит, что леди Брэкенстолл и ее горничная сознательно нам лгали, что нельзя верить ни одному, их слову и что, видимо, у них были очень веские причины скрыть настоящего преступника. Так что нам придется восстановить обстоятельства дела самим, не рассчитывая на их помощь. Вот что нам предстоит сделать, Уотсон. А вот и чизилхерстский поезд.

Наше возвращение очень удивило всех обитателей Эбби-Грэйндж. Узнав, что Стэнли Хопкинс уехал докладывать своему начальству, Шерлок Холмс завладел столовой, запер изнутри двери и два часа занимался самым подробным и тщательным изучением места преступления, чтобы на собранных фактах возвести блестящее здание неопровержимых выводов. Усевшись в углу, я, как прилежный студент на демонстрации опыта у профессора, не отрываясь, следил, как продвигается это замечательное исследование. Окно, портьеры, ковер, кресло, веревка — все было внимательно изучено и о каждом предмете сделано заключение. Тело несчастного баронета уже убрали, а все остальное оставалось на своих местах. К моему удивлению, Холмс влез на дубовую каминную полку. Высоко над его головой висел обрывок красного шнура, все еще привязанный к звонку. Холмс долго смотрел вверх, потом, чтобы приблизиться к шнуру, оперся коленом на карниз стены и протянул руку. До шнура оставалось всего несколько дюймов. Но тут его внимание привлек карниз. Осмотрев его, он, очень довольный, спрыгнул на пол.

— Все в порядке, Уотсон. Дело раскрыто. Это будет одно из самых замечательных дел в вашей коллекции. Однако, мой дорогой, до чего я был недогадлив — ведь я чуть было не совершил самой большой ошибки в моей жизни! Теперь остается восстановить только несколько недостающих звеньев. И вся цепь событий будет ясна.

— Вы уже знаете, кто эти люди?

— Этот человек, Уотсон, он был *один*! Один, но поистине грозная фигура. Силен, как лев, — вспомните удар, который лопнул кочергу. Рост — шесть футов. Проворен, как белка. Очень ловкие пальцы. Умен и изобретателен. Ведь все это представление придумано им. Да, Уотсон, мы столкнулись с замечательной личностью. Но все-таки и он оставил следы. Этот шнур от звонка — ключ к решению всего дела.

— Не понимаю.

— Послушайте, Уотсон: если бы вам понадобился этот шнур и вы бы его с силой дернули, как, по-вашему, где бы он оборвался? Конечно, там, где он привязан к проволоке. Почему же он оборвался в нескольких дюймах ниже?

— Потому что он в этом месте протерся.

— Вот именно. И оборванный конец действительно потерт. У этого человека хватило ума подделать потертость ножом. Но другой конец наверху целый. Отсюда не видно. Но если встать на каминную полку, в этом легко убедиться. Он очень чисто срезан, и никаких потертостей там нет. Теперь уже можно восстановить ход событий. Неизвестный не стал обрывать шнур, боясь поднять тревогу. Чтобы обрезать его, он влез на каминную полку, но этого ему показалось мало. Тогда он оперся коленом на карниз, оставив на его пыльной поверхности след, протянул руку и обрезал ножом шнур. Я не дотянулся трех дюймов до шнура. Из этого я заключаю, что он по крайней мере на три дюйма выше меня. А теперь взгляните на сиденье кресла. Что это?

— Кровь.

— Кровь, вне всякого сомнения. Это одно доказывает, что рассказ леди Брэкенстолл — вымысел от начала до конца. Если она сидела в этом кресле, когда совершалось преступление, откуда взялись на нем пятна крови? Нет, нет, ее посадили в кресло *после* того, как супруг ее был убит. Бьюсь об заклад, что и на черном платье леди есть такое же пятно. Это еще не Ватерлоо, Уотсон, но это уже Маренго. Начали с поражения, кончаем победой. А сейчас я хотел бы поговорить с этой няней Терезой. Но чтобы получить необходимые сведения, надо проявить большой такт.

Эта суровая австралийская няня оказалась очень интересной особой. Молчаливая, подозрительная, нелюбезная, она не скоро смягчилась, побежденная обходительностью Холмса и его добродушной готовностью выслушать все, что она скажет. Тереза и не пыталась скрыть свою ненависть к покойному хозяину.

— Да, сэр, это правда, что он бросил в меня графин. Он при мне выругал госпожу гадким словом, и я сказала ему, что, будь здесь ее брат, он не посмел бы так говорить. Тогда он и швырнул в меня графин. Да пусть бы он каждый день бросался графинами, лишь бы не обижал мою славную птичку. Как он терзал ее! А она была очень горда и никогда не жаловалась. Она и мне рассказывала не все. Вы видели на ее руках ссадины? Она не говорила мне, откуда они. Но я-то знаю, что это он проткнул ей руку длинной шпилькой от шляпы. Сущий дьявол он был, а не человек, — да простит меня бог, что я так говорю о мертвом. Когда мы встретили его в первый раз полтора года назад, он прикинулся таким ласковым, ну чисто мед! А теперь нам эти полтора года кажутся вечностью. Она, моя голубушка, только что приехала в Лондон. Первый раз оторвалась от дома. Он вскружил ей голову титулом, деньгами, обманчивым лондонским блеском. Если она и совершила ошибку, то заплатила за нее слишком дорогой ценой. В каком месяце мы с ним познакомились? Вскоре после того, как приехали. Приехали мы в июне, познакомились в июле. А поженились они в январе, в прошлом году. Да, она сейчас в своей гостиной. Конечно, она поговорит с вами. Но не мучайте ее расспросами — ведь ей столько пришлось натерпеться.

Леди Брэкенстолл полулежала на той же кушетке, но вид у нее был теперь гораздо лучше. Горничная вошла вместе с нами и сразу же стала менять примочку на лбу.

— Надеюсь, — сказала леди Брэкенстолл, — вы пришли не за тем, чтобы опять меня допрашивать.

— Нет, — сказал Холмс очень мягко. — Я не причиню вам лишнего беспокойства. У меня есть одно желание — помочь вам, ибо я знаю, сколько вам пришлось выстрадать. Отнеситесь ко мне, как к другу, доверьтесь мне, и вы не раскаетесь.

— Что я должна сделать?

— Сказать мне всю правду.

— Мистер Холмс?!

— Нет, нет, леди Брэкенстолл, это бесполезно. Вы, возможно, слыхали обо мне когда-нибудь. Так вот, ставлю на карту свое имя и свою репутацию, что ваш рассказ — от первого слова до последнего — вымысел.

— Какая наглость! — воскликнула Тереза. — Вы хотите сказать, что моя госпожа солгала?

Холмс встал со стула.

— Итак, вам нечего мне сказать?

— Я все сказала.

— Подумайте еще раз, леди Брэкенстолл. Не лучше ли искренне рассказать все?

Сомнение появилось на ее прекрасном лице. И в ту же секунду оно снова стало непроницаемо, как маска. Видно, леди Брэкенстолл приняла какое-то решение.

— Я больше ничего не знаю.

— Очень жаль. — Холмс пожал плечами и взял шляпу.

Не сказав больше ни слова, мы оба вышли из комнаты и покинули дом.

В парке был пруд. Мой друг направился к нему. Пруд весь замерз. Но в нем была полынья, оставленная для зимовавшего здесь одинокого лебедя.

Холмс взглянул на полынью, и мы пошли к сторожке привратника. Там Холмс написал короткую записку для Стэнли Хопкинса и оставил ее у привратника.

— Попали мы в цель или промахнулись, но Хопкинс должен что-то знать. Иначе что он подумает о нашем повторном визите? — сказал Холмс. — Но во все подробности его еще рано посвящать. Теперь нашим местом действия будет пароходная контора линии Аделаида — Саутгемптон, которая находится, если память не изменяет мне, в конце Пэл-Мэл. Есть еще и вторая линия, связывающая Южную Австралию с Англией, но начнем сперва с более крупной.

Визитная карточка Холмса, посланная управляющему конторой, оказала магическое действие. Очень скоро Холмс имел все интересующие его сведения.

В июне 1895 года только одно судно этой фирмы, «Рок оф Гибралтар», прибыло в отечественный порт. Это было самое большое и лучшее их судно. В списке пассажиров значилось имя мисс Фрейзер из Аделаиды и ее горничной. Сейчас этот пароход был на пути в Австралию, где-то к югу от Суэцкого канала. Команда та же, что и в 1895 году, за одним исключением. Старший помощник, мистер Джек Кроукер, назначен капитаном на судно «Бас Рок», которое выходит из Саутгемптона через два дня. Кроукер живет в Сайденхэме, но сегодня утром должен прийти за инструкциями. Его можно подождать.

Нет, мистер Холмс не хочет его видеть, но был бы рад взглянуть на его послужной список и узнать, что он за человек. Это была поистине блестящая карьера. Во всем флоте не было офицера, которого можно было бы сравнить с капитаном Кроукером. Что до его личных качеств, то на работе он исполнителен и точен, но вне службы иногда проявляется его необузданная, горячая натура. Человек вспыльчивый, даже безрассудный, но при всем том очень добр, честен и верен долгу.

Вот что узнал Холмс в пароходной конторе линии Аделаида — Саутгемптон.

Оттуда мы отправились в Скотленд-Ярд. Но, подъехав к полицейскому управлению, Холмс не вышел из кэба, а продолжал сидеть, нахмурив брови и глубоко задумавшись. Очнувшись от размышлений, он приказал ехать на телеграф в Чаринг-Кросс, там отправил какую-то телеграмму. И только тогда мы вернулись на Бейкер-стрит.

— Нет, я не мог этого сделать, Уотсон, — сказал мне Холмс. — Если будет выписан ордер на арест, ничто на свете уже не сможет спасти его. В первый или во второй раз за всю мою карьеру я чувствую, что, раскрыв преступника, я причиню больший вред, чем преступник своим преступлением. Я научился быть осторожным, и уж лучше я согрешу против законов Англии, чем против моей совести. Прежде чем начать действовать, нам надо разузнать еще кое-что.

Под вечер к нам пришел инспектор Стэнли Хопкинс. Дела у него шли не очень хорошо.

— Вы ясновидящий, мистер Холмс. Право, я иногда думаю, что вы наделены сверхъестественными способностями. В самом деле, каким чудом вы могли узнать, что украденное столовое серебро на дне пруда?

— А я этого не знал.

— Но вы посоветовали мне осмотреть пруд.

— И вы нашли серебро?

— Нашел.

— Очень рад, что помог вам.

— Но вы не помогли мне! Вы только осложнили дело. Что это за взломщики, которые крадут серебро, а затем бросают его в ближайший пруд?

— Что и говорить, довольно странные взломщики. Я исходил из той мысли, что если серебро похитили люди, которые взяли его для отвода глаз, то они, конечно, постараются как можно скорее избавиться от него.

— Но как вам могла прийти в голову эта мысль?

— Я просто допустил такую возможность. Когда грабители вышли из дома, у них перед носом оказался пруд с этой соблазнительной прорубью во льду. Можно ли придумать лучшее место, куда спрятать серебро?

— Именно спрятать! В этом все дело! — воскликнул Хопкинс. — Да, да, теперь мне все ясно! В полночь на дорогах еще людно. Преступники побоялись, что их увидят с серебром, и бросили добычу в пруд, чтобы вернуться за ней, когда их никто не увидит. Блестяще, мистер Холмс! Это лучше, чем ваша идея похищения серебра для отвода глаз.

— Пожалуй, вы правы. Отличная версия. Мои рассуждения, конечно, абсурдны. Но вы должны признать, что именно они помогли обнаружить похищенное серебро.

— Да, сэр, да. Это ваша заслуга. Но это еще не все. Меня постигло горькое разочарование.

— Разочарование?

— Да, мистер Холмс. Сегодня утром в Нью-Йорке арестована банда Рэндалла.

— Это ужасно, Хопкинс. Ваша версия лопнула. Если их арестовали в Нью-Йорке, они не могли минувшей ночью совершить убийство в Кенте.

— Для меня это страшный удар, мистер Холмс. Правда, есть еще банды из трех человек. А может, тут действовала шайка, неизвестная полиции?

— Да, конечно; вполне возможно. Что же вы теперь собираетесь делать?

— Буду продолжать поиски, мистер Холмс. Может, вы подскажете мне что-нибудь?

— Я вам уже подсказал.

— Что именно?

— Помните, для отвода глаз?

— Но мотивы, мистер Холмс, мотивы?

— Да, это, конечно, самое главное. Я вам дал идею, подумайте над ней. Возможно, она и приведет к чему-нибудь. Не останетесь ли отобедать с нами? Нет? До свидания, Хопкинс. Держите нас в курсе дела.

Только после обеда, когда со стола было убрано, Холмс снова заговорил об убийстве в Эбби-Грэйндж. Он закурил трубку и протянул ноги в домашних туфлях поближе к веселому огоньку камина. Потом вдруг взглянул на часы.

— Жду событий, Уотсон.

— Когда?

— Сейчас, в ближайшие минуты. Держу пари, вы считаете, что я нехорошо поступил со Стэнли Хопкинсом.

— Я верю вашему здравому смыслу, Холмс.

— Очень любезно с вашей стороны, Уотсон. Вы вот как должны смотреть на это: я лицо неофициальное; Хопкинс — лицо официальное. Я имею право действовать по личному усмотрению, он — нет. Он должен давать ход всему, что знает, иначе он изменит служебному долгу. В сомнительном случае я не могу ставить его в такое трудное положение. Поэтому подождем, пока дело прояснится.

— А когда оно прояснится?

— Очень скоро. Сейчас вы увидите последнее действие этой маленькой, но поистине замечательной драмы.

На лестнице послышались быстрые шаги, дверь нашей комнаты распахнулась, и мы увидели перед собой молодого моряка, поразившего нас мужественной красотой.

Вошедший был очень высокий молодой человек, голубоглазый, с усами золотистого цвета, с кожей, опаленной тропическим солнцем; его легкая, пружинящая походка говорила о том, что он так же быстр, как и силен.

Он закрыл за собой дверь и остановился, стиснув кулаки и тяжело дыша от волнения.

— Садитесь, капитан Кроукер. Вы получили мою телеграмму?

Наш гость сел в кресло и вопросительно посмотрел сначала на Холмса, потом на меня.

— Я получил вашу телеграмму и пришел точно в назначенный час. Я знаю, вы были у нас в конторе. И я вижу — мне деваться некуда, я готов услышать самое худшее. Что вы собираетесь предпринять? Арестовать меня? Говорите, сударь! Нечего играть со мной в кошки-мышки!

— Предложите капитану сигару, Уотсон, — сказал Холмс. — Закуривайте, капитан Кроукер, и не нервничайте. Можете не сомневаться, мы бы не сидели здесь с вами и не курили бы сигары, если бы я считал вас обыкновенным преступником. Будете со мной откровенны, я, возможно, помогу вам. Нет — пеняйте на себя.

— Что вы хотите от меня узнать?

— Расскажите нам, ничего не утаивая, что произошло этой ночью в Эбби-Грэйндж. Ничего не утаивая, заметьте, и ничего не скрывая. Я знаю уже так много, что если вы хоть на дюйм уклонитесь от истины, я свистну из моего окна в этот полицейский свисток, и дело из моих рук уйдет в руки полиции.

Моряк на минуту задумался. Потом хлопнул себя по колену своей большой загорелой рукой.

— Рискну! — воскликнул он. — Не сомневаюсь, что вы человек слова и джентльмен, и я расскажу вам все. Но сперва два слова о самом важном. Что касается меня, то я ни о чем не жалею и ничего не боюсь. Доведись мне начать сначала, я бы сделал то же и гордился этим. Будь он проклят, этот зверь! Имей он десять жизней, он всеми десятью заплатил бы за свои бесчинства! Но Мэри, Мэри Фрейзер — я не могу назвать ее тем дьявольским именем… Когда я думаю, что навлек на нее беду — а ведь я готов жизнь отдать за одну ее улыбку, — душа моя начинает дрожать от страха. Но что мне оставалось делать? Вы сейчас все узнаете и тогда скажете, можно ли было поступить на моем месте иначе.

Мне придется вернуться немного назад. Вы, как видно, знаете все. И вы знаете, конечно, что мы познакомились с Мэри на пароходе «Рок оф Гибралтар», где я был старшим помощником во время ее путешествия в Англию. С первого взгляда она стала для меня единственной женщиной на свете. С каждым днем я любил ее все сильнее и сильнее. Сколько раз во время ночной вахты я опускался на колени и в темноте целовал палубу корабля, потому что по ней ступали ее милые ножки. Она не обещала мне стать моей женой, не обманывала меня. Я ни на что не могу пожаловаться. Я любил ее, а она питала ко мне только дружеские чувства. Когда мы расстались, она была свободной женщиной. Я же потерял свою свободу навсегда.

Когда я вернулся из плавания в следующий раз, я узнал, что она вышла замуж. В самом деле, почему ей было не выйти замуж, если она встретила человека, который понравился ей? Титул и деньги — кому они подойдут больше, чем ей? Она рождена для всего изящного и прекрасного. Меня не обидело это замужество. Я не эгоист. Я даже радовался ее счастью. Я говорил себе: хорошо, что она не связала своей судьбы с нищим моряком. Как я любил Мэри Фрейзер! Я уже не думал, что увижу ее еще раз. В последнее плавание я получил повышение, но мое новое судно еще не было спущено на воду, и мне пришлось ждать месяца два. Жил я у своих в Сайденхэме. Однажды, гуляя по проселку, я встретил Терезу Райт, ее старую горничную. Она рассказала мне о ней, о нем, об их жизни. Услыхав рассказ Терезы, я чуть рассудка не лишился. Как он смел, пьяное чудовище, поднимать на нее руку! Да он недостоин лизать ее башмаки! Я встретился с Терезой еще раз. А потом мы встретились с Мэри. Мы виделись с ней два раза. Больше она не захотела меня видеть. На днях я узнал, что через неделю выхожу в море. И я решил во что бы то ни стало повидать Мэри еще раз. Тереза всегда была мне другом, потому что любила Мэри и ненавидела этого негодяя почти так же, как я. От нее я и узнал распорядок дома. Мэри обычно засиживалась с какой-нибудь книжкой в своей маленькой гостиной на первом этаже. Я пробрался ночью к ее окну и стал осторожно царапать стекло. Она не хотела мне открывать, но я знал, что она полюбила меня и не захочет, чтобы я мерз под окном. Она шепнула мне, чтобы я подошел к двери в столовую. Дверь была открыта, и я вошел в дом. Я опять услыхал из ее уст такие вещи, от которых во мне закипела кровь. Этот дикий зверь безжалостно мучил и терзал женщину, которую я любил больше жизни. Мы стояли с ней в столовой у самой двери и — небо свидетель — вели самый невинный разговор, когда он, как безумный, ворвался в комнату, гнусно обругал ее и ударил по лицу палкой. Тогда я схватил из камина кочергу. Бой был честный. Видите, у меня на руке след его первого удара. Мой удар был вторым. Я расплющил его голову, как гнилую тыкву. Вы думаете, джентльмены, что я жалею об этом? Ничуть. На карту были поставлены две жизни: его и моя, вернее, его и ее. Потому что, останься он живым, он бы убил ее. Разве я не прав? А что бы сделали вы на моем месте?

Когда он ударил ее, она закричала. На крик прибежала Тереза. Но с ним все уже было кончено. На буфете стояла бутылка вина, я откупорил ее и влил несколько капель в рот Мэри, потому что она была в беспамятстве. Я тоже выпил немного. Одна Тереза сохраняла ледяное спокойствие. Весь дальнейший план действий принадлежал в равной мере ей и мне. Мы решили инсценировать нападение грабителей. Пока я лазил отрезать шнур от звонка, Тереза несколько раз повторила Мэри наш план. Затем я привязал ее крепко-накрепко к креслу, потер ножом конец шнура, чтобы выглядело естественно и никто не удивлялся, как это вор мог залезть так высоко. Оставалось только взять несколько серебряных приборов, чтобы не было сомнений, что здесь были грабители. Перед уходом я наказал им поднять тревогу не раньше чем через четверть часа. Бросив в пруд серебро, я вернулся в Сайденхэм, первый раз в жизни чувствуя себя настоящим преступником. Все, что я рассказал вам, мистер Холмс, — истинная правда, хотя бы мне пришлось поплатиться за нее головой.

Некоторое время Холмс молча курил. Затем он встал, прошелся по комнате из угла в угол, так же молча пожал нашему гостю руку.

— Вот что, — сказал он затем. — Я знаю, что каждое ваше слово — правда. Вы не рассказали мне почти ничего нового. Только акробат или моряк мог дотянуться с карниза до шнура, и только моряк мог завязать такие узлы, какими Мэри Фрейзер была привязана к креслу. Но она только один раз в своей жизни сталкивалась с моряками, когда ехала в Англию. Кроме того, этот моряк принадлежал, бесспорно, к ее кругу, раз она так стойко защищала его. Из этого следует, между прочим, что она полюбила этого моряка. Так что мне не трудно было найти вас.

— Я думал, что полиция никогда не разгадает нашу хитрость.

— Хопкинс и не разгадал ее. И не разгадает, сколько бы ни бился. Теперь вот что, капитан Кроукер, дело это очень серьезное, хотя я охотно признаю, что вы действовали под давлением исключительных обстоятельств. Я не могу сказать, превысили вы меру необходимой обороны или нет. Это решит английский суд присяжных. Но если вы сумеете исчезнуть в ближайшие двадцать четыре часа, обещаю вам, вы сделаете это беспрепятственно.

— А потом вы поставите в известность полицию?

— Конечно.

Лицо моряка вспыхнуло от гнева.

— Как вы могли предложить мне это? Я знаю законы и понимаю, что Мэри будет признана сообщницей. И вы думаете, я позволю, чтобы она одна прошла через этот ад? Ну нет, сэр! Пусть мне грозит самое худшее, я никуда не уеду. Прошу вас об одном, подумайте, как спасти Мэри от суда.

Холмс еще раз протянул моряку руку.

— Не волнуйтесь, это я проверял вас. Ни одной фальшивой ноты! Я беру на себя большую ответственность. Но я дал Хопкинсу нить, и, если он не сумеет за нее ухватиться, не моя вина. Знаете, что мы сейчас сделаем? Мы будем судить вас, как того требует закон. Вы, капитан Кроукер, — подсудимый. Вы, Уотсон, — английский суд присяжных, — я не знаю человека, который был бы более достоин этой роли. Я судья. Итак, джентльмены, вы слышали показания? Признаете ли вы подсудимого виновным?

— Невиновен, господин судья! — сказал я.

— Vox populi, vox Dei. Вы оправданы, капитан Кроукер. И пока правосудие не найдет другого виновника, вы свободны. Возвращайтесь через год к своей избраннице, и пусть ваша жизнь докажет справедливость вынесенного сегодня приговора.

Второе пятно

(Перевод Н.Емельяниковой)

Я думал, что больше мне не придется писать о славных подвигах моего друга Шерлока Холмса. Не то чтобы у меня не было материалов. Напротив, я храню записи о сотнях случаев, никогда еще не упоминавшихся мною. Точно так же нельзя сказать, чтобы у читателей пропал интерес к своеобразной личности и необычным приемам работы этого замечательного человека. Настоящая причина заключалась лишь в том, что Шерлок Холмс ни за что не хотел, чтобы в печати продолжали появляться рассказы о его приключениях. Пока он не отошел от дел, отчеты о его успехах представляли для него практический интерес; когда же он окончательно покинул Лондон и посвятил себя изучению и разведению пчел на холмах Суссекса, известность стала ему ненавистна, и он настоятельно потребовал, чтобы его оставили в покое. Только после того, как я напомнил ему, что я дал обещание напечатать в свое время этот рассказ, «Второе пятно», и убедил его, что было бы очень уместно завершить весь цикл рассказов столь важным эпизодом из области международной политики — одним из самых ответственных, какими Холмсу приходилось когда-либо заниматься, — я получил от него согласие на опубликование этого дела, так строго хранимого в тайне. Если некоторые детали моего рассказа и покажутся туманными, читатели легко поймут, что для моей сдержанности есть достаточно веская причина.

Однажды осенью, во вторник утром (год и даже десятилетие не могут быть указаны), в нашей скромной квартире на Бейкер-стрит появились два человека, пользующиеся европейской известностью. Один из них, строгий, надменный, с орлиным профилем и властным взглядом, был не кто иной, как знаменитый лорд Беллинджер, дважды занимавший пост премьер-министра Великобритании. Второй, элегантный брюнет с правильными чертами лица, еще не достигший среднего возраста и одаренный не только красотой, но и тонким умом, был Трелони Хоуп, пэр Англии и министр по европейским делам, самый многообещающий государственный деятель нашей страны.

Посетители сели рядом на заваленный бумагами диван. По их взволнованным и утомленным лицам легко было догадаться, что их привело сюда спешное и чрезвычайно важное дело. Худые, с просвечивающими венами руки премьера судорожно сжимали костяную ручку зонтика. Он мрачно и настороженно смотрел то на Холмса, то на меня.

Министр по европейским делам нервно теребил усы и перебирал брелоки на цепочке часов.

— Как только я обнаружил пропажу, мистер Холмс, — а это произошло сегодня в восемь часов утра, — я немедленно известил премьер-министра, и он предложил, чтобы мы оба пришли к вам.

— Вы известили полицию?

— Нет, сэр! — сказал премьер-министр со свойственными ему быстротой и решительностью. — Не известили и никогда не стали бы извещать. Известить полицию — значит предать дело гласности. А этого-то мы прежде всего и хотим избежать.

— Но почему же, сэр?

— Документ, о котором идет речь, настолько важен, что оглашение его может легко привести, и, пожалуй, в настоящий момент непременно приведет, к международному конфликту. Могу без преувеличения сказать, что вопросы мира и войны зависят от этого документа. Если розыски его не могут проходить в совершенной тайне, лучше совсем отказаться от них, так как этот документ похитили именно для того, чтобы предать его широкой огласке.

— Понимаю. А теперь, мистер Трелони Хоуп, я буду вам весьма признателен, если вы расскажете мне подробно, при каких обстоятельствах исчез этот документ.

— Я вам изложу все в нескольких словах, мистер Холмс… Этот документ — письмо от одного иностранного монарха — был получен шесть дней назад. Письмо имеет такое большое значение, что я не решался оставлять его в сейфе министерства и каждый вечер уносил с собой домой, на Уайтхолл-Террас, где хранил его в спальне, в закрытой на ключ шкатулке для официальных бумаг. Оно находилось там и вчера вечером, я уверен в этом. Когда я одевался к обеду, я еще раз открыл шкатулку и убедился, что документ на месте. А сегодня утром письмо исчезло. Шкатулка стояла около зеркала на моем туалетном столе всю ночь. Сплю я чутко,

моя жена тоже. Мы оба готовы поклясться, что никто ночью не входил в комнату.

— В котором часу вы обедали?

— В половине восьмого.

— Когда вы легли спать?

— Моя жена была в театре. Я ждал ее. Мы ушли в спальню около половины двенадцатого.

— Значит, в течение четырех часов шкатулка никем не охранялась?

— В спальню входить не позволено никому, кроме горничной — по утрам и моего камердинера или камеристки моей жены — в течение остальной части дня. Но эти двое — верные слуги и давно живут у нас в доме. Кроме того, ни один из них не мог знать, что в шкатулке хранится нечто более ценное, чем простые служебные бумаги.

— Кто знал о существовании этого письма?

— В моем доме — никто.

— Но ваша жена, конечно, знала?

— Нет, сэр. Я ничего не говорил моей жене до сегодняшнего утра, пока не обнаружил пропажу письма.

Премьер одобрительно кивнул головой.

— Я всегда знал, как велико у вас чувство долга, сэр, — сказал он. — Не сомневаюсь, что в столь важном и секретном деле оно оказалось бы сильнее даже самых тесных семейных уз.

Министр по европейским делам поклонился.

— Совершенно справедливо, сэр. До сегодняшнего утра я ни словом не обмолвился жене об этом письме.

— Могла ли она догадаться сама?

— Нет, мистер Холмс, она не могла догадаться, да и никто не мог бы.

— А прежде у вас пропадали документы?

— Нет, сэр.

— Кто здесь в Англии знал о существовании этого письма?

— Вчера о письме были извещены все члены кабинета. Но требование хранить тайну, которое сопровождает каждое заседание кабинета, на этот раз было подкреплено торжественным предупреждением со стороны премьер-министра. Боже мой, и подумать только, что через несколько часов я сам потерял его!

Отчаяние исказило красивое лицо Трелони Хоупа. Он схватился за голову. На мгновение перед нами открылись подлинные чувства человека порывистого, горячего и остро впечатлительного. Но тут же маска высокомерия снова появилась на его лице, и уже спокойным голосом он продолжал:

— Кроме членов кабинета, о существовании письма знают еще два, возможно, три чиновника департамента, и больше никто во всей Англии, уверяю вас, мистер Холмс.

— А за границей?

— За границей, я уверен, не видел этого письма никто, кроме того, кто его написал. Я твердо убежден, что даже его министры… то есть я хотел сказать, что при отправлении оно миновало обычные официальные каналы.

Холмс на некоторое время задумался, затем сказал:

— А теперь, сэр, я должен получить более точное представление, что это за документ и почему его исчезновение повлечет за собой столь серьезные последствия.

Два государственных деятеля обменялись быстрым взглядом, и премьер нахмурил густые брови.

— Мистер Холмс, письмо было в длинном, узком голубом конверте. На красной сургучной печати изображен приготовившийся к нападению лев. Адрес написан крупным твердым почерком…

— Эти подробности, — прервал его Холмс, — конечно, очень интересны и существенны, но мне надо знать содержание письма. О чем говорилось в нем?

— Это строжайшая государственная тайна, и боюсь, что я не могу ответить вам, тем более что не вижу в этом необходимости. Если с помощью ваших необычайных, как говорят, способностей вам удастся найти соответствующий моему описанию конверт вместе с его содержимым, вы заслужите благодарность своей страны и получите любое вознаграждение, которое будет в наших возможностях.

Шерлок Холмс, улыбаясь, встал.

— Я понимаю, конечно, что вы принадлежите к числу самых занятых людей Англии, — сказал он, — но и моя скромная профессия отнимает у меня много времени. Очень сожалею, что не могу быть вам полезным в этом деле, и считаю дальнейшее продолжение нашего разговора бесполезной тратой времени.

Премьер-министр вскочил. В его глубоко сидящих глазах сверкнул тот недобрый огонь, который нередко заставлял съеживаться от страха сердца членов кабинета.

— Я не привык, сэр… — начал он, но овладел собой и снова занял свое место.

Минуту или более мы сидели молча. Затем старый государственный деятель пожал плечами.

— Мы вынуждены принять ваши условия, мистер Холмс. Вы безусловно правы, и с нашей стороны неразумно ожидать от вас помощи, пока мы не доверимся вам полностью.

— Я согласен с вами, сэр, — сказал молодой дипломат.

— Хорошо, я расскажу вам все, но полагаюсь целиком на вашу скромность и на скромность вашего коллеги, доктора Уотсона. Я взываю к вашему патриотизму, джентльмены, ибо не могу представить себе большего несчастья для нашей страны, чем разглашение этой тайны.

— Вы можете вполне довериться нам.

— Так вот, это письмо одного иностранного монарха; он обеспокоен недавним расширением колоний нашей страны. Оно было написано в минуту раздражения и лежит целиком на его личной ответственности. Наведение справок показало, что его министры ничего не знают об этом письме. К тому же тон письма довольно резкий, и некоторые фразы носят столь вызывающий характер, что его опубликование, несомненно, взволновало бы общественное мнение Англии. И даже более, сэр: могу сказать, не колеблясь, что через неделю после опубликования письма наша страна будет вовлечена в большую войну.

Холмс написал имя на листке бумаги и показал его премьер-министру.

— Совершенно верно, это он. И именно это письмо, которое, возможно, повлечет за собой миллионные расходы и гибель сотен тысяч людей, исчезло таким загадочным образом.

— Вы известили автора письма?

— Да, сэр, была отправлена шифрованная телеграмма.

— Но, может быть, он и рассчитывал на опубликование письма?

— Нет, сэр! У нас есть все основания полагать, что он уже понял неосторожность и опрометчивость своего поступка. Опубликование письма было бы для него и для его страны еще большим ударом, чем для нас.

— Если так, то в чьих же интересах раскрыть содержание этого письма? Для чего кому-то понадобилось украсть его?

— Тут, мистер Холмс, вы заставляете меня коснуться области высокой международной политики. Если вы примете во внимание ситуацию в Европе, вам будет нетрудно понять мотив

преступления. Европа представляет собой вооруженный лагерь. Существуют два союза, имеющие равную военную силу. Великобритания держит нейтралитет. Если бы мы были вовлечены в войну с одним союзом, это обеспечило бы превосходство другого, даже независимо от того, участвовал бы он в ней или нет. Вы понимаете?

— Все совершенно ясно. Итак, в краже и разглашении письма заинтересованы враги этого монарха, стремящиеся посеять раздор между его страной и нами?

— Да, сэр.

— А кому могли переслать этот документ, если бы он попал в руки врага?

— Любому из европейских правительств. Весьма возможно, что в настоящий момент оно несется по назначению с такой скоростью, какую только способен развить пароход.

Министр Трелони Хоуп опустил голову на грудь в тяжело вздохнул. Премьер ласково положил руку ему на плечо.

— С вами случилось несчастье, мой дорогой друг. Никто не решится обвинить вас — вы приняли все меры предосторожности… Теперь, мистер Холмс, вам известно все. Что вы посоветуете предпринять?

Холмс печально покачал головой.

— Вы полагаете, сэр, что война неизбежна, если этот документ не будет возвращен?

— Думаю, что она вполне возможна.

— Тогда, сэр, готовьтесь к войне.

— Это жестокие слова, мистер Холмс!

— Примите во внимание факты, сэр. Я не допускаю, что письмо было похищено после половины двенадцатого ночи, так как с этого часа и до момента, когда была обнаружена пропажа, мистер Хоуп и его жена находились в спальне. Значит, оно было похищено вчера вечером, между половиной восьмого и половиной двенадцатого — вероятно, ближе к половине восьмого, потому что вор знал, где оно лежит, и, конечно, постарался завладеть им как можно раньше. А теперь, сэр, если такой важный документ похищен еще вчера, то где он может быть сейчас? У вора нет никаких причин хранить его. Скорее всего, его уже передали заинтересованному лицу. Какие же у нас теперь шансы перехватить его или даже напасть на его след? Оно для нас недосягаемо.

Премьер-министр поднялся с дивана.

— Вы рассуждаете совершенно логично, мистер Холмс. Я вижу, что тут действительно ничего нельзя сделать.

— Допустим, например, что документ был похищен горничной или лакеем…

— Они оба — старые и верные слуги.

— Насколько я понял, спальня находится на втором этаже и не имеет отдельного хода с улицы, а из передней в нее нельзя подняться незамеченным. Значит, письмо похитил кто-то из домашних. Кому вор мог передать его? Одному из международных шпионов и секретных агентов, имена которых мне хорошо известны. Есть три человека, которые, можно сказать, возглавляют эту компанию. Я начну с того, что узнаю, чем занят сейчас каждый из них. Если кто-нибудь из них уехал, в особенности же если он уехал вчера вечером, мы будем знать, куда делся этот документ.

— А зачем ему уезжать? — спросил министр по европейским делам. — Он мог бы с таким же успехом отнести письмо в посольство здесь же в Лондоне.

— Не думаю. Эти агенты работают совершенно самостоятельно и часто находятся в довольно натянутых отношениях с посольствами.

Премьер-министр кивком головы подтвердил это.

— Полагаю, что вы правы, мистер Холмс. Он собственноручно доставит такой ценный подарок к месту назначения. Ваш план действий мне кажется абсолютно верным. Однако, Хоуп, нам не

следует из-за этого несчастья забывать о прочих наших обязанностях. Если в течение дня произойдут новые события, мы сообщим вам, мистер Холмс, и вы, разумеется, информируете нас о результатах ваших собственных расследований.

Министры поклонились и с видом, полным достоинства, вышли из комнаты.

Когда наши высокопоставленные гости ушли, Холмс молча закурил трубку и на некоторое время погрузился в глубокую задумчивость. Я развернул утреннюю газету и начал читать о сенсационном преступлении, которое было совершено в Лондоне накануне вечером, как вдруг мой приятель громко вскрикнул, вскочил на ноги и положил трубку на камин.

— Да, — сказал он, — лучшего пути нет. Положение отчаянное, но не безнадежное. Сейчас, необходимо хотя бы узнать, кто этот похититель, — ведь, возможно, письмо еще не ушло из его рук. В конце концов, этих людей интересуют только деньги, а к моим услугам — казначейство Британии. Если письмо продается, я куплю его… даже если правительству придется увеличить на пенни подоходный налог. Возможно, этот человек все еще держит его при себе: надо же ему узнать, какую цену предложат здесь, прежде чем попытать свое счастье за границей! Есть только три человека, способные на такую смелую игру: это Оберштейн, Ля Ротьер и Эдуардо Лукас. Я повидаюсь со всеми.

Я заглянул в утреннюю газету.

— Эдуардо Лукас с Годольфин-стрит?

— Да.

— Вы не можете повидаться с ним.

— Почему?

— Вчера вечером он был убит в своем доме.

Мой друг так часто удивлял меня во время наших приключений, что я испытал чувство торжества, увидев, как поразило его мое сообщение. Он в изумлении уставился на меня, затем выхватил из моих рук газету. Вот та заметка, которую я читал в ту минуту, когда Холмс встал со своего кресла:

Вчера вечером в доме № 16 на Годольфин-стрит совершено таинственное преступление. Годольфин-стрит— одна из тех старинных тихих улиц, которые тянутся между рекою и Вестминстерским аббатством, почти под сенью большой башни здания парламента. Большинство ее домов построено еще в XVIII веке. В одном из этих домов, в маленьком, но изысканном особняке, несколько лет подряд проживал мистер Эдуардо Лукас, хорошо известный в обществе как обаятельный человек, один из лучших теноров-любителей Англии. Мистер Лукас был холост; ему было тридцать четыре года; его прислуга состояла из пожилой экономки миссис Прингл и лакея Миттона. Экономка обычно не работала по вечерам; она рано поднималась к себе в комнату, расположенную в верхнем этаже дома. Лакей в этот вечер отправился навестить приятеля в Хеммерсмите.

С десяти часов мистер Лукас оставался в квартире один. Пока еще не выяснено, что произошло за это время, но без четверти двенадцать констебль Бэррет, проходя по Годольфин-стрит, заметил, что дверь дома № 16 приоткрыта. Он постучал, но не получил ответа. Увидев в первой комнате свет, он вошел в коридор и снова постучал, но и на этот раз ему не ответили. Тогда он отворил, дверь и вошел.

В комнате царил страшный беспорядок: вся мебель была сдвинута в сторону, посередине валялся опрокинутый стул. Около этого стула, все еще сжимая рукой его ножку, лежал несчастный владелец дома. Он был убит ударом ножа прямо в сердце, причем смерть, вероятно, наступила мгновенно. Нож, которым было совершено убийство, оказался кривым индийским кинжалом, взятым из коллекции восточного оружия, украшавшего одну из стен комнаты. Убийство, по-видимому, было совершено не с целью грабежа, ибо ценные вещи, находившиеся в комнате, остались нетронутыми.

Мистер Эдуардо Лукас был настолько известен и любим всеми, что сообщение о его насильственной и загадочной смерти встречено искренней скорбью его многочисленных друзей».

— Ну, Уотсон, что вы думаете об этом? — спросил Холмс после долгого молчания.

— Удивительное совпадение!

— Совпадение? Один из трех людей, которых мы считали возможными участниками этой драмы, умирает насильственной смертью в тот самый час, когда разыгрывается драма. Какое же это совпадение! Нет, нет, мой дорогой Уотсон, эти два события связаны между собой, несомненно, связаны. И наша задача — отыскать эту связь.

— Но теперь полиция все узнает.

— Вовсе, нет. Они знают только то, что видят на Годольфин-стрит. Они не знают и ничего не узнают об Уайтхолл-Террас. Только нам известны оба случая, и только мы можем сопоставить их. Есть одно явное обстоятельство, которое в любом случае возбудило мои подозрения против Лукаса. Годольфин-стрит в Вестминстере находится в нескольких шагах ходьбы от Уайтхолл-Террас. Другие тайные агенты, о которых я говорил, живут в дальнем конце Вест-Энда. Поэтому, естественно, Лукасу было гораздо проще, чем остальным, установить связь и получить сведения из дома министра по европейским делам. Это — незначительное обстоятельство, но если учесть, что события развертывались с такой быстротой, оно может оказаться существенным. Ага! Есть какие-то новости!

Появилась миссис Хадсон, неся на подносе дамскую визитную карточку. Холмс взглянул на нее, поднял брови и передал мне.

— Попросите леди Хильду Трелони Хоуп пожаловать сюда, — сказал он.

Спустя мгновение нашей скромной квартире была вторично оказана честь, на этот раз посещением самой очаровательной женщины в Лондоне. Я часто слышал о красоте младшей дочери герцога Белминстера, но ни одно описание ее, ни одна фотография не могли передать удивительное, мягкое обаяние и прелестные краски ее тонкого лица. Однако в то осеннее утро не красота ее бросилась нам в глаза при первом взгляде. Лицо ее было прекрасно, но бледно от волнения; глаза блестели, но блеск их казался лихорадочным; выразительный рот был крепко сжат — она пыталась овладеть собой. Страх, а не красота — вот что поразило нас, когда наша очаровательная гостья появилась в раскрытых дверях.

— Был у вас мой муж, мистер Холмс?

— Да, миледи, был.

— Мистер Холмс, умоляю вас, не говорите ему, что я приходила сюда!

Холмс холодно поклонился и предложил даме сесть.

— Ваша светлость ставит меня в весьма щекотливое положение. Прошу вас сесть и рассказать, что вам угодно. Но, к сожалению, никаких безусловных обещаний заранее дать я не могу.

Она прошла через всю комнату и села спиной к окну. Это была настоящая королева — высокая, грациозная и очень женственная.

— Мистер Холмс, — начала она, и, пока она говорила, ее руки в белых перчатках беспрестанно сжимались и разжимались, — я буду с вами откровенна и надеюсь, что это заставит вас быть откровенным со мною. Между моим мужем и мною нет тайн ни в чем, кроме одного: это политика. Здесь он молчит, он не рассказывает мне ничего. Однако я узнала, что вчера вечером у нас в доме случилось нечто весьма неприятное. Мне известно, что пропал какой-то документ. Но, поскольку здесь затронута политика, мой муж отказывается посвятить меня в это дело. А ведь очень важно… поверьте, очень важно… чтобы я знала об этом все. Кроме членов правительства, вы — единственный человек, кто знает правду. Умоляю вас, мистер Холмс, объясните мне, что произошло и каковы могут быть последствия! Расскажите мне все, мистер Холмс. Пусть интересы вашего клиента не заставят вас молчать. Уверяю вас, я действую в его интересах, и если бы он только понимал это, то, вероятно, полностью доверился бы мне. Что это была за бумага, которую похитили?

— Миледи, вы требуете от меня невозможного.

Она глубоко вздохнула и закрыла лицо руками.

— Вы должны меня понять, миледи. Если ваш муж находит, что вам лучше оставаться в неведении относительно данного дела, как могу я, с которого взяли слово хранить эту тайну, открыть вам то, что он желал бы скрыть? Вы даже не имеете права спрашивать меня — вы должны спросить мужа.

— Я спрашивала его. Я пришла к вам, пытаясь использовать последнюю возможность. Но если

даже вы не хотите сказать ничего определенного, вы крайне обяжете меня, ответив на один вопрос.

— Какой, миледи?

— Может ли из-за этого случая пострадать политическая карьера моего мужа?

— Видите ли, миледи, если дело не будет улажено, оно может, конечно, иметь весьма прискорбные последствия.

— О!

Она глубоко вздохнула, как человек, сомнения которого разрешились.

— Еще один вопрос, мистер Холмс. Из слов моего мужа, оброненных им тотчас же после случившегося несчастья, я поняла, что пропажа письма может привести к тяжелым последствиям для всей страны.

— Если он так сказал, я, конечно, не стану отрицать этого.

— Но каковы могут быть эти последствия?

— Ах, миледи, вы снова задаете мне вопрос, на который я не в силах ответить!

— Если так, я больше не буду отнимать у вас время. Не могу упрекать вас, мистер Холмс, за то, что вы отказались быть откровенным со мной, и, надеюсь, вы не подумаете обо мне дурно, потому что я искренне желаю разделить заботы моего мужа даже против его воли. Еще раз прошу вас: ничего не говорите ему о моем посещении.

На пороге она оглянулась, и я опять увидел красивое, взволнованное лицо, испуганные глаза и крепко сжатый рот. Затем она исчезла.

— Ну, Уотсон, прекрасный пол — это уж по вашей части, — улыбаясь, сказал Холмс, когда парадная дверь захлопнулась и больше не было слышно шуршания юбок. — Какую игру ведет эта красивая дама? Что ей на самом деле нужно?

— Но ведь она все очень ясно объяснила, а беспокойство ее вполне естественно.

— Хм! Вспомните ее выражение лица, едва сдерживаемую тревогу, ее беспокойство, настойчивость, с которой она задавала вопросы. Не забудьте, что она принадлежит к касте, которая умеет скрывать свои чувства.

— Да, она была очень взволнована.

— Вспомните также, как горячо она старалась убедить нас, что действует только в интересах своего мужа и для этого должна знать все. Что она хотела этим сказать? И вы, наверно, заметили, Уотсон, что она постаралась сесть спиной к свету. Она не хотела, чтобы мы видели ее лицо.

— Да, она выбрала именно это место.

— Женщин вообще трудно понять. Вы помните одну, в Маргете, которую я заподозрил по той же самой причине. А потом оказалось, что волновалась она, потому что у нее не был напудрен нос. Как можно строить предположения на таком неверном материале? За самым обычным поведением женщины может крыться очень многое, а ее замешательство иногда зависит от шпильки или щипцов для завивки волос… До свидания, Уотсон.

— Вы уходите?

— Да, я проведу утро на Годольфин-стрит с нашими друзьями из полиции. Решение нашей проблемы — в убийстве Эдуардо Лукаса, хотя, признаюсь, не могу даже представить, какую форму оно примет. Создавать же версию, не имея фактов, — большая ошибка. Будьте на страже, мой дорогой Уотсон, и принимайте вместо меня посетителей. А я вернусь к завтраку, если удастся.

Ведь этот день и два следующих Холмс был упорно молчалив, как сказали бы его друзья, и мрачен, как сказали бы все остальные. Он то приходил, то уходил, беспрерывно курил, играл на скрипке обрывки каких-то мелодий, часто задумывался, питался одними бутербродами в неурочное время и неохотно отвечал на вопросы, которые я время от времени задавал ему. Я

понимал, что поиски его пока не дали никаких результатов. Он ничего не рассказывал мне об этом деле, и только из газет я узнал о ходе следствия, об аресте и быстром освобождении Джона Миттона, лакея покойного.

Следствие установило факт «предумышленного убийства», но убийца не был найден. Не удалось истолковать и мотивы преступления. В комнате находилось много ценных вещей, но ничто не было взято. Бумаги покойного остались нетронутыми. Их тщательно рассмотрели и установили, что покойный ревностно изучал международную политику, неутомимо собирал всякие слухи и сплетни, был выдающимся лингвистом и вел огромную переписку. Он был близко знаком с видными политическими деятелями нескольких стран. Но среди документов, заполнявших ящики его стола, не нашли ничего сенсационного. Что касается его отношений с женщинами, то они, по-видимому, носили беспорядочный и поверхностный характер. Среди женщин у него было много знакомых, но мало друзей, и ни в одну их них он не был влюблен. У него были неизменные привычки, и он вел спокойный образ жизни. Его смерть явилась неразрешимой загадкой, которую так и не удавалось разгадать.

Что касается лакея Джона Миттона, то полиция арестовала его с отчаяния, чтобы прикрыть свою полнейшую беспомощность. Против него не могли выдвинуть никакого обвинения. В тот вечер он был в гостях у своих приятелей в Хеммерсмите. Алиби было налицо. Правда, он ушел домой рано и мог возвратиться в Вестминстер еще до того, как было обнаружено преступление, но он объяснил, что прошел часть пути пешком, и этому можно было верить, если вспомнить, что вечер был чудесный. Он пришел в двенадцать часов и, по-видимому, был потрясен неожиданной трагедией. Миттон всегда был в хороших отношениях с хозяином. Некоторые из вещей, принадлежавших покойному, например, футляр с бритвами, были найдены в чемоданах лакея, но он заявил, что это подарки его бывшего хозяина, и экономка подтвердила это.

Миттон находился в услужении у Лукаса три года. Примечательно, что Лукас никогда не брал Миттона с собой на континент. Иногда он жил в Париже по три месяца подряд, но Миттона оставлял присматривать за домом на Годольфин-стрист. Что же касается экономки, то в тот вечер, когда было совершено преступление, она не слышала ничего. Если и был у ее хозяина посетитель, очевидно, хозяин сам впустил его.

Итак, судя по газетам, тайна уже три дня оставалась неразгаданной. А Холмс, если и знал больше газет, ничего не рассказывал мне, только заметил мимоходом, что инспектор Лестрейд ввел его в курс дела, и поэтому я понимал, что он прекрасно осведомлен обо всех новостях. На четвертый день появилась длинная телеграмма из Парижа, которая, казалось, решала весь вопрос.

«Парижская полиция, — писала газета «Дейли телеграф», — сделала открытие, приподнимающее завесу над трагической гибелью мистеру Эдуардо Лукаса, умершего насильственной смертью вечером в прошлый понедельник на Годольфин-стрит, в Вестминстере. Наши читатели помнят, что покойный джентльмен был найден в своей комнате с ножом в груди и что подозрение пало на его лакея, которому удалось доказать свое алиби. Вчера слуги мадам Анри Фурнэ, проживающей в Париже на улице Аустерлиц, заявили полиции, что их хозяйка сошла с ума. Медицинское освидетельствование показало, что она действительно страдает опасным и хроническим умопомешательством. При расследовании полиция установила, что мадам Анри Фурнэ в прошлый вторник возвратилась из поездки в Лондон, и есть основания думать, что эта поездка имеет какую-то связь с преступлением в Вестминстере. Сличение фотографий дало возможность установить, что муж мадам Анри Фурнэ и мистер Эдуардо Лукас — одно лицо и что покойный по какой-то причине жил двойной жизнью — в Лондоне и Париже. Мадам Фурнэ, креолка по происхождению, отличается крайне вспыльчивым характером, и у нее бывали припадки ревности, которые делали ее совершенно невменяемой. Именно во время одного из таких припадков, как предполагают, она и совершила это страшное преступление, взволновавшее весь Лондон. До сих пор не выяснено, что она делала в понедельник вечером, однако известно, что похожая на нее женщина привлекла внимание людей, находившихся на вокзале Чаринг-Кросс во вторник утром, своим безумным видом и странными жестами. Поэтому возможно, что преступление или было совершено ею в припадке безумия, или оно так повлияло на несчастную женщину, что свело ее с ума. В настоящее время она не в состоянии рассказать о происшедшем, и врачи не выражают надежды на восстановление ее умственных способностей. Есть сведения, что вечером в понедельник какая-то женщина, возможно мадам Фурнэ, в течение нескольких часов стояла около дома на Годольфин-стрит…»

— Что вы думаете об этом, Холмс? — Я читал ему заметку вслух, пока он заканчивал свой завтрак.

— Мой дорогой Уотсон, — сказал он, встав из-за стола и расхаживая по комнате, — у вас ангельское терпение, но эти три дня я ничего не рассказывал вам просто потому, что и рассказывать было нечего. Даже сейчас эти сведения из Парижа мало чем помогают нам.

— Но дело о смерти этого человека теперь окончательно выяснено.

— Смерть этого человека — простой эпизод, мелкий случай по сравнению с нашей действительной задачей, которая заключается в том, чтобы отыскать письмо и спасти Европу от катастрофы. За минувшие три дня произошло только одно значительное событие: то, что ничего не произошло. Почти ежечасно я получаю сведения от правительства и знаю, что нигде по всей Европе еще нет никаких признаков беспокойства. Если письмо затерялось… нет, оно не могло затеряться… Но если оно не затерялось, то где же оно? У кого? Почему его скрывают? Вот вопрос, который молотом стучит в моем мозгу. И является ли простым совпадением, что Лукас был убит как раз в тот вечер, когда исчезло письмо? Было ли оно вообще у него? Если было, то почему его не нашли среди бумаг? Не унесла ли его с собой обезумевшая жена Лукаса? Если унесла, не находится ли оно у нее дома, в Париже? И как я могу искать его там, не возбудив подозрений французской полиции? Это тот случай, дорогой Уотсон, где законность столь же страшна для нас, как и нарушение ее. Все против нас, но интересы, поставленные на карту, колоссальны. Если мне удастся успешно завершить это дело, оно, конечно, достойно увенчает мою карьеру… А, вот и последние новости с передовых позиций! — Он быстро взглянул на записку, поданную ему. — Ага! Лестрейд, кажется, нашел что-то интересное. Надевайте шляпу, Уотсон, и мы вместе отправимся в Вестминстер.

Впервые я увидел место, где было совершено преступление: высокий неприглядный, с узким фасадом дом, своей чопорностью, официальностью и массивностью напоминавший то столетие, когда он был построен. Бульдожье лицо Лестрейда выглянуло из окна, и когда огромный констебль открыл нам дверь, Лестрейд дружески приветствовал нас.

Комната, в которую мы вошли, оказалась той самой, где было совершено преступление, но следов его уже не осталось, кроме безобразного расплывшегося пятна на ковре. Ковер, маленький квадрат толстого сукна, прикрывал только середину комнаты и был окружен широким пространством натертых до блеска квадратных плиток красивого старинного паркета. Над камином висела замечательная коллекция оружия; из нее-то и был взят кинжал в тот трагический вечер. Около окна стоял роскошный письменный стол, и каждый предмет в комнате: картины, ковры, портьеры — все свидетельствовало об утонченном, доходящем до изнеженности вкусе хозяина.

— Вы слышали новости из Парижа? — спросил Лестрейд.

Холмс утвердительно кивнул.

— На этот раз наши французские друзья попали в самую точку. Убийство, несомненно, произошло именно так, как утверждают они. Она постучала в дверь — неожиданный визит, я думаю, потому что у него никто не бывал. Он впустил ее — нельзя же было держать ее на улице! Она рассказала ему, как выследила его, осыпала его упреками. А затем, благо кинжал был под рукой, скоро наступил конец. Все это произошло, конечно, не сразу, потому что все стулья были свалены в кучу, а один был даже у него в руках, как будто он пытался им обороняться. Мы представляем себе все это так ясно, как будто сами были свидетелями.

Холмс поднял брови:

— И все же вы прислали за мной?

— Ах, да, это другое дело — маленький пустяк, но именно один из тех, какими вы интересуетесь: подозрительный, знаете ли, и, как вы, пожалуй, назовете, странный. На первый взгляд он не имеет ничего общего со всем этим делом.

— Что же это?

— Вам известно, что, после того как преступление обнаружено, мы тщательно следим, чтобы все вещи оставались на прежних местах. Тут ничего не трогали. День и ночь в квартире дежурил полицейский. Сегодня утром, после того как убитого похоронили и обследование этой комнаты было закончено, мы решили немного привести ее в порядок. И вот ковер… Видите ли, он не прикреплен к полу, его просто положили на пол. Случайно мы подняли его и обнаружили…

— Да? Обнаружили?.. — Лицо Холмса выражало величайший интерес.

— О-о, я уверен, что вам и за сто лет не отгадать, что мы обнаружили! Вы видите это пятно на ковре? Ведь через этот ковер должно было просочиться порядочное количество крови, не так ли?

— Разумеется.

— И представьте себе, что на светлом паркете в этом месте нет пятна.

— Нет пятна? Но оно должно быть!

— Да, вы так думаете? И все же его там нет.

Он приподнял край ковра, и мы убедились, что так оно и есть.

— Но ведь нижняя сторона ковра тоже запятнана, как и верхняя. Она-то должна была оставить пятно на полу!

Видя изумление прославленного специалиста, Лестрейд захихикал от восторга:

— Ну, а теперь я объясню вам, в чем дело. Второе пятно тоже существует, но оно не совпадает с первым. Взгляните сами.

С этими словами он приподнял другой конец ковра, и действительно, на светлых квадратах паркета, ближе к старинной двери, мы увидели большое темно-красное пятно.

— Что вы скажете об этом, мистер Холмс?

— Здесь все очень просто. Два пятна совпадают друг с другом, но ковер был перевернут. Так как он квадратный и не прикреплен к полу, это было легко сделать.

— Мистер Холмс, полиция не нуждается в том, чтобы вы объясняли ей, что ковер был перевернут. Это совершенно ясно: если положить ковер вот так, пятна приходятся друг над другом. А я вас спрашиваю: кто поднимал ковер и зачем?

По неподвижному лицу Холмса я видел, что он с трудом сдерживает охватившее его волнение.

— Послушайте, Лестрейд, — сказал он, — тот полицейский в коридоре все время дежурит здесь?

— Да.

— Ну, так вот вам мой совет: допросите его хорошенько. Но только не при нас, мы подождем здесь. Отведите его в другую комнату. Наедине с вами он скорее признается. Спросите его, как он посмел впустить человека и оставить его одного в этой комнате. Не спрашивайте, сделал ли он это. Считайте, что это не требует доказательства. Скажите ему, что вам известно, что здесь кто-то был. Пригрозите ему. Скажите, что только чистосердечное признание может искупить его вину. Сделайте все, как я говорю.

— Клянусь, я выжму из него все, если он хоть что-нибудь знает! — воскликнул Лестрейд.

Он выбежал в переднюю, и через минуту мы услышали, как он кричит в соседней комнате.

— Скорее, Уотсон, скорее! — воскликнул Холмс, дрожа от нетерпения. Всю его апатию как рукой сняло. Он откинул ковер и, быстро опустившись на колени, начал ощупывать каждый квадрат паркета под ним. Один из них, когда он дотронулся до его края, отскочил в сторону. Это была крышка ящичка; под ней находилось маленькое темное углубление. Холмс нетерпеливо засунул туда руку, но тут же застонал от досады и горького разочарования. Ящичек был пуст.

— Живее, Уотсон, живее! Кладите его на место!

Едва мы успели закрыть тайник и положить ковер на место, как в коридоре послышался голос Лестрейда. Когда он вошел, Холмс стоял, небрежно прислонившись к камину, с унылым и страдальческим видом, едва сдерживая безудержную зевоту.

— Простите, что задержал вас, мистер Холмс. Вижу, вам до смерти надоело все это дело. Наконец-то он сознался! Войдите, Макферсон. Пусть джентльмены тоже узнают о вашем непростительном поведении.

В комнату боком вошел красный и смущенный констебль огромного роста.

— Уверяю вас, сэр, у меня и в мыслях ничего худого не было. Вчера вечером сюда зашла молодая женщина; она сказала, что ошиблась домом. Мы поговорили. Скучно ведь стоять здесь одному целый день…

— Ну, и что же случилось?

— Она захотела посмотреть, где произошло убийство, сказала, что читала об этом в газетах. Очень порядочная молодая женщина, сэр, и так складно говорила. Я подумал: ничего худого не выйдет, если я пущу ее поглядеть. Но, увидав пятно на ковре, она упала на пол и лежала как мертвая. Я бросился на кухню, принес воды, но не мог привести ее в чувство. Тогда я побежал за угол, в трактир «Ветка плюща», за коньяком, однако, пока я ходил, молодая женщина пришла в себя и ушла… Ей, наверно, было стыдно встретиться со мной.

— А ковра никто не трогал?

— Видите ли, сэр, когда я вернулся, он был, пожалуй, немного сдвинут. Ведь она упала на него, а он ничем не прикреплен к полу. Я его потом расправил.

— Это вам урок, констебль Макферсон, чтобы вы не обманывали меня, — важно проговорил Лестрейд. — Вы, конечно, решили, что это нарушение порядка не откроется, а мне достаточно было бросить только один взгляд на ковер, и я сразу понял, что кто-то заходил в эту комнату. Ваше счастье, приятель, что ничего не пропало, а то вам пришлось бы худо. Мне жаль, мистер Холмс, что я вызвал вас сюда из-за такого пустяка, но я думал, что это второе пятно, не совпадающее с первым, заинтересует вас.

— Разумеется, это очень интересно… Констебль, эта женщина только один раз заходила сюда?

— Да, сэр, только один раз.

— А как ее зовут?

— Не знаю, сэр. Она сказала, что ищет работу по переписке на машинке, но ошиблась номером дома, очень приятная, приличная молодая женщина, сэр.

— Высокая? Красивая?

— Да, сэр, довольно высокая молодая женщина. Можно сказать, что она красивая. Пожалуй, даже очень красивая. «О, офицер, разрешите мне только взглянуть!» — сказала она. У нее были такие приятные, прямо ласковые манеры, и я подумал, что не будет большой беды, если разрешу ей заглянуть в дверь.

— Как она была одета?

— Очень просто, сэр: в длинной накидке до самого пола.

— В котором часу это было?

— Как раз начинало темнеть. Зажгли фонари, когда я возвращался из трактира.

— Очень хорошо, — сказал Холмс. — Пойдемте, Уотсон, нас ждет важное дело в другом месте.

Когда мы выходили из дома, Лестрейд остался в комнате, а полный раскаяния констебль бросился отворять нам дверь. Холмс на пороге повернулся и протянул что-то Макферсону. Констебль всмотрелся.

— Боже мой, сэр! — изумленно воскликнул он.

Холмс приложил палец к губам, сунул этот предмет обратно во внутренний карман и, когда вышли на улицу, расхохотался.

— Прекрасно! — сказал он. — Пойдемте, дорогой Уотсон. Занавес поднят, начинается последний акт. Можете быть спокойны: войны не будет, блестящая карьера высокочтимого лорда Трелони Хоупа не пострадает, неосторожный монарх не будет наказан за свою поспешность, и премьер-министру не придется распутывать сложное положение в Европе. От нас требуется только некоторая тактичность и находчивость, и тогда вся эта история, грозившая неприятными последствиями, не будет стоить и ломаного гроша.

Я проникся восхищением к этому удивительному человеку.

— Вы решили задачу? — воскликнул я.

— Пока нет, Уотсон. Есть еще некоторые обстоятельства, которые так же непонятны, как и раньше. Но нам уже известно так много, что просто будет обидно не узнать всего. Мы отправимся прямо на Уайтхолл-Террас и доведем дело до конца.

Когда мы пришли в дом министра по европейским делам, Шерлок Холмс заявил, что желает видеть леди Хильду Трелони Хоуп. Нас провели в приемную.

— Мистер Холмс! — сказала леди, и лицо ее порозовело от негодования. — Это просто нечестно и неблагородно с вашей стороны. Ведь я уже сказала, что хотела сохранить мой визит к вам в тайне, иначе муж подумает, что я вмешиваюсь в его дела. А вы компрометируете меня своим приходом. Ведь это доказывает, что между нами существуют деловые отношения.

— К сожалению, миледи, у меня не было иного выбора. Мне поручили найти этот исключительно важный документ, поэтому я вынужден просить вас, миледи, передать его мне.

Леди вскочила на ноги; румянец мгновенно схлынул с прекрасного лица. Ее глаза потускнели, она зашаталась. Мне показалось, что она упадет в обморок, но огромным усилием воли она овладела собой, и лицо ее вспыхнуло от изумления и гнева:

— Вы… Вы оскорбляете меня, мистер Холмс!

— Послушайте, миледи, это бесполезно. Отдайте письмо.

Она метнулась к звонку:

— Дворецкий проводит вас.

— Не звоните, леди Хильда. Если вы это сделаете, все мои искренние попытки избежать скандала окажутся напрасными. Верните мне письмо, и все уладится. Если вы будете слушаться меня, я помогу вам. Если вы не захотите довериться мне, я вынужден буду выдать вас.

Она стояла перед ним гордая и величественная. Глаза ее встретили взгляд Холмса, как будто желали понять, что у него на уме. Она не снимала руки со звонка, но и не звонила.

— Вы пытаетесь запугать меня. Не очень благородно, мистер Холмс, прийти сюда угрожать женщине! Вы говорите, что вам кое-что известно. Что вы знаете?

— Прошу вас, миледи, сядьте. Вы ушибетесь, если упадете. Я не буду говорить, пока вы не сядете. Благодарю вас.

— Даю вам пять минут, мистер Холмс.

— Достаточно и одной, леди Хильда. Я знаю о том, что вы были у Эдуардо Лукаса, отдали ему этот документ, знаю, как вы вчера вечером хитроумно проникли в его комнату вторично и взяли письмо из тайника под ковром.

Лицо леди Хильды стало смертельно бледным. Она не сводила глаз с Холмса; у нее перехватило дыхание, она не могла произнести ни слова.

— Вы сошли с ума, мистер Холмс… Вы сошли с ума! — наконец воскликнула она.

Из кармана он вытащил маленький кусочек картона. Это была фотография женщины.

— Я захватил ее, потому что считал, что она может пригодиться, — сказал он. — Полицейский узнал вас.

Она с трудом глотнула воздух, и ее голова упала на спинку кресла.

— Послушайте, леди Хильда… Письмо у вас, но дело все же можно уладить. У меня нет никакого желания причинять вам неприятности. Мои обязанности кончатся, когда я возвращу пропавшее письмо вашему мужу. Послушайтесь моего совета и будьте откровенны со мной — в этом ваше спасение.

Ее мужество было восхитительно. Даже в этот момент она не признавала себя побежденной:

— Я снова повторяю вам, мистер Холмс: вы находитесь во власти какой-то нелепой фантазии.

Холмс встал со стула:

— Мне жаль вас, леди Хильда. Я сделал для вас все, что мог, теперь я вижу: это было напрасно.

Он нажал кнопку звонка. Вошел дворецкий.

— Мистер Трелони Хоуп дома?

— Он будет дома, сэр, через пятнадцать минут.

Холмс взглянул на часы.

— Еще пятнадцать минут, — сказал он. — Очень хорошо, я подожду.

Едва дворецкий закрыл за собой дверь, как леди Хильда, простирая руки, бросилась к ногам Холмса; ее прекрасное лицо было залито слезами.

— О, пощадите меня, мистер Холмс! Пощадите меня! — умоляла она в порыве отчаяния. — Ради бога, не говорите ему! Я так люблю его! Мне больно причинить ему малейшую неприятность, а эта, я знаю, разобьет его благородное сердце.

Холмс поднял ее.

— Благодарю вас, миледи, что вы хоть в последний момент опомнились. Нельзя терять ни минуты. Где письмо?

Она бросилась к письменному столу, отперла его и вынула длинный голубой конверт.

— Вот оно, мистер Холмс… Лучше бы я никогда не видела его!

— Как нам теперь его вернуть? — раздумывал Холмс. — Скорее, скорее, надо найти какой-нибудь выход!.. Где шкатулка с документами?

— Все еще в спальне.

— Как удачно! Скорее, миледи, принесите ее сюда.

Через минуту она появилась, держа в руках красную плоскую шкатулку.

— Чем вы открывали ее прежде? У вас есть второй ключ? Конечно, есть. Откройте!

Из-за корсажа леди Хильда вытащила маленький ключ. Шкатулку открыли; она была полна бумаг. Холмс засунул голубой конверт в самую середину, между листками какого-то другого документа. Шкатулку заперли и отнесли обратно в спальню.

— Теперь мы готовы встретить его, — оказал Холмс. — У нас еще есть десять минут. Я беру на себя очень много, чтобы выгородить вас, леди Хильда! За это вы должны в оставшееся время честно рассказать мне всю эту странную историю.

— Я расскажу вам все, мистер Холмс! — воскликнула леди. — О, мистер Холмс, мне легче отрубить себе правую руку, чем доставить ему хоть минуту горя! Во всем Лондоне нет женщины, которая так любила бы своего мужа, как я, и все же, если бы он узнал, что я сделала, что была вынуждена сделать, он никогда не простил бы меня. Он так высоко ставит свою собственную честь, что не в состоянии забыть или простить бесчестный поступок другого. Помогите мне, мистер Холмс! Мое счастье, его счастье, наши жизни поставлены на карту!

— Скорее, миледи, время истекает!

— Еще до замужества, мистер Холмс, я написала неосторожное, глупое письмо, письмо впечатлительной влюбленной девушки. В нем не было ничего плохого, но все же мой муж счел бы его преступным. Если бы он прочел это письмо, он перестал бы верить мне. Прошли годы с тех пор, как я написала это письмо. Я подумала, что все забыто. Но вдруг этот человек, Лукас, известил меня о том, что оно попало к нему в руки и что он намерен показать его моему мужу. Я умоляла его пощадить меня. Он сказал, что возвратит мне мое письмо, если я принесу ему один документ, который, по его словам, хранится у мужа в шкатулке для депеш. У него был какой-то шпион в министерстве, который сообщил ему о существовании этого документа. Лукас уверял меня, что это ничуть не повредит моему мужу. Поставьте себя на мое место,

мистер Холмс! Что я должна была делать?

— Рассказать обо всем мужу.

— Я не могла, мистер Холмс, не могла! С одной стороны, мне грозила неминуемая гибель, с другой — хоть мне казалось ужасным взять документ, принадлежащий мужу, но все же я не вполне представляла себе, какие это будет иметь последствия в области международной политики; что же касается нашей любви и взаимного доверия, мне все казалось совершенно ясным. И я совершила кражу, мистер Холмс. Я сняла слепок с ключа, а этот человек, Лукас, добыл второй ключ. Я открыла шкатулку, взяла документ и отнесла его на Годольфин-стрит.

— И что произошло там, миледи?

— Я постучала в дверь, как было условлено. Лукас открыл. Я прошла за ним в его комнату, оставив за собой дверь полуоткрытой, потому что боялась остаться одна с этим человеком. Я помню, что когда я входила в дом, на улице стояла какая-то женщина. Наши переговоры быстро закончились. Мое письмо лежало у него на письменном столе. Я отдала ему документ, он возвратил мне письмо. В это мгновение у двери послышался шум, в коридоре раздались шаги. Лукас быстро откинул ковер, сунул документ в какой-то тайник и снова положил ковер на место.

То, что произошло потом, было похоже на какой-то кошмар. Я видела смуглое безумное лицо, слышала голос женщины, которая кричала по-французски: «Я ждала не напрасно! Наконец-то я застала тебя с ней!» Произошла дикая сцена. Я видела, как он схватил стул, а в ее руке блеснул кинжал. Я бросилась бежать от этого ужаса, выскочила из дома и только на следующее утро из газет узнала о страшном убийстве. В тот вечер я была счастлива, потому что мое собственное письмо находилось в моих руках и я еще не сознавала, что готовит мне будущее.

Но на следующее утро я поняла, что, избавившись от одной беды, попала в другую. Отчаяние мужа, обнаружившего пропажу документа, потрясло меня. Я едва удержалась от того, чтобы не упасть к его ногам и не рассказать, что я наделала. Но ведь мне пришлось бы признаться и в том, что было раньше! В то утро я пришла к вам, и только тогда мне стала ясна вся тяжесть моего поступка. С той минуты я все время думала, как вернуть мужу этот документ. Документ должен был находиться там, куда положил его Лукас, потому что он спрятал его до прихода этой ужасной женщины. Если бы не ее появление, я никогда не узнала бы, где находится тайник. Как проникнуть в его комнату? В течение двух дней я следила за этим домом, но ни разу дверь не оставалась открытой. Вчера вечером я сделала последнюю попытку. Вы уже знаете, как мне удалось достать письмо. Я принесла его домой и решила уничтожить, так как не знала, каким образом возвратить его мужу, не рассказав ему обо всем… Боже мой, я слышу его шаги на лестнице!

Министр по европейским делам в сильном волнении вбежал в комнату.

— Что нового, мистер Холмс, что нового? — закричал он.

— У меня есть некоторая надежда.

— Слава богу! — Его лицо просияло. — Премьер-министр завтракает со мной, могу я порадовать его? У него стальные нервы, но я знаю, что он почти не спит с тех пор, как произошло это ужасное событие… Джекобс, попросите премьер-министра подняться сюда. Что касается вас, дорогая, едва ли вам будут интересны эти разговоры о политике. Через несколько минут мы присоединимся к вам в столовой.

Премьер-министр хорошо владел собой, но по блеску его глаз и по судорожным движениям его сухих рук я видел, что он разделяет волнение своего молодого коллеги:

— Насколько я понимаю, мистер Холмс, вы хотите нам что-то сообщить?

— Пока только отрицательное, — ответил мой друг. — Я навел справки везде, где только мог, и убедился, что оснований для волнений нет никаких.

— Но этого недостаточно, мистер Холмс. Мы не можем вечно жить на вулкане, нам нужно знать определенно.

— Я надеюсь найти письмо, поэтому я и пришел сюда. Чем больше я думаю об этом деле, тем больше я убеждаюсь, что письмо никогда не покидало пределы этого дома.

— Мистер Холмс!

— Если бы оно было похищено, его, конечно, давным-давно опубликовали бы.

— Но какой же смысл взять его, чтобы спрятать в этом же доме?

— А я не уверен, что его вообще взяли.

— Как же тогда оно исчезло из шкатулки?

— Я и не уверен, что оно исчезло из шкатулки.

— Мистер Холмс, сейчас неподходящее время для шуток! Я вас уверяю, что там его нет.

— Вы заглядывали туда со вторника?

— Нет. Да это совершенно бесцельно!

— Вы могли и не заметить его.

— Послушайте, это невозможно.

— Кто знает! Такие вещи бывали. Ведь там, наверно, есть еще документы. Оно могло затеряться среди них.

— Письмо лежало сверху.

— Кто-нибудь мог тряхнуть шкатулку, и оно переместилось.

— Нет, нет, я вынимал все.

— Но это же легко проверить, Хоуп! — сказал премьер. — Прикажите принести шкатулку сюда.

Министр по европейским делам нажал звонок:

— Джекобс, принесите мою шкатулку для бумаг… Мы совершенно напрасно теряем время, но если это удовлетворит вас, что ж, проверим… Спасибо, Джекобс, поставьте ее сюда… Ключ у меня всегда на цепочке от часов. Вот все бумаги, вы видите. Письмо от лорда Мерроу, доклад сэра Чарльза Харди, меморандум из Белграда, сведения о русско-германских хлебных пошлинах, письмо из Мадрида, донесение от лорда Флауэрса… Боже мой! Что это? Лорд Беллинджер! Лорд Беллинджер!

Премьер выхватил голубой конверт у него из рук.

— Да, это оно. И письмо цело… Поздравляю вас, Хоуп!

— Благодарю вас! Благодарю вас! Какая тяжесть свалилась с моих плеч!.. Но это непостижимо… невозможно… Мистер Холмс, вы волшебник, вы чародей! Откуда вы узнали, что оно здесь?

— Потому что я знал, что больше ему быть негде.

— Не могу поверить своим глазам! — Он стремительно выбежал из комнаты. — Где моя жена? Я должен оказать ей, что все уладилось. Хильда! Хильда! — услышали мы его голос на лестнице.

Премьер, прищурившись, посмотрел на Холмса.

— Послушайте, сэр, — сказал он, — здесь кроется еще что-то. Как могло письмо снова очутиться в шкатулке?

Холмс, улыбаясь, отвернулся, чтобы избежать испытующего взгляда этих проницательных глаз.

— У нас тоже есть свои дипломатические тайны, — сказал он и, взяв шляпу, направился к двери.

LIBRUSEC

Примечания

1

Кокни (англ.) — пренебрежительно-насмешливое прозвище лондонского обывателя.

2

V. R. — Victoria Regina — королева Виктория (лат.)

З

Карл I (1600–1685) — английский король (1625–1649). Казнен 30 января 1649 года во время Английской буржуазной революции.

4

Карл II (1630–1685) — английский король (1660–1685), сын Карла I.

5

«без четверти двенадцать

узнаете то, что

может»

6

В битве при Мальплаке (11 сентября 1709 года), во время войны за испанское наследство, англичане и их союзники одержали победу над французами.

7

«Если вы придете без четверти двенадцать
к восточному входу, то вы узнаете то, что
может вас очень удивить и сослужит
большую службу как вам, так и
Анни Моррисон. Только об этом никто
не должен знать».

8

Согласно библейской легенде, израильско-иудейский царь Давид, чтобы взять себе в жены Вирсавию — жену военачальника Урии, послал его на верную смерть при осаде города Раввы.

9

подвиг (франц.)

10

Лига — мера длины. Морская лига равна 5,56 км.

11

Верне — семья французских художников. Холмс, очевидно, имеет в виду Ораса Верне (1789–1863) — баталиста и автора ряда картин из восточной жизни.

12

Бертильон, Альфонс (1853–1914) — французский антрополог и криминалист, предложивший систему судебной идентификации личности. Способ Бертильона включал 11 измерений (черепа, среднего пальца, мизинца, носа), словесный портрет, фотографию, обозначение цвета радужной оболочки глаза, цвета и формы волос и описание особых примет.

13

«Все пути ведут к свиданью» — строка из песенки шута в «Двенадцатой ночи» Шекспира (акт II, сц. 3. Полн. собр. соч., том 5. М., 1959, стр. 144).

14

Норфолкский жакет — широкая однобортная куртка с поясом.

15

Джон о'Гротс — самая северная точка Шотландии.

16

Глас народа, глас божий (лат.)